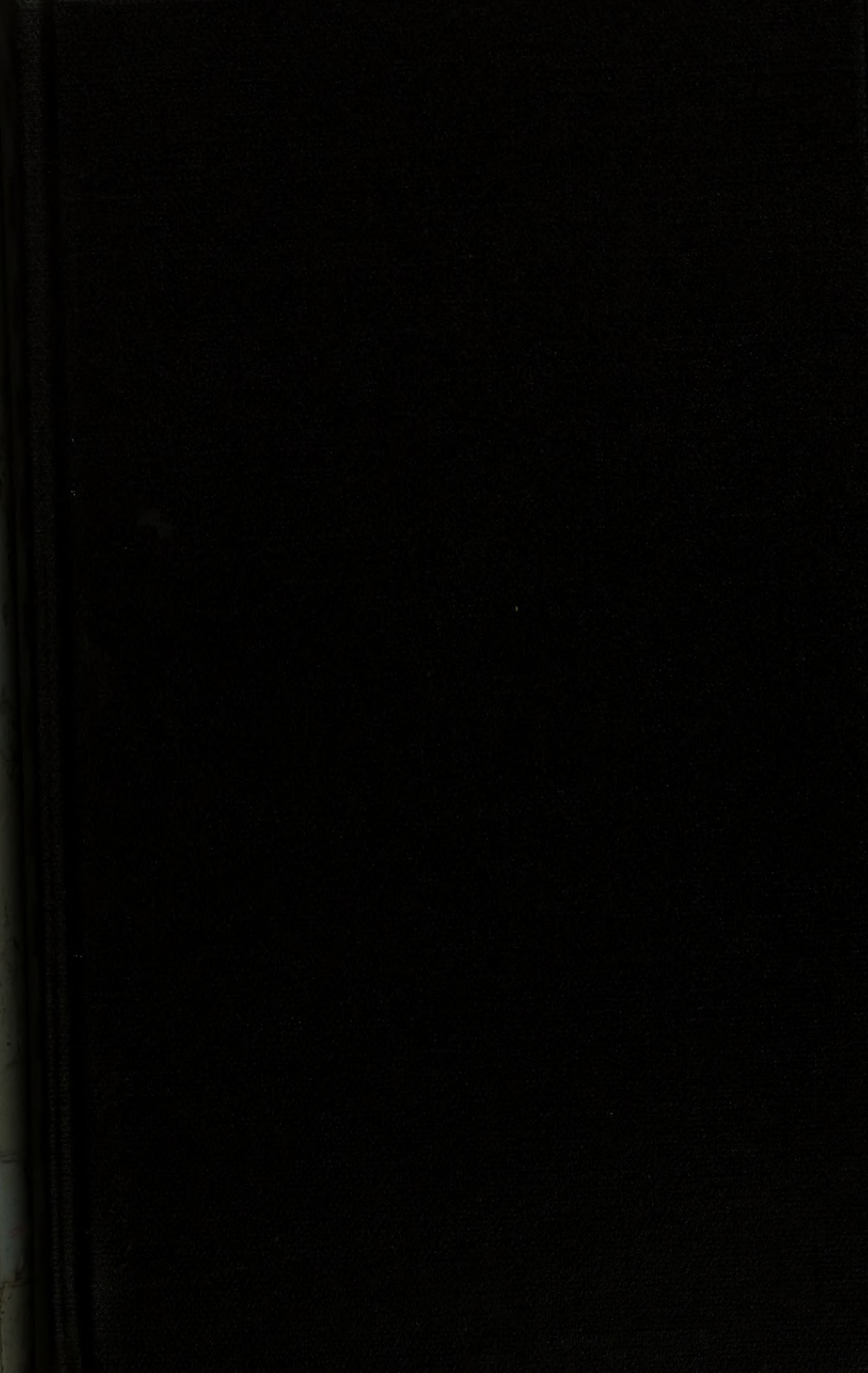

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozriěnie.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

РАННІЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Студенчество. — Семейство Григорьевыхъ. — Жизнь въ ихъ домѣ.—Аполлонъ Григорьевъ. — Стихи. — Философія. — Студенческія бесѣды.—А. В. Новосильцевъ.—С. М. Соловьевъ.—Кн. В. А. Черкасскій.—Н. М. О—въ.—Я. П. Полонскій. -К. Д. Кавелинъ. -Студицкій.—Проф. Н. И. Крыловъ.—Театръ.—П. С. Мочаловъ. — М. С. Щепкинъ. — П. М. Садовскій.—Живокини. — Экзамены. — Дорога.—Лѣто въ деревнѣ.—Эпизодъ съ m-lle Б.

Еще въ пансіонѣ М. П. Погодина хромой учитель всеобщей исторіи Ив. Дм. Бѣляевъ постоянно говорилъ мнѣ съ восторгомъ о своемъ ученикѣ Аполлонѣ Григорьевѣ и обѣщалъ познакомить насъ послѣ вступленія нашего въ университетъ. Я встрѣтилъ симпатичный пріемъ въ домѣ Григорьевыхъ, предложившихъ отцу моему оставить меня у нихъ за извѣстное вознагражденіе. Предложеніе это было принято отцомъ съ величайшимъ удовольствіемъ, и послѣ Новаго года я перебрался къ нимъ отъ Погодина.

Домъ Григорьева, съ параднымъ крыльцомъ со двора, состоялъ изъ каменнаго подвальнаго этажа, занимаемаго кухней, служившею въ то же время и помѣщеніемъ для людей, и опиравшагося на немъ деревяннаго этажа, представлявшаго, какъ большинство русскихъ домовъ, вѣнокъ комнатъ, расположенныхъ вокругъ печей. Съ одной стороны дома, обращенной окнами къ подъѣзду, была передняя, зала, угольная гостиная съ окнами на улицу и далѣе по другую сторону дома столовая, затѣмъ корридоръ, идущій обратно по направленію къ главному входу. По этому корридору была хозяйская спальня и дѣвичья. Если къ этому прибавить еще комнату налѣво изъ передней, выходящую окнами въ небольшой садъ, то перечислены будутъ всѣ помѣщенія, за исключеніемъ антресолей. Антресоли, куда вела узкая

лѣстница съ двумя заворотами, представляли два совершенно симметрическихъ отдѣленія, раздѣленныя перегородкой. Въ каждомъ отдѣленіи было еще по поперечной перегородкѣ, въ качествѣ небольшихъ спаленъ. Впослѣдствіи я узналъ что въ правомъ отдѣленіи, занятомъ мною, долго проживалъ дядька французъ, тогда какъ молодой Аполлонъ Александровичъ жилъ въ отдѣленіи налѣво, которое занималъ и въ настоящее время. Французъ кончилъ свою карьеру у Григорьевыхъ, по разсказамъ Александра Ивановича, тѣмъ, что за годъ до поступленія Аполлона въ университетъ, напился на Святой до того, что, не различая лѣстницы, слетѣлъ внизъ по всѣмъ ступенькамъ. Разсказывая объ этомъ, Александръ Ивановичъ прибавлялъ: „снисшелъ еси въ преисподняя земли.“

Для меня слѣдомъ многолѣтняго пребыванія француза являлось превосходное знаніе Аполлономъ французскаго языка съ одной стороны и съ другой безсмысленное повтореніе пьянымъ поваромъ Игнатомъ французскихъ словъ, которыхъ онъ наслушался, прислуживая гувернеру.

— „Команъ ву порте ву? Вуй, мосье. Пранъ дю те.“

Ал. Ив. Григорьевъ и родной братъ его Николай Ивановичъ родились въ семьѣ Владимірскаго помѣщика; но, поступя на службу, отказались отъ небольшаго имѣнія въ пользу преклонной матери и двухъ, если не трехъ, сестеръ, старыхъ дѣвицъ. Николай Ивановичъ служилъ въ какомъ то пѣхотномъ полку, а Александра Ивановича я засталъ секретаремъ въ московскомъ магистратѣ. Жалованье его, конечно, по тогдашнему времени было ничтожное, а размѣровъ его дохода я даже и приблизительно опредѣлить не берусь. Дѣло въ томъ, что жили Григорьевы если не изящно, зато въ изобиліи, благодаря занимаемой имъ должности.

Лучшая провизія къ рыбному и мясному столу появлялась изъ охотнаго ряда даромъ. Полагаю, что кормъ пары лошадей и прекрасной молочной коровы, которыхъ держали Григорьевы, имъ тоже ничего не стоилъ.

По затруднительности тогдашнихъ путей сообщенія, Григорьевы могли снабжать мать и сестеръ только вещами, не подвергающимися порчѣ, но зато послѣдними къ праздникамъ не скупились. Къ Святой или по просухѣ чрезъ знакомыхъ подрядчиковъ высылался матери годовой запасъ чаю, кофею и краснаго товару.

Въ шести-лѣтнее пребываніе мое въ домѣ Григорьевыхъ я успѣлъ лично познакомиться съ гостившими у нихъ матерью и сестрами.

Но о холостой жизни Александра Ивановича и женитьбѣ его на Татьянѣ Андреевнѣ я могъ составить только отрывочныя понятія изъ словъ дебелой жены повара Лукерьи, приходившей въ отсутствіе Григорьевыхъ, отца и сына, наверхъ убирать комнаты и ненавидѣвшей свою госпожу до крайности. Отъ Лукерьи я слыхалъ, что служившій первоначально въ сенатѣ Александръ Ивановичъ увлекся дочерью кучера и, вслѣдствіе препятствія со стороны своихъ родителей къ браку, предался сильному пьянству. Вслѣдствіе этого онъ потерялъ мѣсто въ Сенатѣ и, прижившъ съ возлюбленною сына Аполлона, былъ поставленъ въ необходимость обвѣнчаться съ предметомъ своей страсти. Когда я зазналъ Алекс. Ив., то онъ не бралъ въ ротъ капли горячительныхъ напитковъ. Такъ какъ, вѣрный привычкѣ не посѣщать лекцій, я оставался дома, то, проходя за чѣмъ либо внизу, не разъ слыхивалъ, какъ Татьяна Андреевна громкимъ шепотомъ читала старинные романы, вродѣ „Постоялый дворъ", и слыша шипящіе звуки: „по—слѣѣѣ-воос-хоож-деее-ні-яяя солн-цааа", я убѣдился, что грамота нашей барынѣ не далась, и что о чтеніи писаннаго у нея не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе голосъ ея былъ въ домѣ рѣшающимъ, и едва ли во многихъ отношеніяхъ не съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ голосъ самого старика. Осуждать всегда легко, но видѣть и понимать далеко не легко. А такъ какъ домъ Григорьевыхъ былъ истинною колыбелью моего умственнаго я, то позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ въ надеждѣ, что онѣ и мнѣ, и читателю помогутъ разъяснить полное мое перерожденіе изъ безсознательнаго въ болѣе сознательное существо. Добродушный и шутливый по природѣ, Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ совершенно безпечный. Это основное качество онъ передалъ и сыну. Я нерѣдко присутствовалъ при незначительныхъ наставленіяхъ матери сыну, но никогда не слыхалъ, чтобы она наставляла своего мужа. Тѣмъ не менѣе чувствовалось въ воздухѣ, что тотъ заматерѣлый догматизмъ, подъ которымъ жилъ весь домъ, исходилъ отъ Татьяны Андреевны, а не отъ Александра Ивановича, который по рефлексіи догматически и беззавѣтно подчинялся своей женѣ.

Утромъ въ $7^1/_2$ часовъ лѣтомъ и зимой, когда я еще валялся

на кровати, Аполлонъ Ал., или, какъ родители его называли, Полошенька, вскакивалъ съ кровати, одѣвался и бѣжалъ въ залу къ рояли, чтобы звуками какой либо сонаты будить родителей. Въ 8 часовъ отецъ до половины одѣтый, но въ теплой фуфайкѣ и ермолкѣ на обнаженной головѣ, выходилъ вмѣстѣ съ женой, одѣтою въ капотъ и неизмѣнный чепчикъ съ оборкою, въ столовую къ готовому самовару. Тамъ небольшая семья пила чай, присылая мнѣ мою кружку наверхъ. Затѣмъ Александръ Ивановичъ, наполнивъ свѣже-стертымъ табакомъ круглую табакерку, шелъ въ спальню перемѣнить ермолку на рыжеватый, деревяннымъ масломъ подправленный, парикъ и, надѣвъ форменный фракъ, поджидалъ Аполлона, который въ свою очередь въ студенческомъ сюртукѣ и фуражкѣ бѣжалъ пѣшкомъ за отцомъ черезъ оба каменныхъ моста и Александровскій садъ до Манежа, гдѣ Аполлонъ сворачивалъ въ университетъ, а отецъ продолжалъ путь до присутственныхъ мѣстъ. Къ двумъ часамъ обыкновенно кучеръ Василій выѣзжалъ за Аполлономъ, а старикъ большею частію возвращался домой пѣшкомъ. Въ три часа мы всѣ четверо сходились внизу въ столовой за сытнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда старики отправлялись вздремнуть, а мы наверхъ—предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ, состоявшимъ главнымъ образомъ для Аполлона или въ зубреніи лекцій или въ чтеніи, а для меня отчасти тоже въ чтеніи, прерываемомъ постоянно возникающимъ побужденіемъ помѣшать Аполлону и увлечь его изъ автоматической жизни памяти хотя бы въ самую нелѣпую жизнь всякаго рода причудъ. Въ 8 часовъ мы снова нерѣдко сходили чай пить и затѣмъ уже возвращались въ свои антресоли до слѣдующаго утра. Такъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые Аполлонъ шелъ съ отцемъ къ обѣднѣ къ Спасу въ Наливкахъ, проходили дни за днями безъ малѣйшихъ измѣненій.

Казалось, трудно было бы такъ близко свести на долгіе годы двѣ такихъ противоположныхъ личности, какъ моя и Григорьева. Между тѣмъ насъ соединяло самое живое чувство общаго бытія и врожденныхъ интересовъ. Я зналъ и чувствовалъ, до какой степени Григорьевъ, среди стѣснительной догматики домашней жизни, дорожилъ каждой свободною минутой для занятій; а между тѣмъ я всѣми силами старался мѣшать ему, прибѣгая иногда къ пыткѣ, выстраданной еще въ Верро и состоящей въ томъ, чтобы, поймавъ съ обѣихъ сторонъ кисти рукъ своей жертвы и под-

сунувъ въ нихъ снизу подъ ладони большіе пальцы, вдругъ вывернуть обѣ свои кисти, не выпуская рукъ противника, изъ середины ладонями кверху; при этомъ не ожидавшій такого мучительнаго и безпомощнаго положенія рукъ противникъ лишается всякой возможности защиты. При такихъ отношеніяхъ надо было бы ожидать между нами враждебныхъ чувствъ, но въ сущности было наоборотъ. Я отъ души любилъ свою жертву, а Аполлонъ своего мучителя, и если слово воспитаніе не пустой звукъ, то наше сожительство лучше всего можно сравнить съ точеніемъ одного ножа о другой, хотя современемъ лезвія ихъ получатъ совершенно различное значеніе.

Связующимъ насъ интересомъ оказалась поэзія, которой мы старались упиться всюду, гдѣ она намъ представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену.

Начать съ того, что Александръ Ивановичъ самъ склоненъ былъ къ стихотворству и написалъ комедію, изъ которой отрывки нерѣдко декламировалъ съ жестами; но Аполлонъ видимо стыдился грубаго и безграмотнаго произведенія отцовской музы. Зато самъ онъ съ величайшимъ одушевленіемъ декламировалъ свою драму въ стихахъ подъ названіемъ: „Вадимъ Нижегородскій“. Помню, какъ, надѣвъ шлафрокъ на опашку, вродѣ простонароднаго кафтана, онъ, войдя въ дверь нашего кабинета, бросался на полъ, восклицая:

„О, земля моя родимая,
Край отчизны, снова вижу васъ!..
Ужь три года протекли съ тѣхъ поръ,
Какъ разстался я съ отечествомъ.
И тѣ три года за цѣлый вѣкъ
Показались мнѣ, несчастному.“

Конечно, въ то время я еще не былъ въ силахъ видѣть все неуклюжее пустозвонство этихъ мертворожденныхъ фразъ; но что это неладно, я тотчасъ почувствовалъ и старался внушить это и Григорьеву. Такъ родилась эпиграмма:

Григорьевъ, музами водимъ,
Налилъ чернилъ на соръ бумажный
И вопіетъ съ осанкой важной:
Вострепещите!—мой Вадимъ.

Писалъ Аполлонъ и лирическія стихотворенія, выражавшія отчаяніе юноши по случаю отсутствія въ немъ поэтическаго таланта.

„Я не поэтъ, о, Боже мой!“ восклицалъ онъ:

„Зачѣмъ же злобно такъ смѣялись,
Такъ ядовито насмѣхались
Судьба и люди надо мной?“

По этимъ стихамъ надо было бы ожидать въ Аполлонѣ зависти къ моимъ стихотворнымъ попыткамъ. Но у меня никогда не было такого ревностнаго поклонника и собирателя моихъ стихотворныхъ набросковъ, какъ Аполлонъ. Въ скорости послѣ моего помѣщенія у нихъ въ домѣ моя желтая тетрадка замѣнена была тетрадью, тщательно переписанною рукой Аполлона.

Бывали случаи, когда мое вдохновеніе воплощало переживаемую нами сообща тоскливую пустоту жизни. Сидя за однимъ столомъ въ теченіи долгихъ зимнихъ вечеровъ, мы научились понимать другъ друга на полусловѣ, причемъ отрывочныя слова лишенныя всякаго значенія для посторонняго, приносили намъ съ собою цѣлую картину и связанное съ ними знакомое ощущеніе.

— Помилуй, братецъ, восклицалъ Аполлонъ:—чего стоитъ эта печка, этотъ столъ съ нагорѣвшей свѣчею, эти замерзлыя окна? Вѣдь это отъ тоски пропасть надо!

И вотъ появилось мое стихотвореніе.

„Не ворчи мой котъ мурлыка“...—долго приводившее Григорьева въ восторгъ. Чутокъ онъ былъ на это, какъ эолова арфа.

Помню, въ какое восхищеніе приводило его маленькое стихотвореніе „Котъ поетъ, глаза прищуря“, надъ которымъ онъ только восклицалъ:—Боже мой, какой счастливецъ этотъ котъ и какой несчастный мальчикъ!—

Аполлонъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ и литературой, и при нашей встрѣчѣ я засталъ его погруженнымъ въ Notre Dame de Paris и драмы Виктора Гюго. Но главнымъ въ то время идоломъ Аполлона былъ Ламартинъ. Послѣднее обстоятельство было выше силъ моихъ. Не смотря на увлеченіе, съ которымъ я самъ перевелъ „Озеро“ Ламартина, я сталъ фактически, чтеніемъ вслухъ убѣждать Григорьева въ невозможной прозаичности безконечныхъ стиховъ Ламартина и довелъ Гри-

горьева до того, что онъ сталъ бояться чтенія Ламартина, какъ фрейлины Анны Іоанновны боялись чтенія Тредьяковскаго. Зато, какъ описать восторгъ мой, когда послѣ лекціи, на которой Ив. Ив. Давыдовъ съ похвалою отозвался о появленіи книжки стиховъ Бенедиктова, я побѣжалъ въ лавку за этой книжкой?!

— Что стоитъ Бенедиктовъ? спросилъ я приказчика.

— Пять рублей,—да и стоитъ. Этотъ почище Пушкина-то будетъ.

Я заплатилъ деньги и бросился съ книжкою домой, гдѣ цѣлый вечеръ мы съ Аполлономъ съ упоеніемъ завывали при ея чтеніи. Но, поддаваясь Байроновско-французскому романтизму Григорьева, я вносилъ въ нашу среду не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды Гете. Талантливый Григорьевъ сразу убѣдился, что безъ нѣмецкаго языка серьезное образованіе невозможно, и, при своей способности, прямо садился читать Нѣмцевъ, спрашивая у меня незнакомыя слова и обороты. Черезъ полгода Аполлонъ рѣдко уже прибѣгалъ къ моему оракулу, а затѣмъ сталъ самостоятельно читать философскія книги, начиная съ Гегеля, котораго ученіе, распространяемое московскими юридическими профессорами съ Рѣдкинымъ и Крыловымъ во главѣ, составляло главнѣйшій интересъ частныхъ бесѣдъ студентовъ между собою. Объ этихъ бесѣдахъ нельзя не вспомянуть, такъ какъ настоящимъ заглавіемъ ихъ должно быть *Аполлонъ Григорьевъ*.. Какъ это сдѣлалось, трудно разсказать попорядку; но дѣло въ томъ, что со временемъ, по крайней мѣрѣ черезъ воскресенье, на нашихъ мирныхъ антресоляхъ собирались наилучшіе представители тогдашняго студенчества. Появлялся товарищъ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцевъ, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своимъ голосомъ, переходящимъ въ высокій фальцетъ, онъ утверждалъ, что московскій университетъ построенъ по тремъ идеямъ: тюрьмы, казармы и скотнаго двора, и его шуринъ приставленъ къ нему въ качествѣ скотника. Приходилъ постоянно записывавшій лекціи и находившій еще время давать уроки будущій историіографъ С. М. Соловьевъ. Онъ, по тогдашнему времени, былъ чрезвычайно начитанъ и, располагая карманными деньгами, неоднократно выручалъ меня изъ бѣды, давая десять рублей взаймы. Являлся веселый, ироническій князь Влад. Ал. Черкасскій, съ своимъ прихихикиваніемъ черезъ зубы, вы-

дающіеся впередъ нижней челюстью. Снизу то и дѣло прибывали новые подносы со стаканами чаю, ломтиками лимона, калачами, сухарями и сливками. А между тѣмъ въ небольшихъ комнатахъ стоялъ стонъ отъ разговоровъ, споровъ и взрывовъ смѣха. При этомъ ни малѣйшей тѣни какихъ-либо соціальныхъ вопросовъ. Возникали одни отвлеченные и общіе: какъ, напримѣръ, понимать по Гегелю отношеніе разумности къ бытію?

— Позвольте, господа, — восклицалъ добродушный Н. М. О—въ,—доказать вамъ бытіе Божіе математическимъ путемъ. Это неопровержимо.

Но не нашлось охотниковъ убѣдиться въ неопровержимости этихъ доказательствъ.

— Конечно,—кричалъ свѣтскій и юркій Жихаревъ,—Полонскій несомнѣнный талантъ. Но мы, господа, непростительно проходимъ мимо такой поэтической личности, какъ Кастаревъ:

Земная жизнь могла здѣсь быть случайной,
Но не случайна мысль души живой.

— Кажется, господа, стихи эти не требуютъ сторонней похвалы.

— Натянутость мысли,—говоритъ прихихикивая Черкасскій,— не всегда бываетъ признакомъ ея глубины, а иногда прикрываетъ совершенно противоположное качество.

— Это противоположное,—пищитъ своимъ фальцетомъ Новосильцевъ,—имѣетъ нѣсколько степеней: il y a des sots simples, des sots graves et des sots superfins.

Что касается до меня, то едва ли я былъ не однимъ изъ первыхъ, почуявшихъ несомнѣнный и оригинальный талантъ Полонскаго. Я любилъ встрѣчать его у насъ наверху до прихода еще многочисленныхъ и задорныхъ спорщиковъ, такъ какъ надѣялся услыхать новое его стихотвореніе, которое читать въ шумномъ сборищѣ онъ не любилъ. Помню, въ какомъ восторгѣ я былъ, услыхавъ въ первый разъ:

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ,
Искры гаснутъ на лету...

Появлялся чрезвычайно прилежный и сдержанный С. С. Ивановъ, впослѣдствіи товарищъ попечителя московскаго университета. Съ великимъ оживленіемъ спорилъ, сверкая очками и темными глазками, кудрявый К. Д. Кавелинъ, котораго кабинетъ въ домѣ родителей являлся въ свою очередь сборнымъ пунктомъ нашего кружка.

Приходилъ къ намъ и весьма способный и энергичный, Шекспиру и въ особенности Байрону преданный, Студицкій. Жаль, что въ настоящее время я не помню ни одного изъ превосходныхъ его стихотворныхъ переводовъ еврейскихъ мелодій Байрона. Вынужденный тоже давать уроки, онъ всѣмъ выхвалялъ поэтическій талантъ одного изъ своихъ учениковъ, помнится Карелина. Изъ приводимыхъ Студицкимъ стиховъ юноши, въ которыхъ говорится о противоположности чувствъ, возбуждаемыхъ въ немъ окружающимъ его буйствомъ жизни, я помню только четыре стиха:

Какъ часто, внимая ихъ пѣснямъ разгульнымъ,
Одинъ я межъ всѣми молчу,
Какъ часто, внимая словамъ богохульнымъ,
Тихонько молиться хочу.

Что Григорьевъ съ 1-го же курса совершенно безнамѣренно сдѣлался центромъ мыслящаго студенческаго кружка, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Григорьевъ былъ записанъ слушателемъ и въ числѣ другихъ былъ причиной неоднократно повторяемой деканомъ юридическаго факультета Крыловымъ остроты, что слушатели и суть дѣйствительные слушатели. Вспоминаю объ этомъ, желая указать на то, что какой-то слушатель Григорьевъ не могъ представлять никакого интереса въ глазахъ властительнаго и блестящаго попечителя графа Строганова. Между тѣмъ Аполлонъ былъ потребованъ къ попечителю, который спросилъ его по-французски,—имъ ли было написано французское разсужденіе, поданное при полугодичномъ испытаніи? Оно такъ хорошо,—прибавилъ графъ,—что я усомнился, чтобы оно было писано студентомъ, и на утвердительный отвѣтъ Григорьева прибавилъ: „vous faites trop parler de vous; il faut vous effacer.“

Нагляднымъ доказательствомъ участія, возбуждаемаго Аполлономъ Григорьевымъ въ преподавателяхъ можетъ служить то обстоятельство, что мало-общительный деканъ Никита Ивановичъ Крыловъ,—недавно женившійся на красавицѣ Люб. Ѳед. Коршъ,—выходя съ лекціи, пригласилъ Аполлона въ слѣдующее воскресенье къ себѣ пить чай. Конечно, Аполлонъ съ торжествомъ объявилъ объ этомъ родителямъ и вечеромъ въ воскресенье вернулся обвороженный любезностью хозяйки и ея матери, пріѣзжавшей на вечеръ съ двумя дочерьми.

Аполлонъ разсказывалъ мнѣ, что вдова генеральша Коршъ

цѣлый вечеръ толковала съ нимъ о Жоржъ-Зандъ и къ великому его изумленію говорила наизусть мои стихи, а въ довершеніе просила привести меня и представить ей. Мы оба не раскаялись, что воспользовались любезнымъ приглашеніемъ.

45-лѣтняя вдова была второю женою покойнаго заслуженнаго доктора Корша и, несмотря на крайнюю ограниченность средствъ, умѣла придать своей гостиной и двумъ молодымъ дочерямъ, Антонинѣ и Лидіи, совершенно приличный, чтобы не сказать изящный, видъ. Я не видалъ ихъ никогда иначе, какъ въ бѣлыхъ полубальныхъ платьяхъ. Иногда на вечера къ матери пріѣзжала старшая ея дочь, можно сказать, идеальная красавица Куманина. Идеаломъ всѣхъ этихъ дамъ была Консвелло Жоржъ-Зандъ, и всѣ ихъ симпатіи, по крайней мѣрѣ на словахъ, склонялись въ эту сторону. Въ скоромъ времени за вечернимъ чаемъ у нихъ мы стали встрѣчать Конст. Дм. Кавелина, который, состоя едва ли уже не на 4-мъ курсѣ, видимо интересовался обществомъ молодыхъ дѣвушекъ. Надо сказать правду, что хотя меньшая далеко уступала старшей въ выраженіи какой-то воздушной граціи и къ тому же, торопясь высказать мысль, нерѣдко заикалась, но обѣ онѣ, прекрасно владѣя новѣйшими языками, отчасти музыкой и, при извѣстномъ свободомысліи, хорошими манерами, могли для молодыхъ людей быть привлекательными.

Не берусь опредѣлить времени, когда намъ стало извѣстно, что старшая Антонина дала слово выйти за Кавелина.

Надо отдать справедливость старикамъ Григорьевымъ, что они были чрезвычайно щедры на всѣ развлеченія, которыя могли, по ихъ мнѣнію, помогать развитію сына. Въ этомъ случаѣ первое мѣсто занималъ Большой и Малый (французскій) театры. Хотя мы нерѣдко наслаждались съ Григорьевымъ изящною и тонкою игрой Французовъ, но главнымъ источникомъ наслажденій былъ для насъ Большой театръ съ Мочаловымъ въ драмѣ, Ферзингомъ, Нейрейтеръ и Бекомъ въ оперѣ. Что̀ сказать объ игрѣ Мочалова, о которой такъ много было говорено и писано въ свое время? Не одни мы съ Григорьевымъ, сидя рядомъ, подпадали подъ власть очарователя, заставлявшаго своимъ язвительнымъ шепотомъ замирать весь театръ сверху до низу. При дальнѣйшемъ ходѣ воспоминаній придется разсказать, какъ однажды я былъ изумленъ наивнымъ отношеніемъ Мочалова къ произведеніямъ литературы вообще. Въ настоящую минуту, озираясь на Мочалова въ Гамлетѣ по преимуществу, я не умѣю ничѣмъ дру-

гимъ объяснить магическаго дѣйствія его игры, кромѣ его неспособности понимать Шекспира во всемъ его объемѣ. Понимать Шекспира или даже одного Гамлета—дѣло далеко не легкое, и подобно тому, какъ виртуозу, разыгрывающему музыкальную піесу, невозможно сознательно брать каждую отдѣльную ноту, а достаточно понимать характеръ самой піесы, такъ и чтецу нѣтъ возможности сознательно подчеркивать каждое отдѣльное выраженіе, а достаточно понимать общее содержаніе. Но въ этомъ-то смыслѣ я рѣшаюсь утверждать, что Мочаловъ совершенно не понималъ Гамлета, игрой котораго такъ прославился. Мочаловъ былъ по природѣ страстный, чуждый всякой рефлексіи человѣкъ. Эта страстность вынуждала его прибѣгать къ охмѣляющимъ напиткамъ, и тутъ онъ былъ воплощеніемъ того, что Островскій выразилъ словами: „не препятствуй моему нраву". Поэтому онъ не игралъ роли необузданнаго человѣка: онъ былъ такимъ и гордился этимъ въ кругу своихъ приверженцевъ. Онъ не игралъ роли героя, влюбленнаго въ Офелію или въ Веронику Орлову: онъ дѣйствительно былъ въ нее безумно влюбленъ. Онъ дѣйствительно считалъ себя героическимъ лицомъ, и когда однажды, получивъ небольшое жалованіе, давно ожидаемое нуждавшимся семействомъ, онъ вышелъ изъ кассы, то на просьбу хромаго инвалида, подавая всѣ деньги, сказалъ: „выпей за здоровье Павла Степановича Мочалова". Однажды, выпивъ подъ Донскимъ монастыремъ съ друзьями весь запасъ вина, онъ отправилъ къ настоятелю такую записку: „у Павла Степановича Мочалова нѣтъ болѣе ни капли вина, и онъ надѣется на подкрѣпленіе изъ вашего благодатнаго погреба". Говорили, что подкрѣпленіе прибыло. Итакъ, мнѣ кажется, что Мочаловъ искалъ не воспроизведенія извѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться предъ публикой во всю ширь своей духовной безшабашности. Онъ совершенно упускалъ изъ виду, что Гамлетъ слабое нерѣшительное существо, на плечи котораго сверхъестественная сила взвалила непосильное бремя, и который за постоянною рефлексіей желаетъ скрыть томящую его нерѣшительность; онъ не въ состояніи разсмотрѣть, что ироническихолодное отношеніе Гамлета къ Офеліи явилось не вслѣдствіе какого-либо проступка со стороны послѣдней, а единственно потому, что, со времени роковаго открытія, ему не до мелочей женской любви. Онъ не понималъ, что въ рѣшительныя минуты слабый человѣкъ высказываетъ вспыльчивость, которой можетъ

позавидовать любая энергія. Зато сколько блистательныхъ случаевъ представлялъ Гамлетъ Мочалову высказать собственную необузданность! Какое дѣло, что язвительность ироніи Гамлета есть только проявленіе непосильнаго внутренняго страданія? Гамлетъ-Мочаловъ не бѣжитъ отъ страданія въ иронію, а напротивъ всею силой предается ей, какъ прирожденному элементу, и конечно при такомъ условіи нервы зрителя держись... Гамлетъ-Мочаловъ страстно любитъ свою Офелію и терзаетъ ее отъ избытка любви. Нечего разбирать, говоритъ ли мучительная иронія устами Гамлета или дѣйствительное сумасшествіе; но эта иронія—удобный случай порывистому Мочалову высказать свое безумное недовольство окружающимъ міромъ. И вотъ, помимо роковаго конфликта случайныхъ событій съ психологическою подкладкой основнаго характера, помимо, такъ-сказать, вопроса „почему?“ окончательные результаты этого конфликта выступаютъ съ такою силой, что сокровеннѣйшая глубина аффекта внезапно развертывается предъ нами:

„И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.“

И дѣйствительно, зрителямъ становилось страшно... Когда Гамлетъ-Мочаловъ, увидавъ духъ своего отца, падаетъ на колѣни и, стараясь скрыть свою голову руками, трепетнымъ голосомъ произноситъ: „вы, ангелы святые, крылами своими меня закройте“, предъ зрителемъ возникалъ самый моментъ появленія духа, и выразить охватывавшаго насъ съ Аполлономъ чувства нельзя было ничѣмъ инымъ, какъ стараніемъ причинить другъ другу возможно сильнѣйшую боль щипкомъ или колотушкой. Было бы слишкомъ несправедливо приписывать намъ съ Григорьевымъ монополію потрясающихъ впечатлѣній, уносимыхъ изъ театра отъ игры Мочалова. Подъ власть этого впечатлѣнія подпадали всѣ зрители. Когда Мочаловъ своимъ змѣинымъ шепотомъ, ясно раздававшимся по всѣмъ ярусамъ, задерживалъ дыханіе зрителей, никто и не думалъ апплодировать: апплодисменты раздавались позднѣе, по мѣрѣ общаго отрезвленія. Что зрителямъ нуженъ былъ Мочаловъ, а не трагическое лицо, видно изъ того, что я самъ нѣсколько лѣтъ спустя видѣлъ Мочалова играющимъ Гамлета съ костылемъ и тѣмъ не менѣе вызывающаго все тоже во-

одушевленіе. Юноша, принцъ Гамлетъ на костылѣ—не лучшее ли это подтвержденіе нашей мысли? Ко времени, о которомъ я упоминаю только для связи разсказа, появился весьма красивый и самонадѣянный актеръ Славинъ; послѣдній, желая блеснуть общимъ образованіемъ, издалъ книгу афоризмовъ, состоявшую изъ безспорныхъ истинъ, вродѣ: Шекспиръ великъ, Шиллеръ вдохновененъ и т. д. Наконецъ послѣдовалъ его бенефисъ въ Гамлетѣ, а затѣмъ и слѣдующее стихотвореніе Дьякова:

О ты, восьмое чудо свѣта,
Кѣмъ опозоренъ самъ Шекспиръ,
Кто изуродовалъ Гамлета,
Купцы зовутъ тебя въ трактиръ.
Ступай, они тебя обнимутъ,
Какъ удальца, какъ молодца,
И дружно съ окорока снимутъ
Гнилые лавры для вѣнца
Тебя украсить, подлеца.

Не одинъ Мочаловъ оказался властителемъ нашихъ съ Григорьевымъ сердецъ: въ неменьшій восторгъ приводила насъ нѣмецкая опера. Трудно въ настоящую минуту опредѣлить, кто изъ насъ нащипывалъ восторгъ въ другомъ; но я долженъ сказать, что мы мало прислушивались къ общественной молвѣ и славѣ, и, наслаждаясь сценическимъ искусствомъ, увлекались не только несомнѣннымъ блескомъ таланта, сколько кровью сердца, если позволено такъ выразиться. Такъ мы съ наслажденіемъ слушали Роберта-Бека, и оставались совершенно равнодушными къ Голланду, нѣсколько запоздавшему со своею громадною репутаціей изъ Петербурга; но подобно тому, какъ насъ приводилъ на границу безумія Мочаловъ, влюбленный въ Орлову, такъ увлекалъ и влюбленный въ Алису-Нейретеръ Бертрамъ-Ферзингъ. Когда онъ, бывало, приподнявъ перегнувшуюся на лѣвой рукѣ его упавшую у часовни въ обморокѣ Алису и высоко занесши правую руку, выражалъ восторгъ своей близости къ этой безупречной чистотѣ фразой: „du zarte Blüme!“ потрясая театръ самою низкою нотой своего регистра, мы съ Григорьевымъ напропалую щипали другъ друга. Говоря о московскомъ театрѣ того времени, не могу не упомянуть о Щепкинѣ, какъ великомъ толкователѣ Фамусова и героевъ Гоголевскихъ комедій, о начинающемъ въ то время Садовскомъ и о любимцѣ русской комедіи —Живокини,

котораго публика каждый разъ, еще до появленія изъ-за кулисъ, привѣтствовала громомъ рукоплесканій. Зато, что же это былъ и за перлъ смѣшнаго! Хотя я отлично познакомился съ его лицомъ на сценѣ, но онъ гриммировался такъ мастерски, что иногда безъ афиши трудно было въ *Пилюляхъ* узнать вчерашняго *Льва Гурьича Синичкина*. Силу юмора Живокини мнѣ пришлось испытать на себѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Зашелъ я въ трактиръ, такъ называемый: „*Надъ желѣзнымъ*" (нынѣ Тѣстова), съѣсть свою обычную порцію мозговъ съ горошкомъ. Поджидая въ отдѣльной комнатѣ половаго, я сталъ на порогѣ въ большую общую залу и увидалъ противъ себя, за столомъ у окна, двухъ посѣтителей. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ знакомаго мнѣ на подмосткахъ Живокини и захотѣлъ воспользоваться случаемъ разсмотрѣть его при дневномъ освѣщеніи, насколько возможно лучше и подробнѣе. Должно быть вскинувшій глаза Живокини, въ свою очередь, замѣтилъ вперившаго въ него взоръ студента. Лицо его мгновенно приняло такое безнадежно глупое выраженіе, что я круто повернулся на каблукахъ и, разражаясь хохотомъ, влетѣлъ въ свою комнату.

Тогда въ балетѣ безраздѣльно царила Санковская. Даже безпощадный Ленскій, осыпавшій всѣхъ своими эпиграммами, говорилъ, что ея руки—ленты, и что ударъ ея носка въ полъ, въ завершеніе прыжка, всепобѣденъ.

Съ наступленіемъ Великаго поста все бросилось готовиться къ переходнымъ экзаменамъ. Принялся и я усердно за богословіе Петра Матвѣевича Терновскаго. Досталъ я себѣ также и усыпительныя лекціи роднаго его брата, Ивана Матвѣевича, читавшаго логику. При моемъ исконномъ знакомствѣ съ катехизисомъ, мнѣ не трудно было подготовиться изъ догматическаго богословія и я отвѣчалъ на четыре; но еслибы меня спросили изъ исторіи церкви, то я бы не отвѣтилъ даже на единицу. Послѣ счастливаго экзамена по богословію, я въ присутствіи профессора латинской словесности Крюкова, читавшаго начиная со втораго курса, экзаменовался изъ логики и къ несчастію вынулъ всѣ три билета изъ второй половины лекцій, которой не успѣлъ прочитать. Услыхавъ на третьемъ билетѣ мое: „и на этотъ не могу отвѣтить", онъ сказалъ: „а меня ваша четверка сильно интересуетъ, и я желалъ бы, чтобы вы перешли на второй курсъ. Не можете ли чего-либо отвѣтить по собственному соображенію?" И когда я понесъ невообразимый вздоръ, экзаменаторы переглянулись и

тѣмъ не менѣе поставили мнѣ тройку. Любезные лекторы французскаго и нѣмецкаго языковъ поставили мнѣ по пятеркѣ, а Погодинъ, по старой памяти, тоже поставилъ четверку изъ русской исторіи. Такимъ образомъ я, къ великой радости, перешелъ на второй курсъ.

На другой день по выдержаніи экзамена я, надѣвъ свѣжія лайковыя перчатки, обѣщалъ ямщику, везшему меня на перекладной, полтинникъ на водку, если онъ меня промчитъ во весь духъ мимо оконъ дѣвицъ Коршъ, которыя, конечно, только случайнымъ и самымъ невѣроятнымъ образомъ могли видѣть меня въ такомъ побѣдоносномъ видѣ.

Помню, какое освѣжительно-радостное впечатлѣніе произвели на меня зеленѣющія поля и деревья, когда я выѣхалъ за заставу пыльной и грохочущей Москвы на мягкую грунтовую дорогу (такъ-какъ въ то время даже Московско-Курскаго шоссе еще не существовало). Но губительная медленность почтовой тройки была слишкомъ тяжела для счастливаго студента, перешедшаго на слѣдующій курсъ. Приходилось, во избѣжаніе скуки, во время пути предаваться всевозможнымъ мечтамъ, а на станціяхъ тщательному пересмотру лубочныхъ картинъ, фельдмаршаловъ, топчущихъ подъ собою арміи, и карандашныхъ надписей по всѣмъ дверямъ и оконнымъ притолкамъ.

Видно, та же тоска, которая вынуждала меня читать подобныя надписи, вынуждала другихъ писать ихъ. Память сохранила мнѣ одну изъ нихъ, прочтенную на окнѣ Подольской гостиницы. Начала стихотворенія я не помню; это было описаніе разнородныхъ порывовъ, возникающихъ въ душахъ путешественниковъ; оно заключалось словами:

„Такъ что нѣкая проѣзжая дѣвица
Не могла себя въ томъ побѣдить,
Не могла себя на мѣстѣ усадить,
А бѣгала по корридору,
Аки перепелица.“

Въ Тулѣ, по крайней ограниченности денежныхъ средствъ, я купилъ себѣ пистонное ружье, но только одноствольное, помнится, не дороже 10 рублей. Какъ выдержившій экзаменъ, я былъ принятъ и дома, и у дяди съ большимъ радушіемъ. Еще зимой я познакомился съ восьмнадцатилѣтнею гувернанткой моихъ сестренокъ, Анюты и Нади. У нея были прекрасные голубые глаза и

хорошіе темнорусые волосы, но профиль свѣжаго лица былъ совершенно неправиленъ, тѣмъ не менѣе она своею молодостью могла нравиться мужчинамъ, если судить по возгласамъ, которые я самъ слышалъ среди мужчинъ, при ея появленіи съ воспитанницами на Ядринѣ, въ именины дяди 29 іюня. Еще зимой замѣтилъ я, что она съ видимымъ удовольствіемъ принимала отъ меня знаки вниманія, обязательнаго, по мнѣнію моему, для всякаго благовоспитаннаго юноши по отношенію къ женщинѣ. Въ настоящій пріѣздъ вниманіе наше другъ къ другу скоро перешло во взаимное влеченіе. Понятно, что въ присутствіи отца и матери мы за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ старались сохранять полное равнодушіе. Но стоило одному изъ насъ случайно поднять взоръ, чтобы встрѣтить взглядъ другаго. Невольные маневры эти, вѣроятно, стали кидаться въ глаза постороннимъ, такъ какъ однажды мать сдѣлала мнѣ наединѣ по этому поводу замѣчаніе.

Бѣднаго Фритче я едва узналъ, до того болѣзнь его изнурила. Не взирая на самый материнскій уходъ со стороны матери моей, бѣдный нѣмецъ сталъ, что называется, кости да кожа. Не будучи въ состояніи давать брату Васѣ уроковъ, онъ сначала сидѣлъ въ халатѣ въ своей комнатѣ на креслахъ, а затѣмъ пересталъ вставать съ постели,—и въ самомъ скоромъ времени скромный темно-красный гробъ, поставленный на дроги и предшествуемый нашимъ сельскимъ отцомъ Яковомъ, не отказавшимся проводить лютеранина до могилы, былъ черезъ рощу повезенъ къ сельскому кладбищу, провожаемый нами и плачущею матерью нашей. На купленномъ въ Тулѣ ружьѣ мнѣ пришлось испытать справедливость двухъ русскихъ пословицъ: „гдѣ тонко, тамъ и рвется“, и „дешево да гнило, дорого да мило“. Пришлось перемѣнить брандрурку, расплющившуюся послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; но въ это время на помощь моей бѣдѣ пріѣхалъ бывшій буфетчикъ Павелъ Тимоѳеевичъ, въ настоящее время завѣдывавшій распродажей части дубоваго лѣса, доставшейся по наслѣдству отцу совмѣстно съ двумя меньшими братьями.

— П-п-пожалуйте, баринъ, мнѣ ружье, я все равно завтра ѣду въ Орелъ и въ одинъ день исправлю его у ружейника.

Къ услугамъ Павла была предоставлена въ лѣсу надежная, но слѣпая, бѣлая лошадь и телѣжка. На этой телѣжкѣ Павелъ Тимоѳеевичъ и совершалъ свои служебные переѣзды. Вѣроятно за послѣдніе дни и отецъ нетерпѣливо поджидалъ пріѣзда Павла Тимоѳеевича съ окончательными разсчетами по лѣснымъ кни-

гамъ и съ причитающимися деньгами. Раза два мы уже слышали восклицаніе отца:—что это Павлушка не ѣдетъ?

Однажды утромъ, когда послѣ чаю отецъ вернулся во флигель, а я послѣдовалъ за нимъ, на порогѣ его кабинета появился Павелъ Тимоѳеевичъ.

— Что такъ долго? спросилъ отецъ.

— Н-н-не-несчастье случилось, — отвѣчалъ Павелъ Тимоѳеевичъ,—чуть не потонулъ на Сатыевскомъ броду. Послѣ проливнаго дождя вода привалила къ плотинѣ, а я ничего не знаю, ѣду черезъ бродъ съ Дуняшей Никифоровой: она просила захватить ее изъ Орла отъ модистки дня на два въ Новоселки къ отцу съ матерью. Ѣдемъ мы на слѣпомъ и почти ужь переѣхали рѣчку; какъ, гдѣ ни бымши, вода прорвала плотину и прямо бревномъ покатила къ намъ. Приподняло водой телѣжный ящикъ, да насъ съ Дуняшей и вонъ. Къ счастью, она въ карнолинѣ, какъ волчекъ кружится, плаваетъ; а я ужь и не знаю, за что хвататься. Поймалъ Дуняшу за карнолинъ и тащу къ себѣ. Благо меринъ, знать, испугался воды и поперъ на берегъ телѣжку, которая хоть и опрокинулась, да не соскочила съ передка. Тащусь я за задокъ, который опять сталъ на корень, да тащу за собою Дуняшу; глянулъ, а телѣжный ящикъ пустъ: ни лѣсныхъ книгъ, ни Дуняшинаго узелка, ни своего новаго платья, ни ружья Аѳ. Аѳ.—нѣту. Сбѣгалъ я на мельницу, навязали мы грабли на палку, и давай гресть по руслу. Думаю ружье желѣзное, должно быть тутъ же на дно сѣло. Бились, бились, ничего не нашли,—такъ и бросили.

Не знаю, въ какой мѣрѣ отецъ увѣровалъ въ истинность разсказа, но, помня слѣпую вѣру его въ безупречность слугъ своихъ и замѣтивъ, какъ часто отчетныя книги подвергаются неожиданной пропажѣ, я отчасти склоненъ отнести приключеніе Павла Тимоѳеевича къ области миѳической.

Отецъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на пропажу моего ружья; за то при каждомъ свиданіи съ дядей я не переставалъ самымъ горестнымъ образомъ жаловаться на злобу судьбы.

— Да слышу, слышу,—сказалъ онъ однажды со смѣхомъ,—есть у меня про тебя двухствольное ружье, получше твоей тульской палки.

Въ Новоселкахъ я засталъ новую постройку, а именно флигель между кухней и домомъ на мѣсто предполагавшагося когда-то большаго дома. Въ этотъ новый флигель, состоявшій изъ двухъ комнатъ побольше и двухъ маленькихъ, въ томъ числѣ и перед-

няя, перешла мать, все болѣе и болѣе уступавшая недугу, увлекавшему ее въ уединеніе. Отецъ, попрежнему, если еще не болѣе, былъ въ отлучкахъ, занятый постройкой тимской мельницы и устройствомъ вновь полученной Грайворонки.

Хотя у меня и не было опредѣленной верховой лошади, но чрезъ конюховъ и кучеровъ я всегда зналъ болѣе подходящую рабочую и пользовался ею для разъѣздовъ. Однажды предъ обѣдомъ я велѣлъ сѣдлать лошадь, понадѣявшись, что, проскакавъ съ возможною быстротой четыре версты, я какъ разъ попаду къ дядиному обѣду, что̀ все-таки представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Прискакавъ въ Ядрино и спрыгнувъ съ лошади, я торопливо вбѣжалъ на каменное крыльцо. Пробѣжавъ по корридору, я очутился въ столовой и къ великому огорченію нашелъ дядю за пирожнымъ.

— А, здравствуй, сказалъ дядя,—ты обѣдалъ?

Не предчувствуя бѣды, я сказалъ: „нѣтъ“.

— Видишь ли, сказалъ дядя, — ты поступилъ взбалмошно и загналъ лошадь.

— Я ея не гналъ.

— Хочешь ли, я велю ее привести и покажу тебѣ, что она вся въ пѣнѣ. У васъ пошли за кушаньемъ, а ты поскакалъ ко мнѣ, забывая, что и я въ этотъ часъ обѣдаю; теперь ты меня извини: я кончилъ обѣдъ и, по обычаю, ухожу отдохнуть. Малый! крикнулъ онъ убиравшему со стола буфетчику,—прикажи сейчасъ же поварамъ готовить обѣдъ для Аѳанасія Аѳанасьевича.

— Помилуйте, дяденька, ради Бога, не приказывайте этого! воскликнулъ я въ величайшемъ смущеніи.

— Нѣтъ, любезный другъ, отмѣнить своего приказанія я не могу. Не могу же я допустить, чтобы тебя, пріѣхавшаго ко мнѣ въ домъ обѣдать, не накормили. А это маленькое обстоятельство послужитъ тебѣ урокомъ; отправляясь въ чужой домъ, ты обязанъ узнать обычай этого дома и съ нимъ сообразоваться, а не буровить, какъ въ голову придетъ. А теперь, до свиданья! Съ этими словами дядя ушелъ въ спальню.

Какъ бы желая вознаградить меня за строгій урокъ, дядя вышелъ черезъ часъ изъ кабинета, служившаго ему и спальней, съ улыбающимся лицомъ и предложилъ сыграть на билліардѣ.

Игралъ онъ, какъ и стрѣлялъ изъ ружья, замѣчательно хорошо.

— Что же у тебя за верховая лошадь, на которой ты летаешь съ такою быстротой? спросилъ онъ, подсмѣиваясь.

— Баронесса, отвѣчалъ я.

— Я довольно коротко знаю,—сказалъ дядя,—вашихъ лошадей, а что-то не помню такого имени.

— Да это я ее такъ прозвалъ, потому что она выпряжена изъ бороны.

— Ну, третьяго дня я обѣщалъ тебѣ ружье, которое сейчасъ же велю тебѣ передать, а сегодня же вечеромъ пришлю добрую персидскую кобылку *Вѣдьму*, которую загонять трудно.

Я сталъ благодарить, но дядя, по-своему обычаю, не далъ мнѣ поцѣловать руки.

Въ Новоселкахъ меня встрѣтилъ нарочный, державшій на веревкѣ большую, пеструю маркловскую собаку.

— Марья Петровна Борисова,—сказалъ онъ,—приказали кланяться и для охоты прислали вамъ лягавую собаку Трезора.

Принявъ собаку, я тотчасъ, для перваго знакомства, постарался послаще накормить ее, но изъ осторожности продержалъ до утра взаперти, увѣренный, что если собака хоть разъ сходитъ со мною на удачную охоту, то уже отъ меня не уйдетъ.

Зная аккуратность Ильи Аѳанасьевича, я просилъ его распорядиться, чтобы къ четыремъ часамъ утра конюхъ, осѣдлавъ мнѣ Вѣдьму, подвелъ ее къ крыльцу, самъ сидя на разгонной лошади, а меня бы въ этотъ часъ Илья Аѳанасьевичъ разбудилъ приготовивъ ружье и ягдташъ со всѣми принадлежностями. Какъ на другое, такъ и во всѣ послѣдующія утра, я слышалъ раздававшійся надо мной голосъ Ильи Аѳанасьевича: „Аѳанасій Аѳанасьевичъ!“ —и, раскрывая глаза, видѣлъ, что стрѣлки часовъ моихъ, висящихъ на стѣнѣ, показывали 4 часа. Сколько разъ въ теченіи нѣсколькихъ годовъ случалось мнѣ каждое утро торопливымъ шагомъ спускаться отъ флигеля въ садъ и черезъ поле къ рѣкѣ Зушѣ, которую приходилось переѣзжать по косому броду иногда до того залитому, что Трезоръ вынужденъ былъ переправляться вплавь, затѣмъ слѣдовало переѣзжать по деревянному мосту рѣчку Чернь, впадающую въ Зушу съ полверсты ниже каменной Новиковской мельницы. Вотъ еще съ полверсты, и затѣмъ у круглаго болота я отдавалъ Вѣдьму держать конюху, а самъ, посылая Трезора впередъ, тихонько пробирался съ ружьемъ вдоль мочежины, въ надеждѣ розыскать если не дупелей, то бекасовъ, если не бекасовъ, то коростелей и утокъ. Это

круглое болотце было, однако же, какъ бы предисловіемъ къ длинному тянувшемуся на полверсты болоту, которое, къ величайшему наслажденію, предстояло обойти кругомъ,—причемъ выходило съ версту прекраснѣйшей мѣстности, гдѣ заранѣе было извѣстно нахожденіе той или другой породы птицъ. Вотъ кочковатый берегъ безъ всякой поросли и камышей до самой воды... Тутъ утокъ нельзя ожидать, а можно ждать бекасовъ и даже дупелей; послѣднихъ, хотя рѣдко, бываетъ двѣ—три пары, но пару, какъ на заказъ, можно найти каждое утро. За то въ дальнемъ концѣ болота, обращеннаго ко Мценску, среди камышей и осоки, дупелей и бекасовъ ждать нельзя, но, подойдя безшумно, можно застать выводокъ утокъ. Трезоромъ я оставался совершенно доволенъ: обладая недурнымъ чутьемъ, онъ былъ весьма флегматиченъ и послѣ выстрѣла не гнался за улетающею птицей, а убитую легко отыскивалъ въ густой травѣ. За то одна черта его поведенія приводила меня въ совершенное отчаяніе. Когда онъ находилъ убитую птицу, я не медля подходилъ къ нему и, взявъ ее у него изъ зубовъ, клалъ въ ягдташъ. Случалось однако же, что дупель или бекасъ, поднятый на берегу узкаго болота, летѣлъ къ противоположному берегу и убитый падалъ на него. Перейти болото, по его вязкости и глубинѣ, нечего было и думать, а обходить приходилось съ полверсты. Вѣроятно, соображая послѣднее обстоятельство, Трезоръ отправлялся черезъ болото за упавшею птицей и, сдѣлавъ сперва стойку, подходилъ и хваталъ ее зубами. На отчаянный мой крикъ: „Трезоръ ici!“ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, я видѣлъ, какъ птица все далѣе скрывалась въ его огромной пасти, и наконецъ одни только крылья отвалпвались по обѣимъ сторонамъ его челюстей. Я жестоко билъ грубаго пса, котораго прислуга боялась трогать, говоря: „слопаетъ“. Но это не измѣняло дѣла и только увеличивало привязанность ко мнѣ Трезора. Стоило мнѣ, бывало, бросить платокъ или перчатку среди двора, и Трезоръ тотчасъ же ложился около нихъ, грознымъ рычаніемъ предупреждая каждаго на счетъ неприкосновенности вещи.

Съ точки зрѣнія третейскаго судьи, на которую я становлюсь въ моихъ воспоминаніяхъ, невозможно не видѣть ежеминутнаго подтвержденія истины, что люди руководствуются не разумомъ, а волей. Какой смыслъ могло представлять наше взаимное съ M-lle Б. увлеченіе, если подумать, что я былъ 19-лѣтній, отъ себя

не зависящій и плохо учащійся студентъ втораго курса, а между тѣмъ дѣло дошло до взаимнаго обѣщанія принадлежать другъ-другу, подразумѣвая законный бракъ. Мы даже обмѣнялись кольцами, такъ какъ я носилъ подаренное мнѣ матерью кольцо, а у нея тоже было обручальное кольцо ея покойнаго отца. Что такое обѣщаніе было не шуткой, явно изъ того, что однажды, думая покончить эту неразрѣшимую задачу, я вышелъ изъ флигеля на опушку лѣса Дюкинскаго верха съ заряженною двустволкой и нѣкоторое время, взведя курки, обдумывалъ, какъ ловчѣе направить въ себя смертельный ударъ. Слезы измѣнили окончательную мою рѣшимость, и я ушелъ домой. Не прибавлю ничего къ описанію минуты, въ которой и самъ не берусь различить всѣхъ сокровенныхъ побужденій.

Мало ли о чемъ мечтаютъ 19-лѣтніе мальчики! Между прочимъ я былъ увѣренъ, что имѣй я возможность напечатать первый свой стихотворный сборникъ, который обозвалъ *Лирическимъ Пантеономъ,* то немедля пріобрѣту громкую славу,—и деньги, затраченныя на изданіе, тотчасъ же вернутся сторицей. Раздѣляя такое убѣжденіе, Б. при отъѣздѣ моемъ въ Москву вручила мнѣ изъ скудныхъ сбереженій своихъ 300 рублей ассигнаціями,—такъ какъ тогда счетъ на серебро еще не существовалъ,—на изданіе, долженствовавшее, по нашему мнѣнію, упрочить нашу независимую будущность. Мы разстались, давъ слово писать черезъ старую Елизавету Николаевну.

Весь этотъ невѣроятный и, по умственной безпомощности, жалкій эпизодъ можно понять только при убѣжденіи въ главенствѣ воли надъ разумомъ. Садъ, доведенный необычно раннею весной до полнаго расцвѣта, не станетъ разсуждать о томъ, что румянецъ, проступающій на его бѣлыхъ благоуханныхъ цвѣтахъ, совершенно несвоевременемъ, такъ какъ черезъ два-три дня все будетъ убито неумолимымъ морозомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Фетъ.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ.

(ОТРЫВОКЪ.)

. . . .
Ждали мы, что ливень хлынетъ,—
Все посохло отъ жаровъ:
Ни пшеницы, ни травы нѣтъ,
Ни прохлады, ни кормо̀въ...
Даже ночью, въ полнолунье,
Не видали мы росы.
Смолкла пташечка пѣвунья
У безплодной полосы...
Въ полѣ жаворонокъ съ мая
Вить гнѣзда не захотѣлъ...
Кто бъ изъ насъ, себя спасая,
Вслѣдъ за нимъ не улетѣлъ!..

Смерти ждали мы,—и въ гости
Къ намъ, голодная, брела,
По дорогамъ сѣя кости,
Стаю во̀роновъ звала;
Но была воронья стая
Такъ сыта, что и на зовъ
Откликалась, не слетая
Съ нашихъ голыхъ чердаковъ;

Въ эти злые дни истомы
И невольнаго поста
Даже кровельной соломы
Не хватало для скота....

Но не смерть, а милость Божья
Къ намъ на помощь, въ добрый часъ,
Не смотря на бездорожье,
Въ дождь и стужу принеслась...
И не мало благодати,
И крупы, и сухарей,
Принесла; и мы съ палатей
Поднялись, не вѣря ей....
Чудеса!.. Пока Іуда
Тѣшилъ душу торгаша,
Къ намъ пришла, Богъ вѣсть откуда,
Безкорыстная душа...
. . . .

Я. Полонскій.

1892.

ХУДОЖНИКЪ БЕЗПАЛОВЪ
и
НОТАРІУСЪ ПОДЛЕЩИКОВЪ.

КОМИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

I.

Приключенія на улицѣ.

Два голубя, какъ два родные брата жили.
Крыловъ.

Было ровно безъ четверти одиннадцать, какъ Андрей Николаевичъ Безпаловъ позвонилъ у подъѣзда пестро и глупо раскрашеннаго деревяннаго дома въ мѣстности извѣстной подъ именемъ Бронныхъ. Дожидаясь пока отворятъ, Андрей Николаевичъ бѣгло осмотрѣлъ хорошо ему знакомую дверь, не безъ удовольствія остановивъ взоръ на нѣкоторыхъ болѣе ему примѣтныхъ трещинахъ клеенчатой обивки, и неторопливо и какъ бы по складамъ прочелъ на мѣдной дощечкѣ: *Иванъ Ѳеогностовичъ Подлещиковъ*; затѣмъ, замѣтивъ на дощечкѣ слѣдъ долота, а на клеенкѣ два, три прорѣза, онъ, ужь и не знаю въ который разъ, помечталъ, что воръ недовольный тѣмъ, что дощечка слишкомъ крѣпко привинчена, выместилъ свою неудачу на ничѣмъ неповинной обивкѣ.

Окончивъ эти обычныя наблюденія и соображенія, Андрей Николаевичъ рѣшилъ, что слѣдуетъ дернуть во второй разъ. Дверь уже не представляла пищи для его ненасытной любозна-

тельности, а потому вскорѣ ему показалось, что Агаѳонъ медлитъ чрезвычайно; онъ пустился въ предположенія на счетъ вѣроятныхъ причинъ отсутствія Ивана Ѳеогностовича и временнаго мѣстопребыванія Агаѳона. Одолѣваемый нетерпѣніемъ, Андрей Николаевичъ перебѣжалъ по горбатенькимъ морсткамъ, какіе ставятся у московскихъ подъѣздовъ, съ тротуара на улицу и заглянулъ въ окна своего друга, но, ничего утѣшительнаго въ нихъ не замѣтивъ, оглядѣлъ домовую стѣну и направился снова къ подъѣзду, мысленно проворчавъ: „Въ какомъ-бишь?.. Да, въ мавританскомъ!.. Ахъ, мерзавецъ!“

Это восклицаніе, впрочемъ, ни мало не относилось ни къ Ивану Ѳеогностовичу, ни къ его слугѣ, а единственно къ пестрой окраскѣ зданія и его владѣльцу, увѣрявшему всѣхъ и каждаго, что домъ его расписанъ въ самомъ строгомъ мавританскомъ вкусѣ. Принявъ въ соображеніе, что означенный домохозяинъ, изъ отставныхъ путейскихъ штабсъ-капитановъ, сверхъ различныхъ барышническихъ предпріятій, занимался и тѣмъ, что воздвигалъ на Орликовой и другихъ пустопорожнихъ земляхъ дома изъ барочнаго и вообще гнилаго и ни на что иное не годнаго лѣса и, снабдивъ ихъ всякими неудобствами и приспособленіями для привлеченія и развитія заразныхъ болѣзней, сдавалъ затѣмъ по весьма выгодной для себя цѣнѣ въ наемъ рабочему люду,—читатель согласится, что восклицаніе „мерзавецъ“ не можетъ быть приписано исключительно дурному расположенію Андрея Николаевича.

Андрей Николаевичъ шелъ къ подъѣзду съ твердымъ намѣреніемъ либо сокрушить звонокъ, либо добиться наконецъ толку. И, дѣйствительно, дернулъ за ручку съ такою силой, что невольно взглянулъ, не осталась ли она у него въ горсти. Какъ разъ въ это мгновеніе дверь пріотворилась на длину заложенной цѣпи, и въ прорѣху выглянуло веснусчатое лицо.

— Извините ужь, сударь, сказалъ Агаѳонъ, торопливо и привѣтливо отворяя дверь.

— А я ужь думалъ, что вы съ бариномъ оглохли. Да что онъ дома? спросилъ Андрей Николаевичъ, направляясь по холодному деревянному корридору и по привычкѣ немедленно пускаясь въ мечтанія на счетъ его происхожденія, причемъ сообразительность Андрея Николаевича неизмѣнно приходила къ заключенію, что первоначально ходъ былъ со двора, черезъ кухню,

и затѣмъ уже, съ развитіемъ цивилизаціи, была пристроена эта галлерейка и въ стѣнѣ прорублена входная дверь.

— Дома-то, дома-съ, нагоняя его, доложилъ Агаѳонъ. — А только что вотъ все сапожника бранили, что широки сапоги шьетъ, а онъ возьми и обузь; на силу, повѣрите ли, стащилъ. А они сердятся. Оттого и замѣшкалъ.

Андрей Николаевичъ пріостановился и художническимъ взглядомъ осмотрѣлъ Агаѳона. Какъ и всегда, его особенно поразили желтоватые волосы вѣрнаго служителя. Агаѳонъ помадилъ ихъ и даже фиксатуаромъ притиралъ, а они все торчали непокорными пучками.

— Типичная харя, рѣшилъ Андрей Николаевичъ,—надо куданибудь ее вставить. И прибавилъ вслухъ:—Никуда не собирается?

— Не слышно, чтобы собирался; а только опять новый сюртучекъ примѣряютъ.

— Какъ „опять"?

— Да чуть не каждую недѣлю по новой парѣ шьютъ, и все у разныхъ портныхъ. Ни одинъ, вишь, не угодитъ.

— Что жь, франтовство его что-ль одолѣло?

— Оказываетъ, что такъ, загадочно отвѣчалъ Агаѳонъ, отворяя дверь въ прихожую, и, снимая пальто съ Андрея Николаевича, добавилъ:—А только если что̀, ужь вы потрудитесь, сдѣлайте божескую милость, Андрей Николаевичъ, доложите имъ, такъ что я даже не намѣренъ. Потому какъ я терпѣть не могу, ежели тутъ юбченка, а тамъ чепчишко...

Послышался барскій окрикъ.

— Такъ что... пожалуйте въ кабинетъ, а я доложу-съ, торопливо оборвалъ Агаѳонъ.

Андрей Николаевичъ прошелъ въ кабинетъ, не обративъ особаго вниманія на нелюбовь Агаѳона къ чепчикамъ и юбченкамъ. Притомъ, войдя, надо было оправиться предъ зеркаломъ. Андрей Николаевичъ пригладилъ волосы, сперва строго испытующимъ и затѣмъ благосклоннымъ взоромъ осмотрѣлъ лицо и на разныя манеры оправилъ бородку, то расчесывая ее большимъ пальцемъ изъ-подъ низу, то разглаживая ее въ щелкѣ между большимъ и указательнымъ, то забирая въ горсть, то раздвигая въ стороны, и въ заключеніе сталъ нѣжно обирать вокругъ нея ладонью. Вполнѣ довольный состояніемъ своей физіогноміи, Андрей Николаевичъ поднялъ руки на высоту зеркала и сталъ повертывать ихъ во всѣ стороны, тщательно изслѣдуя ихъ красоту и съ

верхней стороны и съ ладони; наконецъ, отступивъ шага на два отъ зеркала, онъ занялся осмотромъ всей своей фигуры, причемъ выставлялъ впередъ то одну, то другую ногу, держа ихъ въ разныхъ позиціяхъ, и окончательно увлекся ступнями, оглядывая ихъ и съ носка, и съ каблука, и съ боковъ и какъ бы прозрѣвая сквозь грубую кожу безукоризненную лѣпку „слѣдка“.

Такъ ужь устроено человѣчество, что всякому свое лицо любезно и мило; войдите въ парикмахерскую, когда она полна народу и вглядитесь въ отраженныя въ зеркалахъ и, такъ-сказать, отрѣшенныя ото всего житейскаго бѣлоснѣжными салфетками, головы и въ устремленные на нихъ взоры ихъ носителей; какими бы носами они ни обладали: въ видѣ бутылки, картофеля, щепки, галицкаго топора, турецкаго огурца, журавлинаго, утинаго или орлинаго клюва, или даже въ видѣ оленьихъ роговъ съ многочисленными отростками; какой бы цвѣтъ ни преобладалъ на щекахъ; красный, сизый, молочный, гемороидальный, или чахоточный; каковы бы ни были сами испытующіе глаза: кривые, косые, щурые, воловьи, или кошачьи,—на всѣхъ лицахъ стоитъ одна и та же дума: „а вѣдь, право же, я не дуренъ“, или въ самомъ крайнемъ случаѣ: „положимъ, у меня есть кой-какіе изъянцы и недочеты, да за то физіогномія полна выраженія“. Стало-быть, нечего особенно осуждать Андрея Николаевича, что онъ любованье собой простиралъ до безукоризненной лѣпки слѣдка.

— Здравствуй... Впрочемъ, я не мѣшаю: любуйся, любуйся собой, сказалъ входя Подлещиковъ.

— И вовсе я никогда собой не любуюсь!..

— Полно; будто я не знаю, что ты считаешь себя стройнѣе Аполлона Бельведерскаго.

— Да у Аполлона, вопервыхъ, ноги длинныя...

— А у тебя ступни медвѣжьи.

Рана была нанесена въ самое чувствительное мѣсто.

— А у тебя... быстро поворачиваясь къ пріятелю и крѣпко пожимая ему руку, чтобы прекратить непріятныя пререканія, сказалъ Андрей Николаевичъ.— А у тебя... Э, да у тебя опять новый сюртукъ!..

— Госполи Боже мой! всполошился Иванъ Ѳеогностовичъ.— Что это за народъ нынче пошелъ! Сюртука нельзя надѣть, чтобы не оговорили. Ну, скажи, зачѣмъ тебѣ, ради Бога, знать, новый ли у меня сюртукъ?

— Да я просто... Впрочемъ, Агаѳонъ жаловался, что все франтишь...

— Агаѳонъ? Не даромъ я давно собираюсь прогнать этого скота,—вѣчно подглядываетъ да шпіонитъ.

— Иванъ Ѳеогностычъ? спросилъ въ эту минуту Агаѳонъ, заглядывая въ дверь.

— А, ты здѣсь ужь! Я такъ и зналъ. Всюду, всюду суешь свой табачный носъ. Ну, чего тебѣ надо? что̀ забылъ, а? подслушать захотѣлось о чемъ господа разговариваютъ...

— Не очень-то мнѣ любопытно, угрюмо отвѣчалъ Агаѳонъ,— а только...

— Что̀ только? Ну, ну, говори... И врешь, врешь все, шпіонить опять пришелъ.

— Кажется, за мной этого не водится, чтобы въ шпигонахъ состоять... а только, что на счетъ сапогъ; такъ что разбить ихъ что ли, прикажете?..

— Я тебѣ этими сапогами когда-нибудь рожу разобью...

Агаѳонъ только рукой махнулъ, и скрылся.

— Этакая дрянь! И никто меня не разувѣритъ, что не шпіонъ...

Андрей Николаевичъ разсмѣялся.

— Ну, чему, чему ты, ради Бога, хохочешь? Дѣло вовсе не шуточное...

— Да кому нужно за тобой шпіонить.

— Какъ кому? Ахъ, Господи мой Боже. Мало ли кому!.. Наконецъ, правительство... особенно въ настоящее время...

Иванъ Ѳеогностовичъ пустился было въ доказательство, что правительство не только обязано, но сдѣлало бы большое упущеніе, не слѣдя за такими, какъ онъ, лицами, но былъ заглушенъ въ своемъ краснорѣчіи пущимъ хохотомъ Андрея Николаевича.

— Э, полно вздоръ молоть! Просто ты сегодня либо съ лѣвой ноги всталъ, либо не выспался... Ужь здоровъ ли ты?

Иванъ Ѳеогностовичъ такъ и вспыхнулъ при этомъ невинномъ вопросѣ.

— Ну, вотъ, вотъ опять! Ахъ, Господи мой Боже! Ну, зачѣмъ тебѣ, ради Бога, знать, здоровъ ли я, или боленъ? Докторъ ты, что ли?

И Иванъ Ѳеогностовичъ тревожно пошелъ къ зеркалу, заранѣе направляя языкъ поверхъ нижней губы.

— Да успокойся ты, пожалуста. Я безо всякаго умысла, такъ...

— Эхъ,—придя въ себя послѣ тщательнаго осмотра языка,

сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ,—люблю я тебя, Андрей Николаичъ, и даже очень, а только скверная у тебя, братъ, привычка все замѣчать и про все разспрашивать. Ужъ извини, братъ, а этакъ соваться въ чужія дѣла, какъ выразился, кажется, Тургеневъ, значитъ подъ кровомъ дружбы залѣзать грязными пальцами въ чужую душу...

— Ну, я тебѣ развѣ въ желудокъ залѣзъ... Впрочемъ, мнѣ, пожалуй, и важно знать, въ какомъ онъ у тебя состояніи.

Иванъ Ѳеогностовичъ чуть было опять не растревожился, но отошелъ, узнавъ, что свѣдѣнія о состояніи его желудка требуются единственно ради участія въ завтракѣ.

— Лишнія деньги у тебя, что-ль, на волю просятся?

— Есть таки. Притомъ, нашему брату художнику, послѣ работы не мѣшаетъ, знаешь, какъ говоритъ Пушкинъ,

И погулять, и отдохнуть.

Словомъ, встряхнуться и душой, и тѣломъ. Что̀ жь, согласенъ?

Иванъ Ѳеогностовичъ не отвѣчалъ.

— День, вѣдь, у тебя свободный? Табель сегодня.

— Точно, что табель, раздумчиво отвѣчалъ Иванъ Ѳеогностовичъ.

— Контора заперта?

— Точно, что заперта... А все бы надо завернуть...

— Это зачѣмъ?

— Ужь не знаю, какъ тебѣ объяснить... Не понимаешь ты нашихъ дѣлъ... Словомъ, переписываютъ важную и спѣшную бумагу... Боюсь, не наврали бы...

— Что̀ жь, завернемъ, а оттуда къ Тѣстову рукой подать...

— Хорошо, по нѣкоторомъ размышленіи медленно проговорилъ Иванъ Ѳеогностовичъ, отвѣчая, впрочемъ, не на вопросъ пріятеля, а на какія-то свои тайныя соображенія.

— Вотъ, спасибо!

— Что̀ жь, идти, такъ сейчасъ, рѣшилъ нотаріусъ, взглянувъ на часы.

— А не рано?

— А въ контору? Забылъ. Притомъ, для аппетита пройдемся пѣшкомъ.

Друзья отправились. Они благополучно дошли до Тверской, но тутъ у втораго или третьяго переулка были остановлены зрѣлищемъ, въ Москвѣ нерѣдкимъ. По ту сторону улицы скучился на-

родъ; всѣ лѣзли къ чему-то находившемуся среди толпы, причемъ руки быстро подымались и опускались. Оказалось, что жуликъ стащилъ, по однимъ, калачъ, а по другимъ цѣлую подошву, былъ пойманъ съ поличнымъ и теперь несъ наказаніе за проступокъ. Иванъ Ѳеогностовичъ, будучи врагомъ всякаго самоуправства, остановился и сталъ искать глазами, нѣтъ ли по близости городоваго. Въ это время изъ переулка выскочилъ мальчишка съ судками въ рукѣ. Увидавъ, что̀ творится на той сторонѣ, онъ сунулъ судки въ уголъ между стѣной и обложеннымъ плитами входомъ въ подвальную лавочку и, чуть не сбивъ съ ногъ Ивана Ѳеогностовича, понесся черезъ улицу, причемъ едва не попалъ подъ карету и, споткнувшись, уже на четверенькахъ вылетѣлъ на противоположный тротуаръ. Быстро вскочивъ на ноги, онъ ринулся въ толпу, протиснулся въ середину, хватилъ два, три раза кого-то по спинѣ, жулика или посторонняго онъ самъ не зналъ, и получилъ на свой пай двѣ, три затрещины, предназначавшіяся, надо думать, тому же жулику. Для успокоенія возмущенныхъ дикой сценой самоуправства читательницъ прибавимъ, что жуликъ оказался человѣкомъ въ такихъ передрягахъ опытнымъ, а потому послѣ двухъ, трехъ тумаковъ, палъ на колѣна и затѣмъ благополучно пробрался ползкомъ между ногами толпы, предоставивъ ей учить другъ друга и сохранивъ на память стащенную подошву.

Совершивъ подвигъ, мальчишка, съ раскраснѣвшимся и сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, перебѣжалъ улицу и, подхвативъ судки, хотѣлъ было направиться по своему дѣлу, какъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко держитъ его за воротъ.

— Ты, что̀ это дѣлаешь, а? грозно спросилъ его Иванъ Ѳеогностовичъ.

— А тебѣ что̀ за дѣло? дерзко огрызнулся мальчишка.

— Что̀ мнѣ за дѣло, а? Ты чуть меня было съ ногъ не сбилъ, а мнѣ дѣла нѣтъ? И ты еще грубить смѣешь?

— Ничѣмъ я не грублю...

— Молчать! Съ тобой баринъ разговариваетъ, а ты смѣешь ему *ты* говорить? Погоди, вотъ я тебя городовому отдамъ. Что̀?
Мальчишка молчалъ.

— То-то! Тебя, негодяй, за дѣломъ послали, а ты что́ дѣлалъ?

— Да жулика жь учили, пытался было оправдаться мальчишка.

— Жулика учили? А тебѣ что̀ за дѣло? Развѣ тебя съ суд-

ками жуликовъ учить послали, а? Иль онъ у тебя укралъ? Да еслибъ и у тебя, такъ самосудъ строго воспрещенъ. Понялъ?

Мальчишка почелъ болѣе удобнымъ не объяснять, насколько онъ понятливъ.

— Ты куда, зачѣмъ былъ посланъ?

— Капитану за обѣдомъ.

— За обѣдомъ? А ты судки бросилъ, а самъ драться побѣжалъ. А еслибъ у тебя судки украли, а? Въ чемъ бы ты тогда обѣдъ понесъ? Что̀ жь, отвѣчай: въ чемъ бы ты тогда обѣдъ понесъ?

Мальчишка былъ до нѣмоты пораженъ дальновидными соображеніями Ивана Ѳеогностовича.

— То-то. А капитанъ человѣкъ, поди, старый? Что̀ жь ты молчишь? Иль воды въ ротъ набралъ? а? Отвѣчай же, старикъ?

— Старикъ.

— И, вдобавокъ, привыкъ въ двѣнадцать часовъ обѣдать? а?

— Точно.

— А ты стараго человѣка безъ обѣда бы оставилъ, а номерная хозяйка—вѣдь ты при нумерахъ живешь?

— Вѣрно, дивясь догадливости Ивана Ѳеогностовича, отвѣчалъ окончательно озадаченный мальчишка.

— Въ какихъ нумерахъ?

— У Мавры Ѳоминичны.

— Ну, а Мавра Ѳоминична, что̀ бы тогда сдѣлала, а? Вихры бы тебѣ надрала, да за судки еще вычла, а потомъ отецъ за твоимъ жалованьемъ пришелъ бы, да такую бы тебѣ порку за судки задалъ...

— Да, полно ужь тебѣ, прервалъ Безпаловъ,—мальчишка и то еле живъ стоитъ?

— Ну, ладно. Видишь, баринъ за тебя проситъ; такъ ужь и быть, ничего Маврѣ Ѳоминичнѣ не скажу. А только помни, что коли ты за дѣломъ посланъ, такъ баловаться не слѣдъ. А жуликовъ учить не твое дѣло; на то судъ есть. Ну, что̀ жь ты стоишь? Ступай; живѣе бѣги, а то капитанъ отощаетъ.

И Иванъ Ѳеогностовичъ выпустилъ изъ рукъ воротъ полущубка. Мальчишка постоялъ въ недоумѣніи, затѣмъ сильно потеръ рукой за воротомъ и проговорилъ: „Ну, и язва жь!.. пробралъ!“ И, нахлобучивъ шапченку, степенно пошелъ за капитанскимъ обѣдомъ.

Друзья, продолжая путь, благополучно уже до половины спу-

стились съ губернаторской горки; у Андрея Николаевича уже сталъ разыгрываться аппетитъ.

— Время о *тепи* подумать, сказалъ онъ.—Сегодня среда; не дурно бы раковаго супа, какъ думаешь?

Иванъ Өеогностовичъ былъ погруженъ въ задумчивость.

— Что жь, Иванъ Өеогностовичъ, на раковый супъ согласенъ? переспросилъ Безпаловъ.

— Какой раковый супъ?

— Среда сегодня...

— Среда? Ахъ, Господи Боже мой! Вотъ спасибо, что напомнилъ. А я, вѣдь, все думалъ, что вторникъ... Невозможно!

— Что невозможно?

— Дѣло у меня, и важное. Ну извини, извини, голубчикъ. Въ другой разъ.

И, наскоро простясь съ пріятелемъ, Иванъ Өеогностовичъ вскочилъ на перваго извозчика и покатилъ вверхъ по Тверской. Андрей Николаевичъ былъ ошеломленъ и взбѣшенъ такой неожиданностью. Самъ не зная, что дѣлаетъ, онъ кивнулъ встрѣчному извозчику и приказалъ ему „валять за этимъ бариномъ". Извозчикъ Ивана Өеогностовича повернулъ въ первый же переулокъ направо; Андрей Николаевичъ почему-то принялъ такое обстоятельство за чистѣйшій отводъ глазъ и рѣшилъ неутомимо преслѣдовать пріятеля. Нѣсколько успокоясь, онъ подумалъ, что подобная погоня вещь въ высокой степени неделикатная; на бѣду извозчикъ Ивана Өеогностовича опять свернулъ въ переулокъ, и Андрей Николаевичъ окончательно уже убѣдился, что это новая военная хитрость.

— Гм., скрыться отъ меня хочетъ; что-то не ладно,—уже съ сердцемъ подумалъ онъ, не принявъ въ соображеніе, что Подлещиковъ врядъ ли догадывается, что его преслѣдуютъ и забывъ, что извозчики любятъ вертѣться безъ толку по переулкамъ и вообще предпочитаютъ кривую линію, какъ не въ примѣръ болѣе короткую, прямой, хотя самъ нерѣдко обличалъ ихъ по этому поводу въ незнаніи геометріи.

Быть можетъ, Андрей Николаевичъ и отдумалъ бы, наконецъ, гнаться за пріятелемъ, но судьба, какъ нарочно, подзадоривала его ретивость, устроивая ему разнообразныя препятствія, то въ видѣ растянувшагося обоза, то въ видѣ мальчишекъ, катившихъ бочку на двухколесномъ лоткѣ, то въ видѣ бабы, занятой среди улицы интимною бесѣдой съ блюстителемъ порядка. Андрею

Николаевичу приходилось, такимъ образомъ, думать не о деликатности, а объ устраненіи помѣхъ; притомъ извозчикъ Ивана Ѳеогностовича продолжалъ вертѣться по переулкамъ.

На Страстномъ бульварѣ стало просторнѣе и Андрей Николаевичъ снова усомнился въ правильности своего поступка.

— Неловко, право неловко, разсуждалъ онъ. — Еще оглянется, замѣтитъ... что̀ я ему скажу?.. Да за такое... обругаетъ всеконечно. Даже и вздуть не грѣхъ; я, по крайней мѣрѣ, вздулъ бы,—съ увѣренностью рѣшилъ Андрей Николаевичъ.

И въ благомъ порывѣ онъ хотѣлъ было приказать извозчику повернуть, какъ тутъ же, при сильномъ толчкѣ пролетки, вдругъ вспомнилъ объ отвращеніи Агаѳона къ юбченкамъ и чепчикамъ.

— Э, э! сразу догадался Андрей Николаевичъ.—Вотъ оно въ чемъ дѣло. Тутъ явно или женитьба, или любовная интрижка... А вотъ поглядимъ, поглядимъ, уже потирая руки, продолжалъ Безпаловъ,—если не оглянется, значитъ влюбленъ. Къ предмету стремится, тутъ не до оглядки! Дѣло знакомое.

И Андрей Николаевичъ пустился въ мечтанія насчетъ влюбленности своего друга.

— Э, да гдѣ жь нашъ баринъ? спросилъ онъ извозчика, очнувшись отъ размышленій.

— Въ Каретный рядъ сейчасъ повернули.

— Валяй же скорѣе, не то упустимъ; особенно какъ опять по проулкамъ вилять начнутъ.

Извозчикъ Андрея Николаевича пріударилъ. Вдругъ съ угла сорвался другой, спѣша занять только-что опроставшееся, еще теплое мѣсто, гдѣ счастливый собратъ у него на глазахъ посадилъ сѣдока; онъ летѣлъ, какъ изступленный, устремивъ обезумѣвшія очи на вожделѣнную точку, и такъ ловко задѣлъ за заднее колесо, что чуть не вывалилъ Андрея Николаевича.

— У, чортъ, лѣшій! Глаза-то, видно, въ кабакѣ заложилъ! закричалъ Безпаловскій извозчикъ.

— А ты что не по своей сторонѣ ѣдешь? А еще съ толстымъ бариномъ! укоризненно возразилъ встрѣчный.

— А гдѣ жь нашъ баринъ? Вотъ и потеряли! съ отчаяніемъ вскричалъ Андрей Николаевичъ.

— Ничего, нагонимъ! увѣренно отвѣчалъ извозчикъ.

И не нагнали бы, еслибъ Андрей Николаевичъ, благодаря геніальной сообразительности, не догадался заглянуть въ первый же переулокъ: тутъ у подъѣзда угольнаго дома его другъ расплачивался съ возницей.

II.

Приключенія на лѣстницѣ и ихъ послѣдствія.

Не суй свой носъ, куда не слѣдъ,—
Таковъ всегдашній мой совѣтъ.

Дѣтская книжка.

Андрей Николаевичъ вошелъ въ подъѣздъ. Домъ былъ каменный, трехъэтажный. Швейцара, помосковскому обычаю, не полагалось. Было несомнѣнно, что Иванъ Ѳеогностовичъ находился въ этомъ домѣ; но такое знаніе ничего не объясняло. Андрей Николаевичъ рѣшился произвести строгое пзысканіе. Онъ, благодаря живому воображенію, подобно многимъ художникамъ, обладалъ способностями по сыскной или слѣдственной части и любилъ ими тщеславиться.

Въ первомъ этажѣ была всего одна дверь; чуть ли не на аршинной мѣдной, до нестерпимаго блеска вычищенной доскѣ, стояло огромными буквами: *Израиль Іосифовичъ Хапкинъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.*

Человѣкъ съ обыкновенными способностями, конечно, предположилъ бы, что Иванъ Ѳеогностовичъ, какъ нотаріусъ, имѣетъ дѣло къ этому адвокату. Но критическій анализъ доложилъ Андрею Николаевичу, что это невозможно. Что̀ за дѣло въ табельный день! Притомъ, будь у Ивана Ѳеогностовича дѣйствительно *дѣло* сегодня, онъ, какъ человѣкъ точный и осмотрительный, никоимъ бы образомъ не забылъ, что нынче среда и напрямки бы отказался отъ завтрака; Андрею Николаевичу прекрасно было извѣстно, что его пріятель каждое утро раньше всего, даже раньше чаепитія справлялся съ записною книжкой и неукоснительно слѣдовалъ въ теченіе дня ея указаніямъ.

Нѣтъ, Агаѳонъ правъ. Суть въ какомъ-нибудь чепчикѣ, или въ какой-нибудь юбченкѣ. Но развѣ не могъ Иванъ Ѳеогностовичъ именно ради одной изъ названныхъ принадлежностей дамскаго туалета отправиться къ Хапкину?

Творческая мечта подсказала Андрею Николаевичу множество возможностей въ данномъ направленіи. Почему у Хапкина не могло быть хорошенькой жены, за которой пріударилъ Иванъ Ѳеогностовичъ? Онъ могъ спѣшить на свиданіе именно потому,

что только-что узналъ, что Израиль вчера вечеромъ, или даже нынче утромъ уѣхалъ въ Петербургъ или въ провинцію для защиты кляузнаго дѣла. Наконецъ, развѣ у Израиля не можетъ быть сестры, или свояченицы, на которой вздумалъ жениться Иванъ Ѳеогностовичъ? Вѣдь жидовочки бываютъ прехорошенькія, и не Ивана Ѳеогностовича съ ума сведутъ! Конечно, очаровательную Еврейку придется окрестить... Андрей Николаевичъ не безъ удовольствія воспроизвелъ въ легкомъ наброскѣ обрядъ крещенія, причемъ онъ самъ являлся въ качествѣ воспріемника. Заманчиво, чортъ возьми! Вѣдь не всякому удается увидать до вѣнца чужую невѣсту въ „рѣшительномъ *безбѣльѣ*", какъ говорятъ образованные охотнорядцы! Андрей Николаевичъ готовъ былъ уже вообразить, какъ во время крестинъ онъ влюбляется въ прелестную Хайку, или Ривку; какъ затѣмъ хлопочетъ и послѣ долгихъ трудовъ добивается наконецъ двойнаго развода, и вдругъ всплываетъ забытое препятствіе: воспріемнику воспрещается жениться на крестной дочери. Положеніе трагическое!..

„И все глупости! И ни въ какую жидовку ты не влюбишься. И притомъ, хоть бы ты распрокрестнымъ былъ, никто тебѣ не дозволитъ видѣть ее въ „безбѣльѣ"", нежданно доложилъ критическій анализъ, и Андрей Николаевичъ не безъ вздоха о разрушенной мечтѣ поднялся во второй этажъ.

Тутъ были три двери. Первая, правая, обитая клеенкой, не отвѣчала на вопросъ, кто за ней живетъ, хотя достаточное количество сиротливо-торчавшихъ въ обивкѣ гвоздиковъ съ оборванными уголками карточекъ и свидѣтельствовало, что въ квартирѣ жильцы были перемѣнные.

— Онъ здѣсь! по наитію, какъ бы прозрѣвая сквозь дверь и стѣну, почти вслухъ воскликнулъ Андрей Николаевичъ и даже указалъ пальцемъ на дверь. — Но почему „онъ тутъ", прорицатель и самъ не зналъ, а потому направился къ слѣдующей двери. Прочтя на дощечкѣ „Eduard Ferkelstein", Андрей Николаевичъ съ презрѣніемъ прошелъ мимо, зная отвращеніе своего друга не только къ Нѣмцамъ, но даже къ Нѣмкамъ, по крайности безукоризненнаго поведенія.

За третьею дверью жилъ Владиміръ Романовичъ Сосулькинъ. Что же могла подсказать Андрею Николаевичу самая пылкая, творческая мечта, кромѣ того, что онъ уже перегрезилъ предъ дверью Израиля Іосифовича? Вдобавокъ, мечта уже не могла

быть столь заманчива въ виду того, что m-lle Сосулькину никакъ не приходилось воспринимать отъ купели.

Андрей Николаевичъ поднялся въ третій этажъ. Тамъ оказалось цѣлыхъ четыре двери. На первой стояло:

Марья Петровна
Адается
портниха
са сталомъ или безонава

Первая и третья строка были отпечатаны крупнымъ шрифтомъ на бѣлой бумагѣ; вторая и четвертая начертаны карандашомъ и робкою женскою рукой.

— Гм... сказалъ Андрей Николаевичъ и, сжавъ губы, покрутилъ головой.

Благодаря Марьѣ Петровнѣ творческая мечта опять разгулялась; но вскорѣ была разрушена до основанія критическимъ анализомъ. Конечно, Марья Петровна могла быть любовницей, или содержанкой Ивана Ѳеогностовича, но могла и не быть; далѣе, печатная на двери вывѣска какъ бы указывала на близость Марьи Петровны къ какому-нибудь, если не содержателю типографіи, то все же къ метранпажу, или, по меньшей мѣрѣ, къ наборщику.

„Однако,—совѣстливо подумалъ Андрей Николаевичъ,—по какому праву я заподозриваю особу, вполнѣ мнѣ неизвѣстную, въ связяхъ, которыя даже самые легкомысленные прокуроры изъ правовѣдовъ—правда, исключительно въ судебныхъ засѣданіяхъ—считаютъ беззаконными? Быть-можетъ, Марья Петровна—само воплощенное цѣломудріе? Наконецъ, почему метранпажъ или наборщикъ не могутъ быть просто ея жильцами? Далѣе,—продолжалъ свой докладъ критическій анализъ,—Иванъ Ѳеогностовичъ, какъ человѣкъ щепетильный и скрытный, ужь, конечно, не позволилъ бы своей любовницѣ держать жильцовъ изъ опасенія, что чрезъ нихъ о немъ пройдетъ дурной слухъ.

Андрей Николаевичъ перешелъ ко второй двери; она ничего изъ себя не представляла: дверь, какъ дверь,—нѣмая, гладкая, безо всякихъ примѣтъ, ничѣмъ не возбуждающая мечтательности. Стоявшій надъ нею № 6 также ничего не говорилъ воображенію. Слѣдующая была болѣе замѣчательна; она была обита клеенкой, поверхъ которой вдобавокъ, ради крѣпости, были прибиты ремни по образцу андреевскаго креста. Не взирая на такую заботливость о прочности, клеенка внизу лѣвой поло-

вины была оборвана на значительное пространство, и изъ подъ нея неприглядно лѣзла размочалившаяся рогожа. Въ другое время Андрей Николаевичъ не приминулъ бы помечтать при какихъ именно обстоятельствахъ была оборвана клеенка и почему доселѣ не прибита,—но нынче пропустилъ мимо такія мелочи. Впрочемъ, отъ его вниманія не ускользнула надпись, сдѣланная мѣломъ и почеркомъ, извѣстнымъ подъ именемъ лавочницкаго, а именно: *вать но. 7*. Надпись не излишняя въ виду того, что находившійся надъ дверью номеръ былъ замазанъ краской. № 8 былъ столь же безотвѣтенъ, какъ и № 6.

Дойдя до конца лѣстничной площадки, Андрей Николаевичъ усмотрѣлъ въ выступѣ стѣны еще дверь, некрашенную, въ одинъ щитъ и ведшую очевидно на чердакъ. Хотя было мало вѣроятія, что Иванъ Ѳеогностовичъ, какъ преступникъ, бѣгущій отъ правосудія, спрятался на чердакѣ, тѣмъ не менѣе Андрей Николаевичъ полюбопытствовалъ заглянуть за некрашенную дверь, какъ порой сбитый съ толку слѣдователь суетъ носъ въ такіе уголки, гдѣ онъ твердо увѣренъ, что преступника не имѣется.

Дверь была не заперта; за ней оказалась деревянная лѣстница. Андрей Николаевичъ поднялся на нѣсколько ступенекъ; въ это время дверь, ходившая на блокѣ, захлопнулась за нимъ, и нашъ слѣдователь остановился въ совершенной темнотѣ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣстница дѣлала колѣно. Онъ протянулъ руки, чтобы нащупать перила, но ихъ не оказалось. Положеніе критическое; того гляди оступишься и расквасишь носъ. Андрей Николаевичъ сталъ шарить въ карманѣ пальто, нѣтъ ли спичекъ? Не найдя тамъ, онъ полѣзъ въ брюки; вынимая изъ лѣваго кармана спички, онъ почувствовалъ, что у него подъ пальцами зашуршала бумажка и затѣмъ ему показалось, будто она упала на полъ; Андрей Николаевичъ испугался, подумавъ, что выронилъ пятьдесятъ рублей. Отъ волненія онъ уронилъ коробку со спичками и, стараясь поднять ее, потерялъ равновѣсіе, оступился со ступеньки и наступилъ на что-то мягкое, мгновенно и съ фырканьемъ выскочившее у него изъ-подъ ноги.

— Ахъ, проклятая кошка! и откуда онѣ только берутся! воскликнулъ Андрей Николаевичъ, чувствуя, что вновь теряетъ равновѣсіе; чтобы не свалиться, онъ поспѣшилъ переставить другую ногу внизъ, и слѣдомъ что-то загрохотало, покатилось и стукнуло о дверь.

— И чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они вѣчно наставятъ на

лѣстницахъ разныхъ кадокъ и боченковъ! съ понятнымъ негодованіемъ подумалъ Андрей Николаевичъ, стукаясь головой о дверь.— Давно бы пора запретить!

Какъ ошпаренный вылетѣлъ онъ вслѣдъ за кошкой на площадку; ему казалось, что сейчасъ изо всѣхъ дверей выскочатъ встревоженные жильцы и набросятся на него, какъ на жулика. Онъ тревожно оглядѣлся и вспыхнулъ, какъ попавшійся школьникъ. Чтобы нѣсколько оправиться, Безпаловъ наклонился надъ перилами, принявъ самую беззаботную позу, и сталъ смотрѣть съ любопытствомъ внизъ, причемъ для приданія себѣ вполнѣ невиннаго вида даже сплюнулъ два раза.

— Андрей Николаевичъ, да это ты? раздался голосъ снизу.

Андрей Николаевичъ узналъ фальцетъ своей жены, Лидіи Антоновны.

— Какъ ты сюда попалъ?

— Сейчасъ, сейчасъ сойду, поспѣшно заговорилъ Андрей Николаевичъ и, спустясь во второй этажъ, спросилъ: — А ты здѣсь зачѣмъ?

— Я была у Бурзуковыхъ.

— У какихъ Бурзуковыхъ?

— Ахъ, Боже мой! точно ты не знаешь Лизы Бурзуковой, моей подруги по школѣ!

— А! долгоносая? Я никакъ и не подозрѣвалъ, что ее зовутъ Бурзуковой.

— Она-то Иванова, а только мать ея за вторымъ была за Бурзуковымъ.

— Вотъ видите! Почемъ же было знать?.. А онѣ здѣсь живутъ?

— Здѣсь. А ты какъ сюда попалъ?

— Я-то? медленно протянулъ Андрей Николаевичъ, какъ бы соображая отвѣтъ.—Вообрази, Лидочка, ѣду я по бульвару, а на встрѣчу Подлещиковъ на лихачѣ летитъ и вдругъ повернулъ въ Каретный. Я ему и машу, и кричу, а онъ не видитъ и не слышитъ. А мнѣ его вотъ какъ нужно, — Андрей Николаевичъ поднесъ ребромъ руку къ горлу, — я даже думалъ заѣхать къ нему. Я въ догонку; вижу, какъ онъ входитъ въ подъѣздъ, и...

— Да онъ у нихъ.

— У кого?

— Ахъ, Господи! непонятный какой! У Бурзуковыхъ.

— Да развѣ онъ съ ними знакомъ?

— Не то, чтобы знакомъ, а только онѣ отдаютъ, знаешь, три

комнаты, которыя выходятъ на Каретный, и тамъ у нихъ живетъ актриса, что въ Пьяномъ клубѣ играетъ... Ты еще восхищался ею. Длинная фамилія такая...

— Хотьминская-Горобецъ?

— Ну, да. Такъ у ней. Тебѣ очень его нужно? Хочешь я позвоню, Лиза вызоветъ.

— Нѣтъ, не ловко. Я ея, то-есть Хотьминской, почти не знаю, а онъ такой подозрительный, еще, Богъ-вѣсть, что выдумаетъ, будто я слѣжу за нимъ, или... Ну, да ты его знаешь. А которая ихъ дверь?

— Вотъ эта.

— Эта? не безъ волненія повторилъ Андрей Николаевичъ, дивясь своей вѣщей проницательности.

— Ну, да. Что жь, позвонить? Нѣтъ? Ну, какъ знаешь. А деньги получилъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Андрей Николаевичъ съ такою увѣренностью, какъ будто еще не было случая, чтобъ онъ да не получалъ денегъ.

— Сколько? Двѣсти?

— Разумѣется.

— Такъ дай мнѣ; кстати надо кой-что купить; отсюда и пройду. Ванѣ сапожки надо, да Лидочка совсѣмъ обносилась, надо платьице гимназическое, да еще мамкѣ...

И Лидія Антоновна пустилась въ длинный перечень, что̀ именно и для кого именно надо купить.

— Сколько жь тебѣ? Пятидесяти будетъ?

— О, за глаза.

— А то я боюсь, опять къ Иверской зайдешь, а тамъ у тебя стащатъ.

— Скажите, пожалуста! обидилась Лидія Антоновна. — Что̀ разъ случилось, такъ будто и опять. Ну, и тогда всего девять рублей; правда, что деньги были нужны.

Андрей Николаевичъ, между тѣмъ, полѣзъ въ лѣвый брючный карманъ за деньгами, но тамъ ихъ не оказалось; вспомнивъ приключеніе на чердачной лѣстницѣ, онъ было струхнулъ.

— Ну, вотъ Иверской меня коришь, а сколько разъ я говорила тебѣ, Андрюша, чтобы не совалъ денегъ по всѣмъ карманамъ... Что̀, опять потерялъ?

— Никогда я еще ни копейки не терялъ, прихвастнулъ Ан-

дрей Николаевичъ, нащупавъ деньги въ другомъ карманѣ и съ торжествомъ вытаскивая ихъ.

— Какъ же, не терялъ? А тогда, помнишь, двадцать два рубля съ чѣмъ-то...

Андрей Николаевичъ прикусилъ языкъ. Дѣйствительно, однажды онъ прозавтракалъ съ пріятелями сказанную сумму и, не желая сознаться женѣ въ растратѣ, солгалъ, будто потерялъ какимъ-то необъяснимымъ случаемъ. Справедливость заставляетъ прибавить, что и сейчасъ отданные супругѣ пятьдесятъ были нарочито припрятаны изъ заработка въ карманъ на завтракъ съ пріятелями. Тутъ, впрочемъ, Андрей Николаевичъ выказалъ необычайную предусмотрительность: оставь онъ пятьдесятъ рублей въ бумажникѣ и не застань Ивана Ѳеогностовича дома, то, воротясь къ себѣ, конечно, по разсѣянности отдалъ бы бумажникъ со всѣми деньгами Лидіи Антоновнѣ, и тогда на долго бы пришлось проститься со встряской души и тѣла. Притомъ, нахожденіе денегъ въ брючныхъ карманахъ доставило случай лишній разъ укорить Лидію Антоновну иверскими жуликами, а такія шпильки, какъ извѣстно, составляютъ одно изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій семейной жизни.

— Ну, такъ я пойду. А ты домой?

— Куда же, какъ не домой. Я всегда домой.

— А Богъ тебя знаетъ. Попадется по дорогѣ пріятель, съ нимъ до поздней ночи въ трактирѣ и прображничаешь.

Андрей Николаевичъ почелъ за лучшее не возражать.

— А если домой, такъ заѣзжай...

И Лидія Антоновна поручила ему сдѣлать кой-какія хозяйственныя закупки.

Андрей Николаевичъ, сѣвъ на извощика, почувствовалъ какое-то отупѣніе. Неудача съ завтракомъ, неудача преслѣдованія и слѣдствія и особенно извѣстіе, что Иванъ Ѳеогностовичъ бросилъ его ради свиданія съ актрисой, подѣйствовали на него удручающимъ образомъ. Вотъ еслибы Иванъ Ѳеогностовичъ оказался просто у Бурзуковыхъ и можно было бы предположить, что онъ влюбился въ длинноносую Лизу, то несомнѣнно такое обстоятельство доставило бы немалое удовольствіе Андрею Николаевичу. Но Хотьминская-Горобецъ! Она такая хорошенькая! Самъ Андрей Николаевичъ выразился однажды, что она „сюжетецъ весьма невредный“, что означало высокую хвалу. Личико Хотьминской такъ и блеснуло у него передъ глазами. Такое

бѣленькое и румяненькое, точно у куколки! И какія бровки! И глаза у нея хорошенькіе, кругленькіе, какъ у совушки. Стой, а кто-бишь совоокая? Да, Аѳина-Паллада, Гера-то волоокая. Гм... Аѳина-то умная была, а Хотьминская... Впрочемъ, это деталь, какъ говорилъ поручикъ. Все жь глазки у нея прехорошенькіе, и мило она ихъ щуритъ, и при этомъ показываетъ свои жемчужные, ровненькіе, какъ на подборъ, зубки! Какъ прелестно, съ такимъ именно выраженіемъ она произнесла: „Что̀-съ?“ въ комедіи... Андрей Николаевичъ забылъ въ какой именно комедіи, да и вспоминать-то не хотѣлъ.

Предположить, что пріятель влюбился въ такую прелесть, было уже непріятно для Андрея Николаевича; но узнать, что онъ безъ его вѣдома, сблизился съ нею на столько, что она, она сама пригласила его къ себѣ, положимъ, на кофей или на завтракъ, было просто нестерпимо. „Впрочемъ, куда ему; развѣ онъ съумѣетъ кого-нибудь влюбить въ себя!“

И Андрей Николаевичъ рѣшилъ, что пріятель отправился къ Хотьминской-Горобецъ просто по дѣлу, — мало ли по какому! Можетъ быть, одинъ изъ обожателей поднесъ ей недвижимость и надо совершить купчую, или наконецъ просроченный вексель... Актрисы не то что̀ художники, векселей не боятся. Критическій анализъ еще недавно докладывавшій ему, что Иванъ Ѳеогностовичъ человѣкъ точный и осмотрительный и не можетъ забыть, куда и въ которомъ часу ему надо ѣхать по дѣлу, на сей разъ молчалъ. Критическій анализъ бываетъ порой подловатъ, какъ и творческая мечта, впрочемъ.

Сдѣлавъ порученныя закупки и воротясь домой, Андрей Николаевичъ былъ очень радъ, что не попалъ въ трактиръ. То ли дѣло дома! Онъ освѣдомился у дочери, какіе уроки были сегодня въ гимназіи, и сколько изъ чего она получила; затѣмъ прошелъ въ свою комнату и аккуратно провѣрилъ счета закупокъ и деньги, оставивъ на свой пай вмѣсто предположенныхъ пятидесяти всего двадцать пять; затѣмъ прилегъ на диванъ и сталъ мечтать о прелестяхъ тихой семейной жизни. Въ комнату вбѣжалъ маленькій пятилѣтній бутузъ, крестникъ Ивана Ѳеогностовича, названный въ его честь Ваней.

— Папа, можно къ тебѣ?

— Бѣги, бѣги.

Мальчикъ подбѣжалъ.

— Папа, знаешь, что̀ я тебѣ скажу?

— Нѣтъ, не знаю.

— А сказать?

— Скажи.

— Купи мнѣ пѣтуха.

— Зачѣмъ тебѣ пѣтухъ?

— Я его стану кукарекать учить.

— Да онъ лучше твоего умѣетъ.

— Нѣтъ, ты молоденькаго, который еще не умѣетъ; а я его научу.

— Да ты самъ не умѣешь.

— Я-то? съ увѣренностью проговорилъ бутузъ, ужасно напоминая въ эту минуту своего папашу.

— А ну!

Ваня прокукарекалъ, и отлично прокукарекалъ.

— О, да ты артистъ у меня будешь! вскричалъ восхищенный отецъ и, подхвативъ сынишку, посадилъ его къ себѣ на брюхо верхомъ.

— Ну, не хочешь пѣтуха, давай играть.

— Какъ же мы играть станемъ?

— А ты будто собака и спишь на солнцѣ, а я будто мальчикъ. Помнишь, какъ мы съ тобой чудесно играли!

— Давай.

Андрей Николаевичъ закрылъ глаза и къ восхищенію сына даже слегка захрапѣлъ; мальчикъ осторожненько подкрался къ нему и дернулъ за бороду. Отецъ свирѣпо прорычалъ; мальчикъ дернулъ въ другой разъ, отецъ открылъ глаза, гамкнулъ и сдѣлалъ примѣръ, будто хочетъ схватить его. Мальчикъ отбѣжалъ къ противоположной стѣнѣ. Итакъ далѣе. Чѣмъ больше разгоралась игра, тѣмъ громче и сердитѣй становился лай, наконецъ собака вскочила и стала гоняться за мальчикомъ, который визжалъ на пропалую; стулъ былъ опрокинутъ съ грохотомъ, и та же опасность грозила мольберту.

— Да полно вамъ! Какой гамъ подняли, маленькаго даже разбудили! сказала входя Лидія Антоновна.

Шалуны затихли, почуявъ, что мама не въ духѣ. Дѣйствительно, съ Лидіей Антоновной случилось то, что предсказывалъ Андрей Николаевичъ; жуликъ, какъ она ни остерегалась, вытащилъ-таки у нея у Иверской,—правда немного, всего рубль съ копейками,—сдачу, которую она положила по оплошности въ наружный карманъ пальто.

— Вотъ получай деньги! сказалъ Андрей Николаевичъ, отдавая женѣ бумажникъ.

Супруги занялись счетами. Лидія Антоновна даже бумажку и карандашъ взяла, но сколько она не считала, все выходило, что денегъ осталось больше.

— Да ты вездѣ платилъ? освѣдомилась она.

— Вездѣ.

— Гм.

И Лидія Антоновна снова принялась считать, и все съ тѣмъ же результатомъ.

— Да тутъ больше, Андрюша.

— Ахъ! Я и забылъ сказать, что двадцать пять прихватилъ впередъ.

— Да? А я-то мучаюсь: откуда лишнія? Впрочемъ, хорошо сдѣлалъ, что̀ взялъ. Мнѣ нужно еще...

И Лидія Антоновна пустилась въ хозяйственныя соображенія.

Въ тотъ же день, за вечернимъ чаемъ, Андрей Николаевичъ спросилъ жену, не знаетъ ли она, зачѣмъ Подлещиковъ былъ у Хотьминской.

— О, онъ у нея часто бываетъ.

— Часто?

— Да, Лиза мнѣ говорила.

— Что̀жь онъ влюбленъ, что̀ ли? ухаживаетъ за ней?

— Похоже на то. Ну, да она этакая, знаешь, вѣтренная... Деньги любитъ, подарки...

— Что̀жь онъ дарилъ ей что-нибудь?

— Не знаю; Лиза ничего не говорила.

— Ну, она, то-есть Хотьминская, разумѣется, водитъ его за носъ.

— Отчего ты думаешь?

— Не можетъ же она влюбиться въ Ивана!

— Отчего же нѣтъ? Не знаю, какъ съ мущинами, а съ дамами онъ такой деликатный, услужливый, и притомъ вкрадчивый такой. Нѣтъ, онъ можетъ нравиться. Вотъ Лиза безъ ума отъ него.

— Лиза? Лиза другое дѣло; она — долгоносая!

III.

О преимуществахъ портретной живописи.

Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ быть, болѣе, нежели всякій другой, имѣю права на этотъ портретъ.

Гоголь.

Андрей Николаевичъ нѣсколько дней кряду безпокоился на счетъ отношеній Хотьминской-Горобецъ къ Ивану Ѳеогностовичу. Онъ пускался въ самыя разнообразныя предположенія и соображенія. Онъ уже не отвергалъ съ прежнею настойчивостью возможности любви, по крайней мѣрѣ со стороны пріятеля, и горько сожалѣлъ о его участи, опасаясь, что Хотьминская разоритъ его въ конецъ.

Положимъ, Подлещиковъ человѣкъ достаточный; онъ нанимаетъ у штабсъ-капитана цѣлое меблированное отдѣленіе съ особымъ ходомъ и даже съ ни на что не нужной кухней; у него, вдобавокъ, всегда можно перехватить въ займы. Но вѣдь Андрею Николаевичу требовалось рублей пятьдесятъ, сто, и ужь никакъ не болѣе двухъ или трехъ сотъ,—данныя слишкомъ слабыя, чтобы судить о доходахъ Ивана Ѳеогностовича. Правда, Андрей Николаевичъ слышалъ, что нотаріусы получаютъ и по двадцати, и даже по сорока тысячъ въ годъ; но сколько именно получалъ Подлещиковъ, онъ не зналъ, и освѣдомиться объ этомъ у пріятеля, не будь даже тотъ такъ щепетиленъ относительно всякихъ вопросовъ, почелъ бы дѣломъ неделикатнымъ.

Быть можетъ, иной черезъ-чуръ проницательный читатель, вспомнивъ о погонѣ Безпалова за Подлещиковымъ, найдетъ, что авторъ впалъ въ противорѣчіе, приписывая Андрею Николаевичу такую деликатность. Тогда Андрей Николаевичъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страсти; причемъ вообще его любопытство касалось единственно душевныхъ и сердечныхъ обстоятельствъ, никогда не переходя въ навязчивую распросливость о житейскихъ мелочахъ. Онъ не обладалъ тою, по преимуществу семинаристскою любезностью, которая суетъ носъ въ самыя мелочныя дѣла знакомыхъ, считая святою обязанностью знать, сколько и откуда именно вы получаете въ годъ, и дорого ли платите за квартиру, и съ кѣмъ

крестили у Осьминскихъ, и гдѣ служитъ и много ли получаетъ мужъ вашей кумы, и много ли народу было на крестинахъ, и во сколько, примѣрно, обошлось угощенье хозяевамъ, и сколько вы дали попу, и въ какихъ сапогахъ стояли у купели, въ тѣхъ ли, которые купили за десять рублей въ Гостинномъ, или въ тѣхъ, за которые чуть не двадцать слупилъ съ васъ новомодный сапожникъ. Андрей Николаевичъ былъ настоящій художникъ, и для него человѣкъ былъ въ душѣ, а не въ карманѣ.

Итакъ, съ одной стороны Безпаловъ не зналъ доходовъ своего друга, а съ другой, въ виду ограниченности собственнаго бюджета, имѣлъ о большихъ суммахъ понятія самыя миѳологическія. Но ужь извѣстно, что ухаживанье за самою скромною актрисой всегда, какъ говорится, станетъ въ копеечку, то-есть потребуетъ прорвы денегъ. Какъ, однако, ни мучило Андрея Николаевича любопытство относительно сердечныхъ обстоятельствъ Ивана Ѳеогностовича, онъ ничего не предпринималъ для обслѣдованія дѣла, надѣясь на признаніе самого пріятеля, когда тому станетъ не въ моготу отъ любви, или на благодѣтельный случай, который и не замедлилъ представиться.

Какъ-то утромъ Андрей Николаевичъ прилежно работалъ передъ мольбертомъ.

— Что̀ это, Андрюша, какъ ты накурилъ! сказала, входя, Лидія Антоновна.

— Заработался и не замѣтилъ.

— Вѣдь это даже вредно столько курить!

— Очень вредно. Особенно для глазъ.

— Вотъ видишь!..

— Думаю все бросить. Гораздо лучше нюхать.

— Ну, этой гадости я тебѣ никогда не позволю.

— Чѣмъ же гадость?

— Ахъ, замолчи, пожалуста. Еще объясняй ему чѣмъ! И подумать-то даже отвратительно. И что̀ за неопрятность!

— Можно завести цвѣтные фуляровые платки, и ничего не будетъ видно. Или, ради экономіи, такіе, знаешь, клѣтчатые, да пестрые, какіе отставные фельдфебеля употребляютъ...

— Ты, кажется, меня хочешь сегодня вывести изъ терпѣнія.

Андрей Николаевичъ продолжалъ отстаивать пользу нюханья табаку. Въ подобныхъ обстоятельствахъ супруги Безпаловы напоминали Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну.

— Да, вотъ, мой дѣдъ, продолжалъ свои доказательства Андрей Николаевичъ.

— Ахъ, мало ли, что было сто лѣтъ назадъ!..

— Гдѣ же сто лѣтъ, когда я отлично его помню, а мнѣ всего четвертый десятокъ.

— Вотъ у тебя еще скверная привычка: прибавлять себѣ года.

— Гдѣ жь я прибавляю? Мнѣ тридцать шесть стукнуло.

— Такъ и говори, что тридцать шесть. А то четвертый десятокъ. Можно подумать, что тебѣ ужь за сорокъ.

— Какъ за сорокъ-то минетъ, такъ пятый ужь пойдетъ.

— Ну, хорошо! Ты ужасный спорщикъ, и только бы поставить на своемъ... Что̀ ты рисуешь?

— Не рисую я, а пишу. Рисуютъ карандашомъ, или мѣломъ, или...

— Ну, вотъ опять! Только бы поспорить. Что жь ты дѣлаешь? спросила Лидія Антоновна, никакъ не желая употребить принятый у художниковъ терминъ.

— По обычаю, богомазничаю.

— Гм... пренебрежительно фыркнула Лидія Антоновна.

— Ахъ, голубушка, сколько ни фыркай, а безъ боговъ плохо бы пришлось. Они, дай имъ Богъ здоровья, насъ кормятъ...

— Знаю я...

— И я знаю: ты опять насчетъ портретовъ.

— И всегда буду. Ужь извини, а портреты гораздо выгоднѣе твоихъ боговъ... Вотъ у Набойкина гораздо меньше твоего таланта, а сколько получаетъ!..

Андрей Николаевичъ еще съ Академіи питалъ нѣкоторое предубѣжденіе насчетъ портретной живописи. Не малую роль въ этомъ играла и повѣсть Гоголя.

— Эхъ, матушка, рисовалъ бы и я портреты... Вѣдь я не то, чтобъ вовсе противъ нихъ: видѣлъ я тоже, слава Богу, портреты старинныхъ мастеровъ... Да тогда вѣдь люди были, было съ чего рисовать. Хоть и харя да типическая, а энергіи, силы, страсти хоть прудъ пруди. Такого-то и написать лестно. А нынче народъ пошелъ какой-то плоскорылый да плоскодушный: что̀ ты въ немъ схватишь? Развѣ уродство какое-нибудь? Не спорю и теперь попадаются, особенно въ купечествѣ посѣрѣй, рожества претипичныя, да такихъ-то портретовъ не заказываютъ. А заказчики!

— Рисовалъ же ты мальчишку-трубачиста...

— Что̀ жь, развѣ мой трубачистъ дуренъ? задѣтый за живое, прервалъ Андрей Николаевичъ.

— Что̀ говорить, даже очень хорошъ...

— Еще бы не хорошъ! Самъ докторъ похвалилъ, сказалъ Андрей Николаевичъ, употребляя слово „докторъ" въ какомъ-то условномъ, понятномъ и ему, и женѣ, смыслѣ.

— Да я не къ тому. А, по моему, это тотъ же портретъ.

— Нѣтъ, не портретъ, а если хочешь этюдъ, а вѣрнѣй картинка. Мой трубочистъ, по своему дѣлу, чтобы сажу въ заслонкѣ вычистить, зашелъ въ хорому, какой съ роду не видалъ. Онъ даже присѣлъ отъ удивленія, забывъ, что испачкаетъ дорогое кресло. И на все дивуется: и на убранство, и на свою черномазую рожицу въ великолѣпномъ трюмо. Правда, въ натуру я взялъ того мальченка, который тутъ-вотъ возился въ трубѣ. Да я могъ имъ распорядиться по-своему и выраженіе ему придать, какое *я* хочу. А закащики!.. Знаю *я* ихъ! Придетъ къ тебѣ баринъ, лицо у него одутловатое, сѣрое, все въ точкахъ вдобавокъ, точно мухи на немъ ночевали, глаза бѣлѣсоватые, самъ весь сейчасъ, гляди, расплывется, какъ скверный студень какой,—а ты его пиши, а онъ съ тебя еще колорпту на чай станетъ просить: вычиталъ, бестія, умное словцо въ газетахъ!.. Другой—гладенькій такой, вылощенный, мяконькій, а вглядись хорошенько: мягокъ онъ только для самого себя, семью—по суровымъ глазамъ видно—въ ежовыхъ рукавицахъ держитъ; рубля, кремень, изъ горсти не выпуститъ, на себя тысячъ не жаль и прохвосту, который къ нему подластиться сумѣетъ, кучицу отвалитъ, а доброму человѣку, особенно на хорошее дѣло, копейки сущей не дастъ... А попробуй, придай ему его же выраженіе, онъ на тебя въ обиду вломится, на пятьдесятъ рублей обочтетъ да еще, чего добраго, къ мировому потащитъ, въ газеты пожалуется! Нѣтъ ты его пиши такимъ, какъ онъ дуракамъ кажетъ, или такимъ же, какъ самъ, скотамъ: почтеннымъ Иванъ Ивановичемъ! Третій—юлой влетитъ, живчикъ такой, вертлявѣй ртути; ты на него глядишь, а у него отъ твоего взгляда лицо передергиваетъ, всякая въ немъ черточка трепака выплясываетъ; и робость въ лицѣ видна: боится, что замѣтишь что-нибудь недоброе. А глаза, что̀ твои мышата въ западнѣ. Какъ ты его напишешь; его развѣ мимикой изобразить можно! А вѣдь онъ про себя свое глазо и лицеморганіе живостью и энергіей зоветъ. И того не довольно. Прежде все на Марса или Юпитера хотѣли

походить, а теперь ты его одноглазымъ Гамбетомъ, или какимъ-нибудь чертовымъ Ауэршпергомъ валяй; ну, а купецъ образованный попадется, изъ такихъ, что̀ модныя книжки для стоянья въ шкафахъ покупаетъ, такъ тотъ меньше, какъ на Дарвинѣ, или Боклѣ не помирится! А гдѣ ты у него Бокля или Гамбету, или хоть бы этого плохенькаго Ауэршперга подглядишь? Скотъ, какъ есть скотъ. Или свинья откормленная, или быкъ черкасскій, или мышь травленная. И критика за закащика: молъ художникъ только животненную сторону сумѣлъ подглядѣть; точно художникъ виноватъ, что люди образъ Божій утратили.

Супруги помолчали.

— Я вѣдь чего, Андрюша, боюсь, заговорила Лидія Антоновна,—что на образахъ ты разучишься. Все одно да одно...

— Богъ дастъ, не разучусь, сурово отвѣчалъ художникъ.

— Ты ужь давно ничего настоящаго не рисовалъ. Ну, не хочешь портретовъ, такъ собрался бы съ силами да опять что-нибудь въ родѣ *Чиновниковъ* написалъ!..

— Ишь, чего захотѣла! Въ другой разъ, пожалуй, и не напишется.

Чиновники составили славу Андрею Николаевичу. Было изображено, какъ канцелярскіе, попавъ, очевидно случайно, на выставку, нежданно наткнулись на портретъ своего начальника во всѣхъ орденахъ и въ полный ростъ. Одинъ точно окаменѣлъ отъ изумленія, и не знаетъ идти ли ему впередъ, поклониться, или дать тягу. Двое другихъ, посмѣлѣе, уже оправились, лукаво между собою переглядываются и какъ бы говорятъ: „Ишь, нашъ-то, нашъ! Каковъ, а? собака его ѣшь“! Четвертый, посолиднѣй и постарше, созерцаетъ изображеніе начальника съ благоговѣніемъ и страхомъ, но поспокойнѣе, чѣмъ смотрѣлъ бы на живаго, ибо не предвидится опасности, чтобы начальство съ нимъ заговорило. Пятый, пофрантоватѣе и почище одѣтый, смотритъ однимъ глазкомъ на начальство, а другимъ на своихъ товарищей, какъ бы желая сказать: „Хамы вы, хамы! а вотъ, мнѣ, такъ ни почемъ“!

— Отчего жь не напишется?

— Вопервыхъ, что въ другой разъ мнѣ не прославиться, потому что такая неожиданность случается съ человѣкомъ всего разъ въ жизни. А вовторыхъ, что я ни напиши, все меня *Чиновниками* будутъ корить. Чѣмъ хоть бы тотъ же *Трубочистъ* хуже ихъ? Во многихъ отношеніяхъ даже лучше. А что̀ гово-

рили? Одинъ написалъ, что г. Безпаловъ истратилъ весь свой талантъ на *Чиновниковъ* и *Трубочистъ* не прибавитъ новаго листка къ его лаврамъ, иными словами: удалось молъ скакуну прыгнуть! Другой... Э, да что̀!

И Андрей Николаевичъ махнулъ рукой.

— Я и не думала, Андрюша, что это такъ на тебя дѣйствуетъ.

— И вовсе не дѣйствуетъ. Правду докторъ говоритъ, что рецензенты затѣмъ и существуетъ, чтобы возбуждать въ художникахъ пуще отвращеніе къ пошлости и тупости. А все-таки досадно: невѣжи и дураки пишутъ, невѣжъ и дураковъ только и печатаютъ, невѣжъ и дураковъ и читаютъ. А кто не вретъ, какъ всѣ, кто своимъ умомъ живетъ, тотъ въ отсталыхъ нынче. И выходитъ, что мы не въ Европѣ, а въ мурьѣ живемъ, и художество намъ не къ лицу. Да чортъ съ ними!.. А втретьихъ, Лидочка, потому что и втретьихъ есть...

— Что̀ такое?

— А то, что у самого прежней смѣлости нѣтъ. Прежде писалось какъ-то съ маху, безъ дальней думы, а теперь... Какъ бы уяснить тебѣ?.. Да вотъ дѣти очень маленькія часто ничего не боятся, а какъ станутъ подростать да головенкой работать, и страхъ у нихъ проявится.

Лидія Антоновна припомнила, что и ихъ Лидочка маленькая смѣло къ любой кошкѣ и собакѣ подходила, и даже за хвостъ ихъ дергала, а потомъ опасливѣй стала, а собакъ такъ даже бояться начала.

— Ну, вотъ видишь! И женщинамъ, чѣмъ дальше, труднѣе рожать, а казалось бы привыкнуть надо...

— Ну, ты ужь не можешь, чтобы не сказать чего-нибудь *такого*...

— Ничего *такого* я и не говорю. Сравненіе даже очень мрачное. И у насъ замыслы зарождаются, и вынашиваемъ мы ихъ, и роды у насъ бываютъ удачные, или преждевременные выкидыши, легкіе или трудные...

— Ну, занесся! А что̀ сказать хотѣлъ, забылъ.

— Ничуть не забылъ. Такъ, въ-втретьихъ-то, видишь, съ лѣтами робче и осмотрительнѣй становишься. „Маху“-то не довѣряешь; сперва хорошенько обдумаешь, анализу подвергнешь...

— Ну, сердись, Андрюша, не сердись, а я прямо скажу, съ жаромъ заговорила Лидія Антоновна, — а, по моему, какъ твой докторъ въ Москву перебрался, да ты пуще прежняго сдру-

жился съ нимъ, да разныхъ ученыхъ словъ отъ него наслушался, такъ и мудрить надъ собой сталъ...

— Эхъ, матушка, вывезла! Да старинные-то мастера ученые были, и не въ томъ смыслѣ, какъ наши профессора, а настоящей учености люди, а таланта они отъ того не теряли, а онъ еще крѣпнулъ у нихъ отъ мысли... Не бойся, Лидочка, у меня въ головѣ не заглохло еще, много тамъ кой-чего накопилось. Написать-то мы напишемъ, а угодимъ ли въ данную минуту ученой и неученой толпѣ, не важно есть. За Богомъ молитва, а за потомствомъ художество не пропадаетъ.

И Андрей Николаевичъ съ какимъ-то остервенѣніемъ принялся мазать боговъ. Въ головѣ у него бурлило, всплывали задуманныя картины, яснѣли и одѣвались красками. „А важно, ей-Богу, важно выйдетъ!“ приговаривалъ онъ про себя, соображая подробности той или другой будущей картины, мысленно ихъ передѣлывая и чувствуя удачливость передѣлокъ. И это подбадриваніе самого себя, это сознаніе своихъ силъ, постепенно какъ бы выдѣлялось изъ него, окутывало его со всѣхъ сторонъ и разросталось въ гулъ грядущей славы. Андрей Николаевичъ встряхивалъ при этомъ головой и дѣлалъ такой мазокъ на славу, что самъ любовался.

Онъ продолжалъ работать и мечтать. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы и не писать портретовъ; можетъ ему и повезетъ, станетъ и онъ брать тысячи, накопитъ деньжонокъ, да и махнетъ за границу. Тамъ побродитъ опять по галлереямъ, но не такъ, какъ въ былое время, ужь не начинающимъ и легкомысленно самонадѣяннымъ пансіонеромъ Академіи, а какъ художникъ, испытавшій свои силы; тамъ наберется у великихъ мастеровъ геройскаго духа, встряхнется душой, на иной ужь манеръ, чѣмъ въ московскомъ трактирѣ. Да послѣ такой поѣздки онъ, чего добраго, сможетъ взяться за исполненіе своей завѣтной мечты, за созданіе русскаго историческаго жанра. Что̀ теперь пишутъ въ этомъ родѣ? Правда, чистенько, гладенько, опрятно, и красочки даже порой есть, да жизни-то чортъ-ма, какъ говорятъ Хохлы. Не живые люди на картинѣ, а актеры, не умѣющіе носить костюма, или ряженые мастеровые. А чуть кто костюмчикъ повѣрнѣй нарисуетъ, такъ ужь геніемъ себя мнитъ. Нѣтъ, ты такъ пиши, чтобы каждая черточка стариной дышала, чтобъ она у зрителя душу будила, богатырскимъ духомъ на нее вѣяла! А то не кар-

тины пишутъ, а такъ, курьезные историческіе анекдотцы малюютъ да и то по примѣру историческихъ писакъ.

— А что, Лидочка, заговорилъ вдругъ Андрей Николаевичъ,— вѣдь ты и права, пожалуй. И къ портрету принаровиться можно; съ той же стороны къ нему, напримѣръ, подъѣхать, какъ я къ своему *Трубочисту*.

— Только ты, пожалуста, Андрюша... я вѣдь такъ только... робко заговорила Лидія Антоновна.

— Чего только?

— Ну, вотъ, что ты подумаешь, будто я ради денегъ...

— И-и! матушка.

— Нѣтъ, ты, пожалуста; если ты находишь, что это повредитъ тебѣ... Такъ что̀ жь, прожили, слава Богу, безъ портретовъ сколько лѣтъ и впредь, дастъ Богъ, проживемъ...

— Полно тебѣ, Лидочка! съ любовнымъ добродушіемъ сказалъ Безпаловъ.—Замѣчу, что вредитъ, и самъ брошу.

— Ну, вотъ теперь, слава Богу, я буду вполнѣ спокойна, радостно проговорила Лидія Антоновна, и у нея даже глаза загорѣлись.

— А только... Видишь, Лидочка, и у меня свое „только“ есть... Только надо для перваго портрета, чтобы личность была извѣстная... Понимаешь, сходство будутъ находить, спорить, и прочая. Да и физіономія, чтобы сколько-нибудь подходящая была... Ужь ты постарайся!

По лицу было видно, что Лидія Антоновна тотчасъ же что-то сообразила, но она остереглась высказать свое соображеніе: у нея была примѣта, что какъ выскажешь задуманное, такъ оно и не исполнится.

Дня черезъ три Лидія Антоновна спросила Андрея Николаевича, что онъ думаетъ насчетъ женскаго портрета.

— Ты, помнится, говорилъ, сказала она, — что у насъ женскихъ портретовъ писать не умѣютъ. Вотъ бы попробовалъ!

— Что̀ жь, можно и женскій; точно, что мало ихъ, хорошихъ-то, механически отвѣчалъ Андрей Николаевичъ, думая совсѣмъ о другомъ и не обративъ вниманія на слова жены.

Прошла еще недѣля.

— Ну, Андрюша, дѣло слажено, нежданно, воротясь откуда-то, румяная отъ холода, весело сказала Лидія Антоновна. — И какую же натуру я тебѣ достала!

— Ну? недовѣрчиво отвѣтилъ супругъ.

-- Да, да, желая немного помучить мужа, продолжала Лидія Антоновна, — ужь будешь благодаренъ. Прелесть, что за женщина! Ты самъ ею восхищался. Да и всѣмъ она нравится...

— Съ кого же?

— А вотъ, отгадай... Впрочемъ, не стану тебя мучить: съ Хотьминской! Завтра же и отправляйся.

— Какъ завтра?

— Да, такъ, что у нея день свободный: репетицій нѣтъ.

Андрей Николаевичъ даже опѣшилъ. И самъ хорошенько не зналъ съ чего опѣшилъ: съ того ли, что съ хорошенькой придется писать, или оттого, что нежданно для него открывалась возможность проникнуть въ тайну скрытнаго друга.

— Я тогда же на нее подумала, только говорить не хотѣла. А ты не забудь Лизу поблагодарить: она все, спасибо, устроила.

— Ну, Лидочка, спасибо: вотъ такъ удружила! сказалъ Андрей Николаевичъ и даже ручку у жены поцѣловалъ.

Теперь онъ радовался уже какъ художникъ: передъ нимъ ужь мелькнуло личико Хотьминской, и онъ предчувствовалъ, что изъ него можно̂ сдѣлать.

— Только не забудь, Андрюша, зови ее Фанни, а то она терпѣть не можетъ, если ее Ѳедосьей зовутъ.

— Фанни-то Фанни, а по батюшки, какъ?

— Юрьевна.

— Ладно. Не собьемся.

III.

Салонъ въ Каретномъ ряду.

Если маменька позволитъ,
На театръ опредѣлюсь.

Дѣтская Книжка.

Тѣмъ временемъ долго застоявшаяся хмурая осень смѣнилась ясною зимой. Андрей Николаевичъ весьма этому радовался. Хоть и не долги зимніе рабочіе часы, а все-таки хоть разглядѣть можно. Только вотъ, какъ окна? Окна оказались самыя благопріятныя: они были высоки и выходили на самую любезную художникамъ страну свѣта, на сѣверо-востокъ.

Андрей Николаевичъ установилъ мольбертъ, завѣсилъ окна,

приготовилъ палитру, словомъ, хоть садись, да пиши, а Фанни Юрьевна все не выходила. Безпаловъ слышалъ за дверью шуршанье платьевъ, какіе-то торопливые и ворчливые переговоры, раза два дверь какъ будто пыталась отвориться, но что-то все мѣшало.

„Эхъ, мѣшкаетъ барыня, досадливо думалъ Андрей Николаевичъ,—и такъ свѣтъ не долго, а тутъ чего добраго, тучки еще набѣгутъ!"

Наконецъ дверь отворилась. Фанни Юрьевна вышла въ простенькомъ, но очень миленькомъ платьицѣ. Они поздоровались и вспомнили, что уже встрѣчались. Фанни Юрьевна сказала, что ей очень лестно, что такой извѣстный художникъ, вздумавъ попробовать свои силы въ портретѣ, выбралъ для оригинала именно ее. Андрей Николаевичъ въ долгу не остался и въ свою очередь отпустилъ полновѣсный комплиментъ.

— А это ничего, если я потомъ попрошу васъ перемѣнить платье на портретѣ? Это мнѣ не нравится.

Андрей Николаевичъ отвѣчалъ, что ничего.

— Платье и безъ васъ какое угодно накинемъ, добавилъ онъ.— Только вы ужь будьте милостивы, одолжите мнѣ тогда платьице на денекъ, другой. А то эти Рюши-Грюши, въ нихъ, того гляди, безъ натуры запутаешься.

Рюши-Грюши очень понравились Фанни Юрьевнѣ.

— Ахъ, какой вы милый! воскликнула она и слѣдомъ подумала: „потому и милый, что смѣшной".

Андрей Николаевичъ весело принялся за работу. Онъ шутилъ, вспоминалъ роли, въ которыхъ видѣлъ Фанни Юрьевну; при этомъ ему удалось вызвать на ея лицѣ и то выраженіе, которое ему особенно въ ней нравилось.

„Вотъ бы такой и написать ее подумалъ онъ было, но слѣдомъ передумалъ.—Нѣтъ, не годится, разсуждалъ онъ,—мордочка, правда, выходитъ премиленькая, а только если ее на полотнѣ задержать, гримасой покажется. Она тѣмъ и мила, что мимолетна. Какъ бы такъ ухитриться, чтобы полотно и напоминало ее, да и гримасы не было-бъ?"

Работа шла скоро, хотя не безъ перебивовъ. То Фанни Юрьевну вызывали въ другую комнату, докладывая, что ее режиссеръ спрашиваетъ, или модистка пришла; то Фанни Юрьевнѣ на серебряномъ подносѣ записочку подавали и она, извиняясь, читала ее, прищуривъ глазки; то ей новую роль приносили, и она, пе-

релиставъ тетрадку, съ презрѣньемъ отбрасывала ее въ сторону. Впрочемъ, эти перерывы не особенно мѣшали; Безпаловъ опасался одного, чтобы, по случаю свободнаго утра, къ Фаннѣ Юрьевнѣ не нагрянули поклонники.

„Набѣгутъ, накурятъ, затормошатъ совсѣмъ мою барыньку, думалъ онъ.—Э, да, что̀ жь я?.. Я вѣдь до сихъ поръ не рѣшилъ, какъ ее нарисую. Ну, хорошенькая она. Что̀ жь, мало ли хорошенькихъ!.. Ну, куколка фарфоровая... Гм... и этого мало... Куколка-то, куколка... А развѣ вотъ этакъ: хороша молъ куколка, не дурно бы и мнѣ такую завести!.. Именно, чтобы всякій, какъ взглянетъ на портретъ, это самое и подумалъ... Такъ ее и намалюемъ“.

И вотъ онъ уже видѣлъ, какое именно выраженіе придастъ ей. Не то, что ему нравится, а близкое, которое всѣмъ, кто ее знаетъ, напомнитъ о томъ, мимолетномъ. Всѣмъ такъ и покажется, что она сейчасъ-вотъ по-своему глазки прищуритъ, а зу̀бки ужь жемчужною ниточкой блестятъ.

— Да, да, именно это движеніе схватить; задержанное движеніе изобразить. А?.. Какъ у Микель Анджело въ статуяхъ. А ловко бы было, канальство!..

Предвѣстницей скораго сборища явилась Лиза. Она, впрочемъ, вошла тихо, скромно спросила, не помѣшаетъ ли, и усѣлась въ сторонѣ съ работой. Лиза, на свой страхъ, единственно изъ дружбы къ Лидіи Антоновнѣ, какъ ей думалось, рѣшилась взять на себя роль ангела-хранителя, чтобы не допустить художника впасть въ коварныя сѣти театральной Цирцеи; Андрей же Николаевичъ полагалъ, будто она пришла пораньше ради того, чтобы потомъ не было замѣтно, что она явилась для Ивана Ѳеогностовича. Немного погодя раздался первый звонокъ. Безпалова слегка покоробило. Явилась женщина неопредѣленныхъ лѣтъ и такого же вида; она нѣжно облобызалась съ хозяйкой, назвавъ ее Фаничкой, и немедленно принялась восхищаться ея простенькимъ платьицемъ, котораго, по ея словамъ, она еще не видала. По тону, какъ она лебезила передъ Хотьминской, видно было, что онѣ служатъ въ одной труппѣ и гостья состоитъ у хозяйки въ прихвостняхъ. Восхищаясь и болтая, она вертѣлась передъ Фанни Юрьевной, все порываясь еще разикъ поцѣловать ее, и весьма мѣшала Андрею Николаевичу, такъ что тотъ, чтобъ угомонить вертлявую гостью, былъ

вынужденъ попросить Фанни Юрьевну подержать еще минуточку голову извѣстнымъ образомъ.

— Да, Шурочка, не мѣшай намъ, замѣтила въ свою очередь Хотьминская.

Шурочка тотчасъ же повиновалась; она присѣла къ Лизѣ, о чемъ-то съ ней пошептагась, затѣмъ подняла упавшую на полъ роль и стала прилежно читать ее, изрядно притомъ гримасничая. Шурочка видя, что роль валяется, вообразила, что Хотьминской она не нравится, а стало-быть, по вѣроятности, достанется ей, какъ дублеркѣ, а потому и выкидывала артикулы лицомъ, мечтая, какъ поразитъ зрителей своей изумительно развитою мимикой,—выраженіе, которое она уже заранѣе читала въ будущемъ отчетѣ о ея игрѣ.

Безпаловъ выгадалъ, такимъ образомъ, еще съ полчаса и когда затѣмъ раздался довольно сильный звонокъ, то онъ уже не растревожился.

— Теперь ничего, хоть оравой вваливайтесь, сказалъ онъ про себя.—Теперь не помѣшаете; чтобы съ натурой справиться на минутку, другую васъ и укротить можно. А вся-то она теперь у меня вотъ гдѣ сидитъ.

И художникъ потыкалъ твердымъ концомъ кисти себѣ въ лобъ. Явился графъ Ворворищевъ, молодой, лѣтъ пятидесяти, человѣкъ, съ помятымъ и подправленнымъ лицомъ, съ усталыми и припухлыми вѣками и вооруженнымъ моноклемъ правымъ глазомъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ и довольно смѣло держался на дрябловатыхъ ножкахъ. Послѣдовало общее представленіе. Графъ расслабленнымъ голосомъ отпустилъ нѣсколько любезностей, причемъ казалось будто слова помимо воли сыплятся ему откуда-то на языкъ; затѣмъ, вставивъ монокль, протянулъ свое любимое словцо *enfin*, какъ въ передней задребезжалъ звонокъ.

Вошла красивая, высокая и полная блондинка въ причудливой мантильи, которую безпрерывно передергивала на плечахъ.

— Здравствуй, Ѳеничка, сказала она, цѣлуя подругу и съ удовольствіемъ замѣчая, что у той отъ Ѳенички передернуло губы.—Bonjour, monsieur Безпаловъ, кивнула она художнику.— Ну, ну, не бойтесь, я не стану мѣшать вамъ: послѣ поздороваемся. А, графъ! и вы здѣсь, какъ бы удивленно сказала она, лукаво скашивая на него глаза и затѣмъ быстро и съ усмѣшкой переводя ихъ на Ѳеничку.

У Фанни Юрьевны морщинка скользнула между бровями: ей показалось подозрительнымъ, что подруга и графъ явились такъ скоро другъ послѣ друга: ужь не сговорились ли?

— А васъ, графъ, продолжала блондинка, подавая ему руку,— я не ожидала здѣсь встрѣтить. Кажется, вы обѣщали сегодня пить у меня кофе.

— Но я былъ такъ несчастливъ, что уже не засталъ васъ дома.

— А чуточку подождать было нельзя? прищуривъ глазки и глядя чуть-чуть изъ-подлобья, спросила блондинка.

— Mais, madame... mais enfin я довольно опытенъ, чтобы знать, что когда хорошенькая женщина скажетъ вамъ, что будетъ непремѣнно въ такомъ-то часу у себя, то ее навѣрно не окажется дома.

— Гляди-ка-сь, какъ ловко вывернулся! мѣщанскимъ говоромъ сказала блондинка и звонко чмокнула Шурочку.

Всѣ усѣлись; послѣдовало небольшое молчаніе.

— Какъ вчера отлично принимали Фанни Юрьевну! внезапно воскликнула Шурочка.—А вы, графъ, вчера не были въ клубѣ?

— Pardon madame, я былъ.

— А я васъ искала, и не видѣла, отозвалась Фанни Юрьевна.

— Видите ли, совралъ графъ,—я немного опоздалъ. И этотъ несносный обычай стоять въ проходѣ! Я вынужденъ нашелся сѣсть въ заднихъ рядахъ.

— Дѣйствительно, въ первомъ ряду одно кресло весь спектакль пустое простояло, подхватила Шурочка.

Она какъ-то верхнимъ чутьемъ поняла, что слѣдуетъ выручить графа: въ нѣкоторое молъ время онъ еще мнѣ пригодится.

— А какъ вамъ понравился мой первый костюмъ?

— Первый костюмъ? и графъ поднялъ глаза къ потолку, какъ бы припоминая.

— Амазонка? Прелесть? сказалъ Безпаловъ.

— О, да, да! Вы были просто... délicieuse.

— А вы развѣ были? спросила Фанни Юрьевна, съ признательностью останавливая взглядъ на художникѣ.

— Всенепремѣнно.

Андрей Николаевичъ не солгалъ; вчера, какъ только жена сообщила ему насчетъ портрета, онъ поспѣшилъ въ клубъ въ надеждѣ не удастся ли подмѣтить кое-какія черты.

— А, вообразите, авторъ остался не доволенъ, обратилась Хотьминская къ графу.

— Но... почему жь?

— Онъ увѣряетъ, что дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, рано утромъ, что я играю женщину небогатую, которой не до амазонокъ.

— Да? не понимая въ чемъ дѣло, воскликнулъ графъ.

— Я ему говорила, что кататься можно и рано утромъ, и что это даже очень здорово, особенно въ деревнѣ, и что амазонка не Богъ-знаетъ чего стоитъ.

— Да, столкуй съ ними! съ негодованіемъ замѣтила Шурочка и даже отвернулась.

— Sont-ils bêtes, ces auteurs! воскликнулъ графъ.

— Истинная правда, ваше сіятельство, подхватила Шурочка, подлетая къ графу,—они должны бы Бога благодарить, что ихъ дребедень ставятъ, особенно когда такія артистки, какъ...

Но тутъ Шурочка уловила взглядъ Хотьминской и понявъ, что, какъ говорится, переборщила, умолкла.

— Но, позвольте, позвольте! заговорилъ графъ, вскакивая съ мѣста.—Ему точно передалось прерванное негодованіе Шурочки. Онъ вышелъ на середину комнаты и, слегка раздвинувъ ноги, помѣстился противъ Хотьминской.—Но, позвольте... если костюмъ вамъ къ лицу, то auteur... mais enfin il vous doit savoir gré! Это украшаетъ его піесу. Cela donne de l'attraction...

— Графъ, вы застите, крикнула ему блондинка.

Графъ не понялъ, немного растерялся и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Вы мѣшаете monsieur Безпалову. Пожалуйте-ка лучше сюда...

И она пересѣла подальше отъ Хотьминской. Графъ не зналъ что̀ ему дѣлать: все, что онъ хотѣлъ высказать, — а высказать онъ хотѣлъ, какъ ему помнилось, нѣчто весьма остроумное— какъ-то нечаянно выскочило у него изъ головы; оно, впрочемъ, столь же нечаянно и влетѣло ему въ голову.

— Да, да, глубокомысленно проговорилъ онъ и потомъ, спохватясь, добавилъ, обращаясь къ Безпалову:—извините, пожалуста, я, кажется, въ самомъ дѣлѣ...

— Да, я попросилъ бы васъ самую крошечку вправо...

— Сейчасъ, сейчасъ... И графъ, стараясь припомнить улетѣвшую мысль, завертѣлся во всѣ стороны. Наконецъ ему показалось, что онъ изловилъ ее.—Mais enfin, торжественно воз-

гласилъ онъ и намѣревался опуститься въ кресло подлѣ Фанни Юрьевны, какъ вдругъ раздался звонокъ.

Явился Подлещиковъ; Безпаловъ, не желая чтобъ на его работу было обращено вниманіе раньше, чѣмъ слѣдуетъ, всталъ ему навстрѣчу; хозяйка, блондинка и Шурочка послѣдовали его примѣру. Начались взаимныя привѣтствія, причемъ оказалось, что блондинку зовутъ Глафирой Александровной, а Шурочку Александрой Петровной. Затѣмъ хозяйка, предварительно не безъ удивленія, замѣтивъ: „а вы развѣ не знакомы?“ представила нотаріуса графу. Подавая руку Ивану Ѳеогностовичу, Ворворищевъ нѣсколько подозрительно осмотрѣлъ его и затѣмъ подивился его нахальству, когда тотъ сѣлъ въ то самое кресло, куда за минуту думалъ опуститься самъ графъ, въ надеждѣ блеснуть своимъ остроуміемъ.

— Волей-неволей, а придется вамъ побесѣдовать со мной, сказала Глафира Александровна графу.—Пожалуйте-ка сюда; мнѣ надо еще васъ поисповѣдовать.

И подхвативъ Ворворищева подъ руку, она усадила его подлѣ себя.

— Кто это? тихо спросилъ онъ.

— Подлещиковъ, нотаріусъ, одинъ изъ Ѳеничкиныхъ поклонниковъ.. А? что̀? не нравится?

Графъ съ изумленіемъ осмотрѣлся вокругъ; онъ, конечно, зналъ кое-что о дѣятельности отечественныхъ нотаріусовъ, особенно по вексельной части, но ему почему-то вспомнились нотаріусы французскіе, знакомые ему по театру. Быть-можетъ, именно потому, что Подлещиковъ не походилъ ни на смѣшныхъ водевильныхъ нотаріусовъ, ни на чрезмѣрно дѣловитыхъ и застегнутыхъ на всѣ пуговицы нотаріусовъ высокой комедіи, графъ и былъ несказанно удивленъ, какимъ образомъ онъ очутился въ одномъ обществѣ съ подобнымъ лицомъ, вдобавокъ не обратившимъ никакого вниманія на его титулъ и не обнаружившимъ къ нему ни малѣйшаго почтенія.

— Ну съ, ваше сіятельство, будетъ вамъ ревновать; потрудитесь-ка лучше отвѣчать, кому вы изволили солгать: ей или мнѣ?..

Графъ никакъ не ожидалъ такого вопроса.

— Comment, madame?..

— Нечего, каманъ, нарочно самымъ грубымъ образомъ выго-

варивая французское слово, отвѣчала Глафира Александровна,— вы мнѣ обѣщали, что будете вчера въ балетѣ?..

— Ахъ, вы объ этомъ!.. Ну, разумѣется, ей...

— А спроси она. вы тѣмъ же самымъ тономъ отвѣтите: ну, разумѣется, ей"...

— Но, клянусь вамъ... Наконецъ, вы меня видѣли же вчера въ театрѣ...

— Я не изъ тѣхъ актрисъ, которыя ищутъ глазами своихъ знакомыхъ въ креслахъ...

— Но въ балетѣ?..

— А балетъ, по вашему, не искусство?

— Напротивъ, напротивъ... Самое высокое искусство, если хотите... Enfin, только въ немъ женщина бываетъ вполнѣ женщиной...

— А въ драмѣ она на половину мущина?.. Но оставимъ это. Извольте-ка доказать, что вчера вы были въ балетѣ...

— Но вы же знаете, что я обожаю, что я боготворю васъ...

— Ахъ, ради Бога! испуганнымъ голосомъ заговорила блондинка, и даже поднесла руки къ ушамъ, какъ бы въ намѣреніи заткнуть ихъ пальцами...

— Что съ вами?

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы хотите быть моимъ другомъ, то никогда не говорите такихъ вещей...

— Но почему же?..

— Я замужемъ, съ необыкновенною скромностью отозвалась блондинка...

— Но...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!.. Нѣтъ, перестаньте, это такъ волнуетъ меня... Въ другой разъ... А пока ухаживайте лучше за Ѳеничкой, благо ужь начали...

— Но по вашей теоріи и за ней нельзя. Вѣдь она тоже замужняя...

— Да? передразнивая графа, спросила блондинка.—Почему же, ваше сіятельство, вы изволите это полагать?

— Но мнѣ говорили; притомъ у нея двойная фамилія.

— Ха, ха! потому что она къ своей фамиліи Горобца пришпилила!.. Но, смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я съ большимъ правомъ могла бы приставить къ себѣ цѣлаго Беркута. И не дурно бы вышло: Шелехова-Беркутъ! А? звучно? не правда ли?..

— О, да, да, поспѣшно согласился графъ, хотя вовсе не по-

стигалъ, почему Глафира Александровна имѣла право на цѣлаго Беркута.—Но развѣ она?..

— О, у нея было семь мужей, но и тотъ, съ кѣмъ она сейчасъ живетъ, ей не мужъ...

— Да вы презлая!.. Ah, ah, по-французски разсмѣялся графъ,— madame est une femme avec laquelle il ne faut pas se brouiller... Скажите, пожалуста, откуда это?

— Что̀ это, изреченіе, что ли?

— Да.

Блондинка въ упоръ поглядѣла графу въ глаза.

— Изъ французскаго водевиля, заглавія не помню, не сморгнувъ, отвѣчала она.

— Да?.. Mais c'est très spirituel, mais très spirituel.

„И болванъ же ты, какъ я на тебя погляжу", мысленно покачивая головой, подумала Шелехова.

Иванъ Ѳеогностовичъ тѣмъ временемъ бесѣдовалъ съ Фанни Юрьевной.

— А вы вчера не были? спросила она и укоризненно поглядѣла на него.

— Какъ ни старался, не могъ отдѣлаться раньше одиннадцати, а потомъ, согласитесь, ужь было поздно.

— Очень жаль; вчера у меня была новая роль.

— Да, я знаю... И удачно вышла?

— Кажется... Впрочемъ спросите Безпалова: онъ былъ.

Иванъ Ѳеогностовичъ обратился къ пріятелю съ вопросомъ, хороша ли была вчера Фанни Юрьевна.

— Восхитительна! Фанни Юрьевна вчера вполнѣ оправдала мои ожиданія.

— Приходится еще разъ пожалѣть, сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ.—Впрочемъ, я былъ въ томъ увѣренъ, судя по тому, что вы говорили о роли. И вамъ навѣрно больше всего удался третій актъ?

— По крайней мѣрѣ публикѣ это понравилось больше всего...

— Но вы, сами, въ душѣ довольны? Говорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ довольство самого артиста важнѣе мнѣнія всей публики.

Фанни Юрьевна о чемъ-то подумала, точно припоминая, что̀ въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ отвѣчать.

— Да, я, знаете, невольно какъ-то чувствовала, что мнѣ удавалось, съ заученною томностью проговорила она.

— А мою карточку получили?

— Карточку? удивлено спросила Фанни Юрьевна.

— Да, послѣ третьяго акта...

— Ахъ, это отъ васъ? вспыхнувъ вскрикнула она.—Очень вамъ благодарна, чудесный букетъ: онъ у меня въ спальнѣ... Я вамъ покажу потомъ... Не думайте, что я тщеславна, совсѣмъ напротивъ; но, знаете, какъ-то пріятно видѣть, что тебя цѣнятъ, какъ артистку... Притомъ, и публика это любитъ, и всегда при этомъ оживляется... И право... я не умѣю выразиться, но вы понимаете.

— Дѣло понятное, разсудительно сказалъ Иванъ Ѳеогностовичъ.—Публика видитъ въ подобной, конечно ничтожной дани таланту осязательное подтвержденіе своего сужденія, и это побуждаетъ ее удвоить выраженіе своего восторга.

— Какой онъ, однако, умный, я и не предполагала! подумала Фанни Юрьевна и затѣмъ слегка, но тепло пожавъ руку Ивану Ѳеогностовичу, продолжала вслухъ:

— Merci еще разъ. И очень мило съ вашей стороны, что вы сами не могли быть въ спектаклѣ, а все-таки не забыли, что у меня новая роль...

— Я полагалъ, что напоминать о себѣ только пустымъ кресломъ—совсѣмъ пустое дѣло, обнаруживъ внезапную игривость ума, сказалъ Иванъ Ѳеогнотовичъ.

Фанни Юрьевна ничего не сказала, но строго повела глазами въ сторону Шурочки.

Андрей Николаевичъ все время внимательно наблюдалъ за пріятелемъ, прислушиваясь къ ихъ разговору. Но тутъ они заговорили такъ тихо, что до него стали долетать только отдѣльныя, безсмысленныя, какъ газетная цитата, слова. Андрей Николаевичъ глядѣлъ на Ивана Ѳеогностовича, и глазамъ не вѣрилъ: нынче онъ казался ему совсѣмъ инымъ противъ того, какимъ онъ его всегда зналъ.

— А Лидія-то права! разсуждалъ онъ.—Есть у него и вкрадчивость, и угодливость какая-то особенная... Съ подходцемъ передъ бабенкой юлитъ... А я вотъ ничего такого за нимъ не замѣчалъ... Впрочемъ, это больше все по дамской части.

Портретъ, между тѣмъ, подвигался плохо, работа не клеилась; Андрею Николаевичу начало уже казаться будто и темновато становится и онъ только подмазывалъ кое-гдѣ, занимаясь больше фономъ. Онъ не прочь былъ и вовсе пріостановиться въ работѣ,

но опасался, какъ бы не подумали, что онъ умышленно хочетъ обратить на себя вниманіе. Отъ нечего дѣлать, Андрей Николаевичъ вспомнилъ, что Лиза влюблена въ Подлещикова, и сталъ было наблюдать за нею, но Лиза сидѣла по прежнему скромно и тихо и, казалось, была цѣликомъ погружена въ свое вышиваніе.

— И скука же одолѣваетъ! И ноги промять хочется! уныло твердилъ про себя художникъ.

— Нѣтъ, вы поглядите, господа, что̀ это за прелесть! нежданно раздалось позади его.

То воскликнула Шурочка. Ей надоѣло, что на нее никто не обращаетъ вниманія, а, главное, нѣтъ на лицо свободнаго мужчины, кѣмъ бы она могла заняться, и она потихоньку пробралась за спину Андрея Николаевича.

Ея слова заставили всѣхъ зашевелиться и броситься къ портрету.

— Ай да, барынька, удружила! сказалъ про себя Безпаловъ,— сто̀итъ ей за это фунтикъ конфектъ пожертвовать.

Всѣ столпились у портрета, который Андрей Николаевичъ поспѣшилъ поставить такъ къ свѣту, чтобы получился наилучшій эффектъ.

— Ну, Андрюша, молодецъ! первый заговорилъ Иванъ Ѳеогностовичъ,—въ этомъ портретѣ ты просто превзошелъ себя. Такой нѣжности и тонкости я и не зналъ въ тебѣ.

— Mais monsieur a eminement du talent, отозвался графъ.

— Безъ тебя я, вишь, и не зналъ, что у меня талантъ есть, досадливо подумалъ Безпаловъ,—а только онъ еще что-то прибавилъ... Какъ бишь? миниманъ, что̀ ли?.. Надо будетъ доктора спросить, онъ догадается...

— Ахъ, monsieur Безпаловъ, сказала хозяйка,—я, право, не знаю, какъ благодарить васъ. Мнѣ кажется будто я вижу себя въ зеркалѣ.

— И какъ вы сумѣли схватить самое милое у Фанни Юрьевны выраженіе! примолвила Лиза.

Безпаловъ не безъ удивленія взглянулъ на нее.

— Э, да барышня, кажись, въ нашемъ дѣлѣ кой-что смыслитъ! подумалъ онъ,—не дурно и ей фунтикъ преподнести.

— Виноватъ, заговорилъ графъ, обращаясь къ художнику,— но если не секретъ, позвольте узнать: вы дѣлаете этотъ портретъ по чьему-нибудь заказу, или же...

— Monsieur Безпалову просто хотѣлось попробовать свои силы

на женскомъ портретѣ, сказала хозяйка,—и онъ былъ столь добръ, что выбралъ меня для оригинала.

— Это дѣлаетъ честь его вкусу, любезно отозвался графъ.

— А съ меня, противный, не бось, не могъ! не безъ злобы шепнула художнику Глафира Александровна.

— Но я, собственно, хотѣлъ бы знать, продолжалъ графъ,— предназначается ли этотъ портретъ для кого-нибудь, или же...

— Вопервыхъ, на выставку, отвѣчалъ художникъ.

— Мнѣ кажется, monsieur Безпалову не зачѣмъ особенно заботиться о судьбѣ портрета, сказала Лиза,—у Фанни Юрьевны столько поклонниковъ, что навѣрно кто-нибудь не упуститъ случая сдѣлать ей такой пріятный подарокъ.

— Умница барышня, подумалъ Безпаловъ,—за эти слова еще фунтикъ прикинуть можно.

Иванъ Ѳеогностовичъ и Ворворищевъ вздрогнули отъ словъ Лизы, какъ отъ электрическаго удара. Подлещиковъ сдержался и только скользнулъ глазами по лицу графа, причемъ у него на губахъ мелькнула презрительная улыбка. Графъ, вооруженный моноклемъ, съ руками на отлетѣ, горделиво всѣмъ станомъ откинулся назадъ, какъ бы желая изобразить, что въ подобныхъ случаяхъ для него не можетъ быть соперниковъ; поза была бы не только внушительна, но даже величественна, еслибы дряблыя ножки графа, не ожидавшія столь порывистаго движенія туловища не покачнулись и не...

По счастью, нѣкоторое незапное обстоятельство, какъ разъ въ это мгновеніе, отвлекло отъ графа общее вниманіе, чрезъ что и авторъ избавленъ отъ обязанности описывать, какъ графъ чуть, было, не впалъ въ конфузъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. Аверкіевъ.

РЯЗАНСКІЕ ЭТЮДЫ.

Недавно, роясь въ своей библіотекѣ, я случайно нашелъ тетрадку, которую давно считалъ утраченною и о которой успѣлъ забыть. На заглавномъ листкѣ ея написано слѣдующее: „*Краткій историческій очеркъ полустолѣтняго существованія Рязанской гимназіи, приготовленный для торжественнаго акта.* Составленъ старшимъ учителемъ и секретаремъ совѣта Д. Иловайскимъ“. Въ концѣ подписано: 1856 годъ, 20 декабря.

Сей очеркъ лично для меня памятенъ, какъ мой первый самостоятельный опытъ исторіографическаго труда. Незадолго предъ тѣмъ, по окончаніи университетскаго курса, я поступилъ на службу въ Рязанскую гимназію. На меня, какъ на младшаго члена, педагогическій совѣтъ тотчасъ возложилъ обязанности своего секретаря; а затѣмъ поручилъ мнѣ составить означенный очеркъ по поводу истекшаго полустолѣтія гимназіи. Порученная работа была вскорѣ мною исполнена; причемъ я воспользовался тѣмъ небогатымъ матеріаломъ, который заключался въ гимназическомъ архивѣ. Относительно вышеприведеннаго выраженія „старшій учитель“, напомню, что предметы тогда раздѣлялись на старшіе и младшіе; исторія была отнесена къ старшимъ. Надѣюсь, что по-своему небольшому объему мой очеркъ не затруднитъ ни журналъ, ни публику; а потому рѣшаюсь напечатать его, именно, какъ свою первую исторіографическую работу, притомъ не лишенную мѣстнаго значенія для извѣстнаго края. Печатаю очеркъ безъ перемѣнъ, съ нѣсколько приподнятымъ, соотвѣтствовавшимъ назначенію, тономъ.

Эта найденная случайно тетрадка вызвала у меня цѣлую вереницу воспоминаній о прошломъ, воспоминаній отчасти личнаго, отчасти общественнаго характера. Изъ нихъ выбираю одну страницу или одинъ эпизодъ, который также, надѣюсь, не утомитъ читателей *Русскаго Обозрѣнія*. Предметомъ своимъ онъ имѣетъ мое посѣщеніе города Рязани вообще и Рязанской гимназіи въ частности въ 1881 году.

I.

Первое полустолѣтіе Рязанской гимназіи.

Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ Благословенный учрежденіемъ особеннаго министерства для народнаго просвѣщенія 24 генваря 1803 года отдѣлилъ эту часть отъ другихъ отраслей государственнаго благоустройства. Такая мѣра много способствовала еще болѣе стройному и широкому примѣненію началъ европейскаго образованія къ воспитанію русскаго юношества. Вслѣдъ за тѣмъ главныя народныя училища, учрежденныя въ губернскихъ городахъ при Екатеринѣ II, были преобразованы въ гимназіи, а малыя училища въ уѣздныя; кромѣ того, значительно улучшены средства для ихъ содержанія и увеличенъ самый объемъ преподаванія.

Въ Рязани торжественное открытіе гимназіи произошло 1804 года 27 ноября. Этотъ достопамятный для насъ день, по русскому обычаю, начался усердными молитвами. Послѣ божественной литургіи, совершенной архіепископомъ Амвросіемъ, учителя, ученики и вся рязанская публика собрались въ залу благороднаго собранія, гдѣ произведенъ былъ актъ подъ предсѣдательствомъ его высокопреосвященства и господина гражданскаго губернатора Димитрія Семеновича Шишкова. Рѣчи, произнесенныя при этомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствовали современнымъ обстоятельствамъ; а именно, говорили о томъ, какое вліяніе имѣютъ науки на благосостояніе гражданскаго общества, о плодахъ просвѣщенія, о воспитаніи дѣтей и проч. Не былъ упущенъ изъ виду и другой обычай нашихъ предковъ: не только успѣшное окончаніе, но и начинаніе добраго дѣла сопровождать веселымъ пиромъ. Послѣ акта начальникъ губерніи угощалъ у себя цвѣтъ Рязанскаго общества, а вечеромъ былъ театръ и ужинъ у гос-

подина коллежскаго совѣтника и кавалера Гаврила Васильевича Рюмина. Кромѣ того, сочувствіе къ наукамъ выразилось при этомъ случаѣ и болѣе существеннымъ образомъ: губернскій предводитель дворянства Левъ Дмитріевичъ Измайловъ вмѣстѣ съ Гавриломъ Васильевичемъ Рюминымъ пожертвовали 800 рублей на основаніе гимназической библіотеки.

Во время открытія гимназіи директоромъ рязанскихъ училищъ былъ Андрей Ивановичъ Толстой. Вскорѣ потомъ онъ получилъ увольненіе по своей просьбѣ, и мѣсто его заступилъ Михаилъ Ивановичъ Клечановскій. По представленіямъ послѣдняго рязанскіе дворяне, собравшіеся на выборы въ 1805 году, купили у г-жи Кузнецовой тотъ самый домъ, который извѣстенъ теперь подъ именемъ Старой гимназіи. Дворянство не ограничилось упомянутою суммой и внесло сверхъ того 29.000 рублей на перестройку и болѣе изящную отдѣлку зданія. Эта перестройка каменнаго корпуса и разныя прибавленія къ нему окончены уже въ 1815 году.

Между послѣдующими событіями въ исторіи нашего заведенія до 1833 года самое пріятное воспоминаніе оставили по себѣ два Высочайшія посѣщенія, которыхъ оно удостоилось.

Городъ Рязань, называвшійся прежде Переяславлемъ, очень рѣдко пользовался счастіемъ видѣть въ своихъ стѣнахъ Всероссійскихъ Самодержцевъ. Сохранилось только преданіе, будто Іоаннъ Грозный, путешествуя водой въ Казань, заѣзжалъ, между прочимъ, и въ Переяславль Рязанскій. Потомъ, въ 1695 году, Петръ Великій, отправляясь въ Азовскій походъ, останавливался противъ Переяславля въ судахъ на Окѣ, и тамъ благоволилъ принять поздравленіе отъ города. Слѣдовательно, Александръ Благословенный первый изъ Императоровъ русскихъ удостоилъ нашъ городъ своимъ присутствіемъ въ 1819 году. Впрочемъ, обозрѣніе гимназіи совершено было Государемъ уже въ третій проѣздъ его через Рязянь. Это событіе со всѣми подробностями записано было въ лѣтописи нашего заведенія. Извлекаемъ оттуда нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Въ 1824 году, 24 августа, въ началѣ третьяго часа пополудни, Его Императорское Величество, въ сопровожденіи генералитета и многихъ чиновниковъ, изволилъ прибыть въ рязанскую гимназію. Директоръ училищъ Иванъ Михайловичъ Татариновъ встрѣтилъ Государя у крыльца. Въ парадномъ корридорѣ ожидали Его Величество семейства учителей гимназіи съ дѣтьми, одѣтыми въ

русскія платья. Государь пріостановился и спросилъ у директора: „Что это значитъ?“ Директоръ отвѣчалъ, что „семейства, живущихъ въ домѣ гимназіи, желаютъ также быть участниками въ нашемъ торжествѣ“. Государь изволилъ благосклонно поклониться имъ, а дѣти изъ корзинокъ цвѣтами усыпали путь Его Величеству. Послѣ того директоръ предшествовалъ Государю въ залъ гимназіи и здѣсь представилъ ему чиновниковъ и учениковъ гимназіи; потомъ подалъ стихи, сочиненные учителемъ Милашевичемъ на прибытіе Государя въ Рязань; а учитель рисованія Кирилловъ поднесъ Его Величеству, написанное имъ, изображеніе Св. фамиліи. Государь благосклонно принялъ, съ милостивымъ вниманіемъ разспрашивалъ о состояніи заведенія, осмотрѣлъ также кабинеты естественный и физическій. Выходя изъ гимназіи, онъ остановился и сказалъ директору: „Мнѣ очень пріятно изъявить вамъ совершенную мою благодарность за устройство ввѣренной вамъ части“.

Спустя восемь лѣтъ, а именно въ 1832 году, блаженной памяти Государь императоръ Николай I, будучи въ Рязани, также удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашу гимназію. 19 сентября, прибывши въ восемь часовъ утра, Его Величество изволилъ обозрѣвать классы гимназіи, въ которыхъ преподаваніе происходило въ то время обыкновеннымъ порядкомъ. Государь обратилъ благосклонное вниманіе на всѣ хозяйственныя и учебныя подробности заведенія, и въ заключеніе спросилъ директора, есть ли при гимназіи пансіонъ и по старому, или по новому уставу она образована? На что директоръ отвѣчалъ Его Величеству, что хотя теперь пансіона при гимназіи нѣтъ, но за учебною и нравственною стороной учениковъ имѣется особый надежный надзоръ; а касательно устройства гимназіи доложилъ, что образованіе ея старое. Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ прежде, именно въ уставѣ для учебныхъ заведеній, отъ 8 декабря 1828 года, Государь Императоръ ясно высказалъ свое желаніе объ учрежденіи благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Вотъ самыя слова устава въ §§ 239 и 240: „Дабы живущимъ въ губерніяхъ дворянамъ и чиновникамъ доставить средства прилично воспитывать дѣтей безъ значительныхъ на то издержекъ, учреждаются при гимназіяхъ пансіоны. На заведеніе и содержаніе сихъ пансіоновъ опредѣляются суммы отъ добровольно дѣлаемыхъ для сего приношеній и отъ установляемой за воспитанниковъ платы“.

Съ того времени директоръ училищъ Николай Николаевичъ

Семеновъ ревностно принялся за это дѣло, ободряемый совѣтами товарища министра народнаго просвѣщенія (графа) Сергѣя Семеновича Уварова. Онъ обратился къ дворянскому сословію Рязанской губерніи, и въ запискѣ отъ 4 декабря 1832 года, приглашая его къ выполненію Высочайшей воли, изложилъ свои мысли относительно средствъ и устройства предполагаемаго заведенія. Въ отвѣтъ на это приглашеніе губернскій предводитель дворянства г. Ракитинъ, по совѣту съ уѣздными предводителями и депутатами, рѣшился представить мысли господина директора на разсужденіе всему благородному сословію, собравшемуся на выборы, что̀ и было имъ исполнено. Доброе дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило теплое сочувствіе. Нельзя однако сказать, чтобы оно удалось безъ затрудненій. Въ главномъ, то-есть, въ необходимости учредить пансіонъ всѣ были согласны; но явились различные взгляды на самую организацію заведенія и на тѣ цѣли, которыхъ оно должно достигать. Наконецъ, послѣ двухнедѣльныхъ преній дворянство 21 генваря 1833 года утвердило актъ объ учрежденіи благороднаго пансіона при Рязанской гимназіи. Нѣкоторыя положенія этого акта, впрочемъ, подверглись измѣненію со стороны министерства народнаго просвѣщенія, потому что не были согласны съ упомянутымъ уставомъ объ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главною основой новаго учрежденія послужилъ подвигъ Николая Гавриловича Рюмина, который въ томъ же 1833 году началъ свое непрерывное, прекрасное служеніе въ званіи почетнаго попечителя гимназіи. Онъ пожертвовалъ въ пользу пансіона большой каменный домъ, представлявшій великолѣпное помѣщеніе для воспитанниковъ, и 25.000 руб. на первоначальное устройство. 6 декабря послѣдовало торжественное открытіе Рязанскаго благороднаго пансіона. Съ того времени этотъ день ежегодно сопровождается благодарнымъ молебствіемъ въ пансіонскомъ залѣ.

1833 годъ начинаетъ собою вторую половину полустолѣтняго существованія нашей гимназіи. Увеличенная въ своихъ размѣрахъ, она теперь могла имѣть болѣе широкое и, слѣдовательно, болѣе благодѣтельное примѣненіе своихъ началъ къ дѣлу воспитанія.

Въ этой второй половинѣ особенно памятно для насъ посѣщеніе рязанской гимназіи Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ престола, въ настоящее время нашимъ возлюб-

леннымъ государемъ, Александромъ Николаевичемъ. 16 августа 1837 года Его Высочество въ сопровожденіи многихъ особъ своей свиты обошелъ всѣ классы гимназіи и обозрѣлъ всѣ ея подробности. Яковъ Полонскій, тогда еще ученикъ VII класса, а теперь извѣстный русскій поэтъ, сочинилъ стихи на случай прибытія Его Высочества. Эти стихи поднесены были государю Наслѣднику его почтеннымъ наставникомъ, въ то время уже знаменитымъ ветераномъ русской поэзіи, Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, и счастливый юноша удостоенъ былъ всемилостивѣйшей награды. При осмотрѣ заведенія Его Высочество неоднократно изъявлялъ благодарность господину директору; а предъ отъѣздомъ своимъ двукратно повторилъ незабвенныя для Рязанской гимназіи слова: „Я на пути своемъ не видалъ еще подобной гимназіи."

Въ 1843 году нашему заведенію даровано было право выпускать своихъ воспитанниковъ въ университетъ безъ вторичнаго испытанія. Въ 1845 году совѣтъ гимназіи отъ 24 генваря учредилъ третныя цензуры, которыя состоятъ въ томъ, что предъ роспускомъ учениковъ на зимнюю и лѣтнюю ваканцію, и на Свѣтлую недѣлю, послѣ предварительнаго совѣщанія начальниковъ и преподавателей, въ собраніи всѣхъ учащихся объявляется мнѣніе совѣта о каждомъ классѣ вообще, а въ частности объ ученикахъ, заслуживающихъ похвалу или порицаніе; въ заключеніе принимаются мѣры къ исправленію неуспѣшныхъ и неблагонравныхъ. Въ то же время для именъ отличившихся прекрасными успѣхами и поведеніемъ впродолженіе всего гимназическаго курса учреждена была золотая доска. Эти мѣры до сихъ поръ продолжаютъ приносить свои плоды, постоянно поддерживая благородное соревнованіе между воспитанниками. Въ слѣдующемъ 1846 году два низшіе класса гимназіи, въ которыхъ преподаваніе по многочисленности учениковъ представляло неудобства, раздѣлены были на два отдѣленія—гимназическое и пансіонское; въ послѣдствіи тоже самое сдѣлано было и съ третьимъ классомъ. Въ 1849 году гимназическій курсъ дополненъ преподаваніемъ законовѣдѣнія; а въ 1852 вмѣсто греческаго языка, какъ и въ прочихъ гимназіяхъ, введены были естественныя науки.

Если обратить вниманіе на количество учащихся въ Рязанской гимназіи, то въ первый годъ ея существованія въ ней считалось 52 воспитанника. Это число потомъ постоянно возрастало съ

небольшими колебаніями, и въ началѣ 1833 года оно составляло цифру 261, а въ концѣ этого года, то-есть, послѣ учрежденія пансіона возрасло до 318. Въ слѣдующіе года оно нѣсколько понизилось, а съ 1843 опять начало подниматься. Въ настоящее время всѣхъ учениковъ считается 312, изъ нихъ 84 пансіонера.

Средняя цифра выпуска за послѣднее десятилѣтіе колеблется между 12 и 20. При этомъ случаѣ съ особеннымъ удовольствіемъ можно упомянуть о послѣднемъ выпускѣ въ текущемъ 1856 году: изъ семнадцати молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, четверо отличнѣйшихъ удостоены были награды золотою медалью, вмѣсто одного обычнаго эминента.

Учебныя пособія гимназіи находятся въ очень удовлетворительномъ состояніи. Фундаментальная библіотека имѣетъ до 1.300 названій и болѣе 3.000 томовъ. Физическій кабинетъ представляетъ всѣ необходимыя принадлежности для производства опытовъ; а минералогическій состоитъ изъ 855 NN. минералловъ и 115 NN. раковинъ.

Что̀ касается до начальниковъ гимназіи, здѣсь первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ господину почетному попечителю Николаю Гавриловичу Рюмину. Вотъ уже почти четверть столѣтія, какъ онъ съ честію занимаетъ этотъ важный постъ и своими многократными пожертвованіями вполнѣ пріобрѣлъ названіе благотворителя нашего заведенія. Ему, какъ извѣстно, принадлежитъ слава быть основателемъ благороднаго пансіона. Потомъ слѣдуетъ господинъ директоръ Ѳ. Н. Шилингъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ онъ началъ свою службу при нашемъ заведеніи въ качествѣ инспектора; а въ 1845 году вступилъ въ управленіе дирекціей и занялъ десятое мѣсто въ ряду директоровъ, бывшихъ отъ основанія гимназіи. Третье мѣсто занимаетъ С. Н. Мацѣйовскій, который въ 1839 году опредѣленъ сюда старшимъ учителемъ математики, и послѣ шестнадцатилѣтняго добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей въ настоящемъ 1856 году назначенъ инспекторомъ нашей гимназіи.

Гг. преподаватели большею частію питомцы Московскаго университета. Между ними были прежде и теперь найдутся такіе, которые первоначальнымъ образованіемъ своимъ обязаны той же самой Рязанской гимназіи. Всѣ они по мѣрѣ своихъ силъ стараются пересадить сѣмена науки на юную, нетронутую почву возрастающаго поколѣнія. Но главное, особенное вниманіе въ

трудномъ дѣлѣ воспитанія, безъ сомнѣнія, обращается на нравственныя начала; на то, чтобы заранѣе пріучить молодыхъ людей къ строгому исполненію своихъ обязанностей, — къ той добросовѣстности, на которой покоится благосостояніе всякаго образованнаго общества. Смѣемъ надѣяться при этомъ, что уже многіе молодые люди, окончившіе полный курсъ наукъ въ Рязанской гимназіи, принесли съ собою на служебное поприще прекрасное нравственное направленіе и достойнымъ образомъ оправдали усилія наставниковъ. И въ настоящее время гимназія между ея питомцами считаетъ довольное количество такихъ, которые обѣщаютъ впослѣдствіи поравняться со своими старшими товарищами.

Рязань. 1856 года, 20 декабря.

II.

Мое не совсѣмъ удачное посѣщеніе города Рязани.

Въ августѣ 1881 года я изъ Москвы отправился на Тифлисскій археологическій съѣздъ. Городъ Рязань стоялъ на пути. Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ я покинулъ этотъ городъ, и съ тѣхъ поръ въ немъ не былъ. Думаю, нехорошо проѣхать мимо: тутъ я учился, и прошелъ полный гимназическій курсъ, тутъ же потомъ учительствовалъ и написалъ свой первый ученый трудъ или магистерскую диссертацію, посвященную мѣстной исторіи *(Исторія Рязанскаго княжества);* для чего, между прочимъ, предпринималъ пѣшеходное путешествіе по Рязанскому краю. (Очеркъ сего путешествія перепечатанъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* 1857 года въ моихъ *Мелкихъ Сочиненіяхъ).* Рѣшилъ на сутки заѣхать и посѣтить родную гимназію.

Былъ уже вечеръ, когда я пришелъ въ столь знакомое мнѣ зданіе гимназическаго пансіона. Въ нижнемъ этажѣ сего зданія и я когда-то обиталъ. Въ томъ же этажѣ помѣщалась теперь директорская квартира. Директора не нашелъ дома. Спрашиваю объ инспекторѣ; говорятъ, что въ настоящую минуту находится въ пансіонѣ. Поднимаюсь на верхъ и вызываю его въ пріемную комнату. Инспекторъ оказался изъ учителей математики; а директоръ изъ преподавателей древнихъ языковъ и вмѣстѣ изъ австрійскихъ Славянъ. Высказанное мною желаніе на слѣдую-

щій день посѣтить гимназію нѣсколько смутило инспектора. Видя, что онъ затрудняется, я поспѣшилъ сообщить ему, что имѣю на то оффиціальное разрѣшеніе отъ начальства Московскаго учебнаго округа. И дѣйствительно, какъ бы предчувствуя затрудненія, я передъ отъѣздомъ озаботился на всякій случай запастись таковымъ разрѣшеніемъ. Инспекторъ взялъ у меня бумагу и обѣщалъ передать директору о моемъ желаніи.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что въ Рязани еще живутъ двое или трое изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, которыхъ я вздумалъ разыскать. Между ними первое мѣсто занималъ мой гимназическій учитель исторіи г. Р., занимавшій теперь мѣсто управляющаго акцизными сборами. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ, гдѣ-то на окраинѣ города, и г. инспекторъ любезно вызвался отправиться къ нему со мною вмѣстѣ.

Приходимъ. Несмотря на годы, по наружности Р. мало измѣнился,—все такой же высокій, худощавый и мягкій въ обращеніи. Замѣчаю, однако, что внезапное появленіе когда-то бывшаго любимаго ученика не особенно обрадовало хозяина. Никакихъ спросовъ и разговоровъ. Очевидно я попалъ не совсѣмъ кстати, на какія-то музыкальныя упражненія или на приготовленія къ концерту. Тутъ оказался одинъ помѣщикъ со своею приблизительно двѣнадцатилѣтнею дочерью, которая на слѣдующій день должна была участвовать въ публичномъ концертѣ. Помѣщикъ сей не преминулъ сообщить мнѣ о ея необыкновенныхъ музыкальныхъ способностяхъ. Тутъ же былъ и ея учитель музыки, молодой человѣкъ, котораго хозяинъ отрекомендовалъ мнѣ артистомъ, подающимъ чрезвычайныя надежды и чуть ли не ученикомъ самого Листа, который предсказалъ ему блестящую будущность.

Началось разыгрываніе разныхъ пьесъ и въ двѣ, и въ четыре руки. Ничего необыкновеннаго въ игрѣ я не нашелъ, и, будучи вообще противникомъ слишкомъ ранняго появленія дѣтей на публичной сценѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на дѣвочку, какъ на жертву родительскаго тщеславія. Поскучавъ такимъ образомъ часа два, я сталъ прощаться. Узнавъ, что на слѣдующій день я уѣзжаю съ послѣобѣденнымъ шестичасовымъ поѣздомъ, помѣщикъ уговаривалъ меня остаться до ночнаго трехчасоваго поѣзда, чтобы не пропустить концерта его дочери!

Что̀ сдѣлалось съ Р., который на старости лѣтъ превратился въ отчаяннаго меломана и, повидимому, индеферентно относится ко всему остальному?—размышлялъ я дорогой.—Неужели акцизъ

повліялъ на него въ эту сторону? Или заѣла среда?—какъ принято у насъ выражаться.

Припомнилось мнѣ другое время. Именно 1857--8 годы, когда по субботнимъ вечерамъ небольшой кружокъ мѣстныхъ интеллигентовъ собирался у просвѣщеннаго губернскаго предводителя дворянства А. В. Селиванова, и съ увлеченіемъ предавался бесѣдѣ о выдающихся литературныхъ явленіяхъ и начинавшихся общественныхъ реформахъ, особенно о предстоявшей эманципаціи крестьянъ. Р., тогда занимавшій мѣсто губернскаго прокурора, былъ однимъ изъ усердныхъ членовъ этого кружка; онъ же меня съ нимъ и познакомилъ. Изъ другихъ членовъ его припоминаю жандармскаго полковника И., а также брата хозяина В. В. Селиванова, въ то время совѣтника Палаты Государственныхъ Имуществъ, извѣстнаго своими очерками изъ сельскаго быта, озаглавленными „Годъ русскаго земледѣльца“. Не малое оживленіе этимъ вечерамъ придавалъ вице-губернаторъ М. Е. Салтыковъ, только что прославившійся тогда подъ псевдонимомъ Щедрина своими „Губернскими очерками“. Его своеобразная манера рѣчи и подчасъ слишкомъ безыскусственное остроуміе вызывали обыкновенно веселое настроеніе.

Да, то было время замѣчательнаго общественнаго подъема и радужныхъ надеждъ. Русское общество начинало дышать полною грудью послѣ предыдущей удушливой атмосферы. Извѣстно, что Россія испытала въ чужомъ пиру похмѣлье. Западныя революціи 1848—9 годовъ, столь мало насъ касавшіяся, послужили толчкомъ къ такимъ мѣрамъ, которыя усугубили давленіе и безъ того суроваго режима. Многія общественныя увлеченія и правительственные промахи послѣдующаго времени могутъ быть объясняемы именно неизбѣжною реакціей противъ слишкомъ тяжелаго режима, пытавшагося подавлять всякое свободное проявленіе мысли и чувства. Нѣсколько аналогическое явленіе переживаемъ мы и въ настоящую пору. Западная Европа, по своимъ экономическимъ условіямъ, начинаетъ страдать болѣзненными соціальными явленіями. И вотъ у насъ выступаетъ цѣлый рядъ или недозрѣлыхъ, или коварныхъ мыслителей и публицистовъ, которые, подъ симъ предлогомъ, стараются отвлечь Россію отъ прямаго пути насущныхъ національныхъ интересовъ, а вмѣсто того пытаются занять ее призраками грознаго рабочаго вопроса и массовыхъ соціалистическихъ движеній.

Но возвратимся къ разсказу.

Поутру явился ко мнѣ гимназическій служитель съ письменнымъ извѣщеніемъ, что къ одиннадцати часамъ я могу прибыть въ гимназію. Прихожу. Послѣ краткаго разговора, директоръ, крайне сдержанный въ манерахъ и словахъ, начинаетъ молча водить меня по классамъ. Попавъ на урокъ исторіи, мы присѣли и остались тутъ нѣсколько минутъ. Преподаватель, кажется, не получившій университетскаго образованія и переведенный сюда изъ уѣзднаго училища, объяснялъ слѣдующій урокъ довольно толково, хотя нѣсколько сухо и возвышенно. Взглянувъ на употребляемыя въ сей гимназіи руководства, я отчасти понялъ, почему директоръ и учитель нѣсколько конфузились, ученики смотрѣли на меня, какъ на совершенно сторонняго посѣтителя, Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ явившагося, а я чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ человѣкомъ въ стѣнахъ этой, якобы родной мнѣ гимназіи. Отъ предшествовавшаго преподавателя, одного изъ моихъ преемниковъ, навѣщавшаго иногда меня вь Москвѣ, я зналъ, что онъ держался моихъ руководствъ; но не зналъ, что послѣ его смерти мои книги были совершенно устранены. Во всякой другой гимназіи я, конечно, не имѣлъ бы никакого права обратить серьезное вниманіе на сіе обстоятельство; но въ Рязанской, каюсь, оно показалось для меня чувствительнымъ. Очевидно, всякія традиціи и связи съ прошлымъ гимназіи не имѣли никакого значенія въ глазахъ ея новаго состава.

Во время большой перемѣны директоръ привелъ меня въ хорошо памятную мнѣ актовую залу, заключавшую въ себѣ и фундаментальную библіотеку, и показалъ шкапы съ книгами, завѣщанными недавно тогда умершимъ славистомъ А. Н. Поповымъ, который также былъ когда-то ученикомъ Рязанской гимназіи. Отсюда мы пришли въ учительскую комнату; но, не останавливаясь въ ней, директоръ провелъ меня далѣе, въ свой отдѣльный кабинетъ. Чрезъ пять минутъ я откланялся и поспѣшилъ на воздухъ, чтобы свободнѣе вздохнуть послѣ испытанной мною натяжки и чисто оффиціальнаго пріема. Въ мое время директорствовалъ Ѳ. И. Шилингъ, изъ балтійскихъ Нѣмцевъ, человѣкъ далеко не мягкій; а всѣ въ гимназіи смотрѣли какъ-то привѣтливѣе и веселѣе; болѣе вѣяло русскимъ духомъ, съ присущимъ ему добродушнымъ и вмѣстѣ патріотичнымъ настроеніемъ. Несвойственный нашему характеру австрійскій формализмъ и недостатокъ теплаго, сердечнаго отношенія къ дѣлу, вмѣстѣ съ крайнимъ грамматическимъ направленіемъ учебной реформы 1871 года, несомнѣнно, уже наложили свой отпечатокъ.

Ну, думаю, теперь пойду, отведу душу бесѣдой съ своимъ старымъ пріятелемъ С., который въ мое время былъ инспекторомъ одного скромнаго заведенія, содержимаго на счетъ дворянства. Въ эпоху реформъ онъ педагогическую карьеру перемѣнилъ на юридическую, и сдѣлался однимъ изъ звѣздъ мѣстной адвокатуры. Я нашелъ его живущимъ въ центрѣ города, въ собственномъ уютномъ домикѣ съ садомъ, и сначала былъ принятъ радушно. Разговорились о томъ, о семъ. Я распрашивалъ о Рязани за послѣднюю эпоху. Но вотъ рѣчь склонилась на Москву. Мой собесѣдникъ разразился цѣлою филиппикой противъ московскихъ безобразій. Подъ этими безобразіями онъ разумѣлъ главнымъ образомъ извѣстную потасовку, которую торговцы Охотнаго ряда учинили учащейся молодежи по поводу одной изъ ея антиправительственныхъ уличныхъ демонстрацій. Но самый-то верхъ безобразія, по его мнѣнію, составляли статьи Каткова, въ которыхъ тотъ будто бы сочувственно отнесся къ антидемонстраціи охотнорядцевъ.

Не оправдывая вполнѣ сихъ послѣднихъ, я въ свою очередь порицалъ недостойное поведеніе той части молодежи, которая играла роль слѣпого орудія въ рукахъ злостной агитаціи и дѣйствовала заодно съ нашими врагами въ то время, когда Россія жертвовала кровью своихъ сыновъ и матеріальными своими средствами для освобожденія Балканскихъ Славянъ.

Но когда-то скромный, умѣренный либералъ, теперь усердный читатель и почитатель петербургскаго *Голоса*, С., оказался рѣшительнымъ космополитомъ и противникомъ *узкой*, по его мнѣнію, національной точки зрѣнія. Адвокатская практика очевидно сообщила ему значительный апломбъ и развязность языка. Я скоро убѣдился, что наши воззрѣнія успѣли сильно разойтись и что онъ слишкомъ далеко ушелъ отъ меня впередъ. Видя, что обмѣнъ мыслей принимаетъ все болѣе и болѣе нежелательное направленіе, я счелъ за лучшее проститься.

Такъ не совсѣмъ удачнымъ оказалось мое послѣднее свиданіе въ этомъ мірѣ съ двумя старыми рязанскими знакомцами, безспорно хорошими людьми и честными дѣятелями. И Р., и С. уже отошли въ вѣчность.

Послѣ полученнаго мною въ нѣкоторомъ родѣ репоиманда за публицистику Каткова и поведеніе московскихъ охотнорядцевъ, я уже не пожелалъ болѣе разыскивать какихъ-либо старыхъ знакомыхъ. Закусивъ у себя въ гостиницѣ, остающееся до поѣзда

время я употребилъ на то, чтобы побродить по городу и обновить нѣкоторыя впечатлѣнія юности.

Сравнительно съ протекшимъ временемъ, Рязань очень мало измѣнилась по своей внѣшности; впрочемъ замѣтны были несомнѣнные признаки бо́льшаго благосостоянія, чѣмъ прежде; слѣдовательно желѣзный путь успѣлъ оказать свое экономическое вліяніе. Главную же перемѣну нашелъ я на Соборной площади. Эта площадь, лежащая между присутственными мѣстами и крутымъ берегомъ Трубежа, въ мое время была совершенно свободна; только двѣ церкви, Илья Пророкъ и Спасъ на Яру, возвышались по ея окрайнамъ. Теперь она оказалась застроенною домами и отчасти занятою вновь разведеннымъ бульваромъ.

Свою прогулку закончилъ я древнимъ Рязанскимъ кремлемъ, гдѣ стоятъ Архангельскій и Успенскій соборы, Спасскій монастырь и старинный Архіерейскій домъ. Тутъ, опершись на береговую рѣшетку, я долго любовался обширнымъ прекраснымъ видомъ на луга, поля, рощи и села, лежащія между Окою и ея притокомъ Трубежомъ. День былъ ясный и теплый. Вспоминалъ, я какъ во время весенняго разлива почти все это низменное пространство покрывается водой и обращается въ огромное озеро съ выступающими изъ него тамъ и сямъ верхушками деревъ.

Съ того дня мнѣ не случалось быть въ Рязани. Знаю только, что въ послѣдніе годы, съ учрежденіемъ Архивной коммиссіи, тамъ оживился умственный интересъ, направленный на собираніе и изученіе документовъ и вообще памятниковъ старины. Секретаремъ и главнымъ работникомъ въ этой коммиссіи состоитъ А. В. Селивановъ, членъ помянутой выше интеллигентной фамиліи, сынъ В. В. Селиванова и племянникъ бывшаго въ мое время предводителя дворянства, натуралистъ по своей спеціальности. Педагогическій составъ гимназіи однако держится внѣ означеннаго интереса и, сколько мнѣ извѣстно, не принимаетъ никакого реальнаго участія въ трудахъ коммиссіи, находясь въ семъ отношеніи позади преподавателей семинаріи. Вообще нельзя не отмѣтить того факта, что въ періодъ до второй половины шестидесятыхъ годовъ изъ этой гимназіи вышелъ цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ: писатели, поэты, профессора, ученые, медики и т. д. А каковы результаты послѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ, право, не знаю, и любопытно было бы подвести имъ итоги.

Д. Иловайскій.

Москва, 1 декабря 1892 г.

ПРЕПЯТСТВІЕ.

Разсказъ.

I.

Въ пріемной его превосходительства не много было ожидающихъ — всего только трое: отставной небольшаго роста, но съ важною осанкой генералъ въ новенькомъ только-что спитомъ мундирѣ, съ только-что дарованными погонами, штатскій господинъ въ вицъ-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, и дама въ темныхъ цвѣтахъ.

Генералъ держалъ себя очень развязно, ходилъ по пріемной, побрякивая шпорами, громко разспрашивалъ курьера, кто такой у его превосходительства, завелъ разговоръ о политикѣ со штатскимъ. Видно было, что судьба его не зависѣла отъ свиданія съ его превосходительствомъ, и ждать не составляло для него вопроса особенной важности; онъ былъ веселъ и игривъ, часто смѣялся въ разговорѣ, весело встряхивалъ плечами и звенѣлъ шпорами.

Штатскій хотя и охотно говорилъ съ генераломъ о политикѣ и новыхъ назначеніяхъ, но видно было, что его заботитъ предстоящее свиданіе; физіономія его была какъ-то особенно вытянута, цвѣтъ лица желтъ, и онъ бросалъ иногда не совсѣмъ покойные взгляды на затворенную дверь кабинета. Но особенное безпокойство являла собою дама. Это была женщина лѣтъ 40, съ испитымъ, желтымъ, некрасивымъ лицомъ. Черное, старомодное платье сидѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ; черная, порыжѣвшая

шляпка съ стеклярусным цвѣткомъ съѣхала на одинъ бокъ, что̀ придавало дамѣ особенно жалкій и смѣшной видъ.

Дама не спускала глазъ съ таинственной двери, все время бережно держа передъ собою вчетверо сложенную бумагу.

Всякій разъ, какъ слышался звонокъ въ кабинетѣ, или пріотворялась его дверь, дама усиленно начинала дышать и двигаться на стулѣ. Большой стеклярусный цвѣтокъ колебался надъ ея лбомъ, а близорукіе глаза щурились, стараясь уловить, что̀ тамъ такое происходитъ.

Иногда она вставала со стула, но не отходила отъ него, а какъ бы привязанная невидимою цѣпью, только вытягивала худую, желтую шею. Раза два она остановила несмѣло курьера въ то время, какъ онъ, почтительно колеблясь на цыпочкахъ, проходилъ пріемной, и спросила:

— Скоро ли?..

— Заняты, отвѣчалъ курьеръ лаконически, безъ особеннаго почтенія къ дамѣ,—освободятся, выйдутъ.

Она моргала, какъ бы желая еще что-то спросить, но не спрашивала, а опять садилась и ждала.

Нѣсколько разъ веселый генералъ подмигивалъ штатскому на даму: „молъ, видѣли эту смѣшную фигуру, тоже тревожится!“ И штатскій искоса взглядывалъ на „фигуру“ и хихикалъ.

Дама ждала очень долго; она пришла раньше генерала, раньше штатскаго; она была въ пріемной, когда еще его превосходительство не являлся въ присутствіе. Она видѣла, какъ засуетились курьеры, когда онъ пріѣхалъ, видѣла, какъ онъ, этотъ великій мужъ, отъ котораго зависитъ ея участь, торопливо прошелъ черезъ пріемную, на ходу кланяясь дожидавшимся его чиновникамъ.

Съ тѣхъ поръ много лицъ исчезало въ таинственную дверь и вновь появлялось, а она все ждала и ждала. Два часа ожиданій ей кажутся вѣками.

Вотъ изъ кабинета опять вышелъ какой-то молодой человѣкъ, съ портфелемъ подъ-мышкой, спѣшно направляясь къ передней.

— Теперь скоро-съ, ваше превосходительство,—предупредительно объявилъ дежурный курьеръ, почтительно подходя къ генералу,—докладъ конченъ, сейчасъ теперь выйдутъ.

И дѣйствительно, не прошло десяти минутъ, какъ самъ „его превосходительство“ отворилъ дверь и, какъ бы не видя никого кромѣ генерала, подалъ ему знакъ.

— Пожалуйте; извините, что заставилъ ждать.

А черезъ пять минутъ генералъ, весь сіяющій и довольный, выходилъ изъ кабинета, развязно помахивая рукой и гремя шпорами.

Дама встала, нервно перекидывая бумагу изъ одной руки въ другую. Но, увы, ей опять пришлось обмануться—господинъ съ крестомъ на шеѣ былъ потребованъ раньше ея. Она сѣла, глубоко вздохнувъ... Но вотъ и господинъ съ крестомъ, изъ желтаго сдѣлавшійся краснымъ, какимъ-то колеблющимся шагомъ изъ кабинета мимо нея прошелъ въ переднюю.

Ну, теперь ея чередъ! Она держала передъ собою бумагу, едва переводя дыханіе и мысленно повторяя тѣ слова, что̀ надо было сказать ей его превосходительству. Но его превосходительство не подавалъ признаковъ жизни. Теперь, когда она одна была въ пріемной, дежурный курьеръ, не стѣсняясь, переговаривался громко съ другими собратіями. О ней точно всѣ забыли. Она рѣшилась напомнить о себѣ, привстала было, но опять сѣла, такъ страшно ей показалось пройти это большое пространство, отъ своего стула до двери, у которой разговаривали курьеры. Однако она встала во второй разъ и, робко сѣменя ногами, обутыми въ слишкомъ большія и нескладныя прюнелевыя ботинки, наступая на собственное платье, дошла до курьера.

— Обо мнѣ, должно быть, забыли ихъ превосходительство, тихо, робко улыбаясь, сказала она дежурному, опустивъ руку въ карманъ и ища двугривенный, приготовленный на случай.

— Какъ можно забыть, они не забыли; значитъ некогда имъ, поучительно сказалъ курьеръ,—подождите, время еще не позднее.

Она нашла двугривенный въ карманѣ, сжала его въ пальцахъ, но не рѣшилась отдать его курьеру, а еще жальче какъ-то улыбнулась и такъ съ этой застывшею улыбкой прошла на прежнее мѣсто.

Прошелъ какой-то чиновникъ съ бумагами, громко освѣдомился, свободенъ ли его превосходительство, и сталъ прохаживаться по залѣ, не обращая на даму никакого вниманія.

Дверь кабинета отворилась; чиновникъ было ринулся къ ней, увидѣвъ своего начальника, но начальникъ снисходительно улыбнулся подчиненному и сдѣлалъ жестъ рукой, означающій: пройдите въ кабинетъ, подождите минутку,—и направился къ просительницѣ.

Она уже стояла на ногахъ въ своемъ жалкомъ, истрепанномъ платьѣ, въ своей порыжѣлой шляпкѣ съ стеклярусными цвѣткомъ и трепетно ждала его.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ его превосходительство, дѣлая легкій граціозный поклонъ.

И всѣ тѣ фразы, что приготовила она, вылетѣли изъ головы; сердце усиленно колотилось; она чувствовала, что голова ея трясется, а тамъ вверху надъ лбомъ дрожитъ и колеблется стеклярусный цвѣтокъ.

— Чѣмъ могу служить? съ меньшею любезностью въ голосѣ повторилъ его превосходительство, глядя сверху своего роста на стеклярусный цвѣтокъ, какъ ей казалось.

— Вотъ прошеніе... заговорила она, вдругъ рѣшившись, протягивая ему бумагу,—Софья Павловна Мирская докладывала вашему превосходительству... я—Лебедева, вдова... о... о... о мѣстѣ прошу.

Его превосходительство развернулъ и пробѣжалъ бумагу.

— Ахъ, да, да, какъ же, мнѣ говорила объ васъ Софья Павловна... я очень бы желалъ сдѣлать ей угодное... Постараюсь, постараюсь...

Лицо просительницы просвѣтлѣло.

— У васъ, вѣдь, кажется, дочь? продолжалъ его превосходительство.

— Двѣ, ва-шество, какъ бы прося о снисхожденіи, вымолвила Лебедева, робко улыбаясь... и сынъ, сынишка...

— Сынъ? его превосходительство нахмурилъ брови,—какихъ лѣтъ вашъ сынъ?..

— Маленькій, прося извиненія улыбкой, сказала она, и даже показала на аршинъ отъ полу, какой онъ маленькій.

— Сколько лѣтъ, я спрашиваю?

— Девятый... девять...

— Девять лѣтъ—это не маленькій. Сынъ — это препятствіе, сударыня; мы не можемъ принять васъ въ женское учебное заведеніе съ сыномъ.

— Ва-ваше превосходительство! онъ такой маленькій! Улыбавшіяся за минуту передъ тѣмъ губы затрепетали, глаза сузились, и влага подернула ихъ; худыя руки въ слишкомъ широкихъ старыхъ перчаткахъ сами собою соединились въ отчаянный жестъ мольбы.

— Ваше превосходительство, одна надежда на васъ. Не знаю, что дѣлать, какъ воспитать, прокормить... Дѣти... не понимаютъ... безсвязно лепетала она,—Софья Павловна такъ обнадежила... Ваше превосходительство!..

Онъ испугался слезъ и поспѣшилъ смягчить отказъ.

— Я бы очень радъ сдѣлать угодное Софьѣ Павловнѣ, я не отказываю; видите, беру вашу докладную записку, надо только позаботиться о вашемъ сынѣ... помѣстите его хотя въ корпусъ что ли... Софья Павловна похлопочетъ.

— Ваше превосходительство, онъ маленькій, болѣзненный, слабый.

— Ну, такъ въ пріютъ,—развязно разрѣшилъ вопросъ его превосходительство. Софья Павловна и это можетъ...

— Въ пріютъ!.. Она вспыхнула; ея сына въ пріютъ, какъ нищаго!

— Я не могу его отъ себя оторвать, ваше—ство...

Онъ развелъ руками.

„Въ такомъ случаѣ, что̀ же вы отъ меня хотите"? говорилъ его жестъ.

— Могу я надѣяться? пролепетала она умоляюще, глядя въ его свѣтлые, равнодушные глаза.

— Я съ своей стороны все, что могу... Еслибы не это препятствіе, я бы даже очень скоро могъ помѣстить васъ... Мой поклонъ Софьѣ Павловнѣ.

Она протягивала еще къ нему руки, хотѣла что-то такое еще ему сказать, умолять, но онъ рѣшительными и твердыми шагами направился къ двери своего кабинета.

Ей оставалось только уйти.

Курьеры въ передней равнодушно смотрѣли, какъ она надѣвала свои стоптанныя резиновыя калоши, а одинъ изъ нихъ высоко держалъ, подавая ей и показывая истертый мѣхъ, ея шубенку.

Она торопилась надѣть ботики; ее смущалъ этотъ мѣхъ, вывороченный наружу во всей своей неприглядности.

Въ этомъ Петербургѣ, такъ свысока смотрящемъ на бѣдность, такъ презирающемъ нищету, она привыкла стыдиться своей.

Поспѣшно надѣвъ шубу, она вспомнила о двугривенномъ въ карманѣ, нашла его и вручила подававшему ей платье курьеру.— Пусть не думаетъ, что она нищая.

Курьеръ безъ удивленія и восторга получилъ монету; она же нашла нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что отдала ее, — пусть не думаетъ, что нищая.

„Ничего, думала она, спускаясь съ лѣстницы,—все равно на извощика бы истратила и теперь пѣшкомъ пройдусь". И мысль

о двугривенномъ нѣкоторое время отвлекала ее отъ другихъ болѣе мрачныхъ мыслей, пока летѣла она со скоростью четырехъ верстъ въ часъ по петербургской мокротѣ и жидкой слякоти тротуаровъ.

„Пусть не подумаютъ, что нищая, пусть не подумаютъ... Господи! опять бѣгать, просить, хлопотать... И о чемъ хлопотать!.. хоть бы знать, что̀ просить-то!.. Препятствіе... Куда же дѣвать мнѣ моего мальчика? Какъ разстаться съ нимъ—моимъ ангеломъ!.. Въ пріютъ, онъ говоритъ отдать въ пріютъ, его—нѣжнаго, привыкшаго къ ласкѣ моей... Нѣтъ, лучше ужь сама съ голоду подохну, а не отдамъ, не отдамъ... Какъ-нибудь пробьемся... Препятствіе, вѣчное препятствіе! Ужь сколько мѣстъ она прогуляла изъ-за него... Бѣдное дитя!“

Вотъ она, наконецъ, добѣжала до дому и остановилась передохнуть. Ей предстояло подняться на сто двѣ ступени, въ пятый этажъ.

II.

Марья Сергѣевна Лебедева, овдовѣвъ года три-четыре тому назадъ, осталась безъ всякихъ средствъ, кромѣ единовременнаго пособія, выданнаго ей учрежденіемъ, гдѣ служилъ мужъ ея.

На первыхъ порахъ она совсѣмъ растерялась и жила съ своими тремя дѣтьми, распродавая понемногу, вещи и мебель, не зная, что будетъ дѣлать далѣе, какъ жить, когда одна практичная пріятельница посовѣтовала ей не продавать оставшейся мебели, а, затративъ послѣднія деньги, нанять большую квартиру и, обмеблировавъ, отдавать комнаты внаймы.

Этотъ рѣшительный шагъ испугалъ было Марью Сергѣевну; но дѣлать было нечего, надо было какъ-нибудь выпутываться изъ невозможнаго, безвыходнаго положенія, и она поступила такъ, какъ посовѣтовала пріятельница.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ Невскаго переулковъ Знаменской улицы, въ огромномъ домѣ она нашла квартиру за довольно сходную цѣну, такъ какъ квартира была на пятомъ этажѣ. Изъ семи комнатъ она заняла только двѣ, самыхъ маленькихъ, окнами во дворъ, два неприглядныхъ, темныхъ чуланчика, объ остальныхъ расклеила на водосточныхъ трубахъ и у воротъ объявленія, что „молъ, въ тихомъ семействѣ отдаются хорошо-меблированныя свѣтлыя комнаты“.

На первый годъ ей посчастливилось: лучшія комнаты—двѣ вмѣстѣ, ходъ изъ передней, цѣна 32 р. съ прислугой—были заняты тотчасъ же двумя дамами—матерью и дочерью, пріѣзжими по какимъ-то дѣламъ изъ провинціи. Жилички были отличныя и плательщицы аккуратныя, не прихотницы и, главное — онѣ брали всякій день два обѣда.

За обѣдъ изъ двухъ блюдъ съ чашкой чернаго кофе Марья Сергѣевна положила сорокъ копѣекъ. Покупая сама провизію, готовя сама, она могла соблюсти нѣкоторую выгоду изъ этихъ сорока копѣекъ и сама съ дѣтьми быть сытою.

Остальныя три, болѣе мелкія комнаты, тоже вскорѣ были разобраны, и жильцы всѣ попались хорошіе, и платили аккуратно, и обѣды брали почти каждый день. Хотя очень хлопотливо показалось Марьѣ Сергѣевнѣ съ непривычки кормить весь этотъ людъ и угодить ему, однако она благодарила судьбу, пославшую ей этотъ людъ и пріятельницу, давшую благой совѣтъ. Она и дѣти были сыты и жили въ теплѣ.

На другой ужь годъ не такъ счастливо сдала свои комнаты Марья Сергѣевна. Съ осени двѣ большія долго пустовали. Наконецъ, въ ноябрѣ сдались, но такъ какъ Марьѣ Сергѣевнѣ пришлось много хлопотать въ эту осень о помѣщеніи дочерей въ гимназію, и ей приходилось часто отсутствовать, предоставляя кухню старухѣ Каролинѣ, старой преданной слугѣ, но очень плохой кухаркѣ, которая зачастую перепаривала жаркое, то жилецъ, очень взыскательный, былъ недоволенъ и какъ-разъ къ новому году оставилъ комнаты. Это былъ ударъ въ самое сердце.

Съ тѣхъ самыхъ поръ Лебедева не могла поправиться въ своихъ финансахъ. Тѣмъ болѣе, что послѣдній годъ „жилецъ“ сталъ куда какъ плохъ, все больше наровитъ обѣдать внѣ дома, иногда даже кухня не топится. И провизія стала дороже, такъ что Марья Сергѣевна должна была сократить порціи, кофе перестала давать, а „жилецъ“ обижается.

Только за два послѣднихъ мѣсяца у Марьи Сергѣевны завелся хорошій постоялецъ въ двухъ большихъ комнатахъ, ходъ изъ передней. Старуха Каролина звала его „херъ генералъ“ и благоговѣла передъ нимъ.

„Деръ херъ генералъ“ по бумагамъ значился статскимъ совѣтникомъ и, несмотря на русское имя и отчество—„Петръ Семеновичъ, носилъ такую мудреную фамилію, что одна только Марья Сергѣевна могла произнести ее какъ слѣдуетъ, дѣти же

и Каролина такъ безбожно коверкали, что выходило что-то въ родѣ Потафе. Онъ былъ человѣкъ нестарый, очень благообразный, несмотря на лысину, и очень обходительный,—всегда улыбался, разговаривая съ дамами.

— Комнаты мнѣ понравились, сказалъ онъ, когда въ первый разъ осматривалъ ихъ,—сколько вы за нихъ брали?

— 32... 35 рублей, робко попробовала соврать Марья Сергѣевна.

— Я вамъ дамъ 38, но съ слѣдующими условіями...

И онъ началъ высчитывать условія, въ которыя входили: безусловная аккуратность въ уборкѣ комнатъ, въ часѣ обѣда и абсолютная тишина.

— Дѣти могутъ рѣзвиться въ мое отсутствіе, говорилъ онъ, добродушно смѣясь,—но, когда я дома, прошу замѣтить, мнѣ нуженъ абсолютный покой.

Музыку онъ предалъ положительному остракизму.

— До этихъ домашнихъ упражненій я не охотникъ, сударыня, хе, хе!..

— Все, все будетъ соблюдено, говорила Марья Сергѣевна, а Каролина сзади нея низко присѣдала.

Судя по вещамъ, „генералъ" былъ человѣкъ очень состоятельный; вещи все были дорогія, солидныя, патентованныя. За обѣдъ онъ самъ вызвался платить дороже остальныхъ жильцовъ цѣлыми десятью копѣйками. Правда, онъ выбиралъ свои десять копѣекъ, всякій день требуя бифштекса, ну, а все же пятьдесятъ копѣекъ, считались хорошею платой за обѣдъ.

Марья Сергѣевна очень дорожила „генераломъ" и смертельно боялась разсердить его—генералъ платилъ впередъ, а это очень цѣнилось бѣдною квартирною хозяйкой. Сама Марья Сергѣевна ходила на цыпочкахъ и дѣтямъ не позволяла двинуться, пока генералъ не выходилъ на свою обычную прогулку.

Однажды Боря, сынъ Лебедевой, забывшись, взялъ нѣсколько аккордовъ на піанино. „Херъ генералъ" сейчасъ же позвонилъ. Такъ какъ Каролины не было дома, сама Марья Сергѣевна явилась на его зовъ ни жива, ни мертва.

— Хе, хе, милая хозяюшка, что это у васъ тамъ за музыкантъ завелся?

— Ахъ, ваше превосходительство, извините, это Борюшка мой... забывшись, ваше превосходительство!..

— Какое я превосходительство, что вы! за что величаете!..

Да и извиняться не за что! пусть играетъ, забавляется вашъ сыночекъ, онъ у себя въ квартирѣ, вотъ ужь я только жить съ музыкой не намѣренъ, хе, хе.

— Но, увѣряю, чуть не плача, говорила Марья Сергѣевна,— это нечаянно.

— Да что вы, не волнуйтесъ, и другой жилецъ найдется, лучше меня... Я старый привередникъ, хе, хе!

— Петръ Семеновичъ, увѣряю...

— Вѣрю, вѣрю!.. не волнуйтесь, хозяюшка; на первый разъ, такъ и быть, вѣрю, что нечаянно... А вашему Борюшкѣ скажите, что за ушонки выдеру, коли встрѣчу, впередъ помни... Уговоръ—первое дѣло; вы какъ полагаете на счетъ этого, Марья Сергѣевна?

Марьѣ Сергѣевнѣ тяжела приходилась жизнь квартирной хозяйки: постоянная зависимость отъ постороннихъ, маленькія униженія, и вѣчная забота, суета, просьбы, почти клянченье своего же. А потомъ это соблюденіе выгоды на самыхъ маленькихъ, копеечныхъ вещахъ, маленькія, почти неизбѣжныя утайки, фальсификаціи, маргаринъ вмѣсто настоящаго масла, не совсѣмъ свѣжая провизія, приправленная лавровымъ листомъ — все это противное ея правдивой, честной натурѣ, на что̀ она шла по необходимости, чтобы кой-какъ выпутаться, все это было ей противно, тошно. Къ тому же въ послѣдніе два года она не видѣла никакой выгоды въ своей тяжелой профессіи, она еле, еле могла пропитаться съ дѣтьми и платить въ гимназію за одну изъ дѣвочекъ (другая избавлена была отъ платы вслѣдствіе хлопотъ Софьи Павловны). Мечтой Марьи Сергѣевны было мѣсто кастелянши или лазаретной дамы въ учебномъ зеведеніи, въ которомъ дѣвочки могли бы воспитываться даромъ.

Квартира, казенное освѣщеніе, ѣда и триста рублей своихъ неотъемлемыхъ денегъ, изъ-за которыхъ не надо унижаться, не надо лгать—вотъ ея пламенная мечта! Года два тому назадъ она уже слабо просила Софью Павловну похлопотать, но та какъ-то мимо ушей пропускала эту просьбу и только теперь, вспомнивъ, что вновь назначенное превосходительство былъ когда-то ея поклонникомъ, обѣщала похлопотать. Марья Сергѣевна возгорѣлась надеждой, и вотъ результатъ этихъ надеждъ: нашли препятствіе, ея маленькій сынъ—препятствіе къ благополучію ея и дѣвочекъ.

III.

Войдя на лѣстницу, Марья Сергѣевна отдышалась и тихо позвонила; она не любила тревожить жильцовъ хозяйскими звонками.

Почти тотчасъ же за звонкомъ она услышала возню у двери; грустная улыбка мелькнула на ея испитомъ лицѣ,—это онъ, ея Боря, усиливается снять крюкъ. Послѣ довольно долгой возни дверь отворилась.

— Наконецъ-то пришла! Ужь я ждалъ, ждалъ тебя, послышался слабый голосокъ.—Каролина ушла, а я насилу отворилъ тебѣ... А генералъ очень сердитъ, что обѣдать не даютъ. Поскорѣй, мама милая, иди въ кухню, слышишь, какъ сердито ходитъ, ужь два раза звонилъ. Ну, какъ совсѣмъ разсердится и съѣдетъ. Онъ старался маленькими слабыми ручками помочь матери раздѣться.

— Не волнуйся, не уйдетъ отъ насъ генералъ, моя крошка!

Борисъ дѣйствительно былъ крошкой, совсѣмъ маленькій человѣкъ съ выдавшеюся грудью и поднятыми кверху плечами, въ которыя ушла голова. Это было бы совсѣмъ безобразное существо, еслибы не выраженіе его худаго, слишкомъ длиннаго личика, выраженіе полное грустной задумчивости, которое трогало всякаго, кто вглядывался въ его лицо.

— Ну, пойдемъ же, пойдемъ, онъ очень сердитъ, говорилъ мальчикъ.—Ну, а тамъ что?.. что тебѣ обѣщали? мѣсто-то дадутъ?

Онъ съ тревогой вглядывался въ лицо матери. Всѣ интересы ея онъ болѣзненно принималъ къ сердцу, этотъ девятилѣтній человѣчекъ.

— Да, обѣщали, отвѣчала она,—можетъ-быть и дадутъ.

Глядя снизу въ любимое лицо, Боря видѣлъ, какъ что-то дрогнуло около рта, и маленькое сердце забилось тревогой.

— Не совсѣмъ обѣщали, скажи? Онъ припалъ къ ея рукѣ и сталъ цѣловать.

Она не отвѣчала ему, спѣша въ свою комнату, чтобы скинуть хорошее платье, облечься въ блузу и идти скорѣе жарить бифштексъ генералу.

— Гдѣ же это Каролина? спрашиваетъ она у дѣвочекъ, давно вернувшихся изъ гимназіи и тоже нетерпѣливо ждавшихъ мать

не изъ боязни генерала, а изъ-за собственнаго желудка, настойчиво требовавшаго обѣда.

Семья Лебедевыхъ обѣдала обыкновенно уже послѣ жильцовъ остатками обѣдовъ.

Дѣвочки—Клавденька и Лёля двѣнадцати и одиннадцати лѣтъ были хорошькія, здоровыя дѣти, можетъ-быть потому, что раннее дѣтство ихъ прошло въ сравнительномъ довольствѣ, но въ ихъ лицахъ не было духовной красоты лица ихъ брата. Покуда Боря весь былъ поглощенъ интересами матери и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за жарившимся бифштексомъ, желая поскорѣй умиротворить страшнаго генерала, который можетъ разорить бѣдную маму, съѣхавъ съ квартиры, дѣвочки тоже смотрѣли на бифштексъ, но жадными глазами.

„Хоть бы сочку попробовать", думала каждая изъ нихъ. И болѣе смѣлая и рѣшительная Лёля воткнула кусокъ хлѣбнаго мякиша на вилку и опустила прямо въ кипящій соусъ. Клавденька послѣдовала примѣру сестры и тоже полакомилась сокомъ бифштекса богатаго жильца, который платитъ за обѣдъ цѣлыми десятью копѣйками дороже остальныхъ жильцовъ.

Марья Сергѣевна отвернулась, чтобы не видѣть дѣвочекъ, чувство врожденной и привитой воспитаніемъ деликатности—(Марія Сергѣевна происходила отъ небогатаго, но благороднаго семейства)—говорило ей, что въ поступкѣ дѣвочекъ есть что-то унизительное, но запретить имъ она не могла: онѣ вѣдь просто хотѣли ѣсть, эти здоровенькія дѣти!

Вѣдь и для Бори, для своего деликатнаго маленькаго Бори который понималъ все это лучше дѣвочекъ, она пошла на компромиссъ. Боря очень любилъ кофе, Марья же Сергѣевна давно не держала чистаго кофе, пила смѣсь желудковаго съ цикоріемъ. Генералъ, одинъ во всей квартирѣ, пилъ настоящій, дорогой кофе, отъ котораго распространялся самый пріятный дразнящій запахъ. И иногда, когда въ генеральскомъ кофейникѣ оставалось немного кофе, Каролина подваривала его и давала чашечку Борису. Это какъ будто бы дѣлалось тайкомъ отъ барыни, но барыня все видѣла конечно, а если и не видала, то могла бы понять по виноватымъ глазамъ своего сынишки; но она отвертывалась, какъ и теперь,—дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, а сердцу было все же больно.

Вотъ и Каролина является. Она не дышетъ, такъ скоро взбѣжала на лѣстницу.

— Каролина Ивановна, куда это вы бѣгаете все, говоритъ Марья Сергѣевна,—генералу до сихъ поръ обѣдать не дали, вонъ онъ звонитъ! Лишите вы меня хорошаго жильца... вонъ звонитъ!

— Для него же бѣгала, еле переводя духъ, говоритъ Каролина,—нельзя генералу безъ салату, вонъ огурцовъ взяла, въ долгъ отпустили.

И она бѣжитъ, не отдышавшись еще, несетъ генералу супъ.

Вотъ и банковскій чиновникъ, сосѣдъ генерала по комнатѣ, пришелъ со службы.

— Обѣдъ готовъ? спрашиваетъ.

Самое это суетливое время въ квартирѣ Лебедевой, всѣ заразъ требуютъ своихъ обѣдовъ, а какъ поспѣть удовлетворить всѣхъ разомъ: Каролина-то вѣдь одна, да и посуды мало!

Банковскій чиновникъ очень хорошій жилецъ, не прихотливъ, не требователенъ, обѣдаетъ всегда дома и какъ пообѣдалъ, такъ заваливается спать и спитъ безъ просыпу иногда до самаго утра—хорошій жилецъ!

Марья Сергѣевна особенно любитъ его за то, что онъ съ Борей ласковъ, лошадокъ ему вырѣзываетъ, книжки даритъ.

Студентъ, занимающій послѣднюю комнату въ одно окно по лицевой сторонѣ, студентъ будетъ много хуже чиновника. И видъ у него угрюмый, и дома почти никогда не обѣдаетъ, въ „нормалку" вѣрно ходитъ, а то и колбасой пробавляется. Платитъ неаккуратно—подозрительный жилецъ.

Есть еще у Лебедевой барышня—жиличка, занимаетъ комнату рядомъ съ хозяйскими, окномъ во дворъ. Это худощавая дѣвица, лѣтъ тридцати пяти, съ какимъ-то вытянутымъ блѣднымъ лицомъ и остановившимися неморгающими глазами. Хотя плата за занимаемую ею комнату всего восемь рублей, но вотъ уже четвертый мѣсяцъ, что она не платитъ. И давно, давно не беретъ обѣдовъ, а сама что-то такое стряпаетъ себѣ на плитѣ, къ вящему неудовольствію старухи Каролины, которая всегда отставляетъ ея кастрюлю съ хорошаго мѣста.

Каролина всею душой предана „барынѣ", она служила ей въ лучшія времена, при самомъ баринѣ, и она терпѣть не можетъ Наталью Андреевну, отъ которой барынѣ одинъ только убытокъ. Но Каролина напрасно убѣждаетъ свою барыню отказать Натальѣ Андреевнѣ... Марья Сергѣевна слишкомъ хорошо знаетъ, что такое бѣдность, хотя и не вѣритъ своей „жиличкѣ", что ей черезъ недѣлю „выйдетъ" непремѣнно мѣсто, и она все, все заплатитъ.

Марья Сергѣевна не вѣритъ этимъ, вотъ уже два мѣсяца всякій день повторяющимся словамъ, и все же держитъ ее.

Не на улицу же, въ самомъ дѣлѣ, выбросить бѣдную дѣвушку!..

Обѣдъ въ полномъ разгарѣ. По всей квартирѣ распространился запахъ подгорѣлаго масла и капусты. По всей квартирѣ идетъ звонъ ножей и тарелокъ. Маленькая, сморщенная, суетливая Каролина суется изъ одной двери въ другую. Нынѣ и студентъ обѣдаетъ дома, а банковскій чиновникъ привелъ съ собою гостя и потребовалъ два обѣда, водки и селедки.—Клавденька и Лёля облизываются, глядя, какъ мать приготовляетъ селедку. Онѣ заглядываютъ въ кострюлю съ супомъ, боясь, что имъ не хватитъ. Онѣ такъ голодны, эти здоровенькія дѣвочки! Маленькій горбунъ не чувствуетъ голода; онъ озабоченно смотритъ въ лицо матери и несмѣло спрашиваетъ:

— Это хорошо, что Михаилъ Андреевичъ гостя привелъ обѣдать?..

— Какъ же не хорошо, очень хорошо, за Марью Сергѣевну отвѣчаетъ Каролина—прямая выгода! „Генералъ" усиленно звонитъ. Электрическій звонокъ въ комнатѣ генерала составляетъ гордость Каролины: ея собственный племянникъ провелъ тотъ звонокъ экономическимъ образомъ,—и Каролина бросается со всѣхъ ногъ въ комнату „генерала". Онъ недоволенъ; находитъ бифштексъ слишкомъ жесткимъ и жилистымъ, онъ оставилъ много обрѣзковъ и говоритъ, посмѣиваясь, Каролинѣ:

— Вижу, вижу, недовольны вы мною, не дорожите; я слишкомъ требователенъ, безпокоенъ; видно другаго нашли жильца, покойнаго, выгоднаго? хе, хе!

— Ахъ, ваше превосходительство, присѣдая, воскликнула Каролина,—какъ можно другаго жильца! такого жильца, какъ вы, не найдешь!

— Какой я жилецъ! я вамъ не нуженъ! Кабы нуженъ былъ, вы бы дорожили, не кормили бы меня одними жилами.

— Ваше превосходительство! да не угодно ли вамъ другое кушанье я подамъ? Нынче у насъ, право не знаю, какъ это по-русски, по-нѣмецки wilde hase называется; очень вкусно, ваше превосходительство!

— Благодарю покорно, я зайцевъ не кушаю.

— Да это изъ говядины, ваше превосходительство; это только такъ называется, жеманно улыбаясь беззубымъ ртомъ, говоритъ Каролина.

Опять звонокъ у входной двери.

Пришелъ братъ студента—юнкеръ; спрашиваетъ, нельзя ли пообѣдать.

Хотя порціи уже всѣ распредѣлены, но отказать въ обѣдѣ никакъ нельзя юнкеру. И Каролина присѣдаетъ и радостно отвѣчаетъ:

— Какъ же, какъ же, все есть, сейчасъ подамъ.

— Еще обѣдъ просятъ, говоритъ она хлопочущей у плиты Марьѣ Сергѣевнѣ.

Дѣвочки ахаютъ, Боже мой, имъ ничего не останется!

— Я не буду обѣдать, говоритъ—Боря, мнѣ ѣсть не хочется.

Марья Сергѣевна любовно оглядывается на сына.

— Ну, что ты, съѣшь, мой крошка! Не бойся, обѣда всѣмъ хватитъ.

Она отпускаетъ меньшую порцію юнкеру, чѣмъ полагается, а Каролина заботливо перекладываетъ объѣдки генеральскаго бифштекса на чистую тарелку и, нарѣзавъ кусочками, съ невиннымъ видомъ подаетъ мальчику.

— Вотъ, что я тебѣ припрятала, говоритъ она, желая обмануть Марью Сергѣевну.

Мальчикъ не хочетъ ѣсть одинъ; онъ приглашаетъ сестеръ, и дѣти втроемъ ѣдятъ съ одной тарелки, хотя и жесткіе, но вкусные кусочки говядины.

Къ сожалѣнію ихъ очень мало приходится на долю каждаго. Дѣвочки удовлетворяютъ свой голодъ картофелемъ и остатками „вильде хазе“, Марья же Сергѣевна съ Каролиной пьютъ желудковый кофе съ цикоріемъ... Марья Сергѣевна увѣряетъ, что это очень питательный напитокъ.

IV.

Обѣдъ въ квартирѣ конченъ. Несмотря на отворенныя форточки, чадъ стоитъ еще въ корридорѣ и маленькихъ хозяйскихъ комнатахъ, но суета стихла. Каролина моетъ посуду въ кухнѣ, дѣвочки сѣли за уроки въ своей комнатѣ — она же и столовая и гостиная семьи Лебедевыхъ. Генералъ дремлетъ въ креслѣ. Хозяева знаютъ часъ его отдохновенія, и потому Боря особенно тревожится громкимъ разговоромъ, происходящимъ въ комнатѣ банковскаго чиновника. Ну, какъ генералъ разсердится и уйдетъ

отъ нихъ. Сколько неудовольствій у него было сегодня.—Поздній обѣдъ, пережаренный бифштексъ и вотъ теперь эти разговоры!

Сердце мальчика сжимается какой-то особенною тревогой сегодня; онъ чуетъ печаль матери, чуетъ какую-то бѣду.

Марья Сергѣевна съ Борей, чтобы не мѣшать дѣвочкамъ учить уроки, усѣлись въ собственной узкой комнаткѣ, заставленной разнымъ хламомъ.—Нельзя повернуться, чтобы не задѣть чего-нибудь.

Марья Сергѣевна чинитъ форменныя платья дочерей, Боря взялъ книгу. Онъ въ третій разъ собирается прочесть матери „Сѣрый Армякъ", книгу, подаренную ему банковскимъ чиновникомъ. Боря очень любитъ читать, но книжекъ у него мало, поневолѣ приходится по три раза читать одно и то же. На этотъ разъ ему, впрочемъ, не читается. Онъ чувствуетъ, что мать не слушаетъ, да и у него совсѣмъ другое на умѣ. Онъ прерываетъ чтеніе и обращается къ Марьѣ Сергѣевнѣ:

— Ну и что же онъ сказалъ тебѣ о мѣстѣ?

— Сказалъ, что надо подождать.

— А сколько же ждать?

— Мѣсяцъ, можетъ и больше...

— И тогда онъ дастъ тебѣ мѣсто?

— Да, мой ангелъ.

— И тамъ будетъ большая комната и садъ, гдѣ намъ можно будетъ гулять?

— Да, да, мой милый!

Но этотъ лаконическій отвѣтъ не удовлетворяетъ Бориса. Мѣсяца три тому назадъ, когда возникъ вопросъ о мѣстѣ кастелянши для Марьи Сергѣевны, когда еще только Софья Павловна обѣщала похлопотать и почти ручалась за успѣхъ, Лебедева, въ своей радости, вслухъ мечтала съ сыномъ объ этомъ мѣстѣ, которое казалось ей верхомъ благополучія. Она разсказывала ему какая у нихъ будетъ высокая просторная комната, окнами въ садъ.—Она знакома была съ одною классною дамой, у которой именно была такая комната.—Она разсказывала ему про тѣнистый садъ съ прудомъ и большими длинными аллеями, гдѣ онъ будетъ гулять все лѣто. И онъ привыкъ мечтать объ этомъ садѣ.

Онъ представлялся ему въ видѣ того сада, что онъ помнилъ въ своемъ раннемъ дѣтствѣ, вѣроятно, какая-нибудь дачная мѣстность, гдѣ они проводили лѣто во время своего благополу-

чія. Тамъ тоже, какъ разсказывала мама, были такія же большія, большія деревья и какіе-то кусты въ цвѣту и прозрачные пруды, на которыхъ плавали бѣлыя птицы. И вода отражала и деревья, и птицъ, и какое-то чудесное зданіе съ колоннами.

Все это онъ помнилъ, какъ во снѣ, и все это было прекрасно, какъ сонъ. И онъ мечталъ о повтореніи этого сна.

Маленькій горбунъ былъ созерцателенъ и страстный любитель природы; но онъ видѣлъ ее скудную и холодную, только изъ окна пятаго этажа петербургскаго дома.

Онъ боялся улицы съ ея грохотомъ мостовой, со всей ея суетой движенія, съ лицами любопытно-оглядывающимися на него и дарящими его улыбкой состраданія или насмѣшки. О! какъ онъ боялся этихъ большихъ и сильныхъ мальчиковъ, бѣгущихъ съ своими ранцами изъ школы, веселыхъ и шумныхъ, которые въ лицо кричали ему: – Горбунъ, горбунъ!

И еще больше онъ боялся другихъ мальчиковъ, нарядно одѣтыхъ, чинно шествующихъ по улицѣ съ своими гувернерами, мальчиковъ, которые ничего не кричали ему, а только обдавали взглядомъ презрѣнія съ высоты своего роста.

Онъ смертельно боялся улицы, но по цѣлымъ часамъ могъ сидѣть у окна своей комнаты, выходившаго въ узкое четырехугольное пространство между стѣнъ и домовыхъ трубъ, и смотрѣть вверхъ на бѣгущія облака. Онъ любилъ наблюдать причудливыя фигуры этихъ облаковъ, перемѣну красокъ, любилъ слѣдить за полетомъ голубей и галокъ.

Большимъ праздникомъ было для мальчика, когда въ отсутствіе одного изъ жильцовъ лицевой стороны квартиры, мать позволяла ему посидѣть тамъ у окна. На той сторонѣ былъ просторъ предъ окнами, на противоположной сторонѣ улицы не было зданій, а былъ хотя и небольшой, но настоящій садъ, съ настоящими деревьями и кустами. Съ высоты пятаго этажа мальчикъ видѣлъ, какъ на планѣ, всѣ подробности этого сада. Цѣлый день тамъ весной и даже зимой въ сносную погоду играли трое дѣтей—два мальчика лѣтъ девяти, восьми и дѣвочка лѣтъ пяти. Весной они играли въ прятки, рылись въ пескѣ, зимой — катались съ ледяной горы, расчищали снѣгъ. Боря съ любовію слѣдилъ за незнакомыми дѣтьми. Между ними у него былъ любимецъ—мальчикъ поменьше, который особенно бережно и любовно обращался съ сестренкой.

Мечтой Бори было проникнуть въ этотъ садъ, познакомиться съ дѣтьми, играть съ ними.

Но разъ, когда мать взяла его съ собой, чтобы купить ему ботинки, онъ встрѣтился на улицѣ съ своими знакомыми незнакомцами и покраснѣлъ, какъ будто они могли проникнуть его тайную мечту. Онъ крѣпко ухватился за руку матери, стараясь скрыться отъ глазъ именно того мальчика, который особенно нравился ему.

„Да, вотъ хоть бы въ такомъ садикѣ погулять! какъ у этихъ дѣтей!"

— Садъ-то больше будетъ того, что предъ нашими окнами? спрашиваетъ Борисъ.

Мать, занятая своими собственными мыслями, не можетъ сразу уловить мысль сына.

— О какомъ садѣ ты говоришь, Борюшка?

— О томъ, что будетъ у насъ на томъ мѣстѣ, что дадутъ тебѣ.

Мать понимаетъ теперь своего мальчика и грустно улыбается.

— Не знаю, милый, говоритъ она,—какой тамъ будетъ садъ.

Все больше и больше сжимается сердце горбуна. По этому отвѣту онъ ясно понимаетъ, что мать удручена; она уже не можетъ повторить сказку объ этомъ садѣ, которую онъ такъ любилъ слушать, и которую она повторяла ему безконечное число разъ.

Онъ сидитъ подъ яркимъ свѣтомъ лампы съ своимъ печальнымъ, длиннымъ личикомъ и грустно смотритъ въ любимое лицо. Это желтое, худое лицо краше для него всѣхъ прекрасныхъ лицъ на свѣтѣ.

— Что же ты не читаешь, милый? говоритъ мать.

— Что читать! ты не будешь слушать, восклицаетъ онъ.

Мать не возражаетъ; она знаетъ, что онъ все уже понялъ и вмѣстѣ съ ней переживаетъ неудачу. Она не можетъ не привлечь къ себѣ это хилое, уродливое, но безконечно милое для нея существо. И на мигъ они счастливы въ объятіяхъ другъ друга.

Въ одиннадцатомъ часу мать укладываетъ сына на томъ маленькомъ диванѣ, на которомъ сама сидѣла. Она загораживаетъ отъ него книгой свѣтъ лампы и, усѣвшись на его высокомъ стулѣ, продолжаетъ шить.

Въ квартирѣ тишина. Дѣвочки кончили уроки и улеглись.

Всѣ жильцы кромѣ Натальи Андреевны уже дома. Каролинѣ Марья Сергѣевна велитъ ложиться; она сама отворитъ дверь невыгодной жиличкѣ.

Къ двѣнадцати часамъ и Наталья Андреевна возвращается.

— Шш... тише, тише, шепчетъ Марья Сергѣевна,—генерала не разбудите.

Она приглашаетъ Наталью Андреевну зайти къ себѣ въ комнату: ей хочется отвести душу, поговорить о своей неудачѣ.

— Ну, что, какъ ваши дѣла? спрашиваетъ она, чтобы начать, хотя знаетъ навѣрное, что̀ отвѣтитъ Наталья Андреевна.

— На этой недѣлѣ непремѣнно выйдетъ мѣсто, повторяетъ та свою обычную фразу, виноватыми глазами глядя въ глаза хозяйкѣ,—и деньги впередъ обѣщаютъ... непремѣнно, непремѣнно.

Наталья Андреевна высока и худа, какъ доска. Ея блѣдное длинное лицо кажется еще блѣднѣй отъ пудры, которою оно покрыто толстымъ слоемъ. Бѣдное созданіе думаетъ, вѣроятно, что эта пудра дѣлаетъ ее красивѣй—она ищетъ мѣста конторщицы или прикащицы магазина. Ея каріе глаза кажутся вытаращенными, окруженные этою ужасною бѣлизной; лицо совсѣмъ безжизненно.

— Ну, и я тоже... И меня тоже съ удачей поздравьте, съ какимъ-то несвойственнымъ ей раздраженіемъ говоритъ Марья Сергѣевна,—какъ же, какъ же, мѣсто обѣщали!... „Непремѣнно, непремѣнно, говоритъ, я очень радъ сдѣлать угодное Софьѣ Павловнѣ, буду имѣть васъ въ виду, только одно препятствіе и есть,—она оглянулась на спящаго Борю,—съ сыномъ въ женское заведеніе нельзя“; да куда же я его, Наталья Андреевна, дѣну,—скажите на милость? „Въ пріютъ“, говоритъ. Его-то хиленькаго, робкаго, нѣжнаго я отъ себя оторву!.. И какъ это, право, они разсуждаютъ, точно своихъ дѣтей у нихъ нѣтъ! Или всякій о себѣ только думаетъ, а до другаго ему дѣла нѣтъ.

Наталья Андреевна усиленно моргала карими глазками на бѣломъ вытянутомъ лицѣ. Она тоже думала о себѣ, довольная въ глубинѣ души, что мѣсто Марьѣ Сергѣевнѣ еще не „вышло“. Такъ, значитъ, еще цѣлый мѣсяцъ можно прожить даромъ. Но ей нужно было что-нибудь сказать, чтобы выразить участіе.

— Ахъ, Марья Сергѣевна, восклицаетъ она,—что̀ говорить, не будь у васъ Бори, руки были бы развязаны, и вамъ дали бы мѣсто, и дѣвочки были бы пристроены; оно, правда, что обуза!

— Да куда же мнѣ ее дѣть, эту мою обузу? Конечно, не будь его, все бы легче жилось; ну, да вѣдь не уморить же мнѣ его! говоритъ Лебедева.

— Это точно. Только Марья Сергѣевна, голубушка, надо сказать, что̀ его за жизнь бѣдненькаго!.. Лучше бы ужь прибралъ его Господь!

За секунду предъ тѣмъ соглашавшаяся съ Натальей Андреевной, что Борисъ для нея обуза, Лебедева вся вдругъ краснѣетъ, освирѣпѣвъ.

— Не всѣмъ же красавцамъ родиться! язвительно восклицаетъ она.—И какъ это поворачивается у васъ языкъ говорить такое... И я-то тутъ съ вами всякій вздоръ болтаю. Идите, идите лучше спать, а то жильцовъ перебудимъ...

И она выпроваживаетъ эту бѣлолицую, противную ей въ настоящую минуту дѣвушку, и подходитъ къ Борѣ.

— Спи, сокровище мое! шепчетъ она.

Но Боря не спитъ, онъ только крѣпко прижимается лицомъ къ подушкѣ, притворясь спящимъ.

Его разбудилъ первый звукъ разговора, и онъ все слышалъ. Такъ все несчастіе его матери въ немъ? Препятствіе, обуза, это онъ Боря, любящій ее такъ страстно. Да, да, Наталья Андреевна сказала это, и она сама не отвергаетъ этого. Господи! Господи!

Онъ напрягаетъ всѣ силы своей души, чтобы заглушить вопль. А Марья Сергѣевна не можетъ простить Натальѣ Андреевнѣ ея словъ, а главное того, что̀ высказала она сама, Марья Сергѣевна.

Да, не разъ приходило ей въ голову, что лучше бы было умереть Борюшкѣ въ младенчествѣ, не рости на горе ей и самому себѣ.

Но давно, давно она оставила эти мысли. Давно Боря сталъ ея утѣшеньемъ, ея радостію. Дѣвочки жили своею жизнью, требуя заботъ матери и взамѣнъ давая ей очень мало любви. Боря же жилъ одною жизнью съ ней. Сердце его, казалось, билось въ унисонъ съ ея, и вотъ эта противная бѣлолицая Наталья Андреевна заставила ее вымолвить такое слово!..

Будто могло бы быть лучше безъ него, ея ангела!

V.

На другой день Боря проснулся рано. Дѣвочки не уходили еще въ гимназію. Обыкновенно онъ просыпался позднѣе; сонъ былъ необходимъ его слабому организму. Мать сейчасъ же замѣтила небывалую блѣдность на его лицѣ.

— Что съ тобою, моя радость? спросила она особенно нѣжно, чувствуя свою вину предъ нимъ.—Нездоровится, что ли?

Онъ хотѣлъ было отвѣтить, что здоровъ, но почувствовалъ, что ничего не можетъ сказать, что слезы стоятъ въ горлѣ. Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и улыбнулся, но улыбка вышла кривая, и слезы все-таки выступили на глаза.

— О чемъ же ты, Борюшка, о чемъ, мой мальчикъ?

Онъ припалъ къ груди матери и сталъ рыдать; ему надо было выплакать всѣ тѣ слезы, что онъ утаилъ въ себѣ за эту ночь.

— Милый мой, дурной сонъ видѣлъ, что ли?

Когда онъ нарыдался и груди его стало легче, онъ подтвердилъ предположеніе матери, „да, онъ видѣлъ дурной сонъ".

Онъ радъ былъ всякой выдумкѣ, только бы не сказать настоящей причины слезъ.

Онъ даже разсказалъ этотъ свой страшный сонъ и самъ почти повѣрилъ ему.

Около часу дня, когда выяснилось, кто изъ жильцовъ обѣдаетъ дома, когда Каролина прибрала всѣ комнаты и могла остаться у плиты, Марья Сергѣевна надѣла свое „хорошее вчерашнее платье и собралась къ Софьѣ Павловнѣ—она обѣщала дать ей отчетъ въ своемъ свиданіи съ „его превосходительствомъ".

— Пойдемъ со мной къ Софьѣ Павловнѣ, сказала она сыну,— а то второй день одинъ остаешься.

Но онъ замахалъ руками, „нѣтъ, нѣтъ, онъ не хочетъ къ Софьѣ Павловнѣ". Онъ не забылъ еще тѣхъ двухъ мучительныхъ часовъ, что въ началѣ зимы провелъ въ ея домѣ, гдѣ всѣ были такъ снисходительно ласковы съ нимъ, обходясь какъ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ и вслухъ, при немъ, говоря о его безобразіи. Нѣтъ, онъ не хочетъ къ Софьѣ Павловнѣ, въ домѣ

которой на всякомъ шагу онъ видѣлъ въ зеркалѣ свой повторенный безобразный образъ.

Нѣтъ, ужь лучше онъ останется одинъ.

Проводивъ мать, Боря вернулся въ свою душную, маленькую комнатку и, облокотясь подбородкомъ о подоконникъ, задумался, смотря вверхъ.

День былъ пасмурный, самый петербургскій. Таяло. Облака сплошною массой, клубясь, низко неслись надъ землей, роняя какую-то мокрую дрянь.

Изъ того узкаго пространства, между напиравшихъ на окно темныхъ прокопченныхъ стѣнъ дымовыхъ трубъ и крышъ, Борѣ виднѣлся самый небольшой клочекъ небеснаго пространства.

Мальчикъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за бѣгомъ облаковъ. Какъ шибко несутся они, догоняя другъ друга, соединяясь въ общую массу и опять размыкаясь. Вотъ маленькій клочекъ синевы; ему страстно хочется, чтобы разступилась дымка облаковъ, синева расширилась и обняла все видимое его глазу пространство. Но нѣтъ; новые, сѣрые клубы набѣгаютъ на нее, точно разъяренные, и синева исчезаетъ, поглощенная ими. И опять несется сплошная масса чего-то безформеннаго, сѣраго, мрачнаго, однообразнаго, скучнаго...

„Препятствіе", припоминаетъ онъ слово, слышанное этою ночью, препятствіе.—Онъ знаетъ это слово и его значеніе, но теперь оно какъ-то образно представляется ему. Онъ часто отвлеченныя представленія облекаетъ въ образы. Препятствіе—это стѣна, мѣшающая ему видѣть, что тамъ за ней. А за ней свѣтъ, шумъ, веселье... Препятствіе—это облака, застилающія ему небо, прозрачное, голубое небо, ясное, лучезарное... Препятствіе—это сѣрая, безформенная, мрачная масса... И эту сѣрую массу представляетъ собой онъ, маленькій, хиленькій Боря, для своей любимой матери. Это мѣсто, о которомъ мать и онъ мечтали, которое представлялось имъ верхомъ благополучія, ей не дадутъ этого мѣста, потому что онъ, Боря, составляетъ какое-то препятствіе...

Дѣвочки не препятствіе; „онѣ здоровыя, большія", думаетъ Боря, воображая почему-то, что все препятствіе состоитъ только въ томъ, что онъ малъ и немощенъ.

„Если меня не будетъ, не будетъ препятствія для мамы, думаетъ онъ,—она получитъ мѣсто и будетъ счастлива, покойна, не будетъ бояться, что генералъ уйдетъ... Сказать ей, чтобы

она отдала его въ пріютъ, что онъ покинетъ ее, чтобы сдѣлать ее счастливою?..“

Онъ смотритъ на тоскливое небо, и ему кажется, что сѣрыя облака точно окутываютъ его самого со всѣхъ сторонъ.

Онъ представляетъ себя въ пріютѣ окруженнымъ чужими лицами вдали отъ матери, и смертельный ужасъ охватываетъ его дѣтское сердце.

Онъ боится одного этого представленія—оторваться отъ мамы!.. Онъ отходитъ отъ окна, оглядываетъ узкую комнатку, бросается къ постели матери, прижимается къ ея подушкамъ, цѣлуетъ ихъ и... плачетъ.

Каролина, между двухъ дѣлъ, прибѣгаетъ навѣстить маленькаго горбуна и находитъ его въ слезахъ.

— О чемъ, мой Борюшка, говоритъ она,—голубчикъ, милый?

— Я не могу, восклицаетъ онъ,—бросаясь къ ней на шею, я не могу, не могу!..

— Чего ты не можешь?

Онъ спохватывается, что она ничего не знаетъ и что мать тоже ничего не должна знать о томъ, что онъ слышалъ ночью, что онъ всю тоску, весь ужасъ этой необходимости—уйти отъ нея, чтобы сдѣлать ее счастливою, долженъ скрыть въ своемъ сердцѣ.

И онъ дѣлаетъ попытку улыбнуться Каролинѣ.

— Это, говоритъ онъ, все этотъ сонъ надѣлалъ, который все ему мерещится.

Но онъ не будетъ больше плакать, онъ обѣщаетъ Каролинѣ. Онъ прижимается къ ея груди.

Какъ пріятенъ ему этотъ знакомый кухонный запахъ ея передника, какъ отрадно прижаться къ этой родной, теплой груди, послѣ представленія объ этомъ чужомъ, холодномъ мѣстѣ съ чужими людьми.

....

Въ то время какъ Боря слѣдилъ за бѣгомъ облаковъ съ пятаго этажа и плакалъ надъ тѣмъ, что онъ „препятствіе“, его мать дожидалась пробужденія Софьи Павловны, сидя на золоченомъ стульчикѣ ея первой гостиной.

Марья Сергѣевна воспитывалась въ одномъ заведеніи съ Софьей Павловной; вотъ почему та и принимала въ ней такое живое участіе.

— Подумайте только, разсказывала она въ своемъ обществѣ,— мы сидѣли съ ней на одной скамьѣ! Я поклялась, что устрою ее.

Когда-то онѣ были подругами; теперь же Марья Сергѣевна сидѣла вытянувшись на стулѣ Софьи Павловны, переполненная уваженія къ величію и роскоши ея окружающей. Она не удивлялась, что подруга спитъ въ часъ дня; она такъ хорошо понимала, что все возможно для счастливцевъ міра.

Экономка Софьи Павловны, чистенькая старушка въ бѣломъ чепцѣ, подсѣла къ Марьѣ Сергѣевнѣ поговорить.

— Не хотите ли чаю, матушка? Ихъ превосходительство разбранятъ меня, коли узнаютъ, что не угостила васъ; вы вѣдь знаете нашу Софью Павловну: ужь больно гостепріимны.

— Благодарю, Алена Панкратьевна, дома пила.

— Да вѣдь со сливочками, матушка; у васъ, чай, такихъ нѣтъ, съ удѣльной фермы возятъ. Ея превосходительство любитъ хорошія сливки... А мѣсто-то, матушка, получили? Ужь какъ барыня хлопотала...

— Нѣтъ, не получила.

— Ну, получите, барыня говорила—непремѣнно получите.

Марья Сергѣевна спросила:

— Ихъ превосходительство скоро выйдутъ?

— Должно быть ужь встали, одѣваются. Вонъ звонятъ. Ну, прощайте, матушка! дай вамъ Богъ пристроиться.

Черезъ четверть часа вышла и сама Софья Павловна.

Несмотря на несчастіе,—года три тому назадъ она потеряла мужа, котораго не любила, что̀ заставило ее облечься въ черное и носить на лицѣ своемъ печать затаеннаго горя, — несмотря на несчастіе, говорю, она была очень свѣжа и моложава.

Пріятно шурша шлейфомъ своего тонкаго сукна платья на невидимой шелковой юбкѣ, блестя стеклярусомъ своей маленькой граціозной шляпки, она спѣшно, на ходу, застегивая длинныя перчатки, подошла къ Марьѣ Сергѣевнѣ.

— Ахъ, извините, любезная Марья Сергѣевна, что заставила васъ ждать; не спала всю ночь (этого не было видно по ея свѣжему лицу). Вы знаете, эти безсонницы могутъ доконать человѣка! Ну, что̀, какъ дѣла?.. Я тороплюсь, ужь вы простите, нынче засѣданіе, и то опоздала... Что̀ же онъ вамъ сказалъ, нашъ милѣйшій Дмитрій Николаевичъ? Не правда ли, милый человѣкъ?.. Присядьте же, любезная Марья Сергѣевна; она дѣ-

ловито посмотрѣла на свои маленькіе часики,—у меня еще есть пять минутъ времени.

Марья Сергѣевна, торопясь, разсказала о препятствіи.

— Препятствіе? Вашъ сынокъ препятствіе? Пустяки. Мы это все уладимъ, будьте покойны. Знаете французскую поговорку: Ce que femme veut, Dieu le veut.

— Карета готова, ваше —ство.

— До свиданія, милѣйшая Марья Сергѣевна! заходите безъ всякихъ церемоній, коли что̀ нужно. Вы меня знаете: я всегда готова помочь чѣмъ могу. До свиданія!

И, собравъ въ изящный мѣшочекъ какія-то записочки, она благосклонно пожала руку Марьѣ Сергѣевнѣ и прошуршала мимо нея въ переднюю.

VI.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Марья Сергѣевна и Каролина находятся въ тревогѣ: Борисъ ни на что не жалуется, но имѣетъ видъ нездоровый; онъ блѣденъ, вялъ, ничѣмъ не хочетъ заняться, только весь день стоитъ у окна и смотритъ на облака.

Къ тревогѣ о Борѣ присоединяется еще одно горе—банковскій чиновникъ собирается съѣзжать. Такой хорошій, покойный жилецъ,—и въ концѣ зимы, когда жилецъ становится рѣдокъ!

Марья Сергѣевна давно слышала, что онъ собирается жить съ родственниками, но пропускала этотъ слухъ мимо ушей, такъ страшной ей казалась перспектива остаться безъ жильца среди зимы! авось эта чаша минуетъ ее, думала она, — и банковскій чиновникъ останется у нея. Чего ему, въ самомъ дѣлѣ, надо!..

Вдругъ однажды утромъ онъ постучался къ ней и такъ просто, развязно объявилъ, что съѣзжаетъ.

— Какъ же это такъ, говорила она,—среди зимы уѣзжаете? Какъ же это такъ, Господи?.. Чѣмъ мы вамъ не угодили?

Боря стоялъ весь блѣдный, съ дрожащими губами, и своими грустными глазами смотрѣлъ на молодаго человѣка. Мальчикъ любилъ его, считалъ добрымъ.

„И неужели же этотъ добрый человѣкъ можетъ сдѣлать такую несправедливость—можетъ такъ обидѣть маму!“

Марья Сергѣевна была въ отчаяніи и безпрестанно говорила о незадачѣ своей то съ Каролиной, то съ Натальей Андреевной.

— Ну, какая я квартирная хозяйка, Господи! восклицала она, — ужь эти мнѣ комнаты, одинъ разоръ. Кабы мѣстишко какое самое маленькое, все бы покойнѣе.

Эти слова матери о мѣстѣ напоминали Борѣ, что онъ „препятствіе", и сердце его сжималось.

„Господи, внутренно взывалъ онъ, глядя вверхъ на облака,—Господи, сдѣлай, чтобъ я не былъ препятствіемъ."

Когда объявленіе о комнатѣ въ „тихомъ семействѣ" было каллиграфически написано и наклеено на водосточной трубѣ, Боря лихорадочно сталъ ждать „жильца", прислушиваясь къ шуму шаговъ на лѣстницѣ, къ звонкамъ.

Желающихъ нанять приходило много, но все народъ не подходящій—бѣднота, которой комната эта, цѣнимая Марьей Сергѣевной въ 20—18 рублей, казалась слишкомъ неприступной по цѣнѣ.

Разъ, когда Каролины не было дома, а мать въ ситцевомъ капотѣ, засучивъ рукава, рубила въ кухнѣ котлеты, въ передней позвонили. Боря кинулся отворять, предчувствуя нанимателя; крюкъ не былъ наложенъ, — онъ легко отперъ дверь и обомлѣлъ, когда передъ нимъ очутились двѣ нарядныя дамы.

— Неужели „жилички!" подумалъ онъ.

— Мамаша дома? спросила одна изъ дамъ, входя въ переднюю и, въ видѣ ласки, опуская руку на голову Бориса.

— Дома, робко отвѣчалъ мальчикъ, узнавъ въ дамѣ „генеральшу" Софью Павловну, у которой онъ былъ въ гостяхъ.

— Скажи мамѣ, мой дружекъ, что Софья Павловна пришла, слышишь, Софья Павловна.

Марья Сергѣевна взволновалась, узнавъ о приходѣ Мирской, и велѣла сыну вести нежданную гостью въ свободную, свѣтлую комнату, оставленную банковскимъ чиновникомъ, а сама побѣжала одѣваться.

— Какой ужасъ! я не могу видѣть этого маленькаго уродца, сказала спутница Софьи Павловны по-французски, когда Боря, задыхаясь, своимъ тоненькимъ голоскомъ, пригласилъ ихъ войти въ комнату и подождать маму.

— Il peut vous comprendre, остерегла Софья Павловна пріятельницу.

Но, къ счастью, хотя Борисъ и зналъ немного по-французски, въ своемъ волненіи онъ не вслушался въ слова незнакомки.

Дамы, не снимая своихъ дорогихъ шубокъ, вошли въ комнату.

— Хорошенькая комната, je ne vois pas de misére ici, говорила подруга Софьи Павловны, осматриваясь кругомъ, между тѣмъ какъ та ласково разспрашивала о чемъ-то Бориса.

Но вотъ и Марья Сергѣевна является. Она еще одною рукой застегиваетъ послѣднюю пуговицу лифа, другой приглаживаетъ волосы.

— Моя милая, Марья Сергѣевна! ласково говоритъ Софья Павловна, осторожно обнимая Лебедеву и подставляя ей щеку,— я, кажется, могу васъ поздравить. Вчера сама лично видѣлась съ Дмитріемъ Николаевичемъ—какой милый человѣкъ!—въ видѣ отступленія восклицаетъ она,—дѣло наше, кажется, въ шляпѣ: ваканція открывается. Что́ касается до нашего маленькаго препятствія, — тутъ она беретъ Борю за подбородокъ двумя пальцами и поднимаетъ его блѣдное личико, — то намъ ничего не сто́итъ его устроить: Анна Андреевна обѣщаетъ взять его въ свой пріютъ. И она съ улыбкой оглядывается на свою пріятельницу.

Боря не смѣлъ двинуться, не смѣлъ отстраниться отъ ласки Софьи Павловны; поднятое двумя пальцами лице его поблѣднѣло, выпяченная грудь тяжело дышала, удерживая накипавшія слезы. А Софья Павловна, точно забывъ о немъ, продолжала держать его лицо поднятымъ, выражая свою радость, что такъ хорошо и скоро устроила Марью Сергѣевну.

— Но, но пыталась остановить ее Лебедева, но... я не могу, это невозможно... я не могу...

— Чего вы не можете, моя милая?

— Оторвать его отъ себя, отдать въ пріютъ, не могу, не могу!

Софья Павловна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ и негодованіемъ.

— Я хлопочу, изъ силъ выбиваюсь, а вы не можете. Позвольте замѣтить — это слишкомъ чувствительно. Бѣдность не должна позволять себѣ такихъ чувствительностей, моя милая, Марья Сергѣевна. Или, можетъ-быть, это гордость? Удивляюсь!.. Я убѣждена, что мальчикъ вашъ благоразумнѣе васъ.

И, поднимая еще выше личико ребенка, она съ нѣжностью въ голосѣ, слегка картавя, обратилась къ нему:

— Милый мальчикъ, ты вѣдь не желаешь быть обузой для твоей мамы? Ты хочешь въ пріютъ?

Широко открытые глаза горбуна остановились на красивомъ лицѣ дамы-благотворительницы, поблѣднѣвшія губы его трепетали,

усиливаясь что-то вымолвить, и наконецъ раскрылись, чтобы со свистомъ какимъ-то выпустить:

— Хочу.

Едва Софья Павловна опустила пальцы, какъ длинное личико мальчика точно все съежилось, перекривилось, и онъ выбѣжалъ изъ комнаты съ быстротой, мало ему свойственною.

— Вашъ сынъ благоразумнѣе васъ, Марья Сергѣевна! не знаю, что̀ вы можете имѣть противъ пріюта?!

Анна Андреевна въ своемъ плюшевомъ пальто съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ сидѣла нѣсколько въ сторонѣ и нетерпѣливо постукивала тонкими пальцами по столу.

— Я вамъ говорю, Sophie, вымолвила она,— что вы навязываете людямъ ваши благодѣянія.

Марья Сергѣевна оглянулась на даму въ плюшевомъ пальто, потомъ на Софью Павловну, какъ бы не понимая смысла сказанныхъ словъ и ища разгадки.

Вспышка вызванной любовью къ сыну энергіи потухла на ея лицѣ; оно стало опять жалкое, растерянное, просительное. Она уже чувствовала свою вину передъ Софьей Павловной. Но та не сердилась на нее. Софья Павловна грустно, но снисходительно улыбалась, думая о своей добротѣ, которая безразсудно заставляла ее вмѣшиваться въ чужія дѣла и часто терпѣть неудачи; она кротко сказала Марьѣ Сергѣевнѣ:

— Какъ знаете, милая Марья Сергѣевна! я хлопотала не для себя, а для васъ и сдѣлала все, что̀ было въ моихъ силахъ.

Дамы сходили съ пятаго этажа, разсуждая о людской неблагодарности.

— О, говорила Софья Павловна, — я никогда не жду благодарности, я дѣлаю это потому, что это потребность моей души. Иногда бываетъ обидно, вотъ какъ теперь... но я неисправима, что̀ подѣлаешь!

VII.

Софья Павловна въ тотъ же день вѣроятно забыла свою неудачу. Но не такъ-то скоро забылся ея визитъ Лебедевыми.

Долго, долго Марья Сергѣевна переворачивала въ умѣ своемъ предложеніе Софьи Павловны. И то бранила себя, то возгоралась негодованіемъ.

„Да, вотъ они всѣ такъ, думала она, — они думаютъ, что въ

насъ бѣднякахъ другое сердце. Будь у нея самой такой сынъ— хилый, болѣзненный, возила бы его по разнымъ заграничнымъ и русскимъ лѣчебнымъ мѣстамъ, а я своего должна бросить!.. Одна у него радость,—моя любовь, а я должна отдать его на посмѣшище постороннимъ!“

Но мысли ея вдругъ принимали другой оборотъ:

„Да, да, она, пожалуй, права: нельзя такъ разсуждать бѣднякамъ. Нѣжность — это роскошь. Глупо поступили вы, Марья Сергѣевна! Не гордость ли въ самомъ дѣлѣ возмутилась въ васъ, ваша глупая дворянская гордость при словѣ пріютъ для бѣдныхъ! Ахъ, Марья Сергѣевна, пора смирить вашу гордость... Нѣтъ, нѣтъ, если и есть здѣсь доля гордости, то очень небольшая; главное тутъ невозможность отдать его, главное тутъ знаніе его маленькаго любящаго сердца, которое разорвется въ разлукѣ съ нею. Ахъ, лучше было бы, еслибы не родилось вовсе это маленькое, хилое существо!.. Любимый мой, ненаглядный, никому не отдамъ!..“

Эти противорѣчивыя мысли бродили у нея въ головѣ, покуда она стояла у плиты, торговалась съ разнощикомъ провизіи, выторговывая гроши, прибирала книжки и тетрадки дѣтей.

„Что̀ дѣлать? какъ быть?.. Отказаться отъ предлагаемаго благосостоянія изъ-за него? Или брать, что̀ даютъ, и пожертвовать имъ? Что̀жь, вѣдь и въ пріютѣ дѣти живутъ, не онъ первый, не онъ послѣдній. Охъ, Господи, что̀ же дѣлать, какъ поступить?.. Обуза, это правда, что̀ обуза; не будь его, развязаны были бы руки... Ну, и отдамъ, отдамъ... Это на первый разъ такъ страшно показалось... Не все же вмѣстѣ жить, привыкнетъ!..“

Иногда она отрывалась отъ своихъ занятій и, отыскавъ сына, прижавшагося гдѣ-нибудь въ уголку, страстно прижимала его къ своей груди.

— Зачѣмъ ты разсердила генеральшу? шепталъ онъ ей на ухо,—она, пожалуй, броситъ тебя, не будетъ хлопотать, а я... я не боюсь пріюта, право, не боюсь...

И, солгавъ, онъ пряталъ на груди ея лицо и тихо всхлипывалъ.

Разговоръ, слышанный имъ ночью, всплывалъ передъ нимъ. Онъ помнилъ отчетливо каждое слово. Мать согласилась, что онъ обуза, что было бы лучше, еслибъ его не было. И въ своемъ углу онъ страстно сжималъ свои длинные, худые пальцы, восклицая:

— Господи, дай, чтобъ я не былъ больше обузой для мамы моей, дай, чтобы не былъ препятствіемъ!

Въ ту ночь послѣ посѣщенія Софьи Павловны Боря спалъ очень тревожно. Онъ безпрестанно вскакивалъ и съ широко открытыми глазами болталъ какой-то вздоръ. Онъ стоналъ и метался, голова горѣла, ножки были холодны, какъ ледъ. Марья Сергѣевна тщетно старалась согрѣть ихъ. Она разбудила Каролину, чтобы посовѣтываться съ нею, что̀ дѣлать,—и онѣ вдвоемъ рѣшили бутылку горячей воды приложить къ ступнямъ. Каролина поставила самоваръ и по своей слѣпотѣ и торопливости уронила трубу и, только нашумѣвъ, догадалась воскликнуть:

— Какъ бы генерала не разбудить!

Бутылки горячей воды какъ будто помогли: маленькія ножки согрѣлись, и къ утру Боря заснулъ спокойно. Его не разбудила даже утренняя возня въ квартирѣ, бѣготня Каролины съ самоварами, уборка комнатъ и тому подобное.

„Ну, слава Богу, думала Марья Сергѣевна,—проспится и все кончится сномъ, что̀ у дѣтей бываетъ; нечего было пугаться такъ.“

Она потихоньку убрала комнату и усѣлась съ работой у окна. Дѣвочки Лебедевы, студентъ и Наталья Андреевна давно уже ушли по своимъ дѣламъ; въ квартирѣ водворилась тишина, такъ что Марья Сергѣевна, не боясь разбудить сына, пріотворила дверь въ корридорѣ „для воздуха“.

— Хозяюшка, вы дома? послышался вдругъ хотя и мягкій, но громкій голосъ „генерала“.

Онъ въ своихъ войлочныхъ туфляхъ неслышно подошелъ къ хозяйской двери, такъ что Марья Сергѣевна, погруженная въ свои мысли, вся вздрогнула при звукахъ его голоса. Боря тоже заворочался на диванѣ.

— Ахъ, это вы, Петръ Семеновичъ! воскликнула Марья Сергѣевна, бросая работу.

— Я-съ. Да вы сидите, сидите... я вѣдь такъ-съ потолковать пришелъ.

Онъ сладко улыбался. Марья Сергѣевна ждала всего недобраго.

— Что̀ это за шумъ нынче ночью былъ. Ужь не крысы ли у васъ завелись, Марья Сергѣевна?..

— Вы слышали? сконфуженно воскликнула Лебедева,—мы старались какъ можно тише...

— Помилуйте-съ, какъ не слышать! Какой громъ подняли! Я

думалъ крысу ловите или пожаръ. Помилуй Богъ, пожаръ въ ночное время, да на такой высотѣ!.. У меня такое сердцебіеніе сдѣлалось! до семи часовъ глазъ не сомкнулъ... Ужь вы въ другой разъ, хозяюшка, предупреждайте, коли что, я уже заранѣе буду ждать, изводилъ „генералъ“ своею плавною рѣчью бѣдную Марью Сергѣевну.

— Петръ Семеновичъ, ради Бога, не сердитесь! Борюшка мой ночью захворалъ... самоваръ ставили. Это моя старуха Каролина нашумѣла...

— Я что же-съ.. я ничего, Марья Сергѣевна, съ улыбочкой продолжалъ изводить ее „генералъ“,—конечно сынъ вамъ дороже какого-нибудь „жильца“. Что такое Петръ Семеновичъ для васъ?—пфу, плюнуть и растереть. Я уѣхать могу, Марья Сергѣевна. Ничто меня не держитъ. Не пришитъ вѣдь я къ вашей квартирѣ, хе, хе!

— Побойтесь Бога, Петръ Семоновичъ, со слезами въ голосѣ воскликнула бѣдная женщина,—изъ-за чего же уѣзжать вамъ, Господи!

— Я вѣдь ничего. Я только такъ разсуждаю, Марья Сергѣевна... А вотъ и безцѣнный сынокъ вашъ проснулся. Это я, должно-быть, разбудилъ его? Въ отместку, въ отместку, молодой человѣкъ! говорилъ онъ своимъ плавнымъ голосомъ, обращаясь къ Борису, который большими, испуганными глазами смотрѣлъ на него.—Вы мнѣ не дали спать сегодня ночью, вотъ и я васъ бужу. Будьте здоровы, Марья Сергѣевна.

И, разстроивъ Лебедеву и сына ея, онъ, сладко улыбнувшись, неспѣшно удалился.

— Что, мой дорогой, лучше тебѣ?

Боря не отвѣчалъ на вопросъ матери. Взволнованный укорами генерала, онъ испуганно глядѣлъ на нее.

— Развѣ я кричалъ?.. Господи, что если генералъ уйдетъ изъ-за меня! Все изъ-за меня, все изъ-за меня, Боже, Боже мой!..

Онъ закрылъ лицо своими худыми, блѣдными, длинными ручками и заплакалъ.

Это было жалкое всхлипываніе безпомощнаго маленькаго созданія, всхлипываніе, хватающее за душу.

Напрасно мать старалась его утѣшить, напрасно говорила, что не онъ обезпокоилъ „генерала“, а Каролина, мальчикъ былъ убѣжденъ, что всѣ несчастія матери изъ-за него, и продолжалъ рыдать.

— Отдай меня въ пріютъ, говорилъ онъ,—я не буду плакать... я постараюсь привыкнуть... я буду здоровъ...

Въ доказательство своего здоровья, онъ попробовалъ встать съ постели и одѣться. Но онъ былъ такъ слабъ, что еле держался на ногахъ, а къ двумъ часамъ дня онъ опять уже лежалъ на своемъ диванѣ.

VIII.

Прошла недѣля, Боря не поправлялся. Ни на что̀ не жалуясь, онъ почти не вставалъ съ постели отъ слабости.

Марья Сергѣевна, утѣшавшая себя мыслью, что это ничего, что „это часто бываетъ съ дѣтьми", рѣшилась наконецъ позвать доктора.

Это былъ старинный пріятель мужа ея, хорошій человѣкъ, не сдѣлавшій карьеры. Про него говорили, что у него нѣтъ своего царя въ головѣ, а онъ просто былъ совѣстливый, не больно-то вѣровавшій въ свою медицину человѣкъ, не умѣвшій шарлатанить. Ему тяжело давалась его профессія.

Изъ-подъ очковъ, близорукими добрыми глазами пристально посмотрѣлъ онъ на маленькаго горбуна, тщательно выстукалъ, выслушалъ, добросовѣстно разспросилъ о ходѣ болѣзни Марью Сергѣевну. Послѣ всякой фразы ея онъ говорилъ: „да", „да", утвердительно качая головой. И въ концѣ-концовъ ничего не понялъ и только помычалъ, когда мать спросила его, въ чемъ же дѣло. Докторъ ничего не прописалъ больному; единственно, что онъ потребовалъ для него—это больше воздуха и свѣта.

Комната банковскаго чиновника все еще была незанята, и Марья Сергѣевна рѣшилась снять объявленіе съ водосточной трубы и перевести въ эту комнату сына.

Но когда докторъ объявилъ больному, что его перенесутъ въ эту свѣтлую комнату, Боря выразилъ явное безпокойство.

— Нѣтъ, я не хочу, говорилъ онъ,—я не хочу въ ту комнату.

— Но она больше, свѣтлѣе; тебѣ и мамѣ твоей будетъ тамъ лучше.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трогайте меня.

— Но почему же, мальчикъ мой? спрашивала Марья Сергѣевна, между тѣмъ какъ докторъ исподлобья смотрѣлъ на странное существо.

— А если я не удержусь и буду стонать, съ внезапнымъ ру-

мянцемъ сказалъ мальчикъ,—генералъ разсердится и уйдетъ (комната банковскаго чиновника была рядомъ съ помѣщеніемъ Петра Семеновича).

Борю убѣдили перейти на свѣтлую половину только тѣмъ, что на маленькую, занимаемую ими теперь, комнату находится жилецъ, а на большую охотниковъ нѣтъ.

— Хорошо, согласился онъ,—я постараюсь не стонать.

Онъ потребовалъ, чтобы диванъ его поставили какъ можно дальше отъ стѣны генерала и устроили ему постель лицомъ къ окну.

Устроивала его Каролина, пока мать говорила съ докторомъ въ корридорѣ.

Когда Марья Сергѣевна возвратилась къ нему, проводивъ доктора, онъ сейчасъ же замѣтилъ слѣды слезъ на ея лицѣ.

— Ну, что онъ тебѣ сказалъ, спросилъ больной,—я умру?

— Ахъ, Борюшка, Борюшка, зачѣмъ ты огорчаешь маму такими словами!

Марья Сергѣевна заплакала, припавъ къ его рукѣ.

Но Боря не плакалъ, онъ разсѣянно ласкалъ мать, мечтательно устремивъ глаза въ свѣтлый клочекъ неба, виднѣвшійся въ окно.

— Такъ лучше, выговорилъ онъ,—не будетъ больше препятствія...

Мать не поняла его.

— Что такое? О какомъ препятствіи ты говоришь? испуганно спрашивала она, думая, что онъ бредитъ.

Но онъ только улыбнулся ей въ отвѣтъ; онъ твердо рѣшилъ ничего никому не говорить о подслушанномъ ночью разговорѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ перевели Борю въ большую комнату на лицевой сторонѣ, ему какъ будто стало лучше. Его нервное безпокойство, приступы слезъ и даже бреда совершенно прошли. Онъ лежалъ или скорѣе сидѣлъ, прислонившись головой къ высоко взбитымъ подушкамъ, и глядѣлъ въ окно на пробѣгавшія облака, на стаи галокъ и голубей, проносившіяся мимо него, и мечталъ, мечталъ... мечталъ о смерти. Онъ никогда не видѣлъ еще смерти вблизи, не зналъ ея отталкивающей стороны—неподвижности, тлѣнія, ему она представлялась со свѣтлыми аттрибутами разверстаго неба, легкокрылыхъ ангеловъ, свѣта и вѣчной славы.

Онъ мечталъ о смерти, какъ объ избавленіи отъ своего безо-

бразнаго смѣшнаго тѣла, мечталъ какъ объ устраненіи препятствія съ дороги матери, не думая въ то же время о разлукѣ съ нею. Нѣтъ, съ свѣтлаго неба онъ будетъ прилетать къ ней и нашептывать слова утѣшенія и любви въ то время, какъ она будетъ гулять въ томъ хорошемъ саду при институтѣ, о которомъ она разсказывала ему.

Съ матерью онъ не говорилъ о смерти, онъ чувствовалъ, что самое это слово разстроитъ ее, но со старушкой Каролиной, когда она оставалась съ нимъ вдвоемъ, онъ любилъ поговорить о смерти,—ея наивное представленіе о свѣтломъ небѣ такъ подходило къ его. Онъ улыбался своей мечтѣ, слушая ее.

Страшнаго въ смерти для него ничего не было.

Разъ, когда докторъ выстукивалъ его, въ отсутствіи Марьи Сергѣевны, онъ спросилъ его своимъ надтреснувшимъ голоскомъ:

— Илья Ивановичъ, я скоро умру?

Докторъ, по своей привычкѣ, исподлобья взглянулъ удивленно въ лицо больнаго. Лицо было свѣтло, взглядъ, поднятый къ нему, былъ довѣрчивъ и тихъ.

— Ты не боишься смерти?

— Я?.. О, нѣтъ... Скажите, скоро умру?

Докторъ присѣлъ къ больному на постель и, взявъ его руку, печально и устало склонилъ голову.

— Не знаю, милый, сказалъ онъ. Можетъ-быть, ты останешься жить.

Мальчикъ улыбнулся, какъ бы принявъ эти слова за утѣшеніе, которому онъ не вѣрилъ.

— Умереть лучше, сказалъ онъ.

— А мать твоя! Развѣ не жаль тебѣ мать? Она такъ любитъ тебя.

— О, я далеко не уйду отъ мамы, съ убѣжденіемъ воскликнулъ онъ,—я буду прилетать.—Доктора смущала слабость мальчика, болѣзнь, ему казалось, идетъ хорошо и осложненій онъ не предвидѣлъ. Однако Борѣ вдругъ сдѣлалось хуже. Жаръ, который совсѣмъ было пересталъ мучить его, возобновился въ одну ночь. Мальчикъ началъ метаться и стонать, вдругъ прерывая стоны и испуганно восклицая; „генералъ“!

Генералъ дѣйствительно былъ опять обезпокоенъ ночью и на утро, черезъ Каролину, велѣлъ попросить къ себѣ Марью Сергѣевну.

— Очень радъ, очень радъ, привѣтствовалъ онъ ее, когда

она вошла худая съ растрепанными волосами, блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ.

— Присядьте, прошу. Сынку вашему, кажется, хуже?

— Хуже, Петръ Семеновичъ. Блѣдныя губы задергались, на глазахъ показались слезы.

— Ай, ай, ай!.. Его бы въ больницу надо, Марья Сергѣевна, въ дѣтскую больницу... Тамъ очень хорошо.

— Нѣтъ... пусть ужь дома.

— Однако, любезная Марья Сергѣевна, его стоны безпокоятъ вашихъ жильцовъ, я не спалъ всю ночь. Если такъ продолжится, то я вѣдь и уйду...

Лицо смиренной Марьи Сергѣевны вспыхнуло и приняло необычное ему выраженіе гордаго достоинства.

— Уходите, ваше превосходительство, вымолвила она,—я не стану удерживать васъ, васъ, у котораго даже нѣтъ сожалѣнія къ умирающему ребенку. Уходите, ваше превосходительство, теперь я не могу исключительно думать о вашемъ комфортѣ и тишинѣ, у меня есть другая забота!..

И она гордо вышла, оставивъ генерала съ застывшею улыбочкой на устахъ, поглаживающимъ свою бѣлую, точно выточенную изъ слоновой кости лысину.

....

Въ тотъ же день, возвращаясь съ своей обычной прогулки по Невскому въ четыре часа, „генералъ“ несъ какой-то свертокъ.

Поднявшись на пятый этажъ и позвонивъ, онъ смиренно ждалъ, не проявляя нетерпѣнія и не звоня вторично.

— Что вашъ больной не спитъ? спросилъ онъ отворившую ему Каролину.

— Не спитъ, ваше превосходительство, съ грустью въ голосѣ отвѣчала старуха,—такъ только, какъ бы въ забытьи.

— А можно къ нему?... Безчувственнаго Петра Семеновича пустите?

— Ахъ, Господи, что это вы право! Кто говоритъ, что вы безчувственный!.. Барыня въ разстройствѣ чувствъ, надо къ ней быть снисходительнымъ, ваше превосходительство!.. Ужь такое горе, такое горе!..

— И то, кажется, снисходителенъ, съ улыбкой промолвилъ генералъ.—Такъ къ больному-то можно?

— Извольте идти, ваше —ство!

Каролина успѣла присѣсть въ знакъ почтенія и, побѣжавъ впередъ, отворила предъ нимъ дверь и стушевалась.

— Какъ дѣла? спросилъ генералъ вставшую со стула, удивленную Марью Сергѣевну.—Вотъ и безчувственный жилецъ вашъ пришелъ навѣстить Борюшку.

Онъ зашелъ такъ, чтобы видѣть лицо мальчика, который, заслышавъ шумъ и говоръ, широко открылъ заведенные было полудремотой глаза и остановилъ на генералѣ. Въ выраженіи глазъ ребенка не было уже того ужаса, который онъ, бывало, испытывалъ, встрѣчаясь съ Петромъ Семеновичемъ.

— Здравствуй, здравствуй, Борюшка, сказалъ особенно ясно Петръ Семеновичъ, не прикасаясь къ мальчику.

Хотя онъ зналъ, что болѣзнь его не имѣетъ въ себѣ ничего заразительнаго, а все лучше держать себя подальше отъ больнаго.

— Здравствуй, милый! Вотъ и безчувственный Петръ Семеновичъ — тутъ онъ кинулъ взглядъ на Марью Сергѣевну,—вспомнилъ о тебѣ. Посмотри, какую игрушку я принесъ.

Онъ бережно развернулъ бумагу, сложилъ ее, потомъ осторожно открылъ крышку продолговатаго картоннаго ящика и вынулъ подобіе собачки, обтянутой кудрявою шерстью, поставилъ на столикъ передъ больнымъ и сталъ жать гуттаперчевый шаръ. Собака запрыгала.

— Ахъ, ахъ, какъ хорошо! воскликнула Каролина, чтобы понравиться „генералу“,—посмотри, Борюшка, какая собачка, сама скачетъ!

Мальчикъ вскинулъ большіе глаза въ сторону собачки и, снисходя къ забавѣ старшихъ, чтобы сдѣлать удовольствіе генералу, улыбнулся.

— Ну, вотъ на тебѣ собачку, сказалъ генералъ, ставя игрушку на безобразную высоко поднятую грудь горбуна.

Съ тѣмъ же намѣреніемъ сдѣлать пріятное генералу, мальчикъ провелъ исхудалою ручкой по курчавой шерсти игрушки.

— Поклонись, Борюшка, скажи: благодарю васъ, Петръ Семеновичъ! учила тронутая мать.

Мальчикъ не повторилъ словъ матери, но съ высоты своего ложа кивнулъ головой, снисходительно улыбнувшись генералу.

А Петръ Семеновичъ вышелъ изъ комнаты довольный собою и умиленный своимъ поступкомъ.

IX.

Прошло еще нѣсколько дней.

Въ квартирѣ Лебедевой царствовала тишина, наступавшая всегда къ 12 часамъ дня. Въ комнатѣ больнаго сидѣла Марья Сергѣевна безъ работы; тоскливый взглядъ ея остановился на сынѣ, который вотъ уже сутки лежалъ, не принимая пищи, ничего не говоря, почти безпрерывно находясь въ забытьи.

Позвонили въ передней.

Боря вздрогнулъ, открылъ глаза и тотчасъ же опять закрылъ ихъ.

Марья Сергѣевна слышала, что въ передней идутъ какіе-то долгіе разговоры между пришедшимъ и Каролиной, но не трогалась съ мѣста, все глядя на сына. Но вотъ дверь тихо отворилась и удивленнымъ взорамъ Марьи Сергѣевны предстала сама Софія Павловна.

Элегантная, какъ всегда, легко шурша своею шелковою юбкой, она на цыпочкахъ пробиралась къ ней.

— Я не боюсь, не безпокойтесь за меня, я ничего не боюсь. О, я видала и не такія болѣзни! шептала она, обнимая Марью Сергѣевну и прикасаясь щекой къ ея щекѣ.—Бѣдный мальчикъ! А я то, я ничего не знала и пришла окончательно спросить именно о немъ. Мѣсто въ пріютѣ все еще не занято... А васъ, милѣйшая Марья Сергѣевна,—о, я не помню зла!—васъ я могу хоть сейчасъ опредѣлить кастеляншей въ институтъ. Есть вакантное мѣсто... Дмитрій Николаевичъ предоставилъ его мнѣ, и, при соблюденіи извѣстныхъ условій, оно будетъ ваше, моя милая, ваше.

Это мѣсто, о которомъ такъ давно мечтала Марья Сергѣевна, заставило ее горько улыбнуться.

— Какое же мѣсто! воскликнула она,—вы видите...

— Да, да... это ужасно... но, можетъ-быть, все къ лучшему, моя бѣдная Марья Сергѣевна!..

Она не успѣла кончить, произошло нѣчто неожиданное.

Боря, уже нѣсколько дней не поднимавшій головы съ по-

душки, вдругъ поднялся и сѣлъ на постели. Съ похудѣвшимъ лицомъ и съ расширенными страданіемъ глазами онъ сидѣлъ, тяжело дыша своей безобразною грудью и шевеля губами, какъ бы пытаясь говорить. Обѣ женщины бросились къ нему, но онъ не смотрѣлъ на мать, онъ впился глазами въ Софью Павловну. Дыханіе со свистомъ вылетало изъ его устъ.

— Не слушайте маму... ей мѣсто... большая комната, садъ... покой, какъ бы въ забытьи говорилъ онъ, задыхаясь,—препятствій нѣтъ, я... я... Боря...

Онъ не имѣлъ болѣе силы говорить и окончилъ фразу, поднявъ исхудалую руку вверхъ.

Жестъ былъ такъ торжественно выразителенъ, что Софья Павловна сразу поняла его и прослезилась.

— Да, да, ей мѣсто, ей—твоей мамѣ, будь покоенъ, милый, но зачѣмъ же тебѣ уходить, ты будешь жить...

Онъ улыбнулся обтянувшимися, посинѣлыми губами и, закрывъ глаза, опустился на подушку.

Съ тѣхъ поръ улыбка не сходила съ его устъ. Онъ умиралъ въ блаженномъ сознаніи, что препятствій больше нѣтъ для счастья его матери. Говорить онъ не могъ, но жестами показывалъ, что ему хорошо, очень хорошо, тамъ покойно, только бы спать, спать. Онъ постоянно впадалъ въ забытье и всякій разъ, приходя въ себя, съ недоумѣньемъ оглядывался.

„Какъ, я еще живъ, я еще между вами?“ говорилъ его взглядъ.

Уже нѣсколько дней ждали конца, всѣ въ квартирѣ ходили на цыпочкахъ, даже генералъ настолько стѣснялъ себя, что не звонилъ и проходилъ черезъ кухню.

Дѣвочки еле двигались, учили уроки шепотомъ, слышно было только тиканье маятника. Горбунъ лежалъ ясный и свѣтлый, съ улыбкой на устахъ; страданія, кажется, оставили его, онъ ни на что не жаловался.

Конецъ наступилъ неожиданно; никто не видѣлъ, какъ испустилъ духъ маленькій горбунъ, даже мать, не оставлявшая сына ни на секунду, не замѣтила, какъ совершился этотъ страшный, по нашимъ понятіямъ, переходъ отъ жизни къ смерти.

И бездыханный Боря продолжалъ лежать со свѣтлою улыбкой на устахъ, какъ бы продолжая радоваться, что унесъ всякое препятствіе для благополучія матери.

— Слава Богу, кончился, говорила Каролина, утирая обильно лившіяся слезы.

— Слава Богу, вѣчный покой! сказала, узнавъ о кончинѣ Бори, Наталья Андреевна; ему тамъ лучше будетъ, повторила она свою фразу, съ безпокойствомъ думая въ то же время о своей собственной судьбѣ.

— Царство небесное! сказалъ генералъ, и тоже порадовался кончинѣ Бори.

Всѣ, точно сговорившись, радовались его кончинѣ; только та, съ дороги которой устранено было всякое препятствіе къ благополучію, неутѣшно лила слезы. Нѣтъ, никто ужь больше не будетъ любить ее такъ!...

А. В. Стернъ.

С. Желчино.
1892 г.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.)

I.

Русская сила въ Бухарѣ.

Къ нашему благополучію мы пронеслись ночью черезъ песчаную пустыню, которая отдѣляетъ счастливыя долины Заравшана отъ безлюдныхъ береговъ Аму-Дарьи, ночью миновали и Кара-Куль, знаменитый своими волнистыми черными мерлушками, которыхъ видимо-невидимо, на сотни тысячъ рублей, вывозится отсюда въ Россію.

Всѣ ужасы безводныхъ песковъ Транс-океаны, мучившіе въ древніе вѣка легіоны Александра Македонскаго, и теперь еще неразлучные съ путешествіемъ въ караванѣ,—потонули такимъ образомъ во мракѣ и даже тѣнью своей не коснулись насъ, избалованныхъ сыновъ цивилизаціи, покойно спавшихъ все время на мягкихъ диванахъ вагона.

Поздно ночью очутились мы съ своими чемоданами, сонные и растерянные, на платформѣ станціи Бухара. Это еще не настоящая Бухара, а только ея русскій поселокъ—„Русская Бухара". До настоящей Бухары отсюда двѣнадцать или пятнадцать верстъ. Какая-то услужливая чалма, болѣе смѣло, чѣмъ понятно болтавшая по-русски, повлекла насъ и нашъ багажъ пѣшимъ хожденіемъ черезъ садики и дворики въ мѣстную желѣзнодорожную „отель", на видъ очень напоминавшую татарскую саклю. Съ узенькой досчатой галлереи, на которой двое могутъ разой-

титься только съ очень большимъ трудомъ, плохо запирающіяся двери ведутъ въ крошечныя келейки, не на шутку смахивавшія всею своею грустною обстановкой на тюремныя камеры для одиночнаго заключенія.

Несмотря на одолѣвавшій насъ сонъ, мы прежде всего осмотрѣли со свѣчой всѣ уголки отведенной намъ грязной каморки, розыскивая, по слабости всѣхъ путешествующихъ по Туркестану, коварно притаившихся фалангъ и скорпіоновъ. Но какъ старательно ни перевертывали мы тюфяки, сколько разъ ни отодвигали столы и стулья, ни въ одной щелкѣ не могли обличить присутствія хотя бы одного изъ ужасавшихъ насъ туземныхъ чудищъ, кромѣ обычныхъ обитателей всякаго нечистоплотнаго русскаго и не-русскаго угла.

Пришлось улечься безъ всякихъ характерныхъ приключеній на скрипучихъ, ходенемъ ходящихъ деревянныхъ кроватяхъ, въ надеждѣ, что утро вечера мудренѣе, и что завтра можно будетъ устроиться какъ-нибудь удобнѣе.

Утро дѣйствительно принесло добрый совѣтъ. Не успѣли мы напиться чаю на своей убогой галлерейкѣ въ компаніи съ мистеромъ Крэномъ, какъ уже явился къ намъ развязный русскій возница съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Русскій народъ, забравшійся въ Бухару,—тёртый народъ, и съ нимъ нужно держать ухо востро! Онъ тутъ такой развитой и смѣлый, пускается въ такія философіи, щеголяетъ такими словечками, что только диву даешься. Да и то надо сказать,—гдѣ не пришлось побывать и чего не пришлось испытать этому смѣльчаку, прежде чѣмъ его отчаянная голова завела его искать заработковъ въ столицѣ эмира?

Послѣ порядочно-упрямой торговли мы уговорились съ „дорогимъ“ землякомъ, что онъ будетъ возить насъ съ женой въ Бухару въ своемъ парномъ фаэтонѣ съ доставкой къ вечеру обратно, за семь рублей въ день. Я нашелъ, что для нравовъ разбойничьяго ханства это болѣе, чѣмъ великодушно.

Мистеру Крэну посчастливилось меньше нашего, онъ не досталъ рессорнаго экипажа, а долженъ былъ довольствоваться телѣжкой на толкучихъ рессорахъ, оказавшеюся до того тряской, что человѣкъ мало-мальски хрупкій могъ бы разсыпаться въ ней на мельчайшіе суставчики или, по крайней мѣрѣ, проглотить свои собственные зубы... Я утѣшалъ его однако тѣмъ, что онъ пріѣхалъ изучать туземные обычаи и набираться мѣстныхъ

впечатлѣній, поэтому долженъ быть вполнѣ доволенъ такимъ неиспытаннымъ имъ способомъ передвиженія, хотя въ душѣ своей я искренно былъ увѣренъ, что всякія впечатлѣнія безъ остатка вытрясутся изъ американскаго мозга мистера Крэна на этой русской чертопхайкѣ.

Онъ выдержалъ однако испытаніе, какъ истый Американецъ, и ни разу во всю дорогу не пожаловался на тряску, несмотря на то, что подпрыгивалъ на своемъ жесткомъ сиденьѣ по камнямъ бухарскихъ дорогъ и бухарскихъ улицъ, какъ бузинный шарикъ въ электрической пляскѣ...

Русскій поселокъ Бухары только-что въ моментѣ зарожденья, и ему несомнѣнно предстоитъ большая будущность. Тутъ строится большое и очень изящное помѣщеніе для нашего дипломатическаго агентства, которое въ настоящее время, вѣроятно, уже готово; тутъ въ домѣ эмира, увѣнчанномъ красивою вышкой съ мѣдною крышей, живетъ начальникъ нашего посёлка, тутъ почта, телеграфъ, русскія лавки, русская церковь, русскій служилый людъ, русское войско.

Огромный караванъ-сарай съ базарами изъ прекраснаго тесаннаго камня, строится здѣсь на счетъ эмира, но русскими техниками и по русскому образцу. Это будетъ одно изъ лучшихъ украшеній будущаго города; грандіозный фасадъ его, увѣнчанный четырехугольною башней, будетъ производить большой эффектъ изящными балконами, лѣпными карнизами оконъ и дверей, зеркальными стеклами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ, конечно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ складовъ оптовой торговли для русскихъ, бухарскихъ, китайскихъ, персидскихъ и индѣйскихъ товаровъ.

Эмиръ обязался сдавать его въ аренду исключительно однимъ русскимъ торговцамъ. Нельзя сомнѣваться, что на этомъ удобномъ перепутьѣ въ самомъ скоромъ времени выростутъ всякаго рода заводскія, промышленныя и торговыя предпріятія, и что Старая Бухара азіатскихъ халатниковъ мало-по-малу станетъ увядать и засыхать, уступая какъ одряхлѣвшій дубъ свои питательные соки этому молодому, сильному отпрыску своему, пробившемуся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ него и на такой благопріятной почвѣ.

Уже и теперь въ „Русской Бухарѣ", считающей свое существованіе чуть не мѣсяцами, успѣли возникнуть и разныя транспортныя конторы и склады большихъ русскихъ мануфактуръ и

нѣсколько паровыхъ заводовъ для очищенія и прессованія хлопка, для выработки дорогаго кунжутнаго масла, не считая обширныхъ желѣзнодорожныхъ депо Закаспійской дороги.

До сихъ поръ всѣ попытки завести въ Бухарѣ фабрики и склады принадлежали крупнымъ московскимъ фирмамъ. Но уже я читалъ, что недавно и лодзинскіе фабриканты посылали своихъ агентовъ въ Бухару, чтобы, по примѣру москвичей, основать тамъ промышленныя заведенія и торговыя депо.

Но пока что будетъ, а въ настоящее время эта чреватая великимъ будущимъ „Русская Бухара"—преунылое и препустынное мѣстечко. Хотя здѣсь усиленно насаждаются шелковица и всякія другія деревья, планируются скверы и аллеи, и даже думаютъ приступить къ буренью артезіанскихъ колодцевъ, чтобы воспособить скуднымъ водамъ Заравшанскихъ арыковъ, а все-таки здѣсь сильно чувствуется и, конечно, будетъ чувствоваться еще очень долго отсутствіе воды и зелени.

Оба возницы оказались изъ Терскихъ казаковъ. Нашъ былъ за умника и, узнавъ, что мы тутъ въ первый разъ, безъ умолку объяснялъ намъ мѣстныя дѣла и обычаи, на каждомъ шагу озадачивая насъ какимъ-нибудь хитрымъ книжнымъ словечкомъ. Но за то онъ свисталъ, гоготалъ, кричалъ и стегалъ кнутомъ проѣзжавшихъ халатниковъ до такой степени по-бухарски, что будь на немъ чалма, вмѣсто русскаго картуза, эти бритые лбы чистосердечно приняли бы его за роднаго брата.

Лошади неслись очень быстро по плохой каменистой дорогѣ, и мимо насъ то и дѣло мелькали кишлаки, сады, огороды... Дорогу эту также ожидаетъ въ скоромъ будущемъ полное перерожденье: между Старою Бухарой и „Русскою Бухарой" предполагается устроить шоссе, обсадить его аллеями тутовыхъ деревьевъ и устроить фонтаны съ бассейнами для пойла верблюдовъ и лошадей.

Мѣстность кругомъ Бухары густо заселена и отлично обработана. Можно сказать, что на пространствѣ всѣхъ этихъ двѣнадцати верстъ тянется до самаго города одинъ огромный кишлакъ, съ своими садами и плантаціями. Предмѣстья Бухары нечувствительно сливаются съ окружающими ее деревнями.

— Что жь, богатый народъ эти Бухарцы? Хорошо живутъ? спросилъ я своего возницу.

— *Обязательно* хорошо!.. Какже?.. Самый *центръ* ихній... *Масса* товаровъ сюда идетъ... *Коллекція* такая! Вотъ сами увидите на базарахъ. И потомъ имъ отъ нашего царя *привиллегія* насчетъ торговли... важнымъ тономъ отвѣтилъ цивилизованный возница...

Дороги подъ городомъ многолюдны, какъ городскія наши улицы въ базарный день. Непрерывною чредой идутъ намъ навстрѣчу вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, скрипятъ арбы на громадныхъ колесахъ, тоже запряженныя верблюдами, ѣдутъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, толпятся пѣшеходы со всякими ношами.

Оглушительно оретъ на нихъ нашъ отчаянный возница, разогнавъ чуть не на вскачь своихъ лошадей, и никому не уступая дороги.

Халатники видятъ, что несется „Московъ", грозный сокрушитель бухарской силы и негласный хозяинъ „независимой" Бухары,—и въ паническомъ ужасѣ торопятся свернуть въ сторону своихъ неуклюжихъ верблюдовъ, свои неповоротливыя арбы, почти сталкивая ихъ въ арыки, и чуть не налѣзая на глиняныя стѣны кишлаковъ... Въ узкихъ деревенскихъ переулкахъ кто завидитъ впереди неистово-несущійся русскій экипажъ — заранѣе поворачиваетъ назадъ своего коня, своихъ верблюдовъ, и улепетываетъ въ какой-нибудь боковой проулочекъ, или заѣзжаетъ подъ какія-нибудь отворенныя ворота, чтобы пропустить мимо по добру по здорову этого шутливаго и не совсѣмъ безопаснаго Москова. Кромѣ Русскихъ тутъ всѣ по дорогамъ и улицамъ ѣдутъ шагомъ. Но Русскіе считаютъ необходимымъ шикомъ промчаться такъ лихо, чтобы у встрѣчныхъ Бухарцевъ поджилки тряслись; и ужь особенно, конечно, русскіе извозчики. Имъ кажется совсѣмъ неприличнымъ и посрамляющимъ достоинство русскаго завоевателя — плестись рысцою на подобіе туземной арбы. Надобно впрочемъ сказать правду, что и въ глазахъ Бухарца, издревле привыкшаго къ рабству и деспотизму, эти неистовые крики на проѣзжающихъ, это безцеремонное хлестанье кнутомъ направо и налѣво—служатъ неизбѣжными признаками всякаго начальства, всякой власти.

Когда Бухарецъ провожаетъ въ качествѣ нукера какого-нибудь своего бека или русскаго начальника, онъ скачетъ впереди еще отчаяннѣе всякаго казака и убѣжденнѣе всякаго русскаго

извозчика лупитъ и нагайкой, и палкой, по чемъ попало, встрѣчную толпу, разгоняя ее передъ экипажемъ высокой особы.

Стало-быть, Русскіе уже отъ нихъ переняли этотъ чисто-азіатскій шикъ—проноситься бурей черезъ мирные стогны градовъ и весей.

„Благородная Бухара", „Бухара-эль-Шерифъ", производитъ—съ перваго взгляда на нее—впечатлѣніе далеко не благородное. Прежде всего нужно сказать, что Бахара даже вовсе не городъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли понимать это слово. Бухара скорѣе громадный кишлакъ. Кишлакъ такой же глиняный, такой же грязный, какъ всѣ кишлаки и аулы Туркестана и Закаспійскаго края.

Безконечные узенькіе переулки вьются между безконечными глиняными стѣнками,—по туземному, „дувалами",—изрѣдка только прерываемыми воротами, калитками дворовъ, да сплошными кубами такихъ же глиняныхъ, такихъ же слѣпыхъ домовъ безъ оконъ и безъ дверей. Ѣдешь словно по дну глубокаго крѣпостнаго рва, изъ котораго никуда нѣтъ выхода. Дувалы бо̀льшею частью аршина въ 3, 4 и даже 5 вышины. Они загораживаютъ глазу всякую перспективу, и знойный воздухъ стоитъ въ нихъ недвижимо. Въ настоящихъ деревенскихъ кишлакахъ за дувалами по крайней мѣрѣ тѣнь деревьевъ, благоуханіе садовъ; но въ самой Бухарѣ ничего кромѣ глины и глиняной пыли. Иногда только разнообразитъ это унылое однообразіе сплошныхъ глиняныхъ улицъ какая-нибудь деревянная ставенка, наивно исцарапанная безхитростнымъ узоромъ, или грубо-выточенныя деревянныя колонки крытой террассы. Впрочемъ сами дувалы тоже не безъ украшеній: одни полосатые, другіе расчерчены клѣтками, третьи въ какихъ-нибудь завитушкахъ; но все это та же сѣрая глина, размокающая на дождѣ, растрескивающаяся на солнцѣ. Для крѣпости этихъ зыбкихъ стѣнъ они кладутся не отвѣсно, а суживаясь кверху, такъ, что основа стѣны много толще ея гребня; кромѣ того, стѣна обыкновенно подпирается круглыми столбами своего рода, тоже, конечно, изъ глины, и тоже снизу толще чѣмъ вверху. Оттого же и глиняные дома Бухарцевъ имѣютъ форму тупыхъ пирамидъ, напоминающихъ пилоны древнихъ египетскихъ храмовъ; ихъ стѣны по необходимости должны суживаться по мѣрѣ подъема, чтобы не обвалиться при первомъ хорошемъ толчкѣ или первомъ зимнемъ ливнѣ.

Все это очень характерно и въ глазахъ художника даже жи-

вописно, особенно въ обстановкѣ нагруженныхъ верблюдовъ, скрипящихъ арбъ, азiатскихъ нарядовъ, азiатскихъ физiономiй. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и порядочно надоѣдаетъ, когда цѣлые часы приходится путешествовать въ этомъ глиняномъ царствѣ.

Мечетямъ „Священной Бухары“ числа нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, ихъ больше чѣмъ сорокъ сороковъ, которыми гордится матушка-Москва. Но большинство этихъ мусульманскихъ моленъ также безхитростно-просты, какъ дома и улицы бухарской столицы. Нѣсколько деревянныхъ столбиковъ подпираютъ тѣнистый навѣсъ террассы, приподнятой надъ улицей, а въ глубинѣ этой террассы пара или двѣ стрѣльчатыхъ окошекъ съ каменными рѣзными переплетами да дверочка въ скромную полутемную молельню, увѣнчанную на серединѣ крыши маленькимъ полумѣсяцемъ. На наружномъ углу террассы обыкновенно ютится какой-нибудь сквозной минаретикъ наивной и характерной формы въ видѣ фонарика на ножкахъ, тоже словно слѣпленный и выпеченный изъ глинки, хотя, вѣроятно, онъ только смазанъ глиною по кирпичу. Переднiй фасадъ мечети, затѣненный галлереею, такъ же какъ точеные столбики и потолокъ самой галлереи часто бываютъ прекрасиво расписаны наивно-яркими красками и типическими узорами азiатскаго вкуса. Около мечети всегда почти старыя огромныя деревья, и въ тѣни ихъ всегда какой-нибудь бассейнъ или маленькiй прудокъ. Тамъ обыкновенно собирается весь праздный восточный людъ. Кто моется въ прудкѣ, кто наливаетъ водою высокiе узкогорлые кувшины, кто полощетъ бѣльё, а большая часть кейфуетъ въ тѣни шелковицъ и орѣховъ, въ ожиданiи призыва азанчи на молитву. На ступенькахъ каменной крутой лѣсенки, что поднимается на террассу мечети, и подъ навѣсомъ террассы, въ ея полутемной глубинѣ, тоже сидятъ молчаливые, суровые старики въ громоздкихъ чалмахъ, въ широкихъ, пестрыхъ халатахъ, — все, должно-быть, благочестивые хаджи и ученые улемы священнаго города.

Оттого такiе уголки въ высшей степени живописны и интересны для художника.

Чѣмъ дальше въ городъ, тѣмъ чаще приходится ѣхать длинными крытыми улицами. Въ центрѣ города онѣ идутъ почти сплошь; это знаменитые бухарскiе базары. Базаровъ этихъ тутъ цѣлыя версты. Улица какъ всѣ улицы, только по сторонамъ безчисленное количество лавченокъ, кухонокъ, чайныхъ, мастерскихъ всякаго рода.

Если хотите, это тотъ же нашъ Гостиный рядъ, но только съ мостовою посрединѣ, съ непрерывно тянущимися по ней вереницами верблюдовъ, ословъ, арбъ, верховаго и пѣшаго народа. Сверху, на огромной высотѣ, базары эти безцеремонно прикрыты разными слежками и хворостинами, по которымъ настланы дырявыя цыновки, кошмы и всякая подходящая всячина, способная защитить правовѣрныхъ отъ убійственнаго зноя туркестанскаго солнца.

Мы торопились захватить дòма нашего дипломатическаго агента П. М. Лессара, чтобы подъ его покровительствомъ хорошенько осмотрѣть Бухару, поэтому пока только мелькомъ взглянули на всю эту базарную суету. Во дворъ нашего дипломатическаго агентства пришлось въѣхать черезъ такой же узкій, глухой и слѣпой переулокъ, какихъ уже не мало пересчитали мы, проѣзжая эту безконечную Бухару.

На вымощенномъ просторномъ дворѣ, обнесенномъ крѣпкими стѣнами и зданіями, ходилъ на часахъ молодчина Уральскій казакъ съ саблею нàголо и съ видомъ настоящаго завоевателя. При агентѣ нашемъ весьма кстати состоитъ команда изъ 20 человѣкъ Уральцевъ, безъ которой, я думаю, пребываніе въ этомъ городѣ мусульманскаго фанатизма было бы во всякомъ случаѣ очень рисковано. Домъ и дворъ агентства принадлежатъ эмиру, и отъ него же наряжается по восточному обычаю многочисленная прислуга для агента и его чиновниковъ,—цѣлая полсотня всякихъ конюховъ, поваровъ, слугъ и посыльныхъ. Своихъ собственныхъ владѣній Россія не имѣетъ въ Старой Бухарѣ, вѣроятно, для того, чтобы не дразнить попусту мусульманъ и не подвергаться никакимъ сюрпризамъ; даже теперешнее дипломатическое агентство наше, какъ только будетъ отстроено для него помѣщеніе, немедленно переберется въ русскій посёлокъ, въ нарождающуюся „Новую Бухару", гдѣ желѣзно-дорожное сообщеніе съ центрами русской силы въ Туркестанѣ и постоянный притокъ русскаго люда сдѣлаютъ его положеніе гораздо болѣе обезпеченнымъ и удобнымъ.

Было всего 8 часовъ утра, но дѣятельный агентъ нашъ уже былъ за работою и принялъ насъ очень радушно. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, игравшимъ такую видную роль въ нашихъ послѣднихъ движеніяхъ къ предѣламъ Авганистана, и такъ близко изучившимъ интересовавшій меня край. П. М. Лессаръ—человѣкъ еще молодой, того сухаго и нервнаго

типа, который, обыкновенно, проявляетъ много энергіи и рѣшительности. Онъ мнѣ напомнилъ нѣсколько генерала Баранова, героя *Весты*, теперешняго талантливаго губернатора Нижняго-Новгорода. Смѣлыя поѣздки Лессара по пустынямъ Мургаба и по горнымъ трущобамъ Гинду-Куша, къ сожалѣнію, сильно подорвали его здоровье. Я воображалъ, что онъ родомъ Французъ, а онъ оказался Черногорцемъ. Дѣдъ его одинъ изъ первыхъ поселился въ Одессѣ, а отецъ воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ; самъ П. М. по профессіи — инженеръ Путей Сообщенія; онъ строилъ Закаспійскую желѣзную дорогу до Кизиль-Арвата во время Скобелевскаго похода; когда Ахалъ-Текинскій оазисъ былъ присоединенъ къ Россіи, Лессаръ вызвался разслѣдовать мѣстность около Мерва. Мервъ тогда еще былъ независимымъ гнѣздомъ текинскихъ разбойниковъ, ненавидѣвшихъ Русскихъ. Безстрашный инженеръ нашъ явился чуть не въ одиночку на базары этого враждебнаго намъ города, въ сопровожденіи всего нѣскольких казаковъ, разсчитывая единственно на потрясающее впечатлѣніе недавняго разгрома подъ Геокъ-Тепе, и своимъ смѣлымъ появленьемъ до того озадачилъ Мервцевъ, что они безпрекословно исполнили всѣ его требованія. Онъ призвалъ къ себѣ, какъ власть имѣющій, двухъ вліятельныхъ хановъ, объявивъ имъ, что посланъ отъ русскаго начальства въ Бухару и безъ церемоніи приказалъ немедленно доставить себѣ верблюдовъ и лошадей. Ханы безотговорочно прислали все, что имъ было приказано, а Лессаръ за все заплатилъ имъ. Потомъ, когда взятъ былъ Мервъ, Лессаръ, пользуясь такимъ же „психологическимъ моментомъ", имѣющимъ особенное значенье среди впечатлительныхъ восточныхъ народовъ, отправился къ Сарыкамъ и Салорамъ въ Пенде и далѣе, по теченьямъ Мургаба и Теджена, проѣхалъ на Парамизъ къ границамъ Авганистана, убѣдился, между прочимъ, что никакіе воображаемые хребты горъ не отдѣляютъ его отъ Туркменскихъ равнинъ, и благополучно возвратился домой. Нигдѣ никто не посмѣлъ его тронуть, хотя онъ все время странствовалъ среди независимыхъ разбойничьихъ племенъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ безъ отдыха на сѣдлѣ, ночлеги подъ открытымъ небомъ, зной, холодъ и всякія лишенья и опасности, которыя приходилось испытывать, жестоко разстроили здоровье предпріимчиваго путешественника; у него обнаружилось страданье спиннаго мозга и параличъ ногъ; пришлось долго лѣчиться у Шарко въ Парижѣ и на разныхъ водахъ, но все-таки

поправленное здоровье не возстановилось еще вполнѣ, такъ, что и до сихъ поръ онъ слегка хромаетъ. Въ видѣ отдыха Лессара послали консуломъ въ Ливерпуль, а послѣ битвы при Кушкѣ призывали къ участію въ разграничительной коммиссіи въ Лондонѣ. Лессаръ писалъ довольно много объ англійскихъ дѣлахъ въ *Голосъ*, *Новомъ Времени* и другихъ нашихъ журналахъ и не разъ выступалъ съ очень вѣскими опроверженьями противъ писаній разныхъ руссофобствующихъ политикановъ Англіи.

Кабинетъ П. М.—цѣлая интересная библіотека, спеціально посвященная Азіи. Тутъ собраны выдающіяся книги и художественныя изданія, англійскія, французскія, нѣмецкія, русскія, относящіяся до Закаспійскаго края, Туркестана, Авганистана и Индіи.

Нашему дипломатическому агенту въ Бухарѣ дѣла очень довольно. Всѣ проживающіе здѣсь иностранцы подчинены его суду. Эмиръ точно также обращается къ нему по всякому мало-мальски серьезному дѣлу не только изъ области внѣшней политики, но и своего внутренняго управленія. Совѣты русскаго агента считаются за приказъ и исполняются безпрекословно. „Перваначи-баши“, министръ иностранныхъ дѣлъ эмира, каждый день является къ нашему агенту за полученіемъ инструкцій. Заѣхавъ къ нему, нѣсколько часовъ спустя, позавтракать, мы едва не захватили въ его кабинетѣ этого халатника-дипломата. И со всѣмъ тѣмъ, по словамъ г. Лессара, между Россіей и Бухарой не существуетъ никакого писаннаго договора о подчиненіи ея Россіи. Общее убѣжденіе, господствующее въ Закаспійскомъ краѣ и даже между самими Бухарцами, будто Бухара останется самостоятельною только до смерти нынѣшняго эмира, а послѣ смерти его будетъ присоединена къ Россіи какъ одна изъ ея губерній, оказалось тоже басней.

—У эмира есть наслѣдникъ, признанный Россіею, да и Россіи нѣтъ никакой выгоды брать на себя далеко не дешевую обузу управляться со здѣшнимъ фанатическимъ и безпокойнымъ населеніемъ! объяснялъ намъ Лессаръ.—Вмѣшательство Россіи въ дѣла Бухары—это просто-напросто естественное послѣдствіе существующаго положенья вещей. Иначе нельзя—вотъ и вся причина; и ее всѣ сознаютъ, и мы, и Бухарцы. И русскій посёлокъ Новой Бухары, и русскія военныя колоніи въ Чарджуѣ и Керки—все это только одиночные, совершившіеся факты, не основанные ни на какихъ общихъ правахъ и договорахъ. Все это

допущено, какъ частные случаи и дѣлалось какъ-то само собою по неотвратимому теченію событій.

Мы разговорились и объ отношеніяхъ нашихъ къ сосѣду—Авганистану.

— Гератъ, конечно, неизбѣжно будетъ нашъ, не нынче, завтра; остановиться нѣтъ никакой возможности, хотимъ мы, или не хотимъ, разсуждалъ г. Лессаръ.—Вѣдь это одно воображеніе европейскихъ географовъ, будто Гератъ отдѣляется отъ нашихъ владѣній какими-то стѣнами горъ. Никакихъ тамъ горъ нѣтъ, могу васъ увѣрить, потому что я убѣдился въ этомъ своими глазами. Роковая сила заставляетъ насъ стремиться впередъ, пока мы не встрѣтимъ такого же могучаго препятствія, какъ мы сами; русская государственная граница можетъ остановиться только на границѣ англійскихъ владѣній. Это законъ природы!

Я спросилъ П. М., правда ли, что Гуль-Джаннымъ Ханумъ (въ домъ которой мы заѣзжали по дорогѣ въ Старый Мервъ) и сыновья ея играли такую важную роль при сдачѣ намъ Мерва.

— Вовсе нѣтъ! отвѣтилъ онъ. — И Юсупъ-ханша, и нашъ Алихановъ больше сами приписываютъ себѣ эту заслугу. Алихановъ увѣрялъ, что Мервцы ждутъ насъ съ хлѣбомъ-солью, а между тѣмъ, когда мы подошли къ Коушутъ-ханъ-калà, добрыхъ десять тысячъ всадниковъ выѣхало оттуда и бросилось на нашъ отрядъ. Только послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи они разсѣялись и ушли въ пески. Далеко не одна Юсупова мать, а всѣ вообще благоразумные Мервцы и особенно ханы ихъ сознавали, что Мерву не удержать своей независимости, и что лучше покориться добромъ. Вотъ они-то и просили Русскихъ прійти въ Мервъ съ войскомъ, чтобы дать имъ благовидный предлогъ покориться. Только они совершенно разумно просили насъ тогда забрать подъ свою власть и всѣхъ остальныхъ Туркменъ, Сарыковъ, Салоровъ... „Иначе, говорили они,— намъ, Мервцамъ, нельзя прекратить аламановъ, которыми мы только и живемъ, а прекратить пора, сами видимъ!“ Ну, ждать не долго пришлось, и теперь всѣ они наши, и Сарыки, и Салоры... улыбнулся нашъ хозяинъ.

II.

Мечети и медрессе Бухары-ель-шерифъ.

Хотя въ Бухарѣ теперь полная безопасность для нашего брата-Русскаго, но все-таки и почета ради, да на всякій неровный часъ, русскихъ путешественниковъ, интересующихся базарами, дворцами и мечетями священнаго мусульманскаго города, отдаютъ подъ охрану довольно важной туземной персоны, именуемой *караулъ-беги*. Этотъ караулъ-беги—сановитый чалмоносецъ, въ ярко-красномъ полосатомъ шелковомъ халатѣ, опоясанный, какъ всѣ мало-мальски видные чиновники эмира, богатымъ поясомъ изъ большихъ серебряныхъ бляхъ. Кромѣ него, съ нами джигитъ нашего дипломатическаго агента, онъ же и толмачъ, изъ казанскихъ Татаръ. Съ этою оффиціальною свитой, гарцовавшею впереди, мы двинулись въ своемъ покойномъ фаэтонѣ, а мистеръ Крэнъ въ своей безпокойной чертопхайкѣ, обозрѣвать всѣ достопримѣчательности столицы правовѣрныхъ.

Узкія улицы и тѣнистые базары были биткомъ набиты двигавшимся, стоявшимъ и сидѣвшимъ народомъ. Цѣлые потоки ярко-пестрыхъ тюрбановъ и еще болѣе яркихъ и пестрыхъ халатовъ текли со всѣхъ сторонъ и во всѣ стороны. Ни въ какомъ самомъ многолюдномъ городѣ европейскомъ вы никогда не увидите такого непрерывнаго движенія и толкотни народныхъ массъ, какъ въ центрахъ пресловутой восточной лѣни и апатіи. Тутъ, можно сказать, вѣчный, никогда не расходящійся базаръ, конца не имѣющая ярморочная сутолока и галдѣнье. Что̀ они тутъ дѣлаютъ, куда и зачѣмъ идутъ, изъ-за чего спѣшатъ и толкаются, они и сами хорошо не знаютъ. Улица, базаръ, это ихъ жизнь; они тутъ живутъ, вотъ и все. Семьи, до̀ма—восточный человѣкъ не знаетъ. Онъ приходитъ домой только ночевать. На насъ съ непривычки эта ярмарочная толкотня подѣйствовала мало ободряющимъ образомъ. Экипажъ нашъ плылъ какъ въ волнахъ разлившейся рѣки сквозь тѣсныя толпы этихъ бородатыхъ враждебно смотрѣвшихъ на насъ мусульманскихъ рожъ, въ чуждыхъ для насъ нарядахъ, съ непонятнымъ для насъ говоромъ. Хотя оффиціальная ба̀грянища нашего караулъ-беги, его азартые крики и его безцеремонная, безъ разбора гулявшая по встрѣчавшимся

скотамъ и людямъ ногайка заставляла пугливо раздвигаться прохожихъ и проѣзжихъ и еще издали сворачивать куда попало громоздскія арбы, ословъ и верблюдовъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ кругомъ чувствовалась какая-то раздраженная и недовольная атмосфера. Сотни сердитыхъ глазъ съ неодобрительною суровостью слѣдили за нашимъ торжественнымъ шествіемъ и, казалось, можно было руками схватить эти отовсюду вонзающіеся въ насъ злые лучи. А нашъ караулъ-беги въ своемъ чиновномъ пурпурѣ и нашъ, не въ мѣрѣ усердствовавшій, толмачъ какъ нарочно еще болѣе разжигали это безмолвно бродившее негодованіе фанатической толпы, несясь какъ на пожаръ сквозь узкія улицы, залитыя народомъ, и поневолѣ заставляя спѣшить за собою и безъ того уже достаточно шикарившаго своею русскою ѣздой нашего казака-возницу.

— Ишь касаурятся, какъ волки! со смѣхомъ говорилъ онъ намъ, фамильярно обертываясь назадъ всѣмъ своимъ корпусомъ, и не обращая никакого вниманія на то, что бѣжавшія крупною рысью лошади его могли на каждомъ шагу задавить среди тѣсноты какого-нибудь старика или ребенка.—Теперь ихъ молодчиковъ окоротили, скрячили имъ губы, а года три назадъ, бывало, тутъ у нихъ показаться было Русскому нельзя, заплюютъ совсѣмъ на улицѣ, какъ собаки лаяться учнутъ; говорить по нашему не умѣютъ, а ругаться по нашему—за мое почтеніе! Такъ, бывало, изругаютъ тебя, каторжные, что и дѣться некуда! Каменьями въ тебя швыряютъ, чѣмъ попало, ей Богу!.. сколько разъ самому доставалось. Это ужь консулъ вступился, дай Богъ ему здоровья, приказалъ эмиру, чтобы безпремѣнно ихъ передрать, какіе изъ нихъ самые клятые... Стали ихъ наказывать строго, ну перестали, бросили... Теперь ѣдешь себѣ,—горя мало! Никто слова обиднаго не пикнетъ!..

Самая большая знаменитость Бухары—это ея прославленныя медрессе, духовныя академіи своего рода. Къ нимъ, разумѣется, и повезли насъ прежде всего.

„Кошъ-Медрессе"—значитъ „парныя училища". Они дѣйствительно стоятъ парой другъ противъ друга черезъ улицу. Постройку одной приписываютъ Тимуру, другую — его матери. Въ Туркестанѣ впрочемъ всѣ замѣчательныя древнія постройки на-

родная вѣра приписываетъ непремѣнно Тимуру, даже вопреки сохранившимся историческимъ свѣдѣніямъ, точно такъ, какъ на Кавказѣ все невѣдомое и великое приписывается царицѣ Тамарѣ, въ Палестинѣ—царицѣ Еленѣ.

Достаточно хорошо познакомиться съ однимъ знаменитымъ медрессе, съ одною изъ большихъ мечетей Бухары, чтобъ имѣть полное понятіе о всѣхъ остальныхъ. Послѣ я убѣдился, что и въ Самаркандѣ, и въ Ташкенѣ, и въ Коканѣ,—въ сущности все тѣ же медрессе, все тѣ же мечети, что и въ Бухарѣ; однообразіе ихъ устройства поразительное. Разница только въ богатствѣ украшеній, въ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Бухарскія мечети и медрессе имѣютъ интересъ для туриста и художника только пока онъ не посѣтилъ Самарканда. Послѣ грандіозныхъ сооруженій, окружающихъ Самаркандскій Ригистанъ, ничто во всемъ Туркестанѣ не поразитъ вашу фантазію. Не говорю уже о Ташкентѣ и городахъ Ферганской области; тамъ вы не встрѣтите ничего даже близко подходящаго по богатству, размѣрамъ и художественной идеѣ къ великимъ медрессе и мечетямъ Самарканда.

Мечети и медрессе Бухары близко напоминаютъ ихъ, но все-таки не такъ художественны и не такъ колоссальны, какъ они. На насъ однако они произвели сильное впечатлѣніе. Хотя мы уже были нѣсколько подготовлены къ характеру этой архитектуры развалинами Стараго Мерва, но только здѣсь въ Бухарѣ увидѣли мы въ первый разъ во всей ихъ красотѣ и величіи типическія созданія этого оригинальнаго восточнаго зодчества...

Зодчество это—вѣрнѣе всего можно назвать персидскимъ. Хотя въ основѣ его несомнѣнно лежитъ что-то арабское, но зачатокъ этотъ въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ у Персовъ развился такъ своеобразно и усвоилъ себѣ такія новыя формы, что заимствованная у Арабовъ основная идея потонула почти безслѣдно въ его оригинальныхъ чертахъ.

Только этою оригинальностью и можно объяснить себѣ почему бухарскія и самаркандскія мечети показались намъ чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, чѣмъ-то никогда не виданнымъ, даже послѣ недавняго знакомства нашего съ мечетями Стамбула, Каира и проч.

Я не случайно смѣшиваю здѣсь медрессе съ мечетями. По наружному виду между ними нѣтъ никакой разницы. Медрессе—это тоже мечеть, такая же роскошная, такая же громадная, только окруженная не галлереями для молитвы, а жилищами

софтъ,—студентовъ этой мусульманской духовной академіи. Поэтому все, что я говорю объ архитектурномъ стилѣ знаменитыхъ бухарскихъ и самаркандскихъ мечетей, одинаково относится и къ ихъ столь же знаменитымъ медрессе.

Въ нихъ прежде всего поражаетъ колоссальность портала; весь переднiй фасъ мечети—это одинъ ея порталъ, одинъ торжественный входъ въ нее. Стѣна огромной высоты поднимается какъ-то сразу подавляющимъ колоссомъ изъ окружающей ее тѣсноты низенькихъ глиняныхъ домиковъ, охраняемая съ двухъ сторонъ еще выше уходящими къ небу башнями минаретовъ. Эти стройныя граненыя башни, причудливо увитыя строками Корана, глядятъ грозными стражами, охраняющими таинственный входъ въ святилище. Гигантская арка остро-верхаго мавританскаго типа занимаетъ всю высоту и всю ширину гигантской стѣны. Это поистинѣ ворота, достойныя жилища Бога.

Исполинская стѣна со своимъ исполинскимъ альковомъ и минареты великаны кажутся вылитыми изъ сверкающаго фаянса. Подавляющая мощь тяжелой каменной постройки кажется отъ этого легкою, чуть не сквозною. Съ пяты и до макушки стѣна и ея башни одѣты какъ въ драгоцѣнныя праздничныя ризы въ сплошную одежду изъ голубыхъ и зеленыхъ изразцевъ. Ничто не можетъ сравниться съ веселою игрой на лучахъ солнца этихъ никогда не тускнѣющихъ стеклянныхъ красокъ, съ капризно-граціозною затѣйливостію этихъ сине-зеленыхъ узоровъ. Вездѣ, гдѣ бы ни поставить эти дивные фаянсовые храмы, они оставались бы прекрасными и оригинальными, несмотря ни на какое сосѣдство. Но въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, гдѣ они воздымаются, какъ гигантскіе маяки изъ цѣлаго моря сѣрыхъ глиняныхъ мазанокъ, гдѣ у подножія ихъ всегда копошится, такъ подходящая къ нимъ, такъ родственная имъ по своей пестротѣ и яркости, по свой восточной оригинальности, толпа разноцвѣтныхъ тюрбановъ и разноцвѣтныхъ халатовъ, гдѣ наконецъ эти сверкающія стѣны голубой лазури охвачены вѣчно голубымъ и вѣчно сверкающимъ огнями южнаго солнца—нерукотворнымъ куполомъ настоящаго Божьяго храма, — тамъ они производятъ на непривычнаго къ нимъ человѣка подавляющее впечатлѣніе.

Вы входите въ мечеть черезъ одну изъ дверей громаднаго алькова. Васъ охватываетъ таинственная полутьма запутанныхъ переходовъ и галлереекъ, раздѣленныхъ узорчатыми колонками, окруженныхъ характерными нишами и окошечками, осѣненныхъ

сверху изящными лѣпными купольчиками и сводиками самаго разнообразнаго типа... Вы проходите сквозь нихъ на середину обширнаго пустаго двора и тамъ въ изумленіи оглядываетесь кругомъ себя. Тутъ опять тѣ же чудеса: и сзади, и спереди, а въ иныхъ мечетяхъ еще и съ обѣихъ сторонъ, высоко поднимаются въ новомъ разнообразіи узоровъ, красокъ, и архитектурныхъ линій, такія же исполинскія стѣны голубаго и зеленаго фаянса, такія же смѣлыя арки, такіе же изъ фарфора выточенные граненые и круглые минареты... Вся эта огромная площадь облицована какъ бронею сверкающими изразцами.

Между роскошными высокими фронтонами мечетей, какъ бы оберегающихъ со всѣхъ сторонъ святость этого благочестиваго пріюта, тянутся въ два этажа уже гораздо болѣе низкіе корпуса съ кельями софтъ. Это цѣлый рядъ альковов и арочекъ живописной формы, такъ что пустынный дворъ кажется обнесеннымъ со всѣхъ сторонъ галлерею своего рода. Въ альковахъ оригинальныя окошечки съ каменными узорными рѣшотками и уютные внутренніе балкончики, на которыхъ мирно разсиживаютъ, поджавъ подъ себя ноги, многоученые бухарскіе софты. Крутыя и узкія каменныя лѣсенки ведутъ сквозь темныя дверочки въ ихъ кельи верхняго яруса. Мы поднимались во многія изъ нихъ, чтобы поглядѣть на житье-бытье мусульманскихъ студентовъ. Вездѣ чистота и порядокъ. Вездѣ монашеская тишина, монашеское трудолюбіе. Комнатки маленькія, тѣнистыя и прохладныя, опрятно устланныя коврики и войлочками; низенькія, деревянныя тахты, не выше четверти отъ полу, покрыты тюфяками и подушками. На полочкахъ книги, кое-какая скромная посуда и сложенная праздничная одежда.

Софты живутъ по одному и по два въ кельѣ; у каждой кельи внизу крошечная кухонька, гдѣ они сами готовятъ себѣ безхитростную пищу, которою такъ не избалованъ азіатскій мусульманинъ. Къ удивленію нашему, въ числѣ студентовъ, обитателей ученаго скита, мы не встрѣтили ни одного длиннобородаго и даже сѣдобородаго мужа. Медрессе вообще учрежденія благотворительныя. Они существуютъ на счетъ вакуфовъ, то-есть имѣній разнаго рода, земель, домовъ, лавокъ, караванъ-сараевъ, денежныхъ капиталовъ, которые жертвованы въ разное время благочестивыми мусульманами на высоко-цѣнимое въ мусульманствѣ богоугодное дѣло обученія. Подъ обученіемъ разумѣется у нихъ и всегда разумѣлось исключительно изученіе мусульман-

скаго богословія. Каждое медрессе содержитъ на свой счетъ столько софтъ, сколько у него есть на это вакуфовъ.

Въ Кошъ-Медрессе, напримѣръ, въ первомъ 160 софтъ, во второмъ только 62. Въ большомъ медрессе около дворца эмира, который мы тоже посѣтили—110 софтъ и т. п.

Профессоръ, или мудерисъ, получаетъ вознагражденіе отъ самихъ учащихся. Но профессоровъ этихъ очень немного. Въ самыхъ большихъ и богатыхъ медрессе не больше двухъ, а чаще все по одному. Мы подробно осмотрѣли оба „парныхъ медрессе" и потолковали при помощи своего толмача-Татарина съ сѣдовласымъ мудерисомъ, охотно показывавшимъ намъ свою паству, въ разсчетѣ на привычный уже „пешкешъ". Онъ совѣтовалъ намъ въ концѣ-концовъ подняться на плоскую кровлю мечети; она представляетъ собою сплошную круговую галлерею, по которой можно гулять сколько душѣ угодно, и съ которой удобно любоваться во всѣ стороны живописною панорамой Бухары, изучая расположеніе ея зданій и мѣстностей. Это удовольствіе стòитъ того, чтобы ради него полазать немного, не разгибая спины, по узенькимъ крутымъ ступенькамъ, довольно живо напоминающимъ собою тѣсныя лѣсенки нашихъ колоколенъ.

Въ Бухарѣ нѣтъ зданій особенной древности, уцѣлѣвшихъ отъ ранняго періода ея исторіи. Чингисъ-ханъ, въ безпощадной войнѣ съ Магометомъ, могущественнымъ турецкимъ султаномъ Ховарезма, которому тогда принадлежала и Великая Бухарія, обратилъ въ пепелъ знаменитый центръ магометанскаго ученія. Онъ въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть Бухары и, увидѣвъ книгу Корана, съ презрѣніемъ бросилъ ее на землю.

Теперешніе благочестивые мусульманскіе эмиры Бухары, потомки монгольскаго завоевателя, съ ужасомъ должны вспоминать о такомъ нечестивомъ поступкѣ своего языческаго родоначальника, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ нарочно, уважалъ и покровительствовалъ христіанамъ.

Отъ Кошъ-Медрессе мы двинулись прежнею торжественною процессію, попрежнему безцеремонно давя и разгоняя глазѣющія на насъ толпы халатниковъ и чалмоносцевъ, опять черезъ базары и переулочки, къ главному центру Бухары, Ригистану.

Ригистанъ — это довольно тѣсная площадь предъ дворцомъ эмира—Аркомъ. Зовется она также и Сеиджестанъ. Съ одной стороны почти отвѣсная скала, страннымъ образомъ воздымающаяся среди ровной площади, и на этой скалѣ цѣлая укрѣпленная ци-

тадель, именуемая дворцомъ эмира; съ трехъ другихъ сторонъ — фасады огромныхъ мечетей и башни минаретовъ.

Тарпейская скала, что служитъ подножіемъ замку бухарскаго владыки, называется Нумишкендъ. Очень можетъ быть, что въ этомъ имени, — какъ догадывается одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ,—уцѣлѣло воспоминаніе о древнемъ городѣ, когда-то бывшемъ на мѣстѣ Бухары и послужившемъ ей основаніемъ. Окончаніе „кендъ"—одно изъ самыхъ распространенныхъ въ Центральной Азіи для обозначенія городовъ, и особенно старинныхъ. Ташъ-кэндъ, Яр-кендъ, Самаръ-кэндъ служатъ этому примѣрами, во главѣ множества другихъ, менѣе извѣстныхъ.

Бухара упоминается восточными писателями только начиная съ X вѣка по Р. Хр.; ранѣе ея столицей Маваренкагара (прежней Транс-океаны) былъ городъ Бикендъ, развалины котораго и теперь еще показываютъ около Кара-Куля, верстахъ въ 30 отъ Бухары. Очень можетъ быть, что и Нумиш-кендъ былъ сосѣдомъ и современникомъ этого также исчезнувшаго съ лица земли Бикенда.

Скала во многихъ мѣстахъ выровнена и подперта каменною кладкой. Стѣны вѣнчающей ее крѣпости чуть ли не изъ сырцеваго кирпича, какъ всѣ почти здѣшнія твердыни. Однако онѣ настолько высоки и глухи, что изъ-за нихъ не видно снизу спрятанныхъ внутри дворцовыхъ построекъ. Скала поднимается вверхъ покатымъ конусомъ и въѣздъ въ нее, защищенный двумя каменными башнями, запертъ массивными желѣзными воротами; надъ воротами большіе круглые часы, о которыхъ упоминаетъ еще Вамбери въ своемъ извѣстномъ путешествіи по Центральной Азіи, а у воротъ вооруженная стража. Рѣдко кому дозволяется высокая честь въѣхать верхомъ въ ворота Арка. Даже крупные сановники останавливаются предъ воротами, слѣзаютъ съ коней и шествуютъ пѣшкомъ въ гору жилище Бадаулета (одинъ изъ титуловъ эмира).

Русскіе могутъ довольно легко добиться аудіенціи у эмира черезъ нашего дипломатическаго агента; до послѣдняго времени это было стѣснительно потому, что эмиръ считалъ своею обязанностью одарять всякаго посѣтителя одеждами, коврами, сѣдлами и т. п. подарками. Но благодаря настояніямъ г. Лессара, этотъ азіатскій обычай теперь прекратился, и эмиръ посылаетъ дары только такимъ высоко оффиціальнымъ лицамъ, какъ гене-

ралъ-губернаторъ, и ему подобнымъ, имѣющимъ право отдаривать его взаимно. Простые же смертные удостоиваются только чести посмотрѣть на него, покушать у него пилаву, или выпить чашку чаю.

Къ сожалѣнію, эмира не было въ городѣ, и мы были лишены счастья лицезрѣть его и его обстановку.

Внѣшній видъ Арка гораздо болѣе напомнилъ мнѣ плохо содержимый тюремный замокъ, чѣмъ дворецъ роскошнаго повелителя правовѣрныхъ. Да и онъ въ буквальномъ смыслѣ часто служилъ темницей, и многіе не разъ выходили изъ него только затѣмъ, чтобы быть сейчасъ же зарѣзану на камняхъ Ригистана, какъ барану на бойнѣ...

На старыхъ воротныхъ башняхъ этого мрачнаго вертепа кровожадныхъ деспотовъ, словно въ насмѣшку надъ ними, бѣлые длинноногіе аисты свили свои мирныя гнѣзда и торчатъ тамъ цѣлыми часами на одной ногѣ, среди черныхъ копенъ хворосту, воткнувъ въ пушистую грудь красивые носы свои, погруженные въ благочестивое самосозерцаніе, будто индусскіе факиры.

И куда здѣсь ни оглянись, на каждомъ минаретѣ, на каждомъ куполѣ большихъ медрессе и мечетей, — гнѣздятся эти удивительныя бѣлыя птицы, — „лягъ-лягъ“, какъ ихъ называютъ туземцы. Ихъ неподвижныя изваянія вырѣзаются высоко на синемъ фонѣ неба, словно какіе-то живые гербы, неизбѣжно вѣнчающіе каждое ея публичное зданіе...

Это неподходящее сочетаніе эмблемы мира и домовитости съ варварскими нравами и обычаями Бухары—не мало озадачиваетъ съ перваго раза путешественника. Но въ характерѣ восточнаго человѣка часто встрѣчаешь такую непереваримую противоположность вкусовъ, что благоговѣйное почитаніе безполезной птицы безъ труда можетъ вязаться въ немъ съ самою жестокосердою безчувственностью относительно своего брата-человѣка. Недаромъ любимый герой и высочайшій идеалъ царя, въ глазахъ народовъ Центральной Азіи,—Тимуръ-Ленгъ,—умѣлъ въ одно и то же время и безъ жалости проливать рѣки неповинной крови и наслаждаться трогательными нравоучительными бесѣдами своихъ благочестивыхъ имамовъ.

Аистъ считается въ Бухарѣ священною птицей, и никто, подъ страхомъ казни, не смѣетъ поднять на нее руку. Аисты безпрепятственно опустошаютъ плантаціи риса и проса Бухарцевъ, важно гуляя по нимъ, какъ мы потомъ не разъ видѣли, будто

по собственному своему птичнику. Они такъ привыкли къ безопасности и къ почету, вездѣ ихъ окружающему, что безъ малѣйшаго стѣсненія маршируютъ на своихъ долговязыхъ ходуляхъ вслѣдъ за сѣющимъ пахаремъ, выклевывая зерна чуть не изъ его рукъ... Они, должно-быть, искренно увѣрены, что всѣ эти заботливые посѣвы, и всѣ эти тяжкія работы производятся раболѣпнымъ человѣчествомъ исключительно для нихъ, для аистовъ.

Хивинцы, ближайшіе сосѣди Бухары—привыкли наслаждаться въ своемъ городѣ множествомъ прекрасныхъ соловьевъ, мало знакомыхъ Бухарцамъ,—и совсѣмъ не имѣя у себя аистовъ, говорятъ въ насмѣшку: „Ваши соловьиныя пѣсни—это стукъ клюва аиста по крышѣ вашихъ домовъ".

Около дворца бухарскаго повелителя впрочемъ не однѣ эмблемы любви и мира, не одни аисты, терзающіе свою собственную грудь ради птенцовъ своихъ, не одни храмы молитвы и богословскаго изученія.

Цѣлый арсеналъ пушекъ пріютился въ неказистыхъ низенькихъ сараяхъ какъ-разъ противъ за̀мка. Это очень кстати, потому что исторія всѣхъ этихъ бухарскихъ, хивинскихъ, коканскихъ и иныхъ прочихъ здѣшнихъ хановъ весьма краснорѣчиво убѣждаетъ, что крѣпкія ворота, высокія стѣны, да и мѣтко наведенныя пушки и ружья—составляютъ для этихъ владыкъ-грабителей, владыкъ-злодѣевъ, гораздо болѣе вѣрное средство править возлюбленнымъ народомъ своимъ и выжимать изъ него все, что можно выжать, чѣмъ нѣсколько сомнительная привязанность къ нимъ этого народа.

Почти всѣ эти эмиры и ханы кончаютъ ножомъ, ядомъ или веревкой. Имѣть братьевъ, часто даже имѣть сыновей,—для этихъ хановъ все равно, что имѣть столько же смертельныхъ враговъ, столько непримиримыхъ заговорщиковъ, съ жадною завистливостью смотрящихъ на занятый ими тронъ и прибѣгающихъ ко всѣмъ средствамъ, чтобъ онъ поскорѣе освободился для нихъ...

Пушки бухарскаго эмира—всѣ мѣдныя и всѣ очень старой, давно-заброшенной конструкціи. Тутъ есть и русскія, и англійскія, и туземнаго грубаго литья, но особенно много кокансжихъ, отбитыхъ въ побѣдоносную войну покойнымъ эмиромъ Мозаффаръ-Эддиномъ; кокансія всѣ отличаются красотой и изяществомъ своихъ мѣдныхъ украшеній.

Для войнъ съ Туркменами, Авганцами, Хивинцами—эта допо-

топная артиллерія бухарскаго эмира еще достаточно грозна; у насъ же она была бы вся цѣликомъ сдана въ археологическіе склады Оружейной Палаты.

Караулъ-беги въ красномъ халатѣ и смотрители арсенала, насъ встрѣтившіе, были, повидимому, другаго мнѣнія о военныхъ сокровищахъ своего повелителя; они съ нескрываемою гордостью показывали намъ каждое изъ этихъ смертоносныхъ орудій, разсказывая подробно его біографію, и ни мало не сомнѣваясь, что мы должны быть подавлены впечатлѣніями военнаго могущества ихъ Бадаулета.

Ригистанъ былъ до того биткомъ набитъ народомъ, верблюдами, лошадьми, ослами, до того заваленъ товарами, что нужно было буквально пробиваться сквозь живыя стѣны, чтобы добраться какъ-нибудь отъ коляски до мечети. А между тѣмъ, несмотря на эту давку, торговцы довѣрчиво разложили прямо на землѣ мѣшки съ орѣхами и разнымъ зерномъ, съ хлопчатою бумагой, выбивавшейся ваточными клочьями изъ своихъ лопнувшихъ шишекъ.

Медрессе и великая мечеть „Меджидіе-Каланъ“ смотрятъ своими голубыми фаянсовыми фасадами прямо другъ на друга. Медрессе въ сторонѣ Арка,—мечеть напротивъ. Это тѣ же четырехъугольные порталы съ громаднымъ альковомъ, тѣ же высокіе граненые минареты, словно выточенные изъ узорчатаго фарфора. Сначала мы посѣтили Медрессе, Кизиль-Арсланъ, поднявшись въ него словно по Красному Крыльцу по высочайшей и широчайшей лѣстницѣ прямо съ площади. Несмотря на свои 112 комнатъ для софтъ, оно не представило для насъ ровно ничего новаго послѣ подробнаго осмотра нами Кошъ-Медрессе; потомъ мы отправились въ мечеть Меджидіе-Каланъ; эта мечеть, построенная Абдулла-ханомъ-Шейбани, самая большая и самая главная мечеть Бухары. Обширный дворъ ея охваченъ со всѣхъ сторонъ сплошною галлереей колоннъ и сводовъ, идущихъ въ нѣсколько рядовъ и искусно разукрашенныхъ внутри всевозможными лѣпными работами и каменною рѣзьбой; снаружи галлерея эта, какъ и всѣ зданія мечети, одѣта въ обычную одежду росписныхъ голубыхъ изразцевъ. Галлереи эти назначены для молящихся и могутъ вмѣстить ихъ многія ты-

сячи. Весь этотъ дворъ — одна громадная молельня. Посрединѣ его неизбѣжный колодезь для омовенья правовѣрныхъ, въ кіоскѣ, окруженномъ нишами, гдѣ каждый можетъ съ спокойствіемъ и удобствомъ предаваться священному намазу, въ защитѣ отъ солнечнаго зноя и отъ праздныхъ взоровъ.

Въ глубинѣ двора центральная святыня его: мечеть съ характернымъ фаянсовымъ фасадомъ, сверкающимъ голубыми и зелеными арабесками, осѣненная будто царственною короною такимъ же сверкающимъ голубымъ куполомъ. Прежде и величественная внутренность этой знаменитой мечети была сплошь выложена полированными пестрыми изразцами, но теперь они уцѣлѣли только кое-гдѣ среди обидно оголенныхъ стѣнъ, замазанныхъ бѣлою известью, испачканныхъ голубинымъ пометомъ. Стаи голубей овладѣли этою мусульманскою святыней, безпрепятственно влетая и вылетая изъ нея черезъ разбитыя стекла изящныхъ гипсовыхъ оконъ, и дѣятельно устилая своимъ гуано полъ мечети, вмѣсто нѣкогда покрывавшихъ его дорогихъ ковровъ. Послѣ каирскихъ и стамбульскихъ мечетей съ ихъ богатѣйшею и утонченною внутреннею отдѣлкой, эта каѳедральная мечеть Бухары казалась непристойнымъ сараемъ. Въ ней нѣтъ ни люстръ, ни колоссальныхъ подсвѣчниковъ, ни ковровъ, ни рѣзной каѳедры, ни крытыхъ помѣщеній для софтъ, ни крановъ на богато украшенныхъ скамеечкахъ, ни даже обычнаго страусоваго яйца передъ киблою. Только одна кибла, расписанная въ персидскомъ вкусѣ затѣйливымъ золотымъ узоромъ по темно-зеленому и темно-синему фону, да по ея сторонамъ двѣ таблицы голубой глазури съ стихами изъ Корана, — сколько-нибудь говорятъ вамъ, что вы не въ свиномъ хлѣвѣ, а въ мусульманской мечети.

Между Меджидіе-Каланъ и большимъ медрессе Кизиль-Арслана возвышается, немного въ сторонѣ отъ нихъ, самый древній, самый высокій и самый красивый изъ минаретовъ Бухары — минаретъ Мирхарабъ. Онъ одинъ только безъ голубыхъ изразцевъ на этой площади, задавленной сверкающими фарфоровыми стѣнами, пестрѣющей разноцвѣтными арабесками.

Минаретъ Мирхарабъ прозаическаго глинистаго цвѣта, но за то необыкновенно строенъ и легокъ и украшенъ чрезвычайно изящною рѣзьбой. Постройку его приписываютъ кто Тимуру, кто Кизиль-Арслану.

Бухарцы увѣряютъ, что вершина его приходится какъ разъ

въ уровень съ почвою Самарканда. Вершина эта, какъ вершины всѣхъ вообще бухарскихъ минаретовъ, какъ купола всѣхъ ея мечетей, и крыши всѣхъ ея башенъ, увѣнчана огромнымъ растрепаннымъ гнѣздомъ аиста, парящаго съ этой высоты надъ всею столицей Узбековъ. Башня Мирхарабъ на-дняхъ еще имѣла грозное значеніе. Она не даромъ стоитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ мрачною тюрьмой Арка. Многіе вѣка сряду она служила тюремщику-владыкѣ надежнымъ палачемъ его жертвъ. Осужденныхъ на казнь взводили обыкновенно на верхній ярусъ башни и низвергали оттуда внизъ на камни мостовой. Вообще по этимъ камнямъ нельзя ходить безъ содраганья и омерзѣнья. Весь Ригистанъ -- одно сплошное лобное мѣсто, одинъ громадный эшафотъ. На немъ постоянно стояли висѣлицы съ повѣшанными и желѣзные колья съ натыканными на нихъ головами. А во дни войнъ Бухары съ Киргизами, Туркменами или Кокапцами тутъ же воздымались, какъ груды дешевыхъ арбузовъ, огромныя кучи гніющихъ череповъ,—самые радостные для Бухарца трофеи побѣды. Народъ такъ привыкъ къ ежедневному зрѣлищу убійства и казней, къ запаху гніющихъ труповъ, къ потокамъ человѣческой крови, что равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти давно знакомыя сцены и продолжалъ себѣ торговать, пить, ѣсть и весело болтать съ пріятелями, рядомъ съ какимъ-нибудь издыхающимъ оборванцемъ или обезглавленнымъ трупомъ.

Агентъ нашъ увѣрялъ меня, что, вслѣдствіе требованія русскихъ властей, теперь прекращено и сбрасыванье несчастныхъ съ высоты башни, и возмутительная выставка головъ, и чуть ли не самая смертная казнь. Но, говорятъ, втихомолку отъ Русскихъ, не такъ гласно и явно какъ прежде, до сихъ поръ продолжается въ Бухарѣ старая разлюбезная ей практика ножа и кола.

Насъ ждалъ завтракъ у г. Лессара, и нужно было отправляться назадъ въ русское агентство. Тамъ мы провели часа два въ оживленной бесѣдѣ, въ обществѣ вполнѣ образованныхъ людей, основательно подготовленныхъ къ своей не легкой задачѣ—оберегать русскіе интересы въ этомъ враждебномъ намъ полуварварскомъ мірѣ.

Г. Лессаръ—холостякъ, но главный помощникъ его—величаемый, кажется, драгоманомъ агентства,—живетъ въ томъ же по-

мѣщеньи своею домовитою маленькою семьей, и его милыя дамы играютъ роль заботливыхъ хозяекъ для всей крошечной русской колоніи „Священной Бухары".

Г. Клемъ—прекрасный и разносторонній лингвистъ и серіозно относится къ изученію всѣхъ мѣстныхъ особенностей края, что дѣлаетъ его вдвойнѣ полезнымъ на его теперешнемъ посту.

Когда мы сидѣли еще за столомъ съ стаканами вкуснаго мѣстнаго вина въ рукахъ, вдругъ произошелъ переполохъ между нашими дамами. Оказалось, что съ потолка упалъ какъ разъ между ихъ приборовъ маленькій скорпіонъ. Преступника, конечно, сейчасъ же заарестовали и увлекли на казнь, а я, какъ туристъ, былъ очень доволенъ, что увидѣлъ наконецъ въ первый разъ туркестанскаго скорпіона, и что присутствовалъ на завтракѣ съ такимъ несомнѣнно туземнымъ колоритомъ.

Скорпіоны оттого держатся въ этомъ домѣ, что онъ устроенъ совершенно по-бухарски. Несмотря на сравнительное приличіе и величину его, потолки его по мѣстному обычаю сдѣланы изъ тонкихъ палочекъ, положенныхъ тѣсными рядами между балокъ и только раскрашенныхъ для вида пестрыми красками; между этими палочками не трудно гнѣздиться какой угодно гадинѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Евгеній Марковъ.

* * *

Спи... усни... успокойся. Въ молчаньи ночномъ
Пусть не вѣдаетъ сердце мученья,—
Тебѣ вѣетъ покой и забвенье
Тихій ангелъ своимъ бѣлоснѣжнымъ крыломъ...

Какъ туманомъ, онъ облакомъ свѣтлымъ одѣтъ,
Его очи—сапфиры живые,
И съ небесъ ихъ лучи голубые
Проливаютъ на землю свой призрачный свѣтъ...

Спи... усни... Пусть не просится въ сердце печаль...
Спи, закрой утомленныя очи,—
Въ тишинѣ коченѣющей ночи
Вѣчнымъ холодомъ дышетъ небесная даль...

Н. П—о.

СВОЕОБРАЗНОЕ БАЛТІЙСКОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ.[1]

I.

Въ настоящее время, когда, какъ нѣкоторые говорятъ, наступаетъ будто бы въ Россіи дворянская эра, проявленіе коей видятъ въ учрежденіи Государственнаго Дворянскаго Банка, въ открытіи дворянамъ краткосрочнаго кредита, въ частомъ назначеніи представителей дворянства на выдающіеся посты, во вліятельной роли предоставленной предводителямъ дворянства, относительно института земскихъ начальниковъ, въ избраніи этихъ начальниковъ преимущественно изъ среды помѣстнаго дворянства, въ учрежденіи особой коммиссіи для разработки вопроса о дворянскихъ маіоратахъ или заповѣдныхъ имѣніяхъ и пр., въ настоящее время казалось было бы, небезполезно и назидательно сказать нѣсколько словъ объ одномъ дворянскомъ установленіи, благополучно существующемъ 90 лѣтъ и о которомъ не только ничего неизвѣстно внутри Имперіи, но съ которымъ русскія власти въ Эстляндіи и Петербургѣ близко познакомились лишь въ самые послѣдніе годы,—именно о *Эстляндскомъ Частномъ Дворянскомъ Заемномъ Банкѣ* существующемъ съ 1802 года въ гор. Колывани [2] Эстляндской губерніи, и находящемся въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

---

[1] Такъ-называемая Эстляндская Дворянская Кредитная Касса.

[2] Гор. Ревелѣ.

Это кредитное учрежденіе при балансѣ въ 19 милл. дѣйствовало оффиціально, открыто, у всѣхъ на виду, но вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо отъ русской власти такъ, что эстляндскіе губернаторы и Губернское Правленіе съ 1869 г. почти ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Банкѣ. Сношенія ихъ съ Банкомъ ограничивались требованіемъ Банка, чтобы Губернское Правленіе распоряжалось наложеніемъ секвестра и взятіемъ въ администрацію заложенныхъ Банку недвижимостей неисправныхъ заемщиковъ, что̀ Губернское Правленіе безпрекословно исполняло при посредствѣ мѣстной полиціи.

Такъ стояло дѣло пока, обновленное въ 1885—86 годахъ въ личномъ своемъ составѣ, русское губернское начальство не получило постановленія Эстляндскаго ландтага (дворянскаго собранія) 1888 года, коимъ опредѣлено покрыть дефицитъ по Ссудной Кассѣ названнаго Банка въ 14.000 р. сер., образовавшійся къ 30 ноября 1887 года, и впредь покрывать дефициты по этой Кассѣ. Въ виду этого дефицита, указывавшаго на печальное положеніе дѣлъ Банка, не имѣя никакого представленія о причинахъ такого прискорбнаго явленія и не зная, что дѣлается въ Банкѣ, эстляндскій губернаторъ кн. С. В. Шаховской въ 1888 году исходатайствовалъ чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ принятіе экстренныхъ мѣръ къ выясненію положенія дѣлъ этого Банка.

Пришлось ознакомиться съ дѣятельностью Банка, со времени его учрежденія, въ теченіе почти 90 лѣтъ, имѣть дѣло съ его архивомъ и дѣлопроизводствомъ на нѣмецкомъ языкѣ, выяснить положеніе дѣлъ финансоваго учрежденія начала нынѣшняго столѣтія такого образца, подобнаго которому не существуетъ нигдѣ въ Россіи, развѣ только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и совершенно незнакомаго русскимъ финансовымъ дѣятелямъ, опредѣлить характеръ и значеніе совершенно своеобразныхъ финансовыхъ операцій Банка и изучить особый, неизвѣстный въ Россіи, порядокъ счетоводства и отчетности Банка.

Что̀ же представляетъ собою это кредитное учрежденіе, какова его цѣль и значеніе?

О немъ уже сказано было нѣсколько словъ въ № 111 *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 23 Апрѣля 1892 года въ статьѣ „По поводу вывоза во внутреннія губерніи эстляндскаго спирта" и необезпеченности процентныхъ бумагъ этого Банка, принимаемыхъ акцизнымъ вѣдомствомъ рубль за рубль залогомъ по раз-

срочкѣ акциза за вино; поговоримъ теперь нѣсколько подробнѣе объ этомъ интересномъ финансовомъ учрежденіи.

Вслѣдствіе ходатайства эстляндскаго дворянства предъ правительствомъ объ оказаніи эстляндскимъ помѣщикамъ-дворянамъ, обремененнымъ частными долгами, помощи—путемъ учрежденія въ губерніи особаго кредитнаго учрежденія, въ которомъ они могли бы пользоваться дешевымъ кредитомъ, 15 октября 1802 г. состоялись именные указы объ учрежденіи, на основаніи составленнаго дворянами устава „Эстляндскаго Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка", причемъ Высочайше повелѣно отпустить на счетъ эстляндскаго дворянства изъ Государственнаго Казначейства заимообразно 500.000 р., необходимые для открытія означеннаго Банка, и сверхъ того отпускать тому же дворянству въ будущемъ, по мѣрѣ надобности и требованія дальнѣйшаго кредита, подъ общимъ ручательствомъ недвижимыхъ имѣній всѣхъ дворянъ, въ кредитную систему соединившихся, до 2.000.000 р. изъ 5%, каковой заемъ дворянство обязано выплатить казнѣ въ теченіе 35 лѣтъ со времени выдачи означенной суммы. [1]

Уставъ Банка 1802 года рукописный, въ копіи на русскомъ языкѣ, хранится и нынѣ въ архивѣ Эстляндскаго Губернскаго Правленія и составляетъ едва ли не единственный оффиціальный экземпляръ этого устава. Печатныхъ экземпляровъ этого устава на русскомъ языкѣ въ обращеніи нѣтъ; только въ 1888 году онъ перепечатанъ былъ на русскомъ языкѣ въ неоффиціальномъ изданіи: „Сборникѣ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губерніи А. П. Василевскаго. Ревель 1888 года".

По „введенію" къ этому уставу, названному „Системою кредита", цѣлью учреждаемаго въ Эстляндіи Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка есть то, чтобы „возстановить и подтвердить упавшій кредитъ помѣщиковъ сей губерніи. Составъ или основу сего Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка дѣлаютъ недвижимыя имѣнія тѣхъ эстляндскихъ помѣщиковъ, кои для полученія займа собственности свои недвижимыя отдаютъ Банку подъ залогъ *за поручительствомъ* всѣхъ, отъ долговъ свободныхъ, помѣщиковъ. Сей Частный Дворянскій въ Эстляндіи Заемный Банкъ имѣетъ быть *управляемъ членами изъ дворянства избираемыми*, коимъ довѣрено будетъ для вспоможенія помѣщиковъ,

---

[1] См. 1-е Полное Собраніе Законовъ 15 октября 1802 года стр. 334 и 335, №№ 20.462 и 20.464.

въ деньгахъ нуждающихся, или пускать въ обращеніе заемныя письма или дѣлать займы наличными деньгами, и въ томъ выдавать провинціальныя или земскія облигаціи или обязательства".

Эти заемныя письма предназначены были исключительно для выдачи ссудъ (гл. 1 устава), а провинціальныя облигаціи первоначально могли быть выпущены на сумму не болѣе какъ на 100.000 р. и то, поелику при первоначальномъ учрежденіи Банка необходимо нужно имѣть въ готовности нѣкоторую сумму наличныхъ денегъ (§§ 1 и 5, гл. 2). Буде же сверхъ означенной суммы Частному Дворянскому Банку нужны будутъ займы въ наличныхъ деньгахъ, то должны дѣлаться оные не иначе, какъ съ тѣми условіями, что уплата ихъ не прежде наступитъ, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, да и тогда по шести-мѣсячной напередъ повѣсткѣ капиталъ ежегодно будетъ уплачиваться. (§ 6, гл. 2).

Главнѣйшія обязанности Правленія Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка состоятъ наипаче въ томъ, чтобъ имѣть рачительное наблюденіе за точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ устава кредитной системы и споспѣшествовать всему тому, что̀ къ пользѣ Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка относится, отвращая и предупреждая напротивъ того все то, что̀ только можетъ ко вреду его послужить (§ 3, гл. 10).

Главное начальство обще съ Правленіемъ Частнаго Дворянскаго Банка имѣютъ право *собранію дворянства* дѣлать представленія о распоряженіяхъ и установленіи, какія въ теченіе времени окажутся необходимо нужными (§ 4, гл 10).

Дворянство заключенія свои представляетъ на утвержденіе Губернскому Правленію, *безъ вѣдома же земскаго правительства ничего въ дѣйство не производитъ*; а по утвержденіи Губернскимъ Правленіемъ дворянскихъ положеній получаютъ оныя законную силу и дѣйствіе (§ 5, гл. 10).

Права и обязанности Губернскаго Правленія и *земскаго правительства*, о которыхъ говорится въ уставѣ 1802 г., станутъ яснѣе, если привести предложеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ бывшему эстляндскому губернатору 27 сентября 1865 г. № 10.568, которое разъяснило, что „утвержденію Губернскаго Правленія могутъ подлежать лишь такія предложенія и постановленія, которыя *не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго основнымъ началамъ Высочайше утвержденнаго устава Дворянскаго Заемнаго Банка*".

Выдачею подъ земли ссудъ съ выпускомъ заемныхъ писемъ или билетовъ ограничивалась дѣятельность Банка, который такимъ образомъ по уставу 1802 г. былъ учрежденіемъ исключительно сословнымъ, земельнымъ, ипотечнымъ и кредита долгосрочнаго, причемъ поручителями за заемщиковъ, кромѣ недвижимыхъ имуществъ этихъ послѣднихъ, являлись всѣ, *отъ долговъ свободные, помѣщики.* Вмѣстѣ съ тѣмъ Банкъ этотъ долженъ былъ дѣлать представленія о распоряженіяхъ и установленіяхъ, въ какихъ встрѣчалась надобность, собранію дворянства (ландтагу) черезъ посредство своихъ органовъ, „главнаго начальства" и „правленія", и тѣмъ самымъ давалъ начальнику губерніи возможность слѣдить за правильностью дѣйствій этого Банка, такъ какъ протоколы ландтага начальнику губерніи доставляются. Вмѣстѣ съ тѣмъ такъ какъ изъ именнаго указа 15 октября 1802 г. (20.464) уставъ 1802 г. былъ представленъ на утвержденіе правительства отъ имени дворянства чрезъ своихъ депутатовъ, то едва ли можно спорить противъ того, что точное и правдивое выполненіе этого устава было для дворянства особенно обязательно.

II.

Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени этотъ уставъ обратился de facto въ мертвую букву и Банкъ уже съ 1826 г., со времени учрежденія при немъ не предусмотрѣнной уставомъ 1802 г. Депозитной Кассы, перестал̆ъ существовать какъ кредитное установленіе, образованное по Высочайше утвержденному уставу 1802 г. Забвеніе этого устава дошло до того, что когда въ 1883 г. Особенная Канцелярія по кредитной части Министерства Финансовъ просила прислать ей уставъ 1802 г., то бывшій губернаторъ тайный совѣтникъ Поливановъ, препровождая въ 1884 г. печатный экземпляръ этого устава на нѣмецкомъ языкѣ и присланный ему Банкомъ рукописный переводъ этого устава съ нѣмецкаго на русскій языкъ, русскій текстъ назвалъ переводомъ, очевидно не подозрѣвая, что подлинный текстъ устава есть русскій и копія этого подлиннаго русскаго текста хранится въ архивѣ Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

Въ настоящее время Банкъ, состоя изъ трехъ отдѣленій: Кре-

дитной, Ссудной и Сберегательной Кассъ, по дѣйствующимъ своимъ правиламъ и по практикѣ своей, несогласной въ существеннѣйшихъ частяхъ не только съ уставомъ 1802 г., но и съ самыми правилами, изданными для Банка, представляется финансовымъ учрежденіемъ всесословнымъ, одновременно земельнымъ и коммерческимъ въ самомъ широкомъ значеніи этихъ выраженій съ кредитомъ какъ долгосрочнымъ, такъ и краткосрочнымъ.

Такое преобразованіе Банка, сдѣлавшее его финансовымъ учрежденіемъ совсѣмъ отмѣннымъ отъ того, коимъ оно должно было быть по уставу 1802 г., совершилось, однако, съ вѣдома губернскаго начальства, которое, утвердивъ одною своею властью совершенно несогласныя съ уставомъ 1802 г. правила Банка 1866 и 1869 годовъ, нарушило тѣмъ § 3, гл. 10 устава 1802 г., предписывающій *имѣть рачительное наблюденіе за точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ правилъ устава кредитной системы*, и упомянутое распоряженіе 27 сентября 1865 г. за № 10.568 о томъ, что утвержденію Губернскаго Правленія могутъ подлежать лишь предложенія и постановленія, не заключающія въ себѣ ничего противнаго основнымъ началамъ Высочайше утвержденнаго устава Дворянскаго Заемнаго Банка.

Только одни правила 1864 г. для Ссудной Кассы, *по приведенію ихъ уже въ дѣйствіе*, были въ разсмотрѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое признало въ 1865 г., что правила этой Кассы, составляющей только особое отдѣленіе Банка, могли быть приведены въ дѣйствіе съ разрѣшенія Эстляндскаго Губернскаго Правленія, хотя §§ 16 и 20 о выпускѣ % бумагъ этой Кассы несогласны съ уставомъ 1802 г.

Представленіемъ губернскому начальству правилъ 1864, 1866 и 1869 гг. ограничилась дѣятельность Банка по ходатайству объ утвержденіи правительствомъ тѣхъ распоряженій и установленій, какія въ теченіе времени оказались необходимо нужными, какъ это требуется §§ 4 и 5, гл. 10 уст. 1802 года.

Съ 1869 года, Банкъ уже вовсе не считалъ нужнымъ увѣдомлять Губернское Правленіе о чемъ бы то ни было и не представлялъ ему никакихъ своихъ постановленій ни для свѣдѣнія, ни для утвержденія, хотя за это время принималъ мѣры и установлялъ операціи, требовавшія утвержденія правительства.

III.

Положенія означеннаго устава Банка 1802 г. эстляндскимъ дворянствомъ были нѣсколько разъ измѣняемы и притомъ столь существеннымъ образомъ и въ столь широкомъ размѣрѣ, что на практикѣ уставъ этотъ ни дворянствомъ, ни органами управленія Банка не примѣняется. Первѣйшимъ по времени и едва ли не существеннѣйшимъ измѣненіемъ устава 1802 года было образованіе *Гарантирующаго Общества* и замѣняющаго его *Кредитнаго Конвента*, сдѣлавшихся нынѣ почти по всѣмъ дѣламъ Банка (исключая нѣкоторыхъ дѣлъ Ссудной Кассы) двумя высшими органами управленія Банка, ставшими на мѣсто ландтаговъ и Дворянскаго Комитета.

Возникновеніе Гарантирующаго Общества, о которомъ упоминается уже въ правилахъ Банка 1836 года, и образованіе съ 1864 года Кредитнаго Конвента представляются существеннымъ измѣненіемъ началъ устава 1802 г. въ томъ смыслѣ, что ландтаги и Дворянскій Комитетъ суть сословныя дворянскія установленія, тогда какъ Гарантирующее Общество и Кредитный Конвентъ суть учрежденія безсословнаго характера. Вслѣдствіе такой замѣны дворянскихъ сословныхъ учрежденій таковыми же безсословными: Гарантирующимъ Обществомъ и Кредитнымъ Конвентомъ, о которомъ уставъ 1802 года ничего не упоминаетъ, оказывается съ одной стороны, что тѣ матрикулованные дворяне, которые не принадлежатъ къ кредитному обществу и не закладывали своихъ имѣній Банку, устранены отъ участія въ обсужденіи важнѣйшихъ дѣлъ Банка, а съ другой, что входящіе въ составъ кредитнаго общества владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, заложившіе свои имѣнія Банку, но не принадлежащіе къ матрикулованному дворянству, въ качествѣ членовъ Гарантирующаго Общества, принимаютъ участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся до Банка. Замѣна ландтаговъ и Дворянскаго Комитета Гарантирующимъ Обществомъ и Кредитнымъ Конвентомъ составляетъ существенное противорѣчіе основнымъ началамъ Высочайше утвержденнаго устава 1802 г., на основаніи коего „Эстляндскій Частный Дворянскій Заемный Банкъ имѣетъ быть управляемъ членами, изъ дворянства избираемыми“.

Однако такое обращеніе двухъ высшихъ органовъ Банка изъ сословныхъ въ безсословныя учрежденія, причемъ Гарантирующее Общество образовано безъ участія правительства, а лишь впослѣдствіи санкціонировано бывшимъ нѣмецкимъ эстляндскимъ губернскимъ начальствомъ въ 1836, 1846 и 1869 годахъ, утвердившемъ правила Банка, а учрежденіе Кредитнаго Конвента, послѣдовавшее въ 1864 г. съ разрѣшенія и утвержденія одного лишь эстляндскаго губернскаго начальства, имѣло лишь принципіальное значеніе и не повліяло de facto на характеръ Банка, какъ чисто дворянскаго установленія, преслѣдующаго дворянскіе интересы и руководящагося *одними* видами, цѣлями и стремленіями этого высшаго въ губерніи сословія.—Во-первыхъ владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ (около 550), не принадлежащихъ къ матрикулованному эстляндскому дворянству, очень немного—всего 1/10 часть (до 50 человѣкъ)—и они уже по одной своей малочисленности не могли повліять на направленіе дѣлъ Банка въ смыслѣ всесословности, не говоря уже о томъ, что въ числѣ этихъ 4—5 десятковъ лицъ есть все-таки дворяне, хотя и не матрикулованные эстляндскіе и что нѣкоторые изъ нихъ не входятъ въ составъ Гарантирующаго Общества, такъ какъ ихъ имѣнія не числятся служащими Банку обезпеченіемъ. Во-вторыхъ, что важнѣйшія дѣла того отдѣленія Банка, которое именуется Ссудною Кассою, попрежнему остались исключительно въ вѣдѣніи дворянскихъ установленій: ландтаговъ и Дворянскаго Комитета и не разсматриваются въ Гарантирующемъ Обществѣ и Кредитномъ Конвентѣ.

Одно практическое значеніе имѣла такая передача главнѣйшихъ дѣлъ Банка отъ сословно-дворянскихъ учрежденій къ новымъ общесословнымъ его органамъ: это то, что слѣдить за дѣятельностью Банка, провѣрять правильность его дѣйствій губернскому начальству сдѣлалось невозможнымъ, особенно по главнѣйшему отдѣленію Банка—по Кредитной Кассѣ, такъ какъ изъ постановленій Гарантирующаго Общества и Кредитнаго Конвента на утвержденіе губернатора поступаютъ очень и очень немногія, а именно только тѣ, которыя касаются правъ третьихъ лицъ; при этомъ тѣмъ труднѣе установить разграниченіе между постановленіями Гарантирующаго Общества и Кредитнаго Конвента, нуждающихся и не нуждающихся въ утвержденіи правительства, что губернатору неизвѣстно, какія состоялись вообще въ Обществѣ и Конвентѣ постановленія и дѣйствительно

ли представлены ему на утвержденіе всѣ тѣ изъ нихъ, какія должны были быть представлены, то-есть касающіяся правъ третьихъ лицъ.

IV.

Несмотря на всесословный характеръ Гарантирующаго Общества и Кредитнаго Конвента, Банкъ, оставаясь въ дѣйствительности и безпрерывно дворянскимъ установленіемъ, за свое 90-лѣтнее существованіе вполнѣ и всецѣло посвятилъ себя пользамъ и нуждамъ эстляндскаго дворянства и дворянскихъ установленій. Служа исключительно дворянскимъ интересамъ, Банкъ не останавливался ни предъ формой, ни предъ видомъ оказываемаго дворянству содѣйствія, смѣло переступалъ предѣлы своихъ правъ и власти, производя въ интересахъ дворянства тѣ или другія операціи, ни прямо, ни косвенно не разрѣшенныя ему уставомъ 1802 г., не боялся ни риску, ни убытковъ, ни отвѣтственности.

1) О содѣйствіи Банка винокуренію въ Эстляндіи, находящемуся въ рукахъ дворянства, и о томъ, какъ для сей спеціальной цѣли Банкъ противозаконно выпускаетъ особыя залоговыя облигаціи,—то безкупонныя, то купонныя,—которыя даются имъ въ наемъ винокурамъ для представленія акцизному вѣдомству въ качествѣ залоговъ по разсрочкѣ акциза за вино, была уже рѣчь въ № 111 *Моск. Вѣд.* отъ 23 апрѣля 1892 г. [1]

2) Еще ранѣе въ № 347 *Моск. Вѣд.* 16 декабря 1891 г. [2] описано какимъ образомъ дворянство въ 1859 г. при посредствѣ ссуды изъ Банка въ 230.000 р. с. пріобрѣло *себѣ въ собственность* на *земскія собственно деньги,* не затративъ ни копѣйки изъ дворянскихъ суммъ, у казны 5 казенныхъ имѣній за 362.000 р. с. и перепродавъ ихъ по мелочамъ, выручило прибыли 25.000 р. с., не говоря уже о томъ, что долгъ покупщиковъ этихъ имѣній оно причислило *къ однимъ дворянскимъ* суммамъ, а остальной долгъ, невыплаченный дворянствомъ правительству, отнесло къ числу долговъ дворянства и земства.

3) Въ 1866 году бывшій предводитель дворянства баронъ П. просилъ выдать ему изъ Ссудной Кассы 95.000 р. с. для уплаты предъявленныхъ къ нему со всѣхъ сторонъ претензій. Банкъ,

[1] Въ статьѣ «По поводу ввоза во внутреннія губерніи эстляндскаго спирта».
[2] Въ статьѣ «Письма объ Эстляндіи», 6.

хотя и находилъ эту сдѣлку весьма рискованною, какъ не предусмотрѣнную уставомъ Ссудной Кассы, но тѣмъ не менѣе выдалъ барону 80.000 руб. сер., имѣя въ виду, что интересы страны требуютъ, чтобы надъ имуществомъ предводителя дворянства не было назначено конкурса и что 80.000 р. хватитъ барону выпутаться изъ долговъ.

4) Къ числу операцій, не разрѣшенныхъ Банку ни его уставомъ 1802 года, ни правилами, которыми онъ нынѣ руководствуется, принадлежатъ выдачи дворянству ссудъ подъ одну лишь гарантію дворянства и его установленій. Такихъ ссудъ въ формѣ текущаго счета имѣется, помимо ссуды на покупку казенныхъ имѣній, о которой сказано въ предыдущемъ пунктѣ и которая нынѣ погашена, на сумму около 270.000 руб. Эстляндское дворянство, нуждаясь само ли въ денежныхъ средствахъ или же находя полезнымъ предоставить дешевый кредитъ тѣмъ или другимъ учрежденіямъ края, обращалось къ Банку за займомъ потребной суммы, которую Банкъ безпрекословно предоставлялъ или дворянству, или завѣдуемымъ имъ учрежденіямъ (напримѣръ въ 1875 году Банкъ ссудилъ дворянству 135.000 рублей).

Въ числѣ этихъ ссудъ значатся и ссуды на постройку лютеранскихъ церквей (около 38.000 рублей). Хотя на первый взглядъ дѣло постройки лютеранскихъ церквей имѣетъ мало общаго съ дворянскими интересами, но на дѣлѣ, вслѣдствіе исторически-сложившихся обстоятельствъ, лютеранство является политическимъ знаменемъ въ краѣ и вполнѣ солидарно съ нѣмецкимъ рыцарствомъ въ отстаиваніи отжившихъ мѣстныхъ нѣмецкихъ порядковъ, установленій и всего своеобразнаго склада жизни Прибалтійской окраины. Этимъ объясняется, почему Банкъ дѣлалъ ссуды подъ постройку и перестройку лютеранскихъ церквей и въ этомъ случаѣ не останавливался предъ превышеніемъ власти, такъ какъ ни уставомъ 1802 года, ни послѣдующими даже правилами Банка ему не дозволяется производить ссуды, подобныя указаннымъ, не обезпеченныя вовсе имущественнымъ залогомъ или закладомъ.

Коль скоро нѣкоторыя операціи Банка обезпечены одною гарантіей дворянства и его установленій, самъ собой возникаетъ вопросъ: насколько такая гарантія дѣйствительно обезпечиваетъ эти операціи? Въ этомъ случаѣ усматривается, что дворяне не обложены дворянскими сборами, что такъ-называемая Дворянская Касса есть не сословная дворянская касса, но чисто земская, а

обращающіяся въ ней суммы собраны не съ одного дворянства, а со всего земскаго (не-городскаго) населенія губерніи. [1]

Принадлежность большей части имущества, показываемаго собственностью дворянства, по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, представляется крайне спорною; по своему характеру, значенію и происхожденію эти имущества должны считаться чисто земскими, а не сословно-дворянскими. Но еслибы даже и предположить, что часть имущества и доходовъ, находящихся въ распоряженіи Дворянской Кассы, составляетъ безспорно спеціальную принадлежность дворянскаго сословія, то и тогда возникаетъ вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ она можетъ служить дѣйствительнымъ обезпеченіемъ операцій Банка, еслибы даже и не была обременена частною ипотекой въ пользу частныхъ лицъ и была свободна отъ долговъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно и прежде всего потому, что долги дворянства и его установленій Банку и по гарантіи дворянства относительно операцій Банка не обезпечены частною ипотекой—ингроссаціей на имуществѣ дворянства; а затѣмъ неминуемо возникаетъ вопросъ о силѣ, значеніи и обязательности постановленій ландтаговъ и Дворянскаго Комитета, на основаніи коихъ дворянство дѣлало у Банка займы и принимало на себя ручательства.

Всѣ эти постановленія состоялись безъ вѣдома и участія правительства; при составленіи ихъ были нарушены ст. 254 и слѣд. ч. 2 Св. Мѣст. Уз., такъ какъ они не были представлены губернатору ни для свѣдѣнія, ни для утвержденія, не подписаны имъ по пунктамъ и вообще стали извѣстны правительству лишь въ послѣднее время, случайно, далеко послѣ того, какъ приведены въ исполненіе.

Еслибъ и, несмотря на то, признать за этими постановленіями силу и значеніе принятыхъ на себя дворянствомъ обязательствъ, то возникаетъ новый вопросъ: для кого эти постановленія обязательны,—для всего ли дворянства, въ качествѣ юридическаго лица, или только для тѣхъ дворянъ, которые принимали участіе

---

[1] Данныя къ такому выводу заключаются въ оффиціальной запискѣ „О земскихъ повинностяхъ въ Эстляндской губерніи“ составленной по порученію министра Финансовъ бывшимъ предсѣдателемъ Херсонской Казенной Палаты И. Я. Рудченко (Ревель 1888 г., стр. 66—103) и въ частномъ изданіи *Сборникъ узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губерніи* А. П. Василевскаго (Ревель 1888 г., стр. 562—589).

въ этихъ постановленіяхъ и оныя подписали? Легко можетъ быть, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла съ юридической стороны, означенныя постановленія признаны будутъ обязательными лишь для тѣхъ, кто ихъ подписалъ и кто добровольно принялъ на себя отвѣтственность—гарантію за операціи Банка, и не невѣроятно, что все дворянство вообще, въ смыслѣ юридическаго лица, и въ частности дворяне, не принимавшіе участія въ совѣщаніяхъ ландтаговъ и Дворянскаго Комитета, будутъ признаны свободными отъ всякой отвѣтственности за долги, сдѣланные въ Банкѣ отъ имени будто бы дворянства, и по гарантіи, принятой будто бы всѣмъ дворянствомъ по нѣкоторымъ операціямъ Банка.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ само собой то, что обезпеченность долговъ и операцій Банка дворянствомъ представляется по меньшей мѣрѣ сомнительною или вовсе фиктивною.

5) Независимо отъ сего, Банкъ оказываетъ содѣйствіе дворянамъ и дворянскимъ установленіямъ: а) открывая кромѣ долгосрочныхъ еще и краткосрочныя ссуды на условіяхъ текущихъ счетовъ (такъ-называемый открытый кредитъ); б) платя по текущимъ счетамъ высшій размѣръ процента (напримѣръ, Вышгородскому дѣтскому пріюту); в) принимаетъ отъ дворянъ вклады въ открытыхъ помѣщеніяхъ, причемъ по нѣкоторымъ вкладамъ беретъ даже на себя трудъ слѣдить за тиражемъ, получать проценты по купонамъ и т. п., и, наконецъ, хранитъ у себя завѣщанныя дворянскимъ учрежденіямъ такъ-называемыя *легаты*, по коимъ Банкъ получаетъ проценты, отсылая ихъ по принадлежности.

6) Какъ на одно изъ доказательствъ того, что Банкъ собственно дворянамъ предоставляетъ всякаго рода льготы и преимущества, можно указать на то, что въ то время, какъ деньги, удерживаемыя по разнымъ случаямъ (напримѣръ, за недостающія постройки, при выдачѣ ссудъ и проч.) Банкъ вообще выдаетъ по представленіи удостовѣреній подлежащихъ властей, что препятствія къ выдачѣ денегъ нѣтъ (напримѣръ, что постройки возведены), онъ относительно дворянъ довольствуется въ иныхъ случаяхъ однимъ собственнымъ ихъ удостовѣреніемъ, что они устранили препятствія, изъ-за которыхъ не получили всего того, что имъ слѣдовало.

V.

7) Служа съ самаго своего основанія интересамъ лишь дворянства, Банкъ не измѣнилъ характера своей дѣятельности и съ 1864 года, когда учреждена была при немъ Ссудная Касса, задача которой заключалась преимущественно въ выдачѣ ссудъ при покупкѣ крестьянами земельныхъ участковъ и подъ земскія облигаціи этой Кассы. Въ эти двѣ основныя операціи Ссудной Кассы должны были быть помѣщены имѣющіяся въ распоряженіи Банка средства, и на эти двѣ операціи должно было быть обращено особое вниманіе правленія Банка. Между тѣмъ а) по годамъ отношеніе суммъ затраченныхъ Кассой на земельныя операціи къ суммамъ затраченнымъ на дворянскія операціи выражается въ среднемъ—приблизительно 1%; б) процентное отношеніе основныхъ земельныхъ операцій къ операціямъ какъ земельнымъ, такъ и коммерческимъ, существующимъ почти исключительно для удовлетворенія потребности дворянъ въ краткосрочномъ кредитѣ, указываетъ на то, что выкупъ крестьянскихъ участковъ въ теченіе 25 лѣтъ подвигался медленно и въ настоящее время едва достигаетъ 40, 13% операцій дворянскихъ, и в) что Ссудная Касса сослужила службу дворянству, которое пользовалось ея содѣйствіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не могло найти необходимыхъ для него средствъ въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Судя по цифрамъ, слѣдуетъ предполагать, что аа) оно уступало землю крестьянамъ тогда, когда это было ему необходимо, потому что иначе нельзя себѣ объяснить тѣхъ значительныхъ колебаній въ суммѣ выданныхъ ссудъ, какія оказываются на дѣлѣ; бб) оно пользовалось ссудами подъ закладныя непосредственно и чрезъ вторыхъ лицъ; оно пользовалось ссудами подъ спиртъ въ лицѣ Товарищества Ревельскаго завода для очистки спирта; вв) оно пользовалось спеціальнымъ текущимъ счетомъ опять-таки въ лицѣ того же Товарищества; гг) оно пользовалось ссудами подъ недоимочныя платы, то-есть получало такимъ образомъ раньше времени всю разность въ недоимочной покупной цѣнѣ участковъ; наконецъ, дд) оно еще обращалось къ содѣйствію Ссудной Кассы и посредническимъ сдѣлкамъ.

При этомъ слѣдуетъ также отмѣтить, что по всѣмъ почти операціямъ, по которымъ заинтересовано дворянство, проценты, пла-

тимые Ссудной Кассѣ, взыскиваются при окончаніи срока сдѣлки, а не впередъ, какъ это установлено для операціи ссудъ подъ крестьянскіе участки; самый размѣръ процентовъ, платимыхъ по дворянскимъ операціямъ, бываетъ вовсе несоразмѣренъ съ процентами, платимыми Кассой по ея обязательствамъ, такъ какъ нельзя признать правильнымъ назначеніе по ссудамъ 6—6½ и даже 7%, когда сама Касса должна платить по ея металлическому займу одного ажіо отъ 50 до 90%, что при 4%, платимыхъ ею по означенному займу, даетъ отъ 6 до 7,60% или когда, напримѣръ, Ссудная Касса взимаетъ съ Товарищества Ревельскаго завода для очистки спирта 4%, тогда какъ сама платитъ не меньше 5%. г) Такой же чисто дворянскій характеръ носитъ и счетъ Ссудной Кассы по ссудамъ *подъ залогъ процентныхъ бумагъ и ссуды подъ купленныя ингроссированныя обязательства.* Ссудами по означеннымъ счетамъ пользовался лишь извѣстный, ограниченный контингентъ лицъ, почти исключительно дворянскаго происхожденія, который изъ года въ годъ и отъ одного срока до другаго отсрочивалъ свои ссуды, внося одни лишь проценты; отсрочки производились или на всю сумму ссуды, или же съ погашеніемъ нѣкоторой части; помимо отсрочки бывали случаи и передачи.

Послѣ всего сказаннаго выше возможно ли отрицать, что Ссудная Касса предназначалась служить и въ дѣйствительности служила интересамъ дворянъ. Къ этому убѣжденію приводитъ еще слѣдующее явленіе: съ 1875 года, когда открыло свои дѣйствія Ревельское Отдѣленіе Государственнаго Банка, итоги суммъ затраченныхъ на дворянскія операціи изъ года въ годъ неуклонно уменьшаются. Это явленіе свидѣтельствуетъ о томъ, во-первыхъ, что услугами Ссудной Кассы пользовались, какъ учрежденія краткосрочнаго кредита и, во-вторыхъ, еще то, что, по мѣрѣ ознакомленія кліентовъ Ссудной Кассы съ условіями кредита въ Государственномъ Банкѣ, многіе изъ нихъ постепенно разсчитались съ Ссудною Кассой и обратились къ кредиту Государственнаго Банка чрезъ его мѣстное отдѣленіе.

Оговорки, дѣлаемыя въ отчетахъ Банка, также свидѣтельствуютъ, что съ самаго основанія Ссудной Кассы свободныя ея средства были помѣщены большею частью въ ломбардныхъ сдѣлкахъ, что на этихъ сдѣлкахъ сосредоточивалась дѣятельность Кассы, и что дѣятельность Ссудной Кассы, какъ посредницы при продажѣ крестьянскихъ участковъ, имѣла незначительное увеличеніе (от-

четъ за 1868 годъ) и до послѣдняго времени главное вниманіе ея правленія было обращено не столько на земельныя операціи, сколько на удовлетвореніе потребности въ деньгахъ со стороны дворянъ (отчеты за 1866—1868 года).

Самый уставъ Ссудной Кассы отдаетъ все ея дѣло въ руки дворянъ, которымъ § 44 предоставляется, въ концѣ-концовъ, распорядиться и резервнымъ фондомъ Ссудной Кассы, въ образованіи котораго, на основаніи правилъ Кассы, должны принимать участіе почти исключительно крестьяне и за который, еслибы таковый былъ, какъ за капиталъ неприкосновенный, должны отвѣчать въ теченіе всего существованія Ссудной Кассы своими участками крестьяне.

VI.

Изъ всего изложеннаго видно, что Банкъ состоитъ въ безусловной нравственной зависимости отъ эстляндскаго дворянства, хотя послѣднее, по объясненіямъ Правленія, по предмету позаимствованій въ Банкѣ и прочихъ распоряженій, касающихся Банка, всегда дѣлаетъ постановленія по предварительномъ обсужденіи условій съ предсѣдателемъ Правленія и по соглашеніи съ послѣднимъ; въ дѣйствительности же, какъ надо полагать, таковыя обсужденія и соглашенія составляютъ лишь одну формальность, такъ какъ трудно допустить, чтобы при желаніи и намѣреніи дворянства сдѣлать въ Банкѣ позаимствованіе на тѣхъ или другихъ условіяхъ, несогласныхъ съ требованіями устава или же противорѣчащихъ ему, таковыя желанія и намѣренія дворянъ когда-либо могли быть для Правленія необязательными. Да вообще случаи, чтобы Правленіе противъ опредѣленій дворянства когда-либо протестовало, или серьезно возражало, совершенно неизвѣстны. Хотя въ числѣ же постановленій дворянства о займахъ изъ Банка большая часть (напримѣръ, всѣ постановленія о выдачѣ ссудъ безъ обезпеченія, подъ одну гарантію дворянства, а равно и постановленія Дворянскаго Комитета отъ 16 марта 1886 года о выдачѣ Товариществу Ревельскаго завода для очистки спирта ссуды въ 300.000 руб. также безъ обезпеченія), какъ несогласныя съ постановленіями устава 1802 года и правилами 1869 года, неправильны и незаконны, Правленіе Банка тѣмъ не менѣе всегда приводило ихъ въ дѣйствіе.

Очевиднымъ доказательствомъ безотвѣтной зависимости Банка

отъ дворянства можетъ служить, не говоря уже о заключеніи самаго займа въ 1.000.000 руб. для Ссудной Кассы, и обязательство дѣла объ уплатѣ Мандельштамму 20.000 руб. изъ той же Кассы.

По заключеніи въ 1864 году займа у Миллера и К° въ 1.000.000 рублей для Ссудной Кассы, когда Мандельштаммъ въ 1865 году предъявилъ къ дворянству требованіе объ уплатѣ ему провизіонныхъ съ этого займа денегъ, а третейскій судъ, которому эстляндское дворянство подчинилось и который безапелляціонно призналъ дворянство обязаннымъ уплатить Мандельштамму 2% съ состоявшагося при его посредствѣ займа въ одинъ мил. руб., то-есть 20.000 руб., Дворянскій Комитетъ уполномочилъ предводителя дворянства произвесть изъ средствъ Ссудной Кассы платежъ Мандельштамму 20.000 руб., которые ему тогда же въ 1866 году уплачены предводителемъ дворянства изъ средствъ этой Кассы.

VII.

Зависимость Банка отъ дворянства проявилась особенно рельефно въ дѣлѣ займа въ одинъ милліонъ р. с., сдѣланнаго въ 1864 г. для Ссудной Кассы въ С.-Петербургѣ у торговаго дома Миллера и К° подъ одною общею гарантіей дворянства. Онъ сдѣланъ однимъ дворянствомъ за счетъ Ссудной Кассы безъ участія Банка, который въ этомъ дѣлѣ игралъ лишь пассивную роль и только установлялъ подробности выпуска закладныхъ листовъ, назначенныхъ къ выпуску на эту сумму.

Совершенная особенность этого займа выражается и въ томъ, что онъ заключенъ въ 1864 году за счетъ Ссудной Кассы на одинъ милліонъ р. метал. съ спеціальною будто бы цѣлью выдавать ссуды помѣщикамъ наличными деньгами въ кредитныхъ рубляхъ подъ земскія облигаціи Ссудной Кассы, тогда какъ къ 30 ноября 1888 г., то-есть чрезъ 28 лѣтъ, такихъ ссудъ было выдано на сумму лишь съ небольшимъ 200.000 руб. сер. и оставалось только на 58.000. Остальная же часть этого займа помѣщена Ссудною Кассой на текущій счетъ въ Кредитной Кассѣ и въ разныя другія неразрѣшенныя активныя операціи, приносящія доходъ меньшій противъ % и погашенія, оплачиваемыхъ по этому займу, считая причитающіеся по нимъ платежи въ кредитныхъ рубляхъ. Кромѣ того, заемъ этотъ *сдѣланъ на метал-*

лическую валюту не за границей, а въ С.-Петербургѣ у банкира Миллера. Вообще условія, сопровождавшія заемъ 1864 г., настолько темны и необъяснимы обыкновеннымъ путемъ, что нельзя не искать ихъ смысла въ направленіяхъ не нормальныхъ, не поддающихся, конечно, въ настоящее время точному изслѣдованію. Нѣкоторыми, однако, указаніями характера этого займа служатъ слѣдующіе факты:

а) Заемъ былъ заключенъ для Ссудной Кассы въ одинъ милліонъ р. металлическихъ, когда эта послѣдняя вовсе не нуждалась въ займѣ такого размѣра вообще, а въ металлическомъ въ особенности.

б) Будучи заключенъ не за границей, а въ С.-Петербургѣ у Миллера изъ 10% коммиссіонныхъ, онъ обошелся въ дѣйствительности въ 29,62%, такъ какъ, помимо сказанныхъ 10%, уплачено по этому займу еще 20.000 р., и поступленіе его записано по книгамъ Кассы въ валютѣ кредитной безъ разсчета по курсу, который въ то время стоялъ для кредитныхъ рублей на 17,62% ниже металлическихъ.

в) *Выгодами курса по этому займу для Ссудной Кассы Банкъ въ 1864 г. не воспользовался.*

Доказательствомъ того, что заемъ этотъ былъ далеко не безупреченъ и очень невыгоденъ для Банка, можетъ служить слѣдующее:

Заемъ былъ заключенъ въ одинъ милліонъ руб. серебряною монетой по 90% съ номинальной цѣны и потому Ссудная Касса должна была бы получить 900.000 р. серебряною монетой или кредитными билетами по курсу, стоявшему въ то время на серебро. Между тѣмъ изъ записей, которыя находятся въ книгахъ Ссудной Кассы, видно, что она занесла въ пассивъ своего баланса по счету закладныхъ листовъ Ссудной Кассы всего одинъ милліонъ рублей, а въ активѣ своего баланса открыла особый счетъ, „счетъ преміи", на который и были отнесены 100.000 р. разности между номинальною суммой всего выпуска и суммой, которую Ссудная Касса должна была бы получить, еслибы платежъ ей былъ произведенъ звонкою монетой; но вмѣстѣ съ этимъ не видно, чтобы въ уплату означенныхъ 900.000 руб. дѣйствительно поступала звонкая монета, равно какъ не видно, чтобы заносилось на прибыль Ссудной Кассы ажіо, которое должно было бы поступить въ уплату разности курса, какъ въ томъ случаѣ, еслибы Ссудная Касса получила звонкую монету и по-

томъ ее реализировала, такъ и въ томъ случаѣ, еслибы она получила означенные 900.000 р. крелитными по курсу на серебро. Поэтому необходимо придти къ заключенію, что Ссудная Касса вмѣсто 900.000 руб. металлическихъ по своему займу получила 880.000 рублей кредитныхъ. Проценты по 4% съ одного милліона р. с. металлическихъ при ажіо въ 24,61%, которые Банкъ приплатилъ за первый годъ существованія Ссудной Кассы, составляютъ съ суммы 880.000 руб. кредитными дѣйствительно полученныхъ Банкомъ не 4%, а 5,66%.

Далѣе, судя по означеннымъ выше даннымъ, слѣдуетъ принять одно изъ двухъ предположеній: или 1) что Ссудная Касса не дополучила и потому не занесла по своимъ книгамъ приблизительно 246.100 руб. кредитными, или же 2) что этотъ заемъ былъ реализованъ не по 90%, а по проценту гораздо низшему— приблизительно 70,62%.

VIII.

Не только непосредственно дворянамъ и дворянству оказываетъ Банкъ самое существенное содѣйствіе, но и всякаго рода установленіямъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ дворянствомъ и могущимъ назваться дворянскими учрежденіями. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести: *Общество взаимнаго отъ огня страхованія строеній, находящихся внѣ городовъ Эстляндской губерніи.*

Это Общество образовалось для пользъ и нуждъ помѣщиковъ, то-есть того же дворянства; уставъ этого Общества высшимъ правительствомъ не утвержденъ, какъ бы это слѣдовало, а утвержденіе его послѣдовало 2 августа 1852 года со стороны одного Губернскаго Правленія.

Общество это помѣщается въ одномъ зданіи съ Банкомъ, составляетъ „de facto“ одно изъ его отдѣленій; личный составъ правленія Общества и Банка одинъ и тотъ же, суммы общества (болѣе 300.000 р. с.), не имѣющаго своего безопаснаго помѣщенія, хранятся и обращаются въ кассѣ Банка (безъ записки по книгамъ), который за счетъ Общества взимаетъ страховыя преміи, а равно вноситъ на текущій счетъ Общества всѣ поступленія, причитающіяся на долю послѣдняго, платя ему по текущему счету возвышенный размѣръ процента.

Когда это нужно, Банкъ обмѣниваетъ у Общества однѣ про-

центныя бумаги на другія и распоряжается его дѣлами и его достояніемъ, какъ своимъ собственнымъ. Свою связь съ этимъ Обществомъ Банкъ закрѣпилъ еще болѣе и тѣмъ именно, что при существованіи въ Эстляндской губерніи взаимнаго губернскаго страхованія, Банкъ, для поддержанія упомянутаго незаконно существующаго частнаго Общества, въ § 120 своихъ правилъ включилъ обязательство, что владѣльцы поземельныхъ и крестьянскихъ участковъ, желающіе получить ссуду изъ Банка, обязаны застраховать свои жилые дома и другія, находящіяся на ихъ участкахъ, строенія въ этомъ Обществѣ. Такая обязанность застраховывать въ этомъ Обществѣ строенія, находящіяся въ имѣніяхъ, закладываемыхъ въ Банкѣ, объясняется общностью интересовъ членовъ Банка и Общества, то-есть дворянъ-владѣльцевъ вотчинъ, которые, какъ члены Общества, непосредственно заинтересованы въ застрахованіи своихъ строеній именно въ этомъ Обществѣ.

Губернское начальство въ былые годы, радѣя исключительно въ интересахъ дворянства, не только утвердило съ превышеніемъ власти въ 1852 году уставъ означеннаго дворянскаго страховаго общества, но утвердило также въ 1869 году и означенный § 120 правилъ Банка 1869 года, забывъ при этомъ, что такое обязательное страхованіе строеній въ частномъ дворянскомъ страховомъ обществѣ, не утвержденномъ притомъ въ установленномъ порядкѣ, наноситъ прямой и непосредственный ущербъ правительственному взаимному губернскому страхованію, которое именно ввѣрено заботамъ и попеченію губернскаго начальства, но о процвѣтаніи котораго оно не заботилось.

Поэтому частное страховое общество при денежной поддержкѣ Банка, при содѣйствіи своихъ членовъ помѣщиковъ-дворянъ, обязывающихъ и крестьянъ-арендаторовъ застраховывать свои строенія въ этомъ Обществѣ, и при содѣйствіи бывшаго Губернскаго Начальства, оказавшаго этому Обществу существеннѣйшую поддержку, процвѣтаетъ и имѣетъ около половины милліона капитала, тогда какъ правительственное губернское страхованіе прозябаетъ съ незначительными оборотами.

IX.

Замѣчаемая грубость систематическихъ нарушеній Банкомъ самыхъ элементарныхъ правилъ, казалось бы, коммерческаго разсчета, какъ по пріему обезпеченій по активнымъ операціямъ,

такъ и по обязательствамъ, выдававшимся ими отъ себя, по операціямъ пассивнымъ, какъ равно полное неуваженіе къ Положеніямъ, которыми Банкъ долженъ былъ руководствоваться, а также къ распоряженіямъ высшаго правительства при извѣстной умѣлости вести свои дѣла вообще, а въ особенности коммерческія, не могутъ не свидѣтельствовать, что настоящее печальное положеніе Банка и притомъ почти послѣ вѣковой дѣятельности не должно быть случайное. Оно несомнѣнно находится въ связи съ какимъ-либо особымъ разсчетомъ Банка, при которомъ его, по виду, вполнѣ не коммерческія дѣйствія предоставляли ему въ дѣйствительности выгоды гораздо большія, нежели потери, которыя онъ могъ бы понести въ случаѣ привлеченія членовъ къ отвѣтственности по общей гарантіи.

Существованіе такого разсчета становится очевиднымъ, коль скоро смотрѣть на Банкъ какъ на учрежденіе не кредитное, *а политическое.* Возможность такой точки зрѣнія обусловливается тѣмъ, что выдача ссудъ не членамъ Гарантирующаго Общества, пріемъ въ обезпеченіе ссудъ—ручательства дворянства, векселей съ одною подписью и даже бланковыхъ (безъ текста), частныхъ закладныхъ и договоровъ о продажѣ земель, веденіе разныхъ замаскированныхъ операцій, взиманіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ процентовъ по ссудамъ, въ размѣрѣ, не оправдывающемся условіями ссудъ, и даже подложность въ дѣлѣ выпуска и помѣщенія залоговыхъ облигацій, — все это представляетъ разные виды безусловнаго служенія Банка исключительно интересамъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Разсматривая Банкъ какъ учрежденіе политическое, нельзя не признать, что дѣйствія его дали блестящіе результаты даже въ томъ случаѣ, еслибы членамъ Общества пришлось поплатиться по общей гарантіи. А именно: не только члены Общества, т.-е. мѣстные землевладѣльцы, но и всѣ покровительствуемыя ими учрежденія: сословныя, общественныя, церковныя и промышленныя пользовались все время существованія Банка болѣе легкимъ, удобнымъ, дешевымъ и разновиднымъ кредитомъ, нежели землевладѣльцы другихъ частей Имперіи и притомъ какъ бы безсрочнымъ и даже диференціальнымъ.

Затѣмъ такъ какъ къ Эстляндской губерніи не примѣнено положеніе о выкупѣ, какъ въ другихъ частяхъ Имперіи, то землевладѣльцы имѣютъ возможность продолжать и послѣ шестидесятыхъ годовъ продавать и предоставлять въ пользованіе крестьянскія земли собственно не крестьянству, а лишь нѣкото-

11*

рымъ изъ крестьянъ, на совершенно произвольныхъ условіяхъ, эксплуатируя при этомъ капиталъ, предоставляемый не только крестьянскою землей, но и крестьянскимъ трудамъ, и создавъ такимъ образомъ полнѣйшую отъ себя экономическую зависимость крестьянскаго населенія. Наконецъ, идя къ обезземеленію болѣе 70% крестьянскаго населенія, землевладѣльцы создали себѣ вполнѣ дешеваго работника, чуть не раба, рядомъ съ возможностью имѣть собственно для себя самый легкій, удобный и дешевый кредитъ при всевозможныхъ случаяхъ. Какое же значеніе можетъ имѣть привлеченіе членовъ Общества къ отвѣтственности по общей гарантіи, еслибы это случилось, по сравненіи съ выгодами, получавшимися ими отъ Банка почти полный вѣкъ и только благодаря политикѣ, которой онъ слѣдовалъ?

X.

Балты вообще кичатся своею высшею будто бы въ сравненіи съ русскою культурой, своею примѣрною лойяльностью и пуританскою честностью.

Насколько въ образѣ дѣйствій Эстляндскаго Частнаго Дворянскаго Банка за время его почти вѣковаго существованія оправдались означенныя похвальныя качества и насколько дѣйствія Банка были безупречны, благовидны, правильны, сообразны съ взглядами и стремленіями правительства, каковы были усилія Банка подчиниться закону и распоряженіямъ подлежащихъ правительственныхъ властей предоставляемъ судить самимъ читателямъ по указаннымъ даннымъ о дѣятельности Банка. Скажемъ только, что въ Эстляндскомъ Дворянскомъ Банкѣ, находящемся съ самаго своего основанія и до нынѣ исключительно въ рукахъ Балтовъ, не обошлось безъ хищеній и злоупотребленій, подобныхъ тѣмъ, какія были и въ прочихъ городскихъ, сословныхъ, земскихъ и частныхъ русскихъ кредитныхъ установленіяхъ внутреннихъ губерній.

До настоящаго времени обнаружены и дошли до свѣдѣнія правительства два случая хищенія въ Банкѣ, причемъ изъ дѣла о хищеніи, произведенномъ бывшимъ кассиромъ Банка, уѣзднымъ депутатомъ Адамомъ фонъ-Р—емъ, проявилось съ одной стороны обычное стремленіе Банка, не давая огласки, кончить дѣло келейно, безъ вмѣшательства правительства, а съ другой

стороны—полное безучастіе мѣстнаго губернскаго начальства къ дѣламъ Банка, даже и уголовнаго свойства.

Такъ, когда 2 марта 1874 года Р—ель кончилъ жизнь свою самоубійствомъ вслѣдствіе банкротства и произведенной имъ растраты въ Банкѣ, то бывшій эстляндскій губернаторъ, донося о самоубійствѣ Р—ля генералъ-губернатору въ представленіи отъ 11 марта 1874 года № 548, присовокупляетъ, что смерть Р—ля *связываютъ* съ растратой денегъ въ Банкѣ, что размѣры этой растраты въ точности не опредѣлены, но *по слухамъ* простираются на значительную сумму,—нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Хотя такимъ образомъ губернаторъ имѣлъ въ виду упорные слухи о растратѣ въ Банкѣ, но не только не возбудилъ дѣла о привлеченіи къ отвѣтственности лицъ, надзиравшихъ за Р—лемъ, что, вслѣдствіе состоянія Банка въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, казалось бы прямо входило въ кругъ его обязанностей, но даже не поинтересовался спросить Банкъ — дѣйствительно ли въ немъ обнаружена растрата. Съ своей стороны Банкъ тщательно скрывалъ отъ правительства произведенную Р—лемъ растрату въ 64.719 рублей 67 коп., подъ рукой принимая мѣры къ пополненію растраты, а въ концѣ-концовъ, когда изъ имущества Р—ля оказалась возможность пополнить всего 18.201 руб. 10 коп., Банкъ остальную сумму растраты въ размѣрѣ 46.518 руб. 57 коп. списалъ со счетовъ своихъ прибылей 1877 года, не принявъ никакихъ мѣръ ко взысканію съ тѣхъ, кто обязанъ былъ наблюдать за Р—лемъ.

Вторая растрата произошла въ 1860 годахъ и дошла до свѣдѣнія правительства, причемъ бывшій бухгалтеръ и секретарь нынѣ уже упраздненной Депозитной Кассы, отставной подпоручикъ баронъ фонъ-Ш—ель привлеченъ былъ къ уголовной отвѣтственности и по Высочайше утвержденному 3 декабря 1868 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, утвердившаго рѣшеніе 5 Департамента Правительствующаго Сената, приговоренъ былъ за полученіе денегъ изъ Эстляндской Кредитной Кассы, посредствомъ предъявленія къ выкупу подложныхъ билетовъ Депозитной Кассы, за злонамѣренныя подчистки и поправки въ веденныхъ имъ книгахъ этой Кассы для сокрытія своихъ преступленій и за присвоеніе цѣнности двухъ билетовъ Депозитной Кассы на сумму 101 руб. сер. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, медалей въ память войны 1853—1856 гг. и къ ссылкѣ на поселеніе въ от-

даленнѣйшія мѣста Сибири, со взысканіемъ съ его имущества въ пользу Эстляндской Кредитной Кассы 8.203 рубля 58 коп. Сумма эта пополнена его сыномъ въ 1872 году.

XI.

Для характеристики Банка можно указать, что онъ былъ очень великодушенъ къ кредиторамъ упомянутаго хищника Р—ля, и когда одинъ изъ такихъ кредиторовъ Миллеръ и К° обратился къ Банку съ требованіемъ уплаты 10.000 руб. сер. убытку, причиненнаго имъ будто бы означеннымъ бывшимъ кассиромъ Банка, то Гарантирующее Общество въ 1875 году уплатило Миллеру и К° эти 10.000 руб., хотя предъ тѣмъ, стоя на точкѣ зрѣнія права, оба правленія Банка неоднократно отказывали въ удовлетвореніи претензіи Миллера и К°.

Не столь благосклоненъ былъ Банкъ къ претензіямъ казны и очень часто создавалъ препятствія къ удовлетворенію требованій правительства. Такъ напримѣръ, Банкъ и понынѣ принимаетъ вклады на текущій счетъ, хотя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ еще въ 1873 году разъяснило, что Банку не разрѣшено открывать текущихъ счетовъ и несмотря на то, что правительственные органы власти напоминали Банку съ 1889 года о прекращеніи пріема вкладовъ на текущій счетъ. Точно также Банкъ ничего не предпринялъ по замѣчанію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1865 года о несоотвѣтствіи § 16 и 20 Устава Ссудной Кассы уставу 1802 года и продолжаетъ выпускать земскія облигаціи по Ссудной Кассѣ на условіяхъ и основаніяхъ, противныхъ этому уставу 1802 года.

Очень часто Банкъ не признаетъ возможность исполнять предписанія закона и распоряженія правительства объ уплатѣ въ казну разнаго рода сборовъ (напримѣръ, 5% и гербоваго и пр.) вслѣдствіе чего послѣдніе годы происходила оживленная и многосторонняя переписка между правительственными учрежденіями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Министерства Финансовъ и Банкомъ, дабы принудить Банкъ внести въ казну все, что съ него слѣдуетъ, и впредь не уклоняться отъ своевременнаго взноса казенныхъ сборовъ. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить то, что Казенная Палата заставила въ 1891 году Банкъ уплатить болѣе 1.900 руб. 5% сбора за бумаги Банка, находившіяся

въ его портфелѣ. Какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и вообще (напримѣръ, въ дѣлѣ утвержденія отчетности Банка, представленія губернатору всѣхъ постановленій Гарантирующаго Общества и Кредитнаго Конвента и пр.) Банкъ постоянно и упорно стремится дѣйствовать самостоятельно, не исполнять требованій мѣстнаго губернскаго начальства и всячески уклоняться отъ контроля правительства. Предсѣдатель же двухъ высшихъ органовъ Банка, предводитель дворянства въ отзывѣ своемъ губернатору отъ 25 февраля 1889 года № 112 силился доказать тотъ вредъ для Банка, который можетъ произойти, еслибы постановленія Правленія Банка сдѣлались извѣстны правительству немедленно послѣ того, какъ состоятся, и еслибы Губернское Правленіе дѣйствительно сдѣлалось бы контролирующею надъ Банкомъ инстанціей!!

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ мѣропріятій, требовавшія утвержденія правительства, были не только приняты самовластно Банкомъ, но даже и младшимъ органомъ его—правленіемъ, который не испросилъ на то разрѣшенія главнаго начальства Банка. Для примѣра можно указать на операцію текущихъ счетовъ и отдачу въ наемъ новыхъ купонныхъ залоговыхъ облигацій, что было установлено въ 1869 и 1885 годахъ властью одного Правленія Банка.

XII.

О дѣятельности Банка по чисто финансовой части, какъ о дѣлѣ вполнѣ спеціальномъ, приходится сказать немного. Эта сторона дѣятельности Банка столь интересна, своеобразна и разностороння, что ей стóитъ посвятить особую большую статью въ спеціально финансовомъ органѣ печати, изложивъ обстоятельно всѣ операціи Банка. Здѣсь, дабы не утомлять читателей цифрами, выкладками, исчисленіями и подробностями всякаго рода финансовыхъ махинацій, ухищреній и изворотовъ, обхода закона и прямаго его нарушенія, скажемъ объ операціяхъ Банка вкратцѣ, преимущественно то, въ чемъ можно убѣдиться изъ печатающихся годичныхъ и трехъгодичныхъ отчетовъ Банка, [1] и что болѣе или менѣе можетъ интересовать въ банковомъ дѣлѣ образованныхъ лицъ, не-спеціалистовъ по части финансовъ.

[1] См., напримѣръ, отчеты за 1890—1891 г. въ *Эстл. Губ. Вѣд.* № 1 за 1891 г. и №№ 1 и 6 за 1892 годъ.

Среди операцій Банка есть такія, которыя сами по себѣ не только лишены коммерческаго смысла, но какъ бы подложны. Къ операціямъ, дѣйствительное положеніе которыхъ балансы Банка не выражаютъ и производство которыхъ не оправдывается коммерческимъ разумомъ, слѣдуетъ признать тѣ изъ операцій, разрѣшенныхъ уставомъ 1802 года и правилами 1864 и 1869 годовъ, которыя, значась по балансамъ Банка произведенными на извѣстную сумму, въ дѣйствительности произведены на суммы большія или обезпечиваются залогами, цѣнности которыхъ менѣе выданныхъ ссудъ, или цѣнностями не отвѣчающими требованіямъ помянутыхъ устава и правилъ, а также операціи, которыя, будучи вовсе не разрѣшенными, тѣмъ самымъ не обезпечиваются ни частными, ни общею гарантіями членовъ Общества, или при этомъ обезпечены недостаточно прочными залогами. Лишенными коммерческаго разума нельзя не признать операціи, совершаемыя: изъ *активныхъ*—за процентъ меньшій противъ цѣны, въ которую обходится капиталъ или, которыя, будучи менѣе обезпеченными, оплачиваются должниками Банка процентомъ меньшимъ, нежели по ссудамъ болѣе обезпеченнымъ, или производимыя въ подрывъ наличности кассы, необходимой для правильнаго выполненія пассивныхъ операцій. *По пассиву* же должны считаться не оправдывающимися коммерческимъ смысломъ тѣ изъ операцій, которыя совершены безъ особой въ нихъ надобности на очевидно невыгодныхъ условіяхъ, а также которыя заключены на сроки, несогласованные со сроками, въ которые наличность денежныхъ средствъ Банка даетъ возможность выполнять эти обязательства и тѣмъ самымъ вызываютъ необходимость *расширенія пассивныхъ операцій собственно вслѣдствіе такого несоглашенія*. Что же касается подложности, то ее нельзя не усмотрѣть въ операціи по выпуску особыхъ *залоговыхъ облигацій* на сумму свыше 700.000 р. с. для представленія въ залогъ, которая по существу своему является выпускомъ въ обращеніе, по соглашенію двухъ заинтересованныхъ сторонъ въ ущербъ третьей (казнѣ), какъ бы надлежащаго достоинства процентныхъ бумагъ, тогда какъ выпущенныя бумаги въ дѣйствительности безденежны, безпроцентны и не обезпечены.

Хотя Банкъ по уставу своему есть исключительно земельный банкъ, однако размѣръ операцій по ссудамъ подъ земли за послѣдніе годы возросталъ ежегодно среднимъ числомъ по Кредитной Кассѣ на 282.852 руб. и по Ссудной на 834 руб., что со-

ставляетъ по первой 1,7%, а по второй 0,4% всѣхъ выданныхъ земельныхъ ссудъ, тогда какъ ссуды не ипотечныя, подъ разныя обезпеченія, возрастали за то же время ежегодно слишкомъ на 2%. Такое ничтожное развитіе ссудъ подъ земли и связанныхъ съ ними операцій, не только вообще, но и въ сравненіи съ производимыми Банкомъ операціями коммерческими, показываетъ, что въ Эстляндской губерніи спросъ на кредитъ подъ владѣльческія земли насыщенъ, а подъ земли крестьянскія практикуется въ крайне ничтожномъ размѣрѣ.

Неземельныя активныя операціи Банка, не имѣющаго къ тому же вовсе основнаго капитала, какъ по существу своему, такъ и по размѣрамъ ихъ, отнюдь не находятся въ должномъ соотвѣтствіи съ его оборотными средствами, и не отвѣчаютъ вообще положеніямъ, которыми Банкъ долженъ руководствоваться. Задолженность Банка составляла въ кредитной валютѣ свыше 22½ мил. руб., которой соотвѣтствовалъ *активъ* до 21 мил., *не покрывающій такимъ образомъ пассива* на суммы свыше 1½ мил. Эта сумма составляетъ курсовую разницу по обязательствамъ, выполняемымъ Банкомъ по разсчету на металлическіе рубли, который не принимался ихъ въ соображеніе при наложеніи ипотекъ на имѣнія и вообще при пріемѣ обезпеченій по ссудамъ, выдававшимся на счетъ капиталовъ, полученныхъ отъ металлическихъ займовъ.

Выпущенныя процентныя бумаги и другіе долги, связанные съ выпускомъ бумагъ, обезпечены ипотеками не исключительно первой степени, остающимися въ силѣ изъ ипотекъ, наложенныхъ на имѣнія, подъ которыя выданы ссуды и открыты дополнительные кредиты. Ипотекъ такого рода имѣлось на 15½ милл. руб., которыми не покрывается сказанная задолженность на 2½ милліона рублей. [1] Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ 488 имѣній, обезпечиваю-

---

[1] Нѣкоторые спеціалисты увѣряютъ, что вслѣдствіе того, что процентныя бумаги Кредитной Кассы не расписаны на проданные крестьянскіе участки, составляющіе самостоятельныя единицы недвижимостей и чрезъ то не обезпечены частною на этихъ участкахъ ипотекой, и такъ какъ на сумму болѣе 1 милл. р. с. такъ-называемаго возрастающаго фонда (то-есть капитала образовавшагося отъ процентныхъ взносовъ на частичную уплату ссудъ подъ недвижимости) долги по ссудамъ вмѣстѣ съ отвѣтственностью имѣній въ качествѣ первой ипотеки уменьшаются, то необезпеченныхъ процентныхъ бумагъ Банка (по Кредитной его Кассѣ) частною ипотекой (то-есть первою закладной) окажется на сумму болѣе 5 милл. руб. с.

щихъ процентныя бумаги, 100 имѣній приступили къ гарантіи послѣ 1802 года и 10 имѣній вовсе къ ней не приступали. По уставу же 1802 г. гл. 1, § 3 п. д. и гл. 2 примѣч. къ § 2, обезпеченіемъ процентныхъ бумагъ должны служить имѣнія, принадлежащія помѣщикамъ, *„кои при самомъ учрежденіи Банка приступили къ общей гарантіи“*. Хотя непокрываемая, какъ выше сказано, ипотеками задолженность по процентнымъ бумагамъ обезпечивается общею гарантіей членовъ Общества, но такое обезпеченіе составляетъ прямое нарушеніе, какъ устава 1802 года, такъ и правилъ 1864 и 1869 гг., по которымъ процентныя бумаги, за исключеніемъ закладныхъ листовъ Ссудной Кассы, должны быть безусловно ипотечными. Кромѣ того, общая гарантія членовъ Общества, не будучи обезпеченною ипотеками, не можетъ служить сколько-нибудь серьезнымъ обезпеченіемъ вообще, а въ особенности операцій эммисіонныхъ и вкладныхъ, а тѣмъ болѣе въ кредитныхъ учрежденіяхъ, не имѣющихъ собственныхъ капиталовъ. При значительномъ же участіи, принимаемомъ землевладѣльцами Эстляндской губерніи въ мѣстной промышленности всякаго рода, вслѣдствіе котораго многія изъ имѣній обременены вторыми и третьими ипотеками и частными неипотечными долгами, общая гарантія легко можетъ вовсе не представлять какой-либо цѣнности.

Кромѣ объясненной неипотечности процентныхъ бумагъ Кредитной Кассы, эмиссіонная операція ея не можетъ быть признана веденною правильно въ томъ отношеніи, что въ числѣ выпущенныхъ этою Кассой процентныхъ бумагъ имѣется на сумму почти 5 милл. облигацій, *подлежащихъ оплатѣ чрезъ шесть мѣсяцевъ по предъявленіи, тогда какъ Касса не располагаетъ вовсе оборотными средствами, при которыхъ выполненіе такого рода обязательствъ было бы ей посильно, безъ заключенія новыхъ займовъ*. Такія условія обращеній процентныхъ бумагъ Кредитной Кассы имѣютъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что ея процентныя бумаги и въ числѣ краткосрочныя, считаясь обязательно ипотечными, принимаются залогами *рубль за рубль при разсчетахъ съ казной по разсрочкѣ акциза за вино*.

Изъ спеціальныхъ и простыхъ процентныхъ вкладовъ принятыхъ Банкомъ вклады на сумму до 1 милліона руб. обезпечиваются одною общею гарантіей и то только *по небезспорнымъ правиламъ 1864 и 1869 годовъ*. Сверхъ такой условной прочности этой части вкладовъ пріемъ ихъ имѣетъ и другую слабую сторону. Она

состоитъ въ томъ, что Банкъ, не располагая вовсе оборотными средствами, не можетъ не затрудняться ихъ возвратомъ по предъявленіи. Если же Банкъ въ этомъ отношеніи до настоящаго времени изворачивался, то это объясняется исключительно для Кредитной Кассы возможностью безконтрольнаго выпуска процентныхъ бумагъ розничною ихъ продажей, не соразмѣряя такихъ выпусковъ съ размѣромъ ссудъ подъ земля. Ссудная же Касса находила исходъ въ неизрасходованномъ ею до настоящаго времени займѣ 1864 года.

На текущій счетъ принято всего почти 890.000 рублей, которые ничѣмъ не обезпечены, такъ какъ пріемъ суммъ на этотъ счетъ не только не предусмотрѣнъ уставомъ 1802 года и правилами 1869 года, но прямо воспрещенъ по разъясненіи Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 1873 года. Сказанное о несоотвѣтствіи оборотныхъ средствъ Кредитной Кассы обязательствамъ, принятымъ ею на себя по вкладамъ, относится вполнѣ и къ суммамъ, принятымъ ею на текущій счетъ. Задолженность Банка по суммамъ, принятымъ имъ на текущій счетъ, которая могла бы обезпечиваться только свободнымъ активомъ, слѣдуетъ признать вовсе необезпеченною, такъ какъ не только нельзя разсчитывать на такой активъ, но всего актива не хватаетъ на покрытіе пассива. Къ тому же члены Общества не могутъ быть привлечены за эти суммы къ отвѣтственности по общей гарантіи, какъ за суммы, являющіяся выраженіемъ операцій неразрѣшенныхъ.

Собственныхъ капиталовъ исчисляетъ Банкъ около 1 милліона, которые ничѣмъ не обезпечены, такъ какъ активъ Банка не покрываетъ ихъ пассива и самые капиталы, находящіеся преимущественно въ операціяхъ, выражаются частью находящимися въ портфелѣ Кредитной Кассы въ ея процентныхъ бумагахъ, которыя никакой цѣнности не представляютъ.

Къ задолженности Кредитной Кассы нельзя не отнести не входящихъ въ ея балансы суммъ, принятыхъ ею *въ открытыхъ помѣщеніяхъ* на храненіе и распоряженіе за опредѣленное вознагражденіе; въ такихъ помѣщеніяхъ значилось принятыми около 3 милл. рублей (въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ процентныхъ бумагахъ на кредитную и металлическую валюту) и этого рода задолженность а также являющаяся послѣдствіемъ пріема *депозитовъ* обезпечивается только принятыми цѣнностями, насколько наличность ихъ соотвѣтствуетъ ихъ пріему отъ вклад-

чиковъ. Всякое же несоотвѣтствіе между первою и послѣдними не обезпечивается ничѣмъ.

При полномъ отсутствіи оборотныхъ средствъ въ наличныхъ деньгахъ и при отсутствіи свободныхъ ипотекъ, за которымъ новые выпуски процентныхъ бумагъ на продажу были бы прямо незаконны, Банкъ можетъ быть поставленъ въ безвыходное положеніе при всякомъ усиленномъ по какому-либо случаю требованіи вкладчиками вложенныхъ ими суммъ. Такое затрудненіе предвидится, между прочимъ, при наступившемъ нынѣ срокѣ выплаты Банкомъ слѣдующихъ графу Анатолію Буксгевдену денегъ по вкладу графа Буксгевдена. Эта выплата неминуема, и графъ еще въ 1889 году предъявилъ къ Банку искъ въ Ревельскомъ Окружномъ Судѣ на сумму болѣе 1 милліона рублей и если не выигралъ дѣла въ 1890 году, то только потому, что предъявилъ искъ преждевременно на два—три года.

Перевѣсъ пассива надъ активомъ и излишній выпускъ всѣхъ вообще процентныхъ бумагъ противъ суммы, на которую Банкъ располагаетъ ипотеками, наложенными на имѣнія, составляютъ послѣдствіе:

а) выпуска въ 1864 году на крайне тяжкихъ, по сравненіи съ другими займами, условіяхъ, металлическихъ закладныхъ билетовъ Ссудной Кассы на 1.000.000 рублей, въ которомъ не представлялось никакой надобности, и выгодами котораго воспользовались только лица, участвовавшія въ заключеніи этого займа;

б) веденіе безъ оборотнаго капитала неразрѣшенныхъ самостоятельныхъ активныхъ операцій, поглощавшихъ наличныя средства Банка, поступавшія на платежи по операціямъ разрѣшеннымъ, вслѣдствіе чего Банкъ вынужденъ былъ въ видахъ содержанія своихъ оборотныхъ средствъ въ размѣрахъ, вызывавшихся его родомъ дѣятельности, расширять свои эмиссіонныя операціи за предѣлы, указывавшіеся размѣромъ ипотекъ, находившихся въ его распоряженіи;

в) кредитованіе своихъ членовъ изъ процентовъ, не соотвѣтствовавшихъ цѣнѣ, по которымъ капиталы пріобрѣтались на ихъ совершеніе;

г) обезсиленіе кассы оставленіемъ на счету у нѣкоторыхъ изъ ея корреспондентовъ, преимущественнаго у мѣстнаго банкира Ш. и петербургскаго банкира А. и К°, и у Товарищества Ревельскаго завода для очистки спирта значительныхъ суммъ вовсе

безъ процентовъ, или изъ процентовъ низшихъ, противъ взимавшихся по ссудамъ.

и д) нетребованіе отъ своихъ дебиторовъ выполненія ими обязательствъ по краткосрочнымъ ссудамъ.

Что̀ же касается объясненія трудности настоящаго положенія Банка послѣдствіемъ будто бы дурнаго состоянія денежнаго курса, то оно вполнѣ несправедливо, такъ какъ Банкъ платилъ за трехлѣтіе 1885—1888 гг., самое трудное по состоянію курса, курсовой разницы, среднимъ числомъ въ годъ, всего только по 128.380 рублей кредитныхъ, тогда какъ предоставлявшіяся Банкомъ своимъ кліентамъ или корреспондентамъ суммы безъ процентовъ или по пониженному проценту, а такъ же процентъ по излишне выпущеннымъ ею на веденіе неразрѣшенныхъ операцій процентнымъ бумагамъ, какъ равно процентъ по металлическому займу для Ссудной Кассы, въ которомъ она совершенно не нуждалась, поглощали ежегодно суммы гораздо бо̀льшія, нежели приплаты по курсу.

Если направленіе Банка не измѣнится въ корнѣ, то нѣтъ основанія ожидать, чтобы дутость и необезпеченность его актива и пассива были устранены и, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ предупрежденъ кризисъ, который рано или поздно долженъ обрушиться на лицъ, довѣрившихъ Банку свои капиталы по вкладамъ и на текущій счетъ, или помѣстившихъ ихъ въ процентныя бумаги, выпускаемыя Банкомъ.

Но есть ли надежда, чтобы самъ Банкъ вошелъ въ законныя рамки своей дѣятельности, прекратилъ свой произвольный, несоотвѣтствующій закону образъ дѣйствій, и измѣнилъ свое направленіе, порвавъ свою связь съ мѣстными политикующими установленіями, и ставъ самостоятельнымъ учрежденіемъ чисто-финансоваго характера?

Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, и всякій истинно-русскій человѣкъ, близко-знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Эстляндіи, скажетъ, что даже и послѣ знаменательныхъ реформъ послѣднихъ лѣтъ на измѣненіе теперешняго направленія Банка нѣтъ никакой надежды. На это указываетъ и 90-лѣтнее его существованіе и характеръ его дѣятельности нынѣ за послѣдніе 3—4 года, когда правительство обратило серьезное вниманіе на

Банкъ и когда обнаружились всѣ нарушенія закона, имъ чинимыя. За это время Банкъ продолжалъ упорствовать въ прежнемъ своемъ направленіи, оставаясь глухъ ко всѣмъ замѣчаніямъ и требованіямъ правительственныхъ органовъ, и добровольно ни въ чемъ не измѣнилъ неправильнаго своего образа дѣйствій. Надѣяться на измѣненіе въ характерѣ дѣятельности Банка лишаетъ возможности и опытъ съ прежними подобно Банку дворянскими полицейскими и судебными учрежденіями, не могшими и не желавшими до послѣдняго своего издыханія подчиниться направленію правительственной политики за послѣдніе годы, чрезъ что сама сила вещей привела къ необходимости полнѣйшаго и всецѣлаго ихъ упраздненія.

Какъ и упраздненныя нынѣ мѣстныя дворянскія административныя и судебныя мѣста, Банкъ представляется отжившимъ учрежденіемъ. Обновить его уставъ, учредить надъ нимъ правительственный контроль и т. п. ни къ чему не поведетъ: онъ образовался, окрѣпъ и постоянно дѣйствовалъ при иномъ, чѣмъ нынѣ, строѣ мѣстной жизни въ Эстляндіи; онъ слишкомъ закоснѣлъ въ своихъ привычкахъ своевольнаго, безконтрольнаго, своекорыстнаго образа дѣйствій, взгляды его, пріемъ, формы и вообще установившійся порядокъ вещей совершенно обветшали и не соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, какія нынѣ предъявляются къ кредитнымъ установленіямъ. Банкъ такъ свыкся преслѣдовать одни только узкіе мѣстные интересы, что не можетъ, да и едва ли считаетъ это нужнымъ, возвыситься до пониманія болѣе обширныхъ государственныхъ цѣлей и потребностей.

Дальнѣйшее существованіе Эстляндскаго Частнаго Дворянскаго Заемнаго Банка, даже и въ преобразованномъ и обновленномъ видѣ, было бы лишь безцѣльнымъ и вреднымъ палліативомъ, имѣло бы значеніе оставленія въ рукахъ противоправительственныхъ элементовъ въ губерніи, матеріальныхъ средствъ для борьбы съ правительствомъ, такъ какъ въ качествѣ финансоваго учрежденія Банкъ былъ значительнымъ факторомъ въ явномъ и тайномъ, открытомъ и легальномъ сопротивленіи, оказываемымъ нѣмецкимъ элементамъ губерніи правительственнымъ мѣропріятіямъ послѣдняго времени, клонящимся къ объединенію Прибалтійской окраины съ остальною частью Имперіи.

Поэтому не оставлять казалось бы слѣдовало это кредитное установленіе, представляющееся нынѣ анахронизмомъ, а вовсе упразднить, предоставивъ ликвидацію дѣлъ Банка Государствен-

ному Банку и замѣнивъ его новымъ правительственнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, которое содѣйствовало бы осуществленію теперешней политики правительства.

Такимъ учрежденіемъ съ пользой явилось бы въ Эстляндской губерніи Отдѣленіе Крестьянскаго Поземельнаго Банка, при посредствѣ котораго правительство могло бы само подвинуть и направлять крестьянское землевладѣніе въ смыслѣ его расширенія. Для пользованія же земельнымъ кредитомъ помимо Крестьянскаго Земельнаго Банка въ виду мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ упраздненію всякой обособленности Эстляндской губерніи, было бы весьма полезно отнести Эстляндскую губернію, для пользованія кредитомъ земельнымъ, къ двумъ ближайшимъ земельнымъ банкамъ: С.-Петербургско-Тульскому и Виленскому, поставивъ его въ то положеніе, въ которомъ находятся тѣ мѣстности Россіи, на которыя не распространено дѣйствіе Государственнаго Дворянскаго Поземельнаго Банка и гдѣ нѣтъ особыхъ дворянскихъ банковъ. Что же касается кредита промышленнаго, то, при постоянно развиваемыхъ Государственнымъ Банкомъ особыхъ видахъ этого рода кредита, Ревельское Отдѣленіе Государственнаго Банка могло бы вполнѣ удовлетворить нужды въ немъ мѣстнаго населенія, не говоря о нѣсколькихъ банкирскихъ конторахъ, имѣющихся въ городѣ Ревелѣ, которыя въ свою очередь содѣйствовали бы его удовлетворенію.

Совершенное упраздненіе Банка было бы мѣрой тѣмъ болѣе цѣлесообразною, что несоотвѣтствующее видамъ правительства направленіе Банка совершенно неустранимо безъ пересадки дѣла на вполнѣ новую почву, которую могли бы представить только вполнѣ новыя кредитныя учрежденія. Къ тому же, если въ дѣлѣ преобразованія полиціи, судовъ и школы правительство не сочло возможнымъ довѣрить совершенныя имъ реформы старымъ учрежденіямъ и ихъ личному составу, то въ дѣлѣ преобразованія кредитной системы, представляющей пульсъ мѣстной не только экономической, но и политической жизни, довѣрить реформу ея прежнимъ людямъ очевидно еще болѣе опасно.

А. П. В—с—л—й.

Ноябрь 1892 г.
С. Тёплое.

* * *

Встрепенитесь, птички-пѣсни,
И летите...
То, что̀ выпѣлось изъ сердца,
Разскажите.

Кто-нибудь и васъ, малютки,
Приголубитъ,
Приласкаетъ, пожалѣетъ
И полюбитъ...

Анатолій Александровъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Эльза Карадоль убилась на-смерть, упавъ съ балкона.

— La petite Gazelle, убитая въ зáмкѣ, выброшена въ окно!

— Отвратительное двойное преступленіе совершено съ красивою креолкой въ домѣ депутата Отвиля. Скульпторъ уже арестованъ и въ жандармеріи, а объ графѣ-депутатѣ телеграфировано президенту палаты.

Вотъ чтò разнесла и перебрасывала молва по околотку, въ Теріэлѣ и по всѣмъ помѣстьямъ и фермамъ окрестности,—dans tout le pays.

Происшествіе въ зàмкѣ, конечно, быстро распространилось повсюду, и одновременно въ самой семьѣ графа послѣ долгаго затишья зауряднаго существованія вдругъ разразилась гроза.

Конечно, скачокъ дѣвочки съ балкона былъ лишь косвеннымъ поводомъ ко всему, что нежданно произошло...

Озлобленная и перепуганная художникомъ дѣвочка, рѣшаясь на прыжокъ, была убѣждена, что вывихнетъ, а то и сломаетъ себѣ ногу... На дѣлѣ оказалось все гораздо проще и счастливѣе... Но въ первый моментъ все показалось гораздо серьезнѣе.

Обморокъ и окровавленное лице, кровь, шибко текущая по щекѣ, на шею и грудь съ клочьями разорваннаго платья—все имѣло видъ несчастнаго случая, очень серьезнаго.

Затѣмъ Эльза тотчасъ же очнулась, открыла глаза и разумно оглянула себя и несущихъ ее. Смущенная текущей кровью, она все-таки рванулась отъ людей, чтобы стать на ноги. Но оказалось, что ступить нельзя, пбо правая нога повреждена въ ступнѣ. И она оставила нести себя въ зàмокъ, молча озпраясь на всѣхъ съ оттѣнкомъ озлобленія на блѣдномъ лицѣ.

Когда она была у себя въ горницѣ и Жюли обмыла ей лицо водой, то оказалась довольно глубокая разрывная ранка на скулѣ.

Объясненіе было простое. Клумбы, украшаемыя большими и мелкими голышами, обрамлялись ради прочности низкою, едва замѣтною желѣзною сѣткой, и какой-нибудь конецъ проволоки попался ей подъ голову. Ударъ объ камень вискомъ лишилъ ее сознанія, а заострившаяся гвоздемъ проволока вонзилась съмаху въ щеку.

Эльза потребовала зеркало. Оглядѣвъ правую сторону лица съ синякомъ и ранкой надъ скулой, она вымолвила раздражительно:

— Значекъ останется навсегда! Какъ пріятно имѣть по неволѣ на всю жизнь un souvenir d'un individu, comme monsieur de Montclair. Знаете что, mamzelle Julie, вдругъ прибавила Эльза сверкнувъ глазами.—Je comprends maintenant encore mieux les révolutions contre les aristos!!.

Это сокращеніе слова: аристократъ—было любимымъ выраженіемъ покойнаго Карадоля. И теперь дѣвочка въ первый разъ въ жизни произнесла это слово голосомъ отца съ оттѣнкомъ гадливой ненависти.

Разумѣется, Эльза тотчасъ попросила графиню, пришедшую ее провѣдать, распорядиться отвезти ее домой.

Графиня была сильно взволнована, недружелюбно взглянула на нее и отозвалась сухо:

— Хорошо. Съ удовольствіемъ. Мнѣ дорого обойдется ваша глупость... Votre enfantillage, si vous l'aimez mieux, поправилась она.

Эльза, ничего не знавшая о томъ, чтò совершалось уже въ зàмкѣ, удивилась озлобленію графини. Кому бы, кажется, теперь озлобляться по праву!

Между тѣмъ многочисленная прислуга въ зàмкѣ, вслухъ объяс-

нявшая разорванныя на дѣвочкѣ платье и сорочку тѣмъ, что она, падая, зацѣпилась за копья рисунка балконной рѣшетки, втайнѣ не вѣрила собственнымъ словамъ и собиралась разнести по околодку совершенно иное...

„Разорванное платье заставило прыгнуть!" догадались всѣ.

Подозрѣніе, возникнувшее вдругъ въ зàмкѣ, обозлило грубаго, но честнаго человѣка Монклера, и онъ немедленно признался въ своей грубости, совершенной въ минуту азарта художника.

— Для малѣйшаго моего произведенія, объяснилъ Монклеръ,— я пожертвую не одной, а дюжиной, сотней такихъ обезьянъ, не стѣсняясь даже условною нравственностью, не только приличіями и условіями общежитія... Чтò такое—этотъ грошевый Негритенокъ около моей славы артиста... Еслибы мнѣ сказали, что въ будущемъ „Салонѣ" моя статуя получитъ первую награду, а моя модель изъ-за этого одного умретъ, то неужели найдутся такіе дураки, которые будутъ думать, что я способенъ поколебаться хотя одну секунду. И науки и искусства существуютъ на пользу человѣчества. Я допускаю вивисекцію въ принципѣ даже надъ людьми, не только надъ животными. А я чтò слѣлалъ... Меньше чѣмъ иной физикъ, который ради эксперимента сажаетъ птицу подъ колоколъ въ безвоздушное пространстно, чтобы довести ея до обморока и затѣмъ выпустить и оживить... Et moi? Qu'ai je fait à cet ouistiti? Rien de rien?

И всѣ согласились съ мнѣніемъ Монклера, что Эльза нелѣпо самолюбивая, упрямая дѣвочка и пожалуй даже съ придурью... И всѣ стали повторять новое прозвище „Ouistiti".

И какъ съ пѣной у рта вырвалось это слово у взбѣшеннаго артиста, такъ же точно повторялось оно обитателями зàмка съ оттѣнкомъ недовольства и непріязни къ недавней любимицѣ.

Французы по природѣ не выносятъ аффектаціи, но все болѣе и все большее этимъ растяжимымъ словомъ окрещиваютъ, а такъ именуемое осмѣиваютъ или ненавидятъ... А чтò же такое весь поступокъ дочери старожихи заставъ...

— L'excès de pudeur, c'est de la betise, ou de l'affectation! сказала графиня, а за ней стала повторять даже прислуга. Однако, это сужденье нашло рѣзкій отпоръ въ одномъ человѣкѣ. Аталинъ отнесся ко всему случаю совершенно иначе.

Когда открылось вслѣдствіе чего именно прыгнула и расшиблась Эльза, рисковавъ изуродовать себя, то онъ воскликнулъ при графинѣ и при двухъ лакеяхъ:

— Это невѣроятно... Порядочные люди такъ не поступаютъ.

— Что̀ прикажете. Художникъ пересилилъ въ немъ... C'est l'artiste!

— C'est une infamie, вырвалось у Аталина.

— Вы съ ума сошли! оторопѣла графина, озираясь на лакеевъ и она прибавила по-англійски: они проболтаются, и это дойдетъ до него.

— Я ему это самъ скажу, если онъ спроситъ моего мнѣнія, отозвался Аталинъ по-французски.

— Предупреждаю васъ, что г. Монклеръ не изъ числа людей позволяющихъ себѣ говорить такія вещи...

— А я, графиня, не изъ числа людей называющихъ предметы или поступки подставными и даже подтасованными названіями: грубость — рѣзкостью, трусость — осторожностью, подлость — легкомысліемъ, проступокъ — увлеченіемъ. И на ваши слова: c'est l'artiste... Я отвѣчу: que voulez vous, c'est l'animal!

— Monsieur d'Ataline! блѣднѣя отозвалась графиня, — позвольте вамъ напомнить, что вы говорите объ моемъ лучшемъ другѣ. Аталинъ дернулъ плечомъ и выговорилъ уже печально:

— Я цѣню вашу дружбу къ себѣ, но правда выше дружбы, выше любви. Я такъ сужу и иначе не могу... Это правда...

— Правда! Что̀ такое правда? Гдѣ она? Что̀ она? иронически смѣясь произнесла графиня. — Не забудьте за кого Донъ-Кихотъ искренно принималъ вѣтряныя мельницы. Представьте себѣ, что я также искренно вѣрю, что вы рыцарь и что всѣ кругомъ меня не могутъ мнѣ доказать противное.

Аталинъ ничего не отвѣтилъ, слегка поклонился и вышелъ изъ комнаты.

„Уѣзжать! рѣшилъ онъ... Порвать дружескія отношенія съ милою женщиной изъ-за выходки дикаго человѣка. Вѣдь по-русски: онъ добрый малый и скотъ — вмѣстѣ. И равно съ точки зрѣнія многихъ моихъ друзей, Французовъ, поступокъ этотъ — d'un animal, pur sang. Сестра Елена не сказала бы теперь, что мой взглядъ на дѣло: trop russe.“

II.

Въ тотъ же день вечеромъ виконтъ явился къ Аталину, смущенный, что̀ совершенно не шло къ его всегдашнему безпечно радостному лицу, и объяснилъ ему, что художникъ оскорбленъ

его рѣзкимъ выраженіемъ, о которомъ узналъ и проситъ „взять свои слова назадъ", извиниться и согласиться, что все дѣло инцидентъ пустой, не стоющій вниманія.

Аталинъ объяснилъ, что рѣзкое сужденіе вырвалось у него противъ воли, и что онъ свое выраженіе готовъ, пожалуй, замѣнить другимъ, болѣе мягкимъ, но согласиться, что поступокъ художника tout simple—никакъ не можетъ.

— Я согласенъ сказать, что онъ поступилъ грубо и неприлично...

— Pas même... отвѣтилъ виконтъ.—Она—его модель, она нанялась позировать. Онъ полагаетъ, что имѣлъ право...

— Напрасно... Она не натурщица по ремеслу, а дѣвочка, которую онъ замѣтилъ благодаря ея оригинальному типу, и которую онъ и графиня съ трудомъ уговорили позировать... Да что̀ жь объ этомъ говорить. Si ce n'est pas une infamie, c'est une saleté.

— Позвольте... Это уже не извиненіе.

— Я вовсе и не намѣренъ извиняться. Я не могу лиловое считать краснымъ по желанію кривыхъ или слѣпыхъ.

— Тогда... Я долженъ васъ предупредить, что Монклеръ уѣдетъ въ Парижъ, куда и васъ попроситъ ѣхать... pour vider cette affaire

Это заявленіе поразило Аталина... Онъ сталъ, какъ вкопанный, слегка разинувъ ротъ. Виконтъ ясно увидѣлъ, но понялъ по-своему впечатлѣніе, произведенное его словами.

„Драться! Дуэль?" соображалъ Аталинъ, и чувство радостнаго удивленія сказалось въ немъ.

Сколько разъ серьезно случалось ему помышлять о самоубійствѣ съ тоски, сколько разъ случалось идти на встрѣчу какой-либо опасности, имѣя возможность избѣжать ее,—и все съ тою же мыслью, авось слѣпая судьба совершитъ то, на что не хватаетъ собственной силы воли... Но мысль о серьезномъ поединкѣ, когда противники идутъ на вѣрную смерть, ни разу не пришла ему на умъ. И вдругъ теперь, внезапно его будто озарила мысль:

„Вотъ попробовать? Что будетъ!? Можетъ-быть и смерть... И по собственной волѣ, и не отъ собственной руки!"

Кромѣ того мысль объ неожиданномъ поединкѣ какъ-то сразу оживила Аталина. Онъ будто встрепенулся весело.

„Если даже иначе смотрѣть на этотъ случай, думалось ему снова. Если опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ, то тогда

это занятное и забавное развлеченіе среди этого тусклаго существованія. Une partie de plaisir...“

„Вѣдь скучно, скучно и скучно... А легкая гроза въ жизни чудно прочищаетъ нравственный воздухъ, которымъ дышешь...“

— Господи благослови! выговорилъ Аталинъ громко и по-русски, но улыбнулся глядя въ лицо виконта. Затѣмъ онъ отошелъ къ столу и, оглянувъ его, взялъ нѣсколько спичекъ изъ коробки и сталъ ихъ отсчитывать.

„Если четъ—драться!“—подумалъ онъ.

Виконтъ глядѣлъ удивляясь и ничего не понималъ.

Аталинъ счелъ четырнадцать спичекъ и произнесъ, снова улыбаясь добродушно:

— Любезный Камиллъ! Передайте г. Монклеру, что если онъ желаетъ, я сейчасъ выѣду въ Парижъ и буду ждать его приказаній.

Камиллъ нѣсколько смутился и выговорилъ:

— Мой долгъ передать ему вашъ отвѣтъ... Но мой долгъ, равно замѣтить вамъ, что весь этотъ случай нелѣпъ. А между тѣмъ ни вы, ни Монклеръ не пожелаете играть комедію, и стало-быть изъ-за глупаго случая долженъ произойти опасный, пожалуй, даже смертельный поединокъ. Монклеръ въ качествѣ оскорбленнаго имѣетъ право выбора оружія и постановки условій. И я знаю, что условія онъ поставитъ тяжелыя.

— Тѣмъ лучше, мой милый Камиллъ.

— Но вѣдь это все монструозно нелѣпо. Et le tout, grace à un ouistiti qui au fond—pardonnez moi—ne vaut pas le sou...

— Это ваше, „pardonnez moi“, милый Камиллъ, тоже монструозно-забавное подозрѣніе. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что вы измыслили, и на меня искренно или умышленно взводите... Дѣло въ поступкѣ Монклера.

— Или, вѣрнѣе, въ вашемъ рѣзкомъ сужденіи о простомъ фактѣ.

— Согласенъ, что сужденіе рѣзко. Но оно вѣрно... Другаго опредѣленія поступка подыскать нельзя. Впрочемъ, мы тратимъ время и слова по пустому. Вы пришли за моимъ извиненіемъ, а я его не допускаю, и отвѣтъ мой вы можете передать господину Монклеру.

Виконтъ ушелъ, а Аталинъ началъ соображать, оглядывая свою комнату, во сколько времени онъ можетъ уложиться.

Онъ былъ слегка раздраженъ этимъ разговоромъ и въ осо-

бенности намекомъ Камилла на нѣчто не только нелѣпое, но по истинѣ дикое съ его точки зрѣнія.

— „Pardonnez moi!“ повторилъ онъ вслухъ слова молодаго человѣка.—Это просто прелесть! Стало-быть этотъ добродушный шалопай серьезно убѣжденъ, что эта дѣвочка для меня что-нибудь...

„Почему это имъ кажется?—думалъ онъ чрезъ минуту.—Быть-можетъ они правы? Какой вздоръ! Она мнѣ жалка! Она мнѣ крайне симпатична и тѣмъ, что одаренный дичокъ, самородокъ и тѣмъ, что она дѣйствительно несчастный ребенокъ, жалкій... Еслибъ я могъ что-нибудь для нее сдѣлать, то сдѣлалъ бы съ особеннымъ удовольствіемъ. А онъ смотритъ на все съ бульварной точки зрѣнія.. Граціозно-оригинальная дѣвочка приглянулась праздному и скучающему сибариту... Она ребенокъ, а онъ почти старикъ. Но ему хочется дешево позабавиться... Заставить же ее увлечься—немудрено! Фу, гадость какая!..

И затѣмъ чрезъ нѣсколько мгновеній Аталинъ снова самъ себя допрашивалъ и пыталъ.

„Отчего когда я узналъ, что она расшиблась, я весь встрепенулся какимъ-то чувствомъ... въ которомъ была и жалость... Да. Правдиво и искренно сознаваясь, надо сказать именно такъ: была и жалость... Что̀ же было на первомъ планѣ, какъ говорятъ художники... Впереди жалости—что̀ было? Дружба? пожалуй... Но дружба основанная на одной бесѣдѣ и на одномъ случаѣ съ платкомъ вчера вечеромъ... Странно!

Продолжая себя пытать, Аталинъ сознался, что этотъ дичокъ не разъ уже заставлялъ его—даже какъ-то безсознательно—объ себѣ думать. Вѣдь вчера, вернувшись отъ Монклера, онъ долго видѣлъ ее предъ собой, какъ живую, въ ея розовомъ открытомъ платьѣ съ красивыми плечами и руками, со странно-устремленными на него глазами, и робкими, и пылкими... Онъ слышалъ и ея порывисто-страстный голосъ. Слова: Je ne l'oublierai jamais! звучали долго въ его ушахъ. Слова эти, сказанныя съ такою силой и съ такимъ оттѣнкомъ искренности и убѣжденія! Поневолѣ вѣрилось, что она говоритъ правду! Она дѣйствительно никогда не забудетъ этой его услуги, вздорной и пустой, но для нее будто имѣющей огромное значеніе.

„Неужели же въ самомъ дѣлѣ дѣвочка ея лѣтъ и ея положенія можетъ мнѣ нравиться, можетъ быть мнѣ симпатична не какъ ребенокъ, а какъ женщина. Если да... то стало-быть я со-

всѣмъ отъ тоски и праздности—рехнулся... Тогда я дуракъ и больше ничего. Даже пожалуй хуже чѣмъ дуракъ... Заразился атмосферой, въ которой живутъ и дышатъ графы и виконты Отвиль".

И вдругъ Аталинъ сталъ себѣ мысленно рисовать Эльзу, какою она можетъ и должна быть года чрезъ два, три... И физически, и умственно...

И невольно онъ сознался себѣ и солгалъ.

„Да, тогда она будетъ мужчинамъ опасна, потому что въ ней что-то есть... уже и теперь."

Размышленія Аталина были прерваны появленіемъ лакея, который попросилъ его къ графинѣ. Онъ немедленно отправился и, войдя въ гостиную хозяйки, оторопѣлъ, замѣтивъ въ ней страшную перемѣну. Графиня была взволнована, сильно блѣдна, и глаза ея свѣтились необычно сверкающимъ огнемъ.

— Садитесь и выслушайте! произнесла женщина нервнымъ, отчасти рѣзкимъ голосомъ.

И она горячо начала уговаривать Аталина быть благоразумнымъ и разсудительнымъ, стала убѣждать отнестись къ Монклеру и его вызову такъ, какъ еслибъ артистъ былъ младенцемъ, а не сорокалѣтнимъ человѣкомъ. Однако изъ всего, что она быстро и нервно говорила,—предлагала и просила—конечный выводъ былъ одинъ: Аталинъ долженъ былъ извиниться предъ Монклеромъ или же уѣзжать, не давая своего адреса.

— Иначе говоря, бѣжать, какъ убѣгаютъ трусы, сказалъ онъ.

— Мы всѣ будемъ знать, что это не трусость съ вашей стороны, а благоразуміе. Вы не хотите извиниться, хотя бы и должны были это сдѣлать, и этимъ вы принуждаете Монклера себя вызвать. Ну такъ сдѣлайте намъ хоть эту уступку... Мнѣ, наконецъ, лично мнѣ... Уѣзжайте... Хоть на время... не говоря куда.

Аталинъ вздохнулъ и вымолвилъ:

— Это невозможно, графиня. Я выѣду въ Парижъ и къ себѣ въ Нельи. А онъ знаетъ мой домъ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Да, графиня.

— Знаете, что изъ этого всего произойдетъ?

— Дуэль.

— Но чѣмъ она кончится, знаете? Монклеръ будетъ вами убитъ.

— Почему же... Можетъ-быть ничего такого... Или наоборотъ я...

— Taisez vous! страстно вырвалось у графини.—Я знаю, что говорю. Я все вижу впередъ... Монклеръ за всю жизнь пистолета въ руки не бралъ, а вы... Вы сами говорили, что цѣлую зиму въ Лондонѣ практиковались въ стрѣльбѣ въ какомъ-то клубѣ... И теперь выходитъ, что... Это, г. Аталинъ, даже не достойно честнаго человѣка.

— Графиня!

— Да, да, да... Это не честно... Во всякомъ случаѣ ce n'est pas loyal. Монклеръ поставитъ тяжелыя условія и самъ падетъ жертвой ихъ...

— Но почему вы знаете... горячо вдругъ воскликнулъ Аталинъ съ увлеченіемъ, но вдругъ запнулся и самъ себя сдержалъ.

Онъ спохватился, что поступитъ наивно и неосторожно, вдругъ собравшись признаться, что Монклеръ ничѣмъ не рискуетъ, выходя съ нимъ на поединокъ.

— Ну-съ. Что же?

Аталинъ, желая вывернуться изъ неловкаго положенія, перешелъ на шутливый тонъ:

— Вѣдь это не хорошо, графиня. Я считалъ себя вашимъ другомъ, также какъ и Монклеръ. А теперь въ этомъ дѣлѣ вы поставили себя прямо его защитницей. Я думалъ, что мы оба равно пользуемся вашей любовью... Я обиженъ...

— Не шутите, monsieur Ataline! холодно выговорила графиня. Отвѣчайте. Вы будете драться?

— Если онъ пришлетъ мнѣ вызовъ...

— Пришлетъ. Я вамъ это говорю... И на дикихъ условіяхъ. Я все знаю. Ну-съ...

— Что же я-то могу...

— Все въ вашихъ рукахъ. Ну-съ?

— Будьте справедливы, графиня. Войдите въ мое положеніе...

— Такъ слушайте, глухимъ голосомъ заговорила она...—Вы знаете меня близко... Вы знаете всю мою жизнь. Вы знаете, какую долю счастія дала мнѣ судьба... Почти ничего... Я вамъ часто среди нашихъ дружескихъ бесѣдъ говорила, какъ истинному другу, что меня только одно привязываетъ къ жизни... Вы думали: дѣти! Я на это молчала... Теперь я вамъ скажу... Единственное, что мнѣ дорого на свѣтѣ это... одинъ человѣкъ, которому я принадлежу тѣломъ и душой. Я его вещь... И это все мое счастье. Вы понимаете?..

— Нѣтъ, графиня... потому что боюсь понять... Боюсь ошибиться...

— C'est mon amant! едва слышно проговорила она.

— Кто? Какъ?.. Это не может быть! воскликнулъ Аталинъ.

— Вы хотите убить двухъ человѣкъ...

— Отвѣчаю вамъ честнымъ словомъ, что съ нимъ ничего... ничего не случится, воскликнулъ Аталинъ вставая и быстро вышелъ, почти выбѣжалъ вонъ.

Признаніе это, какъ громомъ, поразило его.

Въ тотъ же вечеръ, не простившись ни съ кѣмъ, Аталинъ собрался и выѣхалъ.

Обернувшись на замокъ съ дороги, онъ подумалъ:

„Жаль, не видалъ я этой бѣдной... Что она?"

А она, пылкая и странная дѣвочка, знала уже, что въ зàмкѣ произошла ссора. „Онъ" заступился за нее, и всѣ на него напали. И она готова была бы теперь пройти чрезъ всяческія пытки и мученія, лишь бы только знать, что онъ сочувствуетъ ей, жалѣетъ ее и беретъ подъ свою защиту.

Когда графиня предложила ей въ сумерки оставаться въ зáмкѣ и лѣчиться отъ ушиба ноги у доктора, котораго вызовутъ, то Эльза уже знала, какъ Аталинъ отнесся къ ея прыжку и какъ судитъ ея поведеніе. И она согласилась остаться, надѣясь видать его украдкой изъ окна, когда онъ выйдетъ гулять. Теперь, когда узналось вдругъ, что онъ въ полной ссорѣ съ графиней и уѣзжаетъ въ Парижъ, Эльза, лежа на постели въ своей комнатѣ, стерегла его отъѣздъ.

Когда подали коляску и Аталинъ вышелъ и съѣхалъ со двора, Эльза вскочила съ постели, хромая, кой-какъ добрела до окна и перевѣсилась чрезъ него...

„Еслибъ онъ обернулся? Еслибъ онъ почувствовалъ", думала она или молила судьбу.

Но онъ только съ дороги обернулся на зáмокъ и вспомнилъ объ ней.

III.

Прошло три дня съ отъѣзда Аталина, и въ зáмкѣ было необычно тихо; всѣ были угрюмы отъ хозяйки до прислуги.

Графиня выходила изъ своихъ комнатъ только къ обѣду и, молча просидѣвъ за столомъ, уходила къ себѣ. Стараго графа

не было: онъ уѣхалъ въ Парижъ на цѣлую недѣлю, а Камиллъ видимо скучалъ отъ окружающей обстановки.

Угрюмѣе всѣхъ былъ художникъ. Онъ бросилъ свою работу, минуты вдохновенія прошли, насильственно прерванныя глупымъ случаемъ, и Монклеръ теперь съ какою-то ненавистью озирался на все и на всѣхъ. Кромѣ того онъ былъ видимо озабоченъ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе.

Артистъ боролся самъ съ собой... Бросить дѣло, заставить замолчать въ себѣ уязвленное самолюбіе? Или не спускать Русскому, проучить его за рѣзкую выходку? Однимъ словомъ, вызывать его на дуэль или нѣтъ.

Монклеръ отлично понималъ, что въ данномъ случаѣ медлить нельзя, а между тѣмъ подъ вліяніемъ совѣтовъ любимой женщины колебался.

Однако не одно чувство самосохраненія руководило имъ, а какая-то художническая лѣнь.

Que le diable l'emporte! восклицалъ онъ.

Вдохновеніе, правда, прошло, но оно вѣдь можетъ вдругъ сразу вернуться, и онъ, пожалуй,—какъ бывало не разъ—въ одинъ присѣстъ, съ-маху, въ пять, шесть дней совершенно окончитъ свое произведеніе... Онъ уже телеграфировалъ другу въ Парижъ, выслать ему немедленно какую-нибудь натурщицу, выбравъ ея parmis les gamines. А тутъ вдругъ бросай все и иди „batailler" да вдобавокъ еще pour le roi de Prusse. „А эта перспектива сражаться", какъ называлъ поединокъ Монклеръ, да еще зря, чортъ знаетъ изъ-за какого вздора—толчкомъ прервала его мирное существованіе. А кромѣ того... тоже... Чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Пожалуй вѣдь ce cosaque и застрѣлитъ его.

Графиня тонко и умно старалась покуда только оттягивать время. Она не просила дорогаго ей человѣка бросить дѣло и, якобы не считая себя оскорбленнымъ, равнодушно отнестись къ рѣзкому выраженію Аталина. Она хотѣла только выиграть время, а затѣмъ убѣдить художника, что вызовъ чрезъ недѣлю послѣ оскорбленія только докажетъ, что онъ трусилъ и наконецъ себя поборолъ.

„Если время потеряно, то лучше сдѣлать видъ, что отнесся съ презрѣніемъ ко всему и даже думать забылъ, а не доказывать, что считалъ себя оскорбленнымъ, но колебался по малодушію!"

Вотъ что готовилась сказать графиня спустя нѣсколько дней.

Монклеръ собирался ѣхать въ Парижъ каждое утро, вмѣстѣ

съ Камилломъ, чтобы затѣмъ послать его и еще одного друга, драгунскаго офицера, съ вызывомъ. Но день проходилъ, артистъ разъ двадцать на день, посидѣвъ и помолчавъ угрюмо около часу, вскакивалъ и произносилъ:

— Que le diable l'emporte.

Но вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное...

Однажды утромъ, когда пришла почта, Камиллъ пробѣжалъ газеты, взволновался и подалъ мачихѣ одну изъ нихъ... Въ отдѣлѣ „faits divers“ было нѣсколько строкъ объ случаѣ въ замкѣ Отвиль.

Произошло это очень просто. Стоустая молва достигла сначала редакціи мѣстнаго органа печати, который и отозвался.

Une aventure singuliere et bizarre au château de Hauteville. On parle beaucoup du voyage aèrien d'une petite crèole bien connue dans le pays sous le nom de „Elza Gazelle“ qui se jeta par la fenetre de l'atelier de M. de Montclair. Le tout reste encore couvert d'un voile mystérieux.

Такъ мастерски кратко, но двусмысленно, крупнымъ шрифтомъ и на видномъ мѣстѣ, пояснила своимъ читателямъ мѣстная газетка *Messager de la Somme* орлеанистскаго лагеря.

Но эти нѣсколько строкъ тотчасъ перескочили въ faits divers двухъ парижскихъ газетъ не столько ради пикантности сюжета, сколько ради умолчанія повода къ этому случаю, происшедшему въ зàмкѣ извѣстнаго депутата и по милости извѣстнаго художника.

Графиня прочла и измѣнилась въ лицѣ. Дѣло касалось всей семьи, ихъ общественнаго положенія, добраго имени мужа, какъ депутата, а Монклера, какъ извѣстнаго художника.

Огласка дѣлала пустой случай настоящимъ скандаломъ. Надо было теперь придать ему еще бòльшую огласку, но съ инымъ освѣщеніемъ факта,—съ доказательствомъ, что все есть ничто иное, какъ клевета, исходящая изъ противнаго политическаго лагеря.

— Надо немедленно отвѣчать, надо напечатать, что все это вздоръ и клевета! сказала графиня.

— Какая наивность... belle maman, отозвался Камиллъ.— Каторжникъ, сосланный за убійство, можетъ написать хоть изъ Кайенны, что его оклеветали и что онъ никогда и судимъ не былъ, а спокойно проживаетъ въ Парижѣ на Итальянскомъ бульварѣ... И это будетъ напечатано и перепечатано всѣми газетами... Но

это будетъ такимъ же доказательствомъ, какъ объявленіе, что мыло des princes du Congo и личная пудра Rachel первѣйшіе косметики въ мірѣ, а употребляемые натощакъ помогаютъ дожить до глубокой старости безъ болѣзней и безъ огорченій.

И Камиллъ звонко разсмѣялся. Но лицо мачихи заставило его тотчасъ опомниться.

— Что же дѣлать? вымолвила она глухо.

— Если они будутъ драться, то тогда toute l'affaire sera vidée... По поводу поединка можно будетъ возстановить весь фактъ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности... А я думаю, что теперь Монклеръ непремѣнно и тотчасъ рѣшится на поединокъ. Ради насъ всѣхъ...

— Если не давать ему газету...

— Maman! кротко отозвался Камиллъ.

— Да я говорю глупости! Я голову теряю.

— Честь дороже жизни... вымолвилъ Камиллъ.

— Ахъ, полно... Чужая честь дороже чужой жизни. Эта честь стóитъ для насъ грошъ, но жизнь совсѣмъ ничего не стоитъ... Поединокъ выдуманъ и поддерживается въ обществѣ тѣми, кто никогда не дрался и не будетъ драться... Это ужасно!.. Ужасно. И подумать, что все это grace à un ouistiti.

— Нѣтъ, maman. Надо быть справедливымъ. Негритенокъ могъ бы всякій день прыгать, ломать себѣ ноги и даже шею наконецъ сломать, и ничего бы не было, еслибы не... Une amourette! Вотъ причина всего. Прыгни изъ-за Монклера Изидоръ хоть съ самой крыши зàмка, то Аталинъ нашелъ бы поступокъ артиста и скачекъ старика забавнымъ...

— Но неужели ты думаешь, что онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ дѣвочку! Вѣдь это же нелѣпость.

— Нѣтъ, это самое естественное дѣло. C'est tout naturel.

— Вѣдь это безсмысленно. Тогда онъ дуракъ. А я его таковымъ никогда не считала.

— Нѣтъ, maman. Онъ не дуракъ. Онъ—никогда не любившій человѣкъ... Разъ, началъ отсчитывать виконтъ.—Онъ человѣкъ, по натурѣ, въ родѣ тѣхъ, что родятся и живутъ въ первобытныхъ лѣсахъ Америки. Два. Онъ Донъ-Кихотъ. Три. Онъ ищетъ съ фонаремъ по міру, какъ Діогенъ, но не человѣка, а что-то такое, что ему въ душѣ мерещится и что на свѣтѣ можетъ-быть и есть, а можетъ-быть никогда и не бывало, а можетъ-быть въ Газели и спрятано. Четыре. Затѣмъ далѣе,—съ другой стороны.

Ce satané negrillon, надо сознаться, дѣйствуетъ на нервы. Чтó въ этой дѣвчонкѣ красиваго я сказать не могу, но чую... Это разъ. Кромѣ того, во всей этой фигуркѣ, въ лицѣ, глазахъ, въ голосѣ, въ жестахъ есть что-то чрезвычайно чертовски-оригинальное, своеобразное, какая-то благородная грубость, какая-то граціозная дикость, какая-то сила. Наивная сила воли, чтò ли? Не знаю... Elle a un „je ne sais quoi“. Пошлое, избитое выраженіе, а къ ней вполнѣ прилагаемое. Чортъ знаетъ, чтò въ ней такое есть, но оно есть! И чортъ, еслибы захотѣлъ, то сейчасъ же могъ бы сказать. Я думаю у дикихъ, chez les tribus sauvages, должны быть такія принцессы и повелительницы. Это два. Самъ Негритенокъ тоже влюбился въ Аталина и по-ребячески быстро, за одну конфетку, за услугу съ платкомъ. Это три. Наконецъ. И онъ и она влюблены другъ въ дружку каждый на свой ладъ и этого не подозрѣваютъ. А что ему пятый десятокъ лѣтъ, а ей только второй, то это аномалія, конечно. Но аномалія въ любви ведетъ только къ одному: къ увеличенію, укрѣпленіюs развитію страсти въ геометрической пропорціи. Parmi les amour, celèbres on ne cite pas les Pauls et les Virginies. Въ наше глупое, скучное время, когда родъ человѣческій объѣлся, опился, перебѣсился, усталъ какъ собака, но ни спать, ни отдыхать не хочетъ, а требуетъ еще и еще... А чего самъ не знаетъ!.. Но непремѣнно—новаго... Въ такое глупое время только аномалія всяческая—краса и прелесть жизни.

— Какой ты вздоръ болтаешь...

— Можетъ-быть. Но въ моемъ вздорѣ есть доза правды. Или вѣрнѣе... я не умѣю выразить и объяснить то, что чувствую и хотѣлъ бы сказать... Еслибы, напримѣръ, Аталинъ тотчасъ же женился на Эльзѣ, а она его стала обожать... то я бы не удивился. Это было бы аномалія, и именно поэтому мы увидѣли бы истинную любовь, такую страсть, на которую большинство людей становятся уже не способными.

— Погоди! вдругъ вскрикнула графиня и онѣмѣла, будто прислушиваясь. Но она прислушивалась къ вопросу, который возникъ въ ней.

Камиллъ оторопѣлъ и обманутый ея движеніемъ сталъ тоже прислушиваться. Но всюду было тихо.

— Ты увѣренъ, что Аталинъ влюбленъ въ нее?

— Да. Сто разъ да...

— Сильно, мало!?

— Покуда немножко. Теперь при разлукѣ ихъ оно пройдетъ быстро.

— А она... Влюблена въ него дѣтски-легко?

— По-дѣтски. Но не легко. Не надо забывать, что она креолка и что она по выраженію Монклера—un ange endiablé.

— Слушай... отвѣчай... Посовѣтуй... заговорила графиня нервно... Я ей скажу... Я ее увѣрю... Поклянусь ей, что Аталинъ ее страстно любитъ, но никогда ей въ этомъ не признается. А мнѣ признался. И что одновременно онъ идетъ на смерть отъ руки Монклера. И она должна спасти Аталина, потому что она одна во всемъ кругомъ виновата.

Камиллъ задумался.

— Ну! Отвѣчай же.

— А практически... Какъ ей быть... Что ей дѣлать?..

— Не твое дѣло. Какъ мужчины глупы!

— О! Этой фразѣ двѣ тысячи лѣтъ! разсмѣялся Камиллъ.

— Но вашей глупости четыре, пять тысячъ лѣтъ! почти весело отозвалась графиня.—Ну? Твое мнѣніе, объ моемъ планѣ.

— Геніально! И дуэли не будетъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Графъ Саліасъ.

ВЪ АЗІИ.

Путевые очерки и картины.

I.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну,—прочелъ только одну страницу изъ жизни».

Байронъ.

Изъ всѣхъ произведеній Байрона наиболѣе сильное впечатлѣніе у насъ въ Россіи произвелъ, кажется, „Донъ-Жуанъ",— между тѣмъ въ немъ онъ описываетъ Россію, въ которой никогда не бывалъ, по которой никогда не путешествовалъ, но которою всегда сильно интересовался. По отношенію къ Россіи англійскій поэтъ измѣнилъ своему обѣщанію никогда не описывать страну, которой не видалъ собственными глазами, но за то всегдашнею его мечтой оставалось посѣтить Кавказъ.

Признаюсь, и меня чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ манила къ себѣ эта страна, этотъ дикій край, весь улитый потоками русской крови, этотъ „погибельный Капказъ" съ его громадными, неприступными твердынями, бѣшеными рѣками и красивыми черкешенками. Однако, по волѣ судебъ, мнѣ пришлось впервые посѣтить этотъ край въ тяжелую годину холерной эпидеміи 1892 года, и я, проведя два мѣсяца на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ концѣ августа выѣхалъ изъ Кисловодска во Владикавказъ.

Болѣзненная мечта всѣхъ отъѣзжающихъ съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ—не подвергнуться „обсерваціи" и не попасть

въ карантинъ. Дѣйствительно, въ лексиконѣ путешественника врядъ ли можно найти болѣе страшное слово, чѣмъ карантинъ. Теперь карантины чуть ли не повсемѣстно сняты, а курсовые больные продолжаютъ безпокоиться, особенно тѣ, которые возвращаются съ Кавказа моремъ или ѣдутъ оканчивать сезонъ въ Ялту. Оказывается, что и въ тридцатыхъ годахъ у насъ карантина боялись ничуть не меньше теперешняго. Знаменитый Пушкинъ въ 1831 году писалъ про карантины слѣдующее:

„Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива, какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое, но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что Турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году (дѣло идетъ о тридцатомъ годѣ) карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали шестнадцать губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству, но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.“

Вотъ что писалъ великій Пушкинъ въ 1831 году, и подъ этими строками можно подписаться и понынѣ.

Изъ Кисловодска нашъ путь лежалъ вглубь Кавказа, по знаменитой Военно-Грузинской дорогѣ, на которой, по слухамъ, совершается досмотръ пассажировъ и дезинфекція ихъ багажа.

Дорога изъ Кисловодска до станціи „Минеральныя воды“ Владикавказской желѣзной дороги идетъ отличнымъ шоссе, содержащимся въ образцовомъ порядкѣ, несмотря на то, что этому шоссе чуть не на-дняхъ придется уступить свое мѣсто рельсовому пути. Быстро промелькнула мимо насъ великолѣпная, построенная еще при Воронцовѣ, нарзанная галлерея, воздвигнутая въ стилѣ англійской средневѣковой архитектуры, знаменитая то-

полевая аллея и не менѣе знаменитая Крестовая гора, служащая однимъ изъ любимыхъ мѣстъ прогулокъ курсовыхъ больныхъ. Говоря о Крестовой горѣ, невольно вспоминается кровавый эпизодъ, разыгравшійся здѣсь при Воронцовѣ же въ 1850 году. Одинъ азіатскій князекъ повздорилъ изъ-за приданаго съ зятемъ, тоже Азіатомъ, но въ то же время и генераломъ русской службы. Генералъ, недовольный величиною колыма, полученнаго за дочь, возбудилъ дѣло у русскихъ властей, обвиняя князька въ самовольномъ увозѣ у него дочери. Въ то время начальникомъ центра былъ князь Эристовъ, жившій въ Кисловодскѣ близъ Крестовой горы. Эристовъ вызвалъ князька къ себѣ для личныхъ переговоровъ, и когда тотъ явился въ сопровожденіи брата и нѣсколькихъ вооруженныхъ нукеровъ, то начальникъ центра въ присутствіи собранныхъ на дворѣ Донцовъ и роты солдатъ приказалъ обезоружить и арестовать князька. Тогда Горцы обнажили шашки и съ гикомъ поскакали на Крестовую гору. Затѣмъ началась отвратительная травля; троихъ нукеровъ убили тутъ же на горѣ, остальные были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Особенно дорого продалъ свою жизнь, отстаивая честь и народные обычаи, одинъ нукеръ, который забаррикадировался на хорахъ казенной гостиницы, расположенной у подножія той же горы, и прежде чѣмъ сложилъ свою буйную голову убилъ кинжаломъ буфетчика гостиницы и застрѣлилъ двухъ солдатъ. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что вся эта кровавая драма не могла бы имѣть мѣста, еслибы мѣстные обычаи пользовались бо̀льшимъ уваженіемъ со стороны военнаго начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время...

На Кисловодскомъ шоссе страшныя тучи пыли, которыя съ ногъ до головы напудриваютъ путника, его экипажъ и лошадей. Да и немудрено, такъ какъ вотъ уже скоро полтора мѣсяца, какъ здѣсь стоитъ превосходная погода, перешедшая мало-по-малу въ сильнѣйшую жару и засуху. А между тѣмъ въ паркѣ все пожелтѣло, листья сильно опали и, несмотря на неимовѣрную духоту, вся природа приняла какой-то грустный осенній колоритъ.

Не забудемъ при этомъ, что Кисловодскій паркъ, хотя и размѣщенъ въ котловинѣ между горъ, тѣмъ не менѣе находится почти на одной высотѣ съ вершиной Машука, то-есть поднятъ надъ уровнемъ моря почти на 3.000 футъ. Не могу кстати не отмѣтить невѣрности наблюденія, утверждающаго, что въ Кисловодскѣ не бываетъ ни мухъ, ни комаровъ. Комаровъ, дѣйстви-

тельно, я не видалъ это лѣто, но за то мухи имѣются въ самомъ несносномъ изобиліи. Вообще по части отступленія отъ истины наши путешественники по лечебнымъ мѣстамъ грѣшатъ весьма изрядно. Такъ, напримѣръ, въ одномъ весьма обстоятельномъ путеводителѣ по Кавказу при описаніи Нарзана имѣются такія строки: „шумъ и клокотаніе воды въ Нарзанѣ до того громки, что вблизи источника отчасти заглушаютъ разговоръ". Всякій, побывавшій въ Кисловодскѣ, знаетъ, что это неправда и, конечно, такія поэтическія вольности не должны бы имѣть мѣста въ серьезной книгѣ.

Какъ ни пыльно и какъ ни жарко на шоссе отъ Кисловодска въ Пятигорскъ, но дорога почти вплоть до Ессентуковъ такъ живописна, такіе милые ландшафты открываются вокругъ, что путникъ долго не чувствуетъ никакого утомленія. Дорога идетъ сперва по правому гористому берегу Подкумка; долина рѣки сначала очень широка, вдали слѣва виднѣется Кольцо-гора, то-есть уступъ съ оригинальною промоиной въ песчаномъ грунтѣ, имѣющей издали поразительное сходство съ искусственно сдѣланнымъ круглымъ окномъ. Еще дальше, совсѣмъ на горизонтѣ, синѣетъ гора Римъ,—также одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для экскурсій кисловодскихъ обывателей. Окрестности Кисловодска, какъ и вообще весь Кавказъ, по преданію, видали у себя не только Римлянъ, Генуэзцевъ и Венеціанцевъ, но даже воиновъ Александра Македонскаго и Гунновъ. По преданію, самъ великій полководецъ и его сподвижники продѣлывали „минеральный" курсъ въ мало-извѣстномъ еще у насъ въ Россіи и чудесномъ горно-водолечебномъ курортѣ Абасъ-Туманѣ, расположенномъ недалеко отъ Боржома. А знаменитый Шамиль въ шутку не разъ говаривалъ, что Александръ Македонскій, завоевавъ весь свѣтъ, заселилъ Кавказъ самыми разбойничьими элементами своихъ полчищъ.

Какъ бы то ни было, но близъ горы Римъ отлично сохранились слѣды какого-то города и укрѣпленія. О троглодитахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ изъ земли и изъ сосѣднихъ пещеръ археологами и любителями извлечено не мало монетъ, оружія, крестиковъ и надгробныхъ съ надписями камней, свидѣтельствующихъ, что здѣсь жилъ культурный и христіанскій народъ.

Окружающія Кисловодскъ горы не имѣютъ спеціальныхъ названій и въ сущности составляютъ отроги Пестраго или скалистаго хребта. Геологи думаютъ, что эти горы представляли со-

бою нѣкогда морскіе коралловые рифы, поднявшіеся во время земныхъ переворотовъ до настоящей своей высоты. Строеніе горъ изъ известняка съ органическими прослойками изъ рода коралловъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость этого предположенія.

Извѣстный ученый Абихъ, создавшій, можно сказать, всю геологію Кавказа, признаетъ для этой страны два поднятія морскаго дна. Поднятія эти совершались въ разныхъ направленіяхъ, въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, и относятся къ концу мѣловаго періода. При первомъ поднятіи появился, между прочимъ, Бештау, а при второмъ—Машукъ, гора Юца, снабжающая прѣсною водой Пятигорскъ и, наконецъ, царь всѣхъ кавказскихъ горъ—двуглавый Эльборусъ. Тогда же образовались трещины въ доломитовыхъ слояхъ и возникъ знаменитый ключъ Нарзанъ.

Отроги Пестрыхъ горъ образуютъ вокругъ Кисловодска настоящія террассы, напоминающія мѣстами гигантскія ступени еще болѣе гигантской лѣстницы. Все пространство между горъ по теченію Подкумка безлѣсно и представляетъ собой богатые пастбища и сѣнокосы. Чѣмъ дальше подвигаешься по долинѣ Подкумка, переѣхавъ по прекрасному мосту на лѣвый берегъ рѣки, тѣмъ ближе придвигаются къ намъ горы и дорога идетъ почти-что ущельемъ.

Справа безлѣсныя горы имѣютъ такой курьезный видъ, что безъ всякой натяжки ихъ можно сравнить съ окаменѣвшими морскими волнами. Какъ ни однообразна все время эта картина, но, благодаря игрѣ свѣта, краски ея получаютъ ежеминутно такіе новые тоны, что глазъ не устаетъ любоваться и поневолѣ вспоминаются слова знаменитаго баснописца: „куда на выдумки природа торовата“. Слѣва горы подходятъ къ самому шоссе въ видѣ отвѣсныхъ известковыхъ громадъ съ рѣзко выраженнымъ слоистымъ строеніемъ. Отвѣсныя известковыя скалы лѣвой дороги напоминаютъ Бермамытскую террассу, поднятую на 8,500 футовъ надъ уровнемъ моря и представляющую ближайшій пунктъ, съ котораго можно любоваться главнымъ кавказскимъ хребтомъ.

Мнѣ только-что довелось побывать тамъ. Поѣхали мы туда изъ Кисловодска цѣлою компаніей въ двухъ фаэтонахъ шестериками. Набрали кучу теплаго платья, дровъ, самоваръ и всякой провизіи. Отъ Кисловодска приходилось сдѣлать слишкомъ сорокъ верстъ по простой дорогѣ, по которой на арбахъ возятъ

сѣно и гигантскій лѣсъ, растущій у подножія Эльборуса. Дорога начинаетъ подниматься въ гору почти отъ самаго Кисловодска и хотя въ общемъ нѣтъ ни особенно крутыхъ подъемовъ, ни спусковъ, все же представляетъ значительныя неудобства: мѣстами она проложена по окраинамъ весьма головокружительныхъ балокъ и лощинъ, въ которыхъ шла дѣятельная уборка сѣна, мѣстами по слишкомъ уже крупному щебню размытыхъ и вывѣтренныхъ породъ.

Ландшафты одинъ красивѣе другаго смѣняютъ другъ друга: видна сверху и березовая балка, и дальній водопадъ и знаменитое ущелье, въ которомъ расположенъ замокъ „Коварства и Любви". Съ каждою новою пройденною верстой грудь дышетъ легче, воздухъ становится чище и горизонтъ безпредѣльно расширяется. Оглянувшись назадъ къ Кисловодску съ „Косаго извоза", видишь не только Сѣдло-гору, но вдали вырисовывается синій гигантъ Бештау, горы Юца и Машукъ, а спереди, чуть ли не съ полдороги, начинаютъ показываться серебряныя главы Эльборуса. Всю дорогу ни одного жилья, ни одного духана, зато масса табуновъ лошадей, стадъ домашнихъ козъ, овецъ и быковъ. Стада пасутъ верховые—горные Татаре въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили двухъ Татарченковъ, которые стерегли громадное стадо великолѣпныхъ рыжихъ козловъ, но мы тщетно подзывали къ себѣ этихъ дикарей: они пугливо озирались по сторонамъ и поспѣшно отъ насъ скрылись.

Мы выѣхали изъ Кисловодска около 12 часовъ дня, въ страшную жару, но уже къ 5 часамъ, несмотря на солнце, стало свѣжѣть и подулъ порядочный вѣтеръ.

Скоро набѣжали и тучки, закапалъ дождь, но, къ счастію, черезъ нѣсколько минутъ небо снова прояснилось и больше не огорчало насъ. На лошадей жалко было смотрѣть: онѣ изморились уже съ полдороги и еле тянули насъ во всю вторую половину пути.

На самый Бермамутъ пришлось взбираться уже впотьмахъ; воздухъ сильно посвѣжѣлъ и на небѣ стали зажигаться звѣздочки. Бермамутъ представляетъ изъ себя почти голую скалу, на которой всегда бушуютъ вѣтры, дующіе отъ эльборусскихъ снѣговъ. Гулъ и свистъ вѣтра, а главное холодъ, вотъ что первое почувствовали мы, взобравшись на высочайшую точку Бермамута, которая почти на полверсты выше Гудаурскаго перевала

на Военно-Грузинской дорогѣ. Луна еще не взошла, и оріентироваться въ окружающемъ насъ мракѣ было не легко.

Жилья на Бермамутѣ не имѣется никакого, нѣтъ даже шалаша, гдѣ бы можно было спастись отъ дождя и вѣтра. Воду нужно приносить за 2 версты, и не будь съ нами запаса дровъ и углей, то не удалось бы напиться и чаю. Лѣтъ 7 тому назадъ на Бермамутѣ стоялъ небольшой домикъ—ресторанъ, а теперь домикъ этотъ проданъ съ аукціона и на мѣстѣ его остался небольшой загонъ вышиною въ полтора или два аршина, сложенный изъ кусковъ известковаго камня.

Крыши у загона нѣтъ, въ длину онъ имѣетъ шаговъ десять и почти столько же въ ширину. Надлежало расположиться въ этомъ загонѣ на ночлегъ, что мы и не замедлили совершить, разложивъ въ одномъ углу нашего суроваго пріюта порядочный костеръ. Скоро поспѣлъ и самоваръ, налитый превосходной ключевою водой, которую принесъ одинъ изъ молодыхъ нашихъ спутниковъ, неустрашимо спустившійся внизъ въ балку въ темнотѣ съ ведерной баклагой за плечами. Наши любезные автомедоны наотрѣзъ отказались идти ночью по кручѣ добывать воду. За то традиціонный кавказскій шашлыкъ изъ баранины, приготовленный на вертелѣ, совсѣмъ не удался и къ довершенію неудачъ подгуляло и кахетинское, оказавшееся кислымъ. Приходилось довольствоваться яйцами, картофелемъ и хлѣбомъ съ масломъ. Между тѣмъ ночь совсѣмъ спустилась на землю, небо вызвѣздило и изъ-за горъ медленно началъ выплывать мѣсяцъ. „Хороша украинская ночь“, но про бермамутскую при всемъ желаніи я не могу сказать того же самаго, хотя и здѣсь дѣло кончилось тѣмъ, что мѣсяцъ свѣтилъ во всѣ лопатки, звѣзды трепетали самымъ приличнымъ образомъ, но все портилъ анаѳемскій холодъ, который леденилъ кровь, забирался вмѣстѣ съ вѣтромъ подъ бурку и не давалъ наслаждаться открывавшейся картиной. А картина была дѣйствительно хороша. Бѣлый гигантъ Эльборусъ сидѣлъ прямо противъ насъ, раздѣленный таинственно глубокимъ ущельемъ, фантастически облитымъ причудливымъ луннымъ свѣтомъ. Вдали въ этомъ глубокомъ ущельѣ, въ этой бездонной пропасти, тамъ и сямъ мелькали, какъ звѣздочки, костры пастуховъ и по временамъ доносились ихъ крики и блеяніе овецъ и козъ. Гигантскія фантастическія тѣни пробѣгали по ущелью, придавая всей картинѣ особенно мрачный строгій колоритъ. Но проклятый холодъ не давалъ любоваться какъ слѣ-

дуетъ, всѣ мы тѣснились въ загонѣ и жались къ огню; лошадей и тѣхъ приходилось отгонять,—онѣ тоже искали тепла и рвались къ нашему загону. Костеръ погасъ часамъ къ 2-мъ и сдѣлалось нестерпимо холодно. До разсвѣта оставалось еще очень далеко. Шутки не клеились, а спать не давала все та же стужа. Въ 4 часа еще было совсѣмъ темно, и только на восточномъ краю неба появилась узенькая свѣтло-желтая полоска. Востокъ алѣлъ ужасно медленно, всѣ мы повскакали со своихъ мѣстъ и съ жадностью слѣдили какъ потухаютъ звѣзды и блекнетъ небосклонъ, переходя изъ синяго въ какой-то свѣтло-бирюзовый. Въ первый разъ пришлось убѣдиться, какъ медленно пробуждается въ горахъ природа отъ своего ночнаго сна. Южная природа засыпаетъ быстро; не успѣешь оглянуться, какъ уже наступила ночь, за то разсвѣтъ на горахъ, да еще въ холодъ совершается съ убійственною медленностью. Впереди насъ все еще полумракъ, дающій однако понять, на какой головокружительной высотѣ мы ночуемъ, а тамъ далеко на горизонтѣ виднѣются неясные контуры чего-то громаднаго, бѣлаго, поднимающагося къ самымъ небесамъ. Это—Эльборусъ. Но вотъ, вдругъ еще невидимое для насъ свѣтило послало золотой бликъ на голову сѣдаго гиганта, еще и еще, и цѣлая золотая корона заблистала на Эльборусѣ, и солнце медленно начало выплывать на горизонтѣ; мало-по-малу заискрилась и засверкала и вся цѣпь горъ большаго Кавказскаго хребта и заиграла на солнцѣ своими вѣчными снѣгами.

Трудно передать словами все величіе открывавшейся предъ нами картины. Одна изъ нашихъ спутницъ была тронута до слезъ, и мы всѣ забыли про холодъ, мучившій насъ въ теченіе этой долгой ночи. Нигдѣ въ жизни, ни на Ригахъ, откуда открывается очаровательный видъ на Альпы и на итальянскія озера, ни на Уралѣ я не видалъ подобной потрясающей величественной панорамы. Казалось взоръ охватывалъ всю карту Кавказскаго хребта, и глазъ не могъ оторваться отъ этого поразительнаго зрѣлища.

Уже солнце высоко поднялось надъ горизонтомъ, а мы все еще точно загипнотизированные любовались дивнымъ зрѣлищемъ. Ущелье совершенно прояснилось; слѣва въ нѣсколькихъ верстахъ открылся дымокъ, подымающійся изъ ближайшаго аула, близъ коего, говорятъ, имѣется источникъ, по составу одинаковый съ Нарзаномъ.

Спускъ къ этому аулу идетъ по неимовѣрной крутизнѣ; по

дну ущелья засеребрилась рѣчка и ленточками обрисовались пересѣкающіяся тропинки. Но нужно было двигаться въ обратный путь. Обратная дорога заняла не болѣе 4 съ половиною часовъ; отдохнувшіе кони везли быстро и порядкомъ даже насъ напугали на одномъ спускѣ, гдѣ одинъ изъ нашихъ экипажей едва не скатился со всѣми пассажирами въ глубокій оврагъ. Отдѣлавшись испугомъ, вернулись мы однако въ цѣлости въ Кисловодскъ, запечатлѣвъ навсегда и эту холодную ночь и чудесную Бермамутскую панораму.

Въ верстахъ въ 4 отъ Ессентуковъ Кисловодское шоссе выходитъ изъ ущелья и идетъ по гладкой, степной мѣстности, которая тянется вплоть до самаго Пятигорска.

Отъ Ессентуковъ до Пятигорска я весь путь (около 15 верстъ) совершилъ пѣшкомъ, вдвоемъ съ однимъ изъ молодыхъ моихъ спутниковъ.

Пѣшеходныя путешествія, столь принятыя, напримѣръ, въ Швейцаріи, совершенно не въ ходу на Кавказѣ, и когда мы явились отдохнуть въ духанъ, расположенный на окраинѣ Пятигорска, то намъ не хотѣли вѣрить, что мы пришли изъ Ессентуковъ и сдѣлали полтора десятка верстъ.

Дорога изъ Ессентуковъ въ Пятигорскъ, украшенная все время видомъ горы Бештау, не представляетъ ничего интереснаго. Скучная степь въ одномъ только мѣстѣ пересѣкается неглубокимъ оврагомъ, въ которомъ бѣжитъ пересохшая рѣчка Золотушка На рѣчкѣ порядочное оживленіе по случаю окончанія постройки желѣзнодорожнаго моста,—вотъ и всѣ достопримѣчательности этого пути, на которомъ я-таки порядочно измучился и утомилъ свои ноги.

Забравъ свой багажъ въ Пятигорскѣ, дальнѣйшій путь до станціи „Минеральныя воды“ мы снова сдѣлали въ экипажѣ по прекрасному шоссе. На полпути приходится миновать нѣкогда шотландскую, а нынѣ нѣмецкую колонію „Карасъ“, гдѣ Лермонтовъ въ послѣдній разъ напился кофе передъ своею роковою дуэлью.

Чтобы покончить съ мѣстностью района кавказскихъ минеральныхъ водъ, добавимъ, что въ этомъ районѣ, въ 30 верстахъ отъ сліянія Кумы съ Подкумкомъ, кромѣ Бештау и Машука возвышаются и видны все время по дорогѣ отъ Пятигорска къ вокзалу горы: Желѣзная, Змѣиная, Развалъ, Лысая и Быкъ. Почти всѣ эти вершины покрыты густымъ лѣсомъ и своимъ красивымъ видомъ оживляютъ дорогу. На станцію „Минеральныя воды“ я

прибылъ за нѣсколько минутъ до отхода скораго поѣзда во Владикавказъ.

Будущіе посѣтители кавказскихъ минеральныхъ водъ должны порадоваться скорому окончанію желѣзнодорожной вѣтви, которая свяжетъ этотъ курортъ съ общею сѣтью россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Уже въ началѣ сентября локомотивъ засвисталъ въ Пятигорскѣ и прозвучалъ громкимъ эхо на вершинахъ Машука и Бештау, гдѣ и понынѣ вьютъ свои гнѣзда царственные орлы. Вся линія, которая свяжетъ между собою и съ „Минеральными водами" Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и Кисловодскъ, имѣетъ около 60 верстъ и будетъ окончательно готова къ концу нынѣшняго года. Въ Россіи въ настоящее время изъ-за холернаго вопроса потерянъ вкусъ ко всякаго рода инымъ вопросамъ, и потому даже открытіе Өеодосійской желѣзной дороги и окончаніе новой Минеральной и даже линіи отъ Петровска до Беслана [1] наталкивается на крайне обидное равнодушіе общества. Всѣ 60 верстъ новой линіи, отъ которой кавказскія минеральныя воды ожидаютъ великихъ и богатыхъ милостей, обошлись Обществу Владикавказской желѣзной дороги вмѣстѣ со станціонными, мостовыми и иными сооруженіями почти въ 3 милліона рублей. Такимъ образомъ стоимость одной версты опредѣляется почти въ 50 тысячъ рублей. Желѣзноводскій вокзалъ будетъ отстоять отъ Желѣзноводска въ 4 верстахъ, что даетъ возможность сократить общую длину всей линіи чуть ли не на 12 верстъ; къ тому же послѣднія 4 версты до Желѣзноводска представляли такія трудности, что на преодолѣніе ихъ нужно было затратить добавочно сумму около 350 тысячъ рублей, и Общество предпочло ограничиться организаціей таксированныхъ экипажей, которые будутъ доставлять публику съ вокзала въ Желѣзноводскъ. Вообще дѣлу постройки вокзаловъ на во́дахъ не повезло. Въ Ессентукахъ мѣсто для вокзала было выбрано толково и съ знаніемъ дѣла: намѣченъ былъ пунктъ прямо противъ Компанейской гостиницы, отступя на нѣсколько саженей отъ проѣзжей шоссейной дороги, ведущей изъ Пятигорска черезъ Ессентуки въ Кисловодскъ. Отъ вокзала рукой подать прямо къ парку, а слѣдовательно и къ цѣлебнымъ источникамъ. Но мудрое управленіе во́дами и тутъ поставило свое veto,

[1] Бесланъ—послѣдняя станція передъ Владикавказомъ по Владикавказско-Ростовской желѣзной дорогѣ.

и вокзалъ пришлось отнести далеко за бугоръ позади мѣста строющейся въ Ессентукахъ новой церкви. Если проѣзжая дорога, въ качествѣ скотопригоннаго пути, не вредила своею близостью источникамъ (именно нумеру четвертому), если, наконецъ, не вредила имъ сама Компанейская гостиница, спускающая свои нечистоты по сосѣдству съ четвертымъ нумеромъ (такъ называется одинъ изъ Ессентукскихъ источниковъ), то весьма странно, какъ и въ чемъ могла повредить имъ близость вокзала. За то пассажирамъ эта близость была бы на руку, но о пассажирахъ у насъ думать не принято.

Петровскую линію строитъ тотъ же молодой и талантливый инженеръ Кербедзъ, который построилъ дорогу и на минеральныя воды. Это сынъ извѣстнаго инженера Кербедза, которому Россія обязана многими капитальными сооруженіями (Николаевскій мостъ въ Петербургѣ, мостъ въ Варшавѣ, связующій Прагу съ Варшавой). Петровская линія обошлась гораздо дешевле „Минеральной", именно 39 тысячъ съ версты. Къ зимѣ предполагаютъ уже открыть движеніе отъ Петровска до Грознаго. Постройка задержалась тою же общею разорительницею—холерою. На Петровской линіи холера была такъ сильна, что нѣсколько разъ всѣ рабочіе разбѣгались, бросая и вещи и заработанныя деньги. Приходилось ворочать ихъ и водворять на мѣста казаками. Первоначально смертность въ устроенныхъ дорогой баракахъ доходила до ста процентовъ, что объяснялось тѣмъ, что рабочіе, предубѣжденные противъ бараковъ, скрывали заболѣванія и являлись къ доктору лишь въ послѣднемъ періодѣ болѣзни. Однако мало-по-малу врачи побѣдили предразсудокъ, больные получили довѣріе къ баракамъ, что тотчасъ же отразилось на уменьшеніи процента смертности отъ холеры, и теперь желѣзнодорожные рабочіе новыхъ строющихся линій отъ Владикавказской желѣзной дороги снабжены широкою врачебной организаціею и по отношенію къ населенію Терской области ихъ уже ни въ коемъ случаѣ нельзя разсматривать очагами заразы. Въ отношеніи врачебной помощи рабочіе поставлены гораздо лучше, чѣмъ окрестное населеніе. Можно пожелать лишь, чтобы администрація дороги, хотя бы на время эпидеміи, взяла бы въ свои руки также и заботу о продовольствіи рабочихъ. Конечно, эта задача не легка, но тѣмъ больше заслуга исполнившему ее. Теперь же рабочіе нанимаются на своихъ харчахъ, а харчи эти натурально ниже всякой критики.

II.

Станція „Минеральныя воды“ до того пропахла карболкой, что на ней и дышать трудно, но за то ни въ чемъ остальномъ не чувствуется, что попадаешь на великій путь распространенія холерной эпидеміи. То же впечатлѣніе сохраняется и послѣ того какъ сядешь въ вагонъ и проѣдешь порядочную толику пути. Всюду на вокзалахъ изрядная суетня, пассажировъ садится вездѣ много, всѣ буфеты завалены фруктами и чуть ли не всякій третьеклассный пассажиръ тащитъ къ себѣ въ вагонъ огромный арбузъ, который восхитилъ бы капитана Копейкина, или набиваетъ карманы румяными яблоками.

Въ вагонахъ просторнѣе и чище обыкновеннаго, но тоже крѣпко надушено карболкою, а въ первомъ классѣ удалены ковры съ половъ.

Въ концѣ поѣзда пристегнутъ чистенькій, окрашенный бѣлою краской, вагончикъ, съ надписью „санитарный вагонъ“. Благодаря своему почти щеголеватому виду, вагончикъ не производитъ даже своимъ видомъ того удручающаго впечатлѣнія, которое связано съ представленіемъ объ убѣжищѣ для холерныхъ больныхъ. Нашъ вагончикъ шелъ пустымъ; всѣ встрѣчные поѣзда имѣли въ хвостѣ такіе же бѣлые вагоны, которые, по справкамъ, шли также пустыми. Дѣйствительно, сильная эпидемія, свирѣпствовавшая въ теченіе 1½—2 мѣсяцевъ въ Терской области, замѣтно начала ослабѣвать, и тамъ, гдѣ прежде въ день дѣло доходило до двухъ тысячъ заболѣваній, теперь захварываетъ не болѣе пятидесяти человѣкъ (конецъ августа). Даже знаменитая станица Прохладная, въ которой появились первые случаи, вызвавшіе панику среди курсовыхъ больныхъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и та нынѣ совсѣмъ свободна отъ больныхъ. Въ этой станицѣ населеніе, въ ознаменованіе прекращенія эпидеміи и самоотверженной дѣятельности присланнаго къ нимъ врача Ильина, устроило ему торжественные проводы и поднесло на память золотые часы съ цѣпочкой. Такой же оваціи удостоился и харьковскій студентъ-медикъ Н. Краинскій отъ жителей станицы Солдатской. Когда Краинскій былъ вызванъ на родину, то общество этой станицы проводило его на станцію въ полномъ составѣ съ женами и дѣтьми и поднесло ему чрезъ атамана

серебряный подстаканникъ съ надписью „отъ признательной станицы Солдатской". Сообщаемъ эти факты съ отраднымъ чувствомъ и очень сожалѣемъ, что инородческое населеніе Терской области въ своихъ пораженныхъ эпидеміей аулахъ далеко не раздѣляетъ взглядовъ терскихъ казаковъ на дѣйствительность врачебной помощи въ дѣлѣ прекращенія холеры. Инородцы не вѣрятъ русскимъ врачамъ, неохотно показываютъ имъ своихъ больныхъ и, говорятъ, было не мало случаевъ, гдѣ пріѣздъ врача или фельдшера въ аулъ вызывалъ такую враждебную демонстрацію, что о подачѣ помощи нечего было и думать. Туземное населеніе Терской области да и вообще Кавказа не вышло въ этомъ отношеніи еще изъ сферы самыхъ темныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Ингуши, въ огражденіе своихъ селеній и себя лично отъ холеры устраиваютъ таинственныя процессіи по подземнымъ галлереямъ. Для этого вырываютъ два колодца, соединяемые подземнымъ ходомъ. У того и другаго колодца муллы читаютъ священный коранъ, а правовѣрные одинъ за другимъ спускаются въ одинъ изъ колодцевъ, проходятъ по тѣсной галлереѣ въ другой, причемъ по пути каждый проходящій отплевывается во всѣ стороны. Вышедшій такимъ образомъ на поверхность земли становится, по мѣстному повѣрью, какъ бы застрахованнымъ отъ холеры. Кабардинцы обносятъ вокругъ селенія цѣлою процессіей бычачью кожу, и мѣстное повѣрье гласитъ, что холера не можетъ перейти черту, по которой прошла такая процессія. Жители осетинской слободки во Владикавказѣ вскорѣ же послѣ появленія въ этомъ городѣ холеры пытались умилостивить ее жертвоприношеніями. Собравшись, они зарѣзали быка, изжарили его и съѣли, обильно запивая пивомъ *(Терск. Вѣд.)*. Наши казачки также по временамъ не отступаютъ отъ своихъ туземныхъ собратій: такъ казаки станицы Ассинской прогоняли холеру выстрѣлами. Собравшись чуть ли не всѣ поголовно, они стрѣляли въ воздухъ почти цѣлую ночь. „Опахиваніе" деревень въ предупрежденіе заноса холеры, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ мѣръ, которую довольно широко примѣняли и у насъ во внутренней Россіи въ текущую эпидемію, и до какой дикости дошли бы мы, еслибъ у насъ умирали люди въ такомъ количествѣ, какъ это было на Сѣверномъ Кавказѣ (въ Терской и Кубанской областяхъ), это извѣстно одному Господу Богу. Мы едва ли ошибемся, если признаемъ, что Терская область въ минувшую эпидемію является одною изъ наиболѣе пораженныхъ

ныхъ во всей Россіи мѣстностей. За одинъ лишь періодъ времени отъ 12 іюля по 10 августа здѣсь заболѣло 24.724 чел. и умерло 11.967, то-есть гораздо больше половины того количества людей, которые при нормальныхъ условіяхъ умираютъ здѣсь и притомъ отъ всѣхъ болѣзней за цѣлый годъ. Обыкновенно смертность въ Терской области не превышаетъ 23 на 1.000, что при населеніи области въ 780.000 человѣкъ дало въ 1890 году 18.132 смертныхъ случая за годъ, то-есть по 49 человѣкъ въ день во всей области. [1] Другими словами, азіатская гостья повысила существующую въ краѣ при нормальныхъ условіяхъ смертность чуть ли не въ десять разъ.

Будущему историку холерной эпидеміи 1892 года предстоитъ, безъ сомнѣнія, трудная задача выясненія причинъ такого исключительно рѣзкаго развитія эпидеміи въ краѣ, отличающемся въ общемъ крайне малой плотностью населенія. Извѣстно, что плотность населенія въ Терской области крайне не велика, а именно здѣсь на квадратную версту приходится до 12,6 человѣкъ, а въ частности въ территоріи собственно Терскаго казачьяго войска [2] населеніе еще рѣже, и здѣсь на квадратной верстѣ живетъ не болѣе 8,6 человѣкъ. Приводимъ для наглядности данныя относительно населенности другихъ мѣстностей нашего отечества. Въ Петербургской промышленной области на каждую квадратную версту приходится 108 человѣкъ, въ западныхъ окраинахъ—53 человѣка, въ черноземной не-степной области—40, въ центральной промышленной—36, въ Сѣверско-Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ (части Пермской и Вятской губерній)—24, въ лѣсной черноземно-суглинистой области—17, въ черноземной степной—15, въ Кавказскомъ краѣ вообще и въ Крыму—14, въ Пинскомъ Полѣсьѣ—12, въ Вологодско-Вятскомъ Полѣсьѣ—11, въ Новгородско-Финскомъ Полѣсьѣ—9, въ Уральскомъ Полѣсьѣ—7, въ степной не-черноземной полосѣ—4. Такимъ образомъ, если плотность населенія Россіи въ среднемъ въ девять разъ меньше, напримѣръ, чѣмъ въ Англіи и въ пятнадцать разъ—чѣмъ въ Бельгіи, то сравнительно съ этими государствами Терская область представляется вовсе не заселенною. Если признать, что въ

[1] Среднимъ числомъ въ этотъ періодъ времени захварывало въ день по 824 человѣка (maximum 1.158) и умирало 398 (maximum 564).

[2] Собственно территорія Терскаго казачьяго войска охватываетъ собою три административныхъ единицы области: Сунженскій, Кизлярскій и Пятигорскій отдѣлы.

Терской области мы, въ лицѣ терскихъ и гребенскихъ казачьихъ поселеній, имѣемъ самыя первыя и раннія русскія колоніи на Кавказѣ, то нельзя не сознаться, что этимъ колоніямъ сильно не везетъ, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ Русскіе, на нашъ взглядъ, всегда были и есть плохими колонизаторами. Не даромъ существуетъ историческое преданіе, что Донцы, переселяясь на Кавказъ, не знали и не хотѣли знать хлѣбопашества и бичами забивали тѣхъ изъ казаковъ, которые брались за соху. Какъ ни смутны и неопредѣленны указанія различныхъ историковъ мѣстной колонизаціи края (Евг. Максимовъ, И. Попко, І. Бетховскій, Ѳ. Пономаревъ), тѣмъ не менѣе нужно полагать, что первая горсточка русскихъ людей занесена была въ Терскую область въ XVI столѣтіи, въ эпоху отмѣченную другимъ колонизаціоннымъ теченіемъ казачьей вольницы. Имя Ермака Тимоѳеевича, покорителя Сибири, извѣстно всякому ребенку, но имя атамана Андрея Шадры, который создалъ первый кавказскую колонію и такимъ образомъ положилъ первый камень нашего кавказскаго владычества, еще ждетъ своего бытоописателя. Андрей былъ пріятелемъ Ермака Тимоѳеевича, казаки повздорили между собой и разошлись въ разныя стороны, а въ результатѣ этой ссоры получилась колонизація не только Сибири, но и Кавказа. Если первымъ колонизаторамъ Терской области не приходилось сладко, несмотря на громадныя природныя богатства этой страны, то, очевидно, и понынѣ еще жизненныя условія въ краѣ и особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея представляютъ мало привлекательнаго. Первымъ поселенцамъ приходилось прежде всего отстаивать безопасность своего имущества и свою собственную отъ буйныхъ своихъ сосѣдей горцевъ; правда, теперь этого давно уже нѣтъ, но за то климатическія условія, повидимому, далеко еще не смягчили своего воздѣйствія на пришлое колонизаціонное населеніе. Такъ, напримѣръ, во всей территоріи Терскаго казачьяго войска проточная вода имѣется лишь въ изобиліи въ западной половинѣ Пятигорскаго отдѣла, да на югѣ и юго-востокѣ Сунренскаго. Въ остальныхъ мѣстностяхъ края недостатокъ проточной воды составляетъ истинную злобу дня, переходящую въ настоящее бѣдствіе во всемъ Кизлярскомъ отдѣлѣ, въ степной части Пятигорскаго и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ долинахъ. Отъ недостатка воды страдаютъ не только люди, но и скотъ и даже вся флора мѣстности. Такимъ образомъ въ странѣ, рядомъ съ изумительнымъ богатствомъ во всевозможныхъ

минеральныхъ источникахъ, уживается крайняя бѣдность въ хорошей проточной прѣсной водѣ.

Далѣе вся дельта Терека, не будучи до сихъ поръ осушена отъ болотъ, даетъ такія злокачественныя формы перемежающихся лихорадокъ, что съ ними не акклиматизировалось даже и туземное населеніе. Весь Кизлярскій отдѣлъ, напримѣръ, до такой степени отличается цѣлымъ рядомъ моментовъ, вредно отражающихся на здоровье мѣстнаго населенія, что, по свѣдѣніямъ Терскаго областнаго статистическаго комитета, прибыль населенія въ этомъ отдѣлѣ едва равняется 0,7% (1889 года). Въ иные годы эта прибыль опускается еще ниже и были случаи, когда въ теченіе года убыль населенія превышала прибыль, а въ нѣкоторыхъ станицахъ Кизлярскаго отдѣла это печальное явленіе повторяется слишкомъ часто. Тотъ же комитетъ, какъ извѣстно, еще въ семидесятыхъ годахъ обратилъ всеобщее вниманіе на то, что въ маломъ прироотѣ казачьяго населенія въ большинствѣ мѣстностей виновна громадная смертность дѣтей до пятилѣтнаго возраста. Во многихъ мѣстахъ Россіи дѣти до этого возраста умираютъ въ поразительныхъ количествахъ, и если признать, что въ среднемъ нормальный для всей Россіи процентъ будетъ 49 на сто душъ умершихъ, то здѣсь этотъ процентъ доходитъ до 70. Къ сожалѣнію, это явленіе, подмѣченное двадцать лѣтъ тому назадъ и объясняемое такъ же, какъ и во внутренней Россіи—недостаткомъ ухода за дѣтьми, остается во всей своей силѣ и поднесь и нами отмѣчается въ настоящее время лишь въ смыслѣ указанія или вѣрнѣе отыскиванія тѣхъ причинъ, коими, быть-можетъ, хотя отчасти объясняется та напряженность, съ которою въ краѣ свирѣпствовала нынѣ холерная эпидемія.

Отъ станціи „Минеральныя воды“ почти вплоть до Терека тянется выжженная голая степь, но за то за Терекомъ начинается та житница, которая въ минувшемъ году вмѣстѣ съ Кубанскою областью накормила наши пораженныя недородомъ губерніи. На долю Терской области такимъ образомъ впервые выпала благодарная роль кормилицы Земли Русской, и терскіе казаки и въ этой роли оказали своему отечеству такія же почетныя услуги, какъ и на поприщѣ военномъ и боевомъ. На станціи *Даргъ-Кохъ* уже подъ самымъ Владикавказомъ нашъ бѣлый вагончикъ распахнулъ свои двери и принялъ одну больную—жену желѣзнодорожнаго сторожа,—которую нашъ поѣздъ благополучно и доставилъ въ Владикавказскій холерный госпиталь. Въ самомъ

Владикавказѣ холера почти прекратилась еще въ серединѣ августа, причемъ за все время отъ начала заболѣванія въ этомъ городѣ почти съ 50-тысячнымъ населеніемъ захворало 918 человѣкъ, изъ коихъ умерло 381, то-есть не болѣе сорока процентовъ. Въ наибольшій разгаръ эпидеміи самое большее количество заболѣвшихъ въ день доходило до 75 человѣкъ, а самое бóльшее количество умершихъ до 46. Такимъ образомъ, въ общемъ, эпидемія здѣсь далеко не достигала той злокачественности, какую она приняла, напримѣръ, въ Гамбургѣ, куда, по мысли *Коха*, мысли явно политически-тенденціозной, она занесена будто бы изъ Россіи.—Владикавказъ очень хорошенькій городъ. Его украшаютъ и бурный Терекъ и чудесныя горы. Главное—горы. Кромѣ чудесной шапки Казбека изъ Владикавказа видна рѣдкая по красотѣ гора Мать-хохъ, которую здѣсь называютъ Столовой. Самъ городъ вонючъ и грязенъ, какъ примѣрный Азіатъ. Лучшая улица города—Александровскій проспектъ—благоухаетъ не лучше помойной ямы. Знатоки дѣла объясняютъ это явленіе не столько неопрятностью города, сколько интензивностью здѣсь всѣхъ процессовъ разложенія и гніенія. Дѣйствительно, вся Владикавказская равнина, а слѣдовательно и городъ, страдаетъ отъ обилія атмосферныхъ осадковъ и пожалуй въ этомъ отношеніи во всей Россіи занимаетъ исключительное мѣсто. По свѣдѣніямъ за послѣднія пять лѣтъ здѣсь было въ теченіе года 140 дней съ осадками (въ томъ числѣ 114 дней съ дождями), общее годовое количество которыхъ превышаетъ 821 миллиметръ. Рядомъ съ большою жарой такая вѣчная мокрота и обиліе лужъ, конечно, должны давать большой матеріалъ для гніенія всевозможныхъ органическихъ остатковъ.

Другимъ больнымъ мѣстомъ города является его водоснабженіе и особенно удаленіе нечистотъ и всякихъ помойныхъ и сточныхъ водъ. Лѣтъ семь, восемь тому назадъ городское управленіе устроило прекрасный песчаный фильтръ и такимъ образомъ дало возможность пить очищенную отъ массы мути воду Терека. Взамѣнъ Сосунà, такъ какъ рѣка въ городѣ очень мелководна, хотя и быстра, въ фильтръ поступаетъ часть теречной воды не изъ самаго русла, а изъ боковаго рукава, идущаго вдоль крайне загрязненнаго берега, украшеннаго общественными сортирами и тому подобными ароматичными учрежденіями. Близъ начала этого рукава, изъ котораго пьетъ воду весь Владикавказъ, устроена мельница съ плотиной, на образованіе которой

пошло много десятковъ тысячъ возовъ навоза, экскрементовъ и всяческихъ нечистотъ. Плотина эта, конечно, постоянно выщелачивается рѣкой, и естественно, что фильтръ не можетъ справиться съ такою непосильною задачей и даетъ воду худшую, чѣмъ нефильтрованная вода главнаго русла. И дѣйствительно, части города, пившія прямо мутную нефильтрованную воду Терека, страдали отъ эпидеміи ничуть не больше, чѣмъ участки, снабженные прозрачною фильтрованною водой. Даже скорѣе наоборотъ. Сообщаемые мною факты не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ они ни невѣроятны на первый взглядъ, такъ какъ переданы мнѣ мѣстнымъ городскимъ врачемъ, который неоднократно поднималъ вопросъ объ этой злополучной мельницѣ и ея знаменитой плотинѣ изъ навоза. Не лучше стоитъ дѣло и съ удаленіемъ всяческихъ нечистотъ изъ города. Все это спускается и сваливается въ Терекъ, рѣку крайне мелкую и по временамъ крайне не обильную водой. Даже прачечныя, мывшія госпитальное холерное бѣлье, спускаютъ свои помои въ тотъ же многострадальный Терекъ, который несетъ дальше всѣ эти „запятыя“ въ ниже лежащія мѣста человѣческаго обитанія. Повторяю, что сообщаемые мною факты идутъ изъ вполнѣ компетентнаго источника и истинность ихъ никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣна.—Владикавказъ основанъ былъ еще при Екатеринѣ II и вплоть до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія представлялъ изъ себя небольшую крѣпостцу, задача которой сводилась къ охранѣ одного изъ лучшихъ и древнѣйшихъ проходовъ черезъ главный Кавказскій хребетъ. Задача настолько почтенная, что ею объясняется и самое названіе города. Съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа роль Владикавказа существенно измѣнилась, а подошедшая желѣзная дорога окончательно упрочила за нимъ крайне важное торговое значеніе. Значеніе это безконечно усилилось бы, еслибы черезъ главный хребетъ шло не шоссе, именуемое Военно-Грузинской дорогой, а рельсовый путь, который, какъ извѣстно, могъ бы быть здѣсь проложенъ безъ особыхъ даже техническихъ затрудненій. Всѣ нужныя изысканія сдѣланы, и общая стоимость такой дороги опредѣлена въ сорокъ милліоновъ рублей,—сумма, которая на Западѣ, конечно, не считалась бы громадной.

Несомнѣнно однако, что если Петровскъ соединится рельсами съ Баку, тогда желѣзная дорога черезъ главный хребетъ сдѣлается достояніемъ однихъ туристовъ, а Владикавказъ потеряетъ

свое торговое значеніе и отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть. Въ городѣ теперь имѣется мужская и женская гимназіи, реальное училище, 18 низшихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ ремесленное училище въ память Лорисъ-Меликова, бывшаго нѣкогда начальникомъ Терской области, и до 50 мелкихъ фабрикъ и заводовъ. [1]

Правда, городскихъ достопримѣчательностей мало, да и городу некогда было заниматься такими пустяками, недаромъ еще въ немъ цѣлы и остатки старой крѣпости и новой оборонительной стѣнки, построенной до взятія въ плѣнъ Шамиля, когда городъ съ часу на часъ ожидалъ нападенія грозныхъ полчищъ знаменитаго имама. Городъ полонъ военными, и этотъ элементъ играетъ здѣсь преобладающую роль. Мы прибыли въ городъ какъ-разъ въ день чествованія (25 августа) войсковаго круга Терскаго казачьяго войска, праздника установленнаго лишь съ прошлаго 1891 года. Этотъ праздникъ имѣетъ огромное значеніе для всего Кавказа. Онъ чествуетъ тѣхъ удалыхъ выходцевъ изъ московской земли, тѣхъ смѣлыхъ донскихъ, волжскихъ и яицкихъ казаковъ, ту знаменитую „вольницу", которая безстрашно забралась на берега Терека и положила здѣсь прочную основу русской колонизаціи всего Кавказа. Весь знаменательный день 25 августа городскія улицы были покрыты военными въ ихъ живописныхъ черкескахъ, торжественно гремѣла музыка, развѣвались знамена и прошла процессія съ булавами и насѣками древняго казачества. Вечеромъ на многихъ перекресткахъ также играла музыка, говорились тосты, пролито было много кахетинскаго вина и въ казачьей груди вставали былые славные подвиги невозвратнаго прошлаго. Въ Владикавказѣ стоитъ и знаменитый Тенгинскій пѣхотный полкъ, куда былъ назначенъ, но не доѣхалъ Лермонтовъ. Въ этомъ же полку числится и другой безсмертный человѣкъ — безвѣстный сѣрый, рядовой солдатикъ Архиповъ Осипъ, который въ сороковыхъ годахъ вплелъ крупный лавръ въ вѣнокъ знаменитаго полка. Когда громадныя скопища черкесовъ взяли горсточку русскихъ людей, защищавшихъ небольшое Михайловское укрѣпленіе, то простой рядовой Архиповъ, видя, что побѣда клонится на сторону горцевъ, взорвалъ пороховой погребъ и хотя погибъ самъ, но погубилъ и множе-

[1] Трудно повѣрить, но—фактъ, что Владикавказъ не имѣетъ *ни одной* книжной торговли, ни одной книжной лавки.

ство враговъ. Архиповъ числится и по настоящее время въ спискахъ полка и его вызываютъ при каждой перекличкѣ, причемъ на вызовъ отвѣчаютъ „погибъ во славу русскаго оружія“. Сѣрому герою нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленъ во Владикавказѣ памятникъ на концѣ Александровскаго проспекта, противъ зданія упраздненной нынѣ военной гимназіи. Да проститъ намъ строитель памятника, но монументъ его, особенно среди окружающей величественной природы, вышелъ какимъ-то черезъчуръ маленькимъ, игрушечнымъ. На небольшой мраморной колонкѣ сидитъ орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ клювѣ. Орелъ сидитъ на кучѣ ядеръ, но общій масштабъ памятника такъ малъ, что въ одномъ изъ кавказскихъ путеводителей составитель пресерьезно описываетъ, что на колонкѣ лежатъ яица, а на нихъ сидитъ орлица (Путеводитель Андреева. Спб. 1891 г.) На одной сторонѣ монумента сдѣлана надпись: „штабсъ-капитану Лико и рядовому Осипу Архипову“, а на другой сторонѣ прибита мѣдная доска, на которой вырѣзанъ приказъ графа Чернышева,—бывшаго въ сороковомъ году военнымъ министромъ, о подвигѣ рядоваго Архипова. Къ сожалѣнію текстъ приказа вырѣзанъ слишкомъ мелко, какими-то фигурными съ завитушками славянскими буквами. Съ развитіемъ просвѣщенія на Кавказѣ туземнымъ жителямъ, посѣщающимъ областной городъ, было бы полезно умѣть читать описаніе геройскаго подвига рядоваго Осипа Архипова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Святловскій.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.[1]

1) Воспоминанія о Θедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ.

Въ 1839 году я поступилъ въ Главное Инженерное Училище (нынѣ Николаевское) въ четвертый младшій классъ, тринадцати лѣтъ. Θедоръ Михайловичъ въ это время былъ во II классѣ. Мы, воспитанники низшаго класса, не имѣли ничего общаго въ то время съ воспитанниками (какъ тогда называли „кондукторами") высшихъ классовъ, такъ какъ первый годъ поступленія въ училище былъ для новичка годомъ полнаго безправія и под-

[1] Открывая подъ этимъ заглавіемъ новый отдѣлъ въ нашемъ журналѣ, мы имѣемъ въ виду удовлетворить весьма естественную любознательность нашихъ читателей и вмѣстѣ съ тѣмъ сослужить посильную службу исторіи отечественной словесности. Поэтому, обладая уже нѣкоторымъ запасомъ пригоднаго для того матеріала, мы тѣмъ не менѣе обращаемся съ усерднѣйшею просьбой ко всѣмъ, кто можетъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ, присылкой всего, могущаго войти въ этотъ отдѣлъ и долженствущаго послужить немаловажнымъ подспорьемъ будущимъ историкамъ нашей литературы. Въ этой книгѣ мы ограничиваемся пока: 1) помѣщеніемъ портрета Θ. М. Достоевскаго, рисованнаго съ него въ 1847 г. акад. К. Д. Трутовскимъ и любезно доставленнаго намъ самимъ художникомъ вмѣстѣ съ его «Воспоминаніями о Θ. М. Достоевскомъ», 2) напечатаніемъ письма К. Н. Леонтьева къ С. Васильеву, весьма характернаго для освѣщенія необыкновенно самобытнаго и оригинальнаго міросозерцанія покойнаго писателя, и наконецъ 3) обнародованіемъ двухъ изъ пріобрѣтенныхъ нами и имѣющихъ послѣдовательно появиться въ дальнѣйшихъ книжкахъ нашего журнала писемъ извѣстнаго критика шестидесятыхъ годовъ, Дм. Ив. Писарева. *Ред.*

чиненія старшимъ воспитанникамъ. Существовалъ обычай, что всѣ старшіе воспитанники имѣли полное право приказывать новичкамъ, а тѣ должны были безпрекословно исполнять ихъ приказанія. Всякое сопротивленіе ихъ приказанію или проявленіе самостоятельности было наказываемо ими подчасъ очень жестоко. Обычай дикій, который, слава Богу, теперь вывелся.

Я лично находился въ этомъ случаѣ въ исключительномъ положеніи: такъ какъ я рисовалъ лучше другихъ, то мнѣ часто приходилось, по просьбѣ, а большею частью по приказанію, рисовать для старшихъ воспитанниковъ. Рисовалъ я или орнаменты для архитектурныхъ проектовъ, или вырисовывалъ самые архитектурные проекты, или наконецъ дѣлалъ просто рисунки. Офицеры „офицерскихъ“ классовъ (нынѣ академическихъ) иногда также приносили мнѣ свои архитектурные проекты, на которыхъ я долженъ былъ вычерчивать капители и орнаменты на зданіяхъ.

Какъ-то разъ и Ѳ. М. попросилъ меня исполнить для него подобнаго рода работу, — и когда я сдѣлалъ то, что онъ просилъ, то Ѳ. М. заинтересовался моими способностями и сталъ моимъ защитникомъ противъ грубыхъ нашихъ повелителей изъ старшихъ классовъ.

Въ то время Ѳ. М. былъ очень худощавъ; цвѣтъ лица былъ у него какой-то блѣдный, сѣрый, волосы свѣтлые и рѣдкіе, — глаза впалые, но взглядъ проницательный и глубокій.

Во всемъ училищѣ не было воспитанника, который бы такъ мало подходилъ къ военной выправкѣ, какъ Ѳ. М. Достоевскій. Движенія его были какія-то угловатыя и вмѣстѣ съ тѣмъ порывистыя. Мундиръ сидѣлъ неловко, а ранецъ, киверъ, ружье — все это на немъ казалось какими-то веригами, которыя временно онъ обязанъ былъ носить, и которыя его тяготили.

Нравственно онъ также рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ — болѣе или менѣе легкомысленныхъ — товарищей. Всегда сосредоточенный въ себѣ, онъ, въ свободное время, постоянно задумчиво ходилъ взадъ и впередъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ, не видя и не слыша, что̀ происходило вокругъ него.

Добръ и мягокъ онъ былъ всегда, но мало съ кѣмъ сходился изъ товарищей. Было только два лица, съ которыми онъ подолгу бесѣдовалъ и велъ длинные разговоры о разныхъ вопросахъ. Эти лица были Бережецкій и, кажется, А. П. Бекетовъ. Такое изолированное положеніе Ѳ. М. вызывало со стороны то-

варищей добродушныя насмѣшки, и почему-то ему присвоили названіе — Фотія. Но Ѳ. М. мало обращалъ вниманія на такое отношеніе товарищей. Несмотря на насмѣшки, къ Ѳ. М. вообще товарищи относились съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Молодость всегда чувствуетъ умственное и нравственное превосходство товарища,—только не удержится, чтобъ иногда не подсмѣяться надъ нимъ.

Когда Ѳ. М. окончилъ курсъ въ академическихъ классахъ, то онъ поступилъ на службу въ С.-Петербургѣ при Инженерномъ Департаментѣ. Жилъ онъ тогда на углу Владимірской улицы и Графскаго переулка.

Какъ-то встрѣтивъ меня на улицѣ, Ѳ. М. сталъ разспрашивать меня, занимаюсь ли я рисованіемъ, что̀ я читаю? Потомъ совѣтовалъ мнѣ серьезно заниматься искусствомъ, находя во мнѣ талантъ, и въ то же время заниматься и чтеніемъ произведеній великихъ авторовъ,—при этомъ пригласилъ меня навѣстить его когда-нибудь въ праздничное время. Я поспѣшилъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, и въ первое же воскресенье отправился къ Ѳ. М. Квартира его была во второмъ этажѣ и состояла изъ четырехъ комнатъ: просторной прихожей, зальца и еще двухъ комнатъ; изъ нихъ одну занималъ Ѳ. М., а остальныя были совсѣмъ безъ мебели. Въ узенькой комнатѣ, въ которой помѣщался, работалъ и спалъ Ѳ. М., былъ письменный столъ, диванъ, служившій ему постелью, и нѣсколько стульевъ. На столѣ, стульяхъ и на полу лежали книги и исписанные листы бумаги.

Встрѣтилъ меня Ѳ. М. очень ласково и участливо сталъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ. Долго говорилъ со мною объ искусствѣ и литературѣ, указывалъ на сочиненія, которыя совѣтовалъ прочесть, и снабдилъ меня нѣкоторыми книгами. Яснѣе всего сохранилось у меня въ памяти то, что̀ онъ говорилъ о произведеніяхъ Гоголя. Онъ просто открывалъ мнѣ глаза и объяснялъ глубину и значеніе произведеній Гоголя. Мы, воспитанники училища, были очень мало подготовлены къ пониманію Гоголя, да и не мудрено: преподаватель русской словесности, профессоръ Плаксинъ, изображалъ намъ Гоголя, какъ полную бездарность, а его произведенія называлъ безсмысленно-грубыми и грязными. Но значеніе Гоголя было въ то время уже такъ велико, а юность такъ воспріимчива къ новымъ великимъ талантамъ, что никакіе профессора стараго закала не могли затмить для

насъ образъ великаго Гоголя. Мы зачитывались его „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“. Конечно, на насъ юношей дѣйствовала больше внѣшняя сторона его произведеній,—его юморъ и лиризмъ.

Затѣмъ Ѳ. М. совѣтовалъ мнѣ читать и другихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и Шекспира въ особенности. По его совѣту, я усиленно занялся французскимъ языкомъ; читалъ и дѣлалъ переводы. Однимъ словомъ, Ѳ. М. далъ сильный толчекъ моему развитію своими разговорами, руководя моимъ чтеніемъ и моими занятіями.

Въ 1843 году я окончилъ курсъ въ Инженерномъ Училищѣ, будучи 17 лѣтъ, и перешелъ въ академическіе классы. Жилъ я тогда во все время моего пребыванія въ академическихъ классахъ (въ Петербургѣ) съ товарищемъ Безусомъ, и Ѳ. М. изрѣдка посѣщалъ меня. Въ это время онъ оканчивалъ свою повѣсть *Бѣдные люди*. Но объ этомъ его произведеніи никто не зналъ, пока онъ его не напечаталъ, такъ какъ Ѳ. М. никому не говорилъ о своей работѣ.

Въ 1844 году мнѣ было 18 лѣтъ, и я, какъ водится, былъ влюбленъ, — переписывался съ предметомъ моей любви, писалъ ей стихи.

Съ юношескою откровенностью я передавалъ Ѳ. М. всѣ перипетіи моего романа, съ увлеченіемъ описывалъ красоту моего предмета, ея дѣйствія, слова... Имя этой милой дѣвушки было Анна Львовна И. Дома ее звали *Неточка*. Ѳ. М. очень понравилось это названіе, и онъ озаглавилъ свой новый разсказъ — *Неточка Незванова*.

По окончаніи курса въ Инженерной Академіи въ 1845, я оставленъ былъ при Инженерномъ Училищѣ, несмотря на мою крайнюю молодость (19 лѣтъ), въ качествѣ репетитора въ классахъ рисованія и архитектуры, такъ какъ начальство Инженернаго Училища желало дать мнѣ возможность въ то же время заниматься и въ Академіи Художествъ. Въ то время начальство этого училища, если видѣло въ воспитанникѣ какое-нибудь дарованіе, то старалось дать возможность ему развиться, направляя его на то поприще, къ которому у него были природныя способности. Стоило только доложить покойному Государю Николаю Павловичу или Великому Князю Михаилу Павловичу, что воспитанникъ обладаетъ талантомъ, чтобъ ему сдѣлали всевозможныя льготы, понимая, что всякій человѣкъ только тогда бу-

детъ полезнымъ дѣятелемъ, когда онъ будетъ работать на своемъ поприщѣ.

Сколько въ то время было военныхъ, которые получали жалованье и въ то же время были временно освобождены отъ службы и занимались или въ Академіи Художествъ или занимались музыкой.

Прошу извиненія за это отступленіе, но такъ какъ я самъ испыталъ въ высшей степени гуманное отношеніе ко мнѣ, то и останусь всегда благодаренъ этимъ людямъ, столь отзывчивымъ на все хорошее...

До 1849 я изрѣдка видѣлся съ Ѳ. М., весь погруженный въ свои художественныя занятія. Посѣщая изрѣдка Ѳ. М., я встрѣчалъ у него Филиппова, Петрашевскаго и другихъ лицъ, которыя потомъ пострадали вмѣстѣ съ нимъ. О замыслѣ ихъ я не имѣлъ, конечно, никакого понятія, такъ какъ Ѳ. М. не считалъ нужнымъ сообщать о своихъ планахъ такому юношѣ, какимъ я тогда былъ. Случилось какъ-то, что въ 1849 году Ѳ. М. прожилъ у меня на квартирѣ нѣсколько дней, и въ эти дни, когда онъ ложился спать, всякій разъ просилъ меня, что если съ нимъ случится летаргія, то чтобы не хоронили его ранѣе трехъ сутокъ. Мысль о возможности летаргіи всегда его безпокоила и страшила.

Въ концѣ 1849 года Ѳ. М. какъ-то заговорилъ со мной о томъ, что у него по пятницамъ собирается общество, что тамъ читаются и объясняются литературныя произведенія, доступныя пониманію народа, то-есть тѣхъ мѣщанъ и мастеровыхъ, которые бывали тамъ,—и звалъ меня на эти вечера.

Почему-то,—я теперь не припомню,—мнѣ все не удавалось попасть на эти собранія, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Наконецъ, любопытство одержало верхъ, и я рѣшилъ хотя разъ пойти на одинъ изъ этихъ вечеровъ. Но тутъ случилось событіе, которое помѣшало мнѣ исполнить мое намѣреніе и въ скоромъ времени измѣнило всю мою жизнь.—Я получилъ извѣстіе о смерти моей матушки; мнѣ тотчасъ дали отпускъ, – и я уѣхалъ въ Харьковскую губернію, въ свое имѣніе. По пріѣздѣ въ деревню, я скоро поѣхалъ въ Харьковъ (вслѣдствіе раздѣла имѣнія), и тамъ съ ужасомъ узналъ, что все общество было арестовано, именно въ ту пятницу, когда я собирался туда пойти.

Въ 1862 году Ѳ. М. вернулся изъ ссылки. Я жилъ тогда въ Петербургѣ. Велика была моя радость, когда я увидалъ его вхо-

дящимъ ко мнѣ на квартиру, свободнымъ. Много разсказывалъ онъ мнѣ о своей тяжелой жизни и о перенесенныхъ имъ физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ. Несмотря на это, онъ казался здоровѣе, чѣмъ прежде. Видъ его былъ бодрый, и онъ говорилъ, что припадки падучей болѣзни у него уменьшились. Взгляды его на многое радикально измѣнились... Но это было почти послѣднее свиданіе. Обстоятельства и жизнь совсѣмъ разлучили насъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ мелькомъ въ Москвѣ, когда онъ пріѣзжалъ на открытіе памятника Пушкину.

К. Трутовскій.

---

2) Письмо К. Н. Леонтьева къ С. Васильеву.

9 марта 1889. Оптина пустынь.

Милостивый государь,

Сергѣй Васильевичъ! (такъ кажется?—Если не такъ—простите!).

Я давнымъ давно уже—величайшій почитатель и поклонникъ вашей театральной критики; мнѣ и прежде не разъ приходила мысль написать вамъ о томъ, какъ я люблю ваши статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Почему я этого не сдѣлалъ, до сихъ поръ не могу объяснить точно. Вѣроятно и со мною случилось то же, что бываетъ со многими въ такихъ случаяхъ. Зачѣмъ?.. Частное письмо—не печатная похвала; много ли отъ частнаго письма человѣку прибавится удовольствія? Онъ и самъ знаетъ, я думаю, что статьи его хороши? И т. п. Но когда я прочелъ послѣднюю вашу статью о томъ, какъ ставили и судили *Грозу* Островскаго въ Парижѣ, чаша, такъ-сказать, моего чувства переполнилось, и я рѣшился написать вамъ объ этомъ. Отчего вы до сихъ поръ не издадите отдѣльный сборникъ? У меня есть собраніе фельетоновъ Теофиля Готье за 25 лѣтъ. Они очень хороши и занимательны; но я нахожу, что ваши гораздо серьезнѣе, какъ серьезнѣе и русскій театръ новаго времени театра французскаго. Я не могу равнять Скриба и Дюма-сына съ Островскимъ и драмы ихнія съ Ал. Толстымъ. Можетъ-быть, второстепенные у нихъ и лучше нашихъ такихъ; это и естественно, потому что вся жизнь и люди Франціи XIX в. ближе къ „среднему“ чему-то, чѣмъ жизнь и люди въ Россіи... Но трило-

гія Ал. Толстаго (которую почему-то боятся давать на сценѣ) и лучшія пьесы Островскаго—стоятъ тысячу посредственныхъ, приличныхъ и занимательныхъ французскихъ драмъ и комедій.

Въ вашей послѣдней статьѣ о *Грозѣ* столько чувства, ума и правды, что она меня восхитила и переполнила черезъ край ту „чашу“, о которой я говорилъ! Какъ хорошо вы подобрали цитаты изъ французскихъ критиковъ! И какъ искренно и тепло выражена у васъ религіозная сторона дѣла!.. Видите ли, я давнымъ давно почти пересталъ ѣздить въ театръ, по многимъ причинамъ, о которыхъ распространяться не буду; прослуживши семь слишкомъ лѣтъ въ Москвѣ цензоромъ, я былъ въ театрѣ только *два раза*: въ *Жизни за Царя* и въ *Трогирскомъ Воеводѣ* Аверкіева—*для костюмовъ и картинокъ* (потому что ненавижу современный мужской костюмъ и *отдыхаю* глазами и душою на всѣхъ другихъ, менѣе подлыхъ, безсмысленныхъ и менѣе позорныхъ одѣяніяхъ!).

Когда я живу въ городѣ, мнѣ *послѣ всего другаго* приходитъ въ голову истратить деньги и предпринять какія-то хлопоты для того, чтобы быть въ театрѣ. Но ваши статьи заставляютъ меня снова любить театръ! Значитъ, онѣ хороши!

Вопервыхъ, вы меня заставляете въ чтеніи гораздо больше *понимать*, чѣмъ бы я понялъ самъ въ дѣйствительности. Говорю я это не потому, что считаю себя непонятливымъ... Нѣтъ, увы! я особенною умственною скромностью не отличаюсь! А потому что это правда; *надумавшись*, намыслившись за день о множествѣ другихъ вопросовъ, я уже не въ силахъ еще надъ пьесой или игрой актеровъ *мыслить* внимательно.

Вовторыхъ, это ясное пониманіе достоинствъ и недостатковъ пьесы и ея исполненія дается мнѣ вашими статьями *даромъ*: и безъ траты денегъ и безъ физической возни (билетъ достать, не опоздать и т. д.). Воображенія у меня у самого много, и, такъ какъ я *прежде*, въ дѣтствѣ и молодости, довольно много бывалъ въ театрѣ,—видѣлъ Щепкина и Каратыгина, и Мартынова, и Мочалова, и M-r и M-me Allan, и Virginie Bourbier немного помню, и Alexandre въ Ришельё (это былъ верхъ совершенства!) и Brissout, и Paul Minet, и Вернета, и Рашель и Ристори; слышалъ и Тамберлика и Лагруа и кое-кого еще,—то, читая ваши картинные, тонкіе, изящные и *хорошимъ гражданскимъ* духомъ вдобавокъ проникнутые разборы, я все это вижу, воображаю, и радуюсь, *не сходя съ кресла*; подобно тому, какъ отставной

генералъ на деревяшкѣ, всею душой увлекается чтеніемъ отчетовъ и разсказовъ о послѣднихъ блестящихъ и кровавыхъ побѣдахъ, въ которыхъ онъ уже и не можетъ, и даже не хочетъ участвовать.

Положимъ, случалось, что я въ какихъ-нибудь частностяхъ бывалъ съ вами не согласенъ; но эти несогласія мои относились больше къ самой *жизни* — и русской и вообще — которую я „претендую“ знать и, главное, понимать—*особенно хорошо*, но никакъ не къ театральной критикѣ, гдѣ я готовъ безусловно вамъ подчиняться. Помню одну вашу прежнюю статью, за которую я на васъ-таки посердился; это по поводу пьесы моего же бывшаго „протеже“, Н. Як. Соловьева — *Ликвидація*. Тамъ слишкомъ некстати и неосновательно (извините!) проглянула у васъ та самая *консервативная или реакціонная тенденція*, которой я *вообще* не только всею душой сочувствую, но и которой, какъ вамъ, я думаю, нѣсколько извѣстно, и самъ издавна служу перомъ и разговорами (а гдѣ только можно—то и дѣйствіемъ, и всею жизнію моей); хороша она, но именно для того случая, въ которомъ она у васъ тогда сильно выразилась, она вовсе не годится... Вы укорили Соловьева за то, что онъ, видимо, сочувствовалъ той барышнѣ, которая влюбилась въ молодаго сына разбогатѣвшаго мужика и вышла за него замужъ. Вы увидали въ этомъ чуть не совѣтъ молодымъ обѣднѣвшимъ дворянкамъ нашего времени и пороптали на автора.—Помилуйте! И чистая эстетика (жизни, *жизни*, а не искусства) и требованія грубѣйшей дѣйствительности заодно здѣсь противъ васъ. За кого же ей, такой дѣвушкѣ, предпочесть выйти! За болѣе „образованнаго“ человѣка? Ахъ, эти нынѣшіе образованные люди! Да вѣдь это болѣе чѣмъ высшая степень пошлости! Худые, болѣзненные, раздражительные; впалая грудь, длинные костлявые пальцы; борода на впалой груди съ раннихъ лѣтъ у нихъ почему-то всегда почти огромная... Положеніе вѣчно неопредѣленное и т. д., и т. д. Да, еслибъ у меня дочь окончила даже курсъ у Фишера и была бы при этомъ и красивая, и вполнѣ свѣтская дѣвушка, то я самъ бы предпочелъ выдать ее за богатаго Бородкина и тѣмъ болѣе Бѣлугина, чѣмъ, напримѣръ, за Надсона или даже Гаршина... Я понимаю, еслибъ она Бѣлугину предпочла—ну, напримѣръ, Н—ва или О—ва (вы знаете ихъ? Они оба учились въ лицеѣ)... Но вѣдь *такихъ* добыть дѣвушкѣ средняго круга очень трудно,—и приходится считать за счастіе, если отдашь за Бѣлугина,

а не за Гаршина и Надсона... Я выбираю, видите, еще даровитыхъ разночинцевъ нарочно, чтобы моя мысль была яснѣе. Что толку *писать поэзію* какую-то, когда *въ жизни-то* моей вокругъ нѣтъ никакой поэзіи,—ни аристократической или придворной (какъ у Вронскаго, Облонскаго, Карениной), ни помѣщичей и вообще деревенской, ни религіозной, какъ въ монастыряхъ или около нихъ, ни боевой, какъ бывало на Кавказѣ, или теперь въ Средней Азіи?.. Вотъ они эти даровитые-то и злятся и идутъ въ нигилисты,—то чахнутъ, какъ Надсонъ, то съ лѣстницъ бросаются, какъ Гаршинъ... И я знаю *эти петербургскія лѣстницы*, живалъ смолоду и я на нихъ, и если не бросился въ *свое* время, то это потому, что я презиралъ эту жизнь и *былъ увѣренъ*, что это не на долго, и что ужь куда-нибудь да убѣгу, въ болѣе свѣжее и здоровое мѣсто и въ менѣе книжный и бумажный міръ... И за *такихъ-то* отдавать дочь! И въ такихъ-то влюбляться!. Это практика дѣйствительности; къ тому же и эстетика имѣетъ свои независимые *законы*; вы это знаете не хуже меня. *Одинъ* изъ этихъ законовъ можно выразить такъ: *жизнь прекраснѣе* (красивѣе, полнѣе, содержательнѣе, солиднѣе и т. д.), *когда есть рѣзкое раздѣленіе сословій* и *положеній*. Эстетическое suum cuique: Николай I, Филаретъ, Серафимъ Саровскій, гр. Воронцова-Дашкова и ея любовники, князь Барятинскій, Лермонтовъ (не какъ сочинитель, а какъ *самъ гусаръ и самъ Печоринъ)*, игуменья Тучкова, крѣпкая баба, которая пашетъ, мужики вродѣ Каратаева, Бирюка, Хоря и Калиныча и т. д. Въ Европѣ все это вѣдь болѣе и болѣе сливается въ средняго человѣка!.. *Другой* законъ,—антитеза первому, но въ томъ смыслѣ, что исключеніе служитъ общему правилу; вотъ онъ. *Всегда эстетика или поэзія находили огромную и живую пищу въ случайномъ нарушеніи сословныхъ границъ,* въ поразительныхъ переходахъ изъ одного положенія въ другое, благодаря ли особому дарованію человѣка или благодаря торжеству любви. (Издавна поэты любили разныя сочетанія такого рода: богиня и мертвый принцъ и пастушка; царь и простая подданная, господинъ и рабыня; Любуша царская дочь и пахарь Пршемыслъ; у Ж. Сандъ это безпрестанно...) И въ этомъ-то смыслѣ, съ одной стороны очень желательно, чтобы въ Россіи дворянство было отдѣлено правами, богато, изящно, молодцовато, даже немножко и *гордо;* а съ другой mésalliance, *при интересности обоихъ лицъ*, всегда будетъ имѣть въ себѣ много поэзіи... И возвращаясь къ частному при-

мѣру *деревенской, любящей хозяйство*, молодой и бѣдной дворянки (у Соловьева), полюбившей молодаго, богатаго, румянаго и добраго юношу-мужика, мы видимъ, что mésalliance имѣетъ въ себѣ много поэзіи, независимо отъ политическаго вопроса, и потому уже имѣетъ полное право на изображеніе въ искусствѣ. Я *привязался* къ этому такъ многословно, признаюсь, и потому еще, что на Соловьева тутъ имѣли несомнѣнное вліяніе и мои эти теоріи и сама *дѣйствительность* (я вѣдь знаю, *кого именно* онъ имѣлъ въ виду).

Молоденькая, но бѣдная дворянка въ *наше время* выходитъ замужъ за богатаго, молодаго и немножко, чуть-чуть грамотнаго крестьянина—эта картина, согласитесь, интереснѣе, чѣмъ слѣдующая: „дочь инженернаго полковника выходитъ замужъ за учителя латинскаго языка.“ *Само по себѣ*, независимо отъ красоты и достоинства лицъ—первое милѣе, занимательнѣе и красивѣе...

Простите, что увлекся; но, защищая пьесу Соловьева, я защищаю тутъ *свои* взгляды на эстетику *жизни*. Когда эта ваша статья „о Ликвидаціи“ появилась, я въ тотъ же вечеръ говорилъ о ней въ этомъ же духѣ съ Петр. Евг. Астафьевымъ, и мнѣ было очень пріятно, что этотъ столь тонкій и нерѣдко глубокій психологъ согласился со мной.

Не могу также сочувствовать вашему безпокойству о томъ, чтобы наши пьесы ставились въ Парижѣ хорошо... Пусть или сами Французы или наслѣдники авторовъ хлопочутъ объ этомъ; дипломатамъ и консуламъ никакъ нельзя брать на себя обязанность присмотра!.. Каково это отвѣчать за чужую эстетику! Это никто изъ служащихъ не согласится. И я былъ консуломъ и могъ быть и при посольствѣ, еслибы случилось... И понимаю, что это невозможно для человѣка *не спеціально назначеннаго съ такою именно цѣлью*..: А претензіи русскихъ авторовъ или наслѣдниковъ ихъ? Это ужасно! Къ тому же на счетъ *незнанія* иностранцевъ я слышалъ недавно разсказъ о московскомъ профессорѣ К—скомъ... Кто-то жаловался при немъ на то, что Европейцы все еще плохо понимаютъ насъ... Тогда К—скій сказалъ: „И слава Богу! Чѣмъ меньше они насъ понимаютъ, тѣмъ лучше для насъ... Пусть себѣ ошибаются!“ Я вполнѣ съ нимъ согласенъ и даже думаю, что и политически мы болѣе выиграемъ, если *постараемся даже* быть вѣчною загадкой для нихъ!.. Придетъ время, такъ прихлопнемъ всю эту анаѳемскую демократію, что только мокро останется... И „Оптинскіе старцы“ даже не

откажутъ въ своемъ благословеніи на такой éxploit. Вѣдь ихъ „любовь“,—не только не Толстовская, но даже и не туманы „гармоніи“ Достоевскаго. Ихъ „любовь“ есть просто личное наше стараніе исполнить отъ всего сердца *заповѣди*, а воевать и политически прихлопнуть демократію не только можно, но, при Божьей помощи, и *должно*.

Больше ничего не имѣю сказать. Извините, что обезпокоилъ.

Остаюсь навсегда почитатель вашъ и
готовый къ услугамъ *К. Леонтьевъ*.

Издайте ваши статьи и пришлите мнѣ экземпляръ — право!— Тогда, если буду живъ, и *печатно* то же скажу, что здѣсь...

---

3) Письма покойнаго Дмитрія Ивановича Писарева, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ изъ-подъ ареста.

Объяснительная записка В. Г. Штаркъ.

Доставленныя мной въ редакцію *Русскаго Обозрѣнія* „Письма Д. И. Писарева“ найдены мной совершенно случайно и неожиданно.

Мнѣ вздумалось какъ-то отправиться въ чуланъ мой, чтобы порыться въ старомъ сундукѣ съ книгами, журналами и давно забытыми рукописями. Съ такимъ залежавшимся хламомъ обошелся я очень просто: былъ взятъ на помощь человѣкъ, и сундукъ опрокинутъ кверху дномъ. Но каково было мое удивленіе, когда оказалось, что старый сундукъ мой я совсѣмъ не такъ хорошо знаю, какъ полагалъ! Вмѣстѣ съ грудой мало-интересныхъ бумагъ выпалъ на коверъ пакетъ съ надписью: *Письма покойнаго Дмитрія Ивановича Писарева, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ изъ-подъ ареста*. Я сейчасъ же узналъ руку моего покойнаго учителя, дяди Д. И. Писарева, Андрея Дмитріевича Данилова, умершаго лѣтъ пять тому назадъ въ нашей семьѣ.

Небезъинтереснымъ считаю подѣлиться съ читателями своею находкой.

В. Штаркъ.

Предисловіе А. Д. Данилова.

За нѣсколько лѣтъ до смерти сестры моей, Варвары Дмитріевны, матери извѣстнаго критика, Дмитрія Ивановича Писарева, я гостилъ въ имѣніи покойной и, разспрашивая у нея подробности объ арестѣ ея сына и нахожденіи его въ Петропавловской крѣпости, узналъ, что у нея хранится нѣсколько писемъ его, писанныхъ на клочкахъ изъ-подъ ареста къ разнымъ лицамъ. Письма эти, какъ *плодъ запрещенный*, возбудили естественно мое живѣйшее любопытство, и я попросилъ ихъ сначала прочесть, а вслѣдъ затѣмъ и дозволить мнѣ снять съ нихъ копіи. Сестра охотно это разрѣшила, и письма у меня въ рукахъ.

Я назвалъ эти невинныя письма „запрещеннымъ плодомъ" въ томъ смыслѣ, что арестованному Дмитрію Ивановичу, хотя и дозволялось писать статьи для печати, доходившія,—разумѣется, черезъ „огнь очищенія" и всевозможныя „чистилища",—до редакціи и типографскаго станка, но строго при этомъ возбранялась всякая частная переписка. Я считаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу огласить эти „безпатентныя" творенія, такъ какъ публика увидитъ автора ихъ при новомъ освѣщеніи. Невинность и безгрѣшность того, что̀ такъ секретно переносилось, невольно сорветъ улыбку у всякаго безпристрастнаго читателя. Дмитрію Ивановичу отпускалась для литературныхъ работъ бумага на счетъ; поэтому письма эти писались микроскопическими буквами на маленькихъ клочкахъ, оторванныхъ отъ полей печатныхъ страницъ. Мать, — которая все свыше-четырехлѣтнее заключеніе обожаемаго сына жила, бросивъ свой тихій деревенскій уголокъ, противъ крѣпости,—постоянно посѣщала невольнаго отшельника и, дрожа отъ страха, уносила въ башмакѣ листокъ, который переписывала для доставленія по адресу, а подлинникъ хранила на память.—„Что̀ бы со мной сдѣлали, еслибы меня поймали?" спрашивала у меня она, спустя десятокъ лѣтъ по совершеніи означенныхъ преступленій.—„Сказали бы, что этихъ писемъ нѣтъ ни малѣйшей надобности прятать въ башмакахъ, а переносить можно открыто",—отвѣчалъ я.—Когда я просилъ дозволенія у сестры моей немедля огласить эти письма, она выразила желаніе, чтобы до смерти ея и Благосвѣтлова этого не

дѣлать.—„Après ma mort faites ce que vous voulez!"—былъ категорическій ея отвѣтъ...

Она умерла на моихъ рукахъ. Благосвѣтловъ тоже въ царствѣ тѣней. Дмитрій Ивановичъ упредилъ ихъ; даже того ближайшаго блюстителя арестанта, котораго такъ невинно обманывали мать съ сыномъ,—и того на свѣтѣ нѣтъ. Значитъ, повредить кому бы то ни было оглашеніемъ писемъ этихъ невозможно: всѣ уже находятся внѣ земнаго суда.

А. Даниловъ.

Письмо Д. И. Писарева къ Р. А. Г. [1]

Mia cara! Въ твоемъ послѣднемъ письмѣ ты очень остроумно сражаешься съ вѣтряными мельницами. Никакого *хроническаго жениха* тебѣ не предстоитъ. Чтобы совершенно успокоить тебя, даю тебѣ конституціонную хартію нашихъ будущихъ отношеній. Когда я буду вполнѣ располагать своими поступками, тогда я предложу тебѣ письменно вопросъ: желаешь ли ты меня видѣть?—и если ты не отвѣтишь мнѣ просто и ясно: „желаю",—то и не увидишь меня. Если намъ придется увидѣться, то, разумѣется, о любви съ моей стороны не будетъ ни слова до тѣхъ поръ, пока ты сама того не пожелаешь,—а такъ какъ ты увѣрена въ томъ, что не пожелаешь никогда, то никогда этого и не будетъ. На безбрачіе я себя не обрекаю, но жениться намѣренъ только тогда, когда совсѣмъ ошалѣю отъ любви къ какому-нибудь субъекту. Но теперь мнѣ этими пустяками заниматься некогда, вопервыхъ, потому что я казенная собственность, а вовторыхъ, потому что намъ даютъ карательную цензуру, которая наполняетъ теперь всѣ мои помыслы. Вообще же я думаю, что жизнь велика и что—

„Много перловъ чудныхъ
Скрыто въ глубинѣ"...

[1] Особа, съ которою Дм. Ив. воспитывался въ родительскомъ домѣ, которую съ дѣтства любилъ и на которой собирался жениться, какъ вдругъ неожиданно она предпочла ему другаго, что̀ потрясло покойнаго Писарева до глубины души и натолкнуло его на страшную непріятность со счастливымъ соперникомъ.—*Прим.* А. Д. Данилова.

Пользоваться этими перлами я вовсе не прочь; но отыскивать ихъ не намѣренъ, потому что надо работать, а не шалопайствовать. Когда же нѣкій перлъ самъ влѣзетъ мнѣ въ руки, я его не выпущу.—Довольны ли вы этимъ, злобущая леди Макбетъ и свирѣпая разрушительница вѣтряныхъ мельницъ? Если довольны, то не смѣйте говорить, что я добиваюсь пріятельскихъ отношеній съ вами. Я другъ вашего дѣтства, и поэтому мнѣ *добиваться какихъ-то пріятельскихъ* отношеній совсѣмъ не къ лицу. Это все равно, какъ еслибы генералъ-лейтенантъ сталъ добиваться полковничьихъ эполетъ. Кромѣ того, я ничего не намѣренъ отъ тебя *добиваться*. Довольно я поползалъ предъ тобою на колѣняхъ. Наконецъ мнѣ это глупое занятіе надоѣло, и съ этой минуты я поднимаюсь на ноги и выпрямляюсь во весь ростъ. Любить я тебя буду, вѣроятно, всегда,—но добиваться—баста. Что̀ дашь—спасибо, а просить не желаю.—До свиданія.

Д. Писаревъ.

Письмо къ дѣвушкѣ, никогда авторомъ его не видѣнной.

Милостивая государыня, Лидія Осиповна! Вы, вѣроятно, приняли мое предложеніе за глупую шутку и теперь, конечно, забыли о немъ. [1] А вѣдь это напрасно. Предложеніе мое не только очень серьезно, но даже благоразумно,—и для насъ обоихъ, для васъ и для меня, было бы очень хорошо, еслибы вы обсудили его спокойно и основательно. Еслибы вы были такъ же смѣлы, какъ и я, то-есть, еслибы вы приняли его немедленно, то это было бы еще гораздо лучше. Но вы этого не сдѣлаете ни въ какомъ случаѣ, стало-быть объ этомъ нечего толковать. Я вамъ объясню здѣсь, почему я осмѣлился сдѣлать это предложеніе. Вы любите мою мать, вы дружны съ моею сестрою; онѣ обѣ души въ васъ не слышатъ. Этого было для меня достаточно: я заключилъ изъ этихъ данныхъ, вопервыхъ, что вы существо умное и хорошее, и, вовторыхъ, что вы бы сошлись со мною самымъ дружескимъ образомъ, еслибы мы съ вами увидѣлись. Видѣться намъ было невозможно, а между тѣмъ вы могли, отъ нечего дѣлать, отъ боязни упустить жизнь, выдти замужъ за ка-

[1] Предложеніе это сдѣлано было Дмитріемъ Ивановичемъ чрезъ мать. Прим. А. Д. Данилова.

кого-нибудь очень безцвѣтнаго господина, который бы устроилъ для васъ очень безцвѣтную жизнь. Такія вещи случаются на каждомъ шагу, и люди обыкновенно покоряются тому, что они называютъ судьбою. Но я до смерти не люблю покоряться этой глупой судьбѣ и всегда барахтаюсь до послѣдней возможности. Зачѣмъ, подумалъ я, эта умная и милая дѣвушка сдѣлается женой какого-нибудь олуха, когда она могла бы доставить такъ много счастья мнѣ, человѣку умному и порядочному, который сумѣлъ бы сдѣлать ее также очень счастливой? Неужели вся эта чепуха произойдетъ только отъ того, что случайныя обстоятельства задерживаютъ меня въ столицѣ? [1] Надо побѣдить эти обстоятельства. Чтобы побѣдить ихъ, я сдѣлалъ вамъ предложеніе. Получивши его, вы должны были спросить у вашихъ друзей, то-есть у моей матери и сестры: способенъ ли онъ придумывать плоскія шутки? Онѣ отвѣчали бы вамъ: нѣтъ. Затѣмъ надо было разспросить ихъ обо мнѣ, то-есть о моемъ образѣ мыслей, о моемъ характерѣ, о моемъ положеніи. Впрочемъ, вы, по всей вѣроятности, все это знаете, такъ что вы могли бы сказать заочно „да“ или „нѣтъ“, почти такъ же сознательно, какъ вы бы сказали это послѣ свиданія со мною. Вы скажете на это: почему я знаю, полюблю ли я васъ?—Да, мы вообще привыкли смотрѣть на любовь, какъ на что̀-то непостижимое, возникающее Богъ знаетъ почему; по правдѣ сказать, намъ до сихъ поръ больше и дѣлать было нечего, какъ размышлять о любви и заниматься любовью. Но мнѣ кажется, любовь—вещь очень простая и естественная; когда даны условія любви—молодость, умъ, приличная наружность, тогда и любовь должна возникнуть и всегда возникаетъ. Я, напримѣръ, совершенно увѣренъ, что я васъ полюблю, и я не вижу резона, почему бы вы меня не полюбили. Вы очень хороши собою, а я совсѣмъ не хорошъ, но, вопервыхъ, красивыхъ мужчинъ на свѣтѣ очень немного, а вовторыхъ, я не уродъ, у меня не пошлая физіономія и, къ довершенію моей привлекательности, у меня съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались очень умные глаза. Кромѣ того, жизнь не можетъ быть наполнена любовными восторгами, и часто женщинѣ приходится скучать десятки лѣтъ съ тѣмъ мужчиной, который впродолженіе нѣсколькихъ недѣль былъ для нея предметомъ самой бѣшеной страсти. А со мною умная женщина не соскучится. Вы знаете мою мать и мою сестру; имъ никогда

[1] То-есть нахожденіе въ крѣпости. Прим. А. Д. Данилова.

не бываетъ скучно со мною; и Раиза [1] также очень любила говорить и читать со мною и часто увлекалась теченіемъ моихъ мыслей; а теперь она увлеклась бы еще сильнѣе, потому что въ последніе два года вся цѣль жизни совершенно выяснилась передъ моими глазами. Еслибы вы пожили мѣсяца два вмѣстѣ съ нами (съ maman, съ Вѣрочкой и со мною), еслибы вы читали съ нами и слѣдили за процессомъ моей работы, то вы бы на всю жизнь привязались къ тому свѣтлому и дѣльному существованію, которое открылось бы передъ вами. Я знаю, что вы очень умны; maman передавала мнѣ нѣкоторыя ваши разсужденія, и я вглядывался въ нихъ очень внимательно. Я вижу, что вы любите самостоятельность и умѣете цѣнить ее; у васъ много умственной смѣлости; въ дѣлѣ благочестія вы гораздо ближе подходите къ моей сестрѣ, чѣмъ къ моей матери. Ну, скажите пожалуста, какъ же мнѣ не кусать себѣ локти отъ досады, что я не могу васъ видѣть и говорить съ вами; вѣдь это все золотыя свойства, вѣдь ими-то я и дорожилъ въ Раизѣ,—и вдругъ такія сокровища достанутся какому-нибудь олуху, который и разглядѣть-то ихъ не сумѣетъ.—Лидія Осиповна, да не губите же вы себя! Вамъ непремѣнно надо выдти за новаго человѣка. Вы себѣ представить не можете, какъ много счастія можетъ дать женщинѣ такая жизнь, въ которой она будетъ пользоваться полнѣйшею самостоятельностью, и въ которой всѣ ея умственныя силы будутъ развернуты и получатъ себѣ приложеніе. Не думайте пожалуста, что я собираюсь сдѣлаться учителемъ моей супруги. Нѣтъ. Ея любознательность будетъ пробуждена вліяніемъ жизни, а я только буду для нея справочнымъ лексикономъ. Учить взрослаго человѣка очень скучно; но учиться вмѣстѣ съ другомъ или съ любимою женщиной—это высшее наслажденіе; а учиться надо постоянно, потому-что, кто перестаетъ идти впередъ, тотъ начинаетъ тупѣть. Чтобы вамъ когда-нибудь пришлось смотрѣть на меня снизу вверхъ — это невозможно; вы умны, и я уменъ, стало-быть, тутъ кромѣ равенства не можетъ быть другихъ отношеній. — Вы думаете, что я до сихъ поръ люблю Раизу. Да вѣдь нельзя же любить прошедшее или пустое пространство. Я теперь люблю не ее, а тѣ недѣли, которыя составляютъ свѣтлое пятно въ моей жизни; я люблю тѣ ощущенія, которыя я

[1] Р. А. Г., къ которой адресовано предыдущее письмо. Прим. А. Д. Данилова.

пережилъ вмѣстѣ съ нею. Но я не мечтатель; я люблю жить, и потому я упорно стараюсь доставить или приготовить себѣ въ будущемъ тѣ ощущенія, которыя такъ дороги мнѣ по воспоминаніямъ. Та женщина, которая согласится освѣтить и согрѣть мою жизнь, получитъ отъ меня всю ту любовь, которую оттолкнула Раиза, бросившись на шею своему красивому о.... Совѣтую вамъ попробовать; увѣряю васъ, что эта женщина не будетъ обманута. Если это письмо вамъ покажется черезъ-чуръ страннымъ, назовите меня сумасшедшимъ или дуракомъ. Во всякомъ случаѣ, оскорбительнаго въ этомъ письмѣ нѣтъ рѣшительнаго ничего, а сумасшедшимъ меня называли не разъ, и я этимъ никогда не обижался.

Д. Писаревъ.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

(Разсказъ).

Былъ канунъ Рождества Христова. Въ селѣ Воронинѣ, какъ и во всякомъ христіанскомъ селеніи, шли приготовленія къ празднику. Заботливыя хозяйки убирали свои избы, мыли въ нихъ полы и лавки. Хозяева хлопотали вокругъ дворовъ. Одни отрывали наваленный у дворовъ снѣгъ, дѣлая широкіе проходы, чтобы на завтра было удобнѣй ходить христославцамъ; другіе стелили на дворѣ костру и солому, чтобы скотинѣ мягко было въ праздники; третьи запасали побольше корму, чтобы не таскаться въ сарай въ такіе дни.

Только у одной избушки на верхнемъ концѣ села не замѣчалось никакого движенія. Калитка была затворена, сугробъ не початый, и черезъ него вмѣсто прорытаго прохода была чуть замѣтна узенькая тропинка, протоптанная человѣческими шагами. Послѣ полудня къ этой избушкѣ подъѣхалъ на тощей вспотѣвшей лошаденкѣ молодой еще мужикъ. Остановивши лошадь у воротъ, онъ взглянулъ на окна избушки, какъ бы надѣясь увидать, не выглянетъ ли кто оттуда, но въ окна никого не было видно, и онъ сталъ выпрягать лошадь... Отложивъ лошадь и пустивъ ее на дворъ, мужикъ убралъ сбрую, взялъ съ дровней пустой мѣшокъ и топоръ и пошелъ въ избу.

Мужикъ одѣтъ былъ бѣдно, сверху на немъ былъ надѣтъ дырявый халатъ, изъ-подъ него торчали клочки старенькаго полушубка, ноги были обуты въ заплатанныя и подковыренныя пеньковыми сучилками валенки. Когда онъ отворилъ дверь, то изъ

избы пахнуло бѣдностью: закопченыя стѣны ея были голы, палати пустыя, только на лавкахъ валялось кое-какое тряпье. Перекрестившись, мужикъ окинулъ избу взглядомъ и, не замѣтивъ въ ней никого, взглянулъ на печку и кашлянулъ. Тамъ что-то зашевелилось; мужикъ проговорилъ:

— Никакъ моя жена-то отдыхаетъ?

— Батюшки, никакъ Ефремъ! послышалось съ печки, и вслѣдъ за этимъ оттуда сошла молодая, худощавая женщина.

— Это ты? Насилу-то пріѣхалъ, а я ждала, ждала, проговорила она.

— Вотъ и дождалась; здорово! сказалъ Ефремъ.

— Здорово, родной!

Ефремъ пристально поглядѣлъ на жену. Лицо ея было худое, худое съ желтизной, глаза въ ямы ввалились.

— Что̀ ты такая? спросилъ онъ.

— Да все хвораю.

— Что̀-жь у тебя болитъ-то?

— Да все больная; нѣтъ мочи, да и только. Примусь что̀ дѣлать, руки не поднимаются, голова кружится, тошнитъ.

— И давно такъ?

— Съ Николы почти. Ужь я ономясь въ больницу ѣздила, къ доктору, съ Марьей Шептуновой.

— Что̀-жь онъ сказалъ?

— Да что̀, знамо не подходяще. Ѣшь, говоритъ, получше, скоромное если можно, а то постное посытнѣй; а не то, говоритъ, не такъ вымотаешься.

— Ну, ты что̀-жь?

— Что̀-жь? А безъ него-то я развѣ не знаю, что̀ это хорошо, да гдѣ жь взять-то? Вотъ хлѣбъ весь дошелъ, масла съ самаго Знаменья ни капельки, только и ѣды, что̀ картошка да щи.

Ефремъ вздохнулъ, уложилъ свою одежинку на палати и, одернувъ рубашку, сѣлъ на лавку и задумался.

— Да!.. Вотъ съ завтра и скоромное ѣсть будетъ можно, да гдѣ оно? Разговѣться-то и то нечѣмъ, съ горечью проговорилъ Ефремъ.

Баба печально поглядѣла на него.

— А ты развѣ ничего не привезъ? несмѣло спросила она.

— Нѣтъ, такое дѣло вышло, что дьяволъ его побралъ бы совсѣмъ.

Лицо у бабы сдѣлалось испуганное.

— Чтò-жь такое? спросила она.

— Да денегъ не отдали. Самъ хозяинъ не пріѣхалъ и пріѣхать до Крещенья не обѣщался, а у прикащика нѣтъ. За постой и то не заплатили.

— Какъ же васъ отпустили-то?

— Да ужь по запискѣ. Написалъ прикащикъ, что должна намъ контора, ну и отпустили.

Баба повѣсила голову; печальное лицо ея сдѣлалось еще грустнѣе.

Долго молчала она, потомъ тяжело вздохнула и проговорила:

— Такъ какъ же быть-то теперь? Вѣдь намъ не то чтò разговѣться, — въ праздникъ, а и ѣсть нечего будетъ: мука вся, хлѣба одна краюшка осталась; я думала, ты привезешь и муки, и крупицъ и говядины, а ты вонъ какъ...

Ефремъ сдвинулъ брови и глухо проговорилъ:

— Всего привезъ бы, коли бъ отдали; такъ и думалъ, да чтò-жь сдѣлаешь-то, гдѣ хозяина-то возьмешь?

— А ты много всего заработалъ-то?

— Тридцать рублей; восьмнадцать за постой да за кормъ съ харчами долженъ, а двѣнадцать чистыхъ осталось.

— И неужели у нихъ не набралось?

— Нѣту, такъ и говорятъ; только и дали по три гривенника съ праздникомъ; по гривеннику давеча на чаю пропили, а двугривенный вонъ остался.

Баба опять помолчала, потомъ спросила:

— Чтò-жь намъ теперь дѣлать-то?

Ефремъ ничего не сказалъ; онъ ходилъ по избѣ, что-то обдумывая. Вдругъ онъ остановился противъ жены и проговорилъ:

— Ты, вотъ что, Аксюша, давай-ка пообѣдать, чтò есть, а пообѣдавъ, я толкнусь кой-куда; можетъ что раздобудусь.

Аксинья стала собирать обѣдать; Ефремъ, помолившись, усѣлся за столъ; началась скудная трапеза. —Куда-жь ты думаешь толкнуться-то?

— Попробую къ дядѣ схожу. Попрошу у него твою шубу, чтò заложена, да наберу подъ нее, что надо, у Лаврентьича...

— А отдастъ ли дядя шубу-то?

— Все я думаю отдастъ: теперь получка недалеко; неужели не повѣритъ?

— Ну сходи, сходи. А то что̀-жь намъ теперь дѣлать-то? По міру идти для праздниковъ-то?

Ефремъ одѣлся, надѣлъ шапку и вышелъ изъ избы. Аксинья достала изъ печки котелъ съ водою и стала мыть лавки...

Ефремъ былъ самый бѣдный крестьянинъ въ Воронинѣ. Съ раннихъ лѣтъ онъ терпѣлъ нужду и выходу изъ нея не чаялъ.

Онъ былъ хорошій работникъ, малопьющій, старательный, но хозяйство его было въ такомъ состояніи, что каждый годъ онъ убивалъ на него всѣ излишки и все-таки поправить его никакъ не могъ; справитъ онъ въ одинъ годъ какую-нибудь вещь, на другой годъ другую нужно, а тамъ третью,—такъ и бился Ефремъ каждый годъ, какъ рыба объ ледъ.

До такого состоянія Ефремово хозяйство дошло еще при родителяхъ его, когда его отецъ Степанъ Панкратовъ былъ живъ. Отецъ его жилъ прежде вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Михѣемъ. Жилъ онъ съ нимъ дружно; самъ онъ съ бабами дома хозяйствовалъ, а Михѣй въ городѣ деньги на подати и другія нужды добывалъ. Много лѣтъ у нихъ дѣло такъ шло; вдругъ съ одного года Михѣй сталъ меньше денегъ присылать, на другой годъ еще меньше. Степанъ удивился этому, но молчалъ; онъ пока обходился.

Но вотъ въ одинъ годъ стряслась бѣда у Степана: пали у него всѣ лошади отъ заразы, нужно стало новыхъ лошадей покупать, и написалъ Степанъ Михѣю письмо, чтобъ онъ побольше денегъ выслалъ. Михѣй вмѣсто денегъ вдругъ самъ пріѣхалъ и сталъ придираться: то Степанъ-то дѣлаетъ не такъ, то это нехорошо, сталъ его учитывать,—Степану это не понравилось, и—слово за слово—стали братья ругаться, а отъ ругани и къ раздѣлу перешли.

Раздѣлились братья. Михѣй точно нарочно на то билъ: сейчасъ онъ построился за первый сортъ, купилъ пару хорошихъ лошадей, починилъ сбрую и сдѣлался первостепеннымъ хозяиномъ въ Воронинѣ.

Степанъ понялъ, что братъ не спуста отдѣлиться задумалъ, что скопилъ онъ не мало денегъ въ городѣ,—но ничего сдѣлать не могъ. Только зубами заскрипѣлъ... Но еще больше пришлось ему досадовать, когда онъ увидалъ, какъ братъ дѣйствовать началъ. Увидалъ онъ, что Михѣй еще не всѣ деньги на стройку

истратилъ, а осталось у него не мало ихъ, такъ какъ онъ началъ съ ними обороты дѣлать; сначала онъ сталъ у крестьянъ осенью по дешевымъ цѣнамъ хлѣбъ покупать и зимой перепродавать, потомъ понемногу началъ и къ помѣщикамъ подбираться,—и мало-по-малу сдѣлался настоящимъ барышникомъ и не малымъ человѣкомъ по окружности. Завелъ онъ знакомства хорошія, съ управляющими разными да съ купцами, съ попомъ дружить началъ,—и сталъ ему ото всѣхъ хорошій почетъ и уваженіе.

Видя все это, Степанъ страшно скорбѣлъ и досадовалъ.—Такъ онъ обманулъ меня, обошелъ,—твердилъ онъ и всей душей возненавидѣлъ брата. Построился онъ послѣ раздѣла кое-какъ, и хозяйство повелъ онъ кое-какъ; сталъ частенько въ кабакъ заглядывать,—и одинъ разъ ночевалъ пьяный на улицѣ въ осеннюю ночь, простудился и отдалъ Богу грѣшную душу...

Послѣ смерти Степана жена его обратилась, было, къ Михѣю за помощью по случаю своего сиротства; она просила его поддержать ихъ до возраста Ефрема, но Михѣй и слушать ея не сталъ,—и пошла баба отъ деверя ни съ чѣмъ, кляня и ругая его на чемъ свѣтъ стоитъ... Кое-какъ баба выростила Ефрема, передала ему хозяйство и отправилась сама вслѣдъ за своимъ мужемъ. Остался Ефремъ крестьянствовать вдвоемъ съ своею молодою женой.

Когда Ефремъ брался за хозяйство, то думалъ ему легко можно поправить его; но, поработавъ нѣсколько лѣтъ, убѣдился, что его тогда только можно поправить, когда сразу завести снова всѣ принадлежности; а безъ этого о поправкѣ было и думать нечего.

И сталъ Ефремъ перебиваться кое-какъ, ожидая, не приплыветъ ли къ нему откуда-нибудь какое счастье; но счастье не приплывало, а хозяйство все падало, и за послѣдній годъ истощенныя до-нельзя его полосы не дали и того, что обыкновенно давали, и онъ съ самой осени очутился почти безъ хлѣба и со множествомъ мелкихъ нуждъ домашнихъ.

Чтобы не умереть съ голоду, Ефрему пришлось искать на зиму себѣ работы,—и онъ принялся искать ея.

Работу онъ нашелъ для себя и для лошади. Изъ одной рощи нужно было лѣсной матеріалъ на станцію подвозить; туда и подрядился Ефремъ; но, порядившись, мужикъ очутился въ такомъ затруднительномъ положеніи, изъ какого не зналъ какъ и выйти.

Для того, чтобъ ѣхать работать, Ефрему нужны были здоровыя

сани съ подсанками; но ни того, ни другаго у него не было; нужно было заводить, а заводить не на что.

Толкнулся было Ефремъ то къ тому, то къ другому изъ сосѣдей, чтобы деньжонокъ занять, но безуспѣшно.

— Да ты къ дядѣ-то сходи,—надоумилъ кто-то Ефрема,—онъ скорѣй выручитъ.

Ефремъ боялся дяди, какъ огня; онъ слышалъ отъ родителей, какъ онъ поступилъ съ ними, и считалъ его чуть ли не злодѣемъ какимъ; онъ даже боялся встрѣчаться съ нимъ, и вдругъ его къ дядѣ посылаютъ. Ефремъ долго думалъ, что это для него невозможно; но срокъ началу работы подходилъ, а саней у него все не было, и волей-неволей приходилось ему идти къ дядѣ. Скрѣпилъ сердце Ефремъ, напустилъ на себя храбрости и пошелъ.

Михѣй встрѣтилъ племянника сурово. Выслушавъ его просьбу, онъ сдвинулъ брови и проговорилъ.

— Какъ вамъ давать-то? Дашь тебѣ, и поминай какъ звали; чѣмъ ты отдашь-то?

— Я, дядюшка, на работу ѣду; какъ заработаю, такъ и принесу, сказалъ Ефремъ.

— Ну да, принесешь! это ты теперь дорогу-то нашелъ, а тогда и забудешь...

— Ей-Богу нѣтъ, принесу...

— Ну знаемъ васъ, вы всѣ такъ говорите... Нѣтъ...

— Ефремъ, видя, что дядя не поддается, рѣшилъ испытать послѣднее средство; онъ сказалъ:

— Ну коли такъ не вѣришь, я закладъ принесу; выручи только Христа-ради.

Михѣй согласился подъ закладъ дать денегъ, и Ефремъ принесъ ему единственную вещь, которая имѣла какую-нибудь цѣнность въ домѣ—приданую шубу жены, получилъ пятерку и, купивъ сани съ подсанками, отправился на работу..

Эту-то шубу онъ и шелъ теперь просить у дяди.

Изъ дома вышелъ Ефремъ бодро; онъ спокойно обдумывалъ, какъ онъ будетъ просить дядю отдать ему шубу, и какъ, получивъ ее, пойдетъ съ ней къ кабатчику, Лаврентьичу и наберетъ подъ нее у него въ лавкѣ, что нужно для праздника; но выйдя на дорогу и завидѣвъ издалека домъ дяди, Ефремъ почувство-

валъ, какъ его охватила робость, и твердые шаги его сдѣлались мелкими и неувѣренными.

„А ну, какъ не отдастъ, — мелькнуло у него въ умѣ, и сердце его похолодѣло; но Ефремъ поспѣшилъ отогнать эту мысль и, уже ничего не думая, повернулъ къ дядину дому...“

Въ домѣ Михѣя въ это время уже совсѣмъ приготовились къ празднику, такъ какъ время подходило къ сумеркамъ. Въ немъ все было вымыто и вычищено, предъ иконами были зажжены лампадки... Самъ Михѣй тоже вымылся, нарядился въ новую рубашку и отъ нечего дѣлать стоялъ въ дверяхъ чулана и глядѣлъ какъ его старуха снимала хлѣбную корку съ только-что вытащеннаго изъ печи окорока, а дочь-невѣста выбирала кости изъ горячаго навара для студня. Въ чуланѣ носился скоромный запахъ. Михѣй потягивалъ его носомъ, съ удовольствіемъ думая о томъ, какъ онъ завтра будетъ разговляться.

„А вѣдь хорошо такъ всего вдоволь имѣть: за что ни возьмись все есть,—подумалъ Михѣй...—Вотъ у другаго завтра то того, то другаго не будетъ, а у меня всего—слава Богу, хоть господъ принимай... А все отъ чего? Отъ своего старанья; будь я такой тармаха, какъ другіе, можетъ-быть ничего бы и не было.“

И Михѣй, самодовольно улыбнувшись, вышелъ изъ чулана и пошелъ въ свою горницу.

Горница Михѣя была небольшая, но свѣтлая и чистая. Стѣны ея были убиты картинками и листами; въ одномъ углу висѣли дорогія иконы. Предъ ними горѣла лампадка; подъ иконами, на полочкѣ лежали разныя книги, которыя иногда читалъ Михѣй. То были: Псалтирь, Часовникъ, Житія, Новый Завѣтъ. Всѣ они были на церковномъ языкѣ. Михѣй не каждое слово понималъ, когда читалъ ихъ, но этимъ онъ не смущался: онъ думалъ, что не пониманіе священной книги польза для души, а самое чтеніе ея...

Войдя въ горницу, Михѣй окинулъ ее взглядомъ, какъ бы любуясь ея обстановкой, и, заложивъ руки за спину, началъ расхаживать по ней взадъ и впередъ.

Не одинъ разъ Михѣй прошелъ по горницѣ; вдругъ онъ услыхалъ, что дверь къ нему отворяется. Онъ обернулся и замѣтилъ входящаго въ дверь Ефрема. Окинувъ взглядомъ съ головы до ногъ племянника, Михѣй замѣтилъ, что валенки у того въ снѣгу; хорошее расположеніе духа у него вдругъ пропало, и онъ страшно закипятился.

— Куда ты прёшь-то? крикнулъ Михѣй,—взгляни-ка на лапы-то, въ чемъ они у тебя? Развѣ съ такими въ горницу входятъ? Для этого мы моемъ и убираемся-то?

Ефремъ сконфузился и попятился назадъ; обивъ ноги у порога, онъ опять вошелъ въ горницу и несмѣло остановился въ дверяхъ...

— Ну, что̀ скажешь? недовольнымъ голосомъ спросилъ Михѣй.

— Да я къ тебѣ, дядюшка, краснѣя и запинаясь молвилъ Ефремъ.

— Да вижу, зачѣмъ?

— Да вотъ у тебя... Шуба наша заложена... такъ я хотѣлъ попросить...

— А деньги принесъ?

— Деньги, тово... послѣ праздника; хозяинъ не отдалъ... получка значитъ будетъ.

— А деньги не принесъ, и шубы не отдамъ; съ какой стати? Я что̀ тебѣ говорилъ?

— Да я вотъ, получу...

— Ну, когда получишь, тогда и приходи, а теперь нечего добрымъ людямъ мѣшать, небось къ празднику приготовляются; христіанинъ ты, али нѣтъ?

— Дядюшка...

— Чего еще? Говорятъ, не приставай, ничего не будетъ...

— Ей Богу отдамъ, деньги-то. Не задержу. Какъ получу, такъ и принесу, повѣрь ужь; я подъ нее у Лаврентьича кое-что возьму, а то разговѣться нечѣмъ.

— Тебѣ говорятъ, безъ денегъ не дамъ; что̀ еще толковать... Пошелъ!

— Дядюшка!

— Лучше не сквалыжничай, на грѣхъ не наводи! погрозилъ Михѣй.

Ефремъ понялъ, что ему больше надѣяться не на что̀, и его охватила страшная досада, къ горлу подступили слезы; еле сдерживая ихъ и не помня себя, онъ воскликнулъ:

— Господи! неужто въ тебѣ души нѣтъ, дядюшка? Вѣдь помирать будешь!..

Михѣй побагровѣлъ и не взвидѣлъ свѣту. Вдругъ онъ подскочилъ къ Ефрему, повернулъ его лицомъ къ двери и вытолкнулъ изъ горницы

— Еще разговариваетъ, скотъ этакій, вонъ! Чтобы духу твоего не пахло.

Ефремъ кубаремъ выкатился изъ дома.

— И что̀ за народъ за дьявольскій, ругался Михѣй, оставшись одинъ.—Такъ и разѣваютъ рты на достаточнаго человѣка, такъ и наровятъ что-нибудь вытянуть у него. Что̀ я для нихъ что ли наживалъ-то? Для нихъ заботился? Экія свиньи безсовѣстныя! еще обижаются, упрекаютъ: „помирать будешь"... Вотъ матушка его такая была, пришла тоже и начала упрекать: „Бога побойся", „помирать будешь". А можетъ не буду. Ну... Вотъ ты-то умерла и сгнила, а я-то, слава Богу, живъ и здоровъ!.. Да!..

И, крайне разобиженный и взволнованый, Михѣй шибче прежняго заходилъ по горницѣ и невольно вспомнилъ Ефремову мать. Худая, истощенная отъ нужды и горя, какъ живая, представилась она ему, съ такимъ же выраженіемъ лица, какъ Ефремъ и такимъ же голосомъ кричала она ему „вѣдь помирать будешь!" Михѣю сдѣлалось очень нехорошо.

„И къ чему они это слово дурацкое твердятъ? Грозятъ что̀ ли? „Вѣдь помирать будешь"... Ну, помру. Вотъ придетъ время, кончусь, отпоютъ меня, похоронятъ. Имъ-то что̀ до того?"

И онъ повернулся къ окну, взглянулъ на улицу и сталъ представлять, какъ онъ помретъ, какъ его въ гробъ положатъ, какъ хоронить будутъ. Сначала онъ думалъ объ этомъ равнодушно. Но когда онъ ясно себѣ представилъ самого себя лежащимъ, бездыханнымъ и недвижимымъ, то по сердцу его точно холодная змѣя скользнула, и кровь въ жилахъ на мгновеніе остановилась.

— Да неужели-шь правду я помру? промелькнуло въ его умѣ, и вдругъ у него волосы на головѣ зашевелились, лицо исказилось отъ ужаса, и онъ точно окаменѣлъ на мѣстѣ.

Ефремъ, выкатившись изъ дома дяди, остановился, чтобы перевести духъ и придти немного въ себя. Онъ чувствовалъ, какъ сердце его сжималось отъ обиды, кровь ходуномъ ходила; сразу онъ не могъ и одуматься и не зналъ, что̀ дѣлать ему и куда идти.

— Господи, да что̀ же это такое? чуть не плача думалъ онъ. Я думалъ, онъ, какъ родной, по-божески поступитъ, а онъ вонъ какъ!

И слезы сдавили совсѣмъ ему горло; онъ ужь не могъ сдержаться и всхлипнулъ. Мысль, что его опечаленная жена ждетъ

его не съ пустыми руками, усиливала его горе; онъ сталъ думать. Что же ему дѣлать и къ кому идти съ просьбой?..

Вдругъ онъ махнулъ рукой и, быстро отвернувшись отъ дядина двора, пошелъ по направленію къ кабаку... Кабакъ въ Воронинѣ былъ на нижнемъ концѣ села; содержалъ его отставной солдатъ, Степанъ Лаврентьевъ, или Лаврентьичъ, какъ его звали, человѣкъ уже немолодой и одинокій. Онъ былъ большой плутъ, какъ и всѣ кабатчики. Въ Воронинѣ онъ торговалъ давно, кромѣ кабака имѣлъ лавку и держалъ въ ней всякіе товары, нужные въ деревнѣ. Торговалъ онъ на чистыя деньги, въ долгъ отпускалъ развѣ подъ заклады; закладами же онъ не брезговалъ никакими; говорили, принималъ и краденое.

Самымъ хорошимъ временемъ для торговли онъ считалъ праздники. Въ эти дни къ нему въ кабакъ всегда набивалось много народа, и тутъ-то Лаврентьичъ и „велъ дѣло". Вино онъ подавалъ разсыропленное водой, пиво и медъ поиспортившіеся, чай со „жженкой". Въ тѣснотѣ у него все сходило, и онъ послѣ такихъ праздниковъ только потиралъ руки отъ удовольствія. Въ рождественскіе праздники Лаврентьичъ тоже думалъ поторговать путемъ.

Онъ для этого все ужь приготовилъ и обдумалъ, какъ будетъ вести дѣло; на управкахъ и на свободѣ, такъ какъ посѣтителей наканунѣ такого праздника и уже въ сумерки никого не было, онъ баловался чайкомъ.

Чай пилъ Лаврентьичъ не одинъ. Къ нему только-что пришелъ пріятель; это былъ молодой шустроглазый парень, съ обвѣтреннымъ лицомъ и съ обледенѣлыми сапогами; онъ должно быть пришелъ издалека и порядкомъ назябся, а теперь, видимо, наслаждался тепломъ и покоемъ и аппетитно потягивалъ чаекъ.

— Такъ куда-жь ты теперь путь держишь? спрашивалъ парня Лаврентьичъ.

— Да куда, еще самъ не знаю; гдѣ работа подойдетъ, тамъ и остановлюсь, отвѣчалъ парень.

— А товарищи-то подъ рукой есть у тебя?

— Вотъ то-то и горе-то, что одинъ остался. Вся братія разсыпалась: кого убили, кто въ острогъ попался, одинъ я уцѣлѣлъ.

— А осенью-то съ кѣмъ работалъ?

— Почти одинъ... Да и плохо работалъ, ноньче не задавалось.

— Что-жь такъ?

— Да то помѣшаютъ, то въ такое мѣсто попадешь, что и взять-то нечего, чортъ знаетъ что.

Лаврентьичъ замолчалъ и сталъ пить свою чашку. Парень, допивъ съ блюдечка, спросилъ:

— У васъ тутъ нѣтъ ли у кого пошарить? а то руки чешутся.

— Да какъ сказать-то; мѣста-то есть, да одному дѣлать нечего: не доберешься.

— А человѣка такого нѣтъ, на помощь мнѣ?

Лаврентьичъ покрутилъ головой.

— Нѣтъ, вотъ Гордюха мой пособилъ бы, да видишь ли, зубы разболѣлись, домой ушелъ, пожалуй не будетъ въ праздники и служить-то.

Парень вздохнулъ и принялся за другую чашку. Въ это время вошелъ Ефремъ.

Лаврентьичъ и гость оглянулись на него.

Ефремъ, войдя въ кабакъ, перекрестился, положилъ шапку на столъ и уныло проговорилъ:

— Ларентьичъ! Дай мнѣ сорокоушечку...

— Съ собой или на столъ? поднимаясь изъ-за стола, спросилъ Лаврентьичъ.

— Давай, здѣсь выпью, молвилъ Ефремъ и, опустившись на скамью, подперъ голову рукой и тяжело вздохнулъ.

— Что это ты закутить вздумалъ?—Люди сегодня до звѣзды не ѣдятъ, а ты вино пить хочешь? подавая сорокоушку, спросилъ Лаврентьичъ.

— Знамо не съ радости,—съ радости безъ время не запьешь, сказалъ Ефремъ и, наливъ стаканъ вина, выпилъ его однимъ духомъ.

— Что же у тебя за горе такое?

— У нашего брата, знамо, одно горе—нужда, молвилъ Ефремъ и еще выпилъ стаканъ.

— Эхъ нужда, нужда, знать ты у всѣхъ водишься, слегка вздыхая сказалъ гость.

Лаврентьичъ промолчалъ; онъ опять усѣлся на свое мѣсто.

Ефремъ выпилъ третій стаканъ и перемѣнился. Лицо его разгорѣлось, глаза заблистали, онъ сдѣлался смѣлѣе и развязнѣе, съ напускною храбростью онъ взглянулъ на Лаврентьича и проговорилъ.

— Лаврентьичъ, а я къ тебѣ вѣдь съ просьбой.

— Что такое! нахмурясь спросилъ Лаврентьичъ.

— Будь другъ, выручи изъ нужды на малое время: повѣрь изъ лавки товарцу рубля на три.

— Ты знаешь, я въ долгъ не торгую,—еще болѣе нахмуриваясь, проговорилъ Лаврентьичъ.

— Ну, одинъ разъ повѣрь, я скоро тебѣ отдамъ. Ей Богу. Вотъ послѣ Крещенія у насъ получка будетъ, я и принесу.—У меня вѣдь двѣнадцать рублей заработанныхъ есть, только не получены.

— Ну, когда получишь, тогда и придешь; что̀ хочешь тогда бери.

Ефремъ опѣшилъ; онъ опять опустилъ голову на руки и стиснулъ зубы. Лаврентьичъ же проговорилъ:

— И чего ко мнѣ пришелъ, къ торговому человѣку; ты самъ пойми, распусти я товаръ въ долгъ, на что мнѣ вновь товаръ-то брать? А ты бы вотъ къ дядѣ своему толкнулся, попросилъ бы у него деньжонокъ, и приходилъ бы ко мнѣ, я тогда тебѣ что хошь далъ бы...

Ефремъ вдругъ поднялъ голову и сверкнулъ глазами.

— А я развѣ не былъ? Былъ вѣдь, шубу просилъ, что̀ заложена у него, и то не далъ; развѣ это человѣкъ? Иродъ онъ!

И въ голосѣ Ефрема послышались слезы.

— Что-жь онъ говорилъ? спросилъ Лаврентьичъ.

— Что? Повернулъ затылкомъ къ себѣ, да въ шею, вотъ что...

— Вотъ это ловко, ха, ха, ха, засмѣялся Лаврентьичъ.

Ефремъ готовъ былъ совсѣмъ расплакаться.

— Молодецъ! у него шубу просятъ, а онъ въ шею. Хорошо! продолжалъ смѣяться Лаврентьичъ.

— На что лучше, по родному. Вспомнилъ бы онъ только, кто я ему? воскликнулъ Ефремъ и, схвативъ сорокоушку, вылилъ изъ нея послѣднюю водку и жадно выпилъ ее.

— А родной дядя-то? спросилъ гость у Лаврентьича.

— Родной, съ его отцомъ вмѣстѣ жили, отвѣтилъ Лаврентьичъ.

— Може изъ-за моего отца и жить-то такъ сталъ, за его шеей и деньги-то копилъ! сильно волнуясь кричалъ Ефремъ.

— Да, этакъ не хорошо; это кому хошь обидно, проговорилъ гость.

— Да какъ же, родимый... Эхъ!..

— Лаврентьичъ! Ну ужь коли не хошь товару повѣрить, отпусти хоть сорокоушечку еще въ долгъ; за эту на, получи. А еще дай. Ей-Богу отдамъ.

— Ну, что-жь, это можно, сказалъ Лаврентьичъ, и, толкнувъ гостя ногой подъ столомъ, всталъ и пошелъ къ буфету; гость тоже поднялся и, подойдя къ Ефремову столу, сѣлъ за него и твердо проговорилъ:

— Не надо сорокоушку, бутылку давай... *Я* требую!

Ефремъ осовѣлыми глазами удивленно поглядѣлъ на гостя и спросилъ:

— Это къ чему же ты? Значитъ, за что̀?

— А такъ, вижу человѣкъ въ горѣ и хочу съ нимъ горе раздѣлить; я самъ братъ такой же горемыка.

— О? сказалъ Ефремъ. — Ну спасибо, дай руку... Пожалѣлъ ты, значитъ, меня. Эхъ, братъ, еслибы ты зналъ, какъ мнѣ тошно! только плакать въ пору.

— Вѣрю, братъ, самъ нужду видалъ, когда поглупѣй былъ; вотъ теперь маленько отвязался, когда смѣтку узналъ. А то тоже мучился...

— Что же это, значитъ, за смѣтка? полюбопытствовалъ Ефремъ,—нельзя ли и мнѣ узнать ее маленько?..

— Отчего же, можно, улыбаясь молвилъ гость и принялся наливать поданную водку.—Давай вотъ выпьемъ впередъ...

Ефремъ проворно схватилъ стаканъ и опрокинулъ его въ ротъ.

Парня, что̀ подсѣлъ къ Ефрему, звали Лазаремъ или Лазуткой. Онъ по всему уѣзду слылъ за отчаяннаго вора и ужь сколько лѣтъ проказилъ по селамъ и деревнямъ. Много онъ лошадей угналъ, много амбаровъ поломалъ, но еще ни разу не попадался. Товарищи его то и дѣло оставались въ рукахъ полиціи, а онъ всегда ускользалъ. Въ послѣдній годъ его постигла особенная неудача. Онъ растерялъ всѣхъ своихъ товарищей, и одинъ еле перебивался мелкими продѣлками.

Онъ „работалъ“ больше на базарахъ, подсиживалъ пьяненькихъ въ кабакахъ. Для этого онъ и въ Воронино пришелъ, думая, не удастся ли ему чѣмъ поживиться за праздники въ заведеніи Лаврентьича. Увидавъ Ефрема, да еще въ такомъ озлобленномъ состояніи, Лазутка сообразилъ, что очень просто тотъ можетъ оказать ему не малую помощь и пособить обработать хорошее дѣльце; для этого онъ и подсѣлъ къ нему.

Когда Ефремъ выпилъ стаканъ изъ Лазуткиной бутылки, то

тотъ съ притворнымъ участіемъ сталъ разспрашивать про дядю. Ефремъ, сильно волнуясь, разсказалъ, какъ дядя поступилъ съ его отцомъ, какъ отпустилъ мать ни съ чѣмъ, когда она обратилась къ нему за помощью.

Кончивъ разсказъ, онъ опять воскликнулъ:

— Вѣдь вотъ онъ какой Иродъ!

— Прямой Иродъ, подтвердилъ Лазутка.—Не на мои руки онъ попалъ, я бы съ нимъ сдѣлался!

— Что̀ съ нимъ сдѣлаешь? уныло молвилъ Ефремъ,—не такой онъ человѣкъ, чтобы намъ съ нимъ тягаться.

— Я бы потягался,—далъ бы себя знать, помнилъ бы онъ меня.

Эти слова затронули Ефрема за живое. „А что какъ правду ему можно отплатить за это?“ мелькнуло въ его отуманенной хмѣлемъ и злобой головѣ.

— А чтобы ты съ нимъ сдѣлалъ? спросилъ Ефремъ.

— Что? а что съ такими людьми дѣлаютъ: не хошь добромъ дать, силой возьмемъ, вотъ что...

Ефремъ печально опустилъ голову.

— Ну, намъ этого не сумѣть.

— Самъ не сумѣешь, другой сумѣетъ; выпей ка вотъ еще.

Ефремъ выпилъ. Лазутка спросилъ:

— Ты знаешь, гдѣ у него добро-то лежитъ?

— Въ амбарѣ.

— А амбаръ-то извѣстенъ тебѣ?

— Еще бы!

— Вотъ проведи меня къ нему и поработаемъ.

Ефремъ ничего не сказалъ; онъ легъ головой на столъ и долго лежалъ такъ.

— Что-жь молчишь? И шубу твою выручили бы, и насолили бы ему чередомъ. Пришелъ бы онъ тогда, да увидалъ бы, что̀ настряпаемъ-то, вотъ бы обрадовался-то!

Ефремъ вдругъ поднялъ голову и уставился на Лазутку. Лазутка, не моргнувъ, выдержалъ его взглядъ. Ефремъ ударилъ кулакомъ по стулу и воскликнулъ:

— Эхъ, никогда я такимъ дѣломъ не занимался, и заниматься не хотѣлъ...

— Ну, какъ хочешь, хладнокровно проговорилъ Лазутка;—я только сказалъ, а тамъ твое дѣло.

— Нѣтъ, пойдемъ! Ужь коли раззадорилъ, такъ пойдемъ! Мнѣ только и остается...

И Ефремъ своею рукой схватилъ бутылку и налилъ себѣ еще стаканъ. Лазутка съ Лаврентьичемъ переглянулись.

Черезъ нѣсколько времени Лазарь съ Ефремомъ вышли изъ кабака. На улицѣ была уже темная ночь. Сельчане по случаю завтрашняго праздника рано угомонились. На улицѣ было тихо и темно. Только звѣзды сквозь легкій туманъ мигали съ высокаго неба, да изъ оконъ избъ лился слабый свѣтъ лампадъ.

Ефремъ, пошатываясь, пошелъ по серединѣ улицы, Лазарь торопливо слѣдовалъ за нимъ.

— Далеко ли? тихимъ шопотомъ спрашивалъ Лазутка.

— Сейчасъ, прохрипѣлъ Ефремъ и повернулъ въ одинъ изъ переулковъ.

Они очутились позади дворовъ, и вскорѣ подошли къ большому амбару съ широкимъ навѣсомъ надъ дверью. Ефремъ остановился подъ навѣсомъ и опять прохрипѣлъ:

— Вотъ...

Лазутка поставилъ на снѣгъ захваченный у Лаврентьича фонарь, подошелъ къ двери, попробовалъ замокъ и личину и проговорилъ:

— Замокъ-то винтовой, отопремъ какъ-нибудь, а личинуто мудрено, придется дверь ломать...

Ефремъ махнулъ рукой, какъ бы говоря: дѣлай, какъ знаешь. Его шибко мутило, и онъ еле сознавалъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Лазутка досталъ изъ кармана что-то и сталъ отпирать замокъ; вскорѣ замокъ былъ отпертъ; Лазарь вытащилъ изъ-подъ одежины коротенькій желѣзный ломикъ, на подобіе шкворня съ расплющеннымъ концомъ, и заправилъ его между косякомъ и дверью.

— Помогай, сказалъ онъ Ефрему.

— А? попрежнему хрипло спросилъ Ефремъ.

— Помогай говорю, что сѣлъ-то?

Ефремъ быстро вскочилъ на ноги, схватился одной рукой за ломикъ и потянулъ къ себѣ; косякъ затрещалъ, Лазутка переправилъ ломикъ.

Вскорѣ косякъ около запора такъ былъ измочаленъ ломикомъ, что запоръ подъ напоромъ двухъ дюжихъ плечъ не выдержалъ и

дверь отворилась. Изъ амбара пахнуло какой-то затхлостью отъ много лежавшаго тутъ хлѣба; сердца у Лазутки и Ефрема сильно застучали.

— Давай фонарь-то, гдѣ онъ?

Ефремъ взялъ стоявшій на снѣгу фонарь и вошелъ съ нимъ въ амбаръ. Лазутка зажегъ его и проговорилъ:

— Эва хлѣба-то сколько навалено, а гдѣ-жь одежа-то?

— Чай, наверху,—молвилъ Ефремъ.

— Ну полѣзай туда да скидывай что подъ руку попадется, а я тутъ буду разбирать да въ узлы связывать.

Ефремъ медленно поднялъ ногу на закромъ и дрожащими руками схватился за потолочину. Голова его нѣсколько прояснилась, сердце остыло; онъ ясно представилъ себѣ, что̀ онъ дѣлаетъ, и вдругъ въ груди его что-то зашевелилось, и онъ остановился недвижимый...

— Что-жь остановился-то? полѣзай,—командовалъ Лазутка. А то долго прокопаешься, не успѣешь убраться.

Ефрему представилось испуганное лицо жены, когда онъ сказалъ, что ничего не привезъ къ празднику, и ея грустный вопросъ: „что-жь теперь дѣлать?“ и онъ почувствовалъ, что храбрости у него прибавилось; онъ рѣшительно сталъ на закромину и полѣзъ на верхъ...

Михѣй до этого дня рѣдко когда вспоминалъ о смерти, и если вспоминалъ, то мелькомъ; задумываться же о ней ему не приходилось. Онъ былъ еще здоровый, крѣпкій человѣкъ, хворать никогда очень не хворалъ и вообще ни въ какомъ положеніи, близкомъ къ смерти, не былъ. На этотъ же разъ съ нимъ случилось что-то небывалое: смерть предстала передъ нимъ такъ ясно и въ такомъ невыносимомъ безобразіи, что оковала все существо его ужасомъ.

Онъ вспомнилъ, что ему за пятьдесятъ; значитъ не далеко и она; въ шестьдесятъ лѣтъ люди умираютъ, значитъ и ему скоро умирать...

„И я скоро умру“, подумалъ Михѣй. „Умру?.. Да какъ же такъ?.. Зачѣмъ?..“ „Неужели отъ этого избавиться нельзя?...“

— Нельзя, отвѣтилъ онъ самъ себѣ—такъ всегда было, такъ и должно быть.

Ужасъ, охватившій его, разростался больше и больше; его брало морозомъ, разбирала лихорадка, и страшная тоска охватывала его душу... Все ему стало немило, ничто не радостно. Что до сихъ поръ казалось ему хорошимъ и достойнымъ вдругъ потеряло въ его глазахъ свою цѣну, показалось ничтожнымъ. „Все пустяки",—думалъ онъ, —„все ничего не стòитъ".

„Дорога жизнь, а она не на вѣкъ"...

Михѣю вспомнилось, какъ онъ раньше глядѣлъ на достатокъ и почетъ, чтò онъ теперь назвалъ пустяками. Раньше онъ считалъ эти пустяки важнымъ и необходимымъ... И всѣ силы свои покладалъ на обезпеченіе себя ими, и дорожилъ ими пуще всего на свѣтѣ. Онъ сталъ вспоминать, какъ онъ пріобрѣталъ эти „пустяки", чтò продѣлывалъ ради нихъ, и сердце его страшно заныло, душу тяжкой тоской стиснуло.

— Для чего это я дѣлалъ, для чего столько грѣха на душу принялъ? прошепталъ Михѣй, и вдругъ почувствовалъ себя въ такомъ положеніи, въ какомъ чувствуетъ себя человѣкъ внезапно свалившійся среди бурной рѣки съ плота. Нужно было спасаться, нужно было стремиться къ берегу, — такъ понялъ себя Михѣй.

Онъ почувствовалъ такую пустоту внутри себя, которую нужно было чѣмъ-нибудь наполнить, и онъ, не раздумывая больше, обратился къ божницѣ и, широко перекрестившись, упалъ на колѣна и началъ молиться.—Господи спаси, Господи помилуй! торопливо шепталъ онъ, усердно крестясь и пріискивая другихъ словъ для моленья; но слова не вязались, подходящія молитвы не шли на умъ; мало-по-малу и самое расположеніе молиться пропало, спина его не гнулась, руки отяжелѣли и сердце его заныло еще больнѣй... Михѣй пересталъ креститься и поднялся съ полу...

— Господи! что же это дѣлать-то? И молиться-то мочи нѣтъ, прошепталъ онъ.

Онъ ясно сознавалъ, что дѣлать что-нибудь нужно, что такъ оставить вдругъ опустѣвшую душу нельзя, нужно чѣмъ-нибудь прогнать эту сердечную тяготу... Вдругъ взглядъ его скользнулъ по книгамъ на полкѣ подъ божницей, и новая мысль мелькнула въ его головѣ:

— Почитать развѣ, можетъ отъ этого полегчаетъ. Вѣдь Священное Писаніе читать,—что молиться.

И онъ подошелъ къ полкѣ, досталъ книгу, раскрылъ ее и сталъ читать. Книга была *Новый Завѣтъ*.

Михѣй началъ ее съ перваго стиха и, не останавливаясь, пошелъ, устремляя въ книгу всю свою душу и громкимъ шепотомъ отчетливо выговаривая каждое слово. Нѣсколько листовъ уже прочиталъ онъ, усердно ловя смыслъ святыхъ словъ. И такъ углубился въ нее, что боль душевная стала легче, мысли прояснились, и каждое слово стало отзываться въ его сердцѣ. Онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Божественный Учитель поздравляетъ всѣхъ униженныхъ, горюющихъ, неимущихъ, кроткихъ и милостивыхъ и обѣщаетъ имъ награду на небесахъ, и сердце Михѣя наполнилось умиленіемъ...

Съ каждой минутой разростающимся все болѣе интересомъ онъ впивался въ слѣдующія за этимъ мѣстомъ слова и, жадно вдумываясь въ нихъ, дошелъ до того стиха, гдѣ говорилось:

„Аще убо принесеши даръ твой къ алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя. Остави ту даръ твой передъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой.

(Мѳ: глава 5 ст. 23-24.).

Михѣй остановился и хорошенько вдумался въ эти слова. Его уже нѣсколько проясненному предшествовавшими строками разуму стало понятно, что этимъ требовалось прежде служенія Богу удовлетвореніе обиженнаго. — Такъ вотъ отчего я давеча молиться-то не могъ, не готовъ я былъ къ этому.

Михѣй оставилъ книгу, всталъ и заходилъ по горницѣ. Ему вспомнился Ефремъ и поступокъ съ нимъ, и вдругъ этотъ поступокъ показался ему такимъ нехорошимъ.

„Вѣдь вотъ до чего доходимъ, подумалъ Михѣй, какъ грѣхамъ-то поддаемся, разобрать ничего не хотимъ... Пришелъ кровный человѣкъ проситъ милости, а мы его вонъ гонимъ, охъ хо хо!..“

И Михѣй тяжело вздохнулъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ сталъ вспоминать, какъ онъ немилостивъ раньше былъ. Много, много предстало предъ нимъ нехорошихъ дѣлъ за всю его жизнь: вспомнилъ онъ свою жизнь въ городѣ, какъ онъ тамъ наживалъ деньги, какъ возгордѣлъ предъ братомъ и раздѣлился съ нимъ, какъ жалъ людей когда барышничалъ. И пуще прежняго тоска охватила его душу и стала томить.

— Господи, Господи! До чего ослѣпнетъ человѣкъ, ужасти подобно! восклинулъ Михѣй и опять сѣлъ къ столу, облокотился на него и закрылъ глаза ладонью.

— Нѣтъ, жить такъ нельзя! рѣшилъ онъ. Нѣтъ... Нужно посадить себя... Нужно и Богу послужить...

Пора!..

И онъ сталъ думать, что̀ бы ему сдѣлать, что̀ было бы пріятно Богу.

Прежде всего предъ нимъ предсталъ Ефремъ,— и Михѣй подумалъ, что его нужно удовлетворить. Но какъ? Что сдѣлать ему? Дѣло было совсѣмъ новое и непривычное, и Михѣй не зналъ, съ какого конца за него приняться.

„Шубу снесть ему, нѣсколько подумавши, рѣшилъ Михѣй, а тамъ спрошу, что̀ нужно ему, и дамъ; только вотъ когда шубу-то снесть? Сегодня или завтра?“

Михѣй вспомнилъ, для чего Ефремъ просилъ у него шубу, и немедля рѣшилъ сейчасъ снести шубу; онъ торопливо одѣлся, зажегъ фонарь, взялъ ключи и пошелъ въ амбаръ, гдѣ у него лежало все добро.—Когда онъ вышелъ изъ дома и взглянулъ на темно-синій сводъ небесный, усѣянный безчисленными звѣздами, то сердце у него радостно забилось: онъ вспомнилъ, что идетъ исполнить волю Того Творца, Который властвуетъ надъ всѣмъ этимъ міромъ... Представляя себѣ, какъ онъ возьметъ шубу и отнесетъ ее къ племяннику, какъ обрадуетъ его, онъ подошелъ къ амбару и вступилъ подъ навѣсъ.

Только хотѣлъ Михѣй взойти на мостенки, какъ вдругъ остолбенѣлъ: ему показалось, что дверь амбара отворена и чья-то голова высунулась въ нее.

Не успѣлъ онъ опомниться, какъ внутри амбара кто-то крикнулъ: „спасайся“, и какой-то человѣкъ стрѣлой метнулся мимо него и скрылся въ ночной темнотѣ.

У Михѣя подкосились ноги, его точно обдало холодной водой. Все, чѣмъ только что была преисполнена его душа, сразу исчезло. Его охватилъ какой-то невѣдомый страхъ и отшибъ у него разумъ. На мгновеніе онъ остался въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ вскочилъ на мостенки и взглянулъ внутрь амбара. При слабомъ свѣтѣ фонаря онъ увидалъ какъ кто-то, кувыркаясь, спрыгнулъ сверху, шлепнулся на наваленную на полу амбара одежу и сбрую и закопошился на ней. Михѣй вскрикнулъ, быстро выскочилъ изъ амбара и захлопнулъ дверь его; потомъ торопливо нашарилъ подъ ногами какую-то палочку и, воткнувъ ее въ пробой, опрометью бросился къ дому.

Какъ полоумный, вбѣжалъ Михѣй къ себѣ въ домъ и переполошилъ улегшуюся было жену и дочь; тѣ стали спрашивать, что случилось, а онъ не могъ и слова выговорить; съ минуту онъ стоялъ отпыхиваясь, потомъ, какъ будто сообразивъ что, повернулся, опрометью выбѣжалъ изъ дома и бросился къ сосѣдямъ.

— Воры, батюшки, воры! закричалъ Михѣй предъ дворомъ одного сосѣда,—помогите!

Изъ избы на крикъ Михѣя выбѣжалъ перепуганный хозяинъ.

— Гдѣ воръ, у кого? спросилъ онъ.

— У меня... въ амбарѣ... сказалъ Михѣй и не могъ больше двинуться съ мѣста. Сосѣдъ побѣжалъ одѣваться и сталъ будить другихъ мужиковъ.

Черезъ нѣсколько времени собралось нѣсколько мужиковъ и подошли къ Михѣю. Михѣй перевелъ духъ и проговорилъ:

— Возьмите что-нибудь съ собой, топоръ или вилы. Я ихъ въ амбарѣ заперъ отсюда, такъ неравно тово...

Мужики вооружились и двинулись за Михѣемъ. Подойдя къ амбару, они остановились подъ навѣсомъ и, тревожно прислушиваясь и посматривая на дверь, стали совѣтоваться, какъ имъ войти въ нее. Они боялись, ну-ка тамъ сидитъ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ, ну-ка они дадутъ имъ отпоръ. Никто не рѣшался войти первый. Прокалякавши довольно долго, они ни до чего не договорились. Вдругъ одинъ изъ нихъ выступилъ и проговорилъ:

— Давайте я пойду первый, что̀ ни будетъ.

— Ну-ну попробуй, понукали его мужики.

Мужичекъ взялъ фонарь и подошелъ къ двери; дрожащею рукой онъ вытащилъ изъ пробоевъ палку, смыкавшую ихъ, и толкнулъ дверь; дверь отворилась, мужикъ поднялъ фонарь и освѣтилъ имъ внутренность амбара; внутри амбара ничто не шевелилось.

Мужики вытянули головы и робко заглянули туда; сразу въ слабомъ освѣщеніи фонаря они ничего не могли разглядѣть; вдругъ одинъ за другимъ они вздрогнули и съ ужасомъ отпрянули назадъ... То, что они увидали, оледенило имъ кровь! Въ заду амбара, на толстой перекладинѣ надъ закромомъ, въ петлѣ, сдѣланной изъ хорошихъ плетеныхъ возжей, висѣлъ воръ; посинѣвшее лицо его было обращено къ мужикамъ, и страшно вытаращенные глаза установились прямо въ нихъ. Мужики затряслись,

какъ въ лихорадкѣ, и съ минуту ни одинъ изъ нихъ не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Что смотрѣть-то, давайте вынимать его скорѣй, можетъ еще отубинѣетъ, крикнулъ одинъ изъ мужиковъ, всѣхъ прежде опомнившійся.

Другіе мужики тоже очнулись; одинъ, у котораго былъ топоръ въ рукахъ, подскочилъ къ удавленнику и однимъ махомъ перерубилъ возжи.

Тѣло удавленника стало на ноги, вздрогнуло, потомъ медленно, какъ снопъ, повалилось вдоль амбара и расположилось на наваленной внизу одеждѣ, вверхъ лицомъ.

Мужики всѣ стиснулись въ амбарѣ и, нагнувшись надъ удавленникомъ, стали вглядываться въ лицо его. Одинъ мужикъ поднялъ голову и проговорилъ: батюшки, знакомый человѣкъ-то!

— Узнали?

Къ удавленнику подбѣжалъ и Михѣй; онъ тоже сталъ вглядываться въ его лицо. Вдругъ лицо его исказилось, онъ пошатнулся и вскричалъ:

— Ефремушка!.. Родной!.. О, батюшки! Да что-жь это?..

Онъ замеръ на мѣстѣ, и слезы полились изъ глазъ его.

Мужики заволновались: кто побѣжалъ за старостой, кто сталъ уговаривать Михѣя. Одинъ сталъ ощупывать тѣло Ефрема, думая, что, можетъ-быть, онъ не совсѣмъ кончился.

Но тѣло, все окоченѣлое, уже начало холодѣть.

Пришелъ староста, увидалъ плачущаго Михѣя и распорядился увести его домой. Амбаръ онъ велѣлъ запереть, приставилъ къ нему двухъ сторожей и пошелъ наряжать подводу, чтобы на утро ѣхать въ станъ и объявить о случившемся.

Михѣя привели домой въ такомъ видѣ, въ какомъ его никто никогда не видалъ: онъ навзрыдъ плакалъ, стоналъ и рвалъ на себѣ волосы. Перепуганныя жена и дочь раздѣли и уложили его на кровать. Михѣй легъ, но плакать не переставалъ. Сквозь рыданія у него вырывались слова, которыя ни жена, ни дочь его понять не могли.

— Господи! весь вздрагивая отъ рыданій лепеталъ Михѣй,—а я подумалъ... Что Ты взмиловался ко мнѣ... Я думалъ... Ты хотѣлъ. Чтобъ я счастье ему далъ... А онъ вотъ что... И когда?.. О Господи!

И долго плакалъ Михѣй; время подошло къ полночи, встревоженные сосѣди разошлись по домамъ, а онъ все не могъ успокоиться. Жена и дочь, глядя на него, плакали.

— Да будетъ, Богъ съ тобой! уговаривала его жена,—видно такая судьба; ты тутъ не виноватъ.

— Нѣтъ, я виноватъ! въ изступленіи крикнулъ Михѣй, я всему причиной. Изъ-за меня онъ погибъ, изъ-за жадности моей.

И онъ, какъ безумный, вскочилъ на постели, закрылъ лицо руками и долго сидѣлъ такъ, какъ бы что обдумывая. Вдругъ онъ отнялъ руки отъ лица, сверкнулъ глазами и проговорилъ:

— Да, да, да.

И, проговоривши это, соскочилъ съ постели, пошатываясь, опустился къ небольшому сундучку, стоявшему у него подъ кроватью, отперъ его и вытащилъ оттуда большой свертокъ, завернутый въ бумагу. Онъ развернулъ бумагу: въ ней оказалось нѣсколько пачекъ денегъ. Тутъ были и простыя бумажки и серіи. Взявши одну пачку, Михѣй растрепалъ ее и, подойдя къ божницѣ, зажегъ ее надъ лампадкой... Бумажки вспыхнули, Михѣй бросилъ ихъ на полъ и сталъ зажигать другія. Жена Михѣя, съ безпокойствомъ слѣдившая за нимъ, увидала, что̀ онъ хочетъ дѣлать, и съ воплемъ бросилась къ нему, чтобъ остановить его. Но Михѣй сурово отстранилъ ее и зажегъ новую пачку. Бумажки загорѣлись синеватымъ огонькомъ и, какъ живыя, закорчились на полу.

Баба вообразила, что Михѣй сошелъ съ ума, и опрометью выбѣжала изъ дома; она бросилась въ сосѣдній дворъ и, поднявъ сосѣдей на ноги, завопила:

— Родные! Подите поглядите, что̀ Михѣй-то дѣлаетъ. О, батюшки! пропали наши головы. Подите, образумьте его!

Два мужика побѣжали за бабой. Они вбѣжали въ горницу Михѣя и въ изумленіи остановились. Они увидали, что Михѣй стоитъ у божницы, въ одной рукѣ держитъ пачку, а другою беретъ изъ этой пачки по нѣсколько бумажекъ, зажигаетъ ихъ на лампадномъ огнѣ и бросаетъ на полъ... Бумажки быстро исчезали отъ огня, на полу была уже порядочная куча пепла. Когда мужики пришли въ себя, то Михѣй поджегъ послѣднія деньги, бросилъ ихъ на полъ и поднялъ голову на мужиковъ.

— Что̀ ты сдѣлалъ-то, Михѣй Панкратичъ? спросилъ одинъ изъ мужиковъ, съ ужасомъ глядя на него.

— Идола своего сокрушилъ, отчетливо проговорилъ Михѣй.— Всю жизнь ему окаянному служилъ, всю жизнь на него работалъ. А теперь, нѣтъ. Теперь у меня другой господинъ будетъ!..

И онъ поглядѣлъ на догорающія послѣднія бумажки и, ударивъ рука объ руку, какъ бы отряхая съ нихъ пыль, глубоко вздохнулъ. Въ это время на колокольнѣ ударили въ колоколъ... Михѣй насторожилъ уши. Колоколъ прозвучалъ въ другой разъ. У Михѣя сразу перемѣнилось лицо, глаза его радостно заблестѣли.

— Праздникъ наступаетъ... Христосъ родился, значитъ! проговорилъ онъ.—Ну, вотъ онъ, новый Господинъ мой... Слава Тебѣ, Господи!

Онъ поднялъ глаза вверхъ и набожно перекрестился.

Мужики поняли, что имъ тутъ дѣлать нечего, повернулись въ горницѣ и вышли вонъ.

Когда на другой день по селу разнеслось о томъ, что сдѣлалъ Михѣй, то всѣ пришли къ убѣжденію, что онъ рехнулся, и стали пророчить, что это подтвердится и на другихъ дѣлахъ. Дѣйствительно съ этого раза Михѣй круто перемѣнилъ жизнь. На другой день рано, рано онъ самъ пошелъ къ обезумѣвшей отъ горя Аксиньѣ, уговорилъ ее перебраться къ себѣ въ домъ и оставилъ ее у себя жить... Потомъ всѣ дѣла, которыя онъ раньше велъ, сразу бросилъ, и съ тѣми людьми, съ которыми сталкивался по этимъ дѣламъ, и знакомство вести пересталъ. Для другихъ же людей, бѣдныхъ и неимущихъ, онъ сталъ такъ доступенъ, какъ никогда прежде. Всѣмъ онъ удѣлялъ, что просили, если у него это было; всѣхъ награждалъ добрымъ словомъ... Вскорѣ все лишнее добро, наполнявшее его амбаръ, расплылось по добрымъ людямъ, и прежняго богача Михѣя Панкратова ничѣмъ нельзя было отличить отъ обыкновенныхъ крестьянъ; долю свою онъ тянулъ по-прежнему, но работалъ самъ; у него было только и дѣла, что хозяйство. Нанимать онъ не захотѣлъ даже и тогда, когда выдалъ замужъ дочь и Аксинью; онъ только убавилъ посѣва. Работалъ Михѣй старательно; отъ такой работы онъ сильно перемѣнился, похудѣлъ, постарѣлъ, сгорбился. Но зато никто до сихъ поръ не видалъ у него такого свѣтлаго и спокойнаго взгляда и такой кроткой улыбки.

Въ будни работалъ Михѣй, а въ праздникъ онъ очень любилъ читать; зайдетъ онъ въ свою горницу, возьмется за книгу и читаетъ... Чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ становился мягче; иногда расплачется вовсе надъ книгой, или начнетъ по горницѣ ходить, да самъ съ собою разговаривать. Въ такія минуты жена его никогда не рѣшалась безпокоить: она знала, что эти минуты доставляютъ ему много такого счастья, какого онъ никогда прежде не испытывалъ.

Жена его сначала много тужила и плакала послѣ того, какъ онъ такой поступокъ совершилъ. Она думала, что они совсѣмъ теперь погибнутъ; но прошло время,—увидала она, что съ Михѣемъ ничего худаго не приключилось, и успокоилась.

Правда, ей прибавилось работы въ новой жизни, особливо когда дочь и Аксинья вышли замужъ, но за то меньше стало и заботы. И ихнее добро уже не могло привлекать зависти недобрыхъ людей, и ей ужь не нужно было мыкаться и распинаться по цѣлымъ днямъ, принимая и угощая нужнаго человѣка, и трепетать передъ мужемъ, когда онъ во хмѣлю возвращался откуда-нибудь изъ гостей. Все это прошло и все исчезло безвозвратно, и ни разу не повторилось послѣ того, что произошло въ Рождественскую ночь.

С. Семеновъ.

РЕФОРМА КРЕСТЬЯНСКАГО БАНКА.

I.

Послѣ почти девятилѣтней, въ высшей степени неудачной, дѣятельности Крестьянскій Поземельный Банкъ, основанный государствомъ съ такими прекрасными и возвышенными цѣлями, оказывается учрежденіемъ не только не соотвѣтствующимъ первоначальнымъ ожиданіямъ, но приносящимъ положительный вредъ въ смыслѣ земледѣльческой культуры. Цифры показываютъ, что дѣла Банка одинаково печальны, какъ съ коммерческой, такъ и съ культурной стороны. Съ коммерческой—онъ не можетъ существовать самостоятельно и требуетъ прямыхъ жертвъ отъ государства, со стороны культурной—пріобрѣтенныя черезъ его посредство земли, попавъ въ самую хищническую эксплуатацію, не держатся и не могутъ держаться въ рукахъ покупщиковъ.

Въ виду этого недавно организована коммиссія, которой задача—пересмотрѣть уставъ Банка, согласить его, буде возможно, какъ съ совершенно справедливыми требованіями отъ Банка, какъ отъ учрежденія финансоваго, а не филантропическаго, такъ и съ не менѣе справедливыми отъ него требованіями, способствовать, а не противодѣйствовать земледѣльческой культурѣ въ странѣ.

Въ виду такимъ образомъ поставленнаго вопроса, я считаю своевременнымъ припоминать тѣ соображенія, которыя въ свое время раньше открытія Банка были мною изложены въ *Руси* покойнаго И. С. Аксакова. Эти соображенія сами по себѣ почти не измѣнились, но если тогда высказывались въ видѣ предска-

заній, къ сожалѣнію, сполна осуществившихся, то теперь могутъ выяснить необходимыя на мой взглядъ условія для будущей плодотворной дѣятельности этого по существу въ высшей степени полезнаго и симпатичнаго учрежденія.

Происходившее недавно обсужденіе этого вопроса въ Обществѣ для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ выяснило совершенную неудовлетворительность постановки Крестьянскаго Банка и указало нѣкоторыя наиболѣе печальныя стороны его дѣятельности. Такъ, напримѣръ, было единогласно принято, что практикуемое нынѣ Крестьянскимъ Банкомъ требованіе доплаты отъ крестьянъ при покупкѣ ими земли представляетъ большое зло, съ одной стороны становящее землю недоступною именно бѣднѣйшимъ сельскимъ классамъ, съ другой—вынуждающее заемщиковъ Банка вести на пріобрѣтенныхъ земляхъ хищническое хозяйство ради необходимости выручить поскорѣе и побольше денегъ, какъ для банковскихъ платежей, такъ и для погашенія очень тяжелыхъ частныхъ долговъ, сдѣланныхъ именно ради доплаты.

Затѣмъ собраніе безусловно присоединилось къ высказанному мною и г. Соколовскимъ взгляду относительно культурнаго характера Крестьянскаго Банка, характера, котораго сейчасъ онъ вовсе не имѣетъ, но безъ котораго грозятъ серьезныя опасности самому существованію Банка. Если это учрежденіе не удастся реформировать на началахъ прямаго и непосредственнаго воздѣйствія къ правильной постановкѣ крестьянскаго хозяйства на покупаемыхъ земляхъ, если Банкъ попрежнему будетъ лишь способствовать крестьянамъ пріобрѣтать земли, не заботясь о томъ, что̀ за хозяйство ведется на этихъ земляхъ, то слишкомъ сомнительною оказывается польза этого учрежденія, на долю котораго выпала такая неблагодарная, такая анти-культурная задача: помогать опустошенію русской земли, обострять и ускорять это опустошеніе.

Обвиненіе это совсѣмъ не такъ рѣзко, какъ кажется. Что̀ представляютъ изъ себя тѣ 150.000 десятинъ, которыя остались за Банкомъ? Что̀ представляютъ изъ себя огромныя пространства, еще не перешедшія къ Банку, еще формально находящіяся въ рукахъ крестьянъ? Ведется ли на нихъ такое хозяйство, которое обезпечиваетъ крестьянамъ ихъ новую собственность, а Банку платежи? Едва ли въ одномъ изо ста случаевъ. Въ девяноста же девяти земли безпощадно опустошаются, злосчастные

покупщики бьются, какъ рыба объ ледъ, обремененные непосильнымъ трудомъ безъ капитала, безъ средствъ, безъ хорошихъ сѣмянъ и орудій, чтобы послѣ безнадежной борьбы ослабѣть окончательно и вернуть Банку опустошенную землю.

Кажется, споровъ объ этомъ быть не можетъ. Крестьянскій Банкъ, чтобы соотвѣтствовать истиннымъ потребностямъ народнаго хозяйства, долженъ перестать быть Крестьянскимъ Поземельнымъ Банкомъ и стать Крестьянскимъ Земледѣльческимъ Банкомъ. Онъ долженъ перестать механически выдавать ссуды ради того только, чтобы передать крестьянамъ такой-то участокъ, онъ долженъ обезпечить крестьянамъ ихъ хозяйство и благосостояніе на новомъ участкѣ, долженъ укрѣпить его за ними, а ихъ самихъ сдать государству настоящими зажиточными крестьянами, настоящими культурными земледѣльцами.

Задача эта вовсе не такъ трудна и сложна, какъ это представляется людямъ, съ деревней и сельскимъ хозяйствомъ незнакомымъ. Я попытаюсь въ краткихъ чертахъ указать на главныя основанія необходимой въ этомъ смыслѣ реформы Крестьянскаго Банка, и читатель можетъ усмотрѣть какихъ небольшихъ перемѣнъ въ уставѣ Банка будетъ достаточно, чтобы совершенно измѣнить характеръ его дѣятельности.

Необходимыя измѣненія должны состоять главнымъ образомъ: 1) въ привлеченіи въ составъ совѣта и отдѣленій Банка лицъ спеціально знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, 2) въ устраненіи всякаго рода нормальныхъ цѣнъ на земли и производствѣ только спеціальныхъ хозяйственныхъ оцѣнокъ, 3) въ обусловленіи банковой ссуды приговоромъ сельскаго общества, или товарищества, по которому крестьяне, добровольно согласясь съ представителемъ Банка о способахъ и формахъ ихъ хозяйства на купленной землѣ, подчиняются на извѣстный срокъ техническому надзору Банка и обязуются самовольно не нарушать установленнаго ими съ согласія Банка хозяйственнаго плана.

Мнѣ нѣтъ надобности, полагаю, разсказывать подробно о нынѣшней дѣятельности Банка на мѣстѣ, т. е. о производимыхъ отдѣленіями нормальныхъ и спеціальныхъ оцѣнкахъ. Коренное зло существующаго порядка заключается въ томъ, что какъ бы тщательно ни была произведена оцѣнка, какъ бы велика или мала ни была выданная ссуда, данныя этой оцѣнки не могутъ имѣть никакого значенія въ смыслѣ гарантіи для Банка въ успѣшности платежей, а для крестьянъ въ прочности ихъ землевладѣнія. Уча-

стокъ земли, доходность коего опредѣлена на основаніи оцѣночной инструкціи совершенно вѣрно, черезъ нѣсколько лѣтъ хищнической эксплуатаціи потеряетъ свою цѣну, какъ бы низка ни была оцѣнка. Нѣтъ той почвы, которую въ средней полосѣ нельзя бы было совершенно, *на-нѣтъ*, опустошить безнавозными посѣвами льна и ржи, нѣтъ той цѣлинной степи, которая не могла бы быть быстро истощена посѣвами подсолнечника, льна, рапса, пшеницы, проса. Опустошеніе какъ въ нечерноземной, такъ и въ черноземной полосахъ идетъ одинаково. Какъ только первые хорошіе урожаи сняты, слѣдующіе сами-собою понижаются. Когда урожаи понизились до того, что не окупаютъ больше работы и сѣмянъ, въ Банкъ платить все равно нечѣмъ, будь земля раньше какъ угодно плодородна и достанься она крестьянамъ по какой угодно оцѣнкѣ.

Оцѣнивать землю поэтому приходится не по какимъ-либо неподвижнымъ нормамъ, не по тому, что̀ она даетъ сейчасъ въ рукахъ владѣльца, не по тому, каковы въ мѣстности арендныя цѣны на такія-то и такія-то угодья или посѣвы, а по тому, *что̀ она можетъ дать при правильной, прочной и на долгій срокъ обезпеченной эксплуатаціи ея крестьянами.*

Подобная оцѣнка непремѣнно предполагаетъ хозяйственный планъ, прочный, долгій, культурный, а не хищническій. Слѣдовательно, такую оцѣнку произведетъ хорошо только агрономъ при содѣйствіи самихъ крестьянъ, даже мѣстный хозяинъ землевладѣлецъ, а никакъ не чиновникъ съ какою бы то ни было инструкціей въ рукахъ.

Допустимъ, что оцѣнка сдѣлана вѣрная, но обезпечитъ она и Банкъ и крестьянъ только тогда, если принятый въ ея основу хозяйственный планъ является не только желательнымъ, но и дѣйствительно осуществляется. Приведу примѣръ: оцѣнка и прочное хозяйство на участкѣ въ 100 десятинъ пустошной земли возможны въ Смоленской губерніи, напримѣръ, только при томъ условіи, если распахивается подъ ленъ не болѣе $^1/_{10}$ поверхности, то-есть десять десятинъ ежегодно, и если вторая рожь идетъ по навозу, а послѣ втораго яроваго сѣется клеверъ. Въ Саратовской губерніи такое хозяйство возможно при опредѣленныхъ ограниченныхъ посѣвахъ пшеницы и подсолнечника. Но тамъ, кромѣ того, надо класть значительную скидку на возможность полнаго неурожая, чего въ Смоленскѣ не бываетъ.

Для того, чтобы эта оцѣнка была основательна, необходимо,

чтобы планъ не нарушался. Представьте же теперь, что Смоленцы вмѣсто одной десятой засѣяли льномъ треть земли, а Саратовцы, пользуясь хорошею землей, насѣяли въ изобиліи подсолнечника. Планъ нарушенъ, оцѣнка никуда не годится, земля черезъ нѣсколько лѣтъ опустошена.

Никакого другаго выхода нѣтъ, кромѣ обязательности условленнаго и легшаго въ основаніе оцѣнки плана. Сохрани Богъ навязывать что-нибудь крестьянамъ. Они сами все это отлично понимаютъ. Они сами подскажутъ любому агроному весьма дѣльный и остроумный планъ эксплуатаціи купленной земли, они быстро столкуются съ этимъ агрономомъ, если обстоятельства не будутъ ихъ вынуждать къ хищническимъ посѣвамъ. Мужикъ любитъ землю и пустошитъ ее только въ силу безысходной нужды.

Я утверждаю, что соглашеніе банковскаго представителя-агронома съ крестьянами по поводу плана хозяйства въ высшей степени легко достижимо. Препятствіе встрѣтится только въ одномъ, именно въ недостаткѣ средствъ для осуществленія этого плана. Половина покупщиковъ безлошадная. Сѣмянъ хорошихъ нѣтъ. Засуха—сохи трещатъ и не берутъ. Надо бы клеверъ посѣять, опять нѣтъ сѣмянъ...

Вотъ что мнѣ говорили крестьяне при осмотрѣ одного изъ участковъ: „взяться бы за эту землю по хорошему, чего бы лучше! Ничего не подѣлаешь—бѣдность одолѣла! Съ этой земли вдвое, втрое заплатить бы можно, да управки нѣтъ, такъ и болтаемъ попусту, или на сторону отдаемъ“.

Выходъ здѣсь опять-таки одинъ: кромѣ главной ссуды на покупку земли, необходимо сейчасъ же, прежде чѣмъ мужикъ выѣхалъ на пашню, дать ему въ долгъ на самое короткое время: безлошадному—лошадь, всѣмъ—хорошія сѣмена льна, клевера, дешевые плужки. Краткосрочная ссуда всего въ какихъ-нибудь 5% главной ссуды (а еще лучше доставленіе всего этого натурой черезъ земскую управу, чтобы деньги не пошли въ подати или въ кабакъ) сразу обезпечитъ исполненіе плана и поставитъ крестьянъ на ноги. Явится клеверъ, явится и лишняя скотина, какъ разъ къ тому времени, когда потребуется лишній навозъ. Эта краткосрочная ссуда можетъ быть раздѣлена къ платежу на два, много на три года, ибо крестьянинъ не считаетъ въ деньги своего труда, и весь его воловой доходъ является чистымъ.

Итакъ, вотъ какимъ путемъ можетъ быть достигнута правильная оцѣнка и гарантія Банка и крестьянъ: *хозяйственный*

планъ при участіи спеціалиста и краткосрочная ссуда для начатія хозяйства при надзорѣ за его продолженіемъ.

Это совершенно противоположно тому, что дѣлаетъ въ настоящее время Крестьянскій Банкъ. Но, повторяю, никакого другаго исхода нѣтъ, ни при какихъ иныхъ условіяхъ не избѣжать земельнаго хищничества, напрасной кабалы крестьянъ и огромныхъ убытковъ для Банка, залогодержателя, или владѣльца опустошенныхъ и безплодныхъ земель.

Но какъ же осуществить это практически? Какъ связать съ уставомъ Банка, не только не дающаго этихъ ссудъ, но требующаго доплаты?

Прежде чѣмъ обратиться къ этому вопросу, я долженъ на минуту возвратиться къ доплатамъ, такъ единодушно всѣми осужденнымъ. Совершенно вѣрно: при настоящемъ уставѣ Банка, доплаты эти, не представляя никакой гарантіи противъ такъ-называемыхъ „легкомысленныхъ покупокъ", являются обстоятельствомъ, прямо вынуждающимъ крестьянъ къ хищнической эксплуатаціи земли. Необходимость собрать сумму для доплаты владѣльцу едва ли можетъ серьезно остановить крестьянъ, кромѣ развѣ случаевъ, когда у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго кредита и нельзя найти денегъ даже за 5 коп. въ мѣсяцъ. Дѣло въ томъ, что какъ ни высока покупная сумма и слѣдовательно доплата, какъ ни тяжелы условія займа, хищническія распашки въ первые годы всегда дадутъ средства для покрытія займа. Опустошеніе купленной земли будетъ на нѣсколько лѣтъ ускорено,—вотъ и вся разница.

Но при тѣхъ условіяхъ, которыя я изложилъ выше, дѣло принимаетъ характеръ совсѣмъ иной, и здѣсь вопросъ о доплатѣ самъ собой ставится въ обратномъ смыслѣ. Доплата является здѣсь такого рода регуляторомъ, помимо котораго, оставаясь на почвѣ справедливости, очень трудно соблюсти необходимое равновѣсіе между личной, владѣльческой и крестьянской общинной земельною собственностью, между той и другой культурой.

Если мы оглянемся на журнальную палемику лѣтъ минувшихъ, относящуюся къ Банкамъ дворянскому и крестьянскому, то найдемъ здѣсь нѣкоторый ключъ къ занимающему насъ вопросу. Было у насъ въ обществѣ и возобладало на время въ правительственныхъ сферахъ теченіе, которое я назову анти-землевладѣльческимъ. Съ легкой руки А. Н. Энгельгардта было объявлено, что grande culture, крупное владѣльческое хозяйство,

будущности въ Россіи не имѣетъ, что земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обработываетъ своими руками; что въ Россіи, чуть не сплошь усѣянной огромными некультурными пустырями, объявилось малоземелье и что поэтому слѣдуетъ расширять крестьянское землевладѣніе, освобождая личныхъ владѣльцевъ отъ излишнихъ обременяющихъ ихъ земель. Это теченіе ни о какихъ культурныхъ улучшеніяхъ не хотѣло слышать, трехполье и экстензивную, то-есть попросту хищническую систему признавало естественною для Россіи, никакого вмѣшательства въ хозяйство не допускало. Памятникомъ этого теченія остался осуществленный хотя и не имъ современный Крестьянскій Банкъ со всѣмъ его печальнымъ экономическимъ значеніемъ въ русской жизни.

Новое, возобладавшее вслѣдъ за первымъ, теченіе весь центръ тяжести сельской жизни перенесло на помѣстное дворянство. Возлагая всѣ надежды на процвѣтаніе у насъ grande culture и именно сословной, дворянской, это теченіе всемѣрно заботилось о ея поддержкѣ. Памятниками этой, еще не завершившейся въ нашей государственной жизни, полосы пребываютъ: законъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, оставшійся мертвою буквой и ничуть не облегчившей крупныхъ хозяйствъ, Дворянскій Банкъ и, наконецъ, соло-векселя. И это теченіе осталось на почвѣ полнѣйшаго равнодушія къ сельскому хозяйству въ тѣсномъ смыслѣ, явно выдвигая политическую сторону въ ущербъ культурной; теперь уже съ полнымъ правомъ можно говорить объ этихъ теченіяхъ, какъ о совершенно безплодныхъ, ибо выдвинутый самимъ правительствомъ проектъ меліоративнаго кредита есть косвенное признаніе полной неудачи какъ Дворянскаго Банка, такъ и Крестьянскаго.

Но безплодными эти оба теченія все же назвать нельзя. Оба Банка, величайшіе по существу своему антагонисты одинъ другому, ухитряются не только братски жить подъ одною кровлей, но даже имѣть общаго директора, который въ бельэтажѣ поддерживаетъ дворянскую культуру и государственными средствами помогаетъ личному землевладѣльцу вести борьбу противъ его сосѣдки—крестьянской общины, заставляя ее работать на экономію, а въ четвертомъ этажѣ государственными же средствами помогаетъ крестьянскимъ общинамъ въ борьбѣ съ личными землевладѣльцами, выселяя дворянъ въ города, закрывая экономическія хозяйства и передавая мужикамъ земли. Обѣ эти опера-

17*

ціи, прямо противоположныя одна къ другой, къ несчастію далеко не безплодны. Соединенные Дворянскій и Крестьянскій Банки въ ихъ нынѣшнемъ видѣ творятъ великое зло, обременяя дворянское и крестьянское землевладѣніе долгами, никакой пользы въ смыслѣ культуры страны не приносящими.

Это отступленіе необходимо для того, чтобы выяснить несоотвѣтствіе между истинными, реальными требованіями жизни и проповѣдуемыми у насъ экономическими книжными теоріями, стоящими надъ нашею убогою дѣйствительностью, какъ истинный кошмаръ.

Русская сельская жизнь за ничтожными, единичными исключеніями сложилась необыкновенно счастливо въ смыслѣ распредѣленія землевладѣнія. Два основныхъ устоя у насъ на-лицо и притомъ въ большой между собою гармоніи. Послѣ 19 февраля 1861 года мы имѣемъ, за исключеніемъ казенныхъ земель: обширное помѣстное личное землевладѣніе, разбитое на множество отдѣльныхъ хозяйствъ; рядомъ съ нимъ—не менѣе, а еще болѣе обширное землевладѣніе мірское, крестьянское, также разбитое на множество отдѣльныхъ поселковъ. Преобладающій средній типъ сельской у насъ ячейки—это средній помѣщикъ, личный землевладѣлецъ, а рядомъ съ нимъ его бывшая крѣпостная, нынѣ свободная деревня, тоже землевладѣлецъ, но коллективный.

Это распредѣленіе русской территоріи въ гражданскомъ и государственномъ смыслѣ есть своего рода идеалъ, при неприкосновенности крестьянскаго землевладѣнія обезпечивающій Россію на вѣки-вѣчные отъ всякихъ аграрныхъ смутъ или капиталистическихъ насилій. Это же распредѣленіе драгоцѣнно и въ культурномъ смыслѣ, ибо самымъ счастливымъ образомъ соединяетъ въ каждой точкѣ русской земли два хозяйственныхъ элемента: личный, передовой, прогрессивный и мірской, всенародный, коллективный, менѣе подвижный, но за то устойчивый по самому своему существу.

Отчего же при такомъ удивительномъ распредѣленіи, оглядываясь назадъ на истекшее тридцатилѣтіе, мы не только не находимъ процвѣтающей, правильно трудящейся, богатой и счастливой сельской Руси, а видимъ съ одной стороны чуть не повальное крушеніе помѣщичьихъ хозяйствъ, съ другой—тоже чуть не повальную нищету крестьянъ, истощеніе земли, неурожаи, подводящіе прямо къ голоду, неоплатныя недоимки, бросанье земли

сотнями тысячъ коренныхъ земледѣльцевъ, безцѣльное бродяжничество подъ видомъ переселенiй?

Оттого, думается мнѣ, что, заботясь о внѣшнемъ государственномъ благоустройствѣ, ища всѣми силами лучшихъ формъ внѣшне-гражданской жизни, мѣняя чуть не каждое десятилѣтiе уѣздныя административныя, судебныя и общественныя учрежденiя, мы систематически забывали объ одномъ—о главномъ двигателѣ уѣздной жизни, о русской культурѣ, о русскомъ земледѣлiи.

Между тѣмъ великая гражданская реформа 19 февраля совпала какъ разъ съ моментомъ разразившагося надъ нами давно надвигавшагося земледѣльческаго кризиса, поставившаго трехпольную систему въ условiя дальнѣйшей невозможности существованiя. Одновременно съ новымъ гражданскимъ строемъ нужно было помочь новому строю экономическому, хотя бы только правильною финансовою системой, и Россiя можетъ-быть давно обогнала бы въ своемъ культурномъ развитiи Сѣверную Америку. Этого не случилось; земледѣлiе въ самую критическую минуту было предоставлено самому себѣ и лишено послѣднихъ оборотныхъ средствъ; о мелiоративномъ кредитѣ заговорили, опоздавъ *только* на тридцать лѣтъ—и вотъ плоды, которые теперь приходится пожинать.

Все высказанное сейчасъ имѣетъ вотъ какое отношенiе къ проектируемымъ мною измѣненiямъ въ дѣятельности Крестьянскаго Банка. Ни подъ какимъ видомъ не долженъ онъ нарушать ту гармонiю, которая существуетъ, или должна существовать между личнымъ и мiрскимъ владѣнiемъ въ Россiи. Государство не вправѣ содѣйствовать одному виду землевладѣнiя въ ущербъ другому, одной культурѣ въ погибель другой. Представимъ себѣ, что въ данномъ уѣздѣ особенно усилилась культура личныхъ владѣльцевъ. Рядомъ убогая крестьянская культура, стѣсненная экономическими землями, не можетъ устоять, крестьяне находятъ болѣе выгоднымъ работать по найму, чѣмъ на себя, личное землевладѣнiе скупаетъ крестьянскiя земли, чему помогаетъ злосчастная 165 статья Мѣстнаго Положенiя. Получается та же Англiя или Германiя. Нѣкоторые примѣры въ этомъ родѣ мы уже видимъ въ сахарномъ районѣ. Желательно ли это? Имѣемъ ли мы право ставить государственной экономической политикѣ подобныя задачи?

Обратный примѣръ: личное землевладѣнiе въ извѣстномъ уѣздѣ ослаблено. Государство помогаетъ крестьянской культурѣ, кото-

рая при помощи казны переводитъ мало-по-малу всѣ земли въ свое мірское владѣніе. Желательно ли это? Принесетъ ли пользу устраненіе изъ уѣзда прогрессивнаго культурнаго земледѣльческаго элемента? Смогутъ ли мелкіе общинные владѣльцы вынести на своихъ плечахъ то, чѣмъ мѣстность обязана государству? Могутъ ли двигать они общую культуру страны? Не заглохнетъ ли, не отстанетъ ли этотъ уѣздъ отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ личное и общинное землевладѣніе идутъ рука объ руку, въ стройной гармоніи, гдѣ имѣется цѣлая рать передовыхъ культурныхъ дѣятелей, дружно ведущихъ за собою консервативныя земледѣльческія массы?

Вотъ въ виду этихъ-то соображеній и необходимъ тотъ регуляторъ, о которомъ я говорилъ выше. Довольно перестроить Крестьянскій Банкъ на указанныхъ выше началахъ. Можно смѣло сказать, что найдется въ Россіи едва лишь ничтожное количество личныхъ землевладѣній, которыя устоятъ противъ общинъ при такой помощи послѣднимъ со стороны государства.

Представимъ себѣ любое владѣльческое хозяйство, кромѣ очень доходныхъ или случайно высоко-культурныхъ, которыхъ у насъ, какъ извѣстно, крайне мало. Никогда землевладѣльцу при экономическомъ хозяйствѣ безъ большаго капитала и безъ закабаленія крестьянъ не выработать столько, сколько выработаютъ сами крестьяне, не считающіе своего труда въ числѣ эксплуатаціонныхъ расходовъ. И безъ помощи государства, среди бѣдности, недоимокъ, всяческаго обирательства кулаковъ и пр., они ставятъ большинство землевладѣльцевъ въ невозможность конкуррировать съ ними и заставляютъ бросать хозяйство, или возвышать арендныя цѣны на землю не ведя никакого другаго хозяйства. При культурной же помощи государства 95% землевладѣній должны будутъ немедленно закрытся. На какомъ основаніи откажетъ покупщикамъ Крестьянскій Банкъ въ ссудѣ, если ему будетъ точно доказано, что землевладѣніе крестьянъ и банковые платежи безусловно обезпечены? Нельзя же казеннымъ образомъ составлять раскладку, сколько личныхъ землевладѣльцевъ оставить въ уѣздѣ, такъ-сказать, „на заводъ“ и сколько выплатить и выселить ради развитія крестьянской культуры.

При проектируемой реорганизаціи Крестьянскаго Банка доплата будетъ играть совсѣмъ не ту роль, какъ нынѣ. Именно въ ней и будетъ тотъ регуляторъ, который, ничуть не мѣшая

культурѣ крестьянской, мірской, спасетъ культуру помѣстную отъ полной ликвидаціи.

Я попытаюсь уяснить эту мысль на слѣдующемъ частномъ, но, полагаю, типичномъ примѣрѣ, относящемся къ средней нечерноземной полосѣ.

Представимъ себѣ средняго землевладѣльца, ведущаго хозяйство на 400 десятинахъ земли. Около него община изъ 100 душъ съ полнымъ надѣломъ, то-есть, тоже съ 400 десятинами. Для простоты возьмемъ, что у владѣльца хорошій арендаторъ, выплачивающій ему 800 рублей и оставляющій въ его пользованіи усадьбу и садъ. При личномъ трудѣ данный владѣлецъ выработалъ бы, можетъ-быть, и 1.000 руб., но 200 руб. въ годъ плохая оплата его личнаго труда и риска, и онъ предпочитаетъ аренду, оставляя себѣ контроль.

Арендаторъ ведетъ хозяйство такое: сѣетъ по договору не болѣе десяти десятинъ льна, немного клеверу, держитъ скота не очень продуктивнаго по разсчету удобренія на десять десятинъ. Хозяйство десятипольное, производимое кругами, то-есть на крестьянскомъ инвентарѣ, естественные покосы косятся отчасти исполу, отчасти крестьянами въ уплату за работу.

Помѣщикъ охотно продастъ это имѣніе, капитализуя 700 рублей дохода (100 рублей на налоги и страхованіе) приблизительно изъ $3^1/_2\%$, то-есть за 20.000 рублей, что составитъ 50 рублей за десятину. Дешевле не продастъ онъ, дороже не дастъ никто. Является вопросъ: какую цѣну могутъ предложить крестьяне при культурномъ содѣйствіи Банка?

Агрономъ-агентъ Банка прежде всего потребуетъ отъ нихъ прочнаго хозяйственнаго плана. Кромѣ того, крестьяне будутъ знать, что могутъ разсчитывать на краткосрочную ссуду.

Такъ какъ хищничество исключено, клеверъ обязателенъ и ленъ не можетъ возвращаться на то же поле чаще чѣмъ въ десять лѣтъ разъ, крестьяне прежде всего сообразятъ, что иной системы, кромѣ десятипольной, принять нельзя, а такъ какъ отдѣльнаго выгона для помѣщичьяго скота нужно не будетъ, то поля можно увеличить на пять десятинъ каждое, или сѣять льна не десять, а пятнадцать десятинъ.

Принимая валовой доходъ за чистый и вычитая изъ него только обязательные расходы на ежегодную покупку клевера, на погашеніе краткосрочной ссуды, на банковый платежъ, на свою администрацію (если будетъ прибавленъ второй десятскій или

сборщики) и на казенныя повинности, крестьяне опредѣлятъ все это въ слѣдующихъ примѣрно цифрахъ:

Пятнадцать десятинъ льна дадутъ продажнаго:

Сѣмянъ льняныхъ 400 пуд. по 1 р. 20 коп......	480 р.
Льна сырца 600 пудовъ по 2 р. 50 коп.........	1.500 „
Ржи съ 15 дес. въ двухъ поляхъ, то-есть съ 30 десятинъ при урожаѣ самъ семь и посѣвѣ 1½ четверти=270 четв. по 7 руб.....................	1.890 „
Овса съ 15+15 дес. урожай самъ 3 посѣвъ 3 четверти 180 четв. по 2 р. 50 к.................	350 „
Итого...	4.220 р.

Клеверъ и яровая солома пойдутъ въ кормъ увеличенному количеству скота, равно какъ и избытокъ сѣна; доходовъ больше нѣтъ.

Расходы:

Краткосрочная ссуда 1.000 р. на 2 года въ годъ....	500 р.
Банковый платежъ 6% съ 20.000 руб.	1.200 „
Клеверныя сѣмена по 1 п. на 15 дес.=15 п. по 10 рублей..................................	150 „
Администрація.............................	120 „
Страхованіе усадьбы и построекъ..............	50 „
Всѣ налоги на участокъ......................	80 „
	2.100 р.

Остается чистой прибыли, то-есть въ вознагражденіе произведеннаго крестьянами сравнительно большаго труда 2.120 руб.

Ясно, что при этомъ условіи, то-есть, считая чистымъ доходомъ доходъ валовой, никакая конкурренція землевладѣльца здѣсь невозможна. Продавъ имѣніе и помѣстивъ свои деньги въ 5% бумаги, онъ будетъ получать не 700 р., а 1.000 руб., не зная никакого риска и не будучи вынужденъ безпокоиться за исправность арендатора, или наблюдать за нимъ.

Что взятыя цифры не преувеличены, можетъ сказать всякій знающій средне-русское хозяйство со льномъ. Наоборотъ, онѣ настолько скромны, что цифра 4,220 руб. можетъ быть смѣло принята, какъ валовой *средній* доходъ. И при этомъ никакого хищничества, никакого истощенія земли не будетъ. Трудъ крестьянъ также не увеличится, такъ какъ предполагается, что ту же почти работу они производятъ и сейчасъ арендатору, отчасти за деньги, отчасти за приволье, покосъ и т. д.

Безъ краткосрочной ссуды въ 1.000 руб. этого валоваго дохода крестьяне, разумѣется, не получатъ. Льна хорошаго не будетъ, земля во время, за слабостью лошадей, или безлошадностью, обработана не будетъ, клевера сѣять будетъ не на что и т. д. Краткосрочная ссуда будетъ употреблена примѣрно такъ:

Клеверныя сѣмена..............	150 р.
Сорокъ пудовъ по 8 рублей......	320 „
Общественная молотилка (Рязанка).	200 „
90 пудовъ псковскаго льна......	180 „
Пять лошадей по 30 руб.	150 „
Итого...	1.000 р.

Я полагаю, что при подобной краткосрочной ссудѣ крестьяне, сообразивъ возможную доходность, не только съ удовольствіемъ руками правительства заплатятъ владѣльцу двадцать тысячъ рублей, но согласятся дать и гораздо больше, а Банку не будетъ возможности отказать имъ въ ссудѣ въ виду безусловной прочности и вѣрности этого хозяйства.

При этихъ условіяхъ ни одно частное землевладѣніе не уцѣлѣетъ и не можетъ уцѣлѣть. Регуляторъ совершенно необходимъ какъ въ виду указанной выше гармоніи, такъ и въ особенности въ виду возможности дальнѣйшаго прогресса въ общей культурѣ страны.

Такимъ регуляторомъ я считаю доплату. Пусть банку будетъ предоставлено въ каждомъ частномъ случаѣ назначить какъ сумму, которая должна быть приплачена крестьянами въ видѣ наличныхъ денегъ къ банковой ссудѣ, такъ и срокъ ея взноса. Предположимъ, что въ нашемъ примѣрѣ такая часть равняется 25%, то-есть ¼ отъ 20.000, или 5000 руб. Она можетъ быть легко составлена изъ пяти годичныхъ взносовъ по тысячѣ рублей. Когда эта назначенная банкомъ сумма накопится, сдѣлка утверждается окончательно и земля приходитъ въ собственность крестьянъ.

Здѣсь совмѣщаются, смѣю думать, всѣ условія для благотворной въ культурномъ смыслѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно справедливой дѣятельности Крестьянскаго Банка. Необходимость извѣстнаго самоограниченія со стороны крестьянъ ради образованія этого фонда будетъ служить достаточнымъ регуляторомъ, сдерживающимъ ихъ стремленія къ расширенію во что бы то ни стало своего землевладѣнія въ ущербъ землевладѣнію личному.

Помощь со стороны государства оказывается только землевладѣльцамъ, доказавшимъ свою культуроспособность отложеніемъ крупнаго сбереженія. Интересы банка и землевладѣльца ограждены вполнѣ.

Осуществленіе подобной сдѣлки легко возможно слѣдующимъ путемъ: крестьяне и землевладѣльцы составляютъ родъ запродажной записи, причемъ самъ же землевладѣлецъ помогаетъ установленію хозяйственнаго плана, оставляя агенту банка лишь его оцѣнку съ агрономической стороны и провѣрку. По утвержденіи этого плана Отдѣленіемъ Банка землевладѣлецъ даетъ свое согласіе на наложеніе запрещенія на подлежащій отчужденію участокъ, въ обезпеченіе выдаваемой крестьянамъ меліоративной краткосрочной ссуды. Взамѣнъ этого во все теченіе срока образованія доплатнаго фонда Отдѣленіе Банка беретъ на себя обязательство выплачивать землевладѣльцу проценты на всю условленную продажную сумму, собирая эти проценты въ видѣ ежегодныхъ взносовъ съ крестьянъ и присоединяя къ нимъ проценты съ доплатнаго фонда, обращаемаго по мѣрѣ поступленія въ процентныя бумаги. По накопленіи доплатной суммы полностью разрѣшается ссуда, землевладѣлецъ получаетъ на руки какъ эту ссуду, такъ и доплату изъ Отдѣленія Банка, а крестьяне получаютъ купчую и вводятся во владѣніе, какъ собственники.

Въ видахъ облегченія крестьянъ можно разсрочить краткосрочную ссуду на большее число лѣтъ, или начать выбирать ее лишь послѣ окончательнаго образованія доплатнаго фонда и полнаго разсчета съ землевладѣльцемъ.

Въ приведенномъ примѣрѣ цифры расположатся такъ:

Землевладѣлецъ получаетъ 5 % на условленную продажную цѣну 20.000 руб., то-есть 1.000 руб.

Крестьяне платятъ изъ своего валоваго дохода въ 4.220.

На уплату землевладѣльцу..	1.000	руб.
въ слѣд. годъ 950 р. и т. д.		
1/2 % на расх. банка и надз...	100	„
Въ погашеніе кратк. ссуды..	500	„
Въ доплатный фондъ	1.000	„
На клеверныя сѣмена......	150	„
Страхованіе и налоги.......	130	„
Администрація (выборные)...	120	„
Итого......	3.000	руб.

И все же за покрытіемъ всѣхъ расходовъ имъ остается наличными деньгами почти вся стоимость ихъ труда, разсчитаннаго по среднимъ цѣнамъ. Не будемъ забывать, что кромѣ того удвоилось ихъ скотоводство вмѣстѣ съ увеличеніемъ кормовъ, а скотоводство въ крестьянскомъ быту является одною изъ главныхъ статей дохода.

Можетъ быть сдѣлано возраженіе такого рода. Землевладѣлецъ не согласится ждать, пока закончится образованіе доплатнаго фонда. Ему необходимо поскорѣе ликвидировать свое землевладѣніе и уходить. Это можетъ быть въ томъ случаѣ, если имѣніе все сполна передается крестьянамъ. Но именно въ этомъ случаѣ медленность только и можетъ задержать быструю ликвидацію личной земельной собственности. Если же продается только излишній участокъ, а землевладѣлецъ остается хозяйничать, сохраняя за собой остальную землю, то замедленіе въ полученіи капитала, коль скоро правильно регулированы проценты, едва ли вызоветъ для него какія-либо затрудненія. Да наконецъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ ускореніе ликвидаціи возможно путемъ частнаго соглашенія продавца съ Банкомъ, одобрившимъ хозяйственный планъ. Банкъ не рискуетъ ничѣмъ, если, отложивъ до окончанія доплатнаго фонда совершеніе купчей крѣпости, выплатитъ владѣльцу отъ 80 до 90% капитальной суммы, удержавъ остальное, какъ гарантію на случай разстроившейся сдѣлки.

Читатель замѣтитъ, что я переношу центръ тяжести всего вопроса съ совершенія продажной сдѣлки, какъ таковой, на культурный подъемъ и что скорѣе въ послѣднемъ вижу прямую цѣль дѣятельности Крестьянскаго Банка, чѣмъ въ первомъ. Съ такимъ же точно грустнымъ чувствомъ можно смотрѣть на разореніе культурнаго центра—помѣщичьей усадьбы и переходъ имѣнія къ крестьянамъ, какъ и на скупку общинной земли для округленія экономій. Другое совсѣмъ дѣло—расширеніе землевладѣнія на дарственныхъ или нищенскихъ надѣлахъ, или образованіе новыхъ селеній на пустующихъ земляхъ. Тамъ переходъ земли при помощи Крестьянскаго Банка есть лишь возстановленіе той гармоніи землевладѣнія, о которой я говорилъ выше.

Вотъ почему я не только не боюсь возможности разстройства уже условленной сдѣлки, но хочу съ особенно пріятнымъ чувствомъ предусмотрѣть эту возможность, облегчить ее, оставить, если возможно, владѣльца на землѣ, дать ему возможность тру-

диться сообща, рука объ руку съ крестьянами, исполнить свое назначеніе земскаго культурнаго человѣка.

Мнѣ кажется, что именно вотъ этотъ-то промежуточный періодъ образованія доплатнаго фонда и позволяетъ установить извѣстныя правила, оформливающія разстройство сдѣлки.

Возвратимся къ тому же частному случаю. Представимъ себѣ, что владѣлецъ уже запродалъ крестьянамъ свое имѣніе, остался безъ дѣла, получаетъ проценты изъ Банка и ждетъ освобожденія своего капитала. Онъ видитъ, что съ помощью краткосрочной ссуды хозяйство крестьянъ пошло иначе. Но онъ видитъ также, что и въ этомъ хозяйствѣ можно пойти еще дальше, поставить его еще доходнѣе, ввести, напримѣръ, механическую обработку льна вмѣсто ручной и производить товаръ не по 2 руб. 50 коп., а по семи рублей за пудъ. Кромѣ того, его воспитаніе, привычки тянутъ его къ живому деревенскому дѣлу, а не къ жизни инвалида на пенсіи. Онъ желаетъ нарушить сдѣлку, еще не оформленную, вернуть землю себѣ. Онъ самъ иначе споется съ крестьянами, увеличитъ еще болѣе и ихъ и свой доходъ. Зачѣмъ отказывать ему въ этомъ?

Но тогда пусть же и вознаградитъ онъ крестьянъ за напрасныя ожиданія, за неосуществленныя надежды. Установить форму этого вознагражденія совсѣмъ не трудно. Это будетъ справедливо исчисленная заранѣе неустойка.

Такую же неустойку изъ своего доплатнаго фонда могутъ внести и крестьяне, если они, по ихъ выраженію, „не осилятъ земли". Но послѣдняго случая при культурномъ характерѣ дѣятельности Банка быть очевидно не можетъ. Банкъ не утвердитъ того плана, который не соразмѣренъ съ рабочими силами и платежными средствами крестьянъ. Можетъ представиться въ жизни только первый случай.

Продажа не состоялась. Сдѣлка разрушена. Но имѣніе уже не въ томъ видѣ, какъ было. Краткосрочная ссуда сдѣлала свое дѣло. Она поправила и поставила на ноги крестьянъ. Установленнаго, строго культурнаго плана владѣлецъ не станетъ ломать, а развѣ улучшать, возвышая доходъ и свой и крестьянскій. Это прямой выигрышъ въ культурѣ страны и жалѣть объ этомъ нѣтъ никакихъ основаній.

Неужели же непонятно до сихъ поръ, что и самый подъемъ земледѣльческой культуры въ Россіи осуществимъ только при гармоническомъ сліяніи этихъ двухъ силъ—личнаго владѣльца,

какъ инициатора, какъ проводника всякихъ улучшеній и общины, какъ силы трудовой? Неужели не ясно, что порознь взятыя эти силы обречены на безплодіе и застой?

Это не теоретическія, книжныя выкладки, не новая доктрина. Я позволю себѣ сослаться на живой примѣръ въ моемъ собственномъ хозяйствѣ. Послѣ долгаго безплоднаго труда на предпринимательскихъ началахъ, мнѣ посчастливилось выработать форму хозяйства совсѣмъ иную, гдѣ дѣло идетъ сообща съ крестьянами. Наши роли распредѣлены такъ: мнѣ принадлежитъ планъ хозяйства, распредѣленіе и надзоръ за работами. Крестьяне работаютъ не на меня, какъ кнехты, а на себя, какъ предприниматели. Наши договоры всегда краткосрочны, на одинъ, много на два года, ибо съ каждымъ годомъ, возвышая валовой доходъ крестьянъ, я возвышаю въ видѣ арендной платы и свою долю дохода. Въ теченіе десяти лѣтъ съ перваго нашего арендного договора эта моя доля поднялась съ 300 рублей до 1.100, а валовой доходъ крестьянъ доходитъ нынѣ до 4.500 рублей. И этотъ прогрессъ я считаю крайне медленнымъ, ибо я не имѣлъ средствъ сразу вложить въ дѣло потребные капиталы, а долженъ былъ развивать силы имѣнія медленно. Мы только теперь переходимъ на высокую обработку льна и фосфориты. Смѣю думать, что это быстро удвоитъ и мой, и крестьянскій доходъ.

Я не имѣю возможности излагать здѣсь подробно системы хозяйства, введенной у меня. Но я укажу на весьма важный фактъ. Въ зародышѣ эта же система имѣется чуть не во всѣхъ старыхъ черноземныхъ губерніяхъ, типомъ коихъ могутъ служить Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская. Повсюду господствуетъ раздача земель въ аренду крестьянамъ при ничтожныхъ экономическихъ запашкахъ. Полная неудача дѣятельности Крестьянскаго Банка въ этой области обусловливается только хищническимъ характеромъ эксплуатаціи тамъ земель и вслѣдствіе этого непомѣрно возросшими цѣнами на землю. Но эта же система необыкновенно облегчаетъ приложеніе меліоративнаго кредита, если этотъ кредитъ будетъ имѣть въ виду не grande culture, не барина-предпринимателя, нуждающагося въ безземельномъ пролетаріатѣ, а *группу соединенныхъ въ общемъ дѣлѣ землевладѣльца личнаго и землевладѣлицы общины*. Вывести эту естественную кооперативную группу отъ ея нынѣшняго хищничества къ истинной прочной культурѣ—вотъ задача Крестьянскаго Земледѣльческаго Банка, причемъ *попутно* долженъ онъ

вести и нынѣшнее свое дѣло—надѣленіе землей безземельныхъ и малоземельныхъ.

Поднятіе русской культуры, русскаго земледѣлія, вотъ та исходная точка, отправляясь изъ которой я пытался ввести въ уставъ Крестьянскаго Банка необходимыя измѣненія. Предметъ этотъ настолько широкъ и глубокъ, что мнѣ, надѣюсь, простится, если здѣсь я далъ только намеки, только поставилъ вѣхи. Возвращаясь къ практической сторонѣ дѣла, попытаюсь сгруппировать высказанное выше въ видѣ краткихъ тезисовъ:

1. Неудачи нынѣшняго Крестьянскаго Банка происходятъ главнымъ образомъ потому, что это учрежденіе съ самаго начала стало преслѣдовать внѣшнія цѣли землевладѣнія, чуждыя земледѣлію и культурѣ.

2. Главная ошибка Банка—полагать, будто получившая землю община, или товарищество могутъ безъ посторонней помощи и еще ослабленные въ средствахъ, завести и продолжать прочное культурное хозяйство. Они осуждены, наоборотъ, хищничать, истощать землю и свои силы и затѣмъ сдавать Банку безплодные пустыри.

3. Будущность русской культуры не такова, какъ гдѣ бы то ни было на Западѣ. Россія не есть ни страна крупнаго землевладѣнія, ни страна мелкой демократической собственности. Въ ней сочетались исторически: среднее по размѣру личное землевладѣніе и среднее же землевладѣніе мірское, общинное. Будущность въ культурномъ смыслѣ не можетъ принадлежать какому-нибудь одному виду, ибо порознь взятые, они враждебны одинъ другому, а только гармоническому сочетанію въ группѣ изъ обоихъ видовъ.

4. Крестьянскій Банкъ не можетъ и не долженъ имѣть дѣятельности, односторонне направленной къ переводу земель изъ одной категоріи въ другую. Онъ можетъ въ этомъ смыслѣ только сглаживать и исправлять допущенныя ошибки, уравнивая личное и мірское землевладѣніе, тамъ гдѣ личное крупное преобладаетъ и гдѣ крестьяне сидятъ на ничтожныхъ клочкахъ.

5. Главная его дѣятельность должна быть—подъемъ крестьянской культуры. А такъ какъ отдѣльно взятая эта культура на нынѣшнихъ надѣлахъ развиваться не можетъ и нуждается повсюду въ земляхъ личнаго владѣнія, то вся культурная дѣятельность Банка должна лежать въ области экономической солидарности землевладѣльца личнаго съ крестьянскимъ міромъ.

6. Воздѣйствіе это можетъ выражаться въ формѣ посредниче-

ства не только при покупкѣ крестьянами земли у владѣльца, но и при установкѣ между ними разумныхъ и культурныхъ арендныхъ отношеній, причемъ Банкъ помогаетъ доставленіемъ оборотныхъ средствъ.

Эта дѣятельность должна быть главною задачей Банка. Его узкая нынѣшняя спеціальность, опредѣляемая ст. 1-ю Положенія „облегчать крестьянъ всѣхъ наименованій къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя“ должна быть реформирована на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Банкъ можетъ содѣйствовать пріобрѣтенію крестьянами въ собственность только такихъ земель, которыя не могутъ эксплуатироваться совмѣстно владѣльцемъ и крестьянами, или въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ явная количественная несоразмѣрность между крестьянскимъ и помѣщичьимъ землевладѣніемъ. (Малоземелье и дарственные надѣлы).

2. Въ составѣ Банка и отдѣленій долженъ быть введенъ агрономическій персоналъ; мѣстными агентами и контролерами Банка могутъ быть вводимые теперь земствами уѣздные земскіе агрономы.

3. Всякія нормы для оцѣнокъ земли и ссудъ должны быть устранены. Въ основаніи оцѣнокъ долженъ лечь хозяйственный планъ эксплуатаціи покупаемаго участка.

4. Планъ этотъ при гарантіи его добровольнаго исполненія позволитъ Банку впредь до утвержденія сдѣлки выдать крестьянамъ меліоративную краткосрочную ссуду, гарантированную съ согласія владѣльца тѣмъ же участкомъ.

5. Сдѣлка утверждается и ссуда выдается не иначе, какъ послѣ образованія изъ особыхъ взносовъ болѣе или менѣе значительной доплаты.

6. Въ этотъ промежуточный періодъ предварительная сдѣлка можетъ быть уничтожена обѣими сторонами съ уплатою опредѣленной неустойки.

Мнѣ остается указать еще на одну грустную аномалію въ дѣятельности Крестьянскаго Банка. Это крестьянскія товарищества для покупки земли, въ основу землевладѣнія коихъ положено совершенно чуждое великорусскому крестьянину понятіе личной земельной собственности по X тому Свода Законовъ. Мы такъ мало знаемъ и уважаемъ свою землю, что съ легкимъ сердцемъ заносимъ руку на одно изъ величайшихъ народныхъ учре-

жденій—мірское землевладѣніе. Наша поземельная община, великій общественный и государственный устой, надежнѣйшая гарантія противъ пролетаріата и всякихъ аграрныхъ и соціальныхъ переворотовъ приносится нами въ жертву... я даже затрудняюсь сказать чему, ибо не вижу никакихъ основаній, зачѣмъ понадобилось въ уставѣ Банка ломать и измѣнять излюбленные народомъ земельные распорядки. Моимъ послѣднимъ тезисомъ будетъ поэтому слѣдующій:

7) Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ отдѣльные крестьяне пріобрѣтающіе новые участки пользуются банковою ссудой только при оставленіи ими первоначальныхъ общинъ и образованіи новыхъ поселеній на покупаемой землѣ, причемъ эти поселенія становятся самостоятельными земельными общинами.

Кончаю на этотъ разъ. Не знаю, удалось ли мнѣ доказать, что главною задачей всякаго учрежденія, основаннаго съ великою и благородною цѣлью—помощи народу въ его тяжеломъ трудѣ должно быть прежде всего подъемъ этого самаго труда, облегченіе его тяжелыхъ условій, внесеніе свѣта и радости туда, гдѣ такъ безрадостно и темно, и рядомъ съ этимъ—помощь при осуществленіи лучшей, болѣе прочной, болѣе вознаграждающей трудъ культуры. Это задача не только желательная, не только почетная, но и неотложная. Неурожай 1891 года, приведшій плодороднѣйшую часть Россіи къ полному голоду со всѣми его ужасами, въ достаточной степени долженъ былъ раскрыть намъ глаза. Наше сельское хозяйство стоитъ на наклонной плоскости, наши богатыя когда-то земли отказываются родить, ибо не могутъ болѣе выносить хищнической истощающей культуры. Дружными усиліями государства, земства и общества надлежитъ намъ спасать, во что бы то ни стало, русское земледѣліе.

Однимъ изъ крупныхъ агентовъ въ этомъ дѣлѣ долженъ стать Крестьянскій Банкъ. Можетъ-быть я и ошибаюсь, можетъ-быть указанныя мною подробности его реорганизаціи и несостоятельны, несомнѣнно лишь одно: въ его настоящемъ видѣ это учрежденіе не въ силахъ отвѣчать назрѣвшей потребности жизни. Такъ или иначе его необходимо перестроить на одномъ неизмѣнномъ основаніи: Крестьянскій Поземельный Банкъ долженъ стать Крестьянскимъ Земледѣльческимъ Банкомъ, и его дѣятельность должна быть не коммерческая, а культурная.

Талицкій.

В. Г. КОРОЛЕНКО.

Критическій этюдъ.

> Истинно говорю вамъ, что мытари и блудницы впередъ васъ идутъ въ Царство Божіе.
> Мѳ. XXI, 31.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Г. Короленко, если не ошибаюсь, пишетъ лѣтъ десять, или болѣе. Онъ пишетъ мало. Почти все, что онъ написалъ, умѣстилось въ двухъ небольшихъ книжкахъ его *Очерковъ и разсказовъ*. Первая книжка вышла уже пятымъ изданіемъ, вторая — только что появилась въ свѣтъ.

Г. Короленко сразу обратилъ на себя общее вниманіе,—и, дѣйствительно, онъ почти единственный даровитый беллетристъ изъ нынѣ пишущихъ, а между тѣмъ его произведенія, безъ сомнѣнія, есть литературное явленіе, пропущенное нашей критикой. Это совершенно понятно. Собственно говоря, у насъ нѣтъ критики. Пишутъ обыкновенно не о писателѣ, а „по поводу“ писателя. Къ г. Короленко такой пріемъ не примѣнимъ. О немъ нельзя писать „по поводу“; онъ для этого слишкомъ содержателенъ и даровитъ: онъ имѣетъ свою писательскую физіономію, совершенно своеобразную. И вотъ о немъ не пишутъ вовсе. Въ журналахъ и газетахъ можно найти обидное для всѣхъ любящихъ его дарованіе упоминаніе его имени на ряду съ именами разныхъ „талантливыхъ“ господъ, всѣ таланты которыхъ исчерпываются набитою въ письменномъ ремеслѣ рукой — и только. Это очень прискорбно. Такія литературныя явленія, какъ произведенія г.

Короленко заслуживаютъ бо́льшаго вниманія: надо объяснять ихъ смыслъ и значеніе, надо понять, въ чемъ заключается ихъ своеобразность и оригинальность.

Г. Короленко какъ бы ищетъ *новаго отношенія* къ жизни. Онъ не хочетъ идти по избитымъ тропинкамъ; онъ идетъ ощупью по невѣдомой ему самому дорогѣ и, какъ человѣкъ заблудившійся въ дремучемъ лѣсу, ищетъ просвѣтовъ. Онъ видитъ разбѣгающіяся въ разныя стороны тропинки, но не идетъ ни по одной; онъ знаетъ, куда ведетъ каждая изъ нихъ: не туда, не на ту дорогу, на которую влечетъ его что-то, живущее въ глубинѣ души его. Онъ заблудился въ лѣсу жизни, и вотъ ищетъ выхода изъ этого лѣса, ищетъ этого выхода въ новомъ отношеніи къ жизни. Въ этомъ общая особенность его дарованія. У него есть поэзія, но эта поэзія особенная, очень своеобразная; у него есть юморъ, но это опять особенный юморъ, не напоминающій ни юмора Гоголя, ни юмора Диккенса; онъ не умѣетъ создавать яркихъ картинъ, яркихъ фигуръ, у него нѣтъ „лѣпки", употребляя выраженіе живописцевъ; но его колоритъ, какой-то тусклый и странный, имѣетъ своеобразную прелесть, а его фигуры, неопредѣленные, какъ бы лишенные красокъ силуэты, тѣмъ не менѣе производятъ неотразимое впечатлѣніе.

Въ чемъ же дѣло, въ чемъ секретъ того обаянія, которое производятъ иные разсказы г. Короленко на читателя? Секретъ *въ искренности*, въ этой способности, которою обладаютъ немногіе и которою обладаетъ г. Короленко. Тамъ, гдѣ онъ искрененъ— онъ производитъ неотразимое впечатлѣніе, тамъ гдѣ онъ связанъ предвзятыми мнѣніями и чувствами, гдѣ онъ подчиняется современности—онъ вялъ, скученъ, прозаиченъ и какъ бы самъ себѣ не радъ. Въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ искрененъ, онъ и оригиналенъ и поэтиченъ. Языкъ его изящный, обличающій въ авторѣ человѣка, воспитавшаго себя на лучшихъ литературныхъ образцахъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ никому не подражаетъ. Онъ пьетъ изъ маленькаго стакана, но изъ своего стакана. Изученіемъ образцовъ онъ образовалъ *свой* вкусъ, далъ возможность выразиться *своему* дарованію. Вотъ почему рѣчь его течетъ свободно и непринужденно, чего никогда не бываетъ у подражателей, какъ бы ни было искусно подражаніе.

Въ его произведеніяхъ, достойныхъ его дарованія, онъ является настоящимъ художникомъ. Онъ болѣе или менѣе умѣетъ проникнуть въ сущность явленія, а не скользитъ только по его

поверхности. Даже когда онъ разсказываетъ о видѣнномъ и слышанномъ, то и въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ онъ умѣетъ передать не только фактъ, но и смыслъ факта.

Г. Короленко субъективенъ, а между тѣмъ какъ на самое основное условіе *художественности* произведенія указываютъ на *объективность*.

Обыкновенно говорятъ, что чѣмъ выше стоитъ художникъ, тѣмъ онъ объективнѣе, тѣмъ меньше отражается его личность въ его произведеніяхъ; драматической поэзіи приписываютъ самую бо̀льшую объективность, а потому обыкновенно какъ на недосягаемый образецъ художественной объективности указываютъ на Шекспира: личность Шекспира, по этому мнѣнію, невозможно уловить въ его произведеніяхъ.

Всѣ эти шаблонныя, затверженныя фразы подобны ходячей монетѣ, на которой уже стерся штемпель и изображеніе; самые слова *объективный* и *субъективный* до того захватаны невѣжественными руками, что понятія, скрывающіяся подъ ними, окончательно затемнились. Эти понятія несомнѣнно существуютъ, но ихъ надо очистить отъ приставшей къ нимъ шелухи.

Собственно говоря, всякій писатель вноситъ свою личность въ свои произведенія; другими словами, всякій писатель *субъективенъ,* да иначе и быть не можетъ—и весь вопросъ въ томъ, насколько его субъективное настроеніе *искренне* и насколько оно совпадаетъ съ *объективною правдой.*

Но надо принять во вниманіе, что личность писателя вовсе не то, что личность человѣка въ обыкновенномъ кругу его жизни. Это прекрасно понималъ Пушкинъ и съ чрезвычайною силой и ясностью выразилъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Въ свои произведенія писатель вноситъ не свою ежедневную, такъ сказать, личность, погруженную въ житейскія заботы или забавы, вноситъ не себя, со спящею душой, глухою и нѣмою ко

всему, кромѣ міра явленій, а свою писательскую личность, *преображенную* свою личность, проснувшуюся, „встрепенувшуюся" свою душу:

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется...

Вотъ какую свою личность всякій писатель, если онъ есть истинный поэтъ, вноситъ въ свои произведенія, вотъ въ какомъ смыслѣ всякій писатель *субъективенъ*.

Въ созданіяхъ Шекспира мы не найдемъ чертъ для возстановленія его „ежедневной" личности—это правда, и только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что личность Шекспира мы не можемъ уловить въ его произведеніяхъ. Изъ произведенія Шекспира мы не узнаемъ каковъ онъ былъ въ домашней жизни, въ кругу своихъ пріятелей, какъ онъ занимался своими житейскими дѣлами, какія мимолетныя житейскія чувства, мысли и страсти имъ владѣли и т. д. Но его поэтическая личность, *преображенная* личность со всею ясностью и полнотою отразилась въ его созданіяхъ. Да иначе и быть не могло, ибо только въ этомъ *субъективномъ* и заключается вся оригинальность его созданій, ибо только это придаетъ имъ ихъ особый цвѣтъ и запахъ.

Скажутъ: такимъ образомъ въ поэтѣ мы находимъ двѣ личности? Непремѣнно, точно такъ же, какъ и во всякомъ человѣкѣ. И всякій человѣкъ являетъ собою двѣ личности: одну—когда плоть беретъ перевѣсъ надъ духомъ, другую—когда духъ беретъ перевѣсъ надъ плотью, *преображенную* личность. Поэтическій даръ и заключается въ способности выразить въ художественномъ созданіи эту *преображенную* личность, выразить это преображенное пониманіе міра и жизни.

Такимъ образомъ большая или меньшая объективность художественнаго созданія зависитъ отъ того, насколько въ немъ отразилась личность ежедневная, житейская, со всѣмъ ея міропониманіемъ, узкимъ и условнымъ, и насколько въ немъ отразилась личность преображенная, со всѣмъ ея міропониманіемъ, широкимъ и глубокимъ. Въ созданіяхъ Гомера, Шекспира, Пушкина мы почти вовсе не замѣчаемъ отраженія ихъ личности ежедневной житейской, и вотъ почему на эти созданія справедливо указываютъ какъ на недосягаемый образецъ *объективнаго* творчества: въ нихъ не отразилось ничто житейское, они являютъ собою только чистое дѣйствіе творческаго духа. У художниковъ меньшаго

размѣра мы находимъ и меньше объективности. Въ произведеніяхъ В. Гюго, Диккенса, Теккерея, нашихъ Л. Толстаго, Тургенева, Достоевскаго и т. д. мы вмѣстѣ съ дѣйствіемъ творческаго духа находимъ и отраженіе ихъ ежедневной личности, ихъ житейскихъ мыслей, чувствъ, страстей, и вотъ почему эти произведенія развѣ лишь въ иныхъ своихъ частяхъ переживутъ ихъ авторовъ. Наконецъ, въ мимолетныхъ произведеніяхъ беллетристики, сегодня занимающихъ вниманіе праздной читающей толпы, а завтра всѣми забытыхъ, мы уже не находимъ и слѣдовъ дѣйствія творческаго духа, а только отраженіе ежедневной личности ихъ авторовъ, отраженіе ихъ житейскихъ чувствъ, мыслей и страстей, такъ же скоро преходящихъ, какъ и произведенія, въ которыхъ они отразились.

Итакъ, повторяю, всякій писатель субъективенъ, и для опредѣленія степени *объективности* его произведеній весь вопросъ сводится къ тому, насколько онъ *искрененъ* и насколько его субъективное настроеніе совпадать съ *объективною правдой*.

Если мысль писателя есть плоть и кровь его, его чувства, *вымучившіяся* до слова и образовъ, его настроеніе будетъ искренне даже при ложной мысли, при ложномъ міросозерцаніи. Такова, напримѣръ, искренняя поэзія Байрона, его искренній лиризмъ въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ отразились не житейскія его мысли, чувства, страсти и пристрастія, а чувствуется творческое движеніе духа. Здѣсь Байронъ выражалъ, главнымъ образомъ, именно *вымучившіяся* до словъ и образовъ свои чувства, и вотъ почему, хотя его міросозерцаніе, хотя его настроеніе далеко не совпадало съ объективной правдой, онъ въ своихъ *искреннихъ* созданіяхъ былъ ближе къ этой правдѣ, нежели люди и писатели не домучившіеся до нее, а взявшіе ее напрокатъ; вотъ почему, когда никто не будетъ читать добродѣтельнаго Соути, поэзія порочнаго Байрона, по выраженію сурово относящагося къ нему критика его Маколея „будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будетъ живъ англійскій языкъ“.

„Только то волнуетъ сердце, что идетъ отъ сердца“, говоритъ Гетевскій Фаустъ—и этими словами прекрасно характеризуется значеніе *искренности* въ искусствѣ. Въ искренномъ порывѣ всегда есть обаятельно-дѣйствующая правда, хотя бы то была и не полная правда, между тѣмъ какъ въ самой искусной поддѣлкѣ подъ правду нѣтъ и слѣда этой правды, а есть всего только одно резонёрство, только мертвящая буква, но не животворящій духъ.

Такимъ образомъ произведеніе писателя настолько *искренно*, насколько оно выражаетъ всю сложность его *дѣйствительной* душевной жизни, а не призрачной и напускной,—той жизни, которою онъ живетъ не тогда, когда „душа вкушаетъ хладный сонъ“, а когда она пробуждается. И вотъ, при искренности настроенія, чѣмъ ближе это субъективное настроеніе писателя совпадаетъ съ объективною правдой, тѣмъ писатель *объективнѣе*. Но если искренность всегда есть результатъ *переживанія* чувствъ и мыслей, очевидно, что объективность писателя зависитъ отъ полноты этого переживанія. Чѣмъ писатель отзывчивѣе, чѣмъ онъ разностороннѣе, чѣмъ большій кругъ впечатлѣній способенъ онъ воспринять въ свою душу, чѣмъ меньше онъ связанъ предразсудками и пристрастіями своего времени, тѣмъ онъ объективнѣе, потому что лишь переживъ всѣ доступныя человѣку впечатлѣнія можно найти то равновѣсіе, можно почувствовать ту гармонію всего сущаго въ мірѣ, ощущеніе которой приближаетъ міросозерцаніе писателя къ объективной правдѣ. Чѣмъ возвышеннѣе умъ писателя, чѣмъ чище его сердце, тѣмъ онъ объективнѣе. То, что Гоголь замѣтилъ о себѣ, свойственно всѣмъ великимъ писателямъ: стремленіе быть лучшими, стремленіе къ идеалу, къ нравственному усовершенствованію, погасающее лишь съ послѣднимъ дыханіемъ жизни. По поводу моего указанія на Байрона быть-можетъ скажутъ: „пусть у него былъ высокій умъ, но было ли чисто его сердце, а тѣмъ не менѣе онъ великій лирикъ“. Правда, у Байрона былъ омраченный умъ, но умъ возвышенный, изъязвленное язвами страшными, язвами позорными сердце, но сердце великое. Тамъ было чему просвѣтиться, было чему очиститься, и вся жизнь Байрона представляетъ собою стремленіе къ этому просвѣтлѣнію. Эта-то страшная и трагическая борьба омраченнаго духа съ возвышенными умомъ и великимъ сердцемъ, это-то стремленіе къ идеалу, погасшее въ немъ лишь съ послѣднимъ дыханіемъ жизни, составляютъ сущность поэзіи Байрона, ту сущность, которая дѣлаетъ эту поэзію безсмертною...

II.

Прошу извиненія у читателей за это предисловіе, но безъ него обойтись было невозможно. Я вовсе не имѣю намѣренія прилагать къ произведеніямъ г. Короленко мѣрку, приложимую лишь къ произведеніямъ великихъ писателей. Но надо было возста-

новить смыслъ ходячихъ словъ и понятій, употребленія которыхъ тѣмъ не менѣе избѣжать нельзя.

Что же касается г. Короленко, то онъ писатель обладающій несомнѣннымъ дарованіемъ. А разъ у него есть *дарованіе* хотя и небольшое, его надо разсматривать съ той же точки зрѣнія, какъ и всякое дарованіе, какихъ бы размѣровъ оно ни было. Мѣрку для него надо брать, можетъ-быть, и меньшую, но того же типа.

Произведенія г. Короленко сразу располагаютъ къ себѣ читателя одною своею особенностью. Изъ-за этихъ произведеній ясно вырисовывается симпатичный образъ самого автора и невольно привлекаетъ къ себѣ. Читатель чувствуетъ, что авторъ много и скорбно задумывался надъ ложными, болѣзненными и запутанными людскими отношеніями; но субъективное отношеніе автора къ явленіямъ жизни часто совпадаетъ съ объективною правдой, съ правдой самой этой жизни, а тонъ задумчивой, осмысленной и тихой грусти придаетъ рѣчи г. Короленко особую поэтическую прелесть. Читая его произведенія, какъ бы сживаешься съ авторомъ. Кажется, будто давнишній другъ, возвратившійся послѣ долгой разлуки, разсказываетъ исторію своихъ скитаній, сидя у тлѣющаго камелька, разсказываетъ и о себѣ, о томъ, что самъ пережилъ и перенесъ, и о другихъ, о томъ, что видѣлъ и слышалъ. А онъ видѣлъ много худаго, но видѣлъ и хорошее. Онъ знаетъ жизнь, знаетъ ея темныя стороны, но знаетъ, что въ этой темнотѣ есть и просвѣты: онъ любитъ останавливаться на этихъ свѣтлыхъ точкахъ, любитъ указывать на нихъ. Онъ знаетъ цѣну людямъ, знаетъ, что это цѣна не высокая, но тѣмъ болѣе онъ дорожитъ божественной искрой, тлящейся въ развращенной, падшей, потерявшей „образъ и подобіе“ душѣ человѣческой. И онъ умѣетъ показать, какъ порой эта тлѣющая искра, пробившись сквозь пепелъ, вдругъ вспыхнетъ и освѣтитъ все далеко кругомъ. Онъ знаетъ цѣну людской добродѣтели; знаетъ, что вѣдь это чистая случайность, если одинъ стоитъ наверху, а другой внизу, одинъ вознесенъ, а другой обезславленъ, знаетъ цѣну людскаго мнѣнія, возносящаго и безславящаго; знаетъ, что это людское мнѣніе не проникнетъ и не можетъ проникнуть въ душу человѣческую, не можетъ понять, что одинъ просто не имѣлъ случая и нужды переступить за ограду закона, а другой, можетъ-быть и лучшій, и благороднѣйшій, переступилъ ее—и, зная все это, нашъ авторъ не смущается

внѣшностью; ему надо одно: отыскать искру Божію въ душѣ человѣческой, гдѣ бы ни вспыхнула эта искра — въ душѣ ли оборваннаго бродяги, въ душѣ ли уличнаго вора или пропойнаго пьяницы, въ душѣ ли полудикаго Якута или пьяницы „попика", заброшеннаго судьбою къ этимъ полудикимъ Якутамъ. Онъ вѣритъ въ душу человѣческую и не вѣритъ только въ одно, въ фарисейскую добродѣтель. Онъ знаетъ, что „оправданнымъ" ушелъ не добродѣтельный фарисей, а грѣшный мытарь, не смѣвшій даже поднять очи на небо и въ сокрушеніи только твердившій: „Господи! Буди милостивъ ко мнѣ грѣшному!" И вотъ вездѣ, на тускломъ фонѣ жизни, среди жизненной лжи и путаницы, среди „гробовъ поваленныхъ, полныхъ тлѣнія и костей", среди праздно болтающихъ, лгущихъ себѣ и другимъ, среди малодушныхъ и равнодушныхъ къ истинѣ, онъ старается отыскать этого „мытаря", „біющаго себя въ перси", подсмотрѣть, что дѣлается тамъ, въ глубинѣ его страдающей и измученной души, подсмотрѣть какъ тамъ тлѣетъ и временами вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ искра божественнаго огня...

Чтобы съ этой стороны посмотрѣть на человѣка, чтобы съ этой стороны подойти къ явленіямъ жизни, надо питать въ душѣ своей *любовь* и *смиреніе*, безъ которыхъ невозможно проникнуть въ истинный смыслъ дѣйствительности. Намъ кажется, что зачатки истинной любви и истиннаго смиренія можно замѣтить въ отношеніи къ жизни нашего автора — и вотъ они-то, эти зачатки любви и смиренія, во многихъ случаяхъ (къ сожалѣнію не всегда) удерживаютъ его отъ сентиментальности и доктринёрства. Онъ не оправдываетъ своихъ героевъ, онъ не старается затушевать или выставить въ ложномъ свѣтѣ грязь ихъ души, онъ не старается оправдать ихъ въ ихъ паденіи внѣшними условіями, не старается представить ихъ людьми невмѣняемыми. Онъ знаетъ, что зло есть зло, несмотря ни на что, но онъ знаетъ, что зло, бросающееся всѣмъ въ глаза, есть такое же зло, какъ и то, съ которымъ мирится общество, которое оно не только терпитъ, но и поощряетъ, которое оно часто не только не считаетъ зломъ, а, напротивъ,—признакомъ порядочности и умѣнія жить въ свѣтѣ. И зная это, онъ вовсе не придаетъ значенія формамъ, въ которыхъ выразилось зло. Онъ не старается оправдать или извинить — онъ только не произноситъ суроваго приговора, а просто обнажаетъ передъ нами душу человѣческую, со всѣмъ дурнымъ и хорошимъ, что въ ней есть.

Этимъ свойствомъ своего дарованія и своего міросозерцанія г. Короленко особенно симпатиченъ; въ этомъ свойствѣ быть-можетъ и залогъ того, что онъ когда-нибудь рѣшительно отдѣлается отъ сентиментальности, доктринёрства и резонёрства, которыя губятъ его прекрасное дарованіе, что онъ почувствуетъ наконецъ, въ чемъ заключается призваніе истиннаго таланта,—въ чемъ заключается призваніе истиннаго художника.

Истинный художникъ долженъ любить свою родину, свой народъ, любить почву, породившую явленія, составляющія объектъ его творчества, любить любовью *зрячею*, видящею всѣ язвы любимаго существа и любящею, поэтому, еще больше, ибо къ любви тутъ примѣшивается безконечная жалость. Чтобы касаться отрицательныхъ явленій жизни, художникъ самъ долженъ сознавать свои человѣческія несовершенства, долженъ самъ имѣть христіанское настроеніе, которое есть только одно: настроеніе кающагося мытаря; долженъ обладать тѣмъ высокимъ смиреніемъ, которое дается только *вѣрой* въ Существо неизмѣримо насъ высшее, всеблагое, вселюбящее, безконечно справедливое и мудрое. Безъ такой вѣры не можетъ быть истиннаго смиренія. Гордому, высокоцѣнящему себя человѣку трудно и невозможно поставить себя на одну доску съ злодѣемъ, безумцемъ, отщепенцемъ или съ жалкимъ бродягой, отверженцемъ общества, съ уличнымъ воромъ, съ проституткой, трудно пережить *ихъ* жизнь, переболѣть *ихъ* язвами, перестрадать *ихъ* страданіями; трудно признать ихъ *равными себѣ* людьми и своими братьями. Тутъ не помогутъ ни гуманность, ни проповѣдуемый теперь „альтруизмъ", которые предлагаютъ намъ *снизойти* до падшаго человѣка, а никакъ не признать его *себѣ равнымъ* во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, человѣкомъ съ такою же безсмертною душой, а *себя* признать *такимъ же падшимъ*, какъ и послѣдній изъ падшихъ. Чтобы проникнуться такими чувствами, такимъ настроеніемъ, нужно, чтобы души человѣческой коснулось нѣчто неизмѣримо высшее, неизмѣримо значительнѣйшее—чтобы ея коснулась благодать *вѣры*. Чтобы человѣкомъ овладѣло такое настроеніе, настроеніе мытыря, чтобы *это* настроеніе нарушило „хладный сонъ" его души, надо понять и почувствовать, что всѣ мы, и добрые и злые, и счастливые и несчастные, незаплатимо и неискупимо грѣшны предъ Тѣмъ „единымъ безгрѣшнымъ", Который поднялъ на Себя грѣхи міра.

И какъ тусклая свѣча и яркая люстра, совмѣщающая въ себѣ свѣтъ тысячъ свѣчей, разнятся между собой въ нашихъ глазахъ

пока нѣтъ солнца, которое сразу, затмѣвая ихъ ничтожный блескъ, уничтожаетъ это пустое различіе—такъ и предъ Солнцемъ вѣчной Правды, предъ солнцемъ Лика Христова стушевываются мелкія и ничтожныя людскія добродѣтели и пороки, сливаясь въ одномъ тонѣ неоплатимой и неискупимой человѣческими средствами грѣховности. И только съ такимъ чувствомъ сознанія своей грѣховности, сознанія *и своей виновности* во всемъ злѣ міра и жизни можетъ художникъ приступить къ изображенію этой жизни. Ибо только тогда можетъ онъ *полюбить* и отверженца общества, признать въ немъ *человѣка равнаго себѣ* и брата своего; ибо только тогда будетъ онъ судить его не какъ гордый и самовольный человѣкъ, судомъ своей гордыни—въ чемъ бы ни выражалась эта гордыня: въ обвиненіи ли падшаго человѣка, *какъ низшаго себя*, въ обвиненіи его съ высоты своей фарисейской добродѣтели, или въ оправданіи его *и грѣха его*, въ оправданіи *тоже какъ низшаго себя*, въ оправданіи во имя отвлеченной доктрины—только тогда будетъ онъ судить его не судомъ своей гордыни, а и во имя правды Божіей, судомъ милосерднымъ, *карающимъ грѣхъ,* но не оправдывающемъ, а прощающемъ *человѣка*, тѣмъ судомъ, которому научилъ насъ Самъ Спаситель нашъ, не осудившій блудницу, но осудившій грѣхъ, сказавши ей: „И Я тебя не осуждаю: *иди и не грѣши*".

Итакъ только любовь и смиреніе предъ высшею правдой, только *вѣра* въ Того, Кто сказалъ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ", могутъ научить художника слову заклинанія, которое заставитъ раскрыться предъ нимъ душу человѣка такъ, что „всѣ изгибы" этой души наружу выйдутъ...

Вѣры, этой вѣры, которая даетъ непоколебимую опору *надеждѣ* на то, что всѣ ужасающіе контрасты жизни найдутъ разрѣшеніе и примиреніе въ лонѣ вѣчной любви, безконечнаго милосердія и абсолютной справедливости; вѣры, которая даетъ силу *любви* и смыслъ *смиренію*—этой вѣры нѣтъ у г. Короленко, ея не слышно въ его произведеніяхъ; но настроеніе души близкое къ христіанской любви и къ христіанскому смиренію у него есть. Это настроеніе даетъ тонъ лучшимъ его произведеніямъ, на это настроеніе мы хотѣли указать, дѣлая общую характеристику его дарованія. Въ этой характеристикѣ мы старались оттѣнить все лучшее, что есть въ его дарованіи, и опустили подробный анализъ слабыхъ его сторонъ, который дадимъ впослѣдствіи. Тѣ же его произведенія, разборомъ которыхъ мы

хотимъ начать нашъ этюдъ—*Въ дурномъ обществѣ* и *Сонъ Макара*—отразили въ себѣ именно это душевное настроеніе автора, безсознательно-христіанское, настроеніе любви и смиренія, хотя еще не укрѣпленныхъ и не одухотворенныхъ вѣрой...

III.

Въ дурномъ обществѣ, если не ошибаемся,—первое произведеніе г. Короленко появившееся въ печати. Мы помнимъ тогдашніе толки объ этомъ разсказѣ. Собственно говоря это не повѣсть и не разсказъ, а скорѣе эпизодъ изъ романа, какъ бы начало его, гдѣ описываются дѣтскіе годы героя. Но эпизодъ этотъ совершенно законченный, такъ что его можно разсматривать какъ отдѣльное произведеніе.

Толки, возбужденные этимъ эпизодомъ, вертѣлись главнымъ образомъ около того, что тутъ все субъективно; говорили: „это авторъ самъ себя описалъ, описалъ то, что самъ пережилъ. Что̀ тутъ мудренаго?"—Очень много мудренаго.

Есть ли это разсказъ выдуманный или въ немъ передается то, что дѣйствительно случилось—это рѣшительно все равно и не имѣетъ никакого значенія для оцѣнки дарованія автора. Многіе переживали то, что пережилъ Пушкинъ, но никто не выразилъ этого въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ *Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день* или *Я васъ любилъ* или *Заклинанье* и. т. д. многіе переживали то, что пережилъ Толстой, но никто изъ нихъ не написалъ ни *Дѣтства и отрочества*, ни *Севастопольскихъ разсказовъ*; Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что всѣ его романы имѣютъ въ подкладкѣ дѣйствительные факты, и что иначе даже онъ и писать не умѣетъ, но никто другой дѣйствительные факты своей жизни не съумѣлъ выразить въ такихъ произведеніяхъ, какъ *Обрывъ* и *Обломовъ*. Ибо, чтобы запечатлѣть въ художественныхъ образахъ хотя бы и дѣйствительные факты своей жизни, надо понять *смыслъ* этихъ фактовъ и выразить этотъ смыслъ въ образахъ, а это могутъ сдѣлать лишь немногіе, одаренные люди, люди имѣющіе талантъ. Въ этомъ все дѣло.

Разсказъ *Въ дурномъ обществѣ* имѣетъ совершенно особый, не привычный намъ колоритъ. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городковъ или мѣстечекъ Юго-Западнаго края, гдѣ населеніе смѣшанное, польско-еврейско-русское, гдѣ католичество наложило свою особую печать на поповъ, гдѣ существовали рыцарскіе за̀мки,

гдѣ была когда-то унія, а теперь есть еще ксендзы и костелы. Здѣсь—вся поэзія чужаго, поэзія рыцарской Европы, съ ея зáмками, турнирами, католическими процессіями, папскими благословеніями и проклятіями, поэзія, своеобразно отразившаяся въ пышномъ житьѣ-бытьѣ польскихъ магнатовъ, но здѣсь же чувствуется и вся поэзія нашего, роднаго, вся поэзія той „смиренной наготы", про которую Тютчевъ сказалъ:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взглядъ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

Въ разсказѣ г. Короленко чрезвычайно поэтично переплелись эти два теченія, эти два построенія. Кажется, будто изъ-подъ сводовъ готическаго зáмка, изъ-подъ обломковъ чуждой намъ, но поэтической старины выглянуло давно знакомое, милое, задумчивое лицо... Мелькомъ, въ началѣ своего разсказа, авторъ показываетъ въ легкомъ наброскѣ, гордый, стоящій въ сторонѣ отъ городка, уже пережившій свою славу „лыцарскій зáмокъ". Тамъ ютятся одинокіе, отчужденные отъ всего міра, потомки когда-то всевластнаго магната. О зáмкѣ и его прежнихъ вельможныхъ обитателяхъ ходили мрачныя и страшныя легенды... Говорили, что островъ, на которомъ стоялъ зáмокъ, насыпанъ искусственно руками плѣнныхъ Турокъ. „А тутъ же, невдалекѣ отъ зáмка, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ, стояла давно заброшенная уніатская часовня".

Вотъ что разсказываетъ авторъ о „лыцарскомъ зáмкѣ" и объ уніатской часовнѣ:

„Старый, сѣдобородый Янушъ, за неимѣніемъ квартиры, пріютившійся въ одномъ изъ подваловъ зáмка, разсказывалъ намъ неоднократно, что въ такія ночи онъ явственно слышалъ, какъ изъ-подъ земли неслись крики". „Турки начинали возиться подъ островомъ, стучали костями и громко укоряли пановъ въ жестокости. Тогда въ залахъ стараго зáмка и вокругъ него на островѣ бряцало оружіе, и паны громкими криками сзывали гайдуковъ. Янушъ слышалъ совершенно явственно подъ ревъ и завываніе бури топотъ коней, звяканье сабель, слова команды. Однажды онъ слышалъ даже какъ покойный прадѣдъ нынѣшнихъ графовъ, прославленный на вѣчные вѣки своими кровавыми подвигами, выѣхалъ, стуча копытами своего аргамака, на средину острова и неистово кричалъ: „Молчите тамъ, лайдаки"!"

„Потомки этого графа давно уже оставили жилище предковъ. Большая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ, отъ которыхъ прежде ломились сундуки графовъ, перешли за мостъ, въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители стараго рода выстроили себѣ прозаическое бѣлое зданіе на горѣ, подальше отъ города. Тамъ протекало ихъ скучное, но все же торжественное существованіе въ презрительно-величавомъ уединеніи. Изрѣдка только старый графъ, такая же развалина, какъ и зàмокъ на островѣ, появлялся въ городѣ на своей старой англійской клячѣ"...

„Въ западной сторонѣ, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ, стояла давно заброшенная уніатская часовня. Нѣкогда въ ней собирались по звону колокола горожане въ чистыхъ, хотя и не роскошныхъ „кунтушахъ", съ палками въ рукахъ, вмѣсто сабель, которыми гремѣла мелкая шляхта, тоже являвшаяся на зовъ звонкаго уніатскаго колокола изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ. Отсюда былъ видѣнъ островъ и его темные громадные тополи, но зàмокъ сердито и презрительно закрывался отъ часовни густою зеленью, и только въ тѣ минуты, когда юго-западный вѣтеръ вырывался изъ-за камышей и налеталъ на островъ, тополи гулко качались и изъ-за нихъ проблескивали окна, и зàмокъ, казалось, кидалъ на часовню угрюмые взгляды. Теперь и онъ и она были трупы. У него глаза потухли, и въ нихъ не сверкали отблески вечерняго солнца; у нея кое-гдѣ провалилась крыша, стѣны осыпались и вмѣсто гулкаго мѣднаго колокола совы заводили въ ней по ночамъ свои зловѣщія пѣсни. Но традиціонная, историческая жизнь, раздѣлявшая нѣкогда гордый панскій зàмокъ и мѣщанскую уніатскую часовню, продолжалась и послѣ ихъ смерти: ее поддерживали копошившіеся въ этихъ дряхлыхъ трупахъ черви, занимавшіе подземелья, углы, подвалы. Этими могильными червями умершихъ зданій были люди"...

Кто же были эти люди? Все, что было въ городѣ гонимаго судьбою, селилось въ подвалахъ и углахъ полуразрушенной часовни. Тутъ были и свои и пришлые, невѣдомо откудова загнанные сюда люди; тутъ были бродяги, пропойные пьяницы, нищіе по профессіи или по нуждѣ, „благородные" люди, останавливающіе прохожихъ на улицѣ, дабы въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изъяснить свое положеніе. Тутъ нашелъ себѣ пріютъ сумасшедшій „профессоръ", прозванный такъ по тому, что когда-то и гдѣ-то былъ гувернеромъ, и повихнувшійся отъ любви,

пившій безъ просыпу писарь Лавровскій, и „генералъ“ Туркевичъ, промышлявшій преимущественно тѣмъ, что своею отчаянностью устрашалъ мирныхъ обывателей, дабы получить съ нихъ скудную дань, наконецъ былъ тутъ и панъ Тыбурцій Драбъ...

Г. Короленко сперва описываетъ уличную жизнь своихъ героевъ, показываетъ ихъ, такъ-сказать, на сценѣ, и уже потомъ ведетъ насъ за кулисы. Рядъ портретовъ этихъ отверженцевъ общества нарисованъ авторомъ прекрасно. Онъ даетъ только абрисы, контуры, но они намѣчены вѣрною рукой. Мягкій, какой-то жалостливый юморъ, придающій особливый, трогательный колоритъ разсказу, одухотворяетъ фигуры этихъ несчастливцевъ и, несмотря на эскизность, на недостатокъ „лѣпки“, дѣлаетъ ихъ живыми, сближаетъ съ нами. Это человѣчный юморъ. О, вѣдь авторъ не скрываетъ, что „генералъ“ Туркевичъ имѣетъ особливое тяготѣніе къ питейному заведенію и готовъ ради этого рискнуть на многое, не всѣми одобряемое; но онъ также совершенно понимаетъ, что очень многіе „приличные“ люди, живущіе не въ подвалахъ уніатской часовни, тоже готовы рискнуть на многое, не всѣми одобряемое, если не ради тяготѣнія къ питейному заведенію, то ради тяготѣнія къ чему-нибудь иному, по существу мало отличающемуся отъ питейнаго заведенія. И понимая это, авторъ относится къ своему злополучному герою съ человѣчнымъ, мягкимъ юморомъ, какъ бы говоря: „Милостивые государи, вѣдь ежели разобрать дѣло строго, то чѣмъ же мы съ вами лучше „генерала“ Туркевича? Если онъ имѣетъ нѣкоторыя слабости, достойныя юмористическаго отношенія къ нимъ, то вѣдь и мы имѣемъ нѣкоторыя слабости,—пусть въ другомъ родѣ,—но той же цѣны“. Но тонъ автора мѣняется, когда онъ разсказываетъ о сумасшедшемъ „профессорѣ“ или о свихнувшемся отъ любви Лавровскомъ. Осторожно прикасается онъ къ язвамъ этихъ несчастныхъ, съ осторожною жалостью, съ осторожнымъ сочувствіемъ разсказываетъ объ ихъ страданіяхъ. Онъ знаетъ, что не только язвы своей, но и язвы чужой души позорно „выставлять на диво черни простодушной“, а потому избѣгаетъ малѣйшей утрировки и прикасается къ страданію съ тою стыдливою умѣренностью, которая характеризуетъ истинную доброту. Онъ понимаетъ, что „всѣ за всѣхъ виноваты“, что есть и его вина во всемъ злѣ міра,—значитъ нечего распинаться, значитъ стыдно лѣзть въ глаза со своимъ сочувствіемъ, со своимъ участіемъ. И когда онъ касается самыхъ скользкихъ сюжетовъ, это созна-

ніе даетъ ему возможность соблюсти тонкое чувство мѣры, составляющее главное условіе художественнаго разсказа. Этимъ нашъ авторъ отличается отъ безчисленныхъ нашихъ стихотворцевъ и беллетристовъ, воющихъ и ноющихъ о людскомъ горѣ и о людскихъ страданіяхъ столь азартно, что поневолѣ приходитъ въ голову мысль, что они подобны „безстыдной нищей съ *чужимъ* ребенкомъ на рукахъ".

Еще иначе относится авторъ къ одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ своего очерка, къ пану Тыбурцію Драбу. Общій тонъ его разсказа серьезный, печальный и задумчивый, временами только смягченный, то изящнымъ, человѣчнымъ юморомъ, то осторожною, стыдливою жалостію, — этотъ общій тонъ дѣлается еще серьезнѣе, еще печальнѣе и еще задумчивѣе, когда дѣло идетъ о загадочномъ Тыбурціи.

И Тыбурцій несомнѣнно заслуживаетъ такого тона, какъ увидитъ читатель ниже, когда мы, вмѣстѣ съ авторомъ, съ улицы и со сцены заглянемъ за кулисы, заглянемъ въ норы и подвалы уніатской часовни, пріютившей нашихъ несчастливцевъ. На улицѣ же, на сценѣ, и панъ Тыбурцій былъ такимъ же забавникомъ толпы, уличнымъ шутомъ, какимъ и „генералъ" Туркевичъ. „Происхожденіе Драба было покрыто мракомъ самой таинственной неизвѣстности", разсказываетъ авторъ. „Люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, приписывали ему аристократическое имя, которое онъ покрылъ позоромъ и потому принужденъ былъ скрыться. Роста онъ былъ высокаго; сильная сутуловатость какъ бы говорила о бремени вынесенныхъ Тыбурціемъ несчастій; крупныя черты были грубо выразительны".

Описывая какъ Тыбурцій давалъ свои представленія, состоявшія въ томъ, что онъ „произносилъ, стоя на бочкѣ, цѣлыя рѣчи изъ Цицерона или цѣлыя главы изъ Ксенофонта", авторъ замѣчаетъ: „Въ то время какъ на его лицѣ смѣнялся цѣлый калейдоскопъ гримасъ, его глаза постоянно сохраняли одно выраженіе—упорное и мрачное—отчего мнѣ всегда было безотчетно жутко смотрѣть на гаерство этого страннаго человѣка".

Происхожденіе Тыбурція такъ и осталось покрыто мракомъ, но въ виду его учености, въ умахъ обывателей составилась такая гипотеза:

Разсказывали, „что панъ Тыбурцій былъ нѣкогда дворовымъ мальчишкой какого-то графа, который послалъ его вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ школу отцовъ-іезуитовъ, собственно на пред-

метъ чистки сапогъ молодаго панича. Оказалось, однако, что въ то время, когда молодой графъ воспринималъ преимущественно удары трехвостной „дисциплины“ святыхъ отцовъ, его лакей перехватилъ всю мудрость, которая назначалась для головы его барина“.

У Тыбурція были дѣти:

„Мальчикъ по имени Валекъ, высокій, тонкій, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ особеннаго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе калашницъ. Дѣвочку видѣли только одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція.“

Вся эта компанія, подъ начальствомъ Тыбурція, проживала въ развалинахъ и подземельяхъ уніатской часовни. Мальчикъ, изъ хорошаго семейства, отъ имени котораго ведется разсказъ, очень просто проникъ въ это убѣжище, наводившее страхъ на весь городъ благодаря фантастическимъ легендамъ.

Но сперва нужно сказать нѣсколько словъ о томъ, *какъ* и *на чемъ* построенъ разсказъ г. Короленко. Разсказъ ведется отъ лица, о чемъ свидѣтельствуетъ и ремарка: *изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля.* Это взрослый человѣкъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ; объ общемъ тонѣ, характерѣ и колоритѣ разсказа я уже говорилъ. Теперь скажу нѣсколько словъ о той нотѣ, которая даетъ разсказу порядокъ и стройность; собственно говоря, это исторія заброшеннаго ребенка. Исторія заброшеннаго ребенка одна изъ излюбленныхъ темъ; охотно берутся за нее писатели даровитые, еще охотнѣе бездарные. У насъ множество романовъ и повѣстей „съ начинкою“, по мѣткому выраженію Тургенева, сочинялись именно на эту тему; и очень понятно почему нѣтъ темы труднѣе для писателя даровитаго, и нѣтъ темы легче для писателя бездарнаго, не имѣющаго ни правдивости, ни чувства мѣры, ни чувства красоты. Дѣло въ томъ, что писатели бездарные, охотно эксплуатируя эту тему, уподобляются именно „безстыдной нищей съ *чужимъ* ребенкомъ на рукахъ“; стòитъ имъ только исказить и исковеркать по своему Диккенсова *Давида Копперфильда*—и дѣло сдѣлано.

Г. Короленко поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ его разсказѣ нѣтъ никакихъ деспотовъ, фурій и вѣдьмъ преслѣдующихъ ребенка, нѣтъ ни жестокихъ опекуновъ, ни внезапно являющихся до тошноты благородныхъ избавителей, исправляющихъ все зло посредствомъ обученія „по звуковому методу“. Напротивъ, нашъ

авторъ относится къ своему сюжету очень просто и въ то же время глубоко. Фигура отца заброшеннаго ребенка едва намѣчена, но намѣчена правдиво, изящно и просто; это уже пожилой человѣкъ, потерявшій страстно любимую жену—человѣкъ скрытный и сосредоточенный, а подъ вліяніемъ глубокаго горя сдѣлавшійся и еще болѣе скрытнымъ, еще болѣе сосредоточеннымъ. Вся его любовь обратилась на крошечную дѣвочку-дочь, напоминающую ему *ее;* на мальчика онъ обращаетъ мало вниманія.

Одна превосходная страница разбираемаго разсказа прекрасно рисуетъ отношенія этихъ отца и сына.

„Вообще всѣ меня звали бродягой, негоднымъ мальчишкой, и такъ часто укоряли въ разныхъ дурныхъ наклонностяхъ, что я наконецъ и самъ проникся этимъ убѣжденіемъ", читаемъ въ разсказѣ.—„Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ, но попытки эти всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ лежала суровая печать неизлечимаго горя, я робѣлъ и замыкался въ себя. Я стоялъ предъ нимъ, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто подымалось у меня въ груди; мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди и, быть-можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы—ребенокъ и суровый мужчина—о нашей общей утратѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взглядомъ.

„— Ты помнишь матушку?..

„Помнилъ ли я ее? О, да, я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная предъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни.

„О, да, я помнилъ ее!.. Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная, лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я, какъ звѣрёкъ, забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, предъ которыми впервые открылся весь ужасъ загадки о жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ людей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ стономъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

„О, да, я ее помнилъ!.. И теперь, часто, въ глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая тѣснилась въ груди, переполняя дѣтское сердце,—просыпался съ улыбкой счастія, въ блаженномъ невѣдѣніи, навѣянномъ розовыми снами дѣтства. И опять, какъ прежде, мнѣ казалось, что она со мною, что я сейчасъ встрѣчу ея любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались въ пустую тьму, и въ душу проникало сознаніе горькаго одиночества. Тогда я сжималъ руками свое такъ больно стучавшее сердце, и слезы прожигали горячими струями мои щеки.

„О, да, я помнилъ ее!.. Но на вопросъ высокаго угрюмаго человѣка, въ которомъ я желалъ, но не могъ почувствовать родную душу, я съеживался еще болѣе и тихо выдергивалъ изъ его руки свою ручонку.

„И онъ отворачивался отъ меня съ досадой и болью. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ на меня ни малѣйшаго вліянія, что между нами стоитъ какая-то неодолимая преграда. Онъ слишкомъ любилъ *ее*, когда она была жива, не замѣчая меня изъ-за своего счастія. Теперь же меня закрывало отъ него тяжелое горе.

„И мало-по-малу пропасть, насъ раздѣлявшая, становилась все шире и глубже. Онъ все болѣе убѣждался, что я—дурной испорченный мальчишка, съ черствымъ, эгоистическимъ сердцемъ, и сознаніе, что онъ *долженъ*, но *не можетъ* заняться мною, *долженъ* любить меня, но не находитъ для этой любви угла въ своемъ сердцѣ, еще увеличивало его нерасположеніе. И я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагалъ по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинуясь неопредѣленному побужденію, толкавшему меня къ этому человѣку. Но онъ, пробужденный отъ мрачнаго и безнадежнаго созерцанія, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ:

„— Что нужно?

„Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобъ отецъ не прочелъ его въ моемъ смущенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чащу сада, я упалъ лицомъ въ траву и горько заплакалъ отъ досады и боли.

„Съ шести лѣтъ я испытывалъ уже весь ужасъ одиночества.

„Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я любилъ ее страстно, и она платила мнѣ такою же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня, какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника, успѣлъ воздвигнуть между нами высокую преграду. Всякій разъ, когда я начиналъ играть съ нею, по-своему шумно и рѣзво, старая нянька, вѣчно сонная и вѣчно дравшая съ закрытыми глазами куриныя перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сердитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклокоченную насѣдку, себя я сравнивалъ съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ цыпленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими преступными играми, а еще черезъ нѣкоторое время мнѣ стало тѣсно въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжить. Все мое существо трепетало тогда какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, предвкушеніемъ жизни. Мнѣ все казалось, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ большомъ и невѣдомомъ свѣтѣ, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то долженъ сдѣлать и могу что-то сдѣлать, но я только не зналъ, что именно; а между тѣмъ на встрѣчу этому невѣдомому и таинственному во мнѣ изъ глубины моего сердца что-то подымалось, дразня и вызывая. Я все же ждалъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и инстинктивно бѣгалъ и отъ няньки съ ея перьями, и отъ знакомаго лѣниваго шепота яблоней въ нашемъ маленькомъ садикѣ, и отъ глупаго стука ножей, рубившихъ на кухнѣ котлеты. Съ тѣхъ поръ къ прочимъ нелестнымъ моимъ эпитетамъ прибавились названія уличнаго мальчишки и бродяги; но я не обращалъ на это вниманія: я притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ, какъ выносилъ внезапно разражавшійся дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивалъ замѣчанія и поступалъ по-своему. Шатаясь по улицамъ, я всматривался дѣтски-любопытными глазами въ незатѣйливую жизнь городка съ его лачугами, вслушивался въ гулъ проволокъ на шоссе, вдали отъ городскаго шума, стараясь уловить, какія вѣсти несутся по нимъ изъ далекихъ большихъ городовъ, или въ шелестъ колосьевъ, или въ шепотъ вѣтра на высокихъ гайдамацкихъ могилахъ. Не разъ мои глаза широко раскрывались, не разъ останавливался я съ болѣзненнымъ испугомъ предъ картинами жизненной панорамы: образъ за образомъ, впечатлѣніе за впечатлѣніемъ ложи-

лись въ душу яркими пятнами; я узналъ и увидалъ много такого, чего не видали дѣти значительно старше меня; а между тѣмъ то невѣдомое, что подымалось изъ глубины дѣтской души, попрежнему звучало въ ней несмолкающимъ, таинственнымъ, подмывающимъ, вызывающимъ рокотомъ.“

Вотъ почему мальчикъ отбился отъ дому и, бродя то тамъ, то здѣсь, попалъ въ уніатскую часовню, свелъ знакомство съ Валекомъ, маленькимъ сыномъ пана Тыбурція, а черезъ него и со всѣмъ „дурнымъ обществомъ“. Случилось однако то, что благодаря именно „дурному обществу“ рухнула „непреодолимая преграда“, выросшая между отцомъ и сыномъ.

IV.

Авторъ знаетъ и не скрываетъ, что въ „дурномъ обществѣ“, куда попалъ его герой, было много нехорошаго и грязнаго, какъ впрочемъ и во всякомъ самомъ лучшемъ обществѣ, но это нехорошее и грязное прошло мимо ребенка, благодаря пану Тыбурцію. Много тяжелаго, угнетавшаго дѣтское сердце, видѣлъ заброшенный ребенокъ, посѣщая подвалы уніатской часовни, но ничего такого, что могло бы развратить это сердце.

„Тыбурцій пользовался здѣсь непререкаемымъ авторитетомъ“,— читаемъ мы на страницѣ 77 разсказа.—„Онъ открылъ эти подземелья; онъ здѣсь распоряжался, и всѣ его приказанія исполнялись. Вѣроятно именно поэтому я не припомню ни одного случая, когда бы кто-либо изъ этихъ людей, несомнѣнно потерявшихъ человѣческій обликъ, обратился ко мнѣ съ какимъ-нибудь дурнымъ предложеніемъ. Теперь, умудренный прозаическимъ опытомъ жизни, я знаю, конечно, что тамъ былъ мелкій развратъ, грошевые пороки и гниль. Но когда эти люди и эти картины встаютъ въ моей памяти, затянутые дымкой прошедшаго, я вижу только черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій.“

Кто же такой этотъ загадочный Тыбурцій, играющій видную роль во всей исторіи?

По внѣшности — уличный бродяга, промышляющій то гаерствомъ, то воровствомъ; по внутреннему же содержанію — онъ лицо глубоко трагичное. Можетъ-быть, была правда въ той догадкѣ, на которой остановились обыватели городка, стараясь за-

глянуть въ прошлое загадочнаго бродяги; можетъ-быть, оно такъ и было, что панъ Тыбурцій былъ нѣкогда дворовымъ мальчишкой какого-то графа, который посылалъ его вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ школу отцовъ-іезуитовъ, въ качествѣ прислужника молодаго панича. Все это могло быть, и еще не такъ давно въ юго-западныхъ губерніяхъ, среди магнатскихъ фольварковъ и іезуитскихъ коллегій происходили такіе случаи; могло быть и то, что необузданный и страстный мальчикъ, вкусившій плодовъ науки, ставшій по своему образованію и развитію далеко выше своего общественнаго положенія, и уже тѣмъ самымъ выбитый изъ колеи, окончательно свихнулся и безъ оглядки пошелъ по дорогѣ, приведшей его въ подвалы уніатской часовни. Да и самъ Тыбурцій говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ разсказа: „вся бѣда моя въ томъ, что у меня съ закономъ вышла когда-то давно уже ссора... Ахъ, малый, очень крупная ссора!..“

Авторъ не разсказываетъ намъ, что за „ссора съ закономъ“ вышла у Тыбурція, не разсказываетъ, что̀ это, такое тяжелое и мрачное, залегло на днѣ души его героя; онъ лишь даетъ намъ образъ, созданный съ тонкимъ чувствомъ мѣры, освѣщенный печальнымъ и поэтичнымъ настроеніемъ самого автора, и этотъ образъ производитъ гораздо большее впечатлѣніе, заставляетъ отозваться сердце читателя гораздо сильнѣе, чѣмъ могъ бы то сдѣлать самый подробнѣйшій и самый „реальнѣйшій“ пересказъ бѣдствій Тыбурція; съ такою же осторожностію, съ такою же стыдливою умѣренностію, какъ и въ своемъ разсказѣ о „профессорѣ“ и Лавровскомъ, но только уже безъ добродушнаго юмора, а печально и какъ бы робко прикасается онъ къ душевнымъ язвамъ Тыбурція. И этотъ тонъ, печальный и задумчивый, и эта стыдливая умѣренность въ изображеніи, хотя загрязненной, но страждущей души человѣческой, — все это производитъ неотразимое впечатлѣніе, одухотворяя и самый разсказъ и дѣйствующихъ лицъ его. Авторъ чувствуетъ и заставляетъ читателя почувствовать, что въ загрязненной, омраченной, но страждущей душѣ его героя еще не потухла искра божественнаго огня, что она тлѣетъ тамъ и, быть-можетъ, вспыхнетъ яркимъ пламенемъ; авторъ чувствуетъ и всѣмъ тономъ своего разсказа, правдивостью изображенія заставляетъ читателя почувствовать, что не потерялъ его герой „образа и подобія“, хотя бы уже по одному тому, что душа его тоскуетъ о потерѣ этого „образа и подобія“; сдавленный тисками житейскихъ условій, созданныхъ всѣмъ его

прошлымъ—страстнымъ, безумнымъ и преступнымъ,—этотъ бродяга, воръ и уличный гаеръ Тыбурцій не потерялъ *сознанія правды* и стремленія къ ней. Онъ—„затравленный звѣрь“, какъ самъ себя называетъ, онъ уже не можетъ выбиться изъ тисковъ житейскихъ условій, создавшихъ для него положеніе бродяги и уличнаго гаера съ нечистымъ прошлымъ, и свое сознаніе правды и свое стремленіе къ ней выражаетъ только однимъ -- *постояннымъ сознаніемъ своей неправоты*. Онъ знаетъ, что жизнь не очень-то справедливо поступила съ нимъ, и это сознаніе сообщаетъ его рѣчи колоритъ печальной и суровой ироніи; но онъ не ищетъ *оправданія* себѣ въ этой несправедливости къ нему жизни; онъ и слишкомъ силенъ, и слишкомъ гордъ, и слишкомъ правдивъ, чтобъ извинять себя этимъ, и вотъ почему онъ не жалуется на свою горькую долю, а только въ глубинѣ души своей, подобно евангельскому мытарю, „бія себя въ перси,“ восклицаетъ: „Господи! Буди милостивъ ко мнѣ грѣшному!“ И вотъ это-то дѣлаетъ Тыбурція лицомъ трагическимъ.

Изо всего сказаннаго читатель видитъ какую трудную задачу взялъ на себя нашъ авторъ, изображая Тыбурція, — задачу трудную и задачу скользкую; тутъ легко поскользнуться, легко впасть въ слезливую сентиментальность или въ сентиментальное доктринёрство. Въ самомъ дѣлѣ, сколько надъ подобными сюжетами было пролито сентиментально-водянистыхъ, такъ сказать, „физіологическихъ“ слезъ, и съ другой стороны, сколько разъ подобные сюжеты трактовались съ точки зрѣнія пошловатой доктрины, опошлившей самое слово „гуманность“; сколько разъ, во имя этой ложной гуманности, унижался *человѣкъ*, изображаемый и оправдываемый какъ игрушка обстоятельствъ, какъ „заѣденный средою“. Упускалось изъ виду, что обстоятельства, „среда“ могутъ заставить, такъ или иначе, выразиться сущность души человѣка, но никогда не могутъ измѣнить эту сущность. Для бездарныхъ беллетристовъ такой пріемъ тѣмъ соблазнительнѣе, чѣмъ онъ легче. Надо имѣть и проницательный умъ и отзывчивое сердце, чтобы проникать въ глубь души человѣческой; надо имѣть дарованіе, чтобъ изобразить, заставить „наружу выйти всѣ изгибы“ этой души,—и не надо имѣть ничего, кромѣ набитой въ писаніи руки, чтобъ изображать „жертвъ“ „среды и обстоятельствъ“. Г. Короленко предпочелъ взять труднѣйшій пріемъ, но пріемъ дѣйствительно реальный и правдивый—и вотъ почему его произведеніе есть произведеніе художественное.

Я уже не разъ говорилъ о тонѣ его разсказа, о его художественныхъ пріемахъ; дополню сказанное еще нѣсколькими замѣчаніями.

Для этого позволю себѣ сдѣлать небольшое сравненіе.

Это про Достоевскаго у насъ составилось такое мнѣніе, что онъ какъ никто умѣлъ „отыскать человѣка въ человѣкѣ“, какъ бы глубоко ни палъ этотъ человѣкъ. Конечно, сравнивая г. Короленко съ Достоевскимъ, я говорю не о степени дарованія,—я говорю лишь о характерѣ дарованія, желая посредствомъ представляющагося здѣсь контраста сдѣлать яснѣе свою мысль. Покойный архіепископъ Одесскій и Херсонскій Никаноръ въ своей превосходной рѣчи о Достоевскомъ между прочимъ замѣтилъ, что всѣ произведенія знаменитаго писателя являются какъ бы прекрасною иллюстраціей въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ. Замѣчаніе глубокое и вѣрное, ярко освѣщающее дѣятельность Достоевскаго. Разсказъ г. Короленко, поскольку героемъ его является Тыбурцій, тоже можетъ быть охарактеризованъ этимъ же замѣчаніемъ преосвященнаго Никанора. Этотъ разсказъ также можетъ послужить иллюстраціей къ притчѣ о блудномъ сынѣ. Такимъ образомъ у Достоевскаго и у нашего автора тутъ есть единство сюжета, и вотъ на этой-то почвѣ возможно ихъ сравнивать.

Конечно, дѣлая это сравненіе, я не говорю о недосягаемой глубинѣ и отчетливости психологическаго анализа, какой мы находимъ у Достоевскаго; я говорю только о характерѣ дарованія, объ *отношеніи* того и другаго автора къ своему сюжету, *о тонѣ* разсказа, взятомъ тѣмъ и другимъ авторомъ. У Достоевскаго тонъ аскета, тонъ строгаго до безпощадности духовника; онъ будто анатомическимъ ножомъ вскрываетъ душу „блуднаго сына“, онъ не оставляетъ въ ней ни одного уголка, куда бы не проникъ его скалпель; онъ какъ бы говоритъ этому „блудному сыну“: „смотри, вотъ твоя душа, обнаженная до послѣдней глубины; вотъ правда этой души а вотъ ея ложь — и вотъ предъ тобою правда Божія, вотъ мѣра твоей грѣховности и вѣсы суда“...

Въ его тонѣ слышно только, что онъ чувствуетъ грозную правду Божью, но какъ бы не чувствуетъ, что есть еще и безконечное ~~Божіе~~ милосердіе...

Мнѣ кажется, что у г. Короленко характеръ его отношенія къ „блудному сыну“ нѣсколько иной—болѣе мягкій и болѣе хри-

стіанской по настроенію. Онъ не беретъ на себя суда, потому что не имѣетъ мѣры и критерія для суда, быть-можетъ, къ тому же, смутно прозрѣвая, что правда Божія *въ рукахъ человѣческихъ* не можетъ быть такимъ критеріемъ, потому что на вѣсахъ суда Божія будетъ положена не только эта правда, но и безграничное Его милосердіе, пріемлющее всякое чистое движеніе хотя бы и падшей души человѣческой...

Вотъ почему нашъ авторъ не судитъ, а лишь изображаетъ, осторожно и стыдливо прикасаясь къ язвамъ души, съ любовью подмѣчая всякое чистое движеніе этой души, стараясь, наконецъ, не *скрыть* душевныя язвы своего ближняго, а *покрыть* ихъ своею любовью.

Въ этомъ, мнѣ кажется, особенность отношенія г. Короленко къ своему сюжету. Въ этомъ же, какъ увидимъ далѣе, и сила и слабость его дарованія. Сила—въ оригинальной правдивости и задушевности общаго тона; слабость—въ шаткости его міросозерцанія, въ эскизности и туманности его изображеній.

И, однако, странно. Пусть это недостатокъ — эти эскизность и туманность, но именно этотъ недостатокъ придаетъ разсказу г. Короленко какую-то особенную прелесть.

Именно этотъ недостатокъ сообщаетъ его разсказу колоритъ той задумчивой и грустной поэзіи, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ на душу человѣческую,

Смотрите, вотъ сѣренькій, обыкновенный день: какою блѣдною и безцвѣтною кажется вся привычная обстановка, и эти сѣровато-грязные дома и эти намозолившія глаза улицы. Но вотъ наступила ночь, взошла луна, задернутая туманною дымкой, и льетъ на землю свой загадочный, мягкій, холодный свѣтъ,—и все измѣнилось, все подернулось этимъ свѣтящимся туманомъ, измѣнилась и привычная обстановка, измѣнились дома, улицы, деревья, люди... Нѣтъ рѣзкихъ очертаній, нѣтъ яркаго изображенія; все выступаетъ изъ этого таинственнаго полусвѣта неясно и загадочно, но облеченное въ какую-то новую таинственную и поэтическую прелесть...

Такое же впечатлѣніе производитъ мягкій и изящный, задумчивый и задушевный колоритъ разсказа г. Короленко; въ душѣ звучатъ снова какія-то давно замолкшія струны, что-то вспоминается, такое же задушевное и грустное; чудится будто встаютъ вокругъ какіе-то „образы безъ лицъ, безъ протяженія и границъ“, — и хочется снова вѣрить и любить, и плакать тѣми

чистыми слезами, какими люди умѣютъ плакать только на порогѣ юности, когда въ душѣ еще не замерли подъ ледянымъ дыханіемъ жизни—

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь...

Глубокою, волнующею душу тихою поэзіей дышатъ въ разсказѣ г. Короленко эти сцены изъ жизни горемычныхъ дѣтей— сына и дочери Тыбурція; безконечно трогательнымъ является этотъ черноволосый, стройный мальчикъ Валекъ, базарный воришка, когда авторъ показываетъ его рядомъ съ крошечною сестрёнкой Марусей, безнадежно больною дѣвочкой, угасающею въ подвалахъ уніатской часовни. Образъ этой дѣвочки одинъ изъ трогательнѣйшихъ образовъ созданныхъ русскою художественною литературой; описаніе послѣднихъ дней жизни этого медленно угасающаго ребенка своею простотой и искренностью можетъ исторгнуть слезы даже у самаго закаленнаго человѣка.

„Это было блѣдное, крошечное созданіе, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца", пишетъ авторъ.—„Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неувѣренно ступая кривыми ножками и шатаясь, какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шеѣ, какъ головка полеваго колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не по-дѣтски грустно и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы, что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно и слезы подступали къ глазамъ.

„Я невольно сравнивалъ ее съ моею сестрой; онѣ были въ одномъ возрастѣ, но моя Соня была кругла, какъ пышка, и упруга, какъ мячикъ. Она такъ рѣзво бѣгала, когда, бывало, разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья, и въ темныя косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

„А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ какъ самый маленькій серебряный колокольчикъ, котораго на десять шаговъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо больше и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валекъ, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

„Я былъ большой сорванецъ. „У этого малаго, говорили обо мнѣ старшіе,—руки и ноги налиты ртутью“, чему я и самъ вѣрилъ, хотя не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мною эту операцію. Въ первые же дни я внесъ свое оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой „каплицы“ повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ это время, когда я старался расшевелить и завлечь въ свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валекъ серьезно смотрѣлъ на меня и на дѣвочку, и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мной взапуски, онъ сказалъ:

„— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

„Дѣйствительно, когда я растормошилъ ее и заставилъ бѣжать, Маруся, заслышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, поднявъ ручонки надъ головой, точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

„— Вотъ видишь, сказадъ Валекъ,—она не любитъ играть.

„Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей; она перестала плакать и тихо перебирала растенія, что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лютикамъ, и подносила къ губамъ синіе колокольчики. Я тоже присмирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

„— Отчего она такая? спросилъ я наконецъ, указывая глазами на Марусю.

„— Невеселая? переспросилъ Валекъ и затѣмъ сказалъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это, видишь ли, отъ сѣраго камня...

„— Да-а, повторила дѣвочка, точно слабое эхо,—это отъ сѣраго камня...

„— Отъ какого сѣраго камня? переспросилъ я, не понимая.

„— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь, пояснилъ опять Валекъ, попрежнему смотря на небо.—Такъ говоритъ Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а, опять повторила тихимъ эхомъ дѣвочка,—Тыбурцій все знаетъ.

„Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ, которыя Валекъ повторялъ за Тыбурціемъ; однако аргументъ, что Тыбурцій все знаетъ, произвелъ и на меня свое дѣйствіе. Я приподнялся на локтѣ и взглянулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все также

перебирала цвѣты; движенія ея тонкихъ рукъ были медленны; глаза выдѣлялись глубокою синевой на блѣдномъ лицѣ; длинныя рѣсницы были опущены. При взглядѣ на эту крохотную грустную фигурку мнѣ стало ясно, что въ словахъ Тыбурція, хотя я и не понималъ ихъ значенія, заключается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то высасываетъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другіе на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень?

„Это было для меня загадкой, страшнѣе всѣхъ призраковъ стараго зáмка. Какъ ни ужасны были Турки, томившіеся подъ землею, какъ ни грозенъ старый графъ, усмирявшій ихъ въ бурныя ночи, но всѣ они отзывались фантастическими ужасами старой сказки. А здѣсь что-то невѣдомо-страшное было во-очію. Что-то безформенное, неумолимое, твердое и жестокое, какъ камень, склонялось надъ маленькою головкой, высасывая изъ нея румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. „Должно быть это бываетъ по ночамъ“,—думалъ я, и чувство щемящаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.“

О, пускай бѣдный Валекъ воруетъ булки на базарѣ, чтобы накормить голодную дѣвочку, изъ которой высосалъ жизнь „сѣрый камень“, а „панъ Тыбурцій“ гаерствуетъ для потѣхи праздныхъ зѣвакъ и по временамъ не пропускаетъ мимо рукъ то, что плохо лежитъ — мы ли ихъ осудимъ, мы ли, столь же падшіе, какъ и они сами, *всѣ, всѣ безъ исключенія*—мы ли съ презрѣніемъ отвернемся отъ нихъ, послѣ того, когда предъ нами силой поэтическаго заклинанія обнажили ихъ душу, и мы увидѣли эту страдающую, борющуюся и изнемогающую въ борьбѣ душу? Мы ли осудимъ — мы, которые, быть-можетъ, и не страдаемъ и не боремся, и не сознаемъ всей глубины своего паденія только потому, что не переходимъ границъ общепринятой, поверхностной морали, только потому, что не воруемъ булокъ на базарѣ и не гаерствуемъ на перекресткахъ... Пусть осудитъ ихъ тотъ, у кого хватитъ духу, глядя на эту борьбу, на эти страданія, коснѣть въ своей добродѣтели, повторяя вмѣстѣ съ фарисеемъ: „благодарю Тебя, Боже, что я не таковъ, какъ этотъ мытарь“. О, вѣдь и Валекъ и „панъ Тыбурцій“ гораздо лучше добродѣтельнаго фарисея знаютъ, что дѣлаютъ нехорошо, образъ ихъ жизни вовсе и несвойственenъ складу ихъ души, но разъ попавши въ желѣзные тиски, они не имѣютъ силъ изъ нихъ вырваться. Надо помнить при сужденіи о порочности

человѣческой, что важенъ не фактъ, а смыслъ факта, важенъ не поступокъ, а мотивъ поступка, важно *отношеніе человѣка къ своему поступку*. Панъ Тыбурцій не ищетъ изворота, не ищетъ оправданія своимъ поступкамъ — и потому эти самые поступки являются для него тяжкою карой. Не даромъ маленькій Валекъ былъ серьезенъ и унылъ не по лѣтамъ, не даромъ его дѣтскіе глаза смотрѣли такъ не по-дѣтски грустно, не даромъ весь обликъ и всѣ рѣчи „пана Тыбурція“ дышатъ такою суровою, печальною и безнадежною ироніей. Стòитъ прислушаться къ этой ироніи, чтобы понять всю душу пана Тыбурція, то суровое и трагическое смиреніе, которымъ проникнута эта страдающая душа.

Когда „старая лисица“ Янушъ сталъ сплетничать отцу мальчика, „пану судьѣ“, на Тыбурція и всю компанію уніатской часовни и когда мальчикъ разсказалъ объ этомъ Тыбурцію, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

„Однажды, когда я, по обыкновенію, утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ отца, а рядомъ стараго Януша изъ зàмка“, читаемъ въ разсказѣ.—„Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ и на лбу его рѣзко обозначилась складка нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

„— Уходите! Вы просто старый сплетникъ!

„Старикъ какъ-то заморгалъ и, держа шапку въ рукахъ, опять забѣжалъ впередъ и загородилъ отцу дорогу. Глаза отца сверкнули гнѣвомъ. Янушъ говорилъ тихо, и словъ его мнѣ не было слышно, за то отрывистыя фразы отца доносились совершенно явственно, падая точно удары хлыста.

„— Не вѣрю ни одному слову... Что вамъ надо отъ этихъ людей? Гдѣ же доказательства?.. Словесныхъ доносовъ я не слушаю, а письменный вы обязаны доказать... Молчать! Это уже мое дѣло!.. Не желаю и слушать.

„Наконецъ онъ такъ рѣшительно отстранилъ Януша, что тотъ не посмѣлъ болѣе надоѣдать ему; отецъ повернулъ въ боковую аллею, а я побѣжалъ къ калиткѣ.

„Я сильно недолюбливалъ стараго филина изъ зàмка, и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть-можетъ, также ко мнѣ.

„Тыбурцій, которому я разсказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

„— У-уфъ, малый, какая это непріятная новость!.. О, проклятая старая лисица!

„— Отецъ его прогналъ, замѣтилъ я въ видѣ утѣшенія.

„— Твой отецъ, малый, самый лучшій изъ всѣхъ судей, начиная съ Соломона... Однако, знаешь ли ты, что такое curriculum vitae? Не знаешь, конечно. Ну, а формулярный списокъ знаешь? Ну, вотъ видишь ли: curriculum vitae это есть формулярный списокъ человѣка, не служившаго въ уѣздномъ судѣ, и если только старый сычъ кое-что пронюхалъ и сможетъ доставить твоему отцу мой списокъ, то... ахъ, клянусь Богородицей, не желалъ бы я попасть къ судьѣ въ лапы...

„— Развѣ онъ злой? спросилъ я, вспомнивъ отзывы Валека.

„— Нѣтъ, нѣтъ, малый! Храни тебя Богъ подумать это объ отцѣ. У твоего отца есть сердце; быть-можетъ, онъ уже и теперь знаетъ все, что можетъ сказать ему Янушъ, но онъ молчитъ; онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?.. Твой отецъ служитъ господину, котораго имя—законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: „а ну-ка, судья, не взяться ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовутъ?—съ этого момента судья тотчасъ запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у судьи такія твердыя лапы, что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Понимаешь ты, малый?.. И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться... Вся бѣда моя въ томъ, что у меня съ закономъ вышла когда-то, давно уже, ссора... ахъ, малый, очень крупная ссора!

„Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взялъ на руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголъ, сталъ цѣловать ее, прижимаясь своею безобразною головой къ ея маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи, подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей страннаго человѣка. Несмотря на причудливые и непонятные обороты, я отлично схватилъ

сущность того, что говорилъ объ отцѣ Тыбурцій, и фигура отца въ моемъ представленіи еще выросла, облеклась ореоломъ грозной, но симпатичной силы и даже какого-то величія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и другое, горькое чувство... „Вотъ онъ какой, думалось мнѣ,—но все же онъ меня не любитъ“.

Этотъ Тыбурцій, „затравленный звѣрь“, суровый и угрюмый, безсильно плачущій прижимая голову къ груди своей умирающей дѣвочки, безропотно готовый встрѣтить еще новые, готовящіеся ему удары, неимѣющій даже логовища, гдѣ бы могъ укрыться, какое имѣетъ и дикій звѣрь — этотъ Тыбурцій производитъ впечатлѣніе потрясающее, впечатлѣніе высокаго трагизма... Онъ, бродяга и гаеръ, вызываетъ удивленіе къ силѣ своего духа, и его фигура, съ чрезвычайною ясностью свидѣтельствуютъ какою фарисейскою ложью проникнуты эти проповѣдуемые теперь гуманность и „альтруизмъ“. И если евангельскій фарисей осудилъ мытаря, во имя своей фарисейской добродѣтели, то современные фарисеи гуманности и „альтруизма“ *снисходятъ* до мытаря, во имя все той же фарисейской добродѣтели. Они не чувствуютъ, что и осужденіе евангельскаго фарисея иихъ снисхожденіе имѣютъ одну и ту же цѣну и одинъ и тотъ же смыслъ. И такое осужденіе и такое снисхожденіе вытекаютъ изъ одного и того же побужденія, и осуждающій и снисходящій до своего ближняго фарисеи въ глубинѣ души одинаково повторяютъ: „благодарю Тебя Господи, что я не таковъ, какъ этотъ мытарь!“

Единственное правильное отношеніе къ падшему человѣку это отношеніе *христіанское*, отношеніе какъ *къ равному себѣ* человѣку, столь же грѣховвому, столь же несовершенному, какъ всѣ мы. При такомъ отношеніи не будетъ ни фарисейскаго осужденія, ни фарисейскаго снисхожденія, а будетъ человѣческое сочувствіе къ человѣческому горю. И Тыбурцій, уже однимъ своимъ сознаніемъ правды, выражающимся въ сознаніи имъ своей неправоты, стоитъ неизмѣримо выше и этихъ осуждающихъ и этихъ снисходящихъ. Въ разсказѣ г. Короленко заключенъ великій урокъ. Всѣмъ своимъ тономъ, всѣмъ своимъ смысломъ этотъ разсказъ какъ бы свидѣтельствуетъ, что только настроеніе кающагося мытаря дѣлаетъ человѣка человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, а все что внѣ этого есть ложь и фарисейство, выражающіяся въ той или иной формѣ, есть результатъ тупости сердца, пошлости мысли игры мелочныхъ и дурныхъ чувствъ и стремленій.

Изъ дальнѣйшаго хода разсказа г. Короленко мы увидимъ то, что отчасти ясно уже изъ приведенной страницы. Отецъ мальчика, попавшаго въ „дурное общество“, этотъ неподкупный судья, строгій и суровый человѣкъ, потому только дѣйствительно является лицомъ идеальнымъ, что его душевное настроеніе есть настроеніе мытаря, что и къ павшему человѣку онъ относится не снисходя до него, а какъ къ равному себѣ человѣку, какъ къ своему брату и ближнему.

Окончаніе разсказа г. Короленко истинно прекрасно и проникнуто трогательною поэзіей. Описаніе послѣднихъ дней жизни угасающей Маруси, сцена между мальчикомъ и отцомъ, кончающаяся благодаря Тыбурцію примиреніемъ, исторія съ куклой—все это изображено съ черезвычайною правдивостью, все это проникнуто глубокою и трогательною поэзіей.

„Ясные дни миновали и Марусѣ опять стало хуже“, читаемъ мы на послѣднихъ страницахъ разсказа.—„На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими, потемнѣвшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить въ подземелье свои игрушки, но и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

„У Сони была большая кукла, съ ярко раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами,—подарокъ покойной матери. На эту куклу я возлагалъ большія надежды, и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллейку сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и обѣщала въ теченіе двухъ, трехъ дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о куклѣ.

„Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу больную превзошло всѣ мои ожиданія. Маруся, которая увядала, какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая съ своею новою знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая съ постели, стала ходить, водя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, попрежнему шлепая по полу слабыми ногами.

„За то мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь

съ нею на гору, въ дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой. Потомъ, дня черезъ два, старушка-нянька замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызвала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще бо́льшимъ гнѣвомъ; однако въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой калиткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ четыре дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

„На горѣ дѣла опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже: лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокурые волосы раскидались по подушкѣ; она никого не узнавала. Рядомъ съ ней лежала злополучная кукла, съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

„Я сообщилъ Валеку свои опасанія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе, что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ лежавшей въ забытьи дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла предъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ ней происходитъ, и вдругъ заплакала тихо, тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, и въ исхудаломъ лицѣ, подъ покровомъ бреда, мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишить моего маленькаго друга первой и послѣдней радости ея недолгой жизни.

„Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

„— Какъ же теперь будетъ? спросилъ онъ грустно.

„Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренною головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ по возможности безпечный и сказалъ:

„— Ничего! Нянька, навѣрное, ужь забыла.“

Но нянька не позабыла. Исчезновеніе куклы, сплетни Януша, все это вмѣстѣ взятое заставило даже „пана-судью“ заподозрить

что тутъ есть что то неладное. По поводу исчезнувшей куклы и произошла сцена между отцомъ и сыномъ, о которой я уже упоминалъ—сцена, прерванная приходомъ Тыбурція, принесшаго куклу, а также и извѣстіе о смерти Маруси. Тыбурцій тутъ же, уведя „пана-судью въ другую комнату, разсказалъ ему трогательную исторію отношеній его маленькаго сына къ „дурному обществу".

„Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ дверь кабинета отворилась, и оба собесѣдника вошли. Я опять почувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ. То была руку отца, нѣжно гладившаго мои волосы.

„Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ, въ присутствіи отца, къ себѣ на колѣни.

„— Приходи къ намъ, сказалъ онъ,—отецъ тебя отпуститъ попрощаться съ моею дѣвочкой. Она... она умерла.

„Голосъ Тыбурція дрогнулъ, онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

„Я вопросительно поднялъ глаза на отца. Теперь передо мной стоялъ другой человѣкъ, но въ этомъ именно человѣкѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ своимъ задумчивымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлся оттѣнокъ удивленія и какъ-будто вопросъ. Казалось, буря, которая только что пронеслась надъ нами обоими, разсѣяла тяжелый туманъ, нависшій надъ душой отца, застилавшій его добрый и любящій взглядъ... и отецъ только теперь сталъ узнавать во мнѣ знакомыя черты своего роднаго сына.

„Я довѣрчиво взялъ его руку и сказалъ:

„— Я вѣдь не укралъ... Соня сама дала мнѣ на время...

„— Д-да, отвѣтилъ онъ задумчиво,—я знаю... Я виноватъ предъ тобою, мальчикъ, и ты постараешься когда-нибудь забыть это, не правда ли?

„Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми страшными глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже его не боялся.

„— Ты отпустишь меня теперь на гору? спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашеніе Тыбурція.

„— Д-да... Ступай, ступай, мальчикъ, попрощайся... ласково проговорилъ онъ все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнія въ голосѣ.—Да, впрочемъ, постой... пожалуста, мальчикъ, погоди немного.

„Онъ ушелъ въ свою спальню и, чрезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

„— Передай это... Тыбурцію... Скажи, что я покорнѣше прошу его... понимаешь?.. покорнѣйше прошу взять эти деньги... отъ тебя... Ты понялъ?.. Да еще скажи, добавилъ отецъ, какъ будто колеблясь,—скажи, что если онъ знаетъ одного тутъ... Ѳедоровича, то пусть скажетъ, что этому Ѳедоровичу лучше уйти изъ нашего города. Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

„Я догналъ Тыбурція уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученіе отца.

„— Покорнѣйше проситъ... отецъ... и я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги.

„Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ и мрачно выслушалъ дальнѣйшее порученіе относительно Ѳедоровича.

„Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ, лежала Маруся. Слово смерть не имѣетъ еще полнаго значенія для дѣтскаго слуха, и горькія слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая пріятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытые глаза слегка ввалились и еще рѣзче оттѣнились синевой. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженіемъ дѣтской печали.

„Профессоръ стоялъ у изголовья и безучастно качалъ головой. Штыкъ-юнкеръ стучалъ въ углу топоромъ, готовя, съ помощью нѣсколькихъ темныхъ личностей, гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Лавровскій, трезвый, съ выраженіемъ полнаго сознанія, убиралъ Марусю собранными имъ самимъ осенними цвѣтами. Валекъ спалъ въ углу, вздрагивая сквозь сонъ всѣмъ тѣломъ, и по временамъ нервно всхлипывалъ.“

Вскорѣ „Тыбурцій и Валекъ совершенно неожиданно исчезли, и никто не могъ сказать, куда они направились теперь, какъ никто не зналъ откуда они пришли въ нашъ городъ“.

Что можно прибавить къ этимъ прекраснымъ страницамъ—а изъ такихъ страницъ состоитъ весь разсказъ *Въ дурномъ обществѣ*— что можно сказать о нихъ? Такія страницы свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ чувствуетъ и понимаетъ то, безъ чего невоз-

можно человѣчное отношеніе къ дѣйствительности, а слѣдовательно невозможно и художественное ея изображеніе; чувствуетъ и понимаетъ то, о чемъ говоритъ король Лиръ въ своемъ чудномъ монологѣ:

.... Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу,
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно,
Одѣнь его въ лохмотья, и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломенки пигмея...

Но такого чувства, такого пониманія еще недовольно. Это пониманіе покажетъ только, что въ жизни все спутано, все несовершенно,—что часто топчется въ грязь достойное уваженія, а возносится достойное презрѣнья, что въ душѣ блудницы и уличнаго вора чище сохранился образъ божества, нежели въ душѣ добродѣтельнаго фарисея; это большой шагъ, но все же лишь первый шагъ къ пониманію того, что часто „хорошее предъ людьми есть мерзость предъ Богомъ.“ Но и такого пониманія, котораго во всемъ его объемѣ нѣтъ у нашего автора, опять таки недовольно; и такому пониманію все-таки поддаются не всѣ сюжеты, не всѣ коллизіи, создаваемыя жизнью, не всѣ противорѣчія идеала съ дѣйствительностью. Иныя противорѣчія для своего разрѣшенія требуютъ болѣе глубокого, обширнаго и разносторонняго пониманія жизни и ея условій, души человѣческой вообще и своей души въ частности.

Когда намъ придется коснуться слабыхъ сторонъ дарованія г. Короленко, мы, разбирая нѣкоторыя его произведенія, еще возвратимся къ этимъ, здѣсь лишь кратко высказаннымъ мыслямъ, теперь же обратимся къ тѣмъ его разсказамъ, которые по своему тону какъ бы примыкаютъ къ эпизоду, озаглавленному *Въ дурномъ обществѣ*.

V.

На „святочномъ разсказѣ“ *Сонъ Макара* намъ придется остановиться пристальнѣе, потому что въ этомъ разсказѣ съ особенною ясностью сказалась способность нашего автора къ творчеству *объективному* (мы особенно просимъ читателя именно теперь припомнить то, что въ началѣ этой статьи было сказано

нами объ этихъ выраженіяхъ *субъективный* и *объективный* въ примѣненіи ихъ къ художественному творчеству).

Герой разсказа мужикъ Макаръ, сибирскій поселенецъ.

„Но пока отцы и дѣды Макара воевали съ тайгой, жгли ее огнемъ, рубили желѣзомъ, сами они незамѣтно дичали“ разсказываетъ авторъ. „Женясь на Якуткахъ, они перенимали якутскій языкъ и якутскіе нравы. Характеристическія черты великаго русскаго племени стирались и исчезали.

„Какъ бы то ни было, все же мой Макаръ твердо помнилъ, что онъ коренной чалганскій крестьянинъ. Онъ здѣсь родился, здѣсь жилъ, здѣсь же предполагалъ умереть. Онъ очень гордился своимъ званіемъ и иногда ругалъ другихъ „погаными Якутами“, хотя, правду сказать, самъ не отличался отъ Якутовъ ни привычками, ни образомъ жизни. По-русски онъ говорилъ мало и довольно плохо, одѣвался въ звѣриныя шкуры, носилъ на ногахъ „торбасы“, питался въ обычное время одною лепешкой съ настоемъ кирпичнаго чая, а въ праздники и въ другихъ экстренныхъ случаяхъ съѣдалъ топленаго масла именно столько, сколько стояло передъ нимъ на столѣ. Онъ ѣздилъ очень искусно верхомъ на быкахъ, а въ случаѣ болѣзни призывалъ шамана, который, бѣснуясь, со скрежетомъ кидался на него, стараясь испугать и выгнать изъ Макара засѣвшую хворь.

„Работалъ онъ страшно, жилъ бѣдно, терпѣлъ голодъ и холодъ. Были ли у него какія-нибудь мысли, кромѣ непрестанныхъ заботъ о лепешкѣ и чаѣ? Да, были.

„Когда онъ бывалъ пьянъ, онъ плакалъ. „Какая наша жизнь, говорилъ онъ,—Господи Боже!“ Кромѣ того, онъ говорилъ иногда, что желалъ бы все бросить и уйти „на гору“. Тамъ онъ не будетъ ни пахать, ни сѣять, не будетъ рубить и возить дровъ, не будетъ даже молоть зерно на ручномъ жерновѣ. Онъ будетъ только спасаться. Какая это гора, гдѣ она—онъ точно не зналъ; зналъ только, что гора эта есть, вопервыхъ, а, вовторыхъ, что она гдѣ-то далеко—такъ далеко, что оттуда его нельзя будетъ добыть самому тойону-исправнику... Податей платить, понятно, онъ также не будетъ...

„Трезвый онъ оставлялъ эти мысли, быть-можетъ, сознавая невозможность найти такую чудную гору; но пьяный становился отважнѣе. Онъ допускалъ, что можетъ не найти настоящую гору и попасть на другую. „Тогда пропадать буду“, говорилъ онъ, но все-таки собирался; если же не приводилъ этого намѣренія въ

исполненіе, то, вѣроятно, потому, что поселенцы-татары продавали ему всегда скверную водку, настоенную для крѣпости на махоркѣ, отъ которой онъ вскорѣ впадалъ въ безсиліе и становился боленъ."

Таковъ былъ Макаръ, душу котораго обнажаетъ передъ нами авторъ. Не легко было сдѣлать это. Чтобы мы повѣрили въ душу Макара, надо было заставить насъ сжиться съ нимъ, надо было заставить насъ привыкнуть къ нему, полюбить его; надо было обратить наше вниманіе на Макара, заинтересовать насъ имъ, его личностью, его убогою и на видъ такою безцвѣтною жизнью. А для этого, конечно, надо было самому автору сжиться съ Макаромъ, полюбить его. Надо было въ чувствахъ этого полудикаго человѣка отыскать родственныя самому автору чувства, надо было отыскать въ мысляхъ его родственное съ мыслями автора; надо было пережить рядъ впечатлѣній, до тѣхъ поръ чуждыхъ автору, привести эти пережитыя впечатлѣнія въ гармонію со своимъ міросозерцаніемъ, отнестись къ этимъ пережитымъ впечатлѣніямъ искренно и правдиво. Но и достигнувши всего этого, трудно было обнажить передъ нами душу этого Макара, взятаго въ его обыкновенной обстановкѣ, среди привычнаго ему склада жизни, однообразнаго и безцвѣтнаго, не дающаго возможности выразиться вполнѣ душѣ одичалаго Макара. Можетъ ли вспыхнуть, можетъ ли разгорѣться среди обыкновенной обстановки тлѣющая гдѣ-то въ глубинѣ этой души искра— а вѣдь это-то и нужно подсмотрѣть и показать читателю. Какую коллизію, не противорѣчащую дѣйствительности окружающей Макара, можно придумать для того, чтобы „вышли наружу" всѣ изгибы души этого одичалаго человѣка? Г. Короленко вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія, давши въ своемъ разсказѣ большое мѣсто фантазіи; онъ рѣшился разсказать и показать въ образахъ то, чего онъ не могъ видѣть и наблюдать, что̀ онъ могъ лишь угадать, во что онъ могъ лишь „проникнуть" силой мысли, чувства и воображенія. Это одинъ изъ труднѣйшихъ пріемовъ. Отдаться полету фантазіи, не рискуя впасть въ неестественность, въ преувеличенность, въ фантастичность, употребляя это слово въ дурномъ его смыслѣ — отдаться полету фантазіи можно лишь имѣя подъ ногами твердую почву дѣйствительности: имѣя почву въ знаніи души человѣческой вообще, и души изображаемаго лица въ частности. Трудно изобразить человѣка, перенеся его въ выдуманную обстановку; для этого нужно настолько

знать его душу, чтобы безошибочно предсказать каждое движеніе этой души при воздѣйствіи на нее тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ; но еще труднѣе угадывать эти душевныя движенія, перенеся человѣка, заставивъ его жить, мыслить, чувствовать среди обстановки рѣшительно фантастической. Къ этому пріему и прибѣгъ г. Короленко, но не по прихоти, а по необходимости, какъ мы указывали выше. Нужно было сильнѣйшее воздѣйствіе, чтобы могло сказаться все тлѣющее въ глубинѣ души одичалаго Макара. Такую именно обстановку и выдумалъ авторъ. Макаръ умеръ; въ сопровожденіи попика Ивана онъ идетъ на судъ къ великому Тайону; и вотъ на этомъ-то судѣ вся душа Макара обнажается передъ нами. Авторъ воспользовался смѣсью якутскихъ легендъ о загробной жизни съ христіанскими представленіями—смѣсью, которая и составляетъ религіозное міросозерцаніе объякутившагося Макара. Все, что онъ слышалъ въ церкви, и что онъ мало понималъ, а постигалъ лишь душой своей, все, что онъ слышалъ отъ попика Ивана, что онъ слышалъ „о горѣ“, на которой можно „спастись“ — все это, перемѣшавшись съ якутскими легендами, создало тѣ оригинальныя религіозныя представленія, которыми г. Короленко воспользовался для своего разсказа. Характеръ Макара выдержанъ во всемъ разсказѣ превосходно. Какимъ авторъ рисуетъ его при жизни,—наивнымъ и непосредственнымъ въ добрѣ и злѣ, безсознательно добрымъ и безсознательно порочнымъ, такимъ онъ является и въ загробномъ мірѣ. Только тамъ, мало-по-малу, въ душѣ дикаря обнажаются все новыя черты, ни мало не противорѣчащія его земному характеру, но обнаруживающія дѣйствительную сущность этой души. И вотъ, фигуры этихъ новыхъ Данта и Виргилія, посѣщающихъ загробный міръ,—фигура этого Макара и сопровождающаго его „по мытарствамъ“, а потомъ на судъ попика Ивана, являются столь трогательными, столь прекрасными въ своей непосредственной наивности, столь правдиво изображенными, что исторгаютъ у читателя невольныя слезы, и онъ плачетъ такъ же, какъ заплакалъ самъ „старый Тайонъ“, слушая повѣствованіе „бѣдняги“ Макара о томъ, какъ онъ бѣдствовалъ и что онъ претерпѣлъ на землѣ. Трогательное впечатлѣніе еще усиливается потому, что авторъ въ своемъ *фантастическомъ* разсказѣ ни на одну черту не отступаетъ отъ реальной правды, — фантазія же служитъ ему лишь для того, чтобъ

еще глубже, еще ярче изобразить эту реальную правду. Читатель чувствуетъ, что и Макаръ и попикъ Иванъ не могли бы иначе говорить и дѣйствовать, представши на судъ „великаго Тайона“, нежели какъ они говорятъ и дѣйствуютъ въ разсказѣ г. Короленко.

Именно эта художественность изображенія придаетъ разсказу глубокій смыслъ и значеніе. Обнажая передъ нами душу объякутившагося Макара, авторъ своимъ изображеніемъ показываетъ, какъ свѣтъ Христовъ, несмотря ни на что, все же не потухъ въ этой душѣ; какъ этотъ свѣтъ Христовъ, пройдя черезъ всѣ наслоенія грубости, дикости, наивной порочности, языческихъ суевѣрій и невѣжества, все же проникъ въ эту душу, сохранилъ въ ней все то наивно-доброе, что въ ней было, далъ этому безформенному добру опредѣленныя формы; какъ этотъ свѣтъ Христовъ бѣднаго, невѣжественнаго, полудикаго Макара поднялъ на такую нравственную высоту, до какой не достигаютъ „премудрые и разумные“, въ душѣ которыхъ погасъ этотъ вѣчный свѣтъ... А между тѣмъ, какъ и откуда одичалому человѣку свѣтила правда Христова, ему, невѣжественному, неграмотному, темному, опутанному и нуждой, и голодомъ и нелѣпыми предразсудками? Откуда свѣтилъ ему этотъ свѣтъ?

Да только изъ этой, заброшенной среди тайги церкви, гдѣ онъ бывалъ по великимъ праздникамъ, гдѣ онъ мало что и понималъ изъ того, что тамъ поютъ и читаютъ, но гдѣ все-таки, невѣдомо для него самого, невѣдомыми и намъ путями лучъ свѣта Христова проникъ въ его душу. И вотъ почему ему стало „стыдно и страшно“, когда стоя передъ лицомъ „Тайона“, готоваго судить его, „онъ вспоминалъ всю свою жизнь до послѣднихъ подробностей, вспомнилъ каждый свой шагъ, и каждый ударъ топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обманъ, и каждую выпитую рюмку водки“...

Разсказъ г. Короленко ярко освѣщаетъ передъ нами все безконечное значеніе этой бѣдной, ветхой деревянной церкви, заброшенной среди тайги, съ любящимъ выпить добродушнымъ попикомъ Иваномъ, этой бѣдной церкви, гдѣ служатъ въ холщевыхъ ризахъ, гдѣ и изъ церковныхъ книгъ, быть-можетъ, есть всего на всего Евангеліе, да требникъ, да кое-какіе, присланные изъ Россіи старые „обиходы“ въ ободранныхъ переплетахъ, съ истлѣвающими листами. Но крестъ Распятаго и Воскресшаго, во-

друженный и здѣсь, свѣтитъ далеко вокругъ, и свѣтъ Его проникаетъ въ души этихъ тысячъ и десятковъ тысячъ Макаровъ, и будитъ въ нихъ „стыдъ и страхъ" и не даетъ имъ окончательно заглохнуть среди дикаго невѣжества, нужды и голода... Таковъ прекрасный, трогательный и глубокій смыслъ фантастическаго разсказа г. Короленко, разсказа, который достоинъ быть поставленъ на ряду со всѣмъ лучшимъ, что создавала наша художественная литература..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ю. Николаевъ.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Распространеніе сознанія церковнаго единства, какъ условіе развитія церковной жизни.—Къ вопросу о старокатолицизмѣ.—Хроника.

Самымъ крупнымъ событіемъ нашей церковной жизни въ минувшемъ 1892 году было празднованіе 500-лѣтія со дня блаженной кончины Преподобнаго Сергія. Празднованіе это имѣетъ для насъ важное значеніе съ двоякой стороны: прежде всего какъ церковное торжество, соединенное съ воспоминаніемъ государственныхъ заслугъ великаго предстателя за Русскую землю, а затѣмъ какъ внѣшнее выраженіе той духовной силы Русскаго народа, которая создала историческую Русь. Много говорили о значеніи для насъ Преподобнаго Сергія и его дѣла; но нельзя пройти безъ вниманія мимо грандіознаго величія той *внѣшней формы,* въ которой выразилось чествованіе Преподобнаго.

Чествованіе это было всенародное; и въ томъ именно смыслѣ, что въ этомъ дѣлѣ слились вмѣстѣ единодушно люди всѣхъ сословій, состояній, званія, степени образованія, положенія. Тутъ было полное единеніе всѣхъ въ одномъ дивномъ хорѣ общенароднаго прославленія угодника Божія, и это *единеніе* было высшимъ и яркимъ выраженіемъ нашей церковной жизни, выраженіемъ оставившимъ, несомнѣнно, очень глубокіе слѣды.

Бываютъ годины въ исторической жизни народа, когда какія-либо обстоятельства возбуждаютъ особенный подъемъ духа; тогда пробуждается историческое самосознаніе народа, и каждый гражданинъ тогда живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ себя членомъ одной семьи—одного государства. Общій подъемъ духа тогда заставляетъ невольно каждаго члена государства совершать высшіе подвиги мужества, какіе въ обыкновенное время невозможны.

Такія годины бываютъ и въ церковной жизни народа. Переживаемый тогда высокій подъемъ религіознаго чувства дѣйству-

етъ возбуждающимъ образомъ на *церковное самосознаніе* каждаго отдѣльнаго члена Церкви и заставляетъ его живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовать свое *единство* со всѣми;—а это въ свою очередь дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на дѣятельность его, какъ члена Церкви. Такія годины бываютъ не часто: къ числу ихъ принадлежитъ чествованіе памяти Преподобнаго Сергія въ минувшемъ году. Возбужденіе во всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ торжествѣ чувства *единства* со всѣми, сознанія себя живымъ членомъ Церкви—было однимъ изъ благихъ результатовъ этого празднованія. Это имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что чувство это не мимолетно и, если съ теченіемъ времени теряетъ свою напряженность, то все-таки оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ церковной жизни народа.

Развитіе церковнаго сознанія въ каждомъ отдѣльномъ членѣ Церкви, то-есть чувства единства со всѣми, чувства живой связи со всѣми братьями во Христѣ—есть самое главное условіе для развитія церковной жизни.—Оттого въ первые дни христіанства, когда сознаніе единства было такъ дѣйственно, церковная жизнь била живымъ ключемъ и приносила такіе богатые плоды. Теперь же, если такъ часто мы встрѣчаемся въ печати съ вопросами—какъ оживить приходъ, какъ поднять церковную жизнь, то, конечно, только потому, что въ каждомъ изъ насъ ослабло церковное сознаніе, что мы перестали чувствовать себя живыми членами Церкви. Это относится одинаково и къ пастырямъ и къ мірянамъ.

Отсутствіе живаго церковнаго сознанія въ человѣкѣ обусловливаетъ собой его чисто пассивное, формальное отношеніе къ своему дѣлу и къ ближнимъ. Пастырь *такого* типа можетъ быть даже очень ревностнымъ требоисполнителемъ, но и только; всего, что̀ выходитъ изъ рамокъ формальныхъ обязанностей, отъ него ожидать нельзя; онъ не сдѣлается центромъ своего прихода, не вдохнетъ въ него душу живую. *Такой* же мірянинъ можетъ быть лично даже очень благочестивымъ человѣкомъ; онъ исполняетъ всѣ свои религіозныя обязанности неуклонно: постится, въ церковь ходитъ, свѣчи ставитъ и т. д., но въ это же время можетъ хладнокровно смотрѣть на бѣдствія своихъ ближайшихъ собратій по приходу и даже зачастую быть причиной этихъ бѣдствій. Церковная жизнь при *такихъ* условіяхъ сводится до minimum'a, такъ какъ она есть результатъ нашего сознанія единства и взаимнаго братства во Христѣ. И только въ великія годины подъема

духа, когда великое бѣдствіе или торжество пробудятъ наше сознаніе, тогда мы всѣ чувствуемъ свою взаимную связь и соединяемся въ одинъ общенародный, величественный хоръ.

Есть обычай—въ Новый Годъ высказывать свои пожеланія. Мы со своей стороны отъ души желаемъ, чтобы въ этомъ году все больше и больше пробуждалось наше церковное сознаніе, чтобы мы яснѣе чувствовали себя живыми членами Церкви Христовой, чувствовали бы живую связь членовъ одного организма. Будетъ это—будетъ тогда и церковная жизнь быстро развиваться и поражать насъ богатствомъ своего содержанія и внѣшнихъ формъ. Будетъ это—не будутъ страшны для насъ никакіе враги Церкви—внѣшніе и внутренніе, потому что сила тамъ, гдѣ единство.

* * *

Минувшій годъ оставилъ намъ наслѣдство въ видѣ вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ старокатоликамъ.

Старокатолицизмъ насчитываетъ уже двадцать лѣтъ своего существованія. За это время наши сношенія со старокатоликами, начавшись съ 1872 года, нѣсколько разъ прекращались и снова возобновлялись. До послѣдняго года эти сношенія имѣли случайный характеръ, и вообще старокатоликами интересовались у насъ очень немногія лица; въ прошломъ году интересъ къ старокатоликамъ возросъ, благодаря конгрессу ихъ, бывшему въ Люцернѣ 1—3 сентября.

Какъ извѣстно, старокатолическое движеніе возникло съ того времени, какъ римская Церковь провозгласила догматъ папской непогрѣшимости. Эта доктрина не была принята всѣми католиками. Нѣкоторые отдѣлились и образовали особое общество, назвавшись старокатоликами. Съ самаго же начала старокатолики поставили себѣ цѣлью не только возвращеніе къ ученію древней нераздѣленной Церкви, но и другія болѣе широкія задачи. Въ объявленіи, приглашавшемъ всѣхъ на Люцернскій конгрессъ, мы находимъ такую формулировку этого вопроса: „старокатолицизмъ не есть только протестъ противъ новыхъ ватиканскихъ догматовъ и въ частности противъ папской непогрѣшимости; онъ есть еще и возвратъ къ истинному каѳоличеству древней, единой и нераздѣленной Церкви посредствомъ устраненія пов止режденій, содержащихся въ папской и іезуитской церковной системѣ,—и еще болѣе того: онъ есть также призывъ, обращенный ко всѣмъ христіанскимъ Церквамъ, съ цѣлію уста-

новить единство на древнемъ христіанскомъ основаніи". Послѣдняя задача слишкомъ широка и непосильна не для однихъ только старокатоликовъ; но въ виду этой задачи старокатолики съ самаго начала вошли въ самыя дружескія сношенія съ инославными обществами Запада: съ утрехтцами, отъ которыхъ получили себѣ епископа, съ англиканами и протестантами. Эти сношенія зашли такъ далеко, что превратились даже въ *фактическую унію* старокатоликовъ съ англиканами; въ послѣднее время старокатолики стали допускать общеніе съ ними въ таинствахъ. Это усложнило дѣло старокатолицизма, затормозило его правильное развитіе и охладило къ нему симпатіи многихъ.

На второмъ конгрессѣ старокатоликовъ въ Люцернѣ 1—3 сентября минувшаго года профессоръ Фридрихъ, въ своей рѣчи о сущности старокатолицизма, напомнивъ, что старокатолики стремятся къ цѣлямъ положительнымъ, къ сближенію съ другими Церквами, въ особенности съ Церквами Востока, предложилъ просить епископовъ Германіи, Швейцаріи и Голландіи войти въ оффиціальныя сношенія съ этими Церквами. Присутствовавшій на конгрессѣ протопресвитеръ І. Янышевъ счелъ долгомъ заявить, что, по его мнѣнію, *оффиціальныя* сношенія съ церковными властями со стороны старокатоликовъ еще рановременны; мы еще недостаточно для этого взаимно ознакомились. Поэтому отецъ протопресвитеръ предложилъ: пусть представители Восточной Церкви и старокатолическіе епископы предварительно снесутся между собой *частнымъ образомъ* и о результатѣ этихъ сношеній сообщатъ слѣдующему старокатолическому конгрессу; тогда будетъ видно, можно ли приступить къ оффиціальнымъ сношеніямъ съ восточными церковными властями.

Предложеніе это было единогласно принято и теперь приводится въ исполненіе. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что въ Петербургѣ въ настоящее время составляется коммиссія по старокатолическому вопросу, который будетъ подвергнутъ спеціальному и всестороннему научно-богословскому разсмотрѣнію. Предсѣдателемъ ея будетъ преосвященный Антоній, архіепископъ Финляндскій, а въ члены ея намѣчены: протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, каѳедральный протоіерей и редакторъ *Синодскихъ Церковныхъ Вѣдомостей* П. А. Смирновъ, законоучитель пажескаго корпуса прот. П. А. Лебедевъ, настоятель Казанскаго собора прот. А. А. Лебедевъ и четыре профессора Духовной Академіи. По мѣрѣ надобности въ коммиссію предполагается

приглашать и другихъ знатоковъ даннаго вопроса изъ профессоровъ Духовной Академіи и заграничнаго духовенства.

По отношенію къ старокатолицизму намъ приходилось встрѣчаться съ двумя противоположными богословскими взглядами. Нѣкоторые относятся къ старокатоликамъ нѣсколько предубѣжденно и рѣшительно утверждаютъ, что старокатолицизмъ утратилъ безповоротно всякую возможность къ сближенію съ Православною Церковью. Другіе, наоборотъ, видятъ въ старокатолицизмѣ ничто иное, какъ православіе западнаго обряда, и потому возможность соединенія старокатоликовъ съ Церковью для нихъ несомнѣнна и находится въ зависимости якобы *только* отъ нашего согласія. И тотъ и другой взглядъ намъ кажется слишкомъ одностороннимъ. Къ старокатоликамъ нельзя относиться, какъ къ установившемуся обществу, въ родѣ англиканъ или протестантовъ, но нельзя ихъ признать православными въ настоящее время, пока они не признали авторитета Православной Церкви. Старокатолики находятся на перепутьи; могутъ пойти они по ложной дорогѣ и дойти до протестанства или англиканства, но могутъ вступить и на прямую дорогу. Наша обязанность, нашъ долгъ вывести ихъ на эту дорогу и помочь имъ разобраться въ запутанномъ положеніи. И отъ этого долга мы не можемъ отрекаться.

Поэтому желательно, чтобы на старокатолическій вопросъ было пролито какъ можно болѣе свѣта, чтобъ ничего неяснаго или неопредѣленнаго здѣсь не было; малѣйшее заблужденіе здѣсь можетъ повести къ страшнымъ послѣдствіямъ. Желательно, чтобы всѣ наши богословскія силы высказались по этому вопросу ясно и открыто. Не менѣе желательно, поэтому, чтобы, насколько это возможно, труды петербургской коммиссіи не были тайной и чтобы хоть общая постановка вопросовъ тамъ была извѣстна въ печати.

Затѣмъ при обсужденіи старокатолическаго вопроса въ печати—исходнымъ пунктомъ и основаніемъ нашихъ разсужденій должны быть интересы Восточной Православной Церкви и ничего болѣе. Никакія страсти, никакія симпатіи, а тѣмъ болѣе политическіе мотивы не должны заслонять собою нашей любви къ Единой Православной Церкви и сыновняго послушанія ей. Тогда только всѣ наши добрыя стремленія приведутъ къ благому результату. Къ сожалѣнію, не всегда этотъ принципъ соблюдается. Часто приходится встрѣчаться въ разсужденіяхъ о

необходимости соединенія со старокатоликами съ различными побочными соображеніями въ родѣ важности этого дѣла для западныхъ Славянъ или для нашихъ западно-русскихъ католиковъ. Всѣ эти указанія способны, намъ кажется, только затемнить вопросъ. Очень прискорбно, когда къ церковному дѣлу припутываются политическія соображенія или симпатіи.

* * *

Въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* за прошлый годъ мы уже сообщали объ успѣхахъ православія въ С. Америкѣ, благодаря энергичной дѣятельности мѣстнаго преосвященнаго Николая. Успѣхи эти растутъ необычайно быстро. По послѣднимъ извѣстіямъ *Московскихъ Вѣдомостей* изъ С. Франциско епископъ Николай 3-го декабря (н. с.) получилъ прошеніе отъ 600 уніатовъ изъ Словаковъ и галицкихъ Русскихъ, живущихъ въ городѣ Вилькисбёрѣ, штата Пенсильваніи, о принятіи ихъ въ лоно Православной Церкви; причемъ приложены документы на владѣніе церковью, приходскимъ домомъ, школою и кладбищемъ — всего на сумму въ 10.000 долларовъ, переданы также и ключи отъ всѣхъ этихъ зданій. Городъ Вилькисбёръ можно считать центральнымъ мѣстомъ всѣхъ русскихъ уніатовъ Америки, которыхъ остается тутъ еще болѣе тысячи человѣкъ. Рѣшеніе ихъ собратовъ произвело доброе впечатлѣніе на послѣднихъ, и епископъ Николай увѣренъ, что и они обратятся въ православіе, когда откроется тамъ православно-богословская миссія.

* * *

Митрополитъ Сербскій Михаилъ вмѣстѣ съ тремя епископами обратился въ первый день Рождества Христова къ духовенству сербской Церкви съ посланіемъ, въ которомъ очень ясно и просто раскрываетъ всю глубину зла распространеннаго теперь вездѣ безбожія и призываетъ духовенство къ энергичной борьбѣ съ этимъ зломъ.

„Когда въ извѣстное время, гласитъ посланіе, возникаетъ борьба, ссора, ненависть и обоюдное недовѣріе, и съ каждымъ днемъ уменьшается взаимная любовь и единодушіе, когда слабѣютъ и забываются добродѣтели, а крѣпнетъ и усиливается зло: тогда часто появляется иная напасть, иное зло, послѣдствія котораго ещо болѣе гибельны и могутъ повредить національнымъ интересамъ сербскаго народа, унизить сербское имя и ослабить

святую вѣру православную, въ которой заключается спасеніе. Это величайшее зло есть атеизмъ—безбожіе, которое распространяютъ и о которомъ не только говорятъ, но и пишутъ безбожники и отступники въ своихъ брошюрахъ, составляющихъ произведенія болѣзненнаго мозга и испорченнаго сердца. Эти люди изъ всѣхъ силъ стараются подорвать основы догматической истины, а болѣе всего стремятся своею казуистикою отвергнуть безспорную истину—существованіе Бога. Дерзко извращая и отравляя какъ нравственность, такъ и умы неискусныхъ и неопытныхъ юношей, которыхъ нарочно стараются ввести въ заблужденіе и совратить не только ихъ умъ, но и сердце съ истиннаго пути, и при этомъ пропитывая ихъ ложью и отвращая отъ возвышенныхъ и спасительныхъ началъ истиннаго ученія Господа Іисуса Христа, они мало-по-малу отчуждаютъ юныя сердца отъ святой православной вѣры, которая есть единственное спасеніе для сербскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ основа его существованія, счастія и единственный источникъ духовнаго и культурнаго обновленія и будущаго развитія". Для борьбы съ этимъ пагубнымъ зломъ безбожія сербскіе іерархи въ своемъ посланіи рекомендуютъ духовенству слѣдующія мѣры: „1) духовенство должно обратить серьезное вниманіе на своихъ прихожанъ и разузнать, не имѣетъ ли кто изъ нихъ по незнанію или умышленно какую-нибудь атеистическую книгу, и если кто имѣетъ, то таковаго пастырскими средствами склонять къ уничтоженію книги, какъ весьма вредной для нравственности и вѣры, или же книгу отбирать и доставлять мѣстному архіерею; 2) каждый священникъ въ своей средѣ долженъ предостерегать тѣхъ учителей, у которыхъ онъ найдетъ подобныя книги, чтобы уничтожили ихъ, какъ зло, которое можетъ наивныхъ и простыхъ людей довести до тягчайшаго грѣха — до богоотступничества; 3) законоучители должны обратить особенное вниманіе на ввѣренную имъ школьную молодежь среднихъ учебныхъ заведеній, должны предохранять юношей отъ чтенія вредныхъ книгъ, которыя богоотступники охотнѣе всего распространяютъ между учениками, отравляя этимъ ихъ невинныя сердца; 4) протоіереи и намѣстники монастырей, равно какъ и игумены монастырскіе должны обращать вниманіе на то, дѣйствительно ли священники и іеромонахи добросовѣстно исполняютъ свой долгъ; не появлялся ли въ какомъ-нибудь приходѣ врагъ святой вѣры, Церкви и отечества, который бы старался свои ядовитыя и разрушительныя мысли

распространять въ народѣ, и дѣйствительно ли такого наставляли и остерегали, чтобы онъ отсталъ отъ своей дѣятельности. Если богоотступникъ не послушаетъ пастыря, то о немъ нужно немедленно доложить епархіальному епископу; 5) если священники замѣтятъ, что въ ихъ приходахъ распространяются безбожныя идеи, то должны посредствомъ церковнаго собесѣдованія предостеречь народъ отъ ядовитыхъ мудрованій безбожниковъ, указать на спасительное ученіе Господа нашего Іисуса Христа и этимъ ученіемъ воодушевлять и согрѣвать въ прихожанахъ любовь къ святой Церкви.“ Посланіе заканчивается обращеніемъ къ патріотическому чувству сербскихъ священниковъ. (Церков. Вѣстн. № 52).

Зло безбожія распространяется повсюду въ равной степени, и въ Сербіи не болѣе, чѣмъ у насъ, въ Россіи. Поэтому большаго вниманія съ нашей стороны заслуживаетъ приведенное посланіе сербскихъ іерарховъ и особенно тѣ мѣры, кои предлагаются ими для борьбы со зломъ. Мѣры эти заключаются не въ противодѣйствіи отвлеченному ученію безбожниковъ или еретиковъ, не въ критикѣ этого ученія, а *въ непосредственномъ и личномъ воздѣйствіи приходскаго пастыря на находящагося въ его приходѣ безбожника или еретика.* Путь этотъ наиболѣе вѣренъ, простъ, скорѣе приводитъ къ цѣли, а потому и наиболѣе желателенъ.

Новое Время сообщаетъ, что Св. Синодъ предполагаетъ принять слѣдующія мѣры для распространенія грамотности среди населенія: учредить въ каждомъ уѣздѣ двѣ или болѣе двухклассныя церковно-приходскія школы, съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства, для приготовленія учителей въ школы грамоты; построить въ отдаленныхъ отъ церквей деревняхъ избы для школъ грамоты по планамъ и смѣтамъ, составленнымъ по соглашенію мѣстныхъ епархіальныхъ совѣтовъ съ земскими управами; установить ежегодное ассигнованіе изъ земскихъ средствъ пособій школамъ грамоты въ размѣрѣ 25—100 р. смотря по мѣстнымъ средствамъ и потребностямъ, и снабдить означенныя школы руководствами отъ училищнаго при Св. Синодѣ совѣта, который озаботится издать спеціально для школы грамоты доступные по содержанію и цѣнѣ учебники и учебныя пособія.

—ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Смѣна стараго года новымъ и новогоднія думы, надежды и пожеланія.—Западная Европа и Россія на рубежѣ новаго года.—Въ чемъ сила Руси?—Царская телеграмма.—Циркуляръ гг. начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Итакъ совершилось... Старый годъ отбылъ положенный ему срокъ, сдѣлалъ все, что̀ надлежало ему сдѣлать, и тихо, незамѣтно, на безшумныхъ, невидимыхъ крыльяхъ отлетѣлъ въ область невозвратнаго прошедшаго... Его мѣсто уже занялъ интересный и загадочный незнакомецъ, прибывшій столь же таинственнымъ и сверхъестественнымъ образомъ...

Конечно, если всмотрѣться попристальнѣе, то эта смѣна одного года другимъ окажется явленіемъ вполнѣ естественнымъ и обыкновеннымъ, даже болѣе того — явленіемъ совершенно условнымъ, то-есть въ дѣйствительности не существующимъ или, если хотите, существующимъ постоянно, то-есть въ каждое данное мгновеніе совершающимъ свое обычное, мѣрное, неизмѣнное теченіе и лишь такъ, для порядка и удобства, пріуроченнымъ къ извѣстному, опредѣленному сроку, къ условному дню, часу и мгновенію.

Но такъ ужь устроена душа человѣческая, что это неслышное и невидимое движеніе крыльевъ двухъ смѣняющихъ въ условное мгновеніе одинъ другаго годовъ навѣваетъ на нее думы о прошедшемъ и грядущемъ, окрыляетъ ее надеждами и раздуваетъ тлѣющія въ ней желанія...

Ну что-жь? Оглянуться на пережитое и подвести ему нѣкоторые итоги, задуматься надъ тѣмъ, что̀ еще предстоитъ совер-

шить, встряхнуться и встрепенуться, поднявшись временно надъ уровнемъ вседневныхъ житейскихъ мелочей,—разумѣется, очень и очень не мѣшаетъ, и старому обычаю, созданному разумными требованіями человѣческой души, можно только сочувствовать...

* * *

Большинству народовъ и государствъ Западной Европы, прощаясь съ прошлымъ годомъ и вступая въ новый, приходилось думать не особенно веселыя думы: очень ужъ у нихъ нерадостное и хлопотливое наслѣдство передавалъ старый годъ своему преемнику, очень тяжелый грузъ взваливалъ ему на плечи, очень трудныя и сложныя задавалъ задачи...

Во Франціи старый годъ передалъ новому разросшееся до грандіозныхъ размѣровъ печальное панамское дѣло, въ Германіи—готовую перейти въ настоящую манію боязнь „войны на два фронта", неувѣренность въ силахъ и единодушіи союзниковъ и тяжелую необходимость проводить, во что бы то ни стало, непопулярный и разорительный новый военный законопроектъ, въ Австріи—все болѣе и болѣе обостряющуюся вражду національностей и партій, въ Англіи — думы о томъ, какъ-то пройдетъ „гомруль" и послужитъ ли онъ на пользу или во вредъ „соединенному королевству" и т. д., и т. д.

Да, не веселы думы западно-европейскихъ державъ и народовъ при переходѣ изъ стараго года въ новый!

Начало минувшаго года не было особенно благопріятнымъ и легкимъ и для нашего отечества...

„Начался минувшій годъ,—справедливо говорятъ *Московскія Вѣдомости*,—можно сказать, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, оставленныхъ ему въ наслѣдіе предшедшимъ 1891 годомъ. Чуть не двадцать губерній, и преимущественно такихъ, которыя обычно служатъ житницей и для Россіи, и для Европы, чуть не двадцать губерній, въ своей совокупности равняющихся по пространству и населенію иной изъ западныхъ великихъ державъ, были постигнуты великимъ народнымъ бѣдствіемъ неурожая. А молва еще преувеличивала дѣйствительные размѣры этого бѣдствія: громко раздавалось, переходя изъ устъ въ уста, страшное слово „голодъ". Выражались сомнѣнія, въ силахъ ли страна справиться съ постигшею ее бѣдой, достанетъ ли въ ней хлѣба для прокормленія ея населенія и для обсѣмененія ея полей, и

если достанетъ, то найдутся ли у нея средства своевременно доставить этотъ хлѣбъ оттуда, гдѣ онъ есть, туда, гдѣ въ немъ крайняя, безотложная нужда, не терпящая отсрочки и промедленій. Выражались сомнѣнія, достанетъ ли у правительства силъ и средствъ, способности и умѣнья совладать съ трудною задачей борьбы съ матеріальными и нематеріальными послѣдствіями неурожая и рѣшить эту задачу сколько-нибудь удовлетворительно. Боялись всяческихъ неурядицъ и деморализаціи народа, боялись потрясенія всего русскаго экономическаго, и не одного только экономическаго, организма, пророчили конечное разстройство русскихъ государственныхъ финансовъ...

„И нельзя сказать, чтобы люди, державшіеся подобныхъ мрачныхъ взглядовъ, высказывали ихъ не опираясь на вѣскіе, внушительные факты и соображенія. Прекращеніе хлѣбнаго отпуска измѣнило весь нашъ международный разсчетный балансъ къ великой невыгодѣ для страны, что̀ не могло не поощрить заграничныхъ биржевыхъ спекуляцій во вредъ русскому кредиту и русской валютѣ; помощь цѣлымъ массамъ пострадавшихъ отъ неурожая населеній потребовало отъ казны громадныхъ затратъ въ никогда еще неслыханныхъ доселѣ размѣрахъ, а на ряду съ этими неожиданно громадными тратами, неурожай ослабилъ платежныя силы народа и чувствительно уменьшилъ притоки въ казну денежныхъ средствъ. Помимо созданныхъ этимъ денежныхъ затрудненій, борьба съ бѣдой, оказаніе необходимой помощи населенію затруднялись еще и отсутствіемъ хлѣбныхъ магазиновъ, погубленныхъ многолѣтнею практикой земскаго самоуправленія, и обнаружившеюся на дѣлѣ неспособностью органовъ этого самоуправленія достодолжно исполнять потребованную правительствомъ и обстоятельствами службу и, наконецъ, ярко проявившимся безсиліемъ желѣзныхъ дорогъ перевозить въ непривычныхъ для нихъ направленіяхъ требуемыя массы грузовъ съ необходимою быстротой...

„Недоброжелатели Россіи уже кричали злорадно о безвыходности ея положенія, о предстоящемъ ей неминуемомъ банкротствѣ во всѣхъ отношеніяхъ... Давно ли раздавались эти крики, давно ли имъ вѣрили? А кто повторитъ ихъ теперь?

„Россія со своимъ правительствомъ въ пережитую тяжелую эпоху оказалась не ниже, а выше трудныхъ обстоятельствъ и поставленной ими задачи. Чѣмъ больше росли затрудненія, тѣмъ сильнѣе и полнѣе развивалась энергія въ ихъ преодолѣваніи, и

21*

никогда еще на Руси не приходилось видѣть, чтобы всѣ органы правительственной власти дѣйствовали въ такой мѣрѣ согласно и цѣлесообразно, безо всякихъ между собою столкновеній и пререканій, какъ въ дѣлѣ устраненія послѣдствій неурожая, вездѣ находя людей, и готовыхъ, и способныхъ исполнять то, что требовалось.“

Во главѣ движенія, направившаго свои силы на борьбу съ народною нуждой, сталъ Первенецъ Русскаго Царя, организовавъ съ этою цѣлью Особый Комитетъ, заслуга котораго предъ страной останется незабвенною.

Русская печать и русское общество чутко отозвались на призывъ правительства и старались, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать ему въ его великихъ государственныхъ и всенародныхъ трудахъ и заботахъ. Собирались пожертвованія, открывались столовыя, доставлялся заработокъ... Даже иноземные друзья наши старались выказать намъ свое сочувствіе и участіе, причемъ особенною сердечностью отличались Американцы...

И вотъ, съ Божіей помощью, уже къ половинѣ года бѣдствіе было совершенно парализовано!..

Но не успѣло оно еще окончиться, какъ на смѣну ему явилось другое: въ началѣ лѣта открыла свое опустошительное шествіе съ юга на сѣверъ незваная гостья, холера... На борьбу съ эпидеміей правительствомъ положено также не мало труда, заботъ и энергіи, имѣвшихъ надлежащій успѣхъ...

Къ концу года Русь, съ Божіей помощью, перемогла всѣ свои бѣдствія и вздохнула свободнѣе, такъ что даже *Русскія Вѣдомости*, какъ извѣстно, не отличающіяся излишнимъ оптимизмомъ, замѣчаютъ слѣдующее:

„Поворотъ къ лучшему, происшедшій къ осени минувшаго года, выразился въ цѣломъ рядѣ симптомовъ; въ оживленіи мануфактурной промышленности, въ усиліи перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, въ возрастаніи заграничнаго привоза, въ лучшемъ поступленіи государственныхъ доходовъ и т. п.“

* * *

Да, съ помощію Божіей, Русь благополучно перемогла и эту тяжелую минувшую годину, какъ перемогла когда-то времена еще болѣе трудныя, — и съ веселіемъ и спокойствіемъ сердца встрѣчаетъ теперь Новолѣтіе...

Въ чемъ же сила Руси? Гдѣ разгадка ея несокрушимой, все-

выносящей мощи? Эта разгадка не въ необъятномъ пространствѣ ея земель, не въ многочисленности ея населенія, не въ множествѣ войскъ, не въ матеріальномъ богатствѣ.. Эта разгадка въ тѣхъ идеалахъ, которые коренятся въ сокровенной глубинѣ ея народнаго духа, въ тѣхъ идеалахъ, которыми жила и живетъ эта „Святая Русь“, въ тѣхъ идеалахъ, которые проглянули, напримѣръ, въ концѣ минувшаго года въ торжественной и умилительной картинѣ всенароднаго шестидесятиверстнаго крестнаго хода отъ Москвы до Троице-Сергіевой Лавры въ день пятисотлѣтія со дня кончины одного русскаго человѣка, воплотившаго въ себѣ эти идеалы въ возможной полнотѣ, чистотѣ и красотѣ, того человѣка, къ святой ракѣ котораго вотъ уже полтысячи лѣтъ ходитъ Русскій народъ, чтобы склониться предъ ней со слезами умиленія и молитвы...

* * *

Отблескъ тѣхъ же идеаловъ, которыми живъ Русскій народъ и стоитъ Русская земля, сквозитъ и въ знаменательныхъ словахъ той телеграммы, которою Державный Вождь Русскаго народа осчастливилъ жителей Москвы съ ея Августѣйшимъ Хозяиномъ въ отвѣтъ на поздравленіе со днемъ наступившаго Новолѣтія.

Вотъ эта телеграмма:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю поздравленія древлепрестольной столицы въ день наступающаго Новолѣтія. Благодарю отъ Своего Имени, равно какъ и отъ Имени Императрицы и всей Моей Семьи. *Да услышитъ Господь Наши моленія, чтобы настоящій годъ былъ годомъ мира и благоденствія Россіи.*“

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Эти послѣднія слова телеграммы, эта трогательная молитва Царя за „миръ и благоденствіе Россіи“, это Его желаніе слиться во едино съ своимъ народомъ, въ одно неразрывное цѣлое, въ одной горячей молитвѣ за родину, это—несомнѣнный отблескъ тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мы говорили!

Да поможетъ Господь Державному Кормчему вѣрною и твердою рукой вести по истинному пути свой великій корабль, у кормила котораго Онъ стоитъ, Помазанный елеемъ Божіей воли и народной любви!..

* * *

Но чтобы спорилось великое дѣло Царево, необходимо, чтобы каждый изъ насъ самымъ добросовѣстнымъ и серьезнымъ образомъ относился къ своему дѣлу, памятуя, что несетъ за него отвѣтственность предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ...

Но многіе ли относятся такъ къ своему дѣлу? Многіе ли „вѣдаютъ, что̀ творятъ“?

Особенно больно и обидно видѣть безтолковое или неумѣлое исполненіе своихъ обязанностей тамъ, гдѣ онѣ такъ важны, серьезны и отвѣтственны, какъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей.

Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи и крайне поучителенъ опубликованный на дняхъ „циркуляръ гг. начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Въ виду важности затрогиваемаго имъ вопроса и живыхъ фактовъ, заимствованныхъ, видимо, прямо изъ практики, мы позволимъ себѣ здѣсь перепечатать его цѣликомъ.

„Въ одной изъ гимназій преподаватель французскаго языка въ V-мъ классѣ, въ которомъ всѣхъ учениковъ по списку значилось 2,7 на одномъ изъ своихъ уроковъ, при двухъ отсутствующихъ ученикахъ, выставилъ въ классномъ журналѣ нижеслѣдующія отмѣтки: двумъ ученикамъ поставилъ по четыре (4) и четырнадцати ученикамъ поставилъ по нулю (0); девять остальныхъ присутствовавшихъ на урокѣ учениковъ никакой отмѣтки не получили. Въ другой гимназіи преподаватель греческаго языка въ VI-мъ классѣ отвѣты всѣхъ находившихся у него на лицо 23 учениковъ оцѣнилъ въ классномъ журналѣ такъ, что одинъ изъ нихъ получилъ два съ минусомъ (2—), одинъ оставленъ безъ отмѣтки, всѣ же остальные, числомъ 21, получили по единицѣ (1).

Постановка такихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ, отмѣтокъ въ классномъ журналѣ показываетъ совершенно несерьезное отношеніе этихъ преподавателей къ столь важному дѣлу, какъ оцѣнка успѣховъ и прилежанія учениковъ, а также свидѣтельствуетъ и объ отсутствіи надлежащихъ указаній со стороны начальниковъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ подобныя явленія могли имѣть мѣсто. Такъ какъ и по другимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ въ срочныхъ вѣдомостяхъ, составляемыхъ четыре раза въ годъ, и въ классныхъ журналахъ, куда ежедневно вносятся аттестаціи объ успѣхахъ учениковъ, встрѣчается весьма большое число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, то я нахожу необходимымъ остановить вниманіе гг. начальниковъ среднихъ учебныхъ

заведеній на этомъ прискорбномъ явленіи въ жизни нашихъ училищъ. Количество неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по тому или другому предмету въ томъ или другомъ классѣ бываетъ иногда столь велико, что, если судить объ успѣхахъ учениковъ по данному предмету по отмѣткамъ, можно придти къ заключенію, будто гимназія или реальное училище состоятъ изъ множества закоренѣлыхъ лѣнтяевъ, не поддающихся никакимъ мѣрамъ исправленія и не могущихъ усвоить себѣ положенный въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ курсъ. Но на дѣлѣ обыкновенно оказывается, что отмѣтки, выставленныя въ оффиціальныхъ документахъ, къ каковымъ относятся классные журналы, срочныя вѣдомости, дневники и проч., совершенно не имѣютъ того значенія, какое должны онѣ имѣть на основаніи существующихъ на сей предметъ законоположеній и распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Отмѣтки эти вовсе не выражаютъ собою оцѣнки познанія и успѣховъ учениковъ, ихъ вниманія и прилежанія, какъ то, напримѣръ, требуется § 3 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ (утв. г. министромъ 12-го марта 1891 г.), а появляются въ журналахъ весьма часто по соображеніямъ, ничего общаго съ этою оцѣнкой не имѣющимъ, причемъ многіе изъ преподавателей не скупятся на единицы, допускаютъ разные знаки (плюсы и минусы), а въ рѣдкихъ случаяхъ даже и нули (0). Чрезмѣрное количество единицъ и двоекъ, ежедневно выставляемыхъ въ журналахъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе на учениковъ и ихъ родителей. Ученики, незаслуженно получающіе дурныя отмѣтки, теряютъ всякую охоту къ ученію, привыкаютъ небрежно относиться къ своему дѣлу; родители начинаютъ съ недовѣріемъ относиться къ учебному заведенію. При этихъ же условіяхъ объ успѣшности преподаванія не можетъ быть и рѣчи. Со стороны преподавателя требуется весьма большое умѣнье и весьма много такта, чтобы по достоинству оцѣнить отвѣтъ ученика. Весьма часто преподаватели склонны неудовлетворительный отвѣтъ ученика приписывать его лѣни. И какъ часто они ошибаются, считая лѣнтяемъ ученика старательнаго, но не умѣющаго приняться за дѣло надлежащимъ образомъ! Неудовлетворительность отвѣта происходитъ отъ множества причинъ, а не отъ одной только лѣни. Вселить прилежаніе и пріучить къ нему, особенно въ младшихъ классахъ, есть дѣло учителя. Что же касается до малоспособности или недостаточности развитія, то эти понятія относительныя, сильно растяжимыя. Прежде не-

жели отнести ученика въ разрядъ неспособныхъ и мало развитыхъ и тѣмъ какъ бы изгнать его изъ среды товарищей и заградить ему дорогу къ дальнѣйшему самоусовершенствованію, слѣдуетъ долго и долго потрудиться надъ нимъ, терпѣливо выжидая медленнаго роста его духовныхъ силъ, и не торопиться оцѣнивать познанія и понятливость его двойкою или единицею. Нѣкоторые изъ преподавателей думаютъ, что ихъ обязанности ограничиваются объясненіемъ задаваемыхъ уроковъ, спрашиваніемъ учениковъ и постановкой въ журналахъ отмѣтокъ; никакой отвѣтственности за неуспѣхи учениковъ брать на себя они не желаютъ. Между тѣмъ отвѣтственность эта и лежитъ главнымъ образомъ на учителѣ, а потому исправить единицу или двойку, то-есть научить ученика тому, чего онъ не знаетъ, долженъ самъ учитель своими мѣрами, принятыми прежде всего во время урока. Если исправленіе неуспѣвающаго ученика лежитъ на обязанности учителя, который по своей должности беретъ на себя трудъ научить ученика своему предмету, то естественно рождается вопросъ: есть ли крайняя надобность ставить въ журналѣ огульно дурныя отмѣтки, и такая постановка ихъ достигаетъ-ли какой-либо благотворной цѣли? Если учитель спрашиваетъ одного, другаго, третьяго, десятаго и не получаетъ отвѣта, то ясно, что ученики по какой-нибудь причинѣ, не зависящей, можетъ-быть, отъ ихъ доброй воли выучить урокъ, не знаютъ заданнаго. Вмѣсто того, чтобы ставить имъ единицы, слѣдуетъ снова разучить тотъ же урокъ въ классѣ. Постановка дурныхъ отмѣтокъ безъ разбора дѣйствуетъ вредно на учениковъ и имѣетъ иногда неблагопріятныя послѣдствія для учителей. Она отбиваетъ охоту учиться, поселяетъ недовольство противъ учителя и апатію къ предмету. Безъ любви же къ труду и безъ любознательности ученика нельзя добиться никакихъ порядочныхъ результатовъ. А то и другое пробуждается и дѣйствуетъ въ ученикѣ преимущественно при помощи учителя. Многочисленныя неудовлетворительныя отмѣтки обыкновенно показываютъ, что учитель не умѣетъ вести дѣло преподаванія избраннаго имъ предмета. Отъ учителя зависитъ дисциплина, и вниманіе, и прилежаніе и, наконецъ, успѣхи учениковъ. Слѣдовательно умѣющій вести свое дѣло учитель всегда сумѣетъ найти надлежащія воспитательныя средства къ поднятію уровня успѣшности своихъ учениковъ, не прибѣгая безо всякой надобности къ двойкамъ и единицамъ. Двойки и единицы ни въ какомъ слу-

чаѣ не должны быть вносимы въ журналъ десятками,—онѣ вообще могутъ быть употребляемы въ рѣдкихъ и единичныхъ случаяхъ. Чѣмъ рѣже будутъ ставиться единицы и двойки, тѣмъ большее вниманіе онѣ будутъ имѣть въ глазахъ учениковъ. Ставить безъ разбора чуть не цѣлому классу двойки и единицы—противно самымъ элементарнымъ требованіямъ педагогики". *(Гражд.)*.

Этотъ циркуляръ является словомъ живымъ и вѣскимъ и заслуживающимъ полнаго вниманія. Конечно, далеко не всѣ учителя таковы, но больно, что есть, разумѣется, и такіе: и то уже не малый вредъ, и то немалая порча!

Но сваливать весь грѣхъ за порчу дѣтей на однихъ только педагоговъ было бы несправедливо: не мало берутъ на душу этого грѣха и многіе изъ родителей, такъ что и имъ не мѣшало бы время отъ времени посылать какіе-нибудь циркуляры...

Воспитаніе дѣтей—дѣло нешуточное и немаловажное: вѣдь у нихъ, у этого молодаго поколѣнія, грядущаго намъ на смѣну, будетъ современемъ *въ рукахъ* вся наша будущность!.. И кто же будетъ виноватъ, если эта будущность окажется испорченною? Не мы ли сами, тѣ самые мы, у которыхъ они теперь пока сами *въ рукахъ* и *на рукахъ*, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ, выйдутъ ли они худшими или лучшими?..

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.[1]

Письмо четвертое.

Въ прошлое воскресенье, въ самый день Рождества (н. с.), пронесся по всему Лондону смутный, по крайне тревожный слухъ, взволновавшій всѣхъ жителей великобританской столицы. Говорили о какой-то дьявольской махинаціи въ Дублинѣ, о неминуемомъ, благодаря ей, паденіи Гладстона, объ „анархіи", проявляющейся съ новою силой въ непокорной, „неблагодарной" Ирландіи. Торіи, потирая руки, упорно высказывали убѣжденіе, что чѣмъ хуже идутъ дѣла въ Ирландіи, тѣмъ логичнѣе вытекаютъ они изъ безумныхъ потачекъ и обѣщаній теперешняго премьера, и тѣмъ скорѣе должны его окончательно скомпрометтировать. Проявлялось какое-то злорадство, которое невольно смущало и озадачивало иностранцевъ, непонимающихъ такого субъективнаго отношенія къ самымъ серьезнымъ, сложнымъ задачамъ жизни. Къ счастію намъ, Русскимъ, непонятно, какъ можно все сводить къ одному знаменателю: личному чувству къ такому или другому главѣ партіи! Итакъ, строились цѣлыя теоріи, начертывались новые планы компаніи, а самаго факта достовѣрно все еще не знали. Въ Лондонѣ почта не разноситъ писемъ по воскреснымъ днямъ: появляющіяся такъ называемыя „воскресныя газеты" всѣ печатаются по субботамъ.

Безъ сомнѣнія, подробныя телеграммы немедленно были отправлены изъ Дублина главнымъ вождямъ правительства. Но рождественскіе праздники — исключительное время въ Англіи:

---

[1] См. №№ 8, 11 и 12 *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

какъ богатая аристократія, съ жаждущею во всемъ подражать ей разбогатѣвшею буржуазіей, такъ и члены кабинета съ своими многочисленными секретарями разбѣгаются по бѣлу свѣту, въ погонѣ за „свѣжимъ воздухомъ“ — „a change of air“—безъ котораго не могутъ спокойно жить сыны и дочери Альбіона, особенно въ неприсутственные дни.

Волей-неволей пришлось ждать понедѣльника съ его будничною, подчасъ прискорбною, точностью извѣстій. На сей разъ узнался фактъ, котораго нельзя было ни скрыть, ни умалить. Динамитное покушеніе несомнѣнно было сдѣлано съ цѣлію взорвать подъ самое Рождество зданіе, гдѣ живетъ весь корпусъ тайной полиціи. Къ счастію, попытка удалась не вполнѣ: убитъ нѣкто Синнотъ, молодой сыщикъ, двѣ женщины получили нервныя потрясенія, взорвана столовая, расшатанъ почти весь флигель Департамента Полиціи и перебиты всѣ стекла; показались трещины въ библіотекѣ г. Морлей, но, конечно, непосредственные результаты могли быть болѣе роковые, тѣмъ не менѣе нравственное значеніе этого событія, вѣроятно, отразится сильно на предполагаемыхъ реформахъ Гладстона и не преминетъ подорвать его авторитетъ даже въ преданныхъ ему сферахъ. Какъ нарочно, въ этотъ самый день, въ субботу подъ Рождество, выпущены были на свободу четыре Ирландца, которыхъ заключило въ тюрьму министерство лорда Сольсбюри за ихъ національную агитацію. Ни одинъ изъ нихъ не былъ въ Дублинѣ въ этотъ злополучный день, тѣмъ не менѣе ихъ освобожденіе не только связываютъ съ динамитнымъ покушеніемъ, но упорно объясняютъ одно другимъ.

Всуе ирландскіе вожаки національной партіи, Patrick Ford въ Америкѣ и John Redmond въ Ирландіи, громко порицаютъ это злодѣйство, требуя жестокаго наказанія преступнику, ихъ искренности не хотятъ вѣрить.

„Они требуютъ этого наказанія только потому, что знаютъ до какой степени неумѣла наша полиція“ — замѣтилъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. „Съ легкой руки Джака Rippera, растерзавшаго девять женщинъ самымъ звѣрскимъ образомъ и до сихъ поръ пользующагося безнаказанно свободой, всѣ настоящіе преступники отъ насъ ускользаютъ!“

„Не такъ еще давно, сказалъ Patrick Ford, вся Англія единодушно была противъ Ирландіи. Къ счастію, теперь есть двѣ Англіи: одна, стоящая во главѣ власти, другая—союзница Ир-

ландіи. А самъ премьеръ, г. Гладстонъ, могущественный и вліятельный человѣкъ, не только требуетъ справедливости для Ирландіи, но искренно желаетъ дать ей законодательную самостоятельность. Нельзя ни минуты допустить, чтобъ какой-нибудь Ирландецъ, вѣрный своему отечеству, могъ не возмущаться этимъ дублинскимъ преступленіемъ. Еслибъ я смѣлъ высказать мое личное предположеніе, я бы сказалъ, что оно было сдѣлано врагомъ Ирландіи, какимъ-нибудь союзникомъ торійской партіи. Въ политическомъ отношеніи этотъ взрывъ можетъ имѣть только дурныя послѣдствія: онъ серьезно затруднитъ гг. Гладстона и Морли, которые всѣми силами готовы снять съ Ирландіи ея бремя. Политическіе враги Ирландіи воспользуются этимъ взрывомъ, какъ доказательствомъ торійской теоріи о неспособности Ирландіи къ автономіи. Повторяю: этотъ взрывъ не могъ имѣть другой цѣли, какъ скомпрометтировать заранѣе его Ирландскую политику".

Взглядъ Редмонда—ирландскаго члена Парламента, еще опредѣленнѣе.

„Не могу выразить всей моей скорби о смерти сыщика Синнота. Цѣль этого злодѣйства мнѣ непонятна. Но я счастливъ, что, по мнѣнію главнаго сюперинтенданта полиціи, оно не имѣетъ никакого политическаго значенія. Сильно надѣюсь, что тайна скоро раскроется и злодѣяніе окажется звѣрскимъ дѣломъ отчаяннаго преступника. Если же въ основѣ его и лежитъ политическая цѣль, то его могли совершить только враги г. Морли. Такихъ враговъ у него нѣтъ въ средѣ ирландскихъ націоналистовъ, къ какой бы фракціи они ни принадлежали. Это дѣло надо разъяснить какъ можно скорѣе, иначе оно повредитъ теперешнему правительству; возбудитъ съ новою силой предразсудки англійскихъ массъ и спарализуетъ агитацію въ пользу амнистіи".

Живо интересовалъ всѣхъ вопросъ: „какъ взглянетъ на это динамитное покушеніе самъ Гладстонъ?" Если вѣрить телеграфу, то впечатлительный премьеръ имъ былъ крайне удрученъ, но тѣмъ не менѣе сейчасъ же высказалъ убѣжденіе, что это единичное дѣйствіе полоумнаго преступника, „незнавшаго, что онъ творитъ!"

Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣщанныя реформы Ирландіи суживаются все болѣе и болѣе въ умѣ даже приверженцевъ теперешняго правительства. Такъ, напримѣръ, Стэдъ, бывшій редакторъ радикальной *Pall Mall Gasette*, а теперешній изда-

тель крайне распространеннаго ежемѣсячнаго журнала *Review of Reviews* („Обзоръ Журналовъ") печатующійся одновременно въ Англіи и Америкѣ въ числѣ 200.000 экземпляровъ, уже признаетъ невозможность бороться изъ-за Ирландіи съ Камерой Лордовъ. Даже въ Палатѣ Общинъ провести Home Rule (мѣстное самоуправленіе) можно только при сокращеніи всей этой реформы. Нечего хлопотать объ опредѣленіи положенія ирландскихъ членовъ Парламента въ самой Англіи. Нечего реформировать или искалѣчивать пока нашъ вестминстерскій парламентъ. *Тутъ* пусть отношенія всѣхъ членовъ останутся неизмѣненными. Надо сосредоточить все вниманіе на автономіи самой Ирландіи. Для осуществленія реформъ въ англійскомъ парламентѣ у г. Гладстона не хватитъ должнаго большинства. Теперь уже стало очевидно, что нужно будетъ ограничиться учрежденіемъ подвластнаго парламента въ College Green'ѣ (Дублинѣ) не касаясь имперскаго. Пусть г. Гладстонъ придерживается постепенности, которую онъ самъ проявлялъ въ проведеніи другихъ реформъ. Хвататься заразъ за многое—пагубно. Пусть одно дѣло идетъ за другимъ. Полезно вспомнить, какъ г. Гладстонъ распространялъ право выбора на деревенскихъ домохозяевъ; онъ твердо отказывался приступить въ то же время къ передѣлу избирательныхъ округовъ. Онъ, со всей либеральной партіей, твердилъ: „Избирательное право на самомъ первомъ планѣ". Если онъ столь же искренно принимаетъ къ сердцу Home Rule, то ему теперь надо сказать: „прежде всего автономію въ самой Ирландіи. Вопросъ же о будущемъ составѣ Палаты Общинъ въ Вестминстерѣ отложите до какой-нибудь другой сессіи, послѣ проведенія нѣкоторыхъ реформъ въ самой Англіи, Шотландіи и Уэльсѣ?

Рѣшающимъ доводомъ въ пользу этого постепеннаго развитія реформъ служитъ слѣдующее соображеніе: въ настоящую минуту существуетъ несомнѣнное большинство въ Палатѣ Общинъ въ пользу ирландской автономіи, — это же большинство распадется на части, какъ скоро затронутъ вопросъ о раздробленіи англійскаго парламента въ пользу ирландскихъ членовъ.

Въ Палатѣ Общинъ въ строю стоятъ двѣ партіи, одна противъ другой. Первая — сложная, другая — однородная. Сложная партія имѣетъ большинство въ 38 голосовъ въ палатѣ, состоящей изъ 670 членовъ. Несмотря на ихъ разногласія по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, министеріалисты стоятъ, какъ одинъ человѣкъ, за учрежденіе ирландскаго парламента въ Дублинѣ.

Это большинство пойдетъ за г. Гладстономъ, пока дѣло будетъ касаться этой реформы; но это же большинство распадется на три фракціи какъ только рѣчь коснется нарушенія власти имперскаго парламента въ Вестминстерѣ: на *правую*—требующую полнаго исключенія ирландскихъ членовъ, на *центръ*—желающій сократить ихъ число до 30 (ихъ теперь 80), и на лѣвую, желающую оставить ихъ въ нашей средѣ, какъ они и по сію минуту. Но ни одна изъ этихъ фракцій недовольно сильна сама по себѣ, чтобы составить большинство въ палатѣ; большинство либераловъ, какъ Стэзъ, настаиваютъ на необходимости ограниченій, болѣе крайніе же радикалы, напротивъ, требуютъ широкой автономіи не только для Ирландіи, но и для Шотландіи и Уэльса (Wales).

Вопросъ этотъ не лишенъ комической стороны: каждый теребитъ во всѣ стороны, какъ мелкую корпію, „Ирландскій билль“, а единственный человѣкъ, знающій суть его, Гладстонъ, упорно ограничивается крайне сбивчивыми словами о „справедливости относительно Ирландіи“, о „долготерпѣніи бѣдной страны“, и такъ далѣе. „Да справедливость“, восклицаютъ нѣкоторые торіи, „въ томъ-то и заключается, чтобы душить и топить ее. Дайте Ирландіи новую жизнь и тогда ожидайте новой войны за полное отпаденіе ея отъ Англіи“. Но даже отбрасывая всѣ понятія, имѣющія обязательную силу въ христіанскихъ странахъ, какъ „задушить“ и „потопить“ нѣсколько милліоновъ людей? Почему молчитъ Гладстонъ?“ нетерпѣливо повторяютъ и либералы и торіи. „Когда же выскажется онъ вполнѣ опредѣленно?“

Но ждать осталось недолго: тайна должна открыться при самомъ началѣ парламентской сессіи, то-есть въ февралѣ или началѣ марта. Борьба партій разгорится съ новою силой—Англичане страстные любители всевозможнаго спорта; тогда, по крайней мѣрѣ, прекратится теперешняя игра въ жмурки, и повязка свалится съ глазъ.

У насъ, въ „деспотической“ Россіи, когда разрабатывался проектъ эманципаціи, за два года впередъ его главныя черты знали, по крайней мѣрѣ, всѣ члены эманципаціонной коммиссіи. Здѣсь всѣ поютъ гимны гласности, и все натыкаешься на тайны, на „private and confidential“. Поясню это примѣромъ изъ другой сферы: каждый издатель обязанъ представить въ Британскій музей экземпляръ издаваемой книги. Свобода печати въ Англіи полная, значитъ: въ Британскомъ музеѣ слѣдовало бы найти и книги въ родѣ „Защиты Индіи“, Sir William Gregory, бывшаго

губернатора Цейлона. Прошлаго года я старалась найти это сочиненіе для одного соотечественника; говорили, что можно его добыть за сто фунтовъ стерлинговъ, не менѣе, что англійское правительство скупило всѣ экземпляры, въ виду возможнаго столкновенія съ Россіей. Я отправилась въ Британскій музей. Книги не оказалось даже въ каталогѣ. Одинъ изъ главныхъ чиновниковъ мнѣ объяснилъ, слегка смущаясь, что книги вносятся въ каталогъ музея впродолженіи мѣсяца, по появленіи въ свѣтъ. Если, „по какимъ-нибудь причинамъ, такъ, напримѣръ, если книга отпечатана исключительно для друзей или какого-нибудь министерства, а не для продажи — то ея нѣтъ въ музеѣ, нѣтъ и для публики.“ Дѣло въ томъ, что сочиненіе Грегори предполагалось для читающей публики, но немедленно было захвачено правительствомъ. Книга историка І. А. Фруда, теперешняго оксфордскаго профессора. „The Nemesis of Faitt“ — (Немезида Вѣры) еще не такъ давно была публично сожжена на площади въ Оксфордѣ, а теперь составляетъ великую библіографическую рѣдкость.

Но вернемтесь къ Ирландіи. Она считается виновницей всего, чѣмъ недовольна Англія. Въ Шотландіи арендаторъ не платитъ условной цѣны за землю. „Конечно“, говорятъ здѣсь, „зачѣмъ ему платить, когда въ Ирландіи бросили соблюдать контракты съ земледѣльцами?“—Безпорядки ли въ Бристолѣ —опять виновата Ирландія, подавая дурной примѣръ! Динамитное покушеніе въ Дублинѣ и бунтъ въ Бристолѣ несомнѣнно случились одновременно, но это только доказываетъ, что безпорядки могутъ происходить и въ самой Англіи. На этотъ разъ артель грузильщиковъ и рабочихъ устроила процессію по всему Бристолю, въ такихъ размѣрахъ и облеченную въ такую форму, что пришлось вытребовать изъ Альзершота цѣлый эскадронъ гусаръ и драгунъ. Учредители демонстраціи хотѣли пройти съ фонарями какъ по узкимъ, такъ и по центральнымъ главнымъ улицамъ. Лавочники испугались, тѣмъ болѣе что коноводы стачки держали крайне зажигательныя рѣчи на послѣднихъ воскресныхъ собраніяхъ, серьезно угрожая спокойствію города. Тысячи рабочихъ, сочувствующихъ доковымъ грузильщикамъ, собрались на площадяхъ. На одной изъ главныхъ улицъ произошло не только столкновеніе, но тяжелая борьба съ полиціей. Дѣло все болѣе и болѣе разросталось. Полицейскіе пустили въ ходъ свои жезлы,

народъ ихъ сваливалъ наземь. Началось разбиваніе оконъ, которое прекратилось только съ появленіемъ войскъ.

Недовольство существующимъ порядкомъ проявляется и въ другихъ торговыхъ центрахъ Бристоля. Дѣвушки, служащія на шоколадной фабрикѣ Сандерса, уже бастуютъ четыре мѣсяца, а лѣсоводы недѣль шесть. Ихъ стараются усовѣщевать, угрожая довести бунтующихъ до голодной смерти, но и это не помогаетъ.

Вожаки недовольныхъ рабочихъ связаны съ лондонскимъ движеніемъ, которое пока не проявляется явно, но прибытіе солдатъ увеличиваетъ опасность столкновеній и въ другихъ центрахъ Англіи.

Англійскіе крайніе радикалы рекомендуютъ безумныя мѣры, чтобъ „обновить весь строй англійской конституціи". Такъ членъ парламента Лабушеръ, издатель еженедѣльной газеты, развѣ иронически названной *Правда* (Truth), снова письмомъ въ *Times*'ѣ совѣтуетъ г. Гладстону напрудить Камеру Лордовъ новыми пэрами, сочувствующими его предполагаемымъ реформамъ, и только ихъ пригласить на обсужденія Ирландскаго билля. Впрочемъ, игривость характера г. Лабушера проявляется не впервые.

Лѣтъ тридцать тому назадъ нѣкій англійскій дипломатъ, проживавшій во Франкфуртѣ, получилъ новое назначеніе въ Петербургъ. Недѣля проходитъ за недѣлей, перепадаютъ мѣсяцы, а упраздненный постъ секретаря въ англійскомъ посольствѣ въ Россіи такъ и остается не занятымъ. С-тъ-Джемскій кабинетъ началъ наводить оффиціальныя справки о пропавшемъ будущемъ Талейранѣ, который не безъ труда нашелся вдалекѣ отъ своего бывшаго поста; да онъ и самъ далъ о себѣ охотно вѣсточку: „Г-нъ секретарь Иностранныхъ Дѣлъ" (по нашему: „Г-нъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ"), назначеніе свое я получилъ", пишетъ онъ, „но подъемныя деньги, высланныя мнѣ на дорогу, по своей незначительности позволяютъ мнѣ отправиться въ холодную Россію не иначе, какъ пѣшкомъ; вотъ я и совершаю этотъ путь, не безъ труда, нѣсколько медленно".

Этотъ дипломатъ и превратился съ 1865 года въ члена Парламента, въ „задорнаго Лабушера", котораго избиратели то забраковываютъ, то снова возвращаютъ въ Камеру Общинъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ заявлялъ себя какъ приверженецъ г. Гладстона по Ирландскому вопросу; но отъ такихъ „enfants terribles" министерству не поздоровится!

Мое письмо изъ Англіи было бы крайне не полно, еслибъ я

не сообщила свѣдѣній о почти рѣшенномъ, но несостоявшемся назначеніи Джонъ-Вильямъ Ватсона — поэтомъ лауреатомъ, на мѣсто умершаго Лорда Теннисона. Все это дѣло очень характеристично. Должность поэта лауреата, то-есть придворнаго пііты, состоитъ въ томъ, чтобъ воспѣвать въ восторженныхъ одахъ, всѣ выдающіяся событія въ англійской королевской семьѣ: всѣ помолвки, браки, рожденія, за что въ мѣсяцъ платится по десяти фунтовъ стерлинговъ—жалованье, получаемое въ богатыхъ домахъ любою кухаркой!

Лессингъ, еще въ прошломъ столѣтіи, въ абсолютной прусской монархіи, считалъ такія обязанности настолько несовмѣстными съ своимъ достоинствомъ, что изъ-за этого отклонилъ предложенную ему каѳедру краснорѣчія при Берлинскомъ университетѣ. Въ Англіи же, напротивъ, эту должность мечтали занять всѣ стихотворцы, не исключая даже демагога Морриса и атеиста Свинборна, а избранный Гладстономъ Джонъ-Вильямъ Ватсонъ, авторъ *Lachrymae Musarum*—самаго удачнаго стихотворенія изъ всей массы слезницъ на смерть Теннисона, лишился ума при одномъ извѣстіи о своемъ предстоящемъ назначеніи и попалъ на скамью подсудимыхъ!

Дѣло произошло такъ:

Разославъ массу безсмысленныхъ телеграммъ по всей Англіи и Америкѣ, онъ отправился въ Виндзоръ, безъ видимой цѣли, но съ револьверомъ въ рукѣ. Испуганный его братъ, Робинсонъ Ватсонъ, поспѣшилъ за нимъ во слѣдъ и не покидалъ его ни на шагъ. Желая разогнать скуку англійскаго воскресенія, поэтъ предложилъ отправиться пѣшкомъ на могилу Матѳея Арнольдъ. На обратномъ пути въ Виндзорской аллеѣ поровнялись съ экипажемъ герцога и герцогини Эдинбургскихъ; тутъ будущій лауреатъ съ поднятымъ револьверомъ бросился къ лошадямъ и, схвативъ поводья, пытался ихъ остановить. Но онъ немедленно былъ задержанъ и взятъ въ полицейскую избу при Воротахъ Генриха VIII, гдѣ надзиратель Фрейзеръ, обвиняя его въ вышеприведенномъ поступкѣ, предалъ его начальнику Виндзорской полиціи въ качествѣ умалишеннаго.

О. К. (Ольга Новикова).

Декабря (28) 16 1892 г.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо второе.

Обвалъ въ финансовыхъ ледникахъ.—Изъ раззолоченныхъ домовъ въ тюрьму.—Поученіе.—Другъ побѣдителей.—Одинъ милліонъ шестьсотъ тысячъ франковъ гонорара за десять строкъ.—Финансисты-законодатели.—Ихъ салоны.—Парламентскіе нравы. — Космополитическіе „изобрѣтатели“ идей.— Космополитическая комета.—Протеже и покровители.—Типы соблазненныхъ парламентаристовъ.—Биржевикъ-министръ и его фортели.—Честный проходимецъ.—Исторія одного шантажа.—Трагедіи биржевика.

Вся соціально-политическая жизнь оцѣпенѣла. Нѣтъ сенсаціонныхъ процессовъ, ни „красивыхъ преступленій“, ни литературныхъ новинокъ, ни большихъ „premières“, ни дипломатическихъ инцидентовъ,—ничего, чѣмъ обыкновенно живетъ и забавляетъ городъ-солнце. Все померкло передъ грандіознымъ панамскимъ скандаломъ. Пораженная ужасомъ, точно въ тяжеломъ гипнозѣ, страна переводитъ глаза съ Бурбонскаго дворца на Люксанбургскій, и съ Люксанбургскаго на мазасскую тюрьму. Гдѣ-то наверху упалъ комъ снѣга, двинулъ нижележащій слой, выросъ въ глыбу, и покатился внизъ съ захватывающею духъ быстротой, превратившись въ гору, увлекая съ собою дубы и скалы, и, все выростая, принимая фантастическіе размѣры, мчится внизъ съ ужасающимъ трескомъ и грохотомъ, наполняя воздухъ громовыми раскатами и электризуя его. Все сторонится передъ всесокрушающею силой этого обвала, и только анархисты, укрывшись въ норкахъ, выглядываютъ оттуда, злорадно улыбаясь. Послѣ Кармо—Панама. Одно—продолженіе другаго, другъ-друга дополняя, рисуя смутное состояніе умовъ нашего времени, вавилонское столпотвореніе понятій о нравственномъ и безнравственномъ.

И однако въ томъ обвалѣ, при которомъ мы присутствуемъ, есть нѣчто утѣшительное, глубоко-отрадное. Падаютъ, повидимому, еще не основы, не столбы, на которыхъ зиждется наша цивилизація. Падаетъ снѣгъ, насѣвшій на нихъ, колеблющій ихъ, падаетъ согрѣтый вешними лучами правды, божеской и человѣческой справедливости. Еще есть надежда, что разрыхленный и смѣшанный съ грязью онъ будетъ унесенъ мутными потоками вешнихъ водъ, зданіе же останется болѣе крѣпкое и чистое чѣмъ когда-нибудь. Этого снѣга-паразита набралось слишкомъ много. Крыша общественнаго зданія трещала подъ напоромъ концессіонеровъ, спекуляторовъ, биржевыхъ зайцевъ, людей, торговавшихъ тѣмъ, чего нѣтъ, строившихъ гигантскія предпріятія на клочкахъ бумаги, грабя для этого сотни тысячъ бѣдняковъ, при содѣйствіи тѣхъ, которыхъ долгъ и честь были противиться ихъ зловредной дѣятельности. Эти паразиты, никогда ничего кромѣ фальшивыхъ бумагъ не производившіе, забрались во всѣ щели зданія, исковеркали здравыя понятія, создали новый жаргонъ, съ помощью котораго вводили въ заблужденіе даже совершенно честныхъ людей. Живя въ великолѣпныхъ домахъ и замкахъ, разъѣзжая въ блестящихъ какъ зеркало новыхъ экипажахъ, забрызгивая грязью прохожихъ, принимая личину то меценатовъ, то министровъ, то почтенныхъ народныхъ представителей, они долго ослѣпляли глаза толпы. Какъ заподозрить человѣка, такъ красиво и авторитетно носящаго модный фракъ и ослѣпительной бѣлизны рубашку, такъ степенно гуляющаго подъ руку съ красивыми женщинами, залитыми брилліантами, и въ петличкѣ котораго алѣетъ розетка ордена Почетнаго Легіона! Кто посмѣетъ положить ему руку на плечо и сказать: — Ты воръ, иди за мной въ кутузку?

И однако посмѣли! Въ темныхъ и узкихъ каморкахъ Мазаса сидятъ, разсуждая о бренности всего земнаго, люди, поражавшіе міръ своей роскошью, вселявшіе робкое благоговѣніе своимъ всемогуществомъ, раздававшіе милости, приводившіе въ трепетъ и въ отчаяніе своимъ гнѣвомъ.

Вывести на свѣжую воду весь этотъ міръ могущественныхъ дѣльцовъ, вытащить ихъ изъ великолѣпныхъ апартаментовъ, устланныхъ мягкими коврами, украшенныхъ картинами и статуями лучшихъ мастеровъ, вытолкать изъ палаты депутатовъ и изъ сената, на какой бы сторонѣ они ни сидѣли (а они сидятъ одинаково, направо и налѣво), и въ заключеніе наложить руку

на печать, дѣлать обыски въ редакціяхъ газетъ, по обвиненію въ нарочитомъ обманѣ публики, изъ корыстныхъ цѣлей,—какая для всего этого нужна гражданская смѣлость, какое искреннее желаніе жить честно и свято! Вовсе не важно знать, кто и почему вызвалъ эту исторію, — графъ ли Парижскій, буланжисты или антисемиты, или Вильгельмъ II, какъ утверждалъ недавно въ *Новомъ Времени* нѣкій эксъ-профессоръ и дѣйствительный гешефтмахеръ. Важно то, что разъ обнаруженная, она не была задушена; подъ напоромъ честныхъ элементовъ всей страны, парламента и властей бумажная плотина финансовыхъ дѣятелей была прорвана, благодѣтельная живая вода полилась и потекла впередъ безъ всякихъ препятствій. Страна не убоялась ни мнѣнія свѣта, взоръ котораго постоянно устремленъ на Францію, ни злорадства враговъ, ни ликованія анархистовъ, состоящихъ впрочемъ цѣликомъ изъ полицейскихъ сыщиковъ, воровъ и разбойниковъ. Какая другая страна способна на такой героизмъ? Всякій честный человѣкъ пойметъ, что Франція поработала здѣсь не за себя самое, а за всѣхъ, потому что поступки и нравы, которые она въ настоящую минуту приколачиваетъ къ позорному столбу, свойственны не ей одной.

Вотъ почему,—и только почему,—происходящее здѣсь теперь полосканіе грязнаго бѣлья интересуетъ весь цивилизованный міръ, и вотъ почему эту операцію нужно изучать во всѣхъ подробностяхъ. Мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью. А болѣзнь имѣетъ свойство поражать всякій человѣческій организмъ. Кто болѣетъ— пусть лечится, кто здоровъ—пусть принимаетъ гигіеническія предосторожности, чтобы не заболѣть. Болѣзнь злокачественна и очень упорна.

* * *

Мы находимся на Италіанскомъ бульварѣ, въ редакціи *Temps*, самой большой и солидной изъ всѣхъ французскихъ газетъ. Она немного скучновата. Это потому, что она никогда не прибѣгаетъ къ скандаламъ, къ громкимъ заглавіямъ наверху первой страницы, для увеличенія розничной продажи. За то, все, что вы въ ней найдете, какъ фактъ—всегда правда. Эта газета находится въ самой интимной связи со всѣми правительствами, которыя смѣняютъ другъ-друга,—увы! слишкомъ часто,—она всегда у кормила правленія. Сегодня—Буланже,—она поддерживаетъ Буланже, называя его „почтеннымъ (l'honorable) военнымъ министромъ“. Зав-

тра—заклятый врагъ Буланже,—и она съ такимъ же точно олимпійскимъ спокойствіемъ называетъ новаго министра „почтеннымъ", а его врага третируетъ свысока (до брани она никогда и ни въ какомъ случаѣ не нисходитъ). Она—другъ побѣдителей и только. И эту систему она проводитъ съ удивительною логичностью, никогда не увлекаясь ни направо, ни налѣво, всегда оставаясь на рельсахъ. Это, согласитесь, заслуга, особенно если принять во вниманіе, что даже бездушные паровики, и тѣ иногда соскакиваютъ съ рельсовъ, чтобы прогуляться по проселочной дорогѣ. *Temps* любитъ побѣдителей не только въ политикѣ, но во всѣхъ областяхъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и именно съ той минуты, когда побѣда объявлена оффиціально. Такъ, въ литературѣ — она идетъ вслѣдъ за академіей. Ей случается говорить о книгахъ и не академиковъ, но никогда она не назоветъ такого автора почтеннымъ или знаменитымъ, еслибы даже то былъ Зола. Въ искусствѣ — то же самое. Великій и оригинальнѣйшій ваятель нашего времени Роденъ,—для нея просто m-r Роденъ, но Дюбуа, Фольгьеръ, Мерсье, оффиціально признанные, всегда „знамениты". Понятное дѣло, что за эту черту всѣ побѣдители чрезвычайно любятъ *Temps*. Министръ сообщитъ интересное и важное государственное событіе прежде всего *Temps*. Академикъ раньше чѣмъ кому-нибудь другому передаетъ корректурные листы своей рѣчи или новаго произведенія ему же. Также поступаютъ тѣ, кто идетъ вслѣдъ за министрами и академиками, или имѣютъ основаніе считать себя или надѣяться быть столь же важными, какъ и эти. Все это вмѣстѣ придаетъ этой газетѣ престижъ чего-то необыкновенно солиднаго и оффиціальнаго. *Temps* сказало—это значитъ не болтовня, а дѣло.

Судя по пуританской строгости и парламентскому языку этой необъятной простыни, невольно думаешь, что во главѣ ея непремѣнно стоитъ по меньшей мѣрѣ Англичанинъ. Но это ошибка. Директоръ, собственникъ и вдохновитель *Temps*, сенаторъ Эбраръ—живой, дѣятельный и остроумный южанинъ. По фигурѣ своей, коротенькій, съ черными усами и быстрыми, умными глазами, онъ смутно напоминаетъ извѣстнаго испанскаго государственнаго дѣятеля, и оратора Эмиліо Кастеляра, Эбраръ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ могущественныхъ людей третьей республики. Молодежь работаетъ у него въ газетѣ цѣлые годы за гроши въ полной увѣренности, что попасть къ нему значитъ составить вѣрную карьеру. Министры падаютъ, Эбраръ остается!

Самомалѣйшій репортеръ черезъ годъ, два получаетъ орденъ Почетнаго Легіона. Черезъ три, четыре его дѣлаютъ су-префектомъ, префектомъ, резидентомъ какой-нибудь колоніи, смотря по услугамъ, оказаннымъ имъ... Эбрару. Современемъ его сдѣлаютъ директоромъ департамента, посланникомъ. Самъ Эбраръ почестей не добивается. Онъ доволенъ тѣмъ, что состоитъ чуть ли не несмѣняемымъ президентомъ общества парижскихъ журналистовъ и сенаторомъ. Рѣчей онъ не произноситъ, ни въ какой политической агитаціи не принимаетъ участія, но рука его такъ длинна, что, принимая во вниманіе французскій образъ правленія, это кажется просто-таки невѣроятнымъ. Такъ, лѣтъ 6—7 назадъ, во французской Индіи сдѣлалась вакантной должность сенатора. Эбрару стоило только сказать:—Мнѣ бы хотѣлось, чтобы на эту должность выбрали моего брата Жака, и этого было довольно,—выбрали! Выбрали несмотря на то, что этотъ бѣдный Жакъ никогда, ни раньше, ни позже въ Индіи не бывалъ, и на бѣлыхъ слонахъ не катался; врядъ ли даже онъ видѣлъ баядерокъ раньше какъ на Всемірной выставкѣ 1889 года...

Адріенъ Эбраръ, вы видите, былъ большою подпольною силой. Но этотъ человѣкъ, о которомъ даже въ Парижѣ многіе думали, что онъ только политическій дѣятель и журналистъ, велъ двойственную жизнь: за политическими ширмами скрывался поразительно ловкій, отмѣнно смѣлый и дѣятельный спекуляторъ. Онъ участвовалъ въ огромномъ количествѣ всевозможнаго рода предпріятій, игралъ навѣрняка и всегда выигрывалъ именно потому, что былъ всегда въ „секретѣ боговъ“. Какъ сенаторъ и какъ директоръ большой и вліятельной ежедневной газеты, онъ имѣлъ доступъ во всѣ кабинеты министровъ, предъ нимъ или его репортерами открывались всѣ конторки; всѣ тайныя дѣла, всѣ проекты и всѣ государственныя депеши не только сообщались ему; онъ часто прямо самъ получалъ государственныя депеши, потому что всѣ посольства французской республики вереницей состояли корреспондентами его газеты. Корреспонденты заграничныхъ газетъ въ Парижѣ отлично знали это, потому что всѣ сообщенія *Temps* и прежде, и теперь телеграфируются цѣликомъ во всѣ концы свѣта какъ оффиціальныя, какъ прямо истекающія изъ правительственныхъ источниковъ. Такой человѣкъ могъ спекулировать навѣрняка, имѣя къ тому же въ своемъ распоряженіи всю остальную печать. Въ исторіи Панамы роль Эбрара была очень дѣйствительна, хотя онъ всегда, и раньше, и теперь,

предъ слѣдственною коммиссій парламента, старался стушевать ея выпуклости, придать ей размѣры почти ничтожные. Это доказываетъ только, что Эбраръ хорошо знаетъ законы своей страны, понимаетъ всѣ тонкости нравственнаго кодекса. .

Вамъ извѣстно изъ моего перваго письма, какъ воспользовался обстоятельствами авторъ желѣзной башни, чтобы доконать Панамское общество, дать ему coup de grâce и высосать изъ него послѣднія капли крови. Капли, впрочемъ, довольно крупныя, такъ какъ въ переводѣ на деньги, онѣ равняются 27.000.000, полученнымъ за даромъ, за здорово живешь. Теперь оказывается, что человѣкъ, который подалъ Эйфелю ножъ для этой операціи, былъ все тотъ же Эбраръ. Какъ ни нуждалось Панамское общество въ услугахъ Эйфеля, оно все-таки ахнуло и отступило, когда онъ изложилъ свои условія. Нужно было сильно подтолкнуть его сзади, показать ему всю опасность отступленія, чтобы перепуганное, потерявъ голову, оно рѣшилось вновь броситься въ объятія Эйфеля. Этотъ энергичный толчекъ заключался въ десяти строчкахъ, скромно пріютившихся на обширныхъ столбцахъ газеты *Temps*. Благонамѣренный читатель врядъ ли даже обратилъ вниманіе на эту замѣтку; а если обратилъ, врядъ ли онъ что-нибудь понялъ изъ нея. Но компанія поняла, и этого было довольно.

Когда администраторы Панамы собрались сдѣлать свой послѣдній заемъ, правительство, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе его, отправило на мѣсто казеннаго инженера Руссо съ миссіей изучить и представить докладъ о положеніи работъ на перешейкѣ. Докладъ оказался до такой степени пессимистическимъ, что правительство испугалось. Въ совѣтѣ министровъ было рѣшено держать его въ глубочайшей тайнѣ, потому что обнародовать его значило бы вызвать крахъ со всѣми связанными съ нимъ послѣдствіями въ самый разгаръ буланжизма, за нѣсколько мѣсяцевъ до законодательныхъ выборовъ, и наканунѣ Всемірной выставки. И не обнародовали; акціонерное стадо оставлено было въ полномъ невѣдѣніи. Но Адріенъ Эбраръ, все знающій, узналъ и содержаніе доклада Руссо. И онъ воспользовался имъ ровно настолько, насколько это нужно было, чтобы напугать Панамскую компанію. Въ *Temps* было цитировано всего нѣсколько строчекъ. Но ничто не гарантировало компанію, что черезъ нѣкоторое время не будетъ цитировано еще столько же, затѣмъ ольше, а затѣмъ—кто знаетъ! и весь докладъ цѣликомъ... Подъ

вліяніемъ такого memento mori, компанія согласилась на всѣ условія Эйфеля.

А Адріенъ Эбраръ получилъ за эти десять строчекъ 1.600.000 франковъ построчной платы. Какой Шекспиръ, какой Рафаэль съ сотворенія міра получалъ такой гонораръ? Развѣ это не ловко? Тѣмъ болѣе ловко, что Эбрара и преслѣдовать нельзя. Какихъ-нибудь Девесовъ, Прустовъ, Ареновъ тащутъ на скамью подсудимыхъ за 20—25 тысячъ франковъ. Эбраръ получилъ на свою долю больше всѣхъ другихъ членовъ парламента вмѣстѣ взятыхъ, и останется „честнымъ человѣкомъ", потому что умѣетъ прятать концы въ воду, потому что орудовалъ, помня статьи уголовнаго кодекса, и все предвидѣлъ, все предугадалъ. Онъ былъ „коммиссіонеромъ", участвовалъ въ выгодахъ предпріятій Эйфеля, ничего не поставляя, ничѣмъ не рискуя.—Но что̀ же такъ много „коммиссіонныхъ?" спросили его въ слѣдственной коммиссіи.—Развѣ я не воленъ былъ заключать условія, какія мнѣ было угодно? отвѣтилъ онъ.

Въ лицѣ Адріена Эбрара мы имѣемъ типичнаго представителя правящихъ классовъ современной Франціи: какъ сенаторъ, какъ директоръ одной изъ самыхъ большихъ руководящихъ газетъ,—онъ несомнѣнно политическій человѣкъ. Но какъ человѣкъ, который, по его собственному сознанію, „въ теченіе двадцати-шести лѣтъ принимаетъ участіе во всѣхъ большихъ предпріятіяхъ страны", — онъ также несомнѣнно финансистъ. Гдѣ въ въ немъ начинается одинъ, гдѣ кончается другой? На этотъ вопросъ не ищите отвѣта,—его нѣтъ. Эти два человѣка такъ тѣсно переплетены между собою, что составляютъ настоящее химическое соединеніе. Развѣ можно спрашивать, гдѣ въ соединеніи серебра съ азотною кислотой—серебро, гдѣ—азотная кислота? Нѣтъ ни того, ни другаго: это—результатъ, это — серебряная соль азотной кислоты, ляписъ, дѣйствія и качества котораго радикально отличаются отъ его производныхъ. И въ этомъ опять характерная черта современныхъ нравовъ. Политика и финансы тѣсно перемѣшаны между собою, составляютъ одно цѣлое. Политическіе дѣятели живутъ въ мірѣ финансовой аристократіи; финансисты живутъ въ политическомъ мірѣ. Очень часто даже финансисты имѣютъ своихъ оффиціальныхъ представителей въ политическихъ собраніяхъ, въ парламентѣ. Представитель Ротшильдовъ въ палатѣ депутатовъ—Леонъ Сэ; представитель Crédit Lyonnais—Анри Жерменъ; представитель Société Générale—

Эли д'Уассель; Crédit foncier имѣетъ въ палатѣ своего директора —Кристофля; Comptoir d'Escomte—Субейрана и т. д., и т. д. Врядъ ли даже есть какое-нибудь серьезное финансовое учрежденіе, которое не имѣло бы своего представителя въ парламентѣ. Если это не директоръ, администраторъ, секретарь, это—адвокатъ, крупный акціонеръ. И это понятно: всякое большое коммерческое или финансовое учрежденіе, его выгоды и развитіе тѣсно связаны съ политикой, съ законодательствомъ, съ государственными секретами, съ дипломатическими событіями. Государство,—все равно, французское или иностранное,—собирается сдѣлать какую-нибудь операцію на французскомъ рынкѣ: выпустить заемъ, сдѣлать конверсію. купить въ большомъ количествѣ, скажемъ (какъ это и дѣлалось), французскую ренту. Банкиры, засѣдающіе въ парламентѣ, узнаютъ объ этомъ раньше другихъ и сообразно съ этимъ дѣйствуютъ: продаютъ или покупаютъ, играютъ на повышеніе или на пониженіе, и зарабатываютъ огромныя суммы. Какъ депутаты, какъ сенаторы они имѣютъ свободный доступъ въ министерство, могутъ разговаривать съ министрами межь двухъ дверей, узнать о намѣреніяхъ Вильгельма II, о готовящихся событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, о силѣ и прочности тройственнаго союза, о продѣлкахъ соціалистовъ, о предстоящихъ стачкахъ во Франціи или за границею, и согласно съ этимъ увеличивать или уменьшать производство, покупать одну бумагу, или продавать другую. А эти господа непремѣнно узнаютъ отъ министра все, что имъ нужно, потому что министръ зависитъ отъ депутатовъ вообще, а отъ вліятельныхъ тѣмъ больше. А банкиры, милліонеры-члены парламента всегда будутъ вліятельны. И не потому только, что они могутъ „оказать услугу". А потому, что съ ними интересно вести знакомство. Они вѣжливы, и отлично принимаютъ. У нихъ прекрасно обѣдаютъ, у нихъ встрѣчаются съ интересными людьми, у нихъ пріятно проводятъ время и узнаютъ интересныя вещи. Салонъ, гдѣ бесѣдуютъ и веселятся, теперь только у финансистовъ. Аристократію ума и таланта можно встрѣтить только у нихъ. Вотъ вы и сообразите, что отъ этого происходитъ! Всѣ дышутъ одной атмосферой, имѣютъ одинаковыя наслажденія, одинаковые восторги; отсюда до общности взглядовъ и идеаловъ—одинъ шагъ. Я говорю о финансистахъ и дѣльцахъ засѣдающихъ въ парламентѣ. Но это вѣрно и относительно другихъ. Я знаю, самъ бывалъ въ домахъ финансистовъ-иностранцевъ, избравшихъ

мѣстожительствомъ Парижъ, имѣющихъ здѣсь настоящіе дворцы, лакеевъ въ ливреяхъ и въ чулкахъ, салоны-музеи, драгоцѣнныя статуи, изваянныя знаменитостями, на лѣстницахъ и въ корридорахъ. Въ этихъ салонахъ я встрѣчалъ всю политическую знать, всѣхъ министровъ, изъ которыхъ ни одинъ не преданъ суду, и даже людскою молвой не обвиненъ ни въ чемъ предосудительномъ; я встрѣчалъ здѣсь академиковъ, мыслителей, знаменитыхъ писателей и художниковъ,—все, чѣмъ славится и гордится Франція. Зачѣмъ они сюда ходятъ, что̀ ихъ привлекаетъ въ эти раззолоченные караванъ-сараи? Главнымъ образомъ желаніе пріятно провести время, людей посмотрѣть, себя показать, получить комплиментъ отъ красивыхъ и роскошно одѣтыхъ дамъ, не заботясь о томъ, гдѣ они находятся, не думая зачѣмъ ихъ зовутъ, почему за ними ухаживаютъ. Вѣдь сущее ребячество думать, что люди, которые вмѣсто Бога поклоняются золотому тельцу, которые не ходятъ въ храмъ, но очень исправно и каждый день на биржу,—приглашаютъ къ себѣ ученыхъ, государственныхъ дѣятелей и художниковъ пера, кисти, слова или рѣзца только потому, что преклоняются предъ ихъ талантомъ. Вѣдь и зовутъ-то они къ себѣ только признанные, котированные на биржѣ таланты и вліянія. Во всемъ Парижѣ вы не найдете большаго салона, гдѣ бы собирали дебютирующую молодежь. Ее вы увидите только въ кабачкѣ du Chat Noir!.. А собираютъ у себя оффиціальныя вліянія потому, что это выгодно. Вслѣдъ за Рейнакомъ явится въ салонъ вліятельный депутатъ, министръ, дипломатъ. Безъ Рейнака они бы, можетъ-быть, не явились. А разъ они здѣсь, разъ они ѣдятъ вашъ хлѣбъ-соль и пьютъ ваше рѣдкое, веселящее душу вино, они—не безпокойтесь—разговорятся. Это и требуется. Явившись на биржу, вашъ амфитріонъ знаетъ непремѣнно больше тѣхъ изъ своихъ собратовъ, которые не имѣютъ за своимъ столомъ министровъ...

Я говорю только о наивныхъ, просто честолюбивыхъ дѣятеляхъ,—все равно на какомъ общественномъ поприщѣ. Но наивныхъ людей вообще мало, особенно же въ скептически-дѣловомъ Парижѣ. Обыкновенно художникъ ходитъ по такимъ политико-литературно-биржевымъ салонамъ затѣмъ, чтобы дѣлать знакомство, продавать свои произведенія и получать заказы; поэтъ, романистъ, чтобы пропагандировать свои произведенія, познакомиться съ политическимъ дѣятелемъ, который можетъ выхлопотать ему красную ленточку Почетнаго Легіона, или съ акаде-

микомъ, который поддержитъ его кандидатуру въ институтѣ. Политическій дѣятель ищетъ здѣсь рекламы, сотрудниковъ и денегъ для будущихъ выборовъ, кліентовъ какъ адвокатъ (политическій дѣятель всегда адвокатъ!), наконецъ, прямо дѣлъ—приглашенія въ администрацію какого-нибудь предпріятія, въ члены „синдиканта гарантіи", а есть и такіе, — ихъ очень мало, — которые ждутъ, что ихъ попросятъ защищать въ парламентѣ, съ трибуны законъ, который нуженъ той или другой группѣ гешефтмахеровъ. За такія рѣчи—я это доподлинно знаю—платятъ иногда, ежели ораторъ талантливый и вліятельный человѣкъ, огромныя деньги.

Теперь мы добрались до салона Рейнака и той космополитической сволочи, продѣлки которой волнуютъ и приводятъ въ негодованіе въ настоящую минуту цивилизованный міръ.

Баронъ Рейнакъ имѣлъ одинъ изъ такихъ салоновъ. Его положеніе (то-есть Рейнака) было лучше, сравнительно съ другими космополитами, потому что Рейнакъ натурализованный или отъ натурализованныхъ родителей родившійся Французъ. Его племянникъ и зять — видный депутатъ, бывшій протеже Гамбетты, унаслѣдовавшій (купившій!) его газету *République Francaise*. Салонъ Рейнака былъ, стало-быть, политическимъ вдвойнѣ. Политическій міръ хозяинъ его зналъ такимъ образомъ лучше кого бы то ни было. А такъ какъ баронъ былъ прежде всего гешефтмахеръ, то очень естественно, что онъ воспользовался и своими знаніями и своимъ положеніемъ для того рода хищничества, которое составляло его постоянныя занятія. Этотъ человѣкъ ничего не производилъ, но все бралъ на откупъ: чужія изобрѣтенія, чужія концессіи и чужую совѣсть. Мы видѣли его уже въ прошломъ письмѣ въ кабинетѣ Фердинанда Лесепса продающимъ идею о выпускѣ облигацій съ выигрышами. Эта идея была тоже не его,—Рейнакъ явился только эксплуататоромъ ея. Въ разбойничьихъ шайкахъ есть личности, которыя называются „indicateurs" (указчиками). Обыкновенно это очень приличные (на видъ) люди. Они имѣютъ какую-нибудь лавочку, какое-нибудь дѣло,—для отвода глазъ,—ведутъ правильную жизнь, имѣютъ дѣтей, которые бѣгаютъ въ школу, состоятъ избирателями, ходятъ въ гости и у себя принимаютъ. Эти господа никогда сами не воруютъ, но указываютъ шайкамъ, кого можно обворовать. Такую роль въ панамскомъ дѣлѣ сыгралъ нѣкій нѣмецкій Еврей и маленькій банкиръ Гуго Oберндерферъ. Онъ, по его

собственному выраженію предъ парламентскою слѣдственною коммиссіей, былъ настоящимъ „изобрѣтателемъ“ плана того, какъ можно съ успѣхомъ „объегорить“ народное сбереженіе на 300 милліоновъ. Въ противоположность другимъ изобрѣтателямъ, тѣмъ, которые придумываютъ новыя машины, удобренія, улучшенія и усовершенствованія, Оберндерферъ продалъ свое изобрѣтеніе не за ломанный грошъ, а за *три милліона*. Продалъ, положилъ деньги въ карманъ и устранился. Исполнителемъ его плана явился не онъ, а Рейнакъ.

Пустить въ ходъ новый заемъ съ выигрышами можно было не иначе, какъ купивъ совѣсть народныхъ представителей въ палатѣ и въ сенатѣ. За это дѣло и взялся Рейнакъ. Но какъ ни велики были его связи въ политическихъ кружкахъ,—онъ принималъ у себя запросто даже министровъ и дипломатовъ,—онъ не могъ одинъ все сдѣлать. Сторожей, приставленныхъ къ народному сбереженію, было слишкомъ много, и они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ политическимъ лагерямъ. Однимъ языкомъ со всѣми разговаривать нельзя было. Наконецъ, ежели Рейнакъ бралъ на откупъ политическіе голоса, другіе до него дѣлали то же самое. Съ этими соперниками нужно было считаться. Послѣдствія показали, что эти откупщики-соперники были и хитрѣе, и сильнѣе его, стараго плута. Они-то его и погубили.

На политико-финансовомъ горизонтѣ Парижа лѣтъ двѣнадцать назадъ появилась загадочная личность въ видѣ скромно-блестѣвшей точки. Съ астрономической точки зрѣнія это несомнѣнно была комета, потому что въ очень короткое время она, описавши кривую линію, поднялась съ горизонта къ зениту, и въ центрѣ неба засверкала ослѣпительнымъ свѣтомъ, помрачая собой настоящія звѣзды. Эта личность называлась Корнеліусъ Герцъ. Нѣмецкій Еврей, родившійся во Франціи и натурализованный въ С.-Американскихъ Штатахъ, фельдшеръ по положенію и финансистъ по ремеслу, этотъ человѣкъ сдѣлался вдругъ фактотумомъ радикаловъ, ихъ покровителемъ, капиталистомъ и политическимъ агентомъ. Герцъ и Клемансо стало значить то же, что̀ Клемансо и Герцъ. На его деньги основывались газеты, сѣявшія смуты въ средѣ еще не окрѣпшей республиканской партіи: онъ, иностранецъ, взялъ на откупъ французскіе телефоны, ѣздилъ съ политическими порученіями къ Криспи, основывалъ финансовыя общества, бралъ на откупъ французскихъ изобрѣтателей, купался въ милліонахъ и другихъ купалъ въ нихъ, имѣлъ входы

во всѣ министерства, дѣлалъ выборы, зналъ государственныя тайны, сдѣланъ былъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, потомъ офицеромъ, командоромъ, великимъ офицеромъ,—сравнялся въ этомъ отношеніи съ царственными особами! За что?! Но развѣ деньги имѣютъ запахъ? А нужны онѣ рѣшительно всѣмъ. Онѣ нужны партіи, для которой торжество идей отождествляется съ торжествомъ своихъ кандидатовъ; а торжество кандидатовъ находится, увы! въ прямомъ отношеніи съ количествомъ банковыхъ билетовъ, потраченныхъ въ избирательной борьбѣ. Потому что на выборахъ торжествуютъ не идеи, а карманы, только карманы... Деньги нужны для лидера партіи, чтобы жить согласно своему генеральскому рангу; потому что лидеръ—не боецъ за идею, а въ нѣкоторомъ родѣ владѣтельный князь, со дворомъ, со штатомъ, съ выѣздами и пріемами. Онъ—будущій король, и жить ему надо по-королевски. Ему необходимъ капиталистъ, „le juif du roi" стараго режима. И онъ пользуется его услугами, награждая его зато своимъ покровительствомъ у высшихъ чиновниковъ, у печати, у министровъ. Чѣмъ другимъ онъ можетъ его отблагодарить? И какъ при старомъ режимѣ королевскій брадобрѣй или Еврей-ростовщикъ были предметомъ мести и поклоненія со стороны тѣхъ, кто нуждался въ королевскихъ милостяхъ, такъ и теперь капиталистъ предводителя партіи служитъ предметомъ угодливости, подкупа и низкопоклонства со стороны тѣхъ, кому нужна поддержка его друга и покровителя. Формы и языкъ измѣнились, человѣческое сердце осталось то же. Вотъ гдѣ лежитъ источникъ силы Герцовъ, Рейнаковъ и тому подобныхъ!

Парламентскій режимъ, какъ онъ понимается во Франціи, построенъ на совершенно ложныхъ началахъ. Онъ назначаетъ правительство, отвѣтственное за свои дѣйствія; но дѣйствовать самостоятельно оно не можетъ: оно представляетъ собой ничто иное, какъ тѣ картонныя куклы, которыя пляшутъ, когда ихъ дергаютъ за нитки. А дергаютъ его всѣ депутаты большинства, и не въ публичныхъ засѣданіяхъ, а за кулисами. Каждый депутатъ имѣетъ о чемъ просить министра—для себя, для своихъ родныхъ или для своихъ протеже. Откажи ему министръ, онъ дѣлаетъ себѣ врага, который при первомъ же случаѣ подаетъ голосъ противъ него. А ежели это депутатъ вліятельный, съ нимъ подадутъ голоса еще пятьдесятъ, семьдесятъ, сто другихъ, и министръ будетъ сваленъ. Вотъ почему правительство не

столько заботится о благѣ страны, о реформахъ, сколько о томъ чтобъ удержать равновѣсіе среди враждебныхъ и враждующихъ между собою партій. И нѣтъ той низости (это называется умѣньемъ управлять), на которое оно не было бы способно для этой цѣли. Клемансо представилъ министру Герца, какъ своего друга, и, будьте увѣрены, министръ ни въ чемъ уже не откажетъ этому Герцу...

Герцъ, стало-быть, является очень реальною силой. И вотъ почему Рейнаку пришлось съ нимъ считаться. Парламентскія владѣнія были раздѣлены на двѣ части: „ты правь налѣво, я буду править направо". Такъ и было сдѣлано.

Направо, вы знаете, сидятъ побѣдители. Изъ десяти политическихъ дѣятелей, относительно которыхъ назначено судебное слѣдствіе, пять бывшихъ (еще вчера!) министровъ: Антоненъ Прустъ, Рувье, Рошъ, Тевене, Девесъ; одинъ—братъ бывшаго въ то время президента республики, Альберъ Греви; одинъ—бывшій префектъ полиціи, Леонъ Рено; одинъ, очень еще молодой человѣкъ, всегда стоявшій на сторонѣ правительства, всегда его поддерживавшій, Эманюэль Аренъ. Всѣ эти господа были подкуплены самимъ Рейнакомъ, и все это его друзья. Мало того, все это люди одного образа мыслей; одни, какъ Аренъ, Тевене и Прустъ—бонвиваны и картежники, другіе, какъ Девесъ и Рувье, убѣжденные гешефтмахеры, составившіе себѣ огромные капиталы, умѣющіе заставлять ихъ „работать", искренно увѣренные, что судьбы и благосостояніе государства связаны съ колебаніями курса на биржѣ. Конечно, обѣ эти разновидности политическихъ дѣятелей очень вредны; но я нахожу, что вреднѣе все-таки вторая, потому что эта отравляетъ государственное тѣло ядомъ своихъ извращенныхъ теорій, тогда какъ та ничто иное, какъ жертва беззаботности и бонвиванскихъ страстей. Одни—торгаши въ храмѣ, другіе—легкомысленные чижи, безсознательные прыгуны, не больше.

Вотъ, напримѣръ, Эманюэль Аренъ. Это блестящій молодой человѣкъ, прекрасно владѣющій словомъ, перомъ и шпагой. У него есть все, чтобы блистать въ свѣтѣ. Дамы отъ него безъ ума, богатые люди любятъ его имѣть за своимъ столомъ, который онъ одушевляетъ огнемъ своего южнаго остроумія. Онъ—баловень природы и людей, любитъ жизнь и ея наслажденія. На бѣду, онъ—сынъ бочара, отъ котораго не наслѣдовалъ никакой ренты. А такому человѣку нужно много денегъ; не на девять

тысячъ франковъ депутатскаго жалованья онъ можетъ удовлетворить своимъ многочисленнымъ и дорого-стоющимъ потребностямъ. Поэтому онъ не выходитъ изъ долговъ: долженъ портному, гарсону въ клубѣ, по векселямъ, которымъ и счетъ потерялъ. А тутъ еще новая бѣда, — неожиданно, въ одну ночь проигралъ въ карты 20.000 франковъ! Онъ идетъ къ своему другу, Жозефу Рейнаку, въ газетѣ котораго сотрудничаетъ: — Дай денегъ, кредиторы измучили. До зарѣза нужно 25.000 фр.— Денегъ? отвѣчалъ тотъ,—обратись къ моему тестю, онъ дастъ. И дѣйствительно, тесть даетъ, присылаетъ чекъ. Видите, какъ это просто дѣлается! Другое дѣло Рувье, человѣкъ семь лѣтъ бывшій министромъ, даже предсѣдателемъ совѣта министровъ, неоднократно спасавшій отечество, то-есть партію, къ которой принадлежалъ, отъ разныхъ опасностей и даже отъ Буланже. Начавши свою карьеру прикащикомъ въ торговомъ домѣ Зафиропуло, въ Марсели, Рувье, которому теперь нѣтъ еще 50 лѣтъ, давно составилъ себѣ положеніе наилучшаго финансиста третьей республики. Ни одна государственная мѣра по части финансовъ не могла обойтись безъ его содѣйствія. Когда въ бюджетѣ оказывались большія прорѣхи, когда государство принуждено было дѣлать заемъ или конверсіи, когда оно имѣло изыскать ресурсъ для новыхъ затратъ или дѣлать экономіи, уменьшить налогъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы немедленно увеличить его въ другомъ, устранить неудовольствіе на правительство республики со стороны рантьеровъ, спасти какое-нибудь крупное финансовое учрежденіе отъ неминуемаго краха, — не было человѣка болѣе пригоднаго для этой цѣли, чѣмъ Рувье. Изобрѣтательность его въ этомъ отношеніи не имѣла границъ. И его слава государственнаго финансиста установилась такъ прочно, что ни одно министерство не было мыслимо безъ него. Его же престижъ на биржѣ былъ такъ великъ, что по одному вопросу о томъ, войдетъ онъ или не войдетъ въ составъ новаго кабинета, курсы падали и поднимались. И онъ зналъ это и гордился этимъ превыше всего.

Какъ онъ добился такого положенія? Да очень просто. Этотъ великолѣпный финансистъ всегда оставался бывшимъ прикащикомъ большаго торговаго дома. Перейдя изъ конторы Зафиропуло къ управленію финансами республики, онъ только перемѣнилъ одно кресло на другое. Его идеалы, планы, убѣжденія остались тѣ же, то-есть идеалы, планы, убѣжденія управляющаго частнымъ торговымъ домомъ, а не государственнаго чело-

вѣка. Расширилось только поле его дѣятельности. Государство было для него только огромнымъ банкомъ, о барышахъ и курсѣ акцій котораго ему пришлось заботиться, акціонерами этого банка въ его глазахъ были рантьеры да финансисты. Это очень упростило дѣло, и въ то же время было залогомъ вѣрнаго успѣха для Рувье.

Франція—страна рантьеровъ. Я хочу сказать, что нѣтъ другой страны въ мірѣ, гдѣ бы ихъ было столько, сколько здѣсь. Въ Англіи ихъ всего 600.000, во Франціи больше 4.000.000. И это—часть населенія наиболѣе видная, голосъ и мнѣнія которой чаще всего доходятъ до правительственныхъ сферъ. Когда еще министръ услышитъ голосъ рабочаго, крестьянина потеряннаго въ горахъ Савойи и Перинеевъ, да и что̀ эти люди понимаютъ въ финансахъ и въ политикѣ! А рантьеры понимаютъ, ихъ существованіе связано съ хорошею биржей, съ отсутствіемъ краховъ и съ политикой, направленной для охраненія ихъ интересовъ. Когда эта четырехмилліонная масса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ кричитъ: „Ахъ, какой геніальный министръ! Сколько добра онъ для насъ сдѣлалъ, отъ какихъ опасностей спасъ!" Тутъ у кого угодно закружится голова. Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ ихъ спасалъ не разъ! Не вмѣшайся Рувье въ дѣла Comptoir d'Escompt и Crédit foncier, эти учрежденія непремѣнно лопнули бы, и множество рантьеровъ пошли бы по міру. А Рувье заставилъ чуть не насильно разныхъ Ротшильдовъ и другіе банковые дома выдать имъ ссуду, поддержать, дать обернуться,—и, благодаря этому, эти рантьеры могутъ спокойно спать въ своихъ постеляхъ и получать доходы, отрѣзывая въ свое время купоны отъ своихъ облигацій.

Все это прекрасно. Но вѣдь государство состоитъ не изъ однихъ рантьеровъ. Шесть седьмыхъ населенія живутъ изо дня въ день, работая не покладая рукъ, обогащая страну прямыми и косвенными налогами, которые съ нихъ взыскиваютъ очень исправно. О нихъ-то Рувье никогда не думалъ, какъ не думаетъ о нихъ всякій другой банкиръ. До того ли ему было! Онъ поставилъ вопросомъ личнаго самолюбія, чтобы при немъ государственная рента поднялась такъ, какъ никогда еще до того она не поднималась. И поднялась! И міръ рантьеровъ и банкировъ и ихъ прихвостней въ печати восторженно хлопалъ такому фортелю. Чему тутъ было хлопать, чему радоваться? Это былъ одинъ обманъ глазъ для непосвященныхъ, выгодная спекуляція для

однихъ (весьма немногихъ), злоупотребленіе по отношенію къ другимъ, къ массѣ Рувье, какъ министръ финансовъ, покупалъ на сотни милліоновъ изъ денегъ сберегательныхъ кассъ трехпроцентную государственную ренту, и она, поднимаясь, дошла до номинальной стоимости, даже, кажется, превысила ее. Покупай вмѣсто этой бумаги какую угодно другую, и эта поднималась бы, согласно закону о спросѣ и предложеніи. Никакой заслуги въ этомъ нѣтъ, есть только одно желаніе пускать пыль въ глаза. Курсъ государственной ренты растетъ; значитъ, растетъ довѣріе публики къ прочности существующаго режима, — вотъ что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать, и чѣмъ хвасталъ, совершенно, впрочемъ, неискренно. И для этого онъ рисковалъ такою важною, такою драгоцѣнною вещью, какъ народное сбереженіе! Потому, что представьте себѣ такой, во всякомъ случаѣ, возможный поворотъ въ настроеніи сберегающей толпы. Новые выборы неудачны для республиканской партіи, является опасеніе за возможность государственнаго переворота, или являются слухи о войнѣ, — происходитъ паника, толпа осаждаетъ сберегательныя кассы, требуетъ назадъ свои деньги. Что̀ она найдетъ въ этихъ кассахъ, наполненныхъ ею милліардами золотой монеты? Она найдетъ бумагу, ассигнаціи, цѣнность которыхъ будетъ въ обратномъ отношеніи съ существующей паникой. Государство окажется банкротомъ, злостнымъ банкротомъ, потому что несутся въ сберегательныя кассы деньги не для спекуляцій, а въ увѣренности, что въ каждую данную минуту ихъ можно взять назадъ. Согласитесь, что обмануть съ этой стороны надежды сберегающихъ массъ — настоящее преступленіе!

Теперь, ежели вамъ угодно, посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Оно не менѣе интересно и характерно.

Коль скоро государство начинаетъ заниматься спекуляціями, играть на биржѣ на повышеніе и пониженіе, оно можетъ дѣлать это успѣшно при одномъ условіи: при содѣйствіи биржевиковъ, или группы биржевиковъ, скажемъ даже наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ. Министръ финансовъ долженъ, стало-быть, находиться въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ этими господами. Нельзя придти на биржу и купить на сто милліоновъ процентныхъ бумагъ, какъ покупаешь фунтъ конфектъ. На такую сумму ихъ сразу не купишь. Это дѣло нужно подготовить исподоволь и осторожно, чтобы сразу не подняли цѣнъ до невозможныхъ размѣровъ. Министръ, стало быть, долженъ еще имѣть тайны съ

тими господами-биржевиками. А при этихъ условіяхъ министерство фатально дѣлается отдѣленіемъ биржи: кто ближе стоитъ къ нему, тотъ имѣетъ больше шансовъ нажиться, сдѣлать при содѣйствіи министра блестящую аферу. Биржевикъ, покупающій для государства, очевидно не работаетъ съ намѣреніемъ учинить себѣ убытокъ. А потому министерство дѣлается центромъ тяготѣнія разныхъ спекуляторовъ и проходимцевъ. Это случилось и для Рувье.

Этотъ человѣкъ всегда былъ окруженъ разною гешефтмахерскою сволочью. Рейнакъ и Власто, много другихъ имъ подобныхъ были друзьями этого министра-банкира. Имъ онъ довѣрялъ свои маленькія тайны, къ нимъ обращался для пополненія кассы секретныхъ фондовъ, и—чтобы сказать всю правду—они служили ему посредниками для его собственныхъ спекуляцій на биржѣ. Человѣкъ, оставившій конторку торговаго дома для управленіями финансами государства, знающій, что черезъ нѣсколько дней та или другая бумага поднимется до небывалыхъ размѣровъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи заработать нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, ничѣмъ не рискуя. И Рувье не упускалъ ни одного удобнаго случая. На службѣ республикѣ онъ составилъ себѣ огромное, говорятъ, состояніе. И нельзя сказать, чтобы онъ воровалъ,—это, при существующей отчетности, прямо-таки невозможно,—но онъ зарабатывалъ совершенно такъ, какъ банкиръ, „нормально", какъ выразился по этому случаю самъ Рувье. А возвыситься до точки зрѣнія обязательной для государственнаго человѣка, онъ, этотъ бывшій приказчикъ, не могъ, не былъ въ состояніи. Онъ „дѣлалъ выгодныя дѣла",—для себя и для государства этого довольно. Все остальное — сантиментальная глупость, не больше. И все, что онъ дѣлалъ, было для него коммерціей, сводилось на деньги. Нужно поразить Буланже? Это стоитъ столько-то. Не хватитъ денегъ въ секретныхъ фондахъ? Онъ незадумываясь обращается къ своему банкиру Власто, натурализованному Румыну. Рувье не говоритъ—чѣмъ онъ отдарилъ Власто за эту услугу. Это легко понять. Но онъ нисколько не стѣсняется заявить публично съ трибуны, въ торжественную минуту, когда его вчерашніе товарищи по кабинету требуютъ преданія его суду, что 50.000 франковъ, которые онъ долженъ былъ Власто (или 150.000), этотъ получилъ отъ Рейнака. Но какіе же счеты могли быть между министромъ финансовъ Франціи и этимъ проходимцемъ? Рувье на этомъ не оста-

навливается даже! Вотъ до какихъ позорныхъ дѣлъ довела Рувье его торгашеская система въ управленіи дѣлами страны!

Вы видите, какъ легко было Рейнаку разговаривать съ такимъ министромъ. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ — свой человѣкъ Оба дѣлали дѣла, оба другъ-другу помогали, оба пользовались одинаковыми средствами и имѣли одинаковое міровоззрѣніе. Ни тотъ, ни другой не привыкли ухаживать за почтенною, но черезъчуръ строгою дамой — добродѣтелью... Очень естественно, что, посмотрѣвъ на дѣло Рейнака съ точки зрѣнія гешефта, Рувье помогъ барону, а баронъ заплатилъ ему за коммиссію. Разъ за Рейнакомъ пошелъ такой авторитетъ и такой практическій человѣкъ какъ Рувье, множество другихъ политическихъ дѣльцовъ не убоялись послѣдовать гуськомъ, въ свою очередь. Съ этими людьми Рейнакъ умѣлъ говорить, потому что языкъ, употребляемый ими, дѣловой и только дѣловой.

Но были между политическими дѣятелями и такіе, которые деньги любятъ, но дѣлами не занимаются, по неумѣнію или по недостатку смѣлости. Съ этими и языкъ и пріемы нужны были другіе. Господа эти стыдливы и скромны. Взятки имъ нужно передать изъ рукъ въ руки, деликатно, какъ платятъ молодому доктору за визитъ. Для дѣловаго человѣка они имѣютъ то преимущество, что не торгуются и условій не ставятъ. Они прежде всего „оказываютъ услуги", а затѣмъ благодарны за всякое поощреніе, какъ бы мало оно ни было. Чтобы орудовать между этими людьми и былъ выбранъ Рейнакомъ самый подходящій человѣкъ—Артонъ.

Это былъ, что называется, добрый малый. Толстый, веселый, фамильярный, не дуракъ выпить и превосходный разскащикъ скоромныхъ анекдотовъ, Артонъ переносилъ съ необыкновенною легкостью свое толстое брюшко изъ одного корридора палаты въ другой, хлопалъ по плечу знакомыхъ журналистовъ и депутатовъ, жалъ на ходу руки, образовывалъ вокругъ себя группы, вмѣшивался въ чужіе разговоры, всегда находилъ смѣшное слово, забавное выраженіе. Иногда онъ отводилъ въ сторону, обнявъ за талію какого-нибудь парламентскаго репортера или народнаго представителя, имѣлъ недолгій, но серьезный разговоръ, который всегда оканчивался громкимъ, жирнымъ смѣхомъ. Но больше всего Артонъ интересовался политическими новостями и небылыми сплетнями про депутатовъ и министровъ, больше всего любилъ парламентскихъ репортеровъ. Результатомъ этого было

то, что Артонъ отлично зналъ характеръ, положеніе и слабости каждаго депутата въ отдѣльности, и потому, когда дѣйствовалъ, то дѣйствовалъ навѣрняка, не рискуя напасть со своими, щекотливыми, во всякомъ случаѣ, предложеніями на черезчуръ строгихъ въ смыслѣ добродѣтели народныхъ представителей. Напротивъ, у него все обошлось благополучно и... экономно. Такъ экономно, что изъ двухъ милліоновъ, полученныхъ имъ для раздачи сенаторамъ и депутатамъ, онъ умудрился возвратить своему принципалу болѣе 700.000 франковъ! У этого проходимца, какъ это ни странно, оказалась большая доля ésprit de corps, или воровской честности. Онъ жульничалъ, но сообщниковъ не выдавалъ, шантажа не дѣлалъ, и, когда исчезъ, съ нимъ вмѣстѣ исчезли и всѣ компрометирующіе документы. Говорятъ, что онъ роздалъ 1.300.000 франковъ *ста четыремъ* членамъ парламента. Но онъ ихъ не выдалъ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣлавшіяся извѣстными впослѣдствіи, были сообщены не имъ, а Рейнакомъ, когда этотъ господинъ принужденъ былъ сдѣлаться доносчикомъ, чтобы спасти свою шкуру. И тѣмъ не менѣе Рейнакъ и въ этомъ случаѣ не могъ представить никакихъ доказательствъ. Артонъ ихъ увезъ съ собою.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Корнеліусъ Герцъ, этотъ человѣкъ съ извилистою, змѣиною душой. Онъ бралъ отъ Рейнака деньги обѣими руками,—500.000, 2 милліона сразу, можетъ-быть еще вдвое, втрое столько, — полныхъ отчетовъ относительно этого нѣтъ. Ихъ могъ бы дать самъ Корнеліусъ, но это не въ его видахъ.

Чтò дѣлалъ Герцъ съ полученными суммами, доподлинно неизвѣстно. Онъ умѣлъ очень ловко скрыть все это, и Рейнаку не давалъ противъ себя никакихъ „petits papiers". За то онъ очень тщательно собиралъ все, что прямо или косвенно могло компрометировать Рейнака и его друзей, и откладывалъ въ сторону, какъ банковые билеты. Когда этихъ документовъ собралось достаточно для того, чтобы съ ихъ помощью можно было упечь на каторгу плутоватаго барона, разорить множество политическихъ репутацій и вызвать всемірный скандалъ, Корнеліусъ Герцъ сразу перемѣнилъ тонъ. Онъ потребовалъ отъ Рейнака денегъ, много денегъ. Когда тотъ изумленно освѣдомился, за что? Герцъ хладнокровно отвѣтилъ: за молчаніе. У него-де имѣются несомнѣнныя доказательства, что онъ, баронъ, подкупалъ государственныхъ дѣятелей, расхищалъ деньги панамскихъ ак-

ціонеровъ,—совершалъ преступленія, строго наказываемыя французскими законами.

Баронъ понялъ и заплатилъ. Черезъ нѣкоторое время новое требованіе со стороны Герца,—и новая уплата. Потомъ еще и еще,—перепуганный баронъ все платилъ. Увѣряютъ, что такимъ путемъ переѣхало изъ сундуковъ Рейнака въ необъятные карманы этого колоссальнаго шантажиста 14.000.000 франковъ. А требованія не прекращались, они дѣлались все настойчивѣе и нахальнѣе. Герцъ требовалъ сразу 4.000.000, а у Рейнака ихъ не было. Чтобы подогрѣть его, начали пугать Рейнака коротенькими замѣтками и разоблаченіями въ антисемитской и безумно-смѣлой *Libre Parole*. Общественное мнѣніе насторожило уши, парламентскіе чекисты начали трепетать. Къ великому ужасу послѣднихъ, въ *Libre Parole* стали появляться замѣтки о фактахъ и называться имена, которыя могли быть извѣстны только Рейнаку... Обезумѣвшій баронъ, не будучи въ состояніи подкупить газету деньгами, дѣйствительно сталъ выдавать своихъ высокопоставленныхъ сообщниковъ съ тѣмъ, чтобы газета не трогала его самого.

Но уже было поздно. Судебное слѣдствіе о панамскихъ хищеніяхъ приходило къ концу (послѣ двухлѣтней работы!), Рейнака уже нѣсколько разъ вызывали къ слѣдователю, надежды на то, что изъ политическихъ соображеній дѣло будетъ задушено, не оправдались: въ одинъ прекрасный день какъ динамитный взрывъ грохнуло извѣстіе, что всѣ дѣятели Панамы преданы суду за мошенничество! Тогда-то произошелъ рядъ сценъ сильно-трагическаго характера, которыя закончились таинственною, но нелишенною величія смертью барона Рейнака, убѣдившись, что онъ окончательно прорвалъ плотину, воды которой имѣли затопить его міръ, онъ имѣлъ храбрость первый броситься въ ихъ пучины.

Мы видѣли Рейнака въ день 20 ноября летающимъ по городу вмѣстѣ со своимъ другомъ Рувье, разыскивая Клемансо, этого друга, покровителя и вмѣстѣ протеже Герца. Затѣмъ мы видимъ ихъ всѣхъ втроемъ у Герца, тщетно умоляющими или убѣждающими его прекратить ужасающую компанію. Герцъ остается непреклоннымъ. Затѣмъ всѣ летятъ въ одномъ, наемномъ фіакрѣ къ Констану, къ этому государственному дѣятелю съ добродушно-патріархальною улыбкой и съ загадочною душой способнаго на все человѣка. Онъ съ негодованіемъ отрицаетъ свою роль въ этой компаніи, затѣмъ смягчается, шутитъ, даетъ взаймы полу-

мертвому Рейнаку 5 франковъ, чтобы заплатить за извощика и, улыбаясь, говоритъ:

— Эту сумму я могу дать милліонеру!..

Всѣ втроемъ выходятъ отъ Констана, и Рейнакъ, садясь въ карету, блѣдный и уже думающій о смерти, безсознательно произноситъ:

— Я погибъ!..

Это было въ субботу вечеромъ. А въ воскресенье утромъ Парижъ узналъ, что наканунѣ ночью баронъ Рейнакъ скончался. Онъ показалъ дорогу своимъ соумышленникамъ, но пока никто еще за нимъ не послѣдовалъ. Соумышленники оказались характера болѣе сильнаго, или болѣе благоразумными... Кто знаетъ!

А затѣмъ началось уже настоящее свѣтопреставленіе. Вѣроятно въ будущемъ *письмѣ* мы познакомимся съ финаломъ этой колоссальной и поучительной исторіи.

И. Яковлевъ.

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

КЪ ПОЛЕМИКѢ О СОВРЕМЕННОМЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

Прошлый годъ закончился оживленною журнальною полемикой по поводу современнаго религіознаго движенія. Сама по себѣ полемика была не изъ выдающихся по качеству статей. Но вопросъ, ее вызвавшій, едва ли не важнѣйшій для хода развитія нашего общества. Я не могъ бы пожелать для Новаго Года русской журналистики ничего лучшаго, какъ того, чтобы вопросъ, выдвинутый въ концѣ 1892 года, не заглохъ, а былъ выясненъ въ 1893 году силами болѣе крупными, разсужденіемъ болѣе обстоятельнымъ, а главное—чувствомъ болѣе родственнымъ Православію.

Большинство участвовавшихъ въ полемикѣ не сказали ничего стоющаго отмѣтки. Относительно статьи г. Владиміра Соловьева помѣщаю ниже перепечатку изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Гораздо обширнѣе интересъ, возбуждаемый статьей г. Александра Саломона „Въ Каноссу" (№№ 332, 333, 335, 338, 339 *Гражданина* 1892 г.). Задавшись доказать слишкомъ много, г. Саломонъ слѣдитъ чуть не за каждою строкой моей брошюры, „Духовенство и Общество", стараясь всѣ ихъ опровергнуть. Отсюда—въ его статьѣ многое не имѣетъ общаго интереса. Воспоминанія г. Саломона о нѣкоторыхъ моментахъ „движенія" очень интересны, но онъ крайне суживаетъ *историческое* пониманіе вопроса, полагая, что для Россіи онъ возникъ тогда же, какъ для него самого. Все это годится для ряда спеціальныхъ темъ. Для оцѣнки

основной мысли гораздо важнѣе *вопросы*, поставленные мнѣ г. Саломономъ. Изъ остальныхъ пунктовъ статьи его любопытно отмѣтить только увѣренность автора въ чрезвычайной полезности свѣтскаго учительства.

Въ № 52 *Церковныхъ Вѣдомостей* (органа св. Синода), мы находимъ какъ бы отвѣтъ на эти ошибочныя надежды. *Церковныя Вѣдомости* перепечатываютъ „слово" митрополита Филарета о *непризванныхъ учителяхъ вѣры*, присовокупляя, что „мудрое слово великаго учителя Россійской Церкви особенно благопотребно нынѣ, въ виду поднятаго въ печати вопроса и, повидимому, еще спорнаго объ этомъ важномъ предметѣ".

Что же говоритъ богословъ и учитель Церкви примѣнительнаго къ нашимъ современнымъ спорамъ?

„Если ты чтишь достоинство учителя, установленное въ Церкви Христовой, говоритъ онъ, то не долженъ ты произвольно вступать на мѣсто учительское, или прибѣгать къ учителямъ, которыхъ никто не поставилъ, и къ пророкамъ, которыхъ Богъ не посылалъ; но долженъ въ кротост и и послушаніи проходить званіе ученика Евангельскаго, подъ руководствомъ поставленныхъ отъ Бога и Церкви учителей. Страшись быть учителемъ и самъ для себя, а тѣмъ болѣе, безъ высшаго призванія, учить другихъ, или переучивать учителей, отъ Бога и Церкви поставленныхъ. *Не мнози учители бывайте.* Наставленіе, можетъ-быть, болѣе нужное для многихъ нежели какъ съ перваго взгляда кажется".

Точно также слово митрополита дѣлаетъ сомнительнымъ предположеніе г. Саломона о полезности „самочиннаго" движенія. Г. Саломонъ хвалится, что за двадцать лѣтъ отношеніе общества къ религіи радикально измѣнилось. Не только религіозная идея получила права гражданства въ области мысли, говоритъ онъ, но пробудилось и окрѣпло религіозное чувство. Это (будто бы) есть и плодъ того самаго движенія, которое такъ осуждаетъ г. Тихомировъ, и тѣхъ именно сторонъ, которые ему (?) всего болѣе непріятны. Этого плода не было бы (полагаетъ Саломонъ), еслибы не было движенія *свѣтскаго, самочиннаго, то-есть свободнаго*". *(Гражданинъ* № 339, „Въ Каноссу"). Г. Саломонъ полагаетъ также, что въ противоположность этимъ заслугамъ „самочинныхъ учителей" мое скромное напоминаніе правилъ церковнаго ученія „приводитъ къ обостренному отношенію между духовенствомъ и обществомъ". Но „слово" митрополита Филарета и въ этомъ отношеніи наводитъ на совершенно иныя мысли.

„Люди, которые предпріемлютъ учить, читаемъ у митрополита, не бывъ призваны къ тому, думаютъ оправдаться тѣмъ, что хотя дерзновенно ихъ предпріятіе, но дѣло ихъ спасительно. Апостолъ разрушаетъ сію мечту самонадѣянія... Тѣ, которыхъ владычественная судьба Божія не послала учить, которыхъ власть церковная не поставила наставниками, какъ дерзаютъ учить и представлять себя наставниками?..

„Могутъ ли они (непризванные учители) надѣяться, что не повредятъ дѣлу учительства своими грѣхами, отъ которыхъ не очищены въ семъ дѣлѣ избирающею благодатію, не ограждены послушаніемъ закону избранія? Дѣйствуя по своемудрію и своеволію, могутъ ли они быть въ мирѣ съ мудрствующими о Господѣ и правимыми волей Божіею? А потому, не станутъ ли разделять, вмѣсто того, чтобы приводить въ соединеніе вѣры, распространять соблазны, вмѣсто назиданія, возмущать миръ Церкви?"

Я ли, стало-быть, угрожаю миру Церкви своимъ напоминаніемъ о необходимости правильныхъ отношеній между пастырями и пасомыми? И гдѣ будетъ миръ Церкви, если „движеніе" сведется на какую-то православно-протестантскую *унію*, съ сохраненіемъ отъ православія одного обряда?

Г. Саломонъ взялъ трудъ самолично охарактеризовать это движеніе, посредствомъ ряда поставленныхъ мнѣ вопросовъ. Привожу ихъ цѣликомъ, чтобы мысль г. Саломона была видна во всей точности.

Вотъ вопросы г. Саломона:

1) Признаю ли я, Л. Тихомировъ, что человѣческое общество вообще можетъ быть устроено на началахъ христіанской религіи?

2) Считаю ли я такимъ современное общество?

3) Если нѣтъ, то признаю ли я желательнымъ, чтобъ оно преобразовалось въ христіанскомъ духѣ?

4) Признаю ли я, что современное право есть плодъ языческаго генія и лишь въ незначительной степени прониклось духомъ христіанства?

5) Если да, то признаю ли я желательнымъ, чтобы это проникновеніе шло дальше и глубже до полнаго осуществленія въ правовыхъ институтахъ *христіанской* идеи справедливости?

6) Признаю ли я господствующіе во внѣшней политикѣ современныхъ государствъ принципы своекорыстія, насилія и обмана принципами христіанскими?

7) Если нѣтъ, то признаю ли я желательнымъ, чтобъ и во внѣшней политикѣ восторжествовала принесенная на землю Богочеловѣкомъ нравственная истина?

8) Признаю ли я, что нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія между вѣчной, абсолютной истиной религіи и порожденіями ума человѣческаго, усиливающагося познать реализацію той истины въ фактахъ и законахъ міра земнаго, конечнаго и относительнаго?

9) Если да, то признаю ли я желательнымъ, чтобы мысль человѣческая *свободно* стремилась къ достиженію синтеза науки и религіи?

Свои вопросы г. Саломонъ очевидно считаетъ необыкновенно убѣдительными, такъ что смѣло предоставляетъ мнѣ рѣшить: „Можно ли или нельзя признать *истинно религіознымъ* то движеніе, которое ставитъ эти вопросы и стоитъ за христіанское ихъ рѣшеніе"?

Понимаетъ ли однако „движеніе", каково *христіанское* рѣшеніе ихъ? Признаки и стремленія, отличаемые г. Саломономъ, не только не характеризуютъ религіозности движенія, но скорѣе показываютъ въ немъ *разложенія* христіанства.

Христіанство, въ теченіе девятнадцати вѣковъ своего господства, привило намъ тѣ абсолютныя стремленія, которыя характеризуютъ область *духа* и находятъ себѣ единственное *возможное* удовлетвореніе въ области духовной, религіозной жизни. Когда мы теряемъ *вѣру*, это еще не скоро приведетъ къ заглушенію самыхъ стремленій (да и не знаю—едва ли вполнѣ приводитъ когда бы то ни было). Но исходъ имъ можетъ давать только то, что человѣкъ еще видитъ,—и тутъ суррогатомъ утраченной религіозной жизни является жизнь соціальная. Въ исторіи эпизодовъ паденія христіанской вѣры—это кажется явленіе общее, постоянное. Оно сказывается и въ „движеніи" г. Саломона. Но можно безъ малѣйшаго колебанія сказать, что этотъ переносъ духовныхъ стремленій въ жизнь соціальную не удовлетворяетъ первыхъ и не вмѣщается въ послѣдней, а приводитъ только къ вѣчному томленію духа и постоянному разрушенію соціальной жизни.

Религіозное движеніе общества, говоритъ намъ г. Саломонъ, желаетъ построить общество „на основахъ христіанской религіи". Здравый смыслъ слишкомъ ясно показываетъ невозможность такого преобразованія въ настоящее время. Для возможности самообмана, люди „движенія" растягиваютъ „преобразованіе" на

долго. Его растягиваютъ по небольшимъ дозамъ на столѣтія. Но смѣю увѣрить г. Саломона, что тутъ невозможность зависитъ не отъ размѣровъ дозы, а отъ самого существа вещей.

Основы христіанской религіи въ жизни *духовной*, а вовсе не соціальной. Христіанство имѣетъ огромное *вліяніе* на общество, чрезъ посредство *людей*, ихъ личности. Но общество все-таки основывается на особыхъ законахъ, соціальныхъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти законы останутся до конца міра въ обществахъ языческихъ и христіанскихъ, не менѣе незыблемы, чѣмъ законы химіи или физики.

Собственно говоря устройство *общества*, *государства* на „началахъ христіанской религіи"—это фраза внутренне не имѣющая смысла. Г. Саломонъ можетъ говорить только о *вліяніи* христіанства на общество, функціонирующее на основахъ соціальныхъ законовъ. Съ возможно большимъ усиленіемъ этого вліянія конечно согласится всякій. Но это вліяніе возможно только посредствомъ выработки христіанской личности, а выработка ея совершается *Церковью*. Итакъ прежде чѣмъ хлопотать объ обществѣ, нужно думать о *Церкви*. Христіанскаго вліянія на общество иначе какъ посредствомъ Церкви нельзя имѣть. Такимъ образомъ люди движенія должны сначала сдѣлаться добрыми сынами Церкви, жить ея жизнью, подчиняться въ своей духовной жизни церковному руководству и дисциплинѣ, не говорить пустяковъ о „Каноссѣ", не разсуждать выше своей мѣры и не понижаться ниже своей мѣры, — и тогда только они для государства явятся христіанскими гражданами, людьми способными имѣть на общество христіанское вліяніе. Таковъ путь, и другаго нѣтъ.

Желанія же г. Соломона, покидая путь христіанскій, ищутъ совершенной невозможности.

Основать общество на христіанскихъ началахъ, это, полагаю, означаетъ основать общество святыхъ, въ постоянномъ общеніи со Христомъ. Такъ дѣйствительно и будетъ въ царствіи небесномъ, гдѣ преображенные святые, при измѣнившихся небесахъ и землѣ, будутъ жить со Христомъ. Но до тѣхъ поръ „движеніе", вопервыхъ, ставитъ *свое*, а не христіанское требованіе, вовторыхъ, требуетъ такой вещи, которую вполнѣ отвергаетъ разсудокъ.

Человѣческія общества таковы, каковъ матеріалъ ихъ, то-есть люди. Каковъ же этотъ матеріалъ? Святые ли это, хотя бы не преображенные? Нѣтъ — это мы, люди грѣшные, страстные, ходя-

щіе „посреди сѣтей многихъ“ и постоянно падающіе. Церковь насъ повышаетъ, вырабатываетъ, многихъ (допустимъ, хоть *очень многихъ*) спасаетъ. Но вѣдь мы все-таки умираемъ. Рождаются новые люди, такіе же грѣшные, такіе же страстные, имѣющіе такую же миссію, при всѣхъ своихъ искушеніяхъ, кое-какъ себя привести въ добропорядочность, и въ свою очередь умираютъ. Новые опять столь же доступны злому вліянію и своимъ страстямъ, столь же *свободны* не на одно добро, но и на зло. И такъ до конца вѣка. Это — здѣшняя жизнь наша, которая есть болѣе *школа*, нежели жизнь.

Потрудитесь же вникнуть, изъ кого у васъ въ каждую данную секунду состоитъ общество, государство? Не говоря уже объ „основахъ“, которыя по существу совершенно другаго рода, — ясно, что даже на *сильное* вліяніе христіанства при такомъ матеріалѣ трудно разсчитывать, почему мы и видимъ дѣйствительно, что христіанство существуетъ 1892 года, а всякаго насилія, жестокостей, своекорыстія, обмана въ мірѣ не оберешься. Да христіанство и не обѣщало совершеннаго общества до конца міра, когда все измѣнится по существу. О „мірѣ“ семъ, „духѣ міра сего“, „князѣ міра сего“ христіанство говоритъ съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, и Церковь наша *здѣсь* есть Церковь только „воинствующая“. Христіанская оцѣнка міра вполнѣ согласна и со впечатлѣніями всѣхъ великихъ наблюдателей человѣка и общества человѣческаго. А вотъ планы и надежда „движенія“, характеризуемаго г. Саломономъ, дѣйствительно противорѣчатъ какъ наблюденіямъ разума, такъ и прямому слову вѣры.

Дѣло не въ томъ, что г. Саломонъ желаетъ видѣть въ мірѣ больше справедливости, милосердія, кротости. Все это прекрасно. Но важна общая *комбинація* стремленій, расположеніе ихъ въ томъ или иномъ порядкѣ (что собственно и характеризуетъ христіанскую выработку), и въ этомъ отношеніи — „движеніе“ ничуть не христіанское, даже отводитъ людей отъ христіанства, а въ то же время гражданскому обществу, несмотря на кажущіяся добрыя намѣренія, не сулитъ добра, какъ впрочемъ всякая ложь. Почему это ложь? Потому что беретъ и міръ и человѣка не такими, каковы они есть, а по своей выдумкѣ, именно *выдумкѣ*. Это даже не ошибка въ наблюденіи, а чистая фантазія, въ отношеніи религіи грѣшная самовольностью, въ отношеніи разума — произвольностью.

Г. Саломонъ хорошо сдѣлалъ, что не упустилъ поставить мнѣ свои послѣдніе вопросы, №№ 8 и 9. Онъ ими дорисовываетъ человѣка своего движенія, и прекрасно показываетъ, откуда идетъ нехристіанство соціальныхъ стремленій его. Движеніе требуетъ для своихъ людей *свободной* работы для созданія синтеза разума и религіи. Допустимъ. Но важны *условія*, при которыхъ такая работа совершается, и въ обрисовкѣ ихъ движеніе г. Саломонъ опять одинаково далеко какъ отъ христіанства, такъ и отъ разума.

Г. Саломонъ исходитъ изъ положенія, будто бы между абсолютной истиной религіи и „порожденіями ума человѣческаго“ нѣтъ и „не можетъ быть“ противорѣчія.

Но это совершенно очевидная ошибка. Разумъ, дѣйствующій въ сильномъ и здоровомъ состояніи, не придетъ конечно къ противорѣчію съ истиной религіи. Но вообще „порожденія человѣческаго ума“ — сплошь и рядомъ такая чепуха, что не только религіи, а и сами себѣ противорѣчатъ. Это, помнится, Фурье говорилъ, будто бы человѣкъ *не способенъ* вообразить ничего невозможнаго, такъ сказать, недѣйствительнаго, такъ, что если у человѣка явилось что-нибудь въ головѣ, то стало-быть это или есть или можетъ существовать въ дѣйствительности. Нѣчто подобное этой мысли кроется въ нынѣшнемъ „движеніи“. Огромное заблужденіе!

Для того, чтобы между истиной религіи и истиной разума не оказалось противорѣчія, нужно чтобы мы въ той и другой области дѣйствительно доходили до *истины*. Но какъ до нея дойти? Для этого нужны условія, далеко не исчерпываемыя голой *свободой*. Если я освобожу себя отъ знанія, искренности исканія, ото всѣхъ условій, при которыхъ возможно достиженіе истины, то мои „порожденія ума“ безъ всякаго сомнѣнія окажутся ложны. Мало того, — я даже не буду *свободенъ*, а только не буду сознавать своего рабства — у самыхъ различныхъ, вредныхъ и коварныхъ вліяній. Собственно говоря—свобода, т.-е. независимость отъ внѣшнихъ вліяній, существуетъ только для *силы*. Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ свободнѣе, чѣмъ слабѣе—тѣмъ болѣе рабъ. Итакъ— нужно прежде всего искать условій *силы* для отысканія истины, то-есть условій при которыхъ мы становимся *способны* къ этому. А эта способность развивается цѣлымъ рядомъ *подчиненій*, которыя у человѣка разумнаго сознательны, свободны, преднамѣренны. Г. Саломонъ говоритъ объ абсолютной истинѣ религіи. Какъ же

мы ее постигаемъ? Только при помощи *вѣры*. Внѣшне постигаемъ только подчиненіемъ Откровенію, болѣе глубоко—созерцательно—усвоиваемъ только подчиненіемъ духовной дисциплинѣ, опять же не нами выдуманной, а открытой свыше. Если человѣкъ желаетъ усвоить религіозную истину, онъ ошибется, поставивъ свои исканія произвольно, напримѣръ, если начнетъ дѣйствовать разсужденіемъ. Нѣтъ. Ему—если онъ разуменъ—приходится подчиниться тому условію, что религіозную истину человѣкъ постигаетъ лишь чувствомъ *вѣры*. Ему стало-быть приходится подчиниться тѣмъ условіямъ, при которыхъ чувство вѣры развивается, а не глохнетъ. Точно также и въ познаніи научномъ я долженъ подчиниться опыту, наблюденію, логикѣ. Если я себя въ этомъ отношеніи не дисциплинирую, мои „порожденія ума" не будутъ имѣть никакой научной цѣнности и ни къ какой истинѣ не приведутъ. Такимъ образомъ личныя требованія „движенія" опять и не разумныя и не христіанскія. Ошибка ихъ не въ томъ, что они желаютъ свободы, а въ томъ, что не понимаютъ смысла свободы, не понимаютъ условій, при которыхъ свобода существуетъ въ дѣйствительности.

Христіанское ученіе, опредѣляя, къ чему мы должны стремиться въ своей выработкѣ, указываетъ на гармоническое соподчиненіе нашихъ способностей. Этимъ характеромъ нашего внутренняго устроенія опредѣляются наши отношенія къ остальному міру, наши требованія отъ него, наши стремленія такъ или иначе его приспособить къ себѣ. Сами по себѣ желанія видѣть въ обществѣ возможно большее вліяніе христіанскаго духа вполнѣ, конечно, законны. Но „движеніе" забываетъ *мѣру*, тѣмъ самымъ обнаруживая нехристіанское устроеніе *личности* своихъ старателей. Оно мало думаетъ о главномъ, много о второстепенномъ. Оно нигдѣ не слушаетъ прямаго ученія христіанства и навязываетъ ему *свои* (между прочимъ ошибочныя) стремленія. Въ результатѣ получаются стремленія не только не христіанскія, но совершенно *фантастичныя*. Христіанство высоко реально. Въ движеніи же г. Саломона цѣли и надежды фантастичны. Эти грёзы возможны только у *бывшаго* христіанина, забывшаго *полную* истину и перепутавшаго законы міра духовнаго съ законами міра матеріальнаго. Это заблужденіе тѣмъ менѣе остроумно, что оно не оригинально, а лишь повторяетъ позднѣе то, на чемъ уже раньше споткнулось разложенное христіанство Рима. Но результаты его у насъ, конечно, будутъ еще хуже потому, что

Православіе сильнѣе развиваетъ стремленія духа, и стало быть разъ онъ потерялъ настоящую нить своего развитія,—то придетъ къ гораздо болѣе безумнымъ заблужденіямъ.

Потому-то и слѣдуетъ, пока еще не поздно, и кому не поздно,—взяться за умъ.

Что значитъ взяться за умъ? Это значитъ имѣть достаточно смысла, чтобы понять свои силы и не убаюкивать себя дѣтскими мечтами о своей будто бы свободѣ. Свободенъ всякій лишь по мѣрѣ силы. А силу въ духовномъ отношеніи можно получить только тамъ, гдѣ она Богомъ указана,—въ Церкви, въ ея ученіи и руководствѣ. Это вовсе не „Каносса“, какъ не „Каносса“ телескопъ для астронома, хлѣбъ для голоднаго, компасъ для путника въ пустынѣ. Церковь указываетъ *условія* познанія и духовнаго равновѣсія, она же даетъ и средства для достиженія того и другаго. Подчиненіе ей не есть униженіе и рабство, а даетъ повышеніе и свободу. А затѣмъ уже—войдя крѣпко въ церковную жизнь, ученіе и выработку, думайте объ устроеніи *общества*, о всякихъ „институтахъ“ его. Тогда разсужденіе объ этихъ предметахъ станетъ разумнымъ, а не мечтаніями, устроеніе—дѣйствительнымъ, а не простымъ разговоромъ о невозможностяхъ. Такого устроенія конечно и я желаю не меньше кого другаго, и для Россіи, какъ страны болѣе другихъ христіанской, — считаю возможнымъ (конечно въ мѣру, міромъ вмѣщаемую), а потому-то, повторяю, нельзя намъ пожелать для новаго 1893 года ничего лучшаго, какъ того, чтобы онъ поспособствовалъ выясненію вопроса для образованнаго общества, отъ котораго такъ много зависитъ весь ходъ устроенія во всякой странѣ и государствѣ.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Мой отвѣтъ г. Владиміру Соловьеву.

Въ № 356 *Московскихъ Вѣдомостей* 1892 г. я опубликовалъ нижеслѣдующій отвѣтъ г. Владиміру Соловьеву:

„Г. Владиміръ Соловьевъ ополчился въ *Вѣстникѣ Европы* („*Вопросъ о самочинномъ умствованіи*, декабрь) противъ моей статьи „Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи".

Печальное впечатлѣніе производитъ упадокъ человѣка, когда-то подававшаго столько надеждъ. Не найдешь уже у „нашего философа" ничего не только мудраго, но даже просто хотя соотвѣтственнаго тѣмъ знаніямъ, которыя естественно предполагать въ человѣкѣ способномъ и такъ долго учившемся. Въ мысляхъ его я встрѣчаю тѣ недоумѣнія, которыя обыкновенно характеризуютъ возрастъ гораздо болѣе молодой, когда у человѣка еще нѣтъ ни знаній, ни опытности, ни запаса размышленій.

Чтò еще хуже,—въ его отношеніи къ фактамъ и цитатамъ и здѣсь, въ области вопросовъ вѣры замѣчаются лишь тѣ далеко не почтенныя качества, въ которыхъ г. Соловьева принуждены были уличать всѣ, когда-либо съ нимъ спорившіе по какимъ бы то ни было вопросамъ, г. Д. Самаринъ, г. Д. Щегловъ и т. д.

Г. Соловьевъ съ очень важнымъ видомъ „на первый разъ", какъ онъ выражается, указываетъ мнѣ два „факта", имѣющіе меня научить, что „дѣло не такъ просто", какъ, по его мнѣнію, оно мнѣ кажется.

Онъ, вопервыхъ, указываетъ, будто бы митрополитъ Платонъ признавалъ „Священное Писаніе *единственнымъ* и самодавлѣющимъ критеріемъ религіозной истины", почему я, вопреки этому, вѣрящій въ Святое *Преданіе* и въ истолкованіе Святой Церкви, долженъ быть отнесенъ къ „малосмысленнымъ", глупымъ и т. д.

Эта ссылка на митрополита Платона въ высшей степени не дѣлаетъ чести г. Соловьеву, а равно показываетъ, что знанія его далеко не соотвѣтствуютъ дерзости его сужденія.

Дѣло въ слѣдующемъ. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ разсказываетъ, будто бы митрополитъ Платонъ, прочтя книгу инока Никодима о *Преданіяхъ церковныхъ*, сдѣлалъ на поляхъ ея замѣтку, смыслъ которой позволяетъ г. Соловьеву возвести на митрополита упомянутый поклепъ.

Попрошу читателей обратить вниманіе, что документа, о которомъ говоритъ Гиляровъ-Платоновъ, мы не имѣемъ и можемъ судить о немъ только по пересказу Гилярова. Но насколько точно Гиляровъ-Платоновъ передаетъ смыслъ замѣтки? Можно ли по такому отдаленному свидѣтельству характеризовать мнѣнія митрополита?

Вовторыхъ,—еслибы замѣтка была и такова, то нужно быть очень легкомысленнымъ или недобросовѣстнымъ, или то и другое вмѣстѣ, чтобы не понимать или притворяться непонимающимъ, что бѣглая отмѣтка читателя на поляхъ книги никогда не выражаетъ его *полной* мысли. Такія отмѣтки дѣлаютъ *для себя*, на память, онѣ всегда односторонни и въ умѣ дѣлающаго ихъ дополняются многимъ другимъ, можетъ-быть, и прямо противоположнымъ.

О подобной замѣткѣ странно даже и разсуждать, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ *подлинныя* писанія митрополита Платона и ничуть не находимся въ необходимости судить о немъ по слухамъ.

Въ „увѣщаніи" старообрядцамъ митрополитъ Платонъ, напримѣръ, говоритъ:

„Вы Священное Евангеліе и святые вселенскіе и помѣстные соборы за правило вѣры и благочестиваго житія почитаете, *такъ какъ и мы*".

Ничуть не разрѣшая самочиннаго умствованія, митрополитъ напротивъ говоритъ старообрядцамъ:

„Просимъ и молимъ васъ безо всякаго опасенія придти къ *пастырямъ церковнымъ* и свои сумлѣнія предложить. Будьте надежны, что на всѣ ваши недоумѣнія даны будутъ ясныя разсужденія со всякою христіанскою тихостью". Г. Вл. Соловьевъ можетъ быть „надеженъ", что митрополитъ Платонъ и его, Вл. Соловьева, съ прочими сподвижниками и ихъ „сумлѣніями" пригласилъ бы „придти къ пастырямъ церковнымъ". И хорошо бы сдѣлалъ г. Соловьевъ, еслибы послушался митрополита, вмѣсто того, чтобы строить подъ него подвохи, основываясь на какихъ-то ничтожныхъ *petits papiers*. Грѣха бы меньше было, да и вопросъ яснѣе.

Вторая цитата, приводимая г. Соловьевымъ, передѣлана имъ по своему.

Въ „Окружномъ Посланіи“ Вселенской церкви отъ 6 мая 1848 года (стр. 37) сказано: „хранитель благочестія (ὑπερασπιστὴς τῆς θρησκείας) у насъ есть самое тѣло Церкви“. Г. Соловьевъ цитуетъ: „хранитель *религіи*“. Положимъ разница не велика, однако въ мысли и словѣ Восточныхъ патріарховъ было именно θρησκείας, то-есть, какъ и переведено Св. Синодомъ, „благочестіе“, и г. Соловьевъ не имѣетъ никакого права вводить въ *Посланіе* своихъ собственныхъ оттѣнковъ мысли.

Что касается самой идеи, то г. Соловьевъ могъ бы найти ея прекрасную формулу гораздо ближе, въ № 47 *Церковныхъ Вѣдомостей,* гдѣ органъ Св. Синода, одобряя общую правильность опровергаемыхъ г. Соловьевымъ моихъ мыслей, поясняетъ:

„Церковь *обладаетъ* истиной, а пастыри Церкви ее *возвѣщаютъ*, въ духѣ послушанія Церкви“.

Церковное ученіе, сообщающее намъ эту истину, доступно всякому желающему. Оно изложено въ книгахъ, оно словесно преподается пастырями Восточной Православной Церкви. Всѣ заблужденія гг. Соловьевыхъ возникаютъ и держатся только по *нежеланію* обратиться за поученіемъ къ Церкви Православной. Къ этому источнику религіознаго познанія, какъ единственному вѣрному прибѣжищу, должны обратиться всѣ смущаемые собственнымъ разбродомъ мыслей или безцеремонною ложью софистовъ.

КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНИЧЕСТВѢ.

Составляя свое декабрьское обозрѣніе, я характеризовалъ мнѣнія г. В. В. лишь по *первымъ тремъ* статьямъ его. Послѣ этого онъ выпустилъ еще двѣ статьи въ №№ 10 и 11 *Русскаго Богатства*, чѣмъ и закончилъ свои „Попытки обоснованія народничества“. Прочитавъ эти статьи, не нахожу въ нихъ ни одного слова, способнаго измѣнить сдѣланную мной оцѣнку. Послѣднія статьи г. В. В. не имѣютъ интереса первыхъ и представляютъ очень слабую и скучную компиляцію гг. Пыпина и Скабичевскаго.

Л. Тихомировъ.

I

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

7 января.

Конецъ истекшаго года представлялъ въ театральной жизни Москвы лишь два выдающіяся явленія. Это были: гастроли Сары Бернаръ и юбилейное чествованіе Фонвизина.

Сара Бернаръ надѣлала публикѣ много хлопотъ. Прежде всего заинтересовались ея лѣтами; потомъ—костюмами; затѣмъ начали сравнивать „прежнюю" Сару съ тою, какая она теперь; когда это сравненіе было произведено, принялись сравнивать г-жу Дузе и Сару Бернаръ, Сару Бернаръ и г-жу Ѳедотову, г-жу Ермолову и Сару Бернаръ. Въ концѣ-концовъ—немного перессорились, ибо взгляды и мнѣнія оказались ужь очень противоположными. Безусловно сошлись лишь въ одномъ. Сара Бернаръ—пополнѣла и нисколько не состарѣлась.

Дѣйствительно, въ отношеніи физическомъ Сара Бернаръ представляетъ удивительное явленіе. Несмотря на свои 45 лѣтъ, она имѣетъ теперь видъ болѣе моложавый, нежели когда-либо, а физическое утомленіе для нея какъ бы не существуетъ. Она играла свою первую роль чуть не черезъ часъ послѣ выхода изъ вагона, играла каждый день, а иногда два раза на дню, утромъ и вечеромъ. Каждый изъ зрителей, котораго заставили бы изо дня въ день присутствовать утромъ и вечеромъ на всѣхъ представленіяхъ Сары Бернаръ, каждый такой зритель навѣрное былъ бы уже черезъ недѣлю отправленъ въ лѣчебницу для нервныхъ болѣзней и окруженъ тамъ особыми попеченіями, какъ переутомленный. Сара Бернаръ не только не переутомляется, она не утомляется совсѣмъ, ибо въ противномъ случаѣ нельзя было бы „работать" такъ, какъ она дѣлала это въ Москвѣ.

Вы скажете: но вѣдь это не оцѣнка игры, это оцѣнка здоровья? Да. Но что же дѣлать, если основное, главное, неотразимо навязывающееся впечатлѣніе отъ гастролей Сары Бернаръ прежде всего сводится къ неотвязчивой мысли: какое удивительное здоровье и какіе удивительные нервы нужно имѣть, чтобы не утомляться при такой работѣ? Оцѣнка игры, въ сущности главныя линіи такой оцѣнки уже намѣчены, разъ только основнымъ „ощущеніемъ“ явилось изумленіе передъ „выносливостью“ артистки. Игра Сары Бернаръ не есть художество. Это лишь исполняемый на нашихъ глазахъ процессъ художественнаго ремесла, а въ этомъ процессѣ безпощадно раскрываются всѣ механическіе пріемы актерской техники. Еще въ первый пріѣздъ Сары Бернаръ въ Москву, я писалъ, что вся игра ея разлагается критическимъ анализомъ безо всякаго остатка. Въ настоящее время нѣтъ даже надобности быть театральнымъ критикомъ, то-есть обладать спеціальнымъ знаніемъ, опытомъ и навыкомъ, чтобы произнести то же сужденіе. До такой степени подчеркнулись техническіе пріемы и огрубѣла игра французской артистки, въ полномъ соотвѣтствіи съ превращеніемъ Сары Бернаръ изъ знаменитости въ пресловутость. Теперь въ игрѣ ея все рѣзко, все крикливо, все преувеличено. Чувство художественной мѣры совершенно исчезло. Особенно въ голосѣ, до настоящаго времени превосходно сохранившемся. Вмѣсто выразительности, артистка даетъ этимъ голосомъ, если можно такъ выразиться, только одну игру звуковъ, производящую чисто физическое впечатлѣніе Эоловой арфы. Это красиво по временамъ. Но Сара Бернаръ злоупотребляетъ этимъ пріемомъ; отсюда несносное ощущеніе приторной слащавости, еще болѣе усиливаемое постоянно одинакимъ во время этихъ музыкальныхъ исполненій „ангельскимъ“ выраженіемъ лица. Непосредственнымъ контрастомъ въ нотѣ „Эоловой арфы“ служитъ сиплый, беззвучный, истерическій крикъ, какимъ Сара Бернаръ вела добрую половину роли Федры. Трудно сказать, — которая изъ этихъ двухъ крайностей несноснѣе, но несомнѣнно, что благодаря совершенно неестественному, форсированному крику, роль Федры стоитъ артисткѣ наибольшихъ напряженій, вслѣдствіе чего она и считаетъ ее своею лучшею ролью. Газеты взапуски одна передъ другой сообщали сенсанціонную новость. Сара Бернаръ „сама“ объявила какому-то репортеру, что она непремѣнно умретъ когда-нибудь на сценѣ при исполненіи роли Федры. Этому охотно можно повѣрить, ибо достаточно наканунѣ съѣсть

или выпить что-нибудь лишнее—чтобы на другой день умереть отъ апоплексіи во время какого-нибудь неумѣреннаго гимнастическаго напряженія. Но эта опасность чисто физическая, не имѣющая ничего общаго съ искусствомъ. И вотъ я незамѣтно опять пришелъ къ тому, съ чего началъ: къ физической сторонѣ игры Сары Бернаръ. Что же дѣлать, если игра эта производитъ одно лишь физическое впечатлѣніе? Только по временамъ въ игрѣ этой мелькаютъ детали дѣйствительно художественныя. Таковы нѣкоторыя сцены въ *Françillon*, въ *Frou-Frou*, въ *Maître des Forges*. Но это какъ бы капли въ морѣ рутины и общихъ мѣстъ. Сара Бернаръ играетъ теперь по шаблону, который помогаетъ ей, не утомляясь, въ тысячный разъ воспроизвести роль точно такъ же, какъ играла она ее въ сотый или пятисотый разъ. Французы называютъ это *un deblayage*.

Чествованіе Фонвизина справлялось 1 декабря на Большомъ Театрѣ, на театрѣ г. Корша и на театрѣ Скоморохъ. Большой Театръ и г. Коршъ давали комедію *Бригадиръ;* театръ Скоморохъ поставилъ комедію *Недоросль*. На Большомъ Театрѣ, кромѣ того, давалась спеціально написанная для этого случая одноактная піеса г. П. Вейнберга, подъ заглавіемъ *У Фонъ-Визина*, между тѣмъ какъ третье и послѣднее отдѣленіе спектакля посвящено было апоѳеозу предъ бюстомъ писателя.

Я давно твержу, что мы не умѣемъ справлять на театрѣ юбилейныя представленія. Происходитъ это, по всей вѣроятности, отъ того, что театральные юбилеи для насъ еще дѣло не совсѣмъ привычное, съ одной стороны, а съ другой стороны—дѣло выходящее изъ предѣловъ обычной практики, чтобы не употреблять слово „рутина“. Въ такихъ случаяхъ приходится соображать и думать болѣе, нежели обыкновенно, да еще думать о вещахъ не каждый день встрѣчающихся, а такое напряженіе мысли затруднительно при существованіи множества других театральныхъ хлопотъ. Мало-по-малу у насъ сложился готовый шаблонъ театральныхъ юбилеевъ. Дается „юбилируемая“ піеса, или піеса „юбиляра“, а затѣмъ слѣдуетъ *апоѳеозъ*, причемъ непремѣнно поется *Слава нашему* (имя рекъ), а депутаціи полагаютъ вѣнки къ подножію бюста. Кромѣ того печатается особая юбилейная афиша, съ картинкой. По этому шаблону происходило и чествованіе Фонвизина. Небольшую отмѣну противъ шаблона, или,

говоря точнѣе, нѣкоторую вставку въ готовую формулу представляла *pièce d'à propos* г. Вейнберга.

Будемъ разсуждать. На афишѣ Большаго Театра было напечатано: „Юбилей въ память Д. И. Фонъ-Визина, по случаю столѣтія со дня его кончины". Что это такое: юбилей—по случаю дня кончины? Это очевидное неумѣніе ясно выразить словами смыслъ событія. Нѣтъ ни малѣйшаго смысла праздновать юбилей по случаю дня смерти великаго человѣка, въ какой бы разъ не возвращался этотъ скорбный день, въ сотый или четерехсотый. *Юбилейное* празднованіе неразрывно связано съ *жизнью*, а не со смертью. Можно справлять юбилей *дня рожденія;* нельзя справлять юбилей *дня кончины*. Въ этотъ день допускается лишь *чествованіе памяти*. Г. Коршъ, очевидно, лучше постигъ въ чемъ дѣло и напечаталъ на своей афишѣ: „спектакль, посвященный памяти Д. И. Фонъ-Визина".

Что такое *апоѳеозъ?* Въ театральной практикѣ этимъ словомъ обозначается заключительная картина большаго балета. Картина эта бываетъ всегда фантастическая, съ группами, бенгальскимъ огнемъ, летящими геніями, гирляндами и т. д. Прилично ли и удобно ли печатать на афишѣ: *апоѳеозъ* предъ бюстомъ Фонвизина? Никакого *апоѳеоза* Фонвизина ли, или кого другаго, не можетъ на самомъ дѣлѣ быть представлено, ибо это значило бы, по смыслу слова, изображать на сценѣ *обоготвореніе* писателя, тогда какъ дѣло идетъ только о *чествованіи* его памяти. Но театральная рутина беретъ свое. Какъ только заходитъ рѣчь о подготовленіи на театрѣ торжественной картины чествованія, такъ немедленно на умъ составителя афиши подвертывается готовое слово *апоѳеозъ*.

Въ составъ чествованія Фонвизина входило принесеніе къ подножію бюста вѣнковъ нѣсколькими депутаціями отъ различныхъ московскихъ литературно-художественныхъ Обществъ. Дирекціи, внѣ всякаго сомнѣнія, было заранѣе извѣстно, отъ какихъ именно Обществъ явятся депутаціи и изъ кого они будутъ состоять. Что могло бы быть проще, какъ подѣлиться съ публикой этими свѣдѣніями, напечатать въ афишѣ послѣдовательный порядокъ депутацій и имена ихъ представителей? Мы знали бы тогда, что предъ нами происходитъ, имѣли бы мѣрку для степени сочувствія и уваженія, оказываемаго Фонвизину со стороны учрежденій, наиболѣе близко стоящихъ къ искусству и къ литературѣ. Теперь мы—ровно ничего не понимали. Изъ-за кулисъ

выходили мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, приближались къ бюсту, стоявшему въ глубинѣ сцены, клали къ подножію его принесенный ими вѣнокъ и расходились, одни на право, другіе — на лѣво. Я видѣлъ въ числѣ этихъ мужчинъ рядъ знакомыхъ лицъ. Но даже и при этомъ условіи я затруднился бы сказать отъ кого приносили они свои вѣнки. Ибо каждый изъ нихъ состоитъ членомъ различныхъ Обществъ.

Г. Вейнбергъ сочинилъ спеціальную піесу для этого дня. Г. Крыловъ написалъ, спеціально для Москвы, особое стихотвореніе, посвященное памяти Фонвизина и прочиталъ намъ его со сцены. Каждому изъ присутствующихъ было бы чрезвычайно пріятно, заплативъ какой-нибудь рубль, пріобрѣсти тутъ же въ театрѣ брошюру, въ которую вошли бы обѣ эти *pièces d'à propos*. Стоило бы только подумать объ этомъ заранѣе, и такая брошюра поспѣла бы вовремя и безъ сомнѣнія прекрасно бы разошлась. Но объ этомъ не подумали и ограничились только продажей особой юбилейной афиши. Свойство такой афиши, имѣющей обыкновенно очень большой форматъ, состоитъ въ томъ, чтобъ отравлять театральный вечеръ каждому, кто имѣлъ неосторожность пріобрѣсти ее при входѣ въ театръ. Такъ какъ, ради картинки, ее жаль складывать до степени умѣщаемости въ карманѣ, то зрителю приходится цѣлый вечеръ носить съ собою въ рукѣ эту афишу, свернутую въ трубку. Это чистое наказаніе. Не правъ ли я, утверждая, что мы не умѣемъ справлять театральные юбилеи?

Но было на этомъ юбилейномъ спектаклѣ и еще одно обстоятельство, приведшее многихъ въ большое недоразумѣніе. На афишѣ было напечатано, что комедія *Бригадиръ* будетъ даваться *въ первой редакціи*.

Что это за первая редакція? Никто изъ насъ не зналъ, что существуютъ *двѣ* редакціи *Бригадира*. Откуда взялась эта *первая* редакція? Кто ее открылъ? Гдѣ ее нашли? Въ чемъ ея особенности?.. Все это были открытые вопросы. Афиша еще разъ подшутила надъ нами, задавъ намъ загадку. А какъ было бы легко объяснить дѣло нѣсколькими словами на той же афишѣ!

Оказывается, что въ юбилейный спектакль комедія *Бригадиръ* шла по тексту, возстановленному Н. С. Тихонравовымъ по театральному и цензурному экземплярамъ прошлаго столѣтія. Въ одномъ мѣстѣ (сцена совѣтника, совѣтницы и Добролюбова, III, 6) къ существующему теперь тексту (изд. 1866 года подъ редакціей

. Ефремова) прибавлено около полустраницы разсужденій о взяточникахъ. За то въ другихъ мѣстахъ сдѣланы пропуски, чуть не вчетверо превосходящіе по объему это добавленіе. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ пропусковъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ Л. И. Поливановымъ, который имѣлъ терпѣніе, въ продолженіи нѣсколькихъ актовъ, съ карандашемъ въ рукѣ дѣлать отмѣтки по существующему въ печати тексту. Дѣйствіе IV, явленіе 7:

— *Совѣтникъ.* Возможно ли тому статься, чтобы въ книгахъ врали? Да вѣдаешь ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ, православнымъ? Видно, вѣра-то у васъ пошатнулась; еретиковъ стало больше.

— *Бригадиръ.* А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не отъ того, чтобы больше стало еретиковъ, а развѣ отъ того, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Другой пропускъ въ той же сценѣ:

— *Совѣтникъ.* Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женой; однако для счастія мужей дай, Господи-Боже, чтобы всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

— *Бригадиръ.* Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людями заслуженными, а съ повѣсами рѣдко.

— *Совѣтникъ.* Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

— *Бригадиръ.* А всего мудренѣе, если я въ этомъ обманываюсь.

То же дѣйствіе, явленіе 6. Бригадиръ говоритъ о своей женѣ, что она не кстати зажилась:

— *Совѣтникъ.* Какъ не кстати? Что-жь ты и заправду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтнее здоровье и долгіе вѣки. Съ умомъ ли ты! кому ты желаешь смерти?

— *Сынъ.* Желать смерти никому не надобно, mon cher père ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

— *Бригадиръ.* Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако все больше хочу ей добра, нежели ты намъ обоимъ.

— *Сынъ.* Я васъ не учу, я говорю правду.

— *Бригадиръ.* Говори ее, когда спрашиваютъ.

— *Совѣтница.* Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ?

— *Бригадиръ.* Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

— *Сынъ.* Батюшка, я негодница; je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, monsieur *(къ Добролюбову)*, конечно сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

— *Добролюбовъ.* А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ понять причину такихъ пропусковъ, равно какъ опредѣлить, не имѣя предъ собою печатнаго текста возстановленной г. Тихонравовымъ „первой редакціи", принадлежатъ ли эти пропуски „редакціи", или же они составляютъ новѣйшія „купюры". Мнѣ кажется, что комедія *Бригадиръ* представляетъ для нашей современной сцены явле-энаәịнтолько археическое, что единственный интересъ, какой она можетъ имѣть теперь, интересъ историко-литературный, всего болѣе будетъ достигаться возможно *полнымъ* текстомъ піесы, какимъ является текстъ изданія 1866 года. Исходя отъ этой точки зрѣнія, довольно трудно судить о значеніи „первой редакціи", по которой піеса давалась въ юбилейный спектакль. Нужно искренно пожалѣть, что Н. С. Тихонравовъ не издалъ къ этому дню возстановленнаго имъ „первоначальнаго" текста. Тогда не могло бы существовать никакихъ недоразумѣній.

Какое впечатлѣніе производитъ со сцены комедія *Бригадиръ?* Удивительно странное. Въ свое время это была несомнѣнно піеса вполнѣ бытовая, яркая картинка современныхъ нравовъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ прямо говорилъ автору:

— Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу. Это *въ нашихъ нравахъ* первая комедія, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь если сія комедія столь много имѣетъ успѣха.

Въ настоящее время всего труднѣе признать „родню" именно въ Акулинѣ Тимофеевнѣ. Съ фигурой этой произошла удивительная метаморфоза. Въ XVIII вѣкѣ она казалась только „дурищей" и только возбуждала смѣхъ, выдвигаясь въ качествѣ комической бытовой фигуры на самый передній планъ. Теперь она совсѣмъ не кажется намъ прирожденною дурой. Напротивъ. Она *совсѣмъ не дура* и отлично умѣетъ разсудить объ всемъ, что вхо-

дитъ въ непосредственный и ближайшій кругъ ея непосредственныхъ интересовъ, ея заботъ и вѣдѣнія, какъ хозяйки и помѣщицы. Не она „ограничена“, чтобъ замѣнить этимъ понятіемъ эпитетъ „дурищи“, съ какимъ до настоящаго времени ходитъ бригадирша, съ легкой руки графа Н. И. Панина. Ограниченъ кругъ, въ которомъ она замкнута условіями времени и воспитанія. Но въ этомъ кругѣ она не подлежитъ ни малѣйшему упреку, ни малѣйшей критикѣ и еще менѣе—сатирѣ или насмѣшкѣ. Она превосходная жена, превосходная хозяйка и любящая мать. Недоразумѣнія ея начинаются лишь когда въ этотъ бытовой кругъ внезапно врываются новые элементы, совершенно ей чуждые и притомъ чуждые не ей одной, но и всему бытовому строю, среди котораго она росла и воспитывалась. Но и по отношенію къ этимъ пришлымъ, совершенно внѣшнимъ элементамъ, вполнѣ чуждымъ русской жизни и неимѣющимъ съ нею ничего общаго, бригадирша является только наивною, а совсѣмъ не „дурищей“. Наивность эта возвышается до цѣломудрія, когда она совершенно искренно не понимаетъ, чего проситъ у нея совѣтникъ, падающій передъ ней на колѣна, и только сынъ объясняетъ матери, что ей дѣлали формальное объясненіе въ любви. Какимъ гнѣвомъ оскорбленной жены и женщины вспыхиваетъ тогда бригадирша! Рѣшительно: теперь она—не дурища, какою казалась прежде.

Такимъ образомъ перестанавливаются очертанія главной фигуры, ибо, какъ видно изъ признанія самого Фонвизина, комедія его главнымъ образомъ обращала на себя вниманіе современниковъ фигурой Акулины Тимофеевны. Бригадирша не возбуждаетъ въ насъ того смѣха, какой возбуждала въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Вмѣсто съ тѣмъ смѣхъ почти совсѣмъ исчезаетъ изъ зрительной залы во время представленія комедіи Фонвизина Ломающаяся чета, состоящая изъ сына бригадира и совѣтницы, чета эта гораздо болѣе противна, нежели забавна; комизмъ ея сталъ для насъ совершенно чуждымъ.

Точно также не комичны бригадиръ и совѣтникъ. Въ общемъ піеса Фонвизина оставляетъ теперь впечатлѣніе не „комедіи нравовъ“, а довольно грубаго шаржа, построеннаго на подкладкѣ французскихъ піесъ XVIII вѣка, но съ присоединеніемъ нѣсколькихъ наблюденій надъ помѣщичьею русскою средой въ самыхъ общихъ ея очертаніяхъ.

С. Васильевъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ «НОВАГО ЗАВѢТА» СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа.
Трудъ Святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси.
Фототипическое изданіе Леонтія, митрополита Московскаго. М. 1892.

Книжное дѣло только-что истекшаго 1892 года ознаменовано замѣчательнымъ изданіемъ высокопреосвященнаго Леонтія, митрополита Московскаго. Изданіе его представляетъ собою фототипическое воспроизведеніе „Новаго Завѣта“, начертаннаго на пергаментѣ собственною рукою Московскаго Святителя Алексія, въ его же собственномъ исправленіи и переводѣ съ греческихъ списковъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Эта рукопись, вмѣстѣ съ собственноручнымъ духовнымъ завѣщаніемъ Святителя Алексія, хранится въ особомъ ковчегѣ въ Чудовомъ монастырѣ. Въ прежнее время по святительской рукописи читали Евангеліе во время молебна надъ больными. [1]

Въ настоящемъ видѣ Новый Завѣтъ Святителя Алексія содержитъ въ себѣ Четвероевангеліе по порядку евангелистовъ (лл. 3—52), Дѣянія и Посланія св. Апостоловъ, Апокалипсисъ, порядокъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній (лл. 59—166) и Краткій Мѣсяцесловъ (лл. 166—170). Между Четвероевангеліемъ и Дѣяніями Апостольскими помѣщено слово Никона Черногорца о поставленіи властелей (лл. 52 об.—59). Какъ доказательство преданія о написаніи этой рукописи именно Святителемъ Алексіемъ, послѣ Новаго Завѣта приложено такое же точное фототипическое воспроизведеніе собственноручнаго духовнаго завѣ-

[1] *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, Исторія Русской Церкви, II, 2-е изданіе, Москва, 1850 г.. 56 стр. примѣчаніе.

щанія Святителя. Все изданіе это представляетъ собою прекрасно исполненную копію труда святителя въ благолѣпной книгѣ in 4°, въ малиновомъ шагреневомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями. Изданіе снабжено предисловіемъ высокопреосвященнаго издателя, въ которомъ объяснено значеніе труда Святителя Алексія и побужденіе къ настоящему изданію.

Русская наука далеко не богата такими драгоцѣнными изданіями памятниковъ родной старины. Послѣдніе уже въ значительномъ количествѣ собраны въ нашихъ общественныхъ и частныхъ древлехранилищахъ. Къ сожалѣнію, изученіе уже открытыхъ памятниковъ сопряжено съ большими затрудненіями. Наши общественныя древлехранилища разбросаны по разнымъ угламъ обширной Россіи отъ Петербурга до Одессы и отъ Вильны до Казани. Не говоримъ о частныхъ. Изучать при такомъ условіи нашъ древній языкъ, нашу древнюю литературу, искусство и исторію—весьма трудно. Между тѣмъ никакія самыя подробныя описанія и даже перепечатки древнихъ письменныхъ памятниковъ не въ состояніи удовлетворить спеціалиста. Ученому нужно видѣть самый памятникъ, чтобы по матеріалу и характеру письма судить о времени и характерѣ памятника и возсоздавать дѣйствительную картину прошлаго. Но при такомъ условіи обязательнаго для научныхъ цѣлей пользованія самыми памятниками, послѣднимъ отъ частаго употребленія грозитъ естественная обветшалость и порча. Мы не говоримъ уже о возможности несчастныхъ случаевъ безслѣднаго исчезновенія памятниковъ отъ пожара, разбойничьей руки цивилизованныхъ вандаловъ и т. п. Есть единственное средство, устраняющее необходимость ученаго пользованія непосредственно самымъ памятникомъ и сберегающее его отъ несчастныхъ случайностей, это—точнѣйшее воспроизведеніе древнихъ памятниковъ посредствомъ фотографіи и возможно широкое распространеніе такихъ фототипическихъ изданій. Сохраненіе и распространеніе такимъ способомъ древнихъ памятниковъ литературы и искусства—дѣло весьма полезное и необходимое.

У насъ фототипическихъ изданій древнихъ памятниковъ слишкомъ мало, несомнѣнно, потому, что самое примѣненіе фотографіи къ издательскому дѣлу явленіе у насъ новое, едва насчитывающее за собою тридцатилѣтнюю давность. Если не ошибаюсь, первымъ началъ фотографировать древнія рукописи нашъ знаменитый путешественникъ по Востоку П. И. Севастьяновъ.

Во время своихъ поѣздокъ на Востокъ, особенно во время своей археологической экспедиціи на Аѳонъ въ 1859—60 годахъ, онъ сфотографировалъ полныя Ватопедскія рукописи Библейскаго Осьмикнижія и географіи Птоломея и Страбона и изъ другихъ греческихъ рукописей снялъ до 1.340 снимковъ. Изъ славянскихъ рукописей онъ сдѣлалъ полный фотографическій снимокъ съ Зографскаго глаголическаго Четвероевангелія и до 300 фотографій съ отрывковъ изъ другихъ славянскихъ рукописей. [1]

Еще при жизни П. И. Севастьянова Московскій Публичный Музей сдѣлалъ фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ. Существуетъ великолѣпное изданіе этихъ снимковъ Московскимъ Публичнымъ Музеумомъ въ трехъ выпускахъ, подъ заглавіемъ: „Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Московской Синодальной, бывшей Патріаршей библіотекѣ," выпускъ первый, М. 1862 (Copies photographiées des miniatures des manuscrits grecs, conservés à la bibliothèque Synodale, autrefois Patriarcale de Moscou). Выпуски второй (1863) и третій (1865) озаглавлены одинаково: „Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ (conservés à Moscou)."

Но Севастьяновскіе снимки совсѣмъ не были издаваемы. Снимки же Музея были изданы непосредственными фотографическими картами. Притомъ первые по преимуществу, а вторые исключительно сняты съ греческихъ рукописей. Разумѣется, это даетъ имъ особую цѣнность для русской науки и искусства. „Въ настоящее время многіе пришли къ убѣжденію, что даже современные успѣхи русской церковной живописи, въ лицѣ лучшихъ представителей ея, давно уже отрѣшившейся отъ византійскихъ преданій, рѣшительно невозможны безъ обстоятельнаго изученія византійскихъ образцовъ. Что же касается до исторіи древней русской иконописи и вообще древне-русскаго искусства, то, безъ основательнаго знакомства и безъ строго-научной разработки византійскихъ источниковъ, онѣ совершенно немыслимы." [2]

Изданіе славянскихъ и, въ частности, русскихъ памятниковъ литературы и искусства и уже фотолитографическимъ и фото-

[1] Севастьяновскіе снимки хранятся въ Музеѣ христіанскихъ древностей при Императорской Академіи Художествъ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ.

[2] «Фотографическіе снимки,» выпускъ первый, предисловіе, 2 стр.

типическимъ способомъ началось гораздо позже, если не ошибаемся, Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности въ 1877 году. Въ числѣ его изданій памятниковъ древней письменности и искусства есть точныя воспроизведенія рукописей. Однимъ изъ самыхъ лучшихъ изданій этого Общества должно признать Атласъ къ сочиненію академика Ѳ. И. Буслаева *Русскій Лицевой Апокалипсисъ*. Въ 1884 году Виленская Археографическая Коммиссія издала снимки со скорописьменныхъ памятниковъ московскихъ, подъ заглавіемъ: *Сборникъ* палеографическихъ снимковъ съ древнѣйшихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и въ Виленской Публичной Библіотекѣ.

Изъ частныхъ лицъ, оказавшихъ такими изданіями неоцѣнимую услугу русской наукѣ, извѣстенъ до нынѣшняго года только с.-петербургскій купецъ И. К. Савинковъ. Благодаря его щедрому вниманію и любви къ родной старинѣ, изданъ въ 1883 году его иждивеніемъ старѣйшій и драгоцѣннѣйшій русскій памятникъ *Остромирово Евангеліе*.

Изданіе *Новаго Завѣта* Святителя Алексія должно признать драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской науки даже и въ томъ случаѣ, еслибы послѣдняя была богата изданіями древнихъ памятниковъ. Трудъ Святителя весьма важенъ, какъ для исторіи нашего языка, такъ и для исторіи библейскихъ книгъ на Руси.

Въ древней Россіи Евангелія и Апостолъ имѣли почти исключительно богослужебное употребленіе. Для удобствъ послѣдняго текстъ священныхъ книгъ располагался по порядку церковныхъ чтеній, положенныхъ на дни, недѣли и праздники, начиная съ праздника Пасхи. Въ большинствѣ сохранившихся списковъ Евангелія текстъ расположенъ именно въ такомъ порядкѣ, и лишь меньшинство представляютъ текстъ каждаго Евангелиста въ полномъ и первоначальномъ видѣ. Такъ, между пергаментными списками Евангелія Синодальной Библіотеки отъ половины XII до половины XV вѣка находятся девять Евангелій, расположенныхъ въ порядкѣ церковныхъ чтеній (апракосы), и только два Четвероевангелія съ полнымъ текстомъ, расположеннымъ въ первоначальномъ порядкѣ [1]. Между румянцевскими рукописями XII—

[1] Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, А. Горскаго и К. Невоструева, ч. I., М. 1855, 208—292 стр.

XIV вѣка двѣнадцать списковъ Евангелія расположены по чтеніямъ, и только одинъ содержитъ въ себѣ Четвероевангеліе [1].

Вслѣдствіе необходимости, вызывавшейся именно богослужебнымъ употребленіемъ Евангелія, его текстъ не могъ сохраняться въ своемъ нервоначальномъ видѣ. Особенно начала церковныхъ чтеній приходилось значительно измѣнять, или опуская, или дополняя первоначальный текстъ. Для нѣкоторыхъ же церковныхъ чтеній соединяли вмѣстѣ сказанія даже разныхъ Евангелистовъ. Тѣмъ не менѣе, такого рода списки Евангелій, по удобству ихъ для церковнаго употребленія, въ древности были болѣе распространены, чѣмъ полные. Какъ болѣе употребительные и поэтому чаще переписываемые, они, естественно, болѣе подвергались и поврежденіямъ отъ писцовъ. Являлась потребность исправлять эти ошибки. Но исправленія производились или по недостаточно исправнымъ спискамъ, или же по собственнымъ, не всегда безошибочнымъ домысламъ справщиковъ. Поэтому разнообразіе списковъ Евангелія въ XIV вѣкѣ увеличилось до чрезвычайности. Вѣроятно, это разнообразіе списковъ, не позволявшее въ сомнительныхъ случаяхъ остановиться ни на какомъ чтеніи съ достовѣрностію, и желаніе читать слово Христово въ переводѣ болѣе удостовѣрительномъ побудили Св. Алексія, митрополита Всероссійскаго, заняться вновь переложеніемъ съ греческаго всѣхъ книгъ новозавѣтныхъ, въ полномъ видѣ, не по церковнымъ чтеніямъ [2]. Въ бытность свою въ Константинополѣ, въ 1355 году, Святитель Алексій и совершилъ переводъ и написаніе Новаго Завѣта, имѣя возможность видѣть лучшіе списки греческаго текста [3].

Изъ сравненія этого перевода съ предшествовавшими ему славянскими списками Евангелія и греческимъ подлинникомъ оказывается: 1) „текстъ Святителя во многомъ не сходенъ со славянскими списками, предшествовавшими ему по времени; 2) текстъ его заключаетъ не только исправленія ошибокъ, сдѣланныхъ славянскими писцами, но новый переводъ съ подлинника; 3) отли-

[1] Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума, А. Востокова. СПб., 1842, 171—182 стр.

[2] Описаніе Горскаго и Невоструева, ч. I, 289—290 стр.

[3] *Филаретъ*, архіепископъ Черниговскій, *Исторія Русской Церкви*, II. изданіе второе, М., 1850, 56 стр., *Обзоръ Русской Духовной Литературы*, Харьковъ, 1859, 102—105 стр.

чіемъ перевода его служитъ буквальная близость къ греческому тексту" [1].

Такимъ образомъ по содержанію и характеру перевода трудъ Святителя Алексія былъ лучшимъ, самымъ полнымъ и самымъ исправнымъ спискомъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта, Какъ самый полный и самый исправный онъ, естественно, имѣлъ огромное значеніе въ исторіи нашего библейскаго текста. Онъ былъ первымъ текстомъ, по которому потомъ производили исправленія Новаго Завѣта. По крайней мѣрѣ такое значеніе его засвидѣтельствовано при переводѣ Библіи Епифаніемъ Славинецкимъ въ XVII вѣкѣ. Въ предисловіи къ этому переводу сказано: „Первая славянская бѣ у перевода сего переводу и рукописанія Св. Алексія, митрополита всея Россіи, чудотворца писанное въ лѣто 6863" (1355) [2] По свидѣтельству же высокопреосвященнаго Леонтія „трудъ Святителя Алексія отразился и на послѣдующихъ исправленіяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нынѣшній печатный Новый Завѣтъ, усвоившій многія чтенія, впервые принятыя этимъ великимъ ученымъ Святителемъ" [3]

Въ *Обзорѣ Архіепископа Филарета* (103—104 стр.) приведено изъ рукописанія Святителя чтеніе притчи о талантахъ (Матѳ. XXV, 14--30) въ сравненіи съ греческимъ текстомъ и съ 10 славянскими списками, предшествовавшими труду Святителя. Это сравненіе наглядно подтверждаетъ вышеприведенные выводы архіепископа Филарета объ отношеніи перевода Св. Алексія къ предшествовавшимъ славянскимъ спискамъ Евангелія и къ греческому подлиннику.

Для того, чтобы судить о великомъ достоинствѣ труда Св. Алексія и о его значеніи для нашего времени, полагаемъ необходимымъ сравнить текстъ нѣкоторыхъ стиховъ Евангелія по его переводу съ подлиннымъ греческимъ чтеніемъ и съ употребляемыми у насъ славянскимъ и русскимъ переводами, по синодальному изданію Новаго Завѣта на греческомъ и славянскомъ языкахъ въ 1861 году и на русскомъ нарѣчіи въ 1865 году.

---

[1] Ibidem.

[2] *Обзоръ*, 102 стр.

[3] *Предисловіе*, 6 стр.

Текстъ Св. Алексія	Греческій текстъ.	Славянскій текстъ.	Русскій текстъ.

Евангеліе отъ Іоанна XVII глава:

Текстъ Св. Алексія	Греческій текстъ.	Славянскій текстъ.	Русскій текстъ.
Сия глагола Іисусъ, и вздвиже очи свои на небо, и рече: Отче, пріде часъ, прослави твоего сына, да и сынъ твой прославитъ тя.	1. Ταῦτα ἐλάλησεν ὁ Ἰησοῦς, καὶ ἐπῆρε τούς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ εἰς τὸν οὐρανὸν, καὶ εἶπε· Πάτερ, ἐλήλυθεν ἡ ὥρα, δόξασόν σου τὸν υἱὸν, ἵνα καὶ ὁ υἱός σου δοξάσῃ σε·	1. Сія глагола Іисусъ, и возведе очи свои на небо, и рече: Отче, пріиде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя.	1. Послѣ сихъ словъ Іисусъ возвелъ очи свои на небо, и сказалъ: Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя.
Яко далъ еси ему власть всякоя плоти, да все еже далъ еси ему, дастъ имъ жизнь вѣчную.	2. Καθὼς ἔδωκας αὐτῷ ἐξουσίαν πάσης σαρκός, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκας αὐτῷ, δώσῃ αὐτοῖς ζωὴν αἰώνιον.	2. Якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всякоеже далъ еси ему, дастъ имъ животъ вѣчный.	2. Такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную.
Се же есть вѣчная жизнь, да знаютъ тя, единого истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисуса Христа.	3. Αὕτη δέ ἐστιν ἡ αἰώνιος ζωή, ἵνα γινώσκωσι σε τὸν μόνον ἀληθινὸν Θεὸν καὶ ὃν ἀπέστειλας Ἰησοῦν Χριστόν.	3. Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебя единаго истиннаго Бога, и его же послалъ еси Іисусъ Христа.	3. Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа.
Азъ тя прославихъ на земли, дѣло свершихъ, еже далъ ми еси, да створю.	4. Ἐγώ σε ἐδόξασα ἐπὶ τῆς γῆς· τὸ ἔργον ἐτελείωσα ὃ δέδωκας μοι ἵνα ποιήσω.	4. Азъ прославихъ тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ да сотворю.	4. Я прославилъ Тебя на землѣ, совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить.
И нынѣ прослави мя ты, Отче, у себе славою, юже имѣхъ прежъ даже міру быти у тебе.	5. Καὶ νῦν δόξασόν με σύ, πάτερ, παρὰ σεαυτῷ τῇ δόξῃ ᾗν εἶχον πρὸ τοῦ τόν κόσμον εἶναι παρά σοι.	5. И нынѣ прослави мя ты, Отче, у тебе самаго славою, юже имѣхъ у тебе прежде міръ не бысть.	5. И нынѣ прославь Меня, Ты, Отче, у Тебя Самаго славою, которую я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра.
Явихъ твое имя человѣкомъ, ихже далъ ми еси отъ міра. Твои бѣша, и мнѣ я далъ еси, и слово твое сблюдаютъ.	6. Σφανέρωσά σὸν τὸ ὄνομα τοῖς ἀνθρώποις, οὕς δέδωκάς μοι ἐκ τοῦ κόσμου· σοὶ ἦσαν, καὶ μοὶ αὐτοὺς δέδωκας, καὶ τὸν λόγον σου τετηρήκασι.	6. Явихъ имя твое человѣкомъ, ихже далъ еси мнѣ отъ міра: твои бѣша, и мнѣ ихъ далъ еси, и слово твое сохраниша.	6. Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ мнѣ отъ міра; они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили слово Твое.
Азъ о сихъ молю. Не о мірѣ молю, но о ихже далъ еси мнѣ, зане твои суть.	9. Ἐγὼ περὶ αὐτῶν ἐρωτῶ· οὐ περὶ τοῦ κόσμου ἐρωτῶ, ἀλλὰ περὶ ὧν δέδωκάς μοι, ὅτι σοί εἰσι.	9. Азъ о сихъ молю: не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси мнѣ, яко твои суть.	9. Я о нихъ молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, потому что они Твои.
И моя вся твоя суть.	10. Καὶ τὰ ἐμὰ πάντα σά ἐστι.	10. И моя вся твоя суть.	10. И все Мое Твое.
И уже нѣсмь въ мірѣ, и ти въ мірѣ суть, а азъ къ тобѣ гряду.	11. Καὶ οὐκέτι εἰμι ἐν τῷ κόσμῳ, καὶ οὗτοι ἐν τῷ κόσμῳ εἰσι, καὶ ἐγὼ πρός σε ἔρχομαι.	11. И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть, и азъ къ тебѣ гряду.	11. Я уже не въ мірѣ, но они въ мірѣ, а Я къ Тебѣ иду.
Да будутъ едино, якоже мы.	Ἵνα ὦσιν ἓν καθὼς ἡμεῖς.	Да будутъ едино, якоже и мы.	Чтобы они были едино, какъ и Мы.

Текстъ Св. Алексія.	Греческій текстъ.	Славянскій текстъ.	Русскій текстъ.
И ни единъ же изъ нихъ погибе, токмо сынъ погибелный, да писаніе исполнится.	12. Καὶ οὐδεὶς ἐξ αὐτῶν ἀπώλετο, εἰ μὴ ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας· ἵνα ἡ γραφὴ πληρωθῇ.	12. И никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе.	12. И никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется Писаніе.
Якоже азъ нѣсмь отъ міра.	14. Καθὼς ἐγὼ οὐκ εἰμὶ ἐκ τοῦ κόσμου.	14. Якоже и азъ отъ міра нѣсмь.	14. Какъ и Я не отъ міра.
Не молю, да возмеши я отъ міра, но да сблюдеши я отъ лукаваго.	15. Οὐκ ἐρωτῶ ἵνα ἄρῃς αὐτοὺς ἐκ τοῦ κόσμου, ἀλλ' ἵνα τηρήσῃς αὐτοὺς ἐκ τοῦ πονηροῦ.	15. Не молю, да возмеши ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни.	15. Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла.
Отъ міра не суть, якоже азъ отъ міра нѣсмь.	16. Ἐκ τοῦ κόσμου οὐκ εἰσί, καθὼς ἐγὼ ἐκ τοῦ κόσμου οὐκ εἰμί.	16. Отъ міра не суть, якоже и азъ отъ міра нѣсмь.	16. Они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра.
Святи я во истинѣ твоей.	17. Ἁγίασον αὐτοὺς ἐν τῇ ἀληθείᾳ σου.	17. Святи ихъ во истину твою.	17. Освяти ихъ истиною Твоею!
Якоже мя послалъ еси въ міръ, и азъ послахъ я въ міръ.	18. Καθὼς ἐμὲ ἀπέστειλας εἰς τὸν κόσμον, κἀγὼ ἀπέστειλα αὐτοὺς εἰς τὸν κόσμον.	18. [1] Якоже мене послалъ еси въ міръ, и азъ послахъ ихъ въ міръ.	18. Какъ Ты послалъ Меня въ міръ; такъ и Я послалъ ихъ въ міръ.
И за нихъ азъ свящюся самъ.	19. Καὶ ὑπὲρ αὐτῶν ἐγὼ ἁγιάζω ἐμαυτόν.	19. И за нихъ азъ свящу себе.	19. И за нихъ Я посвящаю Себя.
Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словеси ради ихъ въ мя.	20. Οὐ περὶ τούτων δὲ ἐρωτῶ μόνον, ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν πιστευόντων διὰ τοῦ λόγου αὐτῶν εἰς ἐμέ.	20. Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ мя.	20. Не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ.
Да вси едино бубуть, якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тобѣ, да и ти въ наю едино будутъ. Да міръ вѣруетъ, яко ты мя послалъ еси.	21. Ἵνα πάντες ἓν ὦσι. καθὼς σὺ πάτερ ἐν ἐμοί, κἀγὼ ἐν σοί, ἵνα καὶ αὐτοὶ ἐν ἡμῖν ἓν ὦσιν· ἵνα ὁ κόσμος πιστεύσῃ ὅτι σύ με ἀπέστειλας.	21. Да вси едино будутъ: якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ: да и міръ вѣру иметъ, яко ты мя послалъ еси.	21. Да будутъ всѣ едино; какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня.
И да увѣсть міръ, яко ты мя послалъ еси.	23. Καὶ ἵνα γινώσκῃ ὁ κόσμος ὅτι σύ με ἀπέστειλας.	23. И да разумѣетъ міръ, яко ты мя послалъ еси.	23. И да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня.
Отче праведный, и міръ тебе не позна, а си познаша, яко ты мя послалъ еси.	25. Πάτερ δίκαιε, καὶ ὁ κόσμος σε οὐκ ἔγνω, ἐγὼ δέ σε ἔγνων, καὶ οὗτοι ἔγνωσαν ὅτι σύ με ἀπέστειλας.	25. Отче праведный, и міръ тебе не позна, азъ же тя познахъ, и сіи познаша, яко ты мя послалъ еси.	25. Отче праведный! и міръ Тебя не позналъ; а Я позналъ Тебя, и сіи познали, что ты послалъ Меня.

Отъ Іоанна, XV глава, 13 и 14 стихи.

Болша сея заповѣди никтоже имать, да кто душю свою положитъ за други своя.	13. Μείζονα ταύτης ἀγάπην [2] οὐδεὶς ἔχει, ἵνα τις τὴν ψυχὴν αὐτοῦ θῇ ὑπὲρ τῶν φίλων αὐτοῦ.	13. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.	13. Нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

[1] Славянскіе и русскіе переводчики, согласно со Св. Алексіемъ, перевели въ этомъ стихѣ, какъ и въ 21, 22 и 23 стихахъ, καθὼς,—якоже, какъ,—безъ „и", какъ въ предшествующихъ стихахъ.

[2] Такъ и въ Синайскомъ и Ватиканскомъ кодексахъ, см. слѣд. примѣчаніе.

Текстъ Св. Алексія.	Греческій текстъ.	Славянскій текстъ.	Русскій текстъ.
Вы друзи мои есте, аще створите, елико азъ заповѣдаю вамъ.	14. Ὑμεῖς φίλοι μου ἐστέ, ἐὰν ποιῆτε ὅσα ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν.	14. Вы друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ.	14. Вы друзья мои, если исполняете то, что Я заповѣдаю вамъ.

Отъ Іоанна XIII глава, 3—31 стихи.

И яко отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ,	3. [1] Εἰδὼς ὁ Ἰησοῦς, ὅτι πάντα δέδωκεν αὐτῷ ὁ πατὴρ εἰς τὰς χεῖρας, καὶ ὅτι ἀπὸ Θεοῦ ἐξῆλθε καὶ πρὸς τὸν Θεὸν ὑπάγει·	3. Вѣдый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ, и яко отъ Бога изыде, и къ Богу грядетъ:	3. Іисусъ, зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его, и что Онъ отъ Бога изшелъ и къ Богу отходитъ,
встаетъ отъ вечеря, и полагаетъ ризы...	4. Ἐγείρεται ἐκ τοῦ δείπνου καὶ τίθησι τὰ ἱμάτια·	4. Воставъ отъ вечери и положи ризы...	4. Всталъ съ вечери, снялъ съ Себя вечернюю одежду...
Таче вливаетъ воду...	5. Εἶτα βάλλει ὕδωρ...	5. Потомъ влія воду...	5. Потомъ влилъ воду...
Приходитъ же къ Симону Петру, и глаголетъ ему онъ...	6. Ἔρχεται οὖν πρὸς Σίμωνα Πέτρον· καὶ λέγει αὐτῷ ἐκεῖνος·...	6. Пріиде же къ Сімону Петру; и глагола ему той...	6. Подходитъ къ Симону Петру; и тотъ говоритъ Ему...
Веземъ же хлѣбъ онъ (Іуда), абіе изиде. Бѣ же нощь, егда изиде.	30. Λαβὼν οὖν τὸ ψωμίον ἐκεῖνος, εὐθέως ἐξῆλθεν· ἦν δὲ νύξ.	20. Пріимъ же онъ хлѣбъ, абіе изыде: бѣ же нощь.	30. Онъ, принявъ кусокъ, тотчасъ вышелъ; а была ночь.
Глаголетъ Іисусъ..	31. Ὅτε οὖν ἐξῆλθε, λέγει ὁ Ἰησοῦς·	31. Егда изыде, глагола Іисусъ...	31. Когда онъ вышелъ, Іисусъ сказалъ...

[1] Этотъ стихъ, какъ и 25-й XVII главы, точно также читается и въ Синайскомъ, и въ Ватиканскомъ кодексахъ (Tischendorf: Novum testamentum ex Sinaitico codice, Lipsiae, 1865; N. T. Vaticanum, Lipsiae, 1867).

Эти сравненія способны вызвать нѣкоторыя размышленія.

Греческій текстъ въ общемъ переведенъ Св. Алексіемъ буквально и съ совершенною точностью. Но что значатъ одинаковые пропуски въ XIII главѣ въ стихѣ 3 и въ XVII главѣ въ стихѣ 25? [1] Были ли они въ имѣвшихся у него греческихъ подлинникахъ, или онъ самъ исправилъ послѣдніе по своему святительскому разумѣнію, какъ и 13 стихъ XV главы? Не рѣшаетъ этого вопроса и иная пунктуація у Святителя въ XIII главѣ въ стихахъ 30 и 31.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о достоинствѣ переводовъ Евангелія едва ли можетъ быть рѣшенъ въ пользу употребительныхъ

[1] Надо замѣтить, что въ Новомъ Завѣтѣ святителя Алексія нѣтъ современнаго дѣленія на главы и стихи. На сторонѣ самаго текста у него приведено самое древнее раздѣленіе на главы, которыхъ, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея 355, отъ Іоанна 232.

теперь славянскаго и русскаго, если сравнивать ихъ съ переводомъ Св. Алексія. Вотъ почему изданіе труда Святителя получаетъ особую цѣну именно теперь, когда существуетъ предположеніе исправить издаваемые теперь переводы священныхъ книгъ. Быть можетъ даже простая перепечатка Святительскаго Новаго Завѣта, послѣ извѣстной справы, въ состояніи замѣнить предполагаемое исправленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что святительскому переводу болѣе соотвѣтственно церковное и общее употребленіе, чѣмъ любому изъ позднѣйшихъ и современныхъ. Если же по какимъ либо обстоятельствамъ изданію митрополита Леонтія не суждено будетъ имѣть достойнаго и великаго значенія въ исторіи священныхъ книгъ на Руси, то, полагаемъ, вполнѣ желательно стать ему краеугольнымъ камнемъ для осуществленія проэкта приснопамятнаго архимандрита Макарія Алтайскаго. Ревнуя о распространеніи Слова Божія среди подданныхъ Россійской Имперіи, онъ прежде всего предлагалъ перевести Библію на русскій языкъ и на языки нашихъ инородцевъ. Въ настоящее время эта мысль приводится въ исполненіе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагалъ и даже ставилъ обязанностью Миссіонерскаго Общества изданіе всѣхъ священныхъ книгъ съ полнымъ по возможности показаніемъ различія чтеній по различнымъ древнѣйшимъ спискамъ Библіи. Разумѣется, цѣль такого изданія онъ указывалъ ближе всего миссіонерскую: чтобы видно было, что Библія, проходя чрезъ вѣка, не могла повредиться и измѣниться въ существенномъ. Но такое изданіе Библіи съ указаніемъ разночтеній по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, напримѣръ, славянскаго и русскаго переводовъ ея, имѣло бы огромное значеніе въ настоящемъ случаѣ въ виду исправленія принятыхъ текстовъ. Не говоримъ уже о томъ, что такое сводное изданіе имѣло бы большое значеніе для науки славянскаго и русскаго языка. Трудъ св. Алексія, представляющій полный текстъ всего Новаго Завѣта, могъ бы занять въ этомъ изданіи мѣсто основнаго списка, къ которому были бы напечатаны разночтенія изъ другихъ списковъ русской редакціи перевода новозавѣтныхъ книгъ. Несомнѣнно, такимъ путемъ былъ бы возстановленъ самый точный переводъ оригинала, и исправленія были бы совсѣмъ не нужны.

Но научнымъ и церковно-историческимъ значеніемъ еще не исчерпывается величіе труда св. Алексія. По слову митрополита Леонтія, Новый Завѣтъ Святителя—„великая историческая святыня, завѣщанная намъ Русскою исторіей и сохранившаяся до

насъ Божіимъ изволеніемъ несмотря на страшныя разоренія отъ многократныхъ нашествій враговъ и разрушительнаго дѣйствія огня и меча. Это—плодъ подвига и сисканія разума великаго Всероссійскаго Святителя, который въ заботахъ объ единомысліи въ русской православной церкви приложилъ свое глубокое знаніе греческаго языка къ тому, чтобы дать вѣрующимъ наиболѣе точный переводъ Новаго Завѣта на языкъ общедоступный славяно-русскому міру". [1]

Нѣтъ въ русской исторіи событія, на всемъ протяженіи ея отъ временъ св. Владиміра и до нашихъ дней, которое, по своему значенію и величію, равнялось бы событію начертанія св. Алексіемъ своего перевода полнаго состава священныхъ новозавѣтныхъ книгъ въ порядкѣ ихъ оригинальнаго расположенія. Если изъ рукъ св. Алексія Россія *впервые* получила *Новый Завѣтъ*, если трудъ Святителя представляетъ собою *первый переводъ Новаго Завѣта*, приспособленный къ языку великой митрополіи Святителя,—то не будетъ притязаніемъ, если мы спросимъ нашу исторію: чѣмъ ознаменовалось это необыкновенное событіе въ исторіи нашего христіанскаго просвѣщенія? Какія послѣдствія имѣло это величайшее событіе въ исторіи каждаго народа, которому было проповѣдано Евангеліе? Изъ новой исторіи намъ извѣстно, какими послѣдствіями сопровождался переводъ Библіи на національныя нарѣчія различныхъ христіанскихъ народовъ. Извѣстно, кто были альбигойцы во Франціи. Извѣстны также нѣмецкія религіозныя движенія со временъ Лютера. Мы сами свидѣтели тѣхъ великихъ послѣдствій (отрадныхъ или печальныхъ — другой вопросъ), какія имѣлъ переводъ Библіи на нашъ современный языкъ. Неужели же такое крупное событіе на Руси во дни Святителя Алексія прошло безслѣдно? Если оно не вызвало разногласія и вражды въ православной русской церкви, то это еще не значитъ, что оно не имѣло и никакихъ положительныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, наши историки прошли безъ вниманія этотъ великій моментъ въ нашей древней исторіи. Пробѣлъ весьма крупный и невознаградимый. Небольшое замѣчаніе Горскаго и Невоструева не объясняетъ дѣла. „Совершенный келейно,—говорятъ они о трудѣ Святителя,—онъ не оставилъ видимаго вліянія на улучшеніе списковъ". [2] Трудно было вліять

[1] Предисловіе, 3 стр.
[2] Описаніе, 290.

на улучшеніе списковъ, когда не было книгопечатанія. Хотѣлось бы думать, что Новый Завѣтъ Святителя могъ имѣть вліяніе болѣе широкое, чѣмъ одно улучшеніе списковъ.

Быть-можетъ, событія того времени хоть отчасти покажутъ то, что утеряно нашей исторіей. Время Святителя Алексія ознаменовалось необыкновеннымъ подъемомъ на Руси всѣхъ ея великихъ силъ. Это было время друга Святителя, Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца. Это время было блестящею зарей и религіозной, и политической, и общественной жизни Россіи,—зарей великой и славной Православной Москвы [1]. Не Новымъ ли Завѣтомъ Святителя питалась дружба двухъ великихъ чудотворцевъ, создателей и стражей Московской Руси? Не въ немъ ли они почерпнули благодать и для своей святой жизни и силу для возвеличенія и славы Россіи? Вопросы, о которыхъ, къ сожалѣнію, возможно только гадать.

Если же и въ дѣйствительности было такъ, то изданіе труда Св. Алексія въ годъ 500лѣтія Преп. Сергія получаетъ великое историческое значеніе. Дай Богъ, чтобы юбилейный годъ Преподобнаго былъ началомъ объединенія и укрѣпленія Православной Россіи, началомъ болѣе глубокаго просвѣщенія ея сыновъ Словомъ Божіимъ, началомъ того дѣла, которому служили Преподобный и Святитель. Вѣруемъ, что ихъ предстательство и помощь сдѣлаютъ нетруднымъ это великое и святое дѣло. И еслибы на пути къ совершенію его Россіи пришлось пережить тяжкія испытанія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, то и тогда, и даже именно тогда, православные сыны ея имѣли бы утѣшеніе видѣть покровительство и защиту своихъ небесныхъ стражей. Русскій народъ много разъ въ своей исторіи видѣлъ избавленіе Преп. Сергіемъ отъ разныхъ бѣдъ, и въ его благочестивой памяти неразлучны Святитель и Преподобный, какъ стражи Московской Россіи.

Невольно вспоминается дивный разсказъ о спасеніи Москвы, а съ нею и Россіи. русскими чудотворцами, по ходатайству предъ ними за Москву Преподобнаго Сергія. Это одно изъ великолѣпныхъ чудесныхъ событій нашей исторіи, подобнаго которому

---

[1] См. подробно объ этомъ въ октябрьскихъ и ноябрьскихъ книжкахъ *Московскихъ Духовныхъ Журналовъ*.

нѣтъ [1]. Мы приводимъ его цѣликомъ, какъ разсказано о немъ въ *Степенной Книгѣ* [2].

Дѣло было въ 1521 году.

О незапномъ царевѣ пришествіи за рѣку Оку.

„По сихъ же не много время минувшу, лукавнѣйшій той Царь Маагмедъ Гирей со всѣми своими безбожными воинствы безвѣстно и скороустремительно достиже въ предѣлы Рускія, суровѣйшимъ же напраснствомъ и Оку рѣку преидоша, Богу сице попустивше ихъ грѣхъ ради нашихъ, и множество Христіанства побѣдиша и поплѣниша, мужска полу и женска, и много крови проліяша, и многа оскверненія и разтлѣнія содѣяша, и многія сёла и святыя церкви пожгоша, и честный монастырь Святаго Николы, иже на Угреши, разграбиша и попалиша. Внезапу же мышляху окаянныи скороспѣшно со всяцѣмъ безстудствомъ достигнути и самый Богохранимый градъ Москву, и посады тщахуся огнемъ запалити; но возбрани имъ сила Божественная, не попусти имъ не токмо озлобити, или чемъ повредити, но и приближитися не даде имъ, бысть же тогда множайшимъ людемъ въ осаду собиратися.

Великій Князь поиде на Волокъ.

Благочестивый же Самодержецъ Великій Князь Василій Ивановичъ всея Росіи разсла по всюду по многая своя воинства самъ же поиде на Волокъ на Ламскій, и тамо ожидая къ себѣ силы отъ Великаго Новаграда, а инѣхъ отъ инуду.

О всенародной молитвѣ къ Богу.

Тогда же преосвященный Варлаамъ Митрополитъ всея Росіи, и прочіи Святители, и весь освященный Соборъ и иноческій чинъ, и всенароднаго достоянія множество, отъ вельможъ и до простыхъ людей всякого возраста мужеска полу и женска, не токмо на Москвѣ, но и по всей Рустѣй земли, вси зазрѣша себѣ коиждо о своихъ согрѣшеніяхъ, и вси возскорбѣша и на покая-

[1] *Книга Степенная*, часть II. М., 1775, 196—200 стр.; *Времянникъ*, часть вторая, 271—280 стр.

[2] Дѣлаемъ это особенно въ виду неоднократныхъ неточныхъ пересказовъ его. См., напримѣръ, *Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, 1892, сентябрь, 280 стр.

ніе обратишася, и въ святыхъ церквахъ обще и по домомъ и по келіямъ особѣ непрестанно Бога моляху и Пречистую Богородицу и Великихъ Руских Чюдотворцевъ и всѣхъ Святыхъ, и надежди спасенія не отпадаху.

Видѣніе необычно и милостивно инокинѣ слѣпой.

И тако тогда премилостивый Христосъ Богъ нашъ, иже къ нему нашего обращенія искій, преславно чудо и уму человѣчю недостижно показа Пречистыя своея Матере и Святыхъ Великихъ Святителей и преподобныхъ Отецъ и Чудотворцевъ Русскихъ, еже открый Богъ имъ же восхотѣ. Бяше нѣкая Инокиня слѣпа очима, иже многа лѣта въ добродѣтеляхъ препроводи, и до самыя старости въ Дѣвическомъ монастыри Христова Вознесенія, идѣже Великія Княгини постригахуся и полагахуся. Бысть убо егда вси людіе прилѣжаху молитвѣ, яко же выше речеся, тогда и сія Инокиня прилѣжныя простираше молитвы къ Богу о избавленіи предлежащія скорби, и абіе слышитъ, яко шумъ великъ, и вихорь страшенъ, и звонъ яко площадскихъ колоколовъ, и тако божественнымъ мановеніемъ восхищена бывши умомъ, и обрѣтеся яко внѣ монастыря, и отверзошася очи ея мысленныя, вкупѣ же и чувственныя.

Видѣніе собора святительска и прочихъ.

И видѣ видѣніе великое и дивное, не яко во снѣ, но яко на явѣ, и се идяху изъ града во Фроловскіе врата многочисленный свѣтовидный соборъ святолѣпныхъ мужей во освященныхъ одеждахъ, многіе Митрополиты и Епископы, въ нихъ же позноваеми бяху велиціи Чудотворцы Петръ и Алексій и Іона, и Ростовскій Леонтій и иніи мнози іереи и діакони и прочіи причетники.

О чудотворномъ образѣ Богоматери и прочей святыни.

Съ ними же несомъ бяше и самый чудотворый образъ Пречистыя Богоматери, еже есть икона Владимирская, и прочія иконы и честные кресты и Евангелія и прочія святыни съ кадилы и со свѣщами, и съ лампадами, и съ рипидами, и съ хоругвями, и вся по чину, яко же лѣпо есть, совершатися дѣйству иже на литіяхъ, еже есть на покрестіяхъ хожденія, послѣдоваху же имъ и народа безчисленное множество всякаго возраста мужска полу и женска.

Преподобный Сергій и Варлаамъ.

И абіе же отъ великаго торговища Ильинскаго во Срѣтеніе имъ скоро течаше Великій въ преподобныхъ Сергія Чудотворецъ, отъ инуду же приспѣ Преподобный Варлаамъ Хутынскій Чудотворецъ.

Моленіе Преподобныхъ.

И сіи оба Преподобные, яко согласишася, любезно припадаху къ ногамъ Великихъ онѣхъ Святителей, и моляху ихъ со слезами, умильно глаголяще: „О! святіи пастыріе словеснаго сего стада Христовыхъ овецъ, чего ради исходите изъ града сего, и камо уклоняетеся, и кому оставляете паству вашу въ настоящее сіе время варварскаго нашествія?“

Отвѣтъ Святителей.

Свѣтовидныи же Святителіе такожде со слезами отвѣщаваху глаголюще: „Мы убо много молихомъ Всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу о избавленіи предлежащей скорби; Богъ же не токмо намъ повелѣ изыти изъ града сего, но Пречистыя Матери его Чудотворный образъ изнести повелѣ; понеже людіе страхъ Божій презрѣша, и о заповѣдѣхъ Божіихъ не радиша, и сего ради попусти Богъ варварску языку пріити до здѣ, яко да отселѣ накажутся и къ Богу покояніемъ возвратятся.“

Моленіе Преподобныхъ.

Двоица же Преподобныхъ, Сергій и Варлаамъ, прилѣжнѣйши моляху ихъ, и съ плачемъ глаголаху: „Вы убо, о святіи Святителіе! нѣкогда въ жизни сей будуще, души свои полагали есте о паствѣ вашей, нынѣ ли въ настоящей сей скорби оставити ихъ хощете, ихъ же видите како сѣтующе хождаху, и на покояніе обращахуся; не презрите убо, молимъ вы, не оставляйте Богомъ порученныя вамъ паствы. Се убо время вамъ еже помощи имъ, еще усугубите о нихъ прилѣжныя ваша молитвы къ Пречистой Богородицы. Тако бо возможна есть умолити съ вами сына своего Христа Бога нашего, и праведный его гнѣвъ на милость претворити, людіе же потщатся Богу угодная дѣла исправляти.“ И ина много о настоящемъ времени Преподобніи со Святители глаголаша, и единъ единаго именемъ нарицаху.

Совокупленая молитва.

И абіе вси купно и единодушно на молитву подвигошася, и литію сотворше, и молебные каноны согласно пояху, на нихъ же и Евангеліе прочитаху, и ектеніи по чину глаголаху и Господи помилуй со слезами призывающе пояху, и молитву Пречистой Богородицы предъ образомъ ея глаголаху, и отпустъ совершающе, и крестомъ осѣненіе съ каженіемъ благоуханнымъ дѣйствоваху, и на вся страны крестообразно благословляюще, и оттуду паки во градъ возвратишася, и съ чудотворнымъ образомъ Богоматери и со всею Святынею. Сія же видѣвъ преподобная Инокиня, и абіе очютися въ келіи своей, и потомъ два лѣта поживе, и очима ослѣпленныма свѣтъ видя. Сія же чудная видѣнія извѣстися отъ нея духовному ея отцу Давыду, Игумену стараго монастыря Святаго Николы.

Тоже видѣ чудо двѣ вдовицы.

Не токмо же едина сія Инокиня сподобися видѣти таковое дивное видѣніе, но иніи мнози. Бяху же нѣкія двѣ жены-вдовы благоговѣйныя, едина именемъ Евдокія, зовома же бѣ Коломянка, супружница бывше нѣкоего воина Костромитянина, другая же именемъ Іуліянія, и та очима мало видя, бывши супружница Воздвиженскаго Пресвитера Евсевія. Близь же тѣхъ Фроловскихъ вратъ и сія двѣ жены со инѣми мнозими бяху во осадѣ, неимущіи же своего дому во градѣ, угнѣтахуся подъ папертію у церкви Святаго Великомученика Георгія, иже у вратъ Фроловскихъ, и симъ двѣма женама тако же тогда откровенно бысть тоже видѣти, еже видѣ вышереченная Инокиня.

Тоже чудо видѣ иная вдовица.

Еще же и ина нѣкая вдовица сродница Ивану Третьякову царскому Казначею, и та тогда въ дому его сѣдяше въ горнѣй храминѣ, иже бяше близъ тѣхъ же Фроловскихъ вратъ, и зряще оконцемъ тоже дивное видѣніе.

Видѣніе пономарю, иже на Дорогомиловѣ.

Бысть же тогда и ино извѣстно явленіе послѣдовательно сему дивному видѣнію у церкви Благовѣщенія Святыя Богородица на Дорогомиловѣ, идежѣ есть домъ Ростовскихъ архіепископовъ, иже надъ Москвою-рѣкою. И въ то же время пономарю грядущу къ святѣй церкви той, и видѣ Великаго Святителя Леонтія Чудотворца спѣшно текуща къ церкви, и глаголюща къ нему: „Скоро! скоро! отверзи ми двери церкви, внюже шедъ облекуся во освященную мою одежду, да немедленно достигну святѣйшихъ Митрополитовъ, идущихъ со освященнымъ соборомъ изъ града сего“. И абіе вниде въ церковь, и облечеся во все Святительское благолѣпіе, и быстро отъиде ко граду. Глаголютъ же нѣцыи, яко и въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы Чудотворнаго Святителя Леонтія, и отъ того времени не обрѣтошася тамо, и нигдѣ же и индѣ и донынѣ, на увѣреніе преславнаго чудеси. О превеликое Божіе милосердіе! О немедленное Христіаномъ отъ врагъ избавленіе! внегда бо токмо помыслиша людіе обратитися на покаяніе, и всю надежду на Бога возложиша, и на Пречистую Богородицу, и на молитву призваша великихъ Русскихъ чудотворцевъ, и всѣхъ Святыхъ, и тогда премилостивый Богъ показа могущимъ видѣти таковое предивное видѣніе. И того же дни пріидоша вѣстницы, яко поганіи они Татарове, и съ безбожнымъ царемъ ихъ, страхомъ веліимъ объяти бывше, и плещи вдавше бѣгу ся яша, не гоними ни отъ кого же. Божія бо сила прогони ихъ непостыднымъ предстательствомъ Пречистыя Богородицы, и молитвами всѣхъ Святыхъ“.

Григорій Георгіевскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОЦІАЛЬНЫЯ УЧЕНІЯ.

К. Головинъ. *Соціализмъ, какъ положительное ученіе.* Спб. 1892 г.
Д. Щегловъ. *Исторія соціальныхъ системъ.* Изд. 2-е. Спб. 1891 г.

Хотя русское общество въ настоящее время уже, повидимому, вышло изъ остраго періода увлеченія *соціалистическими* ученіями, въ тѣсномъ смыслѣ, но вообще духъ „соціальной вѣры" носится надъ нами такъ же какъ надъ всѣмъ міромъ европейской цивилизаціи. Молодежь, всегда увлекающаяся и крайняя, понынѣ склонна видѣть новое откровеніе въ ученіяхъ соціализма. Эти ученія обыкновенно очень плохо знакомы ей—а если знакомы, то усиліями людей, которые сами ими увлекаются и стараются показать товаръ лицомъ. Пріятно встрѣтить, въ такомъ положеніи, работу г. Головина, которая подвергаетъ ученія соціализма критической повѣркѣ.

Правда, у насъ есть одна капитальная работа по изслѣдованію соціальныхъ ученій — это г. Д. Щеглова *Исторія соціальныхъ системъ*, которую полезно напомнить читателямъ. Трудъ г. Д. Щеглова, по достоинствамъ, можетъ сдѣлать честь самой богатой литературѣ. Авторъ знаетъ свой обширный предметъ съ глубиною настоящаго ученаго и, давая обстоятельное и подробное изложеніе каждой системы, всегда разсматриваетъ ихъ также и критически. Противники г. Д. Щеглова упрекаютъ его за „придирчивость" критики. Упрекъ несправедливый. У г. Д. Щеглова найдется два-три случая критики нѣсколько мелочной, что̀ впрочемъ, для двухъ томовъ въ свыше 1.500 страницъ и въ сложной работѣ, разсматривающей ученія Платона, Т. Мора, Кампанеллы,

Гаррингтона, Морелли, Мабли, Бриссо, Ленге, Неккера, Флё, Бабёфа, Сенъ-Симона съ учениками, П. Руже, Фурье, Кабе, Луи Блана, Ламмене, П. Леру, О. Конта, Литтре,—въ этомъ громадномъ матеріалѣ два-три случая нѣсколько субъективнаго спора не составляютъ большаго грѣха. Въ общей сложности—критика г. Д. Щеглова тонка и чрезвычайно обстоятельна. Эрудиція его—рѣдкая. Г. Владиміръ Соловьевъ недавно испыталъ, что́ значитъ спорить съ г. Д. Щегловымъ въ предѣлахъ его спеціальности. Объ этомъ спорѣ между прочимъ любопытныя данныя находятся въ предисловіи ко второму изданію „Исторіи соціальныхъ системъ".

Вообще этотъ трудъ нельзя не рекомендовать каждому, заинтересовавшемуся соціальными ученіями; изложеніе ихъ особенно цѣнно для читателей неспеціалистовъ, критика же ихъ заслуживаетъ вниманія специалистовъ. Недостатокъ работы г. Д. Щеглова лишь въ томъ, что она до сихъ поръ не доведена до *современныхъ* соціальныхъ ученій. Г. Д. Щегловъ—въ предисловіи, выражаетъ свое желаніе и надежду довести трудъ до конца, но когда это будетъ? Онъ, къ сожалѣнію, сказать не можетъ. Самыя качества работы г. Д. Щеглова, то-есть пристальное изученіе предмета до послѣднихъ подробностей, заставляютъ опасаться, что нельзя такъ скоро ожидать *третьяго* тома. При всемъ желаніи его видѣть, никто не рѣшился бы и торопить автора. Пусть онъ намъ дастъ третій томъ, достойный первыхъ двухъ — сочиненіе, которое послужитъ не только намъ, но ряду будущихъ поколѣній, работу фундаментальную. Пусть онъ ее закончитъ—когда можетъ. На дешевую популярность такія работы не могутъ разсчитывать, и не для нея дѣлаются.

Но какъ бы то ни было, русскій читатель, имѣя въ сочиненіи г. Д. Щеглова—средства вполнѣ *самостоятельно* ознакомиться съ соціальными ученіями прошлаго (такъ называемымъ *утопическимъ*. соціализмомъ), очень мало вооруженъ въ области современныхъ соціальныхъ ученій. Они циркулируютъ въ изложеніяхъ поверхностныхъ, партійныхъ; читатели особенно не находятъ ихъ оцѣнки критической!.

Въ этомъ отношеніи можно порекомендовать книгу г. К. Головина. Это не есть трудъ ученый. Я его не сравниваю съ работою г. Д. Щеглова. Головинъ, какъ самъ объясняетъ, первоначально разсчитывалъ дать лишь критическій разборъ извѣстнаго романа Беллэми, недавно разошедшагося въ что-то громадномъ количе-

ствѣ переводовъ и изданій. Тѣсная связь романа съ новымъ фазисомъ соціалистическихъ ученій, заставила г. К. Головина расширить рамки работы, и войти въ разсмотрѣніе этихъ ученій въ подлинникѣ. На первомъ планѣ среди нихъ, конечно, стоитъ К. Марксъ и вообще школа марксетовъ. Г. К. Головинъ разсматриваетъ теорію К. Маркса, сравнивая ее съ ученіемъ Рикардо, Родбертуса, подводитъ оцѣнку дѣятельности Лассаля, а въ виду связи „научнаго" соціализма съ изслѣдованіями первобытныхъ учрежденій и ихъ развитія, вводитъ въ обсужденіе также и эти изслѣдованіи. Тутъ, у г. Головина фигурируютъ и русскіе изслѣдователи общины.

Въ виду популярности романа Беллэми, книга г. К. А. Головина построена цѣлесообразно, какъ книга *публицистическая*. Нужно надѣяться, что она обратитъ на себя вниманіе, котораго вполнѣ заслуживаетъ. Съ точки зрѣнія критики самыхъ основъ *научнаго* соціализма, разумѣется, выгоднѣе было бы идти совершенно обратнымъ путемъ. Тутъ романъ Беллэми могъ бы остаться лишь въ видѣ небольшаго эпизода, потому что, въ концѣ-концовъ, трудность *предсказыванія* конкретныхъ формъ будущаго еще не доказываетъ правильности или неправильности общихъ положеній „научнаго соціализма". Для твердой и глубокой критики „научнаго" соціализма первыя основы должны бы составить: 1) оцѣнка современныхъ ученій объ эволюціи общества, а отсюда 2) оцѣнка нынѣ имѣющихся изслѣдованій о первобытныхъ учрежденіяхъ и особенно 3) опредѣленіе дѣйствительнаго значенія *производства* для формъ общественнаго строя и для содержанія мысли и нравственныхъ понятій людей.

Г. К. Головинъ, кое-что въ этомъ отношеніи въ своей книгѣ даетъ. Многія частности его критики поставлены очень хорошо. Вполнѣ правильно и тонко указана одна изъ слабѣйшихъ сторонъ К. Маркса—крайне преувеличенное значеніе, отводимое у него *деньгамъ*, золоту. Въ изложеніи теорій развитія учрежденій г. Головинъ не забываетъ отмѣтить дѣйствительно замѣчательную работу г. Блюменфельда. Но, къ несчастію, даже у самого г. Блюменфельда—блестящая только *мысль*. Интересная еще и потому, что подсказана *русскими* работами по изслѣдованію общины. Еслибы г. Блюменфельдъ поработалъ надъ своей темой *серьезно*, онъ могъ бы произвести цѣлый переворотъ въ наукѣ. Но пока его диссертація остается, къ сожалѣнію, только блестяще инте-

ресною публистическою работой. Само собою, г. К. Головинъ не могъ пойти дальше его.

Что касается значенія *производства,* какъ соціальнаго фактора, этотъ пунктъ у г. К. Головина затронутъ наименѣе.

Въ общей сложности, однако, книга г. К. Головина чрезвычайно интересна и полезна. Люди, увлекающіеся соціалистическими ученіями, или ими интересующіеся, находятъ у г. Головина много соображеній, показывающихъ крайнюю слабость соціализма, какъ ученія *положительнаго,* неспособность его дать что-либо исцѣляющее бѣдствія, во имя которыхъ онъ требуетъ переворота всѣхъ общественныхъ и политическихъ отношеній. Г. Головинъ показываетъ, что соціализмъ, съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ развитія личности, есть ученіе *реакціонное.* Чтеніе книги г. Головина можетъ убѣдить наше общество въ томъ *главномъ,* что должно понять: что для спасенія себя отъ кошмара соціализма современныя общества имѣютъ предъ собою задачу выполнить огромную умственную работу. Соціализмъ есть результатъ коренной неправильности въ воззрѣніи на жизнь человѣческую и эта ошибка отражается въ долгомъ періодѣ фальшиво направленной умственной работы. Современное человѣчество не избавится отъ соціализма до тѣхъ поръ, пока не найдетъ силы пересмотрѣть и исправить цѣлый рядъ историческихъ концепцій и нравственныхъ ученій, созданныхъ въ теченіе этой эпохи.

Л. Тихомировъ.

Новая теорія происхожденія каменнаго угля.

Lapparent,—L'origine de la houille (Rev. d. Quest. scientif. T. XXXII).

Двадцать лѣтъ тому назадъ Гексли въ публичной лекціи, предлагая вычисленіе того, сколько нужно времени для образованія каменноугольнаго бассейна, въ которомъ совокупность всѣхъ слоевъ [1] угля, лежащихъ другъ надъ другомъ, имѣетъ 50—60 футовъ толщины, пришелъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ минимумъ требуемаго времени равенъ шести милліонамъ годамъ. Къ этому вычисленію онъ прибавилъ слѣдующую оговорку

[1] Толщина отдѣльныхъ слоевъ угля обыкновенно колеблется между нѣсколькими сантиметрами и метромъ или даже 1, 2 метра.

„такія вычисленія впрочемъ не имѣютъ никакого значенія для положительнаго и точнаго опредѣленія времени. Они могутъ имѣть значеніе только для того, чтобы обратить вниманіе на возможно меньшую продолжительность времени, потребовавшагося для образованія извѣстной части земной коры. Вопросъ о томъ— во сколько именно времени выстроился Римъ, всякаго поставитъ въ тупикъ, но каждый можетъ смѣло утверждать, что онъ выстроенъ не въ одинъ день. Наши геологическія исчисленія времени имѣютъ въ настоящее время почти такое же значеніе“.[1] Справедливость обязываетъ признать, что разсужденіе Гексли на первый взглядъ можетъ произвести впечатлѣніе строго убѣдительнаго и основательнаго. И однако его соображеніямъ, повидимому, суждено имѣть только историческое значеніе. Накоплявшіеся факты и изслѣдованія въ послѣднее двадцатилѣтіе постепенно склоняли умы къ совершенно иному представленію происхожденія каменнаго угля, чѣмъ то, которое предполагалъ Гексли. Въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ новую теорію разработалъ де-Фойэль. Въ апрѣлѣ 1892 года французскій геологъ Лаппаранъ выступилъ съ публичнымъ рефератомъ въ Брюсселѣ,[2] въ которомъ привелъ новыя соображенія въ пользу теоріи де-Фойэля и доказательства несостоятельности возраженій противъ нея. А въ настоящее время предъ нами лежитъ уже подробное развитіе этого реферата.[3] Сущность новой теоріи, совершенно отрицающей нужду въ милліонахъ и сотняхъ тысячъ лѣтъ для образованія каменнаго угля, заключается въ слѣдующемъ.

Путемъ микрохимическихъ манипуляцій, а иногда и путемъ болѣе простыхъ изслѣдованій можно убѣдиться, что въ каменномъ углѣ находятся растительные останки, по строенію которыхъ всегда можно узнать семейства, къ которымъ они принадлежали. Но относительно незначительное количество такихъ останковъ и ихъ безпорядочное расположеніе въ средѣ совершенно аморфной указываютъ, что прежде, чѣмъ они были погребены въ различнаго сорта пескахъ, они подвергались сильнымъ и энергичнымъ треніямъ. Кромѣ того изъ изслѣдованія оказывается, что всѣ эти растенія принадлежатъ къ земнымъ, каковы,

---

[1] Гексли, Образованіе каменнаго угля 1874 года.
[2] Предъ ученымъ брюссельскимъ обществомъ 26 апрѣля (н. с.) 1892 года.
[3] Lapparent, d'origine de la houille (Rev. d. Quest. scientif. T. XXXII).

напримѣръ, папоротники, каламиты, каламодендроны, сигилларіи, кордаиты и т. д. Тамъ, гдѣ это можно было изслѣдовать, оказалось, что растенія въ каменноугольномъ слоѣ расположены обыкновенно въ горизонтальномъ положеніи именно такъ, какъ они были бы расположены, еслибы были принесены на мѣсто ихъ погребенія водой. Слѣды взаимнаго тренія, замѣчаемые на нихъ, показываютъ, что ихъ несла вода, и что мѣсто ихъ погребенія не есть мѣсто ихъ рожденія. Спрашивается, какъ образовались они и какъ попали туда, гдѣ находятся теперь?

Выросли они въ дѣвственныхъ каменноугольныхъ лѣсахъ, о величіи и характерѣ растительности которыхъ современные тропическіе лѣса могутъ дать нѣкоторое отдаленное понятіе. Въ этихъ лѣсахъ жизнь и разрушеніе идутъ рука объ руку. У подножія роскошныхъ деревьевъ находятся груды разлагающихся растеній. Если подобныя разлагающіяся груды можно наблюдать въ лѣсахъ теплыхъ странъ нашего времени, то тѣмъ болѣе онѣ должны были быть въ каменноугольную эпоху, когда въ деревьяхъ не было крѣпкихъ стволовъ, когда у бо́льшей части растеній были мягкія внутренности, когда было царство древовидныхъ папоротниковъ и сигиллярій. Останки ихъ безъ разбора слагались въ безпросвѣтной тѣни на влажной почвѣ. Образовывалось множество смолистыхъ продуктовъ. Рѣдко падавшіе стволы растеній оставались совершенно цѣлыми: иногда они пучились и вскрывались, иногда въ нихъ сначала выгнивала мягкая внутренность, въ которой поселялись разные гады и пресмыкающіяся, которые и доканчивали разрушеніе внутренности. Въ этой гнившей растительности происходили сложные химическіе процессы, результатомъ которыхъ являлось вещество, по своему химическому составу тождественное съ каменнымъ углемъ. Такъ каменный уголь образовывался изъ растеній тамъ, гдѣ росли растенія.

Но онъ тамъ не оставался. Фойэль для объясненія его дальнѣйшей судьбы предлагаетъ теорію каменноугольныхъ дельтъ. Онъ излагаетъ ее въ приложеніи къ Франціи. Въ каменноугольную эпоху рельефъ Франціи отличался большими неровностями, вслѣдствіе чего потоки водъ, перемѣщаясь подъ большимъ уклономъ, на небольшомъ пространствѣ могли производить весьма сильное механическое дѣйствіе. Бассейнами, принимавшими въ себя воды отдѣльныхъ рѣкъ и ручьевъ, являлись озера, имѣвшія часто очень значительную глубину. Въ каждое половодье потоки, впадавшіе въ озеро, приносили съ собой все то, что

поднимали на своихъ берегахъ: камни, пески, глину, цѣлыя растенія и слой растительныхъ останковъ, находившійся на лѣсной почвѣ. Когда все это приносилось въ озеро, то камни и голыши, конечно, падали на дно первыми, затѣмъ осѣдали пески, затѣмъ глина и, наконецъ, растительныя вещества. Еслибы растенія надолго были предоставлены самимъ себѣ, то они могли бы въ концѣ-концовъ подняться на поверхность, но прежде чѣмъ они успѣвали сдѣлать это, принесенные новые аллювіальные слои на всегда погребали ихъ подъ собой на днѣ озера. Если при отложеніи на днѣ озера растительные останки были рѣзко обособлены отъ минеральныхъ веществъ, то образовывался слой чистаго каменнаго угля; если минеральные и растительные останки вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ были перемѣшаны, то образовывался или, такъ-называемый, смолистый слой, или слой нечистаго угля. Толщина образовавшихся такимъ образомъ слоевъ каменнаго угля зависѣла, во-первыхъ, отъ силы разлива; во-вторыхъ, отъ обилія растительнаго матеріала, который могъ быть захваченъ разливомъ.

Изложенная теорія различаетъ въ образованіи угля два момента. Первый моментъ образованія изъ растеній вещества по своимъ химическимъ свойствамъ тождественнаго съ каменнымъ углемъ. Этотъ процессъ происходитъ на мѣстѣ роста растеній и состоитъ въ томъ, что растеніе бѣднѣетъ водородомъ и обогащается углеродомъ и его производными. Второй моментъ состоитъ въ томъ, что вещество, химически тождественное съ каменнымъ углемъ, но не имѣющее его физическихъ свойствъ, перенесенное водою на дно озера и подвергающееся давленію все увеличивающихся и увеличивающихся отложеній, пріобрѣтаетъ физическія свойства каменнаго угля, его плотность и его строеніе.

Лаппаранъ, Фойэль и другіе подробно изслѣдовали отношеніе этой теоріи къ фактамъ дѣйствительности, главнымъ образомъ къ каменноугольнымъ бассейнамъ Франціи. Они пришли къ выводамъ, что теорія даетъ возможность объяснить и всѣ встрѣчающіяся различія въ качествѣ каменнаго угля и различіе въ его расположеніи, и что теорія не имѣетъ ни одного факта, который бы состоялъ въ противорѣчіи съ нею или, по крайней мѣрѣ, не могъ быть ею объясненъ.

Сравнивая эту теорію съ тою, которую нѣкогда защищали Гексли и другіе изслѣдователи, мы видимъ, что она отличается отъ стараго ученія двумя выгодными особенностями: вопервыхъ,

она не прибѣгаетъ для объясненія факта къ фантастическимъ десяткамъ милліоновъ лѣтъ; вовторыхъ, она не обращается ко множеству произвольныхъ предположеній, безъ чего не могла обходиться старая теорія. Процессъ образованія каменнаго угля, по старой теоріи, происходилъ такимъ образомъ. На какомъ либо мѣстѣ росъ лѣсъ, затѣмъ это мѣсто опускалось и становилось дномъ воднаго бассейна, на немъ начинали откладываться минеральныя отложенія, а подъ ними растительные остатки превращались въ каменный уголь. Затѣмъ это мѣсто снова поднималось, становилось сушей, на немъ снова выросталъ лѣсъ, снова начиналось опускачіе мѣстности, затопленіе лѣса и т. д. Если мы въ извѣстномъ каменноугольномъ бассейнѣ встрѣчаемъ до ста слоевъ угля, перерѣзываемыхъ минеральными пластами, то, значитъ, это мѣсто сто разъ дѣлалось сушей и воднымъ дномъ. Собственно для образованія растительности, изъ которой потомъ возникъ каменный уголь, не было нужно много времени, особенно въ ту эпоху, когда температура на землѣ была гораздо выше и количество углекислоты въ воздухѣ гораздо значительнѣе, но для тѣхъ геологическихъ метаморфозъ (подниманія и опусканія суши), которыя по теоріи необходимо обусловливали образованіе каменнаго угля, очевидно, требовались милліоны лѣтъ. Причемъ самое предположеніе этихъ метаморфозъ являлось совершенно произвольнымъ, которое нельзя было обосновать какими бы то ни было данными геологіи. Намъ кажется, что еслибы старая теорія была вѣрна, то геологическое расположеніе каменнаго угля было бы совсѣмъ инымъ, чѣмъ какимъ оно оказывается въ дѣйствительности. Такъ какъ геологія скорѣе допускаетъ, что каждое мѣсто земной поверхности было нѣсколько разъ воднымъ дномъ и сушей, чѣмъ то, что съ одними мѣстами эти перемѣны происходили сто разъ, а съ другими ни разу, то естественнѣе было-бъ ожидать встрѣчать каменный уголь повсюду въ видѣ незначительнаго количества слоевъ, чѣмъ, не встрѣчая его во многихъ мѣстахъ совсѣмъ, въ другихъ находить въ видѣ громаднаго количества мощныхъ залежей. Обращаясь къ новой теоріи, мы видимъ, что ею этотъ фактъ необходимо предполагается; видимъ далѣе, что новая теорія не нуждается въ произвольномъ предположеніи безчисленныхъ геологическихъ метаморфозъ, какъ не нуждается она и въ предположеніи фантастическихъ цифръ: для образованія извѣстнаго числа слоевъ ею требуется только количество половодій равное числу слоевъ. Для

образованія минеральныхъ отложеній между слоями совсѣмъ не требуется особаго времени: отложеніе каждаго половодья, по теоріи, представляло два слоя: нижній (болѣе тяжелый)—минеральный, и верхній (болѣе легкій)—растительный. Различіе частныхъ условій обусловливало частныя особенности того и другаго слоя и различіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Это согласіе новой теоріи съ фактами, ея простота, ясность и отсутствіе въ ней фантастическихъ и произвольныхъ предположеній, думаемъ, обѣщаютъ ей будущность.

Дѣлая такое предположеніе относительно будущаго, закончимъ нашу короткую статью справкой относительво прошедшаго. По новой теоріи уголь есть растительный аллювій—растительное отложеніе, принесенное водой. Это предположеніе было высказано въ первый разъ въ 1718 году Антуаномъ Жюссье. За него стоялъ Бюффонъ. Вообще съ XVII в. оно не было поколеблено. [1] Въ XIX вѣкѣ принципы геологіи Ч. Ляйэля заставили отвергнуть его и даже позабыть, но вотъ, въ концѣ вѣка, снова возвращаются къ старой теоріи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы, подкрѣпивъ новыми данными и разъясненіями, превратить ее въ научную истину.

С. Глаголевъ.

Разсказы для дѣтей. Н. Островской, С. Петербургъ, 91 г.
Какъ жили Таня, Петя, Оля и Ваня. Новской, Москва, 90 г.

Обѣ названныя книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, первая—для среднеучебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, вторая—для младшаго возраста среднихъ заведеній.

Книга г-жи Островской, довольно объемистый томикъ въ 41 печатный листъ, заключаетъ въ себѣ 5 повѣстей и разсказовъ, героями которыхъ являются дѣти. Одни изъ нихъ болѣе удались автору, другіе менѣе, но въ общемъ книжка производитъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Всѣ разсказы написаны хорошимъ русскимъ языкомъ; картины русской жизни, составляющія содержаніе ихъ, взяты дѣйствительно изъ нашей родной жизни, съ нашей *русской* природой, людьми, обычаями, съ рус-

[1] См. изложеніе ученій о происхожденіи каменнаго угля въ статьѣ маркиза Сапорты въ *Revue de deux Mondes*, 54 volume. 1882.

ской религіозностію, а не являются переводомъ обще-европейскихъ нравовъ на русскія, какъ это бываетъ въ большинствѣ разсказовъ, предназначаемыхъ для дѣтей за послѣднее время Несмотря на нѣкоторые весьма существенные недостатки изложенія, какъ напримѣръ, неумѣнье автора группировать событія, рисовать рельефнѣе и сильнѣе все болѣе значительное въ общемъ ходѣ разсказа, книга г-жи Островской все же, по нашему мнѣнію, довольно близко подходитъ къ тому роду дѣтской литературы, которая можетъ быть названа художественной. Лучшимъ изъ разсказовъ и всего яснѣе выказывающимъ характеръ дарованія автора является небольшой разсказъ, озаглавленный „Въ деревнѣ",—проникнутое теплотою и нѣкоторымъ поэтическимъ чувствомъ описаніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ деревнѣ, героиней разсказа, Зиной.

Было бы въ высшей степени пріятно, если бы въ дѣтской литературѣ нашей почаще встрѣчались произведенія подобнаго типа.

Не таково впечатлѣніе, вынесенное нами изъ разсмотрѣнія другой книжки: „Какъ жили Таня, Петя, Оля и Ваня" г-жи Новской. Книжка предназначена для дѣтей младшаго возраста. Авторъ, повидимому, совершенно основательно не придерживается того взгляда, что дѣтямъ этого возраста слѣдуетъ давать *только* нравоучительныя повѣствованія или же сообщать имъ болѣе или менѣе „полезныя" свѣдѣнія, слѣдовательно единственною цѣлью подобной книжки могло бы быть доставленіе дѣтямъ сколько нибудь занимательнаго разсказа, чтобы пріохотить ихъ по возможности къ чтенію.

Объ удовлетвореніи того эстетическаго чувства, которое свойственно даже очень небольшимъ дѣтямъ и которымъ объясняется ихъ любовь къ сказкамъ, конечно въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, но и внѣ этихъ требованій разсказъ о томъ „какъ жили Таня, Петя, Оля и Ваня" не удовлетворяетъ своему назначенію,—и одобреніе ученаго комитета, по нашему мнѣнію, здѣсь имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ надпись на патентованныхъ лекарствахъ: „съ дозволенія Врачебной Управы," то-есть не больше, какъ признаніе *безвредности*.

Въ основаніи названной книжки лежитъ крайне ложный пріемъ: разсказъ ведется отъ лица дѣвочки, однолѣтки своихъ читателей, и авторъ старается говорить дѣтскимъ языкомъ, что вноситъ совершенно ненужную искусственность. Языкъ дѣтей зависитъ во-первыхъ отъ своеобразности хода ихъ мыслей, и во-вторыхъ

отъ неумѣнья ихъ выражать свои мысли. Первый изъ этихъ элементовъ, наблюдать который намъ такъ интересно въ дѣйствительности, совершенно неуловимъ для автора, повторять же свойственныя дѣтскому способу выраженія и ошибки рѣчи, конечно, можетъ всякій, но этимъ способомъ не достигается никакихъ преимуществъ изложенія. Дѣти отъ этого ни чуть не лучше поймутъ то, что хочетъ сказать авторъ. Частое употребленіе слова „такой", напр. „толстая такая," ничѣмъ инымъ быть не можетъ, какъ только неумѣньемъ выражаться.

Рисуя картинки для дѣтей, было бы весьма неосновательно не соблюдать правильности рисунка, думая, что этимъ способомъ они станутъ болѣе понятны для дѣтей.

Обратившись затѣмъ къ самому содержанію разсказа, мы видимъ, что Таня, Петя, Оля и Ваня жили такъ же, какъ живутъ всѣ маленькіе читатели этого разсказа, и еслибы эти послѣдніе могли отдавать себѣ болѣе ясный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, то многіе бы изъ нихъ сказали: „зачѣмъ это Таня вздумала написать такую книжку? Все это мы знаемъ и безъ нея и сами бы могли ей разсказать многое гораздо болѣе занимательное изъ нашей жизни".

И они были бы правы.

Д.

„*Современный сельскій бытъ и его нужды. Отзывы изъ практической среды.* С. Петербургъ, 1893 г. Изданіе Ильина, цѣна 1 руб."

Дѣльная, интересная и полезная книга неизвѣстнаго автора.

Въ заглавіи „Отзывы изъ практической среды" и въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги почтенный авторъ даетъ намъ нѣкоторые намеки для характеристики своей личности. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что былъ мировымъ посредникомъ *перваго призыва* (то-есть — изъ такого состава, который вынесъ на своихъ плечахъ самую серьезную реформу въ Россіи); въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ себя „потомственнымъ дворяниномъ пятидесятыхъ годовъ, владѣющимъ и доселѣ родовымъ имѣніемъ." По этимъ разбросаннымъ въ книгѣ намекамъ и по сути всей книги мы можемъ составить себѣ понятіе, что авторъ ея—человѣкъ практики, знающій жизнь и деревню, и трудъ его представляетъ серьезные и интересные итоги, подведенные русской деревенской жизни за

тридцать лѣтъ ея новаго теченія послѣ реформы. Почему авторъ печатаетъ свой трудъ анонимно, выясняется изъ слѣдующихъ строкъ предисловія.

„Авторъ отзывовъ искренно признаетъ свою работу настолько бѣглою и эскизною, насколько свою единоличную экспертизу признаетъ лишь починомъ экспертизы въ практическомъ направленіи. Для облегченія критическихъ отношеній къ своей работѣ онъ избираетъ методъ изложенія самый сжатый, программный, такъ сказать; также съ намѣреніемъ обобщаетъ отзывы, дабы вызывать къ нимъ варіанты. Наконецъ, въ видахъ посильнаго содѣйствія поправкамъ къ отзывамъ изъ среды практическихъ людей, главный контингентъ коихъ принадлежитъ къ обитателямъ провинціи, авторъ *обезличиваетъ* свой трудъ и предоставляетъ перепечатаніе его въ цѣломъ или въ частяхъ всѣмъ тѣмъ органамъ прессы, которые признали бы его заслуживающимъ вниманія своихъ подписчиковъ“.

Книга содержитъ слѣдующія главы: I. Сельская статистика. II. Современныя условія земледѣлія. III. Современныя условія крестьянскаго быта. IV. Народное продовольствіе. V. Современныя условія дворанскаго землевладѣнія.—Самыя заглавія указываютъ, какіе затронуты животрепещущіе вопросы, злобы дня. И надо признать, что авторъ умѣлою рукой, хотя и въ сжатой, программной формѣ, коснулся этихъ вопросовъ и далъ богатый матеріалъ для ихъ разрѣшенія. Размѣры настоящаго отзыва, къ сожалѣнію, не даютъ намъ возможности войти, какъ бы намъ хотѣлось, въ подробное обсужденіе содержанія названныхъ главъ книги, и мы останавливаемъ вниманіе читателя на самой существенной и богатой опытомъ и содержаніемъ главѣ III-й—„Современныя условія крестьянскаго быта.“ Авторъ ставитъ себѣ слѣдующій тезисъ: „Никакой подъемъ мысли къ стремленію и упроченію общаго благосостоянія въ государствѣ и государственнаго богатства не можетъ имѣть успѣха, пока крестьянство не будетъ пользоваться обезпеченнымъ, матеріальнымъ благополучіемъ.“ Съ этимъ не согласиться нельзя. Также вѣрна и слѣдующая мысль: „по несложности своихъ пользъ и нуждъ крестьянство быстро теряетъ благополучіе вслѣдствіе вредныхъ вліяній и также быстро его возвращаетъ по устраненіи этихъ вліяній.“ Конечно, возвращеніе благосостоянія достигается длиннѣйшимъ путемъ, чѣмъ потеря его; но условія нашей деревенской жизни и характеръ хранителя ея, крестьянина, такъ *цѣльны*, несложны, что, не бывши зараженнымъ

оптимизмомъ, можно признать, что наши бѣды еще, слава Богу, легко поправимы.

Нравится намъ взглядъ автора на характеръ нашего крестьянина—взглядъ практическій, взглядъ здраваго смысла, лишенный всякой партійности. А изучать, знать и считаться съ характеромъ девяти-десятыхъ населенія—неизбѣжно. Авторъ цитируемой книги не идеализируетъ крестьянина, но и не топчетъ его въ грязь. Онъ говоритъ: „крестьянинъ—богатый сырой матеріалъ, изъ котораго при однихъ условіяхъ можетъ выработаться много хорошаго, при другихъ условіяхъ можетъ получиться много дурнаго. Такимъ богатымъ матеріаломъ въ народныхъ массахъ не обладаетъ ни одна страна въ свѣтѣ... Большинство въ крестьянской средѣ обладаетъ мозговыми способностями, отъ смышлености до ума включительно, быстротой пониманія, яснаго изложенія и замѣчательною памятью. Среда выдѣляетъ изъ себя ничтожный процентъ идіотизма и немалый процентъ рѣшительной даровитости, выражаемой изобрѣтательностью въ физической области и логичностью доступныхъ умственныхъ выводовъ; рядомъ съ этимъ послѣднимъ качествомъ уживается податливость въ усвоеніи на вѣру заносимыхъ молвой выводовъ фантастичныхъ и нелѣпыхъ... Въ личной самодѣятельности у крестьянъ нѣтъ недостатка, общественная самодѣятельность у нихъ положительно отсутствуетъ. Это доказывается тѣмъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ крестьянскій міръ ни съ какой стороны не проявилъ полезнаго, разумнаго сосредоченія въ своихъ непосредственныхъ пользахъ и нуждахъ... Крестьянинъ рѣшительный фаталистъ, поэтому онъ терпѣливъ и безстрашенъ; отъ окружающей среды всегда расположенъ ожидать для себя вреднаго; всего лучшаго всегда ожидаетъ свыше. Крестьянинъ всецѣло преданъ матеріальной выгодѣ, но выгодѣ нетерпѣливой, немедленной; всегда нѣсколько привлекательному настоящему готовъ сознательно приносить въ жертву безусловно лучшее будущее. Правомъ собственности у него признается фактическое обладаніе собственностью; своимъ обладаніемъ или вѣрнѣе предметомъ своего обладанія онъ дорожитъ и его бережетъ. По части чужой собственности онъ уважаетъ ту, которая производительна и притомъ —оберегается, „плохо не лежитъ.“ Воровство въ нѣкоторыхъ случаяхъ признается имъ однимъ изъ видовъ пріобрѣтенія, напримѣръ, воровство лѣса. Въ другихъ случаяхъ оно признается тяжкимъ преступленіемъ, напримѣръ, конокрадство“... Къ сожалѣнію, мы

должны ограничиться только этими цитатами для ознакомленія читателя съ книгой, лежащею передъ нами.

Не менѣе хорошо обработана глава о народномъ продовольствіи.

Кончаемъ нашъ бѣглый отзывъ тѣмъ, съ чего начали: дѣльная, интересная и полезная книга, съ которою мы совѣтуемъ познакомиться всѣмъ интересующимся современною крестьянскою жизнію, а въ особенности — людямъ призваннымъ управлять крестьянствомъ, какъ то—земскимъ начальникамъ и другимъ.

— ** —

Птицы Россіи. М. А. Мензбира, профессора Императорскаго Московскаго университета. Выпускъ первый, съ 78 рисунками. Москва. 1893.

Мы уже указывали по поводу руководства къ опредѣленію растеній („Флора Средней Россіи") Маевскаго, [1] какое важное значеніе имѣютъ подобныя руководства и опредѣлители. Теперь предъ нами другое руководство такого рода, но болѣе широко задуманное — *Птицы Россіи* профессора Московскаго университета М. А. Мензбира. У насъ довольно много любителей и собирателей птицъ, не только среди лѣсничихъ и сельскихъ хозяевъ, но и вообще среди лицъ, случайно или по своей профессіи живущихъ въ деревнѣ. Между тѣмъ послѣ „Русской орнитологіи Кесслера", которая уже давно не существуетъ въ продажѣ, а отчасти и устарѣла (такъ что не можетъ считаться удовлетворительною для настоящаго времени), не появлялось ни одного пособія по опредѣленію птицъ Россіи, которое могло бы помочь начинающимъ. Многіе поэтому лишены всякой опоры на первыхъ порахъ, когда совѣты и указанія свѣдущаго руководителя всего болѣе необходимы. Поневолѣ приходится обращаться къ иностраннымъ руководствамъ; но послѣднія не совсѣмъ подходятъ съ данномъ случаѣ: вопервыхъ, даже въ лучшихъ иностранныхъ руководствахъ не упомянуты многія птицы, широко распространенныя въ Россіи; вовторыхъ, описанія, составленныя по западно-европейскимъ образцамъ, часто не подходятъ къ восточно-европейскимъ, то-есть русскимъ, что̀ представляетъ громадный недостатокъ при опредѣленіи, такъ какъ можетъ пріучить начинающаго небрежно относиться къ описаніямъ и діагнозамъ. Указанный трудъ извѣстнаго знатока птицъ М. А. Мензбира,

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1892, декабрь.

успѣвшаго создать себѣ имя своими орнитологическими работами, вполнѣ восполняетъ этотъ пробѣлъ, и много лицъ, интересующихся и занимающихся орнитологіей, скажутъ большое спасибо автору за его полезный и серьезный трудъ. „Птицы Россіи" не есть только руководство къ опредѣленію птицъ, встрѣчающихся въ Россіи; это — подробное руководство по орнитологіи, гдѣ собраны также критически переработанныя свѣдѣнія объ образѣ жизни и географическомъ распространеніи птицъ въ Россіи. Обыкновенно такія свѣдѣнія разсѣяны по разнымъ періодическимъ журналамъ, встрѣчаются въ мелкихъ охотничьихъ изданіяхъ, такъ что отыскать эти замѣтки часто представляетъ большія затрудненія. Авторъ сдѣлалъ полную сводку свѣдѣній о птицахъ Россіи, заимствуя эти свѣдѣнія то изъ своихъ личныхъ наблюденій, то изъ работъ такихъ видныхъ русскихъ орнитологовъ, какъ покойный Н. А. Сѣверцевъ, то пользуется наблюденіями болѣе молодыхъ орнитологовъ. Справедливость требуетъ добавить, что сводка эта сдѣлана умѣлою рукой знатока-спеціалиста. При описаніи видовъ приведена синонимика, а также указаны мѣстныя названія птицъ по губерніямъ; затѣмъ указывается распространеніе каждаго вида, причемъ собраны свѣдѣнія, въ какихъ губерніяхъ или мѣстностяхъ птица обыкновенна, и гдѣ она встрѣчается рѣдко, описывается образъ жизни птицы со словъ наблюдателей-орнитологовъ. Къ руководству приложены очень хорошіе рисунки: каждый видъ иллюстрируется однимъ или нѣсколькими рисунками, которые даютъ полное представленіе о каждой птицѣ и помогутъ при опредѣленіи. Обыкновенно рисунки изображаютъ птицу въ ея естественной обстановкѣ, а нѣкоторые прямо какъ бы выхвачены изъ жизни животныхъ.

Только-что вышедшій первый выпускъ содержитъ 256 страницъ текста и 78 рисунковъ. Все сочиненіе, которое авторъ предполагаетъ окончить въ теченіе года, будетъ издано въ пяти выпускахъ и должно содержать 1.200 страницъ текста и болѣе 500 рисунковъ. Ко всему сочиненію должно быть приложено введеніе, содержащее въ общедоступной формѣ изложеніе свѣдѣній по анатоміи, систематикѣ, географическому распространенію, біологіи и палеонтологической исторіи птицъ, а также, что̀ весьма важно въ практическомъ отношеніи для начинающихъ, будетъ приложена краткая инструкція для приготовленія шкурокъ.

Издана книга съ внѣшней стороны хорошо, о рисункахъ уже было упомянуто. Читается книга очень легко, а многія страницы,

занятыя описаніемъ образа жизни птицъ, прочтутся съ интересомъ не только лицами, спеціально занимающимися орнитологіей, но всякимъ, кто только интересуется образомъ жизни животныхъ.

Біологія растеній. Ю. Визнера, профессора Вѣнскаго университета, перевели Р. Р. Шредеръ и Н. А. Никольскій. С.-Петербургъ, 1892.

Широкое развитіе, которое получила біологія растеній въ последнее время, вполнѣ оправдываетъ появленіе солиднаго сочиненія профессора Вѣнскаго университета, Ю. Визнера, въ которомъ онъ даетъ сводъ біологическихъ фактовъ и теорій и знакомитъ съ современнымъ положеніемъ біологіи растеній. Словомъ „біологія" обозначаютъ весьма различныя понятія. Англійскіе натуралисты употребляютъ это слово въ весьма обширномъ смыслѣ и разумѣютъ подъ „біологіей" науку о жизни или науку объ организмахъ вообще. Другіе натуралисты, напротивъ, очень тѣсно ограничиваютъ его смыслъ, разумѣя подъ біологіей изученіе образа жизни организмовъ: животныхъ и растеній. Хотя ученіе о жизни и жизненныхъ явленіяхъ организмовъ представляетъ нераздѣльное цѣлое, но вопросы, относящіеся къ этой обширной и интересной отрасли знанія, такъ разнообразны, и методы, прилагаемые къ ихъ разрѣшенію, такъ различны, что ученіе о жизни по необходимости распалось на нѣсколько отдѣловъ, которые, имѣя между собою извѣстныя точки соприкосновенія, тѣмъ не менѣе, по своему содержанію и по методамъ могутъ претендовать на самостоятельность. Въ этомъ отношеніи весьма важно установить различіе между біологіей и физіологіей, которая также занимается изученіемъ жизненныхъ явленій. Визнеръ указываетъ на слѣдующее существенное различіе между обѣими науками. Физіологія изучаетъ такія проблемы, какъ движеніе соковъ, испареніе, дыханіе, ассимиляція и другіе вопросы, которые могутъ быть доступны точному физическому и химическому изслѣдованію; съ другой стороны къ области біологіи относятся такіе вопросы, къ рѣшенію которыхъ еще невозможно примѣнить точныхъ изслѣдованій. Другое существенное различіе между обѣими науками заключается въ имъ методахъ. Главная задача физіологіи—анализъ жизненныхъ явленій, тогда какъ біологія напротивъ разрѣшаетъ свои проблеммы главнымъ образомъ синтетическимъ путемъ. Въ то время какъ физіологія путемъ

экспериментальнаго изолированія пытается выдѣлить каждый изъ факторовъ, играющихъ роль въ какомъ-нибудь сложномъ явленіи, слѣдовательно, анализируетъ это явленіе, біологія наоборотъ, имѣя въ виду объяснить какое-нибудь сложное явленіе, комбинируетъ всѣ факты, имѣющіе отношеніе къ этому явленію; такъ, напримѣръ, синтетическимъ путемъ біологія открыла столь важную для оплодотворенія растеній связь между посѣщеніемъ насѣкомыхъ и устройствомъ цвѣтка. Такимъ образомъ къ области біологіи растеній Визнеръ относитъ ученіе объ образѣ жизни, наслѣдственности, измѣнчивости, приспособленіи, возникновеніи и естественномъ распространеніи растеній и въ цѣломъ рядѣ главъ разсматриваетъ относящіеся сюда вопросы: обзоръ растительныхъ формъ по ихъ образу жизни, жизнь особи, проростаніе, заложеніе и развитіе органовъ, цвѣтеніе и плодоношеніе, періоды покоя и явленія отпаденія, приспособленіе растеній къ внѣшнимъ условіямъ и къ другимъ организмамъ, воспроизведеніе, продолжительность жизни, біологическія условія размноженія, развитіе растительнаго міра, распространеніе растеній. Къ тексту приложено 60 рисунковъ и ботаническая карта земли съ обозначеніемъ растительныхъ областей по Гризебаху; а въ концѣ приложенъ краткій, но хорошо составленный историческій очеркъ ботаники. Авторъ даетъ очень много матерьяла и сообщаетъ по разнымъ вопросамъ много весьма интересныхъ фактовъ, но часто матерьялъ этотъ не переработанъ и выводы неясны, такъ что читателю самому предоставляется дѣлать ихъ. Много мѣшаетъ чтенію плохой переводъ, представляющій чисто нѣмецкіе обороты рѣчи и несвойственное русскому языку размѣщеніе словъ. На каждой страницѣ попадаются такія нескладныя фразы, какъ напримѣръ: „біологія развиваетъ свои умозрѣнія на, по возможности, болѣе широкой почвѣ фактовъ“ (стр. 3), такъ что приходится пожалѣть, что эта хорошая и полезная книга досталась такимъ неумѣлымъ переводчикамъ.

Иллюстрированное изданіе „Жизнь животныхъ“ А. Э. Брэма, переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Томъ I, С. Петербургъ, 1893 г.

Знаменитое сочиненіе „Жизнь животныхъ“ Брэма переведено на всѣ европейскіе языки и пользовалось вездѣ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, большою популярностію. Прекрасный пере-

водъ подъ редакціей Ковалевскаго нашелъ такой обширный кругъ читателей, что его теперь уже не имѣется въ продажѣ, а нѣкоторые тома составляютъ библіографическую рѣдкость, поэтому появленіе новаго перевода, который навѣрное встрѣтитъ такой же пріемъ, какъ и первый, нельзя не назвать своевременнымъ. Новый переводъ сдѣланъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, которое начало выходить уже послѣ смерти Брэма подъ редакціей извѣстнаго зоолога Пехуэль-Леше, который самъ много путешествовалъ и извѣстенъ своими наблюденіями надъ образомъ жизни животныхъ. Изданіе это значительно расширено и пополнено сравнительно съ первыми двумя изданіями и было уже привѣтствовано нѣмецкой критикой, которая отмѣтила важныя преимущества новаго изданія передъ прежними. Въ него вошли всѣ сколько нибудь замѣчательныя наблюденія надъ образомъ жизни животныхъ за послѣднее время, а за послѣдніе десять лѣтъ эти наблюденія возрасли очень замѣтно. Съ одной стороны съ увеличеніемъ числа зоологическихъ садовъ въ Европѣ умножились наблюденія надъ жизнью многихъ рѣдкихъ животныхъ въ неволѣ. Съ другой стороны путешествія натуралистовъ во всѣ части свѣта дѣлаются все чаще и чаще, что также способствуетъ увеличенію нашихъ свѣдѣній о жизни дикихъ животныхъ. Достовѣрныя наблюденія хорошихъ натуралистовъ-наблюдателей во многихъ случаяхъ замѣняютъ прежніе баснословные, безъ надлежащей критики и провѣрки принимавшіеся на вѣру, разсказы туземцевъ. Поэтому, хотя характеръ изданія остался прежній и всѣ интересныя наблюденія самаго Брэма сохранены и въ новомъ изданіи, мы находимъ въ немъ очень много новыхъ фактовъ и наблюденій. Понятно поэтому, что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился и объемъ изданія, что особенно ясно изъ слѣдующихъ сопоставленій. Въ старомъ изданіи описаніе млекопитающихъ заключалось въ двухъ томахъ, въ новомъ изданіи оно занимаетъ три тома; въ прежнемъ переводѣ Брэма отдѣлъ объ обезьянахъ занималъ 125 страницъ, въ новомъ этотъ отдѣлъ занимаетъ 240 страницъ. Къ первому выпуску приложена біографія Брэма и краткое введеніе „Общій взглядъ на жизнь животныхъ“. Все изданіе предполагается въ десяти томахъ, по образцу нѣмецкаго, въ которомъ описаніе млекопитающихъ занимаетъ 3 тома, птицы— 3 слѣдующихъ тома, томъ 7 и 8 запятъ описаніемъ пресмыкающихся и гадовъ, а послѣдніе два тома посвящены описанію рыбъ и безпозвоночныхъ животныхъ. На нѣмецкомъ языкѣ уже выхо-

дятъ послѣдніе выпуски 9 тома. Въ русскомъ изданіи выходитъ еще только второй томъ. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно, читается очень легко. Нераскрашенные рисунки исполнены прекрасно; относительно хромолитографій слѣдуетъ замѣтить, что онѣ значительно уступаютъ политипажамъ и исполнены хуже, нежели въ нѣмецкомъ изданіи.

В. Л.

Востокъ. Страны Креста и Полумѣсяца и ихъ обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра. Составилъ П. А. Стенинъ, дѣйств. членъ Импер. Географическаго Общества. С.-Петербургъ.

Произведеніе г. Стенина въ изданіи г. Девріена есть очень красиво изданная книга въ 500 страницъ со множествомъ иллюстрацій. Въ предисловіи, принадлежащемъ перу Н. Горбатова, упоминается, что наша отечественная исторія тѣсно связана съ Востокомъ, и подробное описаніе восточныхъ странъ должно оказать читателю крупную услугу. Мы вправѣ были бы ожидать, что авторъ посвятитъ бóльшую часть своего труда историческому толкованію связи русской исторіи съ турецкою, тѣмъ болѣе, что въ томъ же предисловіи говорится еще о всевозрастающемъ преобладаніи славянскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ. Но трудъ г. Стенина оказывается лишь очень обстоятельнымъ учебникомъ географіи съ присоединеніемъ къ нему сухаго перечня историческихъ фактовъ, въ родѣ того, что тотъ воевалъ съ этимъ, миръ заключенъ тогда-то, страна перешла въ такія-то руки и т. п. Мѣстами желаніе сжать исторію приводитъ даже къ неясности. Такъ, говоря о притѣсненіяхъ, переносимыхъ христіанами въ Босніи, авторъ замѣчаетъ, что благодѣтельные турецкіе законы, издававшіеся съ цѣлью пресѣченія зла, оставались лишь мертвою буквой. Въ чемъ состояли эти законы, не упомянуто ни однимъ словомъ, и указанъ лишь годъ и число ихъ утвержденія. (Стр. 13).

Если книга составлена съ цѣлью просвѣтить читателя относительно Восточнаго вопроса, почему въ составъ разсмотрѣнныхъ странъ не внесены средне-азіатскія государства и Индія, которыя въ великомъ восточномъ вопросѣ играютъ не послѣднюю роль?

Отсутствіе общей идеи, объединяющей содержаніе книги, замѣтно уже изъ того, что авторъ въ исторической части своего труда

останавливается у преддверія послѣдней русско-турецкой войны, оговариваясь, что это свѣжо у всѣхъ въ памяти. (Стр. 50). Между тѣмъ, если читатель долженъ былъ быть просвѣщенъ насчетъ Восточнаго вопроса, его надо было довести до послѣдняго историческаго момента, чтобы дальнѣйшія событія слагались у него уже самостоятельно въ общую картину.

Странное впечатлѣніе производятъ вопросительные знаки, выставленные авторомъ при нѣкоторыхъ цифровыхъ и хронологическихъ данныхъ. Если г. Стенинъ не былъ увѣренъ въ своихъ показаніяхъ, ихъ должно было оговорить, не оставляя читателя предъ загадкой.

Много подобныхъ неясностей разсыпано по книгѣ. Такъ, говоря, что Искандеръ-бей бѣжалъ въ Албанію и поселился въ деревнѣ Бушатѣ, авторъ присовокупляетъ: „Отъ него произошли шкодранскіе бушатліи". Не вправѣ ли читатель ожидать объясненія „шкодранскимъ бушатліямъ",—но его нѣтъ.

Авторъ самъ поставилъ себя въ ложное положеніе, взявъ въ предисловіи высокій тонъ. Безъ этого его трудъ, изящно изданный, красиво иллюстрированный и подробно изложенный, сошелъ бы за прекрасное пособіе при изученіи географіи Турецкой имперіи.

Сергѣй Филипповъ. *Константинополь, его окрестности и Принцевы острова.* Москва 1893 года. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Г. Филипповъ не задавался такими высокими задачами, какъ г. Стенинъ, и къ его произведенію, захватывающему часть того же предмета, о которомъ трактуетъ г. Стенинъ, не можетъ-быть приложена такая же мѣрка. Впечатлѣнія отъ знакомства своего съ Константинополемъ и его окрестностями г. Филипповъ печаталъ сперва въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ;* бѣглость путевыхъ замѣтокъ осталась отпечаткомъ и отдѣльнаго изданія. Описаніе внѣшняго вида турецкой столицы сливается съ разсказами о внутренней жизни, вопросъ о положеніи печати переходитъ въ описаніе новаго моста, рѣчь о положеніи гяуровъ въ Константинополѣ возобновляется нѣсколько разъ. Восторгъ, вызываемый красотой константинопольскихъ видовъ, приводитъ автора къ нагроможденію эпитетовъ: „прекрасный", „восхитительный", „безподобный", „удивительный" такъ и сыплется, часто повторяясь, иногда даже въ ущербъ красотѣ изложенія.

Къ концу книги сила впечатлѣнія какъ бы улеглась, и авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ справедливымъ упрекамъ по адресу русскихъ промышленниковъ: наводненіе константинопольскаго рынка дешевыми и гнилыми товарами Австріи наводитъ его на не новую, впрочемъ, но основательную мысль, что русскіе фабриканты могли бы вытѣснить австрійскую промышленность изъ Турціи безъ особеннаго труда, при небольшой лишь предпріимчивости.

Интересны также страницы о миссіонерской дѣятельности Англичанъ, о положеніи врачебнаго дѣла въ Константинополѣ, о потрясающей обстановкѣ для прокаженныхъ, вообще обо всемъ томъ, на что̀ ту̀ристы обращаютъ вообще мало вниманія, и чѣмъ поэтому выгодно отличается книга г. Филиппова отъ многихъ другихъ описаній путешествія въ тѣ же страны, которыя посѣтилъ онъ,—нѣтъ описаній, гдѣ говорится лишь все о тѣхъ же красотахъ Босфора, о тѣхъ же узкихъ улицахъ Константинополя, о тѣхъ же стаяхъ собакъ, о которыхъ мы слышали тысячи и тысячи разъ.

А. Г.

Грёзы и пѣсни. Стихотворенія И. П. Захарьина (Якунина). Изданіе третье. Спб. 1893 г. ц. 25 к.

Постоянно слышатся у насъ жалобы на упадокъ поэзіи, на недостатокъ поэтовъ, могущихъ быть достойными преемниками Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и другихъ немногихъ славныхъ.

А между тѣмъ ежегодно появляется у насъ, подъ разными названіями, по нѣсколько сборниковъ стихотворныхъ произведеній, принадлежащихъ цѣлой рати юныхъ и старыхъ жрецовъ Аполлона.

Повидимому, у насъ изобиліе поэтовъ,—отъ нихъ некуда дѣваться, редакціи завалены ихъ присылами, полки книжныхъ магазиновъ гнутся подъ тяжестью ихъ твореній.

Но только *повидимому*, ибо это изобиліе есть въ сущности очень печальное явленіе.

Званыхъ много, избранныхъ мало.

У всѣхъ этихъ безчисленныхъ стихослагателей, имена которыхъ трудно запомнить даже, нѣтъ поэзіи: она замѣняется или болѣзненнымъ нытьемъ или гражданскою скорбью,—и внутреннее убожество ихъ произведеній искупается внѣшнею роскошью изданія.

Ибо, дѣйствительно, всѣ эти новые жрецы Аполлона издаютъ свои произведенія съ такимъ изяществомъ, которое не часто знаютъ и произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ.

О такихъ стихотворныхъ произведеніяхъ очень трудно что-нибудь сказать, вопервыхъ, потому уже, что они всегда какъ-то туманны, страдаютъ неопредѣленностью образовъ и неясностью мысли.

Авторы ихъ или часто сами не сознаютъ того, о чемъ поютъ: ихъ пѣсни—безсознательное повтореніе гдѣ-то, когда-то слышанныхъ мотивовъ, или какъ бы нарочно многое оставляютъ недосказаннымъ и въ туманѣ, надѣясь что благосклонный читатель припишетъ это „умолчаніе“ постороннимъ *независящимъ* причинамъ, а не бездарности автора.

Съ другой стороны, если стихи принадлежатъ автору молодому, то трудно рѣшиться высказать слово осужденія, боясь, какъ бы не запугать юное дарованіе, быть можетъ и существующее на самомъ дѣлѣ, но только не могущее еще выпутаться изъ опутывающей его мишуры бродячихъ идей и ложныхъ представленій.

Легче дѣло обстоитъ съ „поэтами“ не молодыми, давно уже выступившими на писательскомъ поприщѣ и вполнѣ опредѣлившимися.

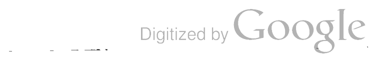
Къ такимъ немолодымъ поэтамъ принадлежитъ и И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), чей сборникъ „Грёзы и пѣсни“ лежитъ передъ нами въ третьемъ изданіи. Тутъ много стихотвореній: есть и оригинальныя, и переводныя, и подражанія; по времени написанія относятся они къ періоду отъ 1864 по 1883 г.,—срокъ не малый для полнаго развитія и выясненія какого угодно дарованія.

И намъ кажется, что проблески его замѣчаются у названнаго автора: его нельзя причислить къ многочисленнымъ бездарностямъ, но и среди *талантливыхъ* онъ мѣста никогда не займетъ.

Быть можетъ при другихъ условіяхъ, если бы жизнь автора сложилась иначе, еслибы онъ не увлеченъ былъ въ свое время пагубнымъ теченіемъ мысли (смотри стихотворенія, имѣющія авто-біографическій характеръ: *Молитва*, *Напрасная борьба*), быть можетъ изъ его дарованія что-нибудь бы и вышло; но увы! мрачное отчаяніе, заставляющее автора воскликнуть:

Жутко мнѣ въ краѣ родномъ!

(Стих. *Ночью въ степи)*,
отсутствіе теплаго чувства вѣры и любви къ родинѣ, увлеченіе гражданскою скорбью надъ страданіями мужика,—все это недало

развиться дарованію Якунина, а на будущее надѣяться нельзя, ибо самыя позднія по времени его стихотворенія просто отталкиваютъ своимъ безысходнымъ отчаяніемъ, не видящимъ примиренія нигдѣ и ни въ чемъ.

Это преимущественно тѣ стихотворенія, гдѣ авторъ поетъ о бѣдствіяхъ русскаго мужика (и поетъ, кстати сказать, издалека—изъ Дрездена и Берлина), причемъ онъ, конечно, только скользитъ по поверхности явленія, старается только о томъ, чтобы наложить краски погуще, чтобы испугать читателя рисуемою картиной и, увлекаясь этимъ, впадаетъ въ грубый тенденціозный шаржъ.

Таковы стихотворенія: *Баринъ и нищая*, *Отчего крестьяне пьютъ*, *Три всадника* и т. д.

Авторъ не хочетъ видѣть, что и въ сѣрой, мужицкой долѣ не все—бѣды и напасти, что помимо матеріальныхъ бѣдствій (къ которымъ народъ относится съ истинно христіанскимъ спокойствіемъ, считая ихъ испытаніемъ, посланнымъ отъ Бога) есть много въ духовной жизни народа такого, что представляетъ богатый матеріалъ для наблюденія и пѣсенъ.

Впрочемъ, углубляться въ духовную жизнь народа можно только обладая талантомъ; Якунинъ же загубилъ свое дарованіе избитою тенденціей, и ему остается писать о мужикѣ только обличительныя корреспонденціи въ стихахъ!

Лучшее изъ стихотвореній въ настоящемъ сборникѣ это—*Похороны на морѣ*, написанное, очевидно, подъ впечатлѣніемъ потрясающаго зрѣлища похоронъ въ открытомъ морѣ и лишенное всякой тенденціи.

Вотъ это стихотвореніе:

Съ молитвою тихой его хоронили
  Въ холодныхъ и мутныхъ волнахъ;
Съ чугуннымъ тяжелымъ ядромъ опустили
  Его ледяной уже прахъ.

И спитъ онъ, ласкаемъ морскою волною,
  Вдали отъ родимой земли;
Надъ нимъ, направляясь обычной тропою,
  Плывутъ и бѣгутъ корабли.

Изъ чудныхъ жемчужинъ и травъ шелковистыхъ
  Постель гробовая подъ нимъ,—
И полонъ видѣній волшебныхъ и чистыхъ,
  Онъ дремлетъ, волною хранимъ...

От сѣвера бури ему напѣвают
О милых родной стороны:
Трепещет тогда он,—и вновь засыпает
Под звонкія пѣсни волны.

Есть у Якунина также нѣсколько подражаній народной поэзіи; но в них нѣт главнаго, что̀ составляет всю прелесть ея,— нѣт того теплаго, всепроникающаго чувства покорности судьбѣ, которое привито русскому народу ученіем Христа, воспринятым в сердце просто, без лукавых мудрствованій.

Не обладая самому этим чувством, не раздѣляя вѣрованій и идеалов своего народа, нельзя подражать его́ поэзіи: это подражаніе выходит чѣм-то мертвым, тѣлом без души.

Мы остановились довольно долго на разборѣ книжки Захарьина (Якунина) потому только, что все сказанное о нем примѣнимо, в бо́льшей или меньшей степени, почти ко всѣм нашим современным поэтам.

У кого из них и было дарованіе, так оно сгублено и уничтожено тѣм міром

. . . . таинственных идей,
Что̀ с запада к нам шел, одѣтый дивной славой
Своих побѣдных дней...

(Стих. *Молодому поколѣнію*).

Теперь туман таинственности разсѣялся, и этот мір идей оказался самою пошлою болтовней, набором звонких фраз, но свое дѣло им сдѣлано, и много загублено в конец хороших, даровитых натур.

В том-то и бѣда, что мало-мальски даровитыя натуры не в состояніи были долго увлекаться этими *идеями* и „меч картонный ошибко̀й принимать за кованную сталь“ (стих. *Напрасная борьба)*; увлеченіе проходит, а затѣм... затѣм в большинствѣ случаев в опустошенной душѣ не остается ничего, кромѣ чувства горькаго разочарованія и отчаянной тоски...

А быть истинным поэтом, умиляющим и потрясающим душу пѣвцом счастія и несчастія жизни может только тот, у кого в душѣ сохранилась вѣра в положительный идеал, могущій служить надежным мѣрилом для правильной оцѣнки явленій жизни.

А. Ш.

27*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

„La vie privée de Michel Teissier“ par Edouard Rod (Revue des deux Mondes, Septembre, Octobre et Novembre).

До сихъ поръ истолкователю идей иностранныхъ писателей приходилось брать на себя передъ своими соотечественниками роль глашатая въ греческой трагедіи, то-есть облекать чужую мысль въ соотвѣтствующую форму, которая бы сдѣлала ее понятною и доступною для толпы. Этимъ путемъ переходили въ остальную Европу идеи нѣмецкихъ философовъ, французскихъ энциклопедистовъ, Байрона и многія другія. Понятно, что въ этомъ случаѣ на цѣлостность передачи имѣло вліяніе большее или меньшее сходство понятій у обоихъ писателей, особенности творчества того и другаго, и много разныхъ трудно-уловимыхъ причинъ, которыя часто ослабляли или видоизмѣняли впечатлѣніе. Однимъ словомъ, случалось то, что часто бываетъ въ жизни при передачѣ чего-либо черезъ третье лицо. Но вѣдь и въ жизни мы не всегда можемъ такъ поступать: когда наше духовное „я“ должно воздѣйствовать на другаго, когда мы должны какъ бы внѣдрить частичку своей души въ его душу, мы говоримъ сами, и какъ бы ни просты были эти рѣчи, ничто не сравнится съ ними по неотразимой цѣлостности впечатлѣнія.

Именно такова роль русской литературы по отношенію къ современному реакціонному движенію Франціи. Всѣ французскіе критики уже нѣсколько лѣтъ толкуютъ о преобладаніи идей русскихъ писателей въ французскомъ обществѣ. И вотъ за послѣднее время почти сразу появляется нѣсколько романовъ, гдѣ,

какъ напримѣръ, въ „Rose et Ninette" Doge и „La terre promise" Бурже проводятся идеи, такъ недавно еще остававшіяся совершенно чуждыми современному французскому обществу, а теперь ставшія главнымъ вопросомъ жизни для всѣхъ слоевъ его. Это—идеи нравственнаго долга передъ семьей, составляющія сущность произведеній Л. Толстаго въ лучшій періодъ его творчества, и Достоевскаго—двухъ изъ нашихъ писателей наиболѣе распространенныхъ во Франціи. Было бы, можетъ-быть, смѣло приписать имъ иниціативу этого реакціоннаго движенія, но что имъ принадлежитъ въ немъ очень видное мѣсто, это можно заключить ужь изъ того, что во всемъ современномъ французскомъ романѣ чувствуется ихъ непосредственное вліяніе, слышатся отголоски выработанныхъ ими мнѣній и положеній. Не литература воздѣйствовала въ этомъ случаѣ на жизнь, а наоборотъ: иначе чѣмъ же объяснить фактъ, что эти вопросы сразу стали главною темой въ произведеніяхъ писателей совершенно различныхъ по направленію и свойствамъ таланта. Однимъ изъ самыхъ выдающихся въ этомъ отношеніи романовъ слѣдуетъ признать романъ Эдуарда Рода „La vie privée de Michel Teissier", окончившійся въ ноябрьской книжкѣ „Revue des deux Mondes". Фабула его очень несложна: Мишель Тессье, видный политическій дѣятель, долгое время счастливо жившій съ женой и имѣющій двухъ дѣтей, полюбивъ молодую дѣвушку Бланшъ, свою бывшую воспитанницу, изъ-за нея бросаетъ семью и женится на ней, несмотря на упреки совѣсти и сознаніе страшной цѣны, которою куплено это новое счастье. Тема не новая, и сюжетъ, отчасти, похожій на „Анну Каренину", имѣвшую, очевидно, сильное вліяніе на автора, хотя по свойствамъ таланта Эдуардъ Родъ мало сходенъ съ Толстымъ — у него почти совершенное отсутствіе описаній, которыми зачитываешься у нашего русскаго романиста. Зато драматическаго и лирическаго элемента въ его талантѣ много, и тема такова, что именно ими и можно воспользоваться. Онъ такъ и сдѣлалъ. Симпатіи читателя пріобрѣтаются сразу тѣмъ, что главныя дѣйствующія лица—самъ Тессье, жена его Сюзанна и Бланшъ—крупно хорошіе люди, и всѣ трое искренно мучатся постигшимъ ихъ несчастіемъ. Тотъ моментъ, когда Сюзанна узнаетъ, что мужъ ея любитъ Бланшъ, и всѣ они сообща обдумываютъ, какъ справиться съ этой бѣдой, исполненъ высокаго, за душу хватающаго трагизма. Едва ли найдется въ французской литературѣ что-

либо, чтò можетъ сравниться по художественности съ тѣми шестью письмами, которыми три дѣйствующія лица обмѣниваются за это время. И при этомъ ни малѣйшей сантиментальности—каждая строчка проста и жива, какъ сама жизнь. Они рѣшаютъ на томъ, чтобъ Бланшъ уѣхала и не видалась съ Тессье, видя въ этомъ единственное средство заглушить пагубное для нихъ обоихъ чувство. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока Бланшъ наотрѣзъ не отказывается послѣдовать совѣту Тессье—выйти замужъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что личное объясненіе необходимо, чтобъ убѣдить ее, и отправляется къ ней съ этою цѣлью. Сюзанна, зная объ этомъ посѣщеніи, надѣется, что имъ кончатся ея мученія; но онъ по возвращеніи объявляетъ ей, что ни онъ ни Бланшъ не въ силахъ долѣе выдержать этой пытки, и соглашается на разводъ, который она сама предлагаетъ дать ему. Эта сцена составляетъ, такъ сказать, второй кульминаціонный пунктъ романа и написана мастерски рукой великаго художника. Конечно наибольшею трудностью для изображенія отличается характеръ Сюзанны: нужно много такта и таланта, чтобы сдѣлать ее симпатичною и вмѣстѣ съ тѣмъ живою, не слезливою и ходульною героиней.

Авторъ въ совершенствѣ справился съ этой задачей. Сюзанна искренно уговариваетъ Тессье развестись и уходитъ все-таки съ затаенною ненавистью на него ради себя и дѣтей за самое это согласіе, которое она, противъ своего убѣжденія, все-таки надѣялась не получить. Долго помнится неумолимо страшная правда этой сцены. Послѣдня глава заключаетъ въ себѣ описаніе свадьбы Тессье съ Бланшъ и ихъ отъѣзда. Оба они уѣзжаютъ съ мучительнымъ сознаніемъ, что счастье ихъ — неполное, и хотя стараются увѣрить себя въ противномъ, все-таки понимаютъ, что не могли бы такъ полюбить другъ друга, если бы то, что прошло, было для нихъ ничѣмъ.

Романъ этотъ наводитъ на грустное раздумье, но въ немъ есть одно, несомнѣнно, отрадное явленіе: отвергается всеоправдывающее значеніе страсти, служащей больше столѣтія темой хвалебныхъ гимновъ французскихъ писателей; не есть ли это благодѣтельное для французовъ вліяніе, того „pessimisme slave“, который составляетъ, по ихъ словамъ, отличительную черту русскаго человѣка, и на самомъ дѣлѣ, если вдуматься, есть ничто иное, какъ критическое отношеніе къ страсти и строгое различіе хорошихъ и дурныхъ ея проявленій?

„Popes et Popadias“, *par Marguerite Poradowska (Revue des deux Mondes – Novembre et Décembre 1892).* Сближеніе съ Россіей заставило Францію обратить вниманіе на Славянскія земли, о которыхъ теперь много говорятъ и пишутъ въ газетахъ и журналахъ. Интересъ этотъ—живой и непритворный, и потому особенно будетъ жаль, если онъ получитъ ложное направленіе вслѣдствіе невѣрнаго освѣщенія событій и фактовъ. А это легко можетъ случиться: и къ сожалѣнію находятся люди, которые именно это и дѣлаютъ. Такъ, въ повѣсти Маріи Порадовской „Popes et Popadias“ представлено, очевидно съ умысломъ, въ самомъ дурномъ свѣтѣ православное духовенство въ Австріи и, въ противоположность ему, восхваляются, устами мѣстнаго крестьянина, гуманность и добродѣтели ксендзовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, вѣроятно, никакое другое побужденіе, кромѣ искренняго участія къ Славянамъ, не могло заставить редакцію помѣстить въ своемъ журналѣ вещь, не отличающуюся никакими литературными достоинствами.

„Edgar Quinet“, *par Emile Faguet (Revue des deux Mondes, Novembre 1892).* Статья Эмиля Фаге представляетъ довольно подробный очеркъ теорій и взглядовъ Эдгара Кине, заключающихся въ его „Génie des religions“, „Jésuites“, „Le Christianisme et la Révolution française“ и „La Création“. Эдгаръ Кине отъ природы — поэтъ и мистикъ, и эти личныя свойства его придаютъ его произведеніямъ ту своеобразную окраску, которая составляетъ главную прелесть ихъ. Основное положеніе его—то, что философія исторіи имѣетъ задачей прослѣдить проявленія Промысла Божія во всѣхъ фазисахъ развитія историческихъ судебъ человѣчества. „Общество“, говоритъ онъ, „создалось въ тотъ день, когда въ умѣ человѣка зародилось понятіе о Божествѣ“. Извѣстный народъ исповѣдуетъ извѣстную религію не потому, чтобы самъ себѣ ее выработалъ, а наоборотъ, потому, что религія дала ему духовную жизнь и сдѣлала его такимъ, каковъ онъ есть. Эта мысль проводится во всѣхъ сочиненіяхъ Кине, толкуетъ ли онъ о религіяхъ Востока, какъ въ „Génie des religions“, или борется съ католицизмомъ, какъ въ „Jésuites“ или разбираетъ ходъ событій во французской революціи. Мало того, она остается господствующею даже въ по-

слѣднемъ сочиненіи его „La Création“, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ англійскихъ философовъ и трансформизма, ищетъ аналогіи между послѣдовательнымъ ходомъ развитія человѣчества и силъ природы. Эмиль Фаге выражается про него, что онъ „создалъ последовательно теологію всеобщей исторіи, французской революціи и жизни вселенной“, и саркастически замѣчаетъ, что изъ желанія сдѣлать Францію религіозною онъ способствовалъ развитію въ ней атеизма. Послѣднимъ желаніемъ Кине было, чтобы религія возсоздалась изъ развалинъ того, что нѣкогда разрушило вѣру. Біографъ его насмѣшливо заявляетъ при этомъ: „Тогда и Кине воскреснетъ, но это врядъ ли когда-либо случится“. Однако не служитъ ли опроверженіемъ этихъ словъ тотъ фактъ, что біографія Эдгара Кине и его произведенія теперь читаются съ увлеченіемъ многими во Франціи, въ томъ числѣ и самимъ Эмилемъ Фаге, по его собственному признанію. Можетъ-быть, это — признакъ возрожденія тѣхъ религіозныхъ идей, проповѣди которыхъ философъ-поэтъ посвятилъ всю свою жизнь со свойственною ему страстностью увлеченія.

„Le péril social en Russie“, par A. Portier d'Arc (Revue Internationale Octobre 1892). У Тургенева есть одно стихотвореніе въ прозѣ, гдѣ говорится о человѣкѣ, повторявшемъ ложь до тѣхъ поръ, пока самъ ей не повѣрилъ. Къ сожалѣнію, у насъ часто приходится сказать то же насчетъ русскихъ, пишущихъ о Россіи въ иностранныхъ журналахъ и распространяющихъ о ней всякія нелѣпицы которыя потомъ возвращаются къ намъ же. Тѣмъ болѣе отрадно прочесть правдивую и серьезную статью Portier d'Arc'а. Первая половина ея заключаетъ въ себѣ краткій, но вѣрный очеркъ развитія государственнаго строя Россіи и значенія реформъ Петра Великаго; она имѣетъ значеніе для иностранцевъ, такъ какъ они мало знакомы съ этимъ предметомъ. Для русскихъ интересна вторая половина ея, гдѣ собственно идетъ рѣчь о томъ, откуда можетъ угрожать Россіи опасность въ случаѣ какого-либо соціальнаго движенія. Опасность эту авторъ главнымъ образомъ усматриваетъ въ той раздвоенности понятій и міровоззрѣнія, которую создаетъ для нашей молодежи среднихъ и высшихъ классовъ школа, прививая имъ безъ всякой системы понятія, въ которыхъ они сами разобраться не могутъ. „Въ нашемъ

университетѣ", говоритъ онъ по этому поводу, „составъ преподавателей представляетъ пеструю смѣсь людей съ разнообразными философскими и религіозными воззрѣніями. Молодой человѣкъ, посѣщая лекціи, слышитъ самыя противорѣчивыя теоріи и часто не усвоиваетъ ничего, а утрачиваетъ понятія и правила, внушенныя ему съ дѣтства въ семьѣ." Такимъ строемъ нашихъ высшихъ школъ подрывается и образовательное и, еще болѣе, воспитательное значеніе ихъ, и онѣ дѣлаются разсадникомъ элемента вреднаго для общества по своей неустойчивости. Вторая причина опасности заключается, по мнѣнію автора, въ несоотвѣтствіи запутанной бюрократической системы съ духомъ Русскаго народа. „Русскій крестьянинъ всегда относится къ чиновнику критически, съ легкимъ оттѣнкомъ вражды." Такое кажущееся сопротивленіе власти отнюдь не есть признакъ либеральнаго направленія: наоборотъ, въ народѣ консервативное начало сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и борьба его съ бюрократіей есть ничто иное, какъ отстаиваніе своего исторически сложившагося характера. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что никакое соціальное движеніе не можетъ быть страшно для Россіи: пока народъ ея продолжаетъ самъ стоять на стражѣ основныхъ началъ своей жизни, его можно будетъ подвигнуть не иначе, какъ за вѣру, царя и отечество.

„Le génie juif et l'esprit juif" par Anatole Leroy-Beaulieu (Revue des deux Mondes, 15 Décembre 1892). Это четвертая изъ статей Леруа-Болье о Еврействѣ, появившихся подъ общимъ заглавіемъ „Les juifs et l'antisémitisme" въ прошломъ году въ *Revue des deux Mondes.* Онъ разбираетъ очень распространенное за послѣднее время мнѣніе, будто существуетъ особаго рода геній и складъ ума, присущій исключительно одной семитической расѣ. Это даетъ ему поводъ очертить бѣглыми, но яркими штрихами роль еврейства въ развитіи умственной жизни Европы, что̀ онъ и дѣлаетъ съ обычною талантливостью. Наибольшею способностью и геніальностью еврейство заявило себя на поприщѣ искусствъ — главнымъ образомъ музыки и литературы. Въ наукѣ, при всей ихъ способности къ математикѣ и филологіи, найдется мало открытій, самостоятельно сдѣланныхъ Евреями; политическихъ дѣятелей изъ нихъ тоже немного, можетъ-

быть, вслѣдствіе стѣснительности внѣшнихъ условій, въ которыя они были поставлены. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что на всѣхъ произведеніяхъ еврейскаго генія лежитъ отпечатокъ той страны, гдѣ они были созданы. Леруа-Болье подтверждаетъ это мнѣніе множествомъ такихъ примѣровъ, какъ Гейне, Мейербергъ, Лассаль, Спиноза, и приходитъ къ заключенію, что эта способность семитической расы къ усвоенію себѣ чуждыхъ ей по природѣ свойствъ совершенно исключаетъ всякую правдоподобность вышеизложеннаго мнѣнія, будто у Евреевъ существуетъ свой особый геній, отличный отъ прочихъ народовъ. Евреи, дѣйствительно, болѣе способны къ творчеству, чѣмъ другія націи; но это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ основныхъ свойствъ ихъ характера — твердости, настойчивости и предпріимчивости, которую они проявляютъ. Такимъ образомъ, Евреямъ во всякомъ умственномъ движеніи всегда выпадала на долю роль истолкователей, а не инициаторовъ. Если вдуматься, это, несомнѣнно, одна изъ причинъ враждебнаго къ нимъ отношенія. Другую, и чуть ли не болѣе важную, причину составляетъ непримиримое противорѣчіе между міровоззрѣніемъ еврейства и христіанства, изъ которыхъ первое ищетъ Царства Божія на землѣ, а второе помнитъ, что оно не отъ міра сего, и уже одинъ этотъ идеалъ ставитъ его на недосягаемую высоту сравнительно со всѣми прочими религіями древняго и новаго міра. Одно, на чемъ могутъ сойтись оба вѣроученія, говоритъ въ заключеніе своей статьи Леруа-Болье, это—тотъ религіозный индифферентизмъ, который все болѣе и болѣе подтачиваетъ ихъ, но такого рода сліяніе не укрѣпитъ, а ослабитъ ихъ и остановитъ ростъ умственной и духовной жизни человѣчества.

„*The idealistic remedy for religions doubt*“, *by Professor D. W. Simon (Contemporary Review, December 1892).* Авторъ статьи поставилъ себѣ задачей рѣшить, насколько идеалистическія теоріи могутъ служить средствомъ противъ религіознаго сомнѣнія. „Для всѣхъ видовъ религіозныхъ сомнѣній, говоритъ онъ, философія до сихъ поръ нашла только отрицательное средство— разсужденія о различіи между буквой закона и духомъ его, между формой и сущностью, исторической оболочкой и внутреннимъ содержаніемъ“. Такого рода разсужденія должны, по мнѣнію иде-

алистическихъ философовъ, способствовать разрѣшенію всякаго рода вопросовъ, касающихся религіи, идетъ ли рѣчь объ исторической достовѣрности приводимыхъ Библіей фактовъ, возможности сверхъестественныхъ явленій, или дѣйствительности христіанскаго ученія для улучшенія духовнаго міра человѣка. Simon не признаетъ возможности подобнаго рѣшенія и, въ подтвержденіе своихъ словъ, приводитъ несостоятельность по этому поводу Грина, представителя идеалистическихъ теорій Гегеля и самаго популярнаго въ настоящее время въ Англіи философа. Сущность безплодности стремленій философовъ-идеалистовъ Симонъ усматриваетъ въ томъ „cercle vicieux", который создала Гегелевская философія для выясненія самаго понятія о Богѣ по отношенію къ міру, такъ что идеалистическая теорія сама въ себѣ является только общимъ резюме всѣхъ религіозныхъ сочиненій, вмѣстѣ взятыхъ, а отнюдь не средствомъ къ ихъ разрѣшенію. „Итакъ", заключаетъ онъ свою статью, „всѣ усилія человѣческой мысли для разрѣшенія религіозныхъ сомнѣній остаются тщетными, и единственный вѣрный путь есть общеніе въ духѣ и истинѣ съ Тѣмъ, черезъ Котораго Богу угодно было явить себя міру".

„The sins of Society", by Ouida (Fortnightly Review, December 1892). Заглавіе и эпиграфъ статьи, изреченіе Паскаля „Ses divertissements sont infiniment moins raisonnables que ses ennuis" достаточно объясняютъ, о чемъ въ ней идетъ рѣчь. Недостатки и смѣшныя стороны англійскаго общества не впервые служатъ темой для сарказмовъ знаменитой писательницы, и всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ ея романами, заранѣе знаетъ, что услышитъ нападки на пустоту времяпрепровожденія лондонскаго high-life'а и безсодержательность его развлеченій. А все-таки съ удовольствіемъ прочитываешь эти нѣсколько страницъ, и остается впечатлѣніе вечера, проведеннаго въ обществѣ очень веселаго, живаго и остроумнаго собесѣдника, или, вѣрнѣе сказать, собесѣдницы, потому что складъ ума Ouida совершенно женскій, и она очень субъективна въ своихъ произведеніяхъ.

Всякій сатирикъ долженъ обладать извѣстною долей педагогическаго таланта, и это именно свойство особенно драгоцѣнно въ Ouida: она умѣетъ читать нравоученіе, не скучая сама и не

надоѣдая тому, кто дѣлается его предметомъ. Этимъ она покупаетъ себѣ право часто говорить одно и то же на разные лады и все-таки заставить себя слушать. Такъ и тутъ, она упрекаетъ своихъ соотечественниковъ за отсутствіе вкуса въ роскоши, чувства мѣры въ развлеченіяхъ, безличность, доходящую до того, что человѣкъ предпочитаетъ общество всякаго другаго, кто бы онъ ни былъ, своему собственному и т. п. Вотъ, кажется, и всѣ болѣе крупныя нападки. Изъ мелкихъ отмѣчу только ея негодованіе на пристрастіе къ юбилеямъ и обычай губить безъ толку множество цвѣтовъ на свадьбахъ и похоронахъ. Искренній гнѣвъ ея въ этомъ случаѣ обрушивается на Германію, откуда эта мода перешла въ другія страны.

Е. Г.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Старокатоличество для Западной Россіи.

Движеніе старокатоликовъ къ соединенію съ Православіемъ, съ особенною силой проявившееся въ послѣднее время, не можетъ не возбуждать къ себѣ интереса во всякомъ добромъ христіанинѣ. Потому каждый, могущій тѣмъ или инымъ путемъ влiять на это благое дѣло, долженъ оказывать посильное содѣйствіе къ выполненію его.

Кромѣ необыкновенно важнаго церковнаго значенія, о которомъ должна быть особая рѣчь со стороны людей компетентныхъ, это соединеніе имѣетъ для Русскаго государства важность политическую. Оно можетъ урегулировать состояніе католическихъ населеній Западной Россіи и Привислянскаго края, простирающихся до 15 милліоновъ, и непрестанно держимыхъ въ агитаціи и враждебности къ Россіи польщизною, соединенною съ папизмомъ. Умиротворенію этого обширнаго края весьма много поможетъ замѣна здѣсь папизма старокатоличествомъ.

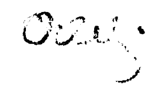
Мысль объ этомъ не новая. Ее высказалъ профессоръ М. О. Кояловичъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* еще въ 1885 г. (№ 45—47). Говоря о возникшей въ шестидесятыхъ годахъ „мечтѣ пересозданія латинства въ самой Польшѣ, и связаннаго съ нимъ пересозданія западно-русскаго латинства“, онъ писалъ слѣдующее: „На русскомъ обществѣ лежала обязанность понять вовремя это направленіе русскаго латинства и поддержать его, —

и поддержать тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе, что дѣло это велось во время нашего разрыва съ папой, и велось такими людьми, которые явно стояли вдали отъ ультрамонтанства и тѣмъ болѣе отъ іезуитства. Оно у насъ дѣйствительно могло положить начало новой латинской церкви, похожей на утрехтскую церковь или старокатолическую, и во всякомъ случаѣ не враждебную нашей церкви.“ Далѣе почтенный профессоръ говоритъ: „Но развѣ сочувствіе къ такимъ дѣламъ легко возникаетъ въ нашемъ обществѣ? У насъ легко найдутся охотники распинаться за папство, іезуитство, лютеранство, хотя бы то въ крайнихъ его сектахъ; но поддержать такое направленіе, которое безхитростно и прямо ведетъ къ намъ православнымъ нашихъ же русскихъ людей, но латинскаго закона, не такъ-то легко найдутся охотники, —и хорошее дѣло погибаетъ.“ Въ общемъ слова профессора имѣютъ много правды: но въ шестидесятыхъ годахъ онъ и самъ ничего не говорилъ ни объ „утрехтской церкви“ ни о „старокатоличествѣ“, хотя практически мы шли именно по этому пути, разорвавши всякія сношенія съ папой, поддерживавшимъ въ краѣ польскій мятежъ чрезъ своихъ „бискуповъ“ и ксендзовъ. Этотъ разрывъ могъ продолжиться навсегда. Но тогда русское правительство не видѣло особой нужды въ этомъ „разрывѣ“: оно ограничивалось только располяченіемъ западно-русскаго католичества чрезъ введеніе въ католическое дополнительное богослуженіе и проповѣдь русскаго языка въ русскихъ приходахъ, литовско-жмудскаго въ литовскихъ и жмудскихъ приходахъ, и латышскаго въ латышскихъ приходахъ, *съ полнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ ихъ польскаго языка*. Это дѣло до времени Потапова шло хорошо, и русское правительство имъ довольствовалось, не вдаваясь ни въ какія сложныя, затруднявшія прямое дѣло предпріятія. И должно сказать такъ же правду, — далеко не всѣ изъ тогдашняго западно - русскаго католическаго духовенства стояли на высотѣ своей задачи: многіе потомъ отпали отъ русскаго дѣла въ краѣ; даже самъ прелатъ Жилинскій, на котораго такъ много разсчитывало правительство, и такъ щедро сыпало свои милости, потомъ ѣздилъ въ Римъ принести публичное раскаяніе въ своемъ содѣйствіи русскому правительству въ краѣ.

Но вотъ при Потаповѣ и его преемникахъ было заторможено располяченіе западно-русскаго католичества. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вступили въ сношенія съ папой; приняли отъ него цѣлую фа-

лангу „бискуповъ“ и послали „нарочнаго“ въ Ватиканъ для испрошенія папскаго согласія на то, что совсѣмъ не требуетъ папскаго согласія,—на замѣну въ Западной Россіи въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи и проповѣди польскаго языка „народнымъ языкомъ“; потому что это уже точно опредѣлено католическимъ Тридентскимъ соборомъ въ правилѣ „De lingua vernacula“. Но въ Ватиканѣ, вмѣсто того, чтобы на обращеніе къ нему русскаго правительства отвѣчать полною и скорою готовностью удовлетворить его законное желаніе, вотъ уже едва ли не десять лѣтъ влачится это дѣло!

Гдѣ искать тому причину—въ Петербургѣ или въ Римѣ? Можетъ-быть и „нарочный“ русскаго правительства не достаточно соотвѣтствуетъ своими качествами возложенной на него миссіи: но эта миссія такъ не хитра, что можетъ быть выполнена при самыхъ заурядныхъ качествахъ и въ самое короткое время. Можетъ-быть и „святой отецъ“, видя, что ему приходится вести корабль свой между Сциллой и Харибдой,— между законными желаніями русскаго правительства и вожделѣніями поляковъ, грозящихъ въ печати перевести весь польскій народъ изъ католичества въ протестантство, если папа исполнитъ русскія желанія,—лавируетъ между обѣими сторонами. Можетъ быть, „святой отецъ“ непрочь и пользоваться легкимъ и дешевымъ средствомъ, доставляя торжество польщинѣ въ Западной Россіи, доставить здѣсь торжество и католичеству надъ православіемъ?

Но всему бываетъ конецъ. Будетъ конецъ и нашему „толченью воды“ въ Ватиканѣ. Тогда западно-русскій папизмъ *очень легко можетъ быть замѣненъ* старокатоличествомъ,—и римскій первосвященникъ долженъ будетъ винить себя, если онъ не въ долгомъ времени не досчитается въ своей паствѣ ни Западной Россіи, ни Русской Польши...

А. В.

ИЗЪ ИВАНОВА-ВОЗНЕСЕНСКА.

(„Иностранные гости“ въ Россіи).

Лѣтъ 7—8 тому назадъ, когда много говорилось о необходимости подтянуть иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи, одно лицо изъ Петербурга, нынѣ находящееся не у дѣлъ, говорило частнымъ образомъ кружку заинтересованныхъ этимъ дѣломъ лицъ, что Россія безъ иностранцевъ и Евреевъ существовать не можетъ, что она безъ этихъ „гостей“ можетъ превратиться въ голодную степь. Я пытался было возражать, но мановеніемъ руки лицо дало понять, что слушать меня не желаетъ.

Я хотѣлъ было тогда сказать, что пора необходимости въ поблажкахъ „иностраннымъ гостямъ“ давно миновала, и что теперь 95/100 всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ и иностранокъ являются отбивать кусокъ хлѣба ото рта Русскаго человѣка, и поэтому надо бы употребить всяческія мѣры къ тому, чтобы не „иностранный гость“ имѣлъ преимущества въ торгово-промышленномъ дѣлѣ предъ Русскимъ человѣкомъ, а наоборотъ.

Пожавъ многозначительно плечами, лицо произнесло какъ бы съ сожалѣніемъ о насъ, темныхъ людяхъ: „*Будьте прозорливѣе, это въ вашихъ интересахъ*“.

Много воды съ тѣхъ поръ уплыло, но суть дѣла мало измѣнилась: иностранецъ продолжаетъ оставаться у насъ привилегированнымъ бариномъ, „гостемъ“ въ полномъ смыслѣ слова.

Многіе изъ нихъ, родившись въ Россіи или живя здѣсь безвыѣздно по полсотни лѣтъ, связанные съ Россіей не только матеріально, но даже нравственно—путемъ браковъ и пр., упорно пребываютъ въ иностранномъ подданствѣ. Отчего же это происходитъ? Единственно отъ того, что иностранцу у насъ легче жить, чѣмъ коренному Русскому человѣку. Справедливо говорилъ мнѣ одинъ пріятель изъ Нѣмцевъ: „*Еслибы вы были умны, то вамъ бы всѣмъ надо было давно принять германское подданство*“. И на самомъ дѣлѣ, платя ничтожныя паспортныя пошлины и будучи избавлены отъ всѣхъ другихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и служебныхъ, какой имъ есть разсчетъ принимать русское подданство?

Большинство благомыслящихъ и сроднившихся съ Россіей иностранцевъ не имѣютъ ничего противъ того, чтобы ихъ сравняли съ русскими подданными относительно государственныхъ налоговъ. Меньшинство же осмѣливается глумиться надъ русскою властью, боящеюся яко бы измѣнить единственный прямой налогъ на иностранцевъ,—паспортный. Этимъ особенно отличаются германскіе подданные, видящіе въ этомъ превосходство своей расы надъ русскою. Указывая на Берлинъ, Вѣну и даже Парижъ, гдѣ прибывшій иностранецъ, едва успѣвъ прожить двѣ недѣли, уже обложенъ всѣми повинностями, какъ городскими, такъ и государственными, они подчеркиваютъ какъ бы сознаніе русскою властью своего нравственнаго безсилія противъ германскаго престижа.

Мнѣ думается, что было бы вполнѣ справедливо, еслибы проживающіе въ Россіи иностранцы и иностранки, численность коихъ далеко превосходитъ 1 милліонъ душъ, платили вмѣсто теперешнихъ десятковъ копѣекъ за паспортъ, примѣрно по 10—20 рублей въ годъ, смотря по профессіи; это было бы не безвыгодно для русской казны и неубыточно для нихъ самихъ, такъ какъ пріѣзжаютъ они сюда не баклуши бить, а деньгу наживать. Изъ-за границы ежегодно пріѣзжаютъ и проживаютъ долгое время у насъ разные комми-вояжеры, агенты и даже сами заводчики для пріема заказовъ на сотни тысячъ рублей, если не на милліоны. Отчего бы этихъ лицъ не обязать брать свидѣтельства на 1-ю или 2-ю гильдіи? Это было бы вполнѣ справедливо; тѣмъ болѣе, что за границей, и особенно въ Берлинѣ, даже туриста заставляютъ платить налоги разныхъ видовъ и степеней. Обидно бываетъ, когда является къ намъ германскій подданный, большею частью еврейскаго происхожденія человѣкъ, и предлагаетъ разные химическіе товары значительно дешевле, чѣмъ можно купить ихъ отъ первѣйшихъ московскихъ фирмъ, какъ напримѣръ: Малютина, Вогау, Ушкова, Воробьевыхъ и друг. Что же это значитъ? А то, что онъ заплатилъ только нѣсколько десятковъ копѣекъ за свой паспортъ, а другихъ налоговъ и повинностей не знаетъ...

Развѣ этотъ порядокъ можно считать нормальнымъ? Объ измѣненіи его говорили давно, но ни до чего не договорились Быть можетъ, теперь обратитъ на него вниманіе коммиссія г. Тура.

Нашъ Иваново-Вознесенскъ можетъ убѣдить маловѣрныхъ, что наше отечество дожило наконецъ до поры, когда считать иностранцевъ „гостями“, со всѣми ихъ правами и привилегіями,

становится грѣхомъ, такъ какъ, давая хлѣбъ имъ, мы отнимаемъ его отъ своихъ братьевъ.

На мѣстѣ теперешняго города Иваново-Вознесенска до 1871 г. былъ посадъ Вознесенскъ и рядомъ село Иваново. Начало фабричнáго дѣла въ селѣ Ивановѣ было положено коренннымъ русскимъ человѣкомъ Гарелинымъ въ 1751 году, основавшимъ здѣсь ткацкое дѣло. Ситце-набивному дѣлу положилъ основаніе Григорій Бутримовъ, также русскій человѣкъ. И съ той поры дѣло разрослось до того, что въ настоящее время Иваново-Вознесенскъ считаетъ населеніе болѣе 40.000 душъ, имѣетъ болѣе 45 фабрикъ съ 27.000 рабочихъ и съ оборотами, достигающими до 40.000.000 рублей въ годъ. И, кромѣ того, есть еще нѣсколько небольшихъ заведеній.

Въ послѣдніе годы фабричная дѣятельность въ Иваново-Вознесенскомъ округѣ все болѣе и болѣе развивается, прибавляются вновь прядильныя веретена, ставятся самоткацкіе станки и ситцепечатныя машины. — Производство всѣхъ товаровъ здѣсь усиливается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ Московскомъ районѣ, съ которымъ наши ситценабивныя фабрики давно соперничаютъ, какъ новизною и изяществомъ рисунковъ, такъ и дешевизной цѣны, несмотря на то, что почти всѣ завѣдывающіе фабриками, техническіе директора, колеристы, техники и химики — кровные русскіе люди, а не иностранцы, съ которыми нянчится покуда Московскій районъ. Тамъ они почему-то даже являются на многихъ фабрикахъ преобладающимъ элементомъ, какъ напримѣръ на ситценабивныхъ мануфактурахъ Циндель, Гюбнеръ, Даниловской и Н. Коншина. Даже такія большія фабрики, какъ Морозовскія, и тѣ не свободны отъ иностранцевъ. Но и въ Московскомъ округѣ существовавшій до сихъ поръ порядокъ измѣняется въ смыслѣ постепеннаго замѣщенія „гостей“ людьми русскими.

Пора бы всѣмъ русскимъ людямъ всѣхъ средъ и областей соприкасающихся съ „иностранными гостями“ придерживаться относительно ихъ иваново-вознесенскаго обычая!

Т. П—въ.

ИЗЪ КЛИМОВИЧЕЙ.

(О плѣненіи уѣзда еврейством).

Городъ Климовичи Могилевской губерніи находится въ 74 верстахъ отъ г. Рославля и Орловско-Витебской жел. дор. и верстахъ въ 8 отъ Варшавскаго шоссе. Несмотря на сравнительно недалекое положеніе отъ срединной Россіи, въ немъ ясно выражаются всѣ характерныя черты городовъ нашего Западнаго Края. На 4.000 всѣхъ жителей въ немъ насчитывается до 3.000 Евреевъ,—Евреевъ, полонившихъ всю торговлю и всѣ промыслы всего уѣзда. Небольшое сравнительно число мѣщанъ-землепашцевъ не допускается ими ни къ какому дѣлу, кромѣ земледѣлія, причемъ продукты послѣдняго, и то почти всегда на корню, забираются тѣми же Евреями. На городскомъ базарѣ—„кирмашѣ" не видать ни одного русскаго торговца. Хлѣбъ продаетъ Еврей, овощи—Еврей, колоніальные товары—Еврей, одежду—Еврей, гробы—Еврей, и даже такіе предметы, какъ *Троицкіе Листки* и крестики и тѣ въ рукахъ Еврея.

При такомъ положеніи дѣла, какова должна быть жизнь здѣшнихъ Русскихъ людей!

Поразительна здѣсь для русскаго человѣка картина надвечерія каждой субботы. По всѣмъ перекресткамъ города бѣгаютъ Евреи, изо всѣхъ силъ выкрикивающіе призывъ на молитву, послѣ чего весь городъ быстро пустѣетъ, и въ воздухѣ водворяется глухой и безпорядочный гулъ еврейскаго шабаша; вмѣстѣ съ тѣмъ русскій человѣкъ лишается возможности пріобрѣтать даже предметы существенной необходимости.

Бѣдность, приниженность и тупость мѣстнаго русскаго населенія изумительны. На самый пустой вопросъ трудно добиться отъ здѣшняго крестьянина толковаго отвѣта. До того онъ забитъ и обезличенъ! Въ городѣ есть городское училище, въ уѣздѣ много школъ — церковно-приходскихъ и министерскихъ, но ихъ вліяніе на мѣстное населеніе безсильно предъ властью деспотовъ деревни, обитающихъ въ тѣхъ богатыхъ, обширныхъ домахъ, что̀ стоятъ по окраинамъ деревень, не въ рядъ съ деревенскими избами, а отдѣльно, за околицей, въ видѣ сторожевыхъ постовъ. Въ каждомъ изъ этихъ палаццо живетъ Еврей—этотъ полный и

единственный хозяинъ общины. Безъ него никто въ деревнѣ не смѣетъ ничего ни купить, ни продать; безъ него не совершится ни одно семейное дѣло крестьянина, особенно свадьба. Къ сожалѣнію, даже мѣстное православное духовенство не можетъ обойтись безъ еврейскихъ услугъ. Даже многія церковныя работы некому, къ стыду прихожанъ, исполнить кромѣ Евреевъ, напримѣръ, чистку и исправленіе металлической утвари, крашеніе и т. п.

Слѣдствіемъ еврейскаго полоненія является крайняя скудость православныхъ приходовъ. Въ самомъ городѣ два храма— соборный и приписной къ собору. (Послѣдній стоитъ въ городскомъ саду и обокъ съ нимъ еврейскій шинокъ и еврейскія мелочныя лавочки.) Оба храма поражаютъ своею бѣдностью. О благолѣпіи не можетъ быть и рѣчи: все ветхо, надорвано или покривилось. На священнослужителяхъ даже въ храмовой праздникъ надѣты ветхія ризы. Передъ иконами совсѣмъ не церковнаго письма, горятъ убогія свѣчи, поставляемыя чуть ли не Евреемъ?! Хотя на хорахъ и поютъ ученики городскаго училища, но общее впечатлѣніе отъ богослуженія въ такомъ храмѣ получается весьма грустное. Между тѣмъ для украшенія храма нѣтъ почти никакихъ средствъ. Мѣстные торговцы-Евреи церковною утварью не торгуютъ, и поэтому, чтобы замѣнить малѣйшую утварь, приходится отправляться въ Смоленскъ или Могилевъ. Но и для этого нужны средства, а ихъ не могутъ дать мѣстные православные приходы, полоненные Евреями. Въ послѣднее время численность Еврвъ еще увеличилась московскими выселенцами, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось положеніе кореннаго населенія.

Въ столицахъ еврейскій вопросъ рѣшенъ. Когда же окраины освободятся изъ полона,—полона, горшаго рабства и невольничества, растлѣвающаго мѣстное населеніе и духовно и тѣлесно?!

Г. Г.

ИЗЪ ВАРШАВЫ.

(Каѳедральный соборъ.—Поляки и Православіе).

Я радъ (въ особенности, въ виду помѣщенной у васъ корреспонденціи изъ Одессы) [1], что могу начать первое свое письмо въ вашъ журналъ сообщеніемъ утѣшительной вѣсти, что нѣсколько лѣтъ стоявшій на очереди вопросъ о постройкѣ въ Варшавѣ новаго православнаго собора уже рѣшенъ. Необходимость новаго православнаго собора въ Варшавѣ признана уже давно. Нашъ теперешній соборъ, построенный въ 30-хъ годахъ, когда въ Варшавѣ была небольшая горсть Русскихъ,—малъ, тѣсенъ и далеко уступаетъ по внутреннему украшенію и внѣшнему виду варшавскимъ главнымъ иновѣрческимъ церквамъ; къ тому же онъ находится на второстепенной улицѣ и стоитъ не на площади, отдѣльно отъ домовъ, какъ обыкновенно строятся наши соборы, а въ одинъ рядъ съ домами.

На сооруженіе новаго собора въ Варшавѣ будетъ открытъ сборъ пожертвованій повсемѣстно въ Россіи и, кромѣ того, Св. Синодъ отпускаетъ единовременно 32.000 руб., а казна тоже обѣщаетъ оказать денежную помощь, но размѣръ пособія отъ казны пока не опредѣленъ. У насъ многіе опасаются, что сборъ пожертвованій затянется надолго, и что поэтому не скоро Варшава украсится новымъ православнымъ соборнымъ храмомъ, который по своему внутреннему благолѣпію и внѣшнему виду могъ бы занять подобающее ему первенствующее мѣсто среди главныхъ варшавскихъ храмовъ различныхъ исповѣданій. Едва ли, однако, эти опасенія основательны. Правда, нельзя разсчитывать, чтобы сумма пожертвованій въ Привислянье составила крупную цифру, такъ какъ здѣшнее православное населеніе состоитъ только изъ крестьянъ (въ Забужной Руси) и небогатаго служилаго люда; Русскихъ-же капиталистовъ на нашей окраинѣ— одинъ-два, да и обчелся; но нужно думать, что другія области нашего государства щедро помогутъ намъ. Въ послѣдніе годы Москвичи не мало жертвуютъ на церкви, сооружаемыя на нашей окраинѣ (преимущественно въ Забужной Руси), и несомнѣнно,

[1] См. *Русское Обозрѣніе* декабрь 1892 г.

что они окажутся щедрыми и въ этотъ разъ. Важное значеніе сооруженія въ Варшавѣ новаго собора, который своимъ величественнымъ видомъ свидѣтельствовалъ бы предъ Поляками и посѣщающими нерѣдко городъ представителями другихъ славянскихъ племенъ о религіозности русскаго народа, его духовной мощи и единеніи Привислянья съ другими частями Россіи,—настолько ясно понимается каждымъ Русскимъ, что всякій русскій человѣкъ дастъ несомнѣнно сколько можетъ на это святое дѣло. Правительство со своей стороны тоже, вѣроятно, окажетъ, по возможности въ скоромъ времени, щедрую помощь этому дѣлу. Нынѣшній варшавскій генералъ-губернаторъ І. В. Гурко, какъ извѣстно, принимающій весьма близко, къ сердцу вопросъ о сооруженіи въ Варшавѣ новаго собора и много хлопотавшій объ этомъ, нужно надѣяться, употребитъ все свое вліяніе, чтобы ускорить осуществленіе завѣтной мечты всѣхъ здѣшнихъ Русскихъ—имѣть новый соборъ, и постарается, по возможности, увеличить пособіе, которое обѣщаетъ дать казна. Въ виду всего этого нѣтъ причинъ намъ отчаиваться изъ опасенія, что еще много лѣтъ придется намъ ждать постройки новаго соборнаго храма въ Варшавѣ,—лишь бы поскорѣе послѣдовало оффиціальное опубликованіе разрѣшенія на сборъ пожертвованій!

* * *

Въ концѣ прошлаго года въ одной изъ нашихъ газетъ былъ затронутъ вопросъ, возможенъ ли въ настоящее время переходъ Поляковъ въ Православіе. Я имѣю въ виду статьи въ 162, 163 и 164 №№ *Свѣта*, представляющія собою краткое изложеніе статей *Благовѣста* на ту же тему. Хотя всѣ эти статьи появились въ печати безъ подписи, тѣмъ не менѣе въ Варшавѣ сразу угадали автора ихъ, потому что въ нихъ авторъ упоминаетъ о своемъ участіи въ издававшейся въ Варшавѣ въ 1885 г. польской газетѣ *Хвиля* (*Минута*). Эти статьи возбудили у насъ немало толковъ.

Авторъ ихъ рѣшаетъ затронутый имъ вопросъ утвердительно. Онъ думаетъ, что среди Поляковъ въ настоящее время немало людей, которые готовы перейти въ Православіе, и, между прочимъ, заявляетъ, что въ Варшавѣ насчитывается уже въ настоящее время до 12.000 православныхъ Поляковъ, и что „одинъ разъ стремленіе къ отдѣленію отъ Рима выразилось очень ясно въ самой варшавской римской митрополіи“. Почтенный публицистъ, однако, глубоко ошибается. Гдѣ же факты, подтверждаю-

щіе его предположенія? Конечно, можно было бы только порадоваться, еслибы польская духовная жизнь выдвинула такіе факты, но ихъ нѣтъ, а факты, на которые ссылается авторъ упомянутыхъ статей въ подтвержденіе своихъ словъ, частью невѣрны дѣйствительности, частью же невѣрно истолкованы. Можно и слѣдуетъ вѣрить, что раньше или позже Поляки сойдутся съ Русскими на почвѣ Кирилло-Меѳодіевской идеи, и что религіозная рознь между нами и ними исчезнетъ, но утверждать, что этотъ моментъ уже близокъ—нельзя. Откуда авторъ взялъ, напримѣръ, что въ Варшавѣ находится теперь до 12.000 православныхъ Поляковъ? Есть, правда, у насъ ополячившіеся Русскіе, исповѣдывающіе, конечно, православную вѣру (по большей части, дѣти русскихъ солдатъ, писарей, городовыхъ, мелкихъ чиновниковъ), но число ихъ далеко не достигаетъ 12.000 человѣкъ, а опредѣляется ни въ какомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ 1.000. Есть и принявшіе Православіе Поляки, но ихъ очень мало: польское общество отшатнулось отъ нихъ, назвавъ ихъ ренегатами,—и они всецѣло примкнули къ Русскимъ, обрусѣли, и большинство ихъ женато на Русскихъ, и едва ли человѣкъ десять изъ нихъ считаютъ себя Поляками. Быть-можетъ, къ числу православныхъ Поляковъ авторъ относитъ бывшихъ уніатовъ, принявшихъ впослѣдствіи Православіе, но и ихъ въ Варшавѣ немного и нельзя ихъ называть православными Поляками. Что же касается указываемаго авторомъ факта обращенія изъ уніи въ Православіе Мазуровъ въ Сѣдлецкой губерніи, — то это фактъ исключительный и вовсе не доказывающій, какъ онъ полагаетъ, что въ „русской Польшѣ есть уже элементы“, составляющіе „ядро польскаго Православія“. Дѣло въ слѣдующемъ: въ Сѣдлецкой губерніи есть, дѣйствительно, горсть православныхъ Мазуровъ, живущихъ по сосѣдству съ Русскими; они (когда и при какихъ обстоятельствахъ,—неизвѣстно) когда-то перешли изъ католичества въ унію и естественно, что впослѣдствіи, когда ихъ сосѣди, Русскіе - уніаты, принимали Православіе, и они стали православными. Слѣдуя логикѣ автора, пришлось бы, напримѣръ, на основаніи того факта, что нѣкоторые Русскіе изъ числа бывшихъ уніатовъ перешли въ католичество, признать, что есть „ядро русскаго католичества“. Наконецъ, заявленіе его, что „одинъ разъ стремленіе къ отдѣленію отъ Рима выразилось очень ясно въ самой варшавской римской митрополіи“ не точно. Во-первыхъ, авторъ выражается такъ, будто бы варшавская митропо-

лія во всемъ ея составѣ пыталась отдѣлиться отъ Рима. Ничего подобнаго не было. Вовторыхъ, онъ смѣшиваетъ стремленіе къ освобожденію польской церкви отъ власти Рима, со стремленіемъ къ переходу въ Православіе. Фактъ, невѣрно переданный и истолкованный авторомъ, заключается въ слѣдующемъ: въ шестидесятыхъ годахъ нѣсколько польскихъ ксендзовъ пожелали вступить въ бракъ и заявили объ этомъ нашему правительству; имъ отвѣтили, что безъ разрѣшенія на то папы русская власть не можетъ допустить вступленія ихъ въ бракъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Что произошло бы, еслибъ этимъ ксендзамъ наши власти не помѣшали жениться, — сказать съ полною достовѣрностью трудно, но, вѣроятно, дѣло ограничилось бы возникновеніемъ новой католической ереси—и только. Нашимъ властямъ, конечно, не слѣдовало воспрещать ксендзамъ жениться. Россіи нѣтъ причинъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла католиковъ, насколько они не отожествляютъ своихъ религіозно-церковныхъ интересовъ съ политическими: если мы предоставимъ нашимъ Полякамъ больше свободы, чѣмъ дано теперь, то можно будетъ ожидать въ болѣе или менѣе скоромъ времени возникновенія польской отдѣльной церкви. Несомнѣнно, что среди Поляковъ теперь много недовольныхъ Римомъ, возникновеніе же польской отдѣльной церкви не можетъ помѣшать достиженію нашихъ государственныхъ цѣлей по отношенію къ Полякамъ, — но утверждать и доказывать, что Поляки близки теперь къ пониманію истинъ Православія,—нѣтъ никакихъ основаній.

А. С.

ИЗЪ ВИЛЬНЫ.

(Что предстоитъ новому генералъ-губернатору?)

Наконецъ исполнились давнишніе страхи „креатуръ", кишащихъ въ Вильнѣ и сѣверо-западномъ краѣ, и надежды истыхъ русскихъ людей, число которыхъ съ прибытія генерала Потапова въ Вильну до самого послѣдняго времени неизмѣнно уменьшалось и дошло, кажется, до „минимума": въ Вильну прибылъ новый генералъ - губернаторъ. Газета *Новое Время* въ № 6.053 говоритъ: „Перемѣна въ главѣ виленскаго генералъ-

губернаторства встрѣчена, можно сказать, всѣми, какъ нѣчто, давно ожидавшееся и неизбѣжное". Это вполнѣ справедливо.

Графъ М. Н. Муравьевъ своею мощною рукой высоко поднялъ русское знамя въ краѣ. Его преемники, К. П. Кауфманъ и графъ Э. Т. Барановъ держали его на той же высотѣ. Генералъ Потаповъ уронилъ это знамя... Его преемники умышленно или ненамѣренно продолжали его дѣло. Поэтому новому генералъ-губернатору предлежитъ доблесть (соединенная съ немалымъ трудомъ) — снова высоко поднять русское знамя и твердою рукой держать на должной высотѣ, не взирая ни на какіе шквалы, которые, можно не сомнѣваться, поднимутся противъ него, какъ противъ всякаго русскаго патріота въ здѣшнемъ краѣ.

Въ *Новомъ Времени* еще говорится, что „новый виленскій генералъ-губернаторъ Оржевскій въ бытность товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ зарекомендовалъ себя человѣкомъ большаго такта и большой энергіи". Это — очень хорошо. Значитъ, новый генералъ-губернаторъ: вопервыхъ, не изъ губернаторовъ „завалящей губерніи", а изъ высшей правительственной сферы, и, вовторыхъ, обладаетъ большимъ тактомъ и большою энергіей. Потомъ говорятъ, онъ имѣетъ собственное большое состояніе, что̀ дѣлаетъ его много свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, и онъ можетъ тверже идти по той дорогѣ, которую найдетъ справедливою, не приспособляясь къ разнымъ „вліяніямъ" и „теченіямъ". Это обстоятельство — важнѣе, чѣмъ оно можетъ показаться на первый разъ. Въ долгомъ ряду одиннадцати правителей сѣверо-западнаго края, начиная съ графа М. Н. Муравьева, тѣ изъ нихъ долѣе оставались въ Вильнѣ, которые не были бойцами за русское дѣло, между тѣмъ какъ графъ Муравьевъ оставался въ Вильнѣ меньше двухъ лѣтъ; К. П. Кауфманъ — одинъ годъ; графъ Барановъ — одинъ годъ.

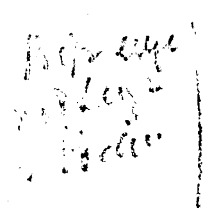
Итакъ, виленскіе русскіе люди еще разъ ободряютъ себя надеждой видѣть здѣсь русское дѣло торжествующимъ, хотя эта надежда столько разъ уже обманывала ихъ. Но она особенно дорога для тѣхъ немногихъ остающихся „муравьевскихъ могикановъ" (употребляю выраженіе профессора М. О. Кояловича), въ теченіе почти тридцатилѣтняго періода видѣвшихъ предъ своими глазами странную фантасмагорію, въ которой русскимъ людямъ приходилось то подниматься на необычайную высоту самосознанія и самоотверженія, какъ при Муравьевѣ, Кауфманѣ и Барановѣ, то низвергаться въ бездну униженія, какъ при Потаповѣ

и его преемникахъ. Для этихъ людей особенно будетъ отрадно еще разъ увидѣть въ краѣ *торжествующее русское дѣло*.

И да не остается новый генералъ-губернаторъ въ невѣдѣніи: ему въ Вильнѣ предстоитъ громадный и непріятный трудъ,—не сраженіе съ „золотою колесницей", когда-то разъѣзжавшею въ Вильнѣ „на воздусѣхъ", но — очищеніе „авгіевыхъ хлѣвовъ", безъ чего никакое освѣженіе нравственной атмосферы края и оздоровленіе его немыслимы. Въ настоящее время новый генералъ-губернаторъ является въ положеніи, близкомъ къ графу Муравьеву—minus открытый мятежъ; но зато скрытый мятежъ—ополячиваніе населенія края и возбужденіе въ немъ вражды ко всему русскому отнюдь не меньше, если не больше. Съ чего же началъ свое дѣло графъ Муравьевъ? Съ экспургаціи чиновниковъ, оказавшихся „рабами лѣнивыми и лукавыми", и замѣны ихъ новыми, привезенными или вызванными изъ Петербурга, Москвы и всей Россіи. Не умаляя заслугъ графа М. Н. Муравьева, должно согласиться, что онъ не сдѣлалъ бы такъ успѣшно своего великаго государственнаго дѣла, еслибъ онъ не имѣлъ подлѣ себя столь достойныхъ споспѣшниковъ. „Одинъ въ полѣ—не воинъ", будь онъ даже богатырь.

Можно не опасаться, что съ перемѣной персонала генералъ-губернаторскаго управленія порвутся дѣловыя традиціи. Дѣлъ въ немъ почти двадцать лѣтъ никакихъ не было; слѣдовательно и традицій никакихъ не можетъ быть,—кромѣ такихъ, которыя лучше не вспоминать. Дѣло дѣлалъ только генералъ Потаповъ,—великое дѣло разрушенія созданнаго Муравьевымъ, изгнанія муравьевскихъ людей и замѣны ихъ своими собственными, изъ которыхъ едва ли не единственнымъ въ Вильнѣ остается г. Сергіевскій, доселѣ попечительствующій въ виленскомъ учебномъ округѣ. Развалины же муравьевскихъ дѣлъ всѣ преемники Потапова охраняли во всей неприкосновенности.

Впрочемъ, какъ я слышу, нѣкоторые болѣе крупные чиновники генералъ-губернаторскаго управленія сами сознаютъ, что они не пригодны къ новому режиму и распродаютъ свои движимости и недвижимости, готовясь къ отбытію изъ края,—его достойные „обрусители"!..

При экспургаціи должно остерегаться хамелеоническихъ натуръ, которыя при Назимовѣ „поляковали", при Муравьевѣ являли себя патріотами, при Потаповѣ—космополитами и при новомъ режимѣ готовы открещиваться отъ своего милостивца и

валить на него всѣ свои мерзости. Вообще же русскій „патріотизмъ" въ Вильнѣ есть лошадь, на которой выѣзжаютъ разные проходимцы, когда находятъ то для себя выгоднымъ.

Виленскій генералъ-губернаторъ графъ Тотлебенъ послѣ 5—6 мѣсяцевъ пребыванія на своемъ посту нѣсколько разъ заявлялъ окружающимъ открыто, что какъ генералъ-губернаторъ онъ не имѣетъ здѣсь никакого дѣла и не понимаетъ, для чего нужно виленское генералъ-губернаторство. Графъ Тотлебенъ сказалъ много правды. Если принять во вниманіе только *заурядныя* дминистративныя дѣйствія виленскаго генералъ-губернатора, тое они сами по себѣ такъ ничтожны, что, дѣйствительно, виленскому генералъ-губернатору совсѣмъ нечего дѣлать, и постъ его является ничтожнымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ, какъ парализующій другихъ административныхъ факторовъ. Это самое и высказалъ прямодушно графъ Тотлебенъ. Это же высказывалось многократно и въ печати, особенно въ *Гражданинѣ*,—и далеко не безосновательно. Это же подтверждается и дѣятельностью всѣхъ послѣ-потаповскихъ генералъ-губернаторовъ, что легко можно видѣть изъ „дѣлъ" генералъ-губернаторскаго управленія.

Общій резонъ для учрежденія генералъ-губернаторствъ есть отдаленность отъ центральнаго управленія той или другой области, напримѣръ Туркестанской, Сибирскихъ и др. Но Сѣверо-Западный край подъ бокомъ у Петербурга: отъ Петербурга до Вильны только пятнадцать часовъ ѣзды и пятнадцать минутъ для сообщеній черезъ телеграфъ. Поэтому виленское генералъ-губернаторство для своего существованія имѣетъ лишь политическое основаніе; и только выполняя свои политическія задачи, виленскій генералъ-губернаторъ оправдываетъ существованіе своего поста, и является достойнымъ держателемъ его. Какія же эти политическія задачи?

Новый генералъ-губернаторъ, какъ занимавшій важный постъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, не можетъ не имѣть свѣдѣній о положеніи Сѣверо-Западнаго края, и задачахъ предлежащихъ въ немъ къ выполненію. Но Министерство вѣдаетъ внутреннія дѣла всей имперіи, въ которой Сѣверо-Западный край, какъ бы онъ ни былъ важенъ, составляетъ только малую часть; слѣдовательно, и свѣдѣнія о немъ здѣсь могутъ быть болѣе общаго характера, чего крайне недостаточно для дѣятельности на мѣстѣ. Потомъ, если эти свѣдѣнія составлялись изъ оффиціальныхъ отчетовъ со стереотипною фразой „все обстоитъ бла-

гополучно", то матеріалъ для руководства представляется еще болѣе скуднымъ.

Имѣющая отъ сего времени послѣдовать въ Сѣверо-Западномъ краѣ политика должна за свою исходную точку принять дѣятельность графа М. Н. Муравьева и его ближайшихъ преемниковъ, К. П. Кауфмана и графа Э. Т. Баранова, то-есть выбросить вонъ цѣлую четверть вѣка „потаповщины", какъ бы не существовавшую, предоставивъ только исторіи произнести надъ нею свой приговоръ. Предположимъ, что край цѣлую четверть вѣка спалъ, и, только теперь пробуждаясь, принимается за дѣло: естественно, это будетъ то дѣло, которое онъ дѣлалъ до своего погруженія въ сонъ, а не тѣ дикія, безобразныя вращенія фантомовъ, которыя онъ видѣлъ во снѣ. Задача же муравьевскаго дѣла была такова: *возстановить въ краѣ русскую народность, государственность и Православіе во всей полнотѣ и очистить его отъ польщизны и вступившаго съ нею въ стачку папизма.* Къ достиженію этой цѣли были изысканы слѣдующія мѣры:

1) Располяченіе западнорусскаго католичества посредствомъ введенія въ его дополнительное богослуженіе и проповѣдь русскаго языка въ русскихъ приходахъ, литовско-жмудскаго языка въ литовскихъ и жмудскихъ приходахъ и латышскаго языка въ латышскихъ приходахъ съ полнымъ исключеніемъ изо всѣхъ ихъ польскаго языка, за отсутствіемъ въ краѣ польскаго народа.

2) Переводъ землевладѣнія въ краѣ изъ польскихъ рукъ въ русскія.

3) Развитіе и утвержденіе въ краѣ русской народной школы съ полнымъ изгнаніемъ тайныхъ польскихъ школъ.

4) Введеніе русскихъ письменъ въ литовско-жмудскій языкъ.

5) Весьма полезно присовокупить сюда еще мѣру, къ которой прежде мы не прибѣгали,—и, можетъ-быть, плохо дѣлали, что не прибѣгали,—но къ которой нужда заставляетъ неотложно прибѣгнуть. Я разумѣю замѣну въ краѣ и во всей русской Польшѣ мятежнаго папизма мирнымъ и лойяльнымъ старокатоличествомъ, чтобы религія не служила долѣе орудіемъ политики, чтобы костелъ не былъ гнѣздомъ и притономъ мятежа, и чтобы намъ не нужно было болѣе ѣздить въ Каноссу и тамъ въ теченіе долгихъ лѣтъ выносить издѣвательства, смиренно испрашивая у „его святости" русскому человѣку дозволенія молиться на своемъ отечественномъ языкѣ. Что еще можетъ быть унизительнѣе для русскаго національнаго достоинства, оскорбительнѣе

для русскаго патріотическаго чувства? Пора положить конецъ этой аномаліи.

Четыре изъ приведенныхъ мѣръ уже были болѣе или менѣе успѣшно осуществляемы, и если одна изъ нихъ, разполяченіе католичества въ настоящее время является совершенно остановленною, то не по неосуществимости дѣла, а отъ стороннихъ вліяній, а три слѣдующія мѣры влачатся мизерно вслѣдствіе неосуществленія первой, какъ въ сильной степени зависимыя отъ нея. Всѣ же вмѣстѣ взятыя, онѣ весьма не трудны, если только будутъ ведены со знаніемъ, энергіей, и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Самымъ труднымъ почитается теперь почему-то разполяченіе западно-русскаго католичества; но въ началѣ оно отнюдь не почиталось таковымъ. Притомъ, какъ бы ни были велики и многочисленны махинаціи пановъ и ксендзовъ противъ этой мѣры, администрація края имѣла и имѣетъ въ своей власти бóльшія и сильнѣйшія средства къ осуществленію этого плана, и многія изъ этихъ средствъ находятся внѣ вліянія польской клики. Между тѣмъ ни одно изъ этихъ средствъ не было употреблено послѣ-потаповскою администраціей края. Слѣдовательно она этихъ средствъ или *не знала*, или *не умѣла* ими воспользоваться, или *не хотѣла* этого сдѣлать. Польско-папистская клика сильна въ Россіи не собственною силой, а нашимъ предательствомъ отечественныхъ интересовъ, космополитнымъ верхоглядствомъ, бездѣйствіемъ властей, халатностью. Въ объясненіе этого я приведу весьма замѣчательный фактъ изъ управленія краемъ графа Э. Т. Баранова, когда всѣ четыре мѣры получили уже значительную устойчивость. Въ это время въ Вильнѣ и краѣ образовалась партія польскихъ помѣщиковъ, заявившихъ себя полными сторонниками *обрусѣнія* края. Это были люди трезваго ума, видѣвшіе, что только въ полномъ сліяніи ихъ съ русскимъ народомъ заключается ихъ спасеніе. Результаты же сепаратизма, враждебности къ русскому народу и государству, выразившіеся въ повстаніяхъ, репрессіяхъ, разореніи, тюрьмахъ, ссылкахъ и казняхъ были еще слишкомъ свѣжи въ ихъ памяти. Подъ ихъ отрезвляющимъ вліяніемъ они поняли, что нельзя идти противъ теченія жизни, нельзя воскресить минувшаго, безсмысленно жертвовать *призраку* имуществомъ, дѣтьми и всѣмъ благоденствіемъ дома и края, и что должно искать новыхъ путей для новой жизни. Просвѣщаемые исторіей,

указывавшей, что Литва прежде, чѣмъ соединилась съ Польшей, была Россіей; что самое соединеніе ея съ Польшей было только первымъ актомъ соединенія Польши съ Россіей, и что громадное число такъ-называемыхъ польскихъ помѣщиковъ въ краѣ— совсѣмъ не Поляки, а коренные Русскіе, только ополячившіеся подъ давленіемъ польщизны, они рѣшились возвратиться къ народности своихъ предковъ и положить конецъ розни, выгодной только для интригановъ, для людей, которымъ нечего терять въ общественныхъ потрясеніяхъ, для охотниковъ „ловить рыбу въ мутной водѣ".

Но вотъ прибылъ въ Вильну генералъ Потаповъ,—и въ краѣ все перемѣнилось. На прощальномъ обѣдѣ И. П. Корнилову всѣ были печальны: чувствовалось, что *хоронили въ Вильнѣ русское дѣло*. Вскорѣ, дѣйствительно, снова подняла голову и окрѣпла польская крамола,—и тѣ же паны, которые еще такъ недавно заявляли графу Баранову о своемъ желаніи вступить въ русскую народность, теперь опять отвернулись отъ нея, твердя:

„Еще Польска не згинѣла"...

Недавно я имѣлъ разговоръ съ однимъ виленскимъ Полякомъ, который, проклиная поблажку Потапова польщизнѣ, причинившую краю деморализацію, увѣренъ, что только твердая рука, ведущая край въ русскомъ направленіи, можетъ привести его къ благоденствію, и что рано или поздно,—и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше,—Вильна вступитъ въ одну семью съ Москвой, какъ вступили Тверь или Рязань.

А. Владиміровъ.

9 января 1893 года.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Что сулитъ нашему народному хозяйству наступившій годъ? Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго доклада г. министра Финансовъ о государственной росписи на 1893 годъ, о состояніи озимыхъ хлѣбовъ, о положеніи Государственнаго Казначейства, о задачахъ русской финансовой политики, о сооруженіи и значеніи Сибирской дороги и о запасахъ золота и ихъ назначеніи.—Положеніе дѣла о хлѣбной торговлѣ.—Соляной налогъ.—Увеличеніе пошлины на хлопокъ и значеніе желѣзныхъ дорогъ II группы для промышленности срединной Россіи.

Что сулитъ нашему народному хозяйству наступившій годъ? Будущее, говоря вообще, отъ человѣка сокрыто, но не безусловно; данныя исторіи, статистики и личной опытности даютъ ему богатѣйшій матеріалъ, на основаніи коего онъ могъ бы предугадывать до извѣстной степени факты будущаго, по крайней мѣрѣ, ближайшаго. Что же сулитъ намъ 1893 годъ на основаніи этихъ данныхъ? Можно ли ожидать появленія какихъ-либо непреодолимыхъ стихійныхъ силъ, которыя обуревали въ послѣдніе годы наше отечество и противъ которыхъ человѣкъ почти безсиленъ или же ихъ и не будетъ? Къ сожалѣнію метеорологія не астрономія; если послѣдняя съ математическою точностью предсказываетъ за нѣсколько лѣтъ впередъ движенія внѣземныхъ тѣлъ въ небесныхъ пространствахъ, то метеорологія не можетъ дать отвѣта даже на такой простой вопросъ, будетъ ли завтра солнце или дождь? И поэтому говорить съ точностью, что сулитъ нашему народному хозяйству 1893 годъ,—нельзя. 1892 г., оставивъ въ наслѣдіе благія надежды на урожай озимыхъ, значительные запасы хлѣба, надежду на миръ, укрѣпляемую въ насъ

словами Самого Государя, передалъ намъ и одну стихійную силу, которая, пребывая покуда въ скрытномъ состояніи, можетъ съ открытіемъ весны принести много горя и скорбей: мы подразумѣваемъ холеру.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи о доходахъ и расходахъ на 1893 годъ г. министръ Финансовъ свидѣтельствуетъ, „что, временно поколебленное испытаннымъ бѣдствіемъ благостояніе страны возстановляется", и „что урожай главнѣйшихъ хлѣбовъ 1892 года можетъ считаться среднимъ, хотя и встрѣчаются мѣстности, особенно на югѣ Россіи, въ которыхъ сборъ хлѣбовъ недостаточенъ для удовлетворенія продовольственныхъ потребностей населенія. Въ общемъ итогѣ, по пятидесяти губерніямъ Европейской Россіи количество урожая нѣсколько ниже, а въ губерніяхъ Привислянскихъ и въ особенности въ Предкавказьѣ значительно выше средняго. Урожай картофеля, въ общемъ, такъ же удовлетворителенъ, а въ Привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ картофель имѣетъ въ продовольственномъ дѣлѣ выдающееся значеніе, урожай его выше средняго".

„Посѣвами озимыхъ хлѣбовъ на 1893 годъ, по словамъ доклада, занято въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи и въ губерніяхъ Царства Польскаго и Сѣвернаго Кавказа около 30 милл. десятинъ, то-есть почти то же пространство, которое было засѣяно осенью 1890 года, (30.250.000 десятинъ). По собраннымъ въ ноябрѣ свѣдѣніямъ, всходы озимыхъ оказываются неудовлетворительными лишь на пространствѣ не превышающемъ 6% общей площади посѣвовъ; 9% составляютъ всходы посредственные, 38% — удовлетворительные и, наконецъ, 47% — хорошіе. Нельзя при этомъ не замѣтить, что неудовлетворительное состояніе озимыхъ всходовъ обнаружилось, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южныхъ губерній, гдѣ преобладающее значеніе имѣютъ яровые хлѣба. Въ общемъ положеніе всходовъ озимыхъ хлѣбовъ слѣдуетъ считать во всякомъ случаѣ выше средняго. Само собою разумѣется, что настоящее положеніе всходовъ не даетъ еще полнаго ручательства за хорошій урожай, но тѣмъ не менѣе представляетъ весьма успокоительное явленіе".

„Выражая убѣжденіе, что Россія выходитъ изъ постигшаго ее хотя и тяжелаго, но временнаго бѣдствія, при полномъ сохраненіи своихъ экономическихъ силъ и безъ ущерба для своей жизнедѣятельности, г. министръ свидѣтельствуетъ однакоже при этомъ, „что упомянутое бѣдствіе отозвалось весьма неблаго-

пріятно на положеніе запасовъ Государственнаго Казначейства“: а именно къ 1 января 1891 г. свободная наличность Государственнаго Казначейства достигала 219,6 милл. рублей; къ 1 января 1892 г.—35,4 мил. руб.;—и къ 1 января 1893 г.—30 мил. рублей. Такимъ образомъ, слѣдовательно, она уменьшилась почти на 190 мил. рублей.

Послѣдніе годы нашего народнаго хозяйства выдвинули множество вопросовъ существеннѣйшей важности, подлежащихъ неотложному разрѣшенію. Естественный ростъ развивающагося государства требуетъ новыхъ и новыхъ расходовъ, прежніе источники оказываются не удовлетворяющими увеличивающихся неотложныхъ потребностей. Г. министръ, касаясь этой труднѣйшей изъ своихъ задачъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что „финансовое управленіе поставлено въ необходимость изыскивать средства для ихъ удовлетворенія въ мѣру дѣйствительной надобности. Въ этомъ отношеніи сдержанность имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серьезными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны, и что въ нашемъ отечествѣ, изобилующемъ разнообразными естественными богатствами, но еще не достигшемъ въ желаемой степени пользованія этими богатствами для возвышенія своего благосостоянія, финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности въ удовлетвореніи назрѣвающихъ потребностей, но, напротивъ, должна поставить своею задачей разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны. Такая политика можетъ дать наилучшія результаты и въ отношеніи финансоваго хозяйства, возвышая вмѣстѣ съ народнымъ благосостояніемъ платежныя силы населенія и умножая источники государственныхъ доходовъ. Для достиженія сихъ цѣлей, по словамъ доклада, имѣется въ виду, прежде всего возможное устраненіе неблагопріятныхъ условій, стѣсняющихъ экономическое развитіе страны, и возбужденій духа здоровой предпріимчивости, въ соотвѣтствіи съ естественными условіями и потребностями отечественной промышленности. Но помимо того для воспособленія правильному и успѣшному ходу промышленнаго развитія неизбѣжны и такого рода мѣропріятія, осуществленіе которыхъ связано съ единовременными и постоянными затратами государственныхъ средствъ. Въ

этомъ случаѣ расходъ казны, если только она производится соотвѣтственно своему назначенію и съ должною разсчетливостію, заключаетъ въ себѣ источникъ значительно бо́льшаго, противъ тягости расхода, приращенія въ народномъ, а слѣдовательно и въ финансовомъ благосостояніи, и потому финансовое управленіе не должно бы отступать предъ расширеніемъ расходовъ сего рода, конечно, въ предѣлахъ, указываемыхъ съ одной стороны дѣйствительно назрѣвшими въ томъ потребностями, а съ другой возможностью ихъ удовлетворенія безъ разстройства въ финансовомъ хозяйствѣ государства".

„Неурожай 1891 г., вызвавшій въ короткое время расходы казны свыше 162 мил. рублей для помощи пострадавшимъ, показалъ, по словамъ доклада, въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно располагать государство запасными средствами на потребности, не поддающіяся человѣческому предвидѣнію, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть ни отклонено, ни отсрочено правительствомъ, еслибы даже по формальнымъ основаніямъ таковыя и не относились къ его непосредственному вѣдѣнію. При этихъ условіяхъ финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныя потребности, и если для достиженія такого положенія требовалось бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидимыхъ бѣдствій, угрожающихъ народному хозяйству гораздо болѣе серьезными потрясеніями при необезпеченности своевременной и достаточной помощи.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, смѣта приходо - расходовъ Государственнаго Казначейства опредѣлилась цифрами нижеслѣдующей таблицы, въ коей всѣ доходы и расходы раздѣлены, по обычаю, на два главныхъ отдѣла—*обыкновенные* и *чрезвычайные*. Къ обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ относятся такіе, которые повторяются изъ года въ годъ, а къ чрезвычайнымъ—такіе, кои являются временно:

Сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1893 годъ.

I.

Обыкновенные доходы.

	Рубли.
Прямые налоги	94.950.680
Косвенные налоги	474.621.323
Пошлины	61.279.450
Правительств. регаліи	38.537.114
Казенные имущества и капиталы	135.494 897
Отчужденіе государственныхъ имуществъ	827.720
Выкупные платежи	77.000.000
Возмѣщеніе расходовъ Государств. Казначейства	72.097.394
Доходы разн. рода	6.413.565
Итого обыкнов. доходовъ	961.222.143

II.

Чрезвычайные рессурсы.

Военное вознагражденіе	3.536.335
Вклады въ Госуд. Банкъ на вѣчное время	1.200.000
Спеціальные капиталы, обращаемые въ общія средства Государ. Казначейства	5.937.574
Отъ предстоящихъ кредитныхъ операцій	68.562.333
Итого чрезвыч. рессурсовъ	79.236.242
Всего	1.040.458.385

I.

Обыкновенные расходы.

	Рубли.
Платежи по госуд. долгу	264.325.647
Высшія госуд. учрежденія	2.115.165
Вѣдомство Св. Синода	11.887.004
Министерство Имп. Двора	10.560.000
» Иностр. Дѣлъ	5.289.909
Военное Министерство	232.937.030
Морское »	49.892.803
Министерство Финансовъ	122.572.579
Минист. Госуд. Имуществъ	25.458.305
» Внутреннихъ Дѣлъ	82.352.659
» Народнаго Просв.	22.411.434
» Путей Сообщенія	70.800.814
» Юстиціи	25.310.830
Государственный Контроль	4.466.043
Главное Управленіе Государств. Коннозаводства	1.310.163
На покрытіе расходовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ	6.000.000
Расходы, непредусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности	10.000.000
Итого обыкнов. расходовъ	947.690.385

II.

Чрезвычайные расходы.

На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ	62.161.000
На расходы по перевооруженію	29.607.000
На заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія	1.000.000
Итого чрезвыч. расходовъ	92.768.000
Всего	1.040.458.385

Такимъ образомъ изъ этой росписи усматривается, что сумма ассигнованная на обыкновенные расходы въ текущемъ превышаетъ таковую же за минувшій годъ на 36 милл. руб. (на 1892 годъ было ассигновано 911.668.066 р.)

Это превышеніе обусловливается частію разницей въ курсѣ рубля, „частью же объясняется естественнымъ развитіемъ прежде разрѣшенныхъ расходовъ, частію же необходимостію удовлетворенія новыхъ государственныхъ потребностей, какъ улучшеніе быта духовенства, распространеніе положенія 12 іюля 1892 г., о новыхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, введеніе судебной реформы въ Олонецкой, Оренбургской и Уфимской губерніяхъ и въ степныхъ областяхъ, учрежденіе новыхъ консульствъ, увеличеніе числа почтово-телеграфныхъ учрежденій, культурныя работы по вѣдомству Государственныхъ Имуществъ, увеличеніе учебныхъ заведеній, участіе Россіи во всемірной чикагской выставкѣ, постройка крейсера для надзора за китовымъ промысломъ, увеличеніе вспомоществованія пароходнымъ обществамъ, предполагаемое учрежденіе торговой инспекціи и т. д.“

Изъ числа чрезвычайныхъ расходовъ на общую сумму 92.768.000 р. назначено на перевооруженіе арміи и флота 29.607.000 р., и на постройку желѣзныхъ дорогъ и портовъ 62.161.000 р., изъ коихъ большая часть пойдетъ на сооруженіе Сибирской дороги, которая вся сплошь будетъ построена на счетъ казны непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, и при этомъ въ три очереди. Къ первой очереди отнесенъ участокъ Челябинскъ — Иркутскъ въ 3.082 версты, окончаніе участка Владивостокъ — Графская и постройка соединительной линіи между Сибирскою, Уральскою, Горнозаводскою желѣзными дорогами на Екатеринбургъ. Во вторую очередь вошли участки; Графская—Хабаровка въ 347 верстъ и ст. Мысовская—Срѣтенскъ въ 1.009 верстъ.— И наконецъ въ третью очередь участокъ Кругобайкальской линіи въ 292 версты и Срѣтенскъ—Хабаровка въ 2.000 верстъ. При этомъ участокъ Челябинскъ — Иркутскъ долженъ быть оконченъ не позже 1900 года; вѣтвь къ Екатеринбургу къ 1894 и участокъ Владивостокъ—Графская въ 1895 г.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ въ этотъ же періодъ приступлено будетъ и къ участкамъ второй очереди, такъ что уч. Графская—Хабаровка можетъ быть конченъ въ періодъ 1895—1898 годовъ, а Забайкальскій — не позже 1902 года. Такимъ

образомъ Москва соединится паровымъ сообщеніемъ съ Тихимъ океаномъ не позже 1902 года. [1]

„Этотъ новый путь, по словамъ доклада, несомнѣнно получитъ міровое значеніе, тѣмъ болѣе важное для нашего отечества, что на протяженіи болѣе 10.000 верстъ онъ пройдетъ въ предѣлахъ Россіи, открывая ей новые обильные источники народнаго благосостоянія, возбуждая и оживляя промышленную дѣятельность. Значеніе Россіи, съ осуществленіемъ этого пути возростаетъ не только къ политическомъ отношеніи, но, еще въ большей степени, на поприщѣ мирнаго соперничества народовъ въ области экономическихъ интересовъ.“

Одновременно съ постройкой линіи первой очереди предположено колонизовать прилежащіе къ линіи участки малоземельными крестьянами изъ Европейской Россіи.

Стоимость участковъ первой очереди исчислена въ 150 милл. рублей.

Въ заключеніе своего доклада г. министръ Финансовъ, указавъ на различныя мѣропріятія и начинанія финансоваго вѣдомства, имѣющія цѣлью ограниченіе спекулятивныхъ явленій въ торговлѣ и устраненіе стѣснительныхъ порядковъ въ промышленности и торговлѣ вообще и хлѣбной торговли въ частности, а равно и воспособленіе здоровой предпріимчивости облегченіемъ условій кредита и установленіе оборотовъ внѣшней торговли на болѣе правильныхъ основаніяхъ и т. д., останавливается на количествѣ золота въ распоряженіи финансоваго вѣдомства находящагося: 360 милл. руб. золотомъ обезпечиваютъ кредитные билеты, въ обращеніи находящіеся, и кромѣ того свободныхъ суммъ золота имѣется на 240 милл. руб.

„При такомъ запасѣ золота, по словамъ доклада, временные выпуски кредитныхъ билетовъ, подъ металлическое обращеніе въ равной суммѣ, представлялись мѣрой тѣмъ болѣе соотвѣтственною, что полученныя такимъ образомъ денежныя средства предназначались всецѣло и исключительно для платежей внутри страны“. Всѣхъ временныхъ выпусковъ, сдѣланныхъ на осно-

[1] При этомъ отъ Челябинска до Иркутска рельсовымъ путемъ, чрезъ Байкалъ—пароходами, отъ Байкала до Срѣтенска рельсовымъ путемъ, отъ Срѣтенска до Хабаровки пароходами по Амуру и отъ Хабаровки до Владивостока рельсовымъ путемъ. Линіи третьей очереди будутъ проложены послѣ, но судя по докладу время ихъ окончанія не можетъ быть предвидѣно съ точностію.

ваніи Высочайшаго указа отъ 28 іюля 1891 года имѣется три на сумму 150 милл. руб. и на равную же сумму хранится съ размѣннымъ фондомъ золото, принадлежащее Государственному Банку.

Такимъ образомъ запасъ золота достигалъ въ концѣ минувшаго года 600 милл. р., который, по словамъ доклада, „имѣетъ особенно важное значеніе въ виду нерѣдко проявляющихся усилій со стороны враждебныхъ намъ элементовъ на заграничныхъ биржахъ. Для противодѣйстія непріязненнымъ ухищреніямъ, направляемымъ въ эту сторону, запасъ золота представляетъ благонадежное средство, которымъ правительство не преминетъ воспользоваться въ мѣрѣ надобности.“

Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе нашего отечества въ началѣ наступившаго года и таковы надежды финансоваго управленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что его предположенія и предначертанія не останутся неосуществленными, если не противостанутъ ему снова какія-нибудь непреодолимыя силы, не говоря уже объ одолимыхъ, въ которыхъ, конечно, недостатка не будетъ.

* * *

Изъ многочисленныхъ задачъ финансоваго вѣдомства чуть ли не въ первой очереди стоитъ вопросъ хлѣбный.

Въ минувшемъ году при Департаментѣ Торговли и Мануфактуры было образовано Совѣщаніе по выработкѣ мѣръ для упорядоченія хлѣбной торговли.

На первомъ засѣданіи Совѣщанія, бывшемъ 10 декабря, предсѣдателемъ коммиссіи—директоромъ Департамента Торговли и Мануфактуръ В. И. Ковалевскимъ были предложены вопросы: „*о мѣрахъ къ прекращенію отпуска за границу засоренныхъ хлѣбовъ и возвращенія этимъ путемъ нашему хлѣбу его природныхъ качествъ, вредными примѣсями и всякаго рода фальсификацій дискредитированныхъ на заграничныхъ рынкахъ; о мѣрахъ къ упорядоченію внутренней и о лучшей организаціи биржевой торговли хлѣбами*“.

Первыя два засѣданія занимались вопросами, *желательно ли правительственное вмѣшательство въ дѣло нашего хлѣбнаго отпуска путемъ ограниченія % примѣси въ отпускномъ хлѣбѣ и учрежденія въ портахъ хлѣбной инспекціи?*

Продолжительныя пренія выяснили, что инспекція необходима, но только не правительственная, такъ какъ съ послѣдней явятся

разныя формальности и стѣсненія, а извѣстно, что излишняя регламентація не помогаетъ дѣлу, а тормозитъ его.

Основываясь на этомъ, предсѣдатель коммиссіи предложилъ: *сохранить принципъ обязательства ограниченія % сора въ вывозномъ хлѣбѣ, поручивъ наблюденіе за этимъ особымъ хлѣбнымъ комитетамъ, состоящимъ изъ представителей сельскаго хозяйства и крупной хлѣбной торговли, чѣмъ и устранится возможность какой-либо стѣснительной для торговли регламентаціи.* Разработка этихъ вопросовъ поручена собраніемъ особой подкоммиссіи.

На третьемъ засѣданіи разсмотрѣнъ былъ вопросъ о биржахъ. Изъ преній выяснилось, что большинство биржъ существуетъ лишь только номинально, а дѣйствующія, имѣя существенныя недостатки, не посѣщаются купечествомъ и т. п. Разработка этого вопроса передана особой подкоммиссіи подъ предсѣдательствомъ директора желѣзно-дорожнаго департамента В. В. Максимова.

19 декабря состоялось общее собраніе, на коемъ были представлены результаты работъ подкоммиссій, избранныхъ на первыхъ двухъ общихъ собраніяхъ. Работы первой подкоммиссіи касаются нормъ примѣси въ вывозимомъ хлѣбѣ, надзора за вывозомъ хлѣба въ портахъ чрезъ присяжныхъ хлѣбныхъ надзирателей, о мѣрахъ и вѣсахъ.

Вторая подкоммиссія пришла къ заключенію, что для хлѣбной торговли слѣдуетъ выработать особыя правила относительно установленія (котировки) цѣнъ на хлѣбъ, управленія служебнымъ персоналомъ вспомогательныхъ учрежденій, завѣдыванія имуществомъ этихъ учрежденій и третейскаго разбирательства по спорамъ. Въ этихъ видахъ, по мнѣнію подкоммиссіи, слѣдовало бы, чтобы въ городахъ, гдѣ найдется нужнымъ, всѣ мѣстные купцы первой и второй гильдій, торгующіе хлѣбомъ, обязательно входили въ составъ биржеваго общества, въ которое, по желанію, вступали бы и землевладѣльцы. Въ видѣ слѣдующей инстанціи намѣчены *гласные биржи*, въ составъ коихъ входятъ всѣ купцы первой гильдіи, такое же число землевладѣльцевъ, избираемыхъ членами биржеваго общества—землевладѣльцами, такое же число купцовъ второй гильдіи, избираемыхъ купцами же второй гильдіи и, наконецъ, одинъ или два представителя землевладѣльцевъ. Собраніе гласныхъ избираетъ изъ своей среды членовъ хлѣбной коммиссіи,—арбитражной коммиссіи, назначаетъ маклеровъ, утвер-

ждаетъ составленныя хлѣбною коммиссіей правила по хлѣбной торговлѣ и разрѣшаетъ вопросы, внесенные въ собраніе хлѣбною коммиссіей.

Подлинныя первоначальныя предположенія названныхъ подкоммиссій Министерство разослало при № 1 *Вѣстника Финансовъ*, *„дабы дать возможность всѣмъ заинтересованнымъ въ этихъ вопросахъ лицамъ—сельскимъ хозяевамъ и хлѣбнымъ торговцамъ—сообщать свои замѣчанія по предложеніямъ подкоммиссій. Необходимо при этомъ оговорить*, прибавляетъ органъ Министерства Финансовъ, *что работы подкоммиссій должны быть разсматриваемы въ качествѣ лишь предположеній, подлежащихъ разсмотрѣнію второй сессіи Совѣщанія, которая начнется 25 января. Всѣ замѣчанія на выводы подкоммиссій и предположенія, которыя могли бы быть сдѣланы желающими, будутъ приняты съ благодарностью и должны быть направляемы въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ (С.-Петербургъ).*

Привѣтствуя такое основательное, разумное и дѣловитое отношеніе финансоваго вѣдомства къ своимъ задачамъ, доказывающее искреннее желаніе достигнуть благихъ результатовъ, мы надѣемся, что труды принесутъ надлежащіе плоды и будутъ оцѣнены всѣми, кому дороги интересы нашей отечественной промышленности.

* * *

Въ концѣ минувшаго года, какъ извѣстно, Министерство Финансовъ предполагало установить налогъ на соль, отмѣненный 23 ноября 1880 года; но мысль эта была оставлена, такъ какъ представилась возможность обойтись безъ этой мѣры. Изучая вопросъ о соляномъ налогѣ, Министерство Финансовъ подвергло его всесторонней разработкѣ какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. При этомъ приняты были къ свѣдѣнію указанія какъ западно-европейской, такъ и русской практики и разсмотрѣно положеніе соляной промышленности какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ государствахъ при существованіи, а равно и при отсутствіи солянаго налога. При этомъ были надлежащимъ образомъ опредѣлены отношенія къ соляному дѣлу такихъ отраслей промышленности какъ скотоводства, рыбоводства и содоваго дѣла и т. п. Словомъ, собранъ былъ богатый и интересный матеріалъ. Теперь Министерство Финансовъ нашло полезнымъ опубликовать главнѣйшія относящіяся до этого вопроса

данныя. Печатая этотъ матеріалъ въ № 1 *Вѣстника Финансовъ,* Министерство приглашаетъ всѣхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ — практически знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ, солеторговцевъ, рыбопромышленниковъ и т. п.—доставить ему свои по этому предмету соображенія, адресуя ихъ на имя директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ.

Съ своей стороны мы замѣтимъ, что отмѣна солянаго налога въ 1880 году, хотя и воспослѣдовала послѣ неурожайнаго года какъ мѣра, могущая облегчать населеніе, вовсе не была результатомъ основательнаго изученія дѣла, а скорѣе плодомъ увлеченія западно-европейскими вѣяніями, связывающими соляной налогъ съ дореформеннымъ режимомъ во Франціи, когда однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ налоговъ была „gabelle". У насъ ничего подобнаго не было. Не было также и такого налога на соль, какъ въ Англіи—3 руб. зол. съ пуда.

* * *

21 минувшаго декабря состоялось повышеніе пошлины на ввозимый изъ-за границы хлопокъ до 1 руб. 40 коп. по морской границѣ и до 1 р. 55 к. по сухопутной. Въ томъ же размѣрѣ будетъ возвращаема пошлина при вывозѣ мануфактурныхъ издѣлій за границу и въ Приамурскій край, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ пока порто-франко.

Возвратъ пошлины на хлопокъ, при вывозѣ издѣлій изъ него приготовленныхъ, установленъ былъ нашимъ финансовымъ управленіемъ съ цѣлію поощренія вывоза нашихъ фабрикатовъ за границу—и главнымъ образомъ на Востокъ: въ Персію, Бухару, Турцію.

Одновременно съ возбужденіемъ ходатайства московскихъ мануфактуристовъ о возвратѣ пошлинъ (кажется въ 1887 году) предполагалось измѣнить соотвѣтственно желѣзнодорожный тарифъ для мануфактурныхъ издѣлій, идущихъ отъ центра къ границамъ, и поставить такимъ образомъ Лодзь въ одинаковыя приблизительно условія съ Москвою. Но эти предположенія до сей поры остались не осуществленными. Между тѣмъ, однакожь, этотъ вопросъ вовсе не такъ пустъ, чтобъ имъ не заняться. Россія въ отношеніи покупки хлопка изъ Египта занимаетъ послѣ Англіи первое мѣсто: въ періодъ $^{1}/_{12}$ сентября 1891 года по $^{1}/_{12}$ сентября 1892 года всего вывезено изъ Египта хлопка 622.085 кипъ, и въ томъ числѣ въ Англію и Америку 361.038 кипъ и

въ Россію 111.254,[1] то-есть приблизительно 2 милл. пудовъ, или $^1/_4$ всего потребляемаго у насъ заграничнаго хлопка (8 мил. пудовъ). Такимъ образомъ Россія уплачиваетъ ежегодно Египту до 20 мил. р. золотомъ, и обойтись ей безъ этого сорта нельзя, такъ какъ всѣ попытки воздѣлыванія египетскихъ сѣмянъ въ Средней Азія не дали удовлетворительныхъ результатовъ.

Если возвратъ пошлины успѣлъ уже оказать вліяніе на увеличеніе вывоза хлопчато-бумажныхъ издѣлій на Востокъ и въ частности въ Персію, гдѣ, какъ извѣстно, Англія почти хозяйничаетъ, то почему бы не попытаться замѣнить существующія отношенія къ Египту иными, то-есть установить торговлю мѣновую: платить за хлопокъ товаромъ, а не золотомъ; само собою разумѣется, здѣсь конкурренція Запада будетъ сильна, сильнѣе даже чѣмъ въ Персіи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ не сдѣлать по начатому пути къ достиженію цѣли еще нѣсколько шаговъ.

Правда, что дѣло заключается не исключительно въ удешевленіи желѣзнымъ дорогамъ тарифныхъ таксъ, но и въ соотвѣтствующемъ торговомъ договорѣ; но и здѣсь финансовое управленіе могло бы чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ извѣстнымъ образомъ воздѣйствовать въ смыслѣ достиженія цѣли.

* * *

Борьба Москвы съ Лодзью—этимъ дѣтищемъ возлелѣяннымъ и вскормленнымъ искусственнымъ путемъ—не разъ вынуждала Бѣлокаменную возбуждать гдѣ нужно различныя ходатайства и изображать въ нихъ, между прочимъ, многочисленныя преимущества Лодзинскаго округа предъ Московскимъ — преимущества, заставляющія Москву уступать мѣста сбыта своихъ товаровъ Лодзи. Теперь, какъ мы слышали, Московскій Биржевой Комитетъ, снова возбуждаетъ ходатайство въ такомъ же смыслѣ. Вопросъ заключается въ измѣненіи ставокъ желѣзныхъ дорогъ II группы, связующихъ Москву съ Сѣвернымъ Кавказомъ, Закавказьемъ, Приазовьемъ, Поволжьемъ, Ураломъ, Сибирью, Каспійскимъ и Закаспійскимъ краями и Персіею. При посредствѣ желѣзныхъ дорогъ II группы и правильно установленныхъ тарифовъ воднаго сообщенія, Москва всегда могла бы доставлять свои товары во всѣ перечисленныя мѣстности, не выжидая открытія навигаціи въ верхнемъ плесѣ Волги, и предупреждать такимъ образомъ появленіе товаровъ края Привислянскаго—въ особен-

ности сезонныхъ. Московскіе промышленники и мануфактуристы желали бы, чтобъ на дорогахъ II группы были установлены такіе тарифы, которые бы дали Москвѣ возможность сохранить за собою искони принадлежащіе ей рынки. По мнѣнію заинтересованныхъ группъ и лицъ, при составленіи новыхъ тарифовъ должны бы быть приняты тѣ же принципы, кои усвоены для ввозныхъ тарифовъ отъ окраинъ государства и отъ Привислянскаго фабричнаго района въ Закавказье — принципы, давшіе возможность привислянскимъ товарамъ проникать въ Прикаспійскій край въ ущербъ Москвѣ.

Такое желаніе представителей Московскаго промышленно-торговаго района совершенно законно и справедливо и они питаютъ надежду, что при пересмотрѣ тарифовъ II группы они будутъ допущены чрезъ своихъ уполномоченныхъ или чрезъ Биржевой Комитетъ къ участію въ засѣданіяхъ съѣзда желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ и въ тарифныя учрежденія Министерства Финансовъ, чтобъ такимъ образомъ, по возможности, устранить искусственныя причины, тормозящія дѣла Московскаго района въ пользу Привислянскаго.

* * *

Московскіе финансисты и промышленники озабочены переустроеніемъ внутреннихъ порядковъ Россійскаго Государственнаго Банка. Мнѣнія по этому важному вопросу весьма различны; живыя сношенія по этому дѣлу Москвы съ провинціей доказываютъ, что и этотъ важнѣйшій вопросъ получитъ разрѣшеніе путемъ не исключительно канцелярскимъ и будутъ призваны къ совѣту и тѣ, для кого существуетъ самый Банкъ.

Въ теченіе января въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ поступили слѣдующія книги:

А—нскій Н. Фаустъ. Поэма Николая Ленау. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Соловьевъ Вс. В. Женихъ Царевны. Романъ-Хроника. XVII в. Спб. Ц. 2 руб.

Аксаковъ Н. Зáмокъ Зора. Истор. повѣсть. Изд. Аѳ. Васильевъ. Спб. 1892 г.

Харузинъ А. Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. Ревель. 1893 г. Ц. 40 к.

Филипповъ С. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Незеленовъ А. И. Шесть статей о Пушкинѣ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Проф. Надлеръ В. К. Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза. Т. V. Рига. Изд. Н. Киммеля. Ц. 4 р. 50 к.

Шахъ-Пароніанцъ Л. Впечатлѣнія жизни. Стихот. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

С. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ, письма въ *Новое Время.* М. 1893. Ц. 2 р.

Его-же. Къ свѣдѣнію будущаго министра земледѣлія. Спб. 1893. Ц. 40 к.

Борзенко А. А. Опекунская реформа. Спб. 1893 г.

Киммеля Н. Антикварный катологъ № LI. Рига. 1892 г.

Отчетъ о дѣятельности Высочайше утвержденнаго Общества для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ съ 1867 г. по 1892 г. Спб. 1892 г.

Труды Общества для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ. Часть XXI. Спб. 1892 г.

Фонъ-Аминтора Г. Gis-moll соната. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстаго. Переводъ съ нѣмецкаго М. Калмыкова. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Ивинъ И. С. Пѣсни Родины. Стих. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Стенинъ П. А. Востокъ. Историко географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1893 г.

Пантюховъ И. И. Населеніе Кутаисской губ. Спб. 1892 г.

Скибинскій М. А. Крестьянское мірское хозяйство. Мірскіе капиталы. Денежные сборы и взысканія. Продовольственные запасы. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 70 к.

Венгеровъ С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

Захарьинъ И. Н. (Якунинъ) Грёзы и Пѣсни. Стихотворенія. Изд. третье. Спб. 1893. Ц. 25 к.

Ступинъ. Календарь на 1893 г. Ц. 15 к.

Гросманъ и Кнебель. „Эхо“. Календарь на 93 г. на нѣм. языкѣ. М. Ц. 50 к.

Художественно-литер. сборникъ. „На память“. Изд. Т. И. Гагена, подъ редакціей Ѳ. А. Духовецкаго. М. Ц. 3 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Богословскій Вѣстникъ“.

Въ 1893 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по слѣдующей программѣ:

ОТДѢЛЪ I.

Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ. Здѣсь будетъ продолжаться печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго, и, кромѣ того, будутъ помѣщаемы небольшія отдѣльныя произведенія Св. Отцовъ, доселѣ не переведенныя.

ОТДѢЛЪ II.

Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: обозрѣніе заслуживающихъ вниманія православнаго христіанина событій и мѣропріятій въ церковной и гражданской жизни, наблюденія надъ направленіемъ нравственной жизни современнаго общества, сужденія о духовныхъ потребностяхъ настоящаго времени, свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

ОТДѢЛЪ IV.

Критика, рецензіи и полная, по возможности, библіографія по богословскимъ наукамъ.

ОТДѢЛЪ V.

Приложенія. Сюда войдутъ: диссертаціи на ученыя степени, протоколы засѣданій Совѣта Академіи, систематическій и повременный каталоги академической библіотеки и, по истеченіи нѣкотораго времени,—библейско-богословскій словарь, согласно волѣ покойнаго Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки **шесть рублей**, съ пересылкой **семь рублей**, за границу **восемь рублей**.
Адресъ: въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ *П. Горскій-Платоновъ.*

ВѢСТНИКЪ ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ТОРГОВЛИ,

Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ и

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА.

На 1893 годъ въ полномъ объемѣ сохраняется нынѣшняя, достаточно уже извѣстная, программа еженедѣльнаго изданія „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“, посвященнаго всестороннему, преимущественно практическому, изученію и разъясненію вопросовъ политической экономіи, финансовъ, кредита, торговли, промышленности, сельскаго хозяйства, горнаго дѣла, желѣзнодорожнаго хозяйства и пр. Въ программу включается нынѣ и относящаяся до тѣхъ же вопросовъ библіографія. Въ отсутствіе существующей въ обществѣ потребности и неоднократнымъ заявленіямъ подписчиковъ, кромѣ обычныхъ къ Вѣстнику—отчетовъ торгово-промышленныхъ предпріятій, балансовъ государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій и пр.,—съ 1 января 1893 года предпринимается особымъ приложеніемъ изданіе

СВОДА ТИРАЖЕЙ.

Съ цѣлью возможно лучшаго осуществленія торгово-промышленной программы, „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“, сохраняя недѣльные обзоры положенія міровой торговли по товарамъ, выдѣляетъ съ 1 января 1893 года текущія спеціально-торговыя извѣстія въ особое ежедневное (кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками) приложеніе, подъ названіемъ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА.

Торгово-Промышленная Газета предназначена служить справочнымъ и руководящимъ листкомъ для сельскихъ хозяевъ, коммерсантовъ, хозяевъ предпріятій и вообще лицъ, заинтересованныхъ въ быстромъ и изъ самаго компетентнаго источника полученіи текущихъ свѣдѣній (телеграммами и корреспонденціями) со всѣхъ нашихъ и руководящихъ заграничныхъ рынковъ о настроеніи торговли, цѣнахъ на товары, фрахтахъ, снабженіи, запасахъ, сдѣлкахъ, о положеніи различныхъ отраслей промышленности, о возникновеніи новыхъ предпріятій, ликвидаціи существующихъ и т. д. „Торгово-Промышленная Газета“ будетъ также сообщать обо всѣхъ тѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ и распоряженіяхъ, немедленное освѣдомленіе о которыхъ важно для торговаго міра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годовая.			Полугодовая.		
Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли:	Съ доставкой.	Безъ доставки.	Заграницу.	Съ доставкой.	Безъ доставки.	Заграницу.
безъ приложеній	8 р.	7 р.	15 р.	5 р.	4 р.	8 р.
съ приложеніемъ Свода Тиражей...	10 »	9 »	16 »	6 »	5 »	9 »
съ приложеніемъ Торгово-Промышленной Газеты и Свода Тиражей..	11 »	10 »	20 »	7 »	6 »	12 »
Торгово-Промышленная Газета..	5 »	4 »	10 »	3 »	2 » 50 к.	5 »

Подписка и объявленія принимаются въ Редакціи (С.-Петербургъ, Министерство Финансовъ, Мойка, и во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ Казначействахъ Имперіи.

Digitized by Google

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

Съ пересылкою и доставкою:

На годъ	5 р. — к.
„ полгода	3 „ — „
„ 3 мѣсяца	1 „ 50 „
„ 1 мѣсяцъ	— „ 60 „

Безъ доставки.

На годъ	3 р. 50 к.
„ полгода	2 „ — „
„ 3 мѣсяца	1 „ — „
„ 1 мѣсяцъ	— „ 40 „

ДУХОВНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЧТЕНІЯ

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ 1893 году журналъ „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ будетъ издаваться по слѣдующей программѣ:

I. Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта.—Сюда войдутъ статьи исагогическаго и истолковательнаго содержанія, преимущественно общедоступнаго характера.

II. Церковная Исторія всеобщая и русская, гдѣ будутъ помѣщаться статьи, знакомящія со внѣшнею и внутреннею жизнію Православной Церкви вселенской и русской, а также и обществъ инославныхъ; здѣсь же по временамъ будутъ имѣть мѣсто специальныя статьи по части русскаго раскола и особенно сектантства.

III. Христіанская апологетика. Здѣсь будетъ защищаться ученіе Православной Христіанской Церкви, какъ вообще отъ мудрствованій ложныхъ философскихъ системъ, такъ преимущественно отъ лжеученій современныхъ.

IV. Церковное право.

V. Философія.

VI. Внутреннее Обозрѣніе.

VII. Иностранное Обозрѣніе.

VIII. Отдѣлъ библіографическій,—гдѣ будутъ помѣщаться критико-библіографическія статьи о сочиненіяхъ иностранной и отечественной богословской литературы, обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ, а также и свѣтскихъ, на сколько послѣдніе будутъ касаться церковно-религіозныхъ вопросовъ.

Годовая плата за журналъ «Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія».

Съ доставкой и пересылкой	7 р. — к.
Безъ доставки	6 „ 50 „

Лица, подписывающіяся на журналъ и газету вмѣстѣ, съ доставкой и пересылкой платятъ 11 р., вмѣсто 12 р., безъ доставки 10 р.

Воскресныя Бесѣды.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться отдѣльными листами и въ 1893 году и выходить по воскреснымъ днямъ.

Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ безъ пересылки 50 к., съ перес. 1 р. 10 к., за полгода съ перес. 60 к.; за три мѣсяца съ перес. 35 к.; за мѣсяцъ 20 к.

Подписка на полученіе означенныхъ изданій Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ 1893 г. принимается: 1) въ редакціи (Москва, уголъ Малой Полянки и Спасскаго пер., д. церкви Спаса въ Наливкахъ); 2) въ Епархіальной библіотекѣ при Высокопетровскомъ монастырѣ; 3) въ магазинѣ парчей торговаго дома И. С. Сытова Наслѣдники (Никольская улица, Славянскій Базаръ) и 4) въ Конторѣ братьевъ Д. и Н. Бизиныхъ (Ильинка, Новгородское подворье).

Редакторъ священникъ *Николай Копьевъ.*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

„Виленскій Вѣстникъ“, газета политическая и литературная выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Эта единственная газета СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ, имѣя своею задачей слѣдить, главнымъ образомъ, за явленіями этой окраины нашего отечества, даетъ разнообразныя свѣдѣнія политической и гражданской жизни народовъ, для чего редакція имѣетъ достаточное количество спеціальныхъ корреспондентовъ и телеграфное агентство. Для мѣстныхъ жителей губерній Западнаго Края *Виленскій Вѣстникъ* имѣетъ особый интересъ, такъ какъ въ немъ помѣщаются всѣ справки по правительственнымъ распоряженіямъ, назначеніямъ, наградамъ и т. п. и что особенно важно *для гг. подрядчиковъ и поставщиковъ*, въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* печатаются обязательно всѣ безъ исключенія объявленія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ правительственныхъ мѣстъ и учрежденій о торгахъ по подрядамъ и поставкамъ по девяти губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Кромѣ того, будетъ обращено вниманіе на беллетристическій отдѣлъ: будутъ помѣщаться оригинальныя и переводныя повѣсти.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставк. въ Вильнѣ:	*Съ пересылкою въ другіе города:*	
На 1 годъ.. 6 р.	На 1 годъ... 8 р.	На 6 мѣс.... 4 р.
„ 6 мѣс.. 3 „	„ 11 мѣс.... 7 „ 50 к.	„ 5 „ ... 3 „ 50 к.
„ 3 „ .. 1 „ 50 к.	„ 10 „ ... 7 „ —	„ 4 „ ... 3 „
„ 1 „ .. — 60 „	„ 9 „ ... 6 „ —	„ 3 „ ... 2 „
	„ 8 „ ... 5 „ 50 к.	„ 2 „ ... 1 „ 80 к.
	„ 7 „ ... 5 „	„ 1 „ ... 1 „

Подписка принимается съ перваго числа каждаго мѣсяца въ редакціи *Виленскаго Вѣстника*, домъ Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

„Обзоръ печати", „Мѣстная лѣтопись", „По Кавказу и Закаспію", „По Россіи", „По чужимъ краямъ", „Нефтяной отдѣлъ", фельетоны— общественной жизни, беллетристическіе, журнальное обозрѣніе. „Судебная хроника, биржевая хроника и руководящія статьи по всѣмъ перечисленнымъ отдѣламъ".

Подписная цѣна:

Съ доставкой: На годъ 7 р., на $^1/_2$ 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. Съ пересылкой: На годъ 8 р. 50 к., на $^1/_2$ года 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. За границу: На годъ 13 руб., на полгода 7 руб.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 р. городскими и 4 р. 50 к. иногородними подписчиками; затѣмъ 15-го февраля— 2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Подписка принимается: въ *Баку*—въ конторѣ газеты, Армянская улица, д. Красильникова; въ *Тифлисѣ* — въ „Центральной книжной торговлѣ" и въ книжномъ магазинѣ Хиддекеля; въ *Кутаисѣ* — при книжномъ магазинѣ бр. Чиладзе, противъ собора, на Тифлисской ул., соб. домъ; въ *Батумѣ*—при книжно-газетномъ агентствѣ М. Николадзе; въ *Елизаветполѣ*—у Г. А. Альтгаузена, при его торговлѣ аптекарскими товарами; въ *Москвѣ*—въ конторѣ Метцль и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинцій.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: Въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій".

Лица, подписавшіяся (безъ разсрочки) на годовое изданіе „Каспія" 1893 г. въ настоящее время будутъ *безплатно* получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ.

Газета выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ, большимъ форматомъ, по программѣ большихъ столичныхъ политическихъ и литературныхъ газетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РОССІИ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:		СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:	
на 12 мѣсяц.	8 р. — к.	на 12 мѣсяц.	9 р. — к.
„ 6 „	4 р. 50 к.	„ 6 „	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 25 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 80 к.	„ 1 „	1 р. — к.

●● За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 50 коп. въ мѣсяцъ.

●● Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся: при подпискѣ—3 руб., 1 мая—3 руб. и 1 августа—3 руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.

Деньги и письма адресуются: въ Ростовъ-на-Дону, въ контору газеты *Приазовскій Край*.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., домъ Духовнаго училища.

Подписная цѣна:

На 12 м. 5 р., 11 м. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 40 к., 9 м. 4 р., 8 м. 3 р. 50 к., 7 м. 3 р., 6 м. 2 р. 60 к., 5 м. 2 р. 10 к., 4 м. 1 р. 80 к., 3 м. 1 р. 50 к., 2 м. 1 р., 1 м. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногородн. подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подпис. цѣнѣ 20 коп.

За издателя *Е. В. Коровицкая.* Редакторъ *К. И. Коровицкій.*

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА"

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Въ 1893 году „Самарская Газета" будетъ издаваться, какъ и въ прежніе годы, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1) Дѣйствія и распоряженія правительства (по оффиціальнымъ источникамъ); 2) „Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства", *получаемыя непосредственно изъ Петербурга;* 3) Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ и проявленіямъ жизни г. Самары и Самарской губ.; 4) Самарская хроника, въ которую войдутъ: отчеты объ общественныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ, рефераты о выдающихся дѣлахъ, разбирательствахъ въ засѣданіяхъ судебной палаты, окружнаго суда, уѣзднаго съѣзда и у городскихъ судей; свѣдѣнія объ артистическихъ, благотворительныхъ и промышленно-торговыхъ учрежденіяхъ, обществахъ и собраніяхъ и замѣтки о событіяхъ и происшествіяхъ; 5) Внутреннія извѣстія, сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ разныхъ городовъ, посадовъ и селъ Самарской и другихъ губерній, извѣстія изъ другихъ газетъ; 6) Иностранныя извѣстія; въ этотъ отдѣлъ войдутъ: политическое обозрѣніе, составляемое еженедѣльно, о движеніи политическо-общественной жизни западно-европейскихъ государствъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ политическихъ газетъ; 7) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, очерки въ стихахъ и прозѣ; 8) Сельское хозяйство: обозрѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности; 9) Критика и библіографія; 10) Смѣсь: юмористическіе разсказы, стихотворенія, сцены, анекдоты и т. п.; 11) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о положеніи Самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ рынковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; 12) Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія календарныя, указанія дѣлъ, назначенныхъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ, уѣздномъ съѣздѣ и въ камерахъ городскихъ судей г. Самары; 13) Почтовый ящикъ редакціи: отвѣты на письма и заявленія; 14) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Самарская Газета, имѣя основной своею задачею—служить интересамъ Самарскаго края, слѣдя за его общественно-экономическою жизнью, даетъ также своимъ читателямъ статьи по общегосударственнымъ вопросамъ и знакомитъ съ выдающимися событіями въ Россіи и за границей.

Самарская Газета обращаетъ особенное вниманіе на состояніе хлѣбныхъ рынковъ. Независимо отъ сообщеній о торговыхъ оборотахъ мѣстнаго Самарскаго рынка, редакція печатаетъ свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ торговыхъ рынкахъ и *два раза въ недѣлю* помѣщаетъ торговыя телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ о состояніи СПБ. фондовой и хлѣбной биржи.

Въ *Самарской Газетѣ* принимаютъ постоянное участіе: В. О. Португаловъ, И. М. Красноперовъ, Н. И. Сергѣевъ, А. Л. Бостромъ, Е. М. Ещинъ и друг.

Кромѣ того *Самарская Газета* имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Симбирскѣ, Царицынѣ, Оренбургѣ, Уфѣ, а также во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Самарской губерніи и мн. сел.

Подписная цѣна на газету:

Съ доставкою въ г. Самарѣ: На годъ 6 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. Съ перес. въ др. города: На годъ 7 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 2. р.

Подписка принимается: въ Самарѣ—въ главной конторѣ редакціи, Дворянская улица, д. Соколова, и въ редакціи: Воскресенская улица, соб. домъ; въ Оренбургѣ въ магаз. А. В. Михайлова; въ Бузулукѣ—въ библіотекѣ Н. П. Матвѣева; въ Сызрани—въ магазинѣ Калачева

Редакторъ-издатель *И. П. Новиковъ*

Годъ III. „СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“. Годъ III.

Выходитъ два раза въ недѣлю по четвергамъ и воскресеньямъ

Подписная цѣна: съ перес. въ др. гор. на 1 годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

Съ доставк. въ Тобол. на 1 годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

Безъ пер. и дост. на 1 годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 45 к.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: съ пересылкой и доставкой за годъ 4 р., за полгода 2 р., безъ пересылки и доставки за годъ 3 р., за полгода 1 р. 50 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., 1 марта 1 р. 50 к., 1 мая 1 р. и 1 сентября 1 р.

Подписка принимается: Въ Тобольскѣ, въ конторѣ редакціи и библіотекѣ Суханова. Въ Тюмени, въ конторѣ Н. М. Давыдовской. Въ Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Бабинова. Въ Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ Омскѣ, въ книжномъ магазинѣ Александрова. Въ Иркутскѣ, въ книжномъ магазинѣ Гавриловича. Въ Минусинскѣ, въ общественной библіотекѣ. Въ Москвѣ, у г. Чукмалдина, Мясницкая улица, д. Художеств. Музея и въ Центральной конторѣ объявленій бывш. Л. Метцль. Въ Барнаулѣ, у В. К. Штильке.

Редакторъ-издатель *А. Сыромятниковъ*.

26-й годъ „ДОНЪ" XXVI г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ).

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1893 года газета „Донъ" начинаетъ второе 25-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 25-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1893 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 1/2 г.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежѣ	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — „	— „ 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города. .	7 р.	4 р. — „	2 р. 50 к.	1 р. — „

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ"

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Саратовскій Дневникъ" въ 1893 году будетъ, въ общихъ чертахъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. Особенное вниманіе редакція обратитъ на „мѣстный отдѣлъ" газеты, т.-е. на возможную полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей, кромѣ Саратовской, смежныя части сосѣднихъ губерній и, въ особенности,—Самарское Заволжье до Урала. Интересы этой области, благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ, должны теперь тѣснѣе сгруппироваться около естественнаго центра—Саратова. Продолжая начатое уже въ нынѣшнемъ году расширеніе „мѣстнаго отдѣла" и располагая болѣе обильнымъ для него матеріаломъ, редакція направитъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. При этомъ редакція, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересы большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ:	Съ пересылкою въ друг. города.
На 12 мѣсяцевъ 6 руб. — к.	На 12 мѣсяцевъ 7 руб. — к.
„ 6 „ 3 „ 50 „	„ 6 „ 4 „ — „
„ 3 „ 2 „ — „	„ 3 „ 2 „ 50 „
„ 1 „ — „ 75 „	„ 1 „ 1 „ — „

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ РАЗСРОЧКУ подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ; первые вносятъ: при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р. и 1 мая 2 р.; иногородніе—при подпискѣ 3 руб., 1 марта 2 руб. и 1 мая 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Уфимцева. Въ гор. Вольскѣ подписка на „Саратовскій Дневникъ" и

объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковскаго.

Объявленія принимаются: на первой страницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на третьей и четвертой— первые три раза по 7 коп., а послѣдующіе разы—по 5 коп.—Годовыя объявленія пользуются особою уступкой.—Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и Приволжскихъ губерній ПРИНИМАЮТСЯ исключительно въ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРѢ ОБЪЯВЛЕНІЙ, БЫВШ. МЕТЦЛЬ, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на первой страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку петита.

Розничная продажа газеты по 5 коп. за экземпляръ.

Лица, подписавшіяся на 1893 годъ, получаютъ газету въ нынѣшнемъ году со дня подписки БЕЗПЛАТНО

Издатель Н. П. ШТЕРЦЕРЪ.

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ на 1893 годъ.

Въ наступающемъ 1893 году *Варшавскій Дневникъ* будетъ выходить по утрамъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, кромѣ слѣдующихъ за двунадесятыми праздниками и нѣкоторыми табельными днями—въ количествѣ 345 нумеровъ въ годъ.

Подписная цѣна, при значительно расширенномъ размѣрѣ газеты, остается прежняя, а именно:

Въ Варшавѣ:			Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб.	60 коп.	На годъ	12 руб.
„ полгода	4 »	80 »	» полгода	6 »
„ три мѣсяца	2 »	40 »	» три мѣсяца	3 »
„ мѣсяцъ	— »	80 »	» мѣсяцъ	1 »

За границу (подъ бандеролью): на годъ 15 руб. (20 гульд. или 40 франк.), полгода 8 р. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца 4 р. 50 к. (5 гульд. 10 фр.), мѣсяцъ 1 р. 60 к.

Въ числѣ литературнаго матеріала на будущій годъ редакція имѣетъ въ виду слѣдующія статьи: 1) Австро-польское Entente cordiale; 2) Роль католическаго духовенства въ возстаніи 1861—64 годовъ; 3) Подпольная литература послѣдняго польскаго мятежа; 4) По Галичинѣ, путевыя замѣтки; 5) Верховный уголовный судъ надъ участниками мятежа 1830—31 годовъ; 6) О русскомъ землевладѣніи въ Привислинскомъ краѣ; 7) Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Привислинскомъ краѣ; 8) Нѣсколько беллетристическихъ разсказовъ и этнографическихъ, путевыхъ очерковъ Вс. Крестовскаго.

Что касается до направленія газеты подъ новою редакціей, то таковое изложено во вступительной статьѣ № 221 *Варшавскаго Дневника*, изъ коей напоминаемъ теперь главнѣйшія наши основоположенія:

1. Точка зрѣнія наша, съ которой мы относимся ко всѣмъ вообще явленіямъ мѣстной жизни, это—русскіе государственные интересы, при неуклонномъ служеніи имъ словомъ и дѣломъ.

2. Никакой племенной или инаго рода ненависти къ Полякамъ; желаніе краю, какъ странѣ славянской, всякаго процвѣтанія подъ крѣпкою сѣнію Русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ Русскимъ народомъ, что, по нашему глубокому убѣжденію, ни мало не препятствуетъ нашимъ Полякамъ не только сохранить свои религіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности, но и даетъ возможность преслѣдовать ихъ дальнѣйшее развитіе на общее ихъ и наше благо.

3. Поэтому всякое явленіе мѣстной жизни въ области культуры, въ сферѣ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ интересовъ - по скольку оно будетъ

согласуемо съ русскими государственными интересами—всегда встрѣтитъ съ нашей стороны полное сочувствіе и поддержку. И наоборотъ:—всякое явленіе, не только идущее въ разрѣзъ этимъ послѣднимъ интересамъ, но и малѣйше имъ противорѣчащее, или обнаруживающее тенденцію явнаго или тайнаго отклоненія отъ сихъ интересовъ во враждебную имъ сторону, будетъ нами немедленно разоблачаемо и преслѣдуемо честнымъ путемъ печатнаго слова.

4. Вполнѣ искреннее желаніе и надежда додуматься и договориться съ благоразумною частью польскаго общества относительно взаимнаго, сноснаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ *modus vivendi*

5. Поэтому мы предпочитаемъ спокойное и взаимно безпристрастное обсужденіе нашихъ «больныхъ» вопросовъ. Если же окажется необходимою полемика, то съ нашей стороны таковая будетъ безъ грубостей, личностей и инсинуацій. Нашъ принципъ—открытый, честный бой, но не инсинуація противъ кого бы то ни было.

6. Отношеніе наше къ еврейскому вопросу, по скольку дѣло касается эксплуатаціи еврействомъ христіанскихъ элементовъ населенія, — безусловно-враждебное.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр. № 48. въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ № 65.

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

общественная, литературная и политическая газета

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—вомож[н]о полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края. Казанская хроника. Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка. Ежедневное обозрѣніе текущей международной жизни. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство и промышленность. Народное образованіе и педагогика. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

ВЪ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В Васильевъ, Н. Г. Гаринъ, А. С. Гацискій, В. А. Гольцевъ, И. М. Гвоздевъ, проф. Ѳ. Г. Дормидонтовъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, Н. Я. Капустина, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, проф. Ѳ. Г. Мищенко, А. Д. Мысовская, проф. Е. А. Нефедьевъ, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, проф. В. Л. Орловъ, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, М. И. Поповъ, (Анд. Любый), Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Е. Н. Чириковъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Н. Ѳ. Юшковъ, Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

голову на пользу нашего обѣтованнаго уголка дорогаго отечества, на который взоры устремлены въ настоящее время, чуть не со всего міра.

Фонды, торговая хроника, тиражи, базарныя цѣны Самарканда и другихъ городовъ Туркестанскаго края, мѣстныя извѣстія, корреспонденціи изъ городовъ Туркестана, Закаспія, Семирѣчья, Сибири, Россіи, некрологи, театральныя замѣтки, музыкальныя рецензіи, среди газетъ, анекдоты, стихи, замѣтки, письма въ редакцію, дневникъ происшествій, приказы по Туркестанскому округу, Самаркандской области и проч. Телеграммы Сѣверн. Телегр. Агентства и спеціальныя, росписанія почтъ, поѣздовъ и пароходовъ и т. п.

На годъ 5 р. — »	На 3 мѣс. 2 » — »	За границу 8 » — »
На полгода 3 р. 50 »	На 1 мѣс. 1 » — »	Отдѣльн. № 6 » коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи въ городѣ *Самаркандѣ*. *Въ Москвѣ:* въ конторахъ объявленій бывш. Метцль, Мясницкая ул., домъ Спиридонова и у Л. Шабертъ, бывш. Мейеръ, Покровка, д. Бр. Салаевыхъ. *Въ Петербургѣ:* въ центральномъ агентствѣ объявленій Матисена, Конюшенная, № 29. *Въ Вѣрномъ*: у П. М. Зенкова.

Редакторъ-издатель **Н. В. Полторановъ.**

IX г. изд. # „СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ" **IX г. изд.**

выходящая ДВА раза въ недѣлю и посвященная выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Съ доставкой и пересылкой:
На годъ .... 4 р. 50 к.	На годъ .... 5 р. 50 к
„ полгода .... 2 „ 50 „	„ полгода .... 3 „ — „
„ 3 мѣсяца .... 1 „ 50 „	„ 3 мѣсяца .... 1 „ 75 „

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками)

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа".

„РЕБУСЪ"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Вступая въ двѣнадцатый годъ своего существованія, журналъ сохранитъ прежнее направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Для желающихъ же ознакомиться съ нимъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о нашей одиннадцатилѣтней дѣятельности. Въ дни основанія нашего журнала не только русская, но и иностранная пресса, исключая спеціальной, не говорила почти ни слова о самой важнѣйшей области человѣческаго знанія: о психическихъ, сверхчувственныхъ явленіяхъ. Мы отвели обширное мѣсто въ журналѣ образу фактовъ и наблюденій въ этой области.

Помѣщенныя нами статьи о **гипнотизмѣ, механизмѣ, ясновидѣніи** и **медіумизмѣ** (спиритизмѣ) даютъ полную картину современнаго взгляда на эти таинственныя явленія. Журналъ нашъ единственный изъ всей русской прессы шагъ за шагомъ слѣдилъ за энергической дѣятельностью „Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій“, руководимаго извѣстными англійскими учеными. Мы заимствовали изъ его „Трудовъ“ статьи о передачи мысли на разстояніи (телепатія), описанія тщательно повѣренныхъ членами Общества случаевъ явленія призраковъ: прижизненныхъ, присмертныхъ и посмертныхъ. Статьи извѣстныхъ дѣятелей и ученыхъ по всѣмъ вопросамъ этой мало еще изслѣдованной области тоже нашли мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и противорѣчатъ нашимъ взглядамъ, какъ, напримѣръ, сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго философа Эд. Гартмана—„Спиритизмъ“, стремящееся нанести спиритизму смертельный ударъ.

Существующая уже нынѣ обширная литература неопровержимо свидѣтельствуетъ, что интересъ къ психизму все болѣе и болѣе растетъ; факты и наблюденія въ этой области накопляются съ поразительною быстротой и даютъ намъ богатый матеріалъ для нашей дальнѣйшей дѣятельности.

Въ теченіе года будетъ печататься **отвѣтъ А. Н. Аксакова** на сочиненіе Гартмана „Спиритизмъ“. Въ *беллетристическомъ отдѣлѣ* помѣщаются романы, повѣсти и разсказы, а подъ рубрикою *смѣсь* извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а также выдающіяся событія ежедневной жизни.

ЦѢНА на годъ **5** руб., на полгода **3** р. съ дост., а безъ дост. **4** руб. и **2** р. **50** к. Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р., 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **1** руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (книжный магазинъ Мартынова, Невскій, 45); въ книжн. магаз. Вольфа, Мелье, *Новаго Времени*, и др. *Чрезъ почту* деньги высылаются по адресу: С.-Петербуръ, въ редакцію журнала *Ребусъ*.

Можно получить журналъ 1884—1889 гг. по **3** р., за годъ, 1890 г.—**4** р. 1891 и 1892 г.—по **5** руб. за годъ.

Редакторъ-Издатель **В. Прибытковъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

(52 №№ ВЪ ГОДЪ)

НАУКА и ЖИЗНЬ.

Единственный въ Россіи научный журналъ **ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ,** дающій возможность всѣмъ любителямъ знанія слѣдить за успѣхами точныхъ наукъ въ общепонятномъ изложеніи, причемъ къ тексту дается до 500 гравюръ въ годъ. Для учащихся и дѣтей

отведенъ отдѣлъ „научныхъ игръ и развлеченій", а также *задачъ* въ объемѣ гимназическаго курса. Кромѣ того, журналъ удовлетворяетъ и чисто практическимъ цѣлямъ, имѣя постоянные отдѣлы „Новостей по сельскому хозяйству, домоводству и пр.", а также „Врачебно-гигіеническихъ новостей и совѣтовъ". Такъ какъ спеціальные журналы дороги и понятны только для спеціалистовъ, то эти отдѣлы имѣютъ цѣлью въ понятномъ для всѣхъ изложеніи дать практическія указанія, особенно важныя для сельскихъ жителей. Масса матеріала помѣщается въ журналѣ, благодаря весьма убористому шрифту.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА журнала такова:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Наука и Жизнь" *„одобренъ для ученическихъ* (старшаго возраста) *библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній"* сего Министерства. — Кромѣ того, журналъ *„допущенъ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ"*.

Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе профессоры высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и за границей, а также врачи, инженеры, архитекторы и пр. Согласно постановленію общаго собранія членовъ Нижегородскаго *Кружка Любителей Физики и Астрономіи*, 28 сентября сего года, журналъ *Наука и Жизнь* избранъ постояннымъ органомъ этого кружка, для сообщенія новостей по физикѣ и астрономіи въ популярной формѣ.

Въ важнѣйшихъ центрахъ за границей имѣются постоянные корреспонденты для быстраго сообщенія всѣхъ открытій, изобрѣтеній и всевозможныхъ научныхъ новостей.

Для вполнѣ обстоятельнаго ознакомленія съ журналомъ желающіе могутъ пріобрѣсть журналъ **за два первые года (1890 и 1891) по уменьшенной цѣнѣ**, а именно по **ТРИ** рубля за каждый годъ, съ пересылкой во всѣ города.

Одинъ № для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтовыя марки, два—за три такія-же марки, три № за четыри марки и т. д.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ **всѣ** вышедшіе **№№** съ № 1 по обычной цѣнѣ, т.-е. за **ПЯТЬ** руб. въ годъ съ пересылкой.

ЦѢНА на 1893 годъ: на годъ **ПЯТЬ** руб. и на полгода **ТРИ** рубля съ пересылкой.

Адресъ: Москва, Журналу **НАУКА и ЖИЗНЬ** (Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ).

Редакторъ-издатель Dr. **М. Н. Глубоковскій.**

Приложеніе къ Русскому Обозрѣнію.

Разсказы изъ Римской исторіи V вѣка.

АЛАРИХЪ.

АГОНІЯ ИМПЕРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Амедея Тьери.

Переводъ съ французскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Льва Поливанова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

Предисловіе автора.

Паденіе западной Римской имперіи связано съ происхожденіемъ современной Европы самой тѣсною логическою связью — какъ причина и слѣдствіе. Но между тѣмъ кто изъ насъ знаетъ исторію этого паденія? Быть можетъ, ни одно историческое явленіе не оставалось менѣе извѣстнымъ. Можно сказать, что всѣ — авторы и читатели — согласились между собою осудить его на забвеніе. Какъ бы ни казалась такая опала съ перваго взгляда необъяснимою, однакоже она не есть дѣло чистой случайности; и не опасаясь впасть въ ошибку, ее можно приписать, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, двумъ весьма различнымъ между собою причинамъ: одной — ничтожной, а другой — важной. Попытаюсь изложить ихъ здѣсь кратко.

Ничтожная причина состоитъ въ томъ, что исторія послѣднихъ временъ императорскаго Рима принадлежитъ эпохѣ „Нижней имперіи“ *(Bas-Empire)*. [1]

Чтó же такое „Нижняя имперія“?

Идеалъ униженія, подлости, жалкаго ничтожества человѣческаго общества: все это выражено однимъ словомъ, и одного этого слова уже достаточно. Какой интересъ можетъ возбуждать подобная эпоха? Какую пользу можно извлечь изъ этого скучнаго списка дѣлъ безъ величія, въ лучшемъ случаѣ годныхъ

---

[1] Выраженіе понятій, относящихся къ мѣсту (нижній и верхній; какъ у насъ: Нижній Египетъ, Верхняя Италія) перенесено на понятія, относящіяся ко времени. Въ этомъ смыслѣ усвоено Французами именованіе Римской имперіи въ эпоху ея паденія отъ Константина Великаго до завоеванія ея Турками — *Bas-Empire*, „Нижняя имперія“, въ отличіе отъ *Haut-Empire*, „Верхней имперіи“, съ воцаренія Августа до паденія западной Римской имперіи.

Прим. ред.

для забвенія, если ими уже обременена память? Все это не заслуживаетъ ни безсонныхъ трудовъ автора, ни любознательности читателя.

Вотъ что повторяется у насъ ежедневно, даже въ просвѣщенномъ кругу общества, среди друзей науки. Зачѣмъ скрывать? Существуетъ какое-то нравственное отвращеніе отъ историческихъ трудовъ, имѣющихъ предметомъ „Нижнюю имперію".

Чтó же лежитъ въ основаніи этого чувства? По моему мнѣнію, очень немногое, и—мнѣ жаль это высказать—въ большинствѣ случаевъ чувство это основано только на игрѣ словъ.

Одинъ злополучный хронологъ раздѣлилъ для удобства своего труда Римскую имперію на „Верхнюю" и „Нижнюю", одну — остановившуюся въ своемъ развитіи, а другую—начавшуюся въ правленіе Константина; этому термину посчастливилось, — и въ результатѣ, помимо всякаго намѣренія автора, явилось предубѣжденіе, благопріятное для перваго изъ этихъ двухъ періодовъ и неблагопріятное для втораго. Въ умахъ мало-по-малу образовалось странное смѣшеніе понятій; слова измѣнились въ значеніи: смыслъ конкретный и хронологическій получилъ весьма страннымъ образомъ значеніе фигуральное. Отношеніе двухъ эпохъ—древнѣйшей и позднѣйшей по нисходящей лѣствицѣ годовъ—было понято какъ пониженіе нравственное второй эпохи и названіе „Нижней имперіи" получило смыслъ презрительный. Въ настоящее время на общепринятомъ языкѣ Европы и подъ перомъ ея публицистовъ *Нижняя имперія* есть бранное слово, охотно расточаемое нелюбимымъ правительствамъ и обществамъ. И вотъ поношеніе, вызванное политическими причинами, заявляетъ высокомѣрное притязаніе быть приговоромъ исторіи.

Я вовсе не хочу здѣсь брать на себя защиту Восточной имперіи противъ Западной или обратно, не имѣя ни малѣйшаго желанія проводить между ними параллель, пользуясь пріемомъ риторовъ. Я хочу сказать только, что въ нравственномъ смыслѣ, придаваемомъ теперь этому названію, первая эпоха не была до такой степени высока, а вторая до такой степени ничтожна. На ряду съ величественными фигурами, украшающими фронтиспись императорскаго Рима, нашимъ взорамъ является не мало чудовищъ, глупцовъ и безумцевъ; чтó же до послѣдующихъ временъ, то и они производили людей, которыми могли бы по всей справедливости гордиться всякая эпоха и всякое общество. Что справедливо от-

носительно монарховъ, справедливо и относительно народовъ. Въ той просвѣтительной роли, которая составляетъ преобладающее и какъ бы провиденціальное значеніе Рима, доля второй имперіи имѣетъ цѣну довольно близкую къ долѣ первой. Если первая имперія, благодаря склонности къ воинскому дѣлу и познаніямъ въ немъ, раздвигала и сохраняла предѣлы Римскаго міра, то другая, когда воинственный духъ Римлянъ ослабѣлъ, пріучала варваровъ къ защитѣ имперіи; изъ полуварварства она соорудила щитъ, чтобъ въ дни опасности укрыть имъ цивилизацію. Если Западная имперія дала народамъ вселенной, подвластнымъ ея законамъ, удивительное гражданское право, самое возвышенное и въ то же время самое практическое выраженіе общественныхъ отношеній между людьми, то Восточная имперія дала имъ въ христіанствѣ совершеннѣйшій законъ религіозный. Когда притупился древній римскій мечъ, она распространяла могущество Рима силою Евангелія. Она же еще выдержала борьбу противъ опаснѣйшаго варварства, когда-либо угрожавшаго вселенной, противъ тѣхъ безчисленныхъ ордъ, вышедшихъ изъ Азіи, надъ которыми идеи и нравы западныя не имѣли никакой власти и торжество которыхъ было бы гибелью всей цивилизаціи. Благодаря Восточной же имперіи, науки, религія, искусства и самое хранилище великихъ человѣческихъ преданій не погибли окончательно въ этомъ потопѣ. Даже среди глубочайшаго паденія, получивъ уже послѣднюю, византійскую форму, Восточная имперія все еще была покровительницей и путеводительницей міра.

Я сказалъ, что Восточная имперія была великимъ орудіемъ распространенія христіанства и поставила его религіознымъ закономъ для цивилизованныхъ народовъ: можетъ быть, въ этомъ заключается ея вина въ глазахъ нѣкоторыхъ мыслителей. Извѣстно, какимъ страстнымъ поношеніемъ историки прошлаго вѣка преслѣдовали христіанскихъ императоровъ, осуждали и часто искажали ихъ дѣйствія. Систематическое отрицаніе въ настоящее время вышло изъ моды, но приговоры его все еще остаются въ силѣ, и мы безсознательно подчиняемся имъ. Эта привычка относиться съ презрѣніемъ къ христіанской эпохѣ римскаго міра, завѣщанная намъ XVIII вѣкомъ, находитъ себѣ подкрѣпленіе и въ предубѣжденіяхъ нашего школьнаго воспитанія. Мы пріучены представлять себѣ Римлянъ не иначе, какъ въ театральномъ обликѣ, въ костюмѣ условномъ, и не узнаемъ ихъ,

лишь только они перемѣнили одежду. Римлянинъ, запечатлѣнный нашей памятью, не долженъ имѣть въ себѣ почти ничего человѣческаго: мы представляемъ его себѣ горделивымъ, повелительнымъ, непоколебимымъ, всегда съ мечемъ въ рукѣ и съ угрозой на устахъ, всегда задрапированнымъ въ тогу или вооруженнымъ жезломъ Попилія. Но если онъ, спустившись съ этихъ подмостковъ, явится предъ нами болѣе человѣчнымъ; если онъ обратится къ людямъ съ рѣчью о мирѣ, а не о битвахъ, о братствѣ, а не о постоянной враждѣ, если пожелаетъ властвовать посредствомъ убѣжденія, а не силы; если онъ, наконецъ, съ геройскимъ постоянствомъ борется противъ безмѣрныхъ бѣдствій, но борется такъ, какъ можетъ бороться обезсиленный и побѣждаемый, то мы безжалостно отрекаемся отъ него: это не болѣе какъ Римлянинъ выродившійся; онъ оскорбляетъ наши привычныя чувства и заслуживаетъ только презрѣнія.

Приступая къ изученію лѣтописей Восточной Римской имперіи, я могъ бы пренебречь этими традиціонными или школьными предразсудками, для чего не потребовалось бы особенной смѣлости, — но тотчасъ же я встрѣтился бы съ другимъ затрудненіемъ, о которомъ я уже упоминалъ и которое призналъ весьма важнымъ. Оно состоитъ въ недостаткѣ единства: исторія Восточной Римской имперіи лишена его совершенно: въ этомъ ея коренной недостатокъ. Начиная съ Константина, одновременно существуютъ двѣ великія метрополіи съ двумя сенатами, два центра политической дѣятельности: одна господствуетъ надъ Западомъ съ высоты холмовъ Тибра; другая, находясь между Средиземнымъ моремъ и Понтомъ Эвксинскимъ, блюдетъ Востокъ. Около нихъ образуются двѣ группы однородныхъ интересовъ, связанныхъ между собою главнымъ образомъ единствомъ языка и преданіями прошлаго. Завоеванія Александра составляютъ римскій міръ Востока; завоеванія Сципіона и Цезаря—римскій міръ западный. Въ каждомъ изъ нихъ развертывается особый рядъ событій въ зависимости отъ стремленій расы и потребностей даннаго положенія. Оба ряда смѣшиваются между собою, и послѣдствіемъ этого являются двѣ исторіи, въ одно и то же время и связанныя и раздѣленныя, за двойнымъ развитіемъ которыхъ историку предстоитъ слѣдить, не теряясь: непомѣрное затрудненіе для автора и большая тягость для читателя, вниманіе котораго истощается разсказами, непрестанно прерываемыми,

не удовлетворяющими самому основному требованію всякаго художественнаго произведенія—его единству.

Недостатокъ этотъ, уже весьма замѣтный съ IV столѣтія, вслѣдствіе той двойственности, которая изъ двухъ половинъ одной и той же имперіи образуетъ два отдѣльныя государства, впослѣдствіи соперничествующія и враждующія, достигаетъ крайней степени на Западѣ, въ эпоху раздробленія, произведеннаго германскими завоеваніями. Исторія этого времени раздробляется такъ же, какъ римская территорія. Каждая провинція становится особою политическою единицею, которая, въ свою очередь, согласно движенію событій, дѣлится на единицы низшаго порядка. Единая жизнь, такъ сказать, улетучивается сквозь всѣ поры этого разлагающагося огромнаго тѣла: исторія должна ловить ее на лету и удостовѣрять своимъ свидѣтельствомъ ея видоизмѣненія.

Галлія, Британнія, Испанія, Африка, предоставленныя новому существованію, требуютъ изученія, независимаго отъ Италіи, съ которой теперь онѣ имѣютъ связь только номинальную, и которая сама уже тяготѣетъ къ инымъ предназначеніямъ. Образуются германскія государства: одни временныя, другія долговѣчныя, принимая свои собственныя формы, болѣе или менѣе варварскія или римскія. Въ Галліи возникло три такихъ государства, къ которымъ слѣдуетъ присовокупить въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ еще небольшое независимое государство—Арморику—и тотъ остатокъ римскихъ владѣній, который, почти противъ воли Рима, упорно сохранился при устьѣ Роны. На островѣ Британніи римскіе и туземные элементы, предоставленные самимъ себѣ, производятъ странныя сочетанія, исчезающія въ волнахъ саксонскаго вторженія. Въ Испаніи, въ Африкѣ иныя варварскія государства, иныя условія раздробленія, иныя историческія единицы; и въ это самое время Италія, переживая одинъ переворотъ за другимъ, подпадаетъ подъ власть народа чужеземнаго. Если историкъ не держитъ этотъ мотокъ рукой твердою и не умѣетъ разомъ управлять всѣми его нитями, то исчезаетъ исторія, и передъ глазами читателя проходитъ только рядъ картинъ безъ связи и значенія, подобныхъ декораціямъ драмы, самое дѣйствіе которой остается неизвѣстнымъ.

Высказывая все это, я боюсь, что невольно осуждаю одну почтенную во многихъ отношеніяхъ книгу: *Исторію Нижней Импе-*

рiи Лебо. Труду этому нельзя отказать ни въ учености, ни въ правильности стиля, ни въ здравомъ критическомъ взглядѣ; но какая въ немъ путаница! Кто изъ читателей не потеряется сто разъ въ лабирантѣ этихъ разсказовъ, ежеминутно прерываемыхъ и возобновляемыхъ, чтобы быть снова прерванными? Историкъ стоящій несравненно выше Лебо какъ писатель и мыслитель, Гиббонъ, отчасти избѣжалъ указаннаго мною подводнаго камня, придавъ своему труду характеръ философскій, что́ позволило ему сокращать разсказъ, дѣлать выборъ событій и порою прибѣгать къ общимъ выраженіямъ. Но какъ ни увлекательно изложеніе въ этомъ знаменитомъ трудѣ и какъ ни внушительно величіе его рисунка, но въ немъ слишкомъ замѣтенъ недостатокъ подробностей, а подробности—душа исторіи.

Цѣль моей книги — при помощи новаго труда, освѣтить нѣсколькими новыми лучами событія V вѣка христіанской эры,—вѣка, столь важнаго, столь драматическаго и такъ мало извѣстнаго. Частный характеръ моей книги и ограниченные размѣры ея рамы отнюдь не дозволяютъ мнѣ дать ей нѣсколько притязательное названіе „исторіи“, и потому я избралъ болѣе скромное названіе „разсказовъ“, освященное впрочемъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ представителей исторической науки. Тѣмъ не менѣе между его „Разсказами изъ временъ Меровинговъ“ и моими „Разсказами изъ Римской исторіи V вѣка“ сходства болѣе въ заглавіяхъ, нежели въ содержаніи и цѣли. Изобразить рельефно въ рядѣ эпизодическихъ картинъ разнообразные типы галло-франкскаго общества, не принуждая себя строго слѣдовать хронологическому порядку событій—такова была цѣль, которую поставилъ себѣ мой учитель и братъ, незабвенный Огюстенъ Тьерри, и которую онъ сумѣлъ осуществить чарами своего таланта. Извѣстно, съ какимъ невѣдомымъ до него искусствомъ онъ сумѣлъ воскресить и привести въ движеніе личности поблекшія, затерянныя, такъ сказать, въ безчисленныхъ толпахъ, являющихся въ исторіи. Я же, наоборотъ, желалъ въ разсказахъ, связанныхъ хронологически, возсоздать многознаменательный періодъ Римской имперіи. Для меня основаніемъ была исторія, а отдѣльные типы—дѣломъ второстепеннымъ. Различіе взглядовъ и намѣреній вытекаетъ изъ самаго плана обоихъ трудовъ: надѣюсь, что снисхожденіе моихъ читателей пощадитъ мой трудъ отъ опасностей дальнѣйшаго сопоставленія.

АЛАРИХЪ.

Документы, относящіеся къ V столѣтію, несмотря на столь признанную всѣми ихъ скудость, дозволили мнѣ, однако, достигнуть достаточной полноты подробностей. Подъ сухостью и загадочной краткостью лѣтописцевъ весьма часто таятся драгоцѣнныя указанія, для уразумѣнія которыхъ требуется глубокое знаніе учрежденій и обычаевъ, потому что краткіе лѣтописцы имѣли въ виду лишь тѣхъ, кто уже былъ знакомъ со всѣмъ этимъ. Сверхъ того одновременно надо читать представителей литературы въ тѣсномъ смыслѣ: авторовъ писемъ, панегиристовъ, агіографовъ и поэтовъ.

Я собралъ дань со всѣхъ этихъ писателей; они не только дополняютъ исторію сообщеніемъ множества частныхъ фактовъ, но, что̀ еще важнѣе, они посвящаютъ насъ въ общую жизнь своего времени. Я имѣлъ возможность также полною горстію черпать въ *сокровищницѣ* византійской исторіи: я съ намѣреніемъ употребляю это слово, чтобъ охарактеризовать собраніе почти оффиціальныхъ документовъ или по крайней мѣрѣ принадлежащихъ перу людей, хорошо освѣдомленныхъ и опытныхъ въ общественыхъ дѣлахъ: ибо Греція въ V и VI вѣкахъ еще сохраняла свою древнюю славу учености, въ то время, когда на Западѣ свѣтъ ея уже угасалъ. Благодаря разнообразію источниковъ и большому числу авторовъ, является возможность исторически возстановить эту эпоху въ достаточной полнотѣ.

Быть можетъ, я обманутъ призраками, которые вызываются въ насъ нашими собственными мыслями, но мнѣ казалось, что изученіе послѣднихъ временъ Рима удивительно способствуетъ пониманію его первыхъ временъ. Чтобъ обнять однимъ взглядомъ обширную Имперію, столь глубоко отмѣченную печатью Провидѣнія, нужно взглянуть на нее съ высоты ея развалинъ. Та цѣль, къ которой стремилась она роковымъ образомъ, ея истинный характеръ въ движеніи человѣческихъ обществъ и предѣлы, положенные ея величію тѣмъ самымъ закономъ, который ее создалъ,—все это съ полною очевидностію уясняется только при ея послѣднемъ часѣ. Изъ этой могилы Вѣчнаго Города проливается невѣдомый лучъ свѣта, которымъ озаряется его колыбель. Рожденный въ вертепѣ разбойниковъ и изгнанниковъ, Римъ выходитъ оттуда, чтобъ объединить народы. Оружіемъ долго служатъ ему насиліе и коварство, но изъ нѣдръ самаго суроваго угнетенія, какое когда-либо существовало, однакоже возникаетъ

общество, обладающее въ качествѣ человѣческаго права *начертаніями разума*, а въ качествѣ права божественнаго—Евангеліемъ. Способы его дѣйствій съ теченіемъ времени измѣняются, но цѣль остается неизмѣнною. Въ свои тяжелыя времена онъ продолжаетъ дѣло, начатое въ дни счастливые: побѣжденный, онъ довершаетъ то, чтó побѣды его оставляли неоконченнымъ. Мы видимъ, какъ переходитъ онъ отъ насилія къ убѣжденію, отъ угнетенія къ справедливости, отъ высокомѣрнаго повелѣванія къ ученію о правѣ и милосердіи; царь и въ мирѣ и въ войнѣ, онъ всегда владычествуетъ надъ міромъ. То самое орудіе, которое онъ хотѣлъ разбить въ дни своей гордыни, часто поднимаетъ его изъ униженія и его спасаетъ. То побѣждаетъ онъ внѣ своихъ предѣловъ, то несетъ просвѣщеніе къ варварамъ, самымъ отдаленнымъ; то побѣдоносный въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ онъ подчиняетъ тѣхъ, кого непреодолимая необходимость двинула до самаго сердца его имперіи. Какъ недавно онъ уподоблялъ себѣ своихъ подданныхъ, такъ себѣ уподобляетъ теперь своихъ властителей. Эта послѣдняя борьба между безсмертнымъ могуществомъ идей и грубою силой, яростно устремившейся со всѣхъ концовъ свѣта, борьба побѣдоносная для Рима,—представляетъ зрѣлище величественное и печальное: такова исторія V вѣка.

Сколько противоположностей въ теченіе двѣнадцати вѣковъ жизни этого народа, который съ береговъ Тибра распространяется по всему міру, замѣняя повсюду идеальнымъ отечествомъ своихъ учрежденій и обычаевъ народности, склонившіяся къ его ногамъ! Противъ воли присоединенные къ его Имперіи, но ставшіе братьями подъ его закономъ, всѣ народы поочередно появляются въ качествѣ Римлянъ, красоваться подъ тогой гражданина или подъ плащемъ легіонера. Карѳагенъ гордится названіемъ африканскаго Рима, и побѣжденные Цезаремъ ораторствуютъ въ Капитоліи. Галлія, Испанія, Африка, Сирія, Паннонія отдаютъ свои богатства, свою кровь, свой геній къ услугамъ этого *города, ставшаго вселенною*, по прекрасному выраженію одного Галла, поэта и римскаго префекта. [1] Онѣ производятъ для него знаменитыхъ полководцевъ, ораторовъ, законовѣдовъ, поэтовъ, и, наконецъ, императоровъ. Въ V столѣтіи наступила очередь Гер-

---

[1] Urbem fecisti, quod prius orbis erat. (Rut. Num., *Itin.*)

манцевъ. Въ эту эпоху они встрѣчаются повсюду: въ сенатѣ, въ литературѣ, въ особенности же въ войскѣ; они имѣютъ притязаніе быть Римлянами, даже сражаясь противъ знаменъ Рима. Аларихъ разграбляетъ Вѣчный Городъ потому, что тотъ отказалъ ему въ званіи начальника милиціи.

По самому странному изъ противорѣчій, христіанство, которое Римъ желалъ задушить въ самой колыбели, какъ врага своего могущества, является его лучшею охраной въ продолженіе двухъ столѣтій и самымъ сильнымъ помощникомъ въ дѣлѣ объединенія народовъ: варваръ-христіанинъ есть уже полу-Римлянинъ. На страницахъ нашихъ *Разсказовъ* будутъ неоднократно выступать подобныя противорѣчія то между учрежденіями, то между народностями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Римъ и Константинополь.

Состоянiе Римской имперiи во время смерти Θеодосія.—Аркадій.—Гонорій.—Галла Плацидія.—Соперничество между Римомъ и Константинополемъ.—Руфинъ: его происхожденіе, характеръ, лихоимство, роскошь.—Крещеніе Руфина.—Стилихонъ: его справедливость, безкорыстіе.

Два важные переворота, получившіе имена отъ двухъ великихъ императоровъ, начинаютъ и заканчиваютъ IV вѣкъ; и такъ какъ вся римская политика въ то время была поглощена религіей, то оба эти переворота были религіозными.

Открытый Константиномъ, первымъ императоромъ христіанскимъ, вѣкъ этотъ законченъ Θеодосіемъ, первымъ императоромъ православнымъ. Константинъ сдѣлалъ изъ христіанства вторую религію государства на ряду съ многобожіемъ. Θеодосій пожелалъ, чтобы въ имперіи была только одна государственная и общенародная религія, а въ лонѣ христіанства только одно исповѣданіе, именно установленное на Никейскомъ соборѣ и названное *каѳолическимъ*.

Этому великому дѣлу религіознаго объединенія онъ посвятилъ все свое могущество и весь геній. Чтобы положить основаніе этому объединенію на Востокѣ, онъ принялъ изъ рукъ Граціана Константинопольскую имперію, преданную со временъ Констанція всевозможнымъ лжеученіямъ, а чтобъ упрочить дѣло объединенія и на Западѣ, онъ выдержалъ двѣ грозныя борьбы противъ тирановъ Máксима и Евгенія [1], поддерживаемыхъ римскимъ сенатомъ.

---

[1] Въ 380 году Граціанъ былъ свергнутъ съ престола и убитъ полководцемъ Máксимомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Θеодосій согласился признать Максима императоромъ съ тѣмъ, чтобъ онъ властвовалъ лишь по ту сторону Альповъ и уступилъ Италію, Африку и Иллирію брату Граціана, Валентиніану II. Въ 387 году Máксимъ неожиданно вторгся въ Италію. Малолѣтній Валентиніанъ II и мать его Юстина искали себѣ убѣжища у Θеодосія, и въ слѣдующемъ году Θеодосій выступилъ противъ Máксима, разбилъ и казнилъ его. Вскорѣ Θеодосію снова пришлось возвращать Западную имперію изъ рукъ узурпаторовъ—франка Арбогаста и старшаго придворнаго нотарія Евгенія.

Прим. ред.

Послѣднее изъ этихъ столкновеній представило міру странное зрѣлище союза сектантскихъ исповѣданій христіанства съ язычествомъ во имя свободы вѣроисповѣданія; подъ покровительствомъ римскаго сената, ученія, отвергаемыя церковью, подавали руку самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ магіи, чтобы вмѣстѣ ополчиться противъ православной вѣры. Но они сами были разбиты въ лицѣ Евгенія и Арбогаста у подножія Юлійскихъ Альпъ, на берегахъ Холодной рѣки 6 сентября 394 года, послѣ битвы, долго бывшей нерѣшительною;[1] тогда законъ религіознаго объединенія могъ быть провозглашенъ въ Италіи. Но во всякомъ случаѣ побѣдитель былъ сраженъ на смерть. Одержимый водянкой, двоякимъ слѣдствіемъ военныхъ тягостей и бурныхъ политическихъ волненій, Ѳеодосій вступилъ въ Миланъ только для того, чтобы вскорѣ покинуть его въ гробѣ.[2]

Болѣзнь, уносившая такимъ образомъ основателя каѳолическаго единенія спустя пять мѣсяцевъ послѣ трудно доставшейся побѣды, грозила унести съ нимъ и его созданіе. Если Востокъ окончательно былъ покоренъ его предначертаніямъ, то на Западѣ онъ выигралъ только сраженіе. Армія Евгенія не была разсѣяна, побѣдители и побѣжденные при Холодной рѣкѣ все еще находились на лицо, готовые по первому же знаку вновь вступить въ борьбу[3]. Оправившись отъ перваго испуга, партія религіозныхъ отступниковъ отовсюду собирала свои разсѣянные обломки, между тѣмъ какъ неразумныя строгости, обнародованныя противъ вождей сената въ опьяненіи успѣхомъ, только усиливали ихъ вліяніе и побуждали ихъ къ новымъ попыткамъ. Казалось, что миръ зависѣлъ отъ послѣдняго вздоха умирающаго императора. А потому по мѣрѣ того, какъ болѣзнь приближалась къ неизбѣжно предвидѣнному концу, сенатъ, центръ всѣхъ противодѣйствій, принн-

---

[1] Juxta fluvium qui Frigidus cognominatur. Philostorg. *Eccl. ex hist. excerpta*, XI. 2 ap. ***H.*** *Valesii Scriptor. hist. eccl.*, t. III, Par., 1673.— Claudian., *de Tertio consul. Honorii.*, v. 99.—Socrat. v. 14.

Это Виппахъ, впадающій въ Изонцо. См. мою «исторію Галліи подъ римскимъ владычествомъ», X, гл. 3.

[2] Ѳеодосій умеръ 17 января 395 года. *Прим. ред.*

[3] Stringebat vetitos etiamnum exercitus enses
Alpinis odiis, alternaque jurgia victi
Victoresque dabant...
Claud. de bell. Gild., v. 204.

малъ все болѣе надежное и независимое положеніе; языческая армія волновалась, а изгнанники болѣе не покидали Италіи.

Душа Ѳеодосія смутилась при видѣ столькихъ затрудненій, которыя онъ долженъ былъ оставить въ наслѣдіе своимъ юнымъ сыновьямъ, слабымъ какъ тѣломъ, такъ и душою и не подающимъ надежды сдѣлаться когда-либо мужами; отецъ трепеталъ за свою семью, государственный человѣкъ за свою идею, православный за свою вѣру, и эта воля, столь смѣлая, настойчивая и исключительная, отступила передъ собственнымъ созданіемъ. Рукою, уже на половину скованною холодомъ смерти, побѣдитель Евгенія начерталъ статьи закона объ амнистіи [1], завѣщая, сверхъ того, находившемуся при немъ въ эту великую минуту министру, котораго назначалъ главнымъ совѣтникомъ своихъ сыновей, политику, болѣе терпимую, нежели его собственная, и возвращеніе къ соглашенію партій [2]. Таково было завѣщаніе Ѳеодосія, на половину устное, на половину письменное, которое, будучи перетолковываемо, разъясняемо, дополняемо, одобряемо одними и отвергаемо и оспариваемо другими, впослѣдствіи вызвало такъ много споровъ и кровавыхъ распрей. Подъ тяжестью этихъ горькихъ предчувствій, послѣдній изъ великихъ цезарей вручилъ свою душу Богу, дѣлу котораго онъ служилъ шестнадцать лѣтъ съ горячею убѣжденностью.

I.

Министръ, присутствовавшій у смертнаго одра Ѳеодосія и получившій отъ него устныя наставленія относительно его сыновей [3], былъ по происхожденію варваръ, начальникъ милиціи, Стилихонъ, котораго Ѳеодосій сдѣлалъ почти своимъ зятемъ, женивъ на своей племянницѣ Серенѣ, воспитанной при немъ на правахъ дочери. Онъ счелъ благоразумнымъ, умирая, вручить

---

[1] Praecepit dari legem indulgentiae, quam scriptam reliquit. Ambros. *de obit. Theodosii*, 5 Opp., t. II, col 1199, ed. Benedict.

[2] Res incompositas, fateor, tumidasque reliqui.
Claud. de Bell. Gild., v. 293.

[3] Eos praesenti conmendaret parenti: et de subditis sibi et commissis testari debuit, ut legata dimitteret fidei commissa signaret. Ambros. *de Obit. Theodosii*, 5.

попеченіе о всѣхъ своихъ близкихъ этому облагодѣтельствованному имъ человѣку, поручая ему оффиціальное опекунство надъ Гоноріемъ, своимъ вторымъ сыномъ, которому оставлялъ Западную имперію; онъ просилъ его также наблюдать и за старшимъ, Аркадіемъ, уже императоромъ Востока, и не дѣлать между ними никакого различія въ своей любви къ нимъ [1]. Эту благочестивую заботливость умирающаго отца о сыновьяхъ, это порученіе покровительства, данное зятю и другу, Стилихонъ впослѣдствіи представилъ актомъ политическимъ, особымъ полномочіемъ руководить обоихъ государей и быть регентомъ обѣихъ имперій [2]. Но Аркадій имѣлъ при себѣ, въ лицѣ префекта преторіи, другаго министра своего отца, которому послѣдній, покидая Константинополь, поручилъ охрану этого сына и управленіе восточными владѣніями. Префектъ Аркадія не былъ изъ числа людей, которые допускаютъ себя смѣстить безъ сопротивленія. Изъ этого обстоятельства можно было предвидѣть не одинъ поводъ для раздора; и дѣйствительно, едва только православный императоръ закрылъ глаза, какъ распря уже возгорѣлась вокругъ его гроба, готовая распространиться изъ его семьи по всей имперіи.

Аркадію въ то время было восемнадцать лѣтъ, и наружность его съ перваго же взгляда обличала слабость духа и тѣла. Онъ былъ малъ ростомъ, худъ, почти черенъ, и его робкое лицо, полуопущенныя вѣки придавали ему видъ человѣка постоянно сонливаго, которому недостаетъ полноты жизни [3]. Умъ его не былъ живѣе. Соправитель императора съ шестилѣтняго возраста и, благодаря особенной отеческой предусмотрительности, порученный при обученіи двоякому руководству православнаго священника и языческаго философа [4], старшій сынъ Θеодосія не имѣлъ возможности слышать ничего, кромѣ лести своихъ угодниковъ и наставленія дворцовыхъ эвнуховъ. Отъ обращенія съ

[1] ....Geminos dextra tu protege fratres.
Claud. de Tertio consul. Honorii, v. 153.

[2] ....Tibi credita fratrum
Utraque majestas.
Claud. *In. Ruf.* 11, v. 5—6.

[3] Arcadius, brevis statura, et habitu corporis tenuis, et viribus infirmus, et colore niger fuit. Mentis quoque socordia, tum ex ejus sermonibus, tum ex conviventibus oculis apparebat, qui dormientium more clausi, aegre admodum aperiebantur. Philostorg., XI, 3.

[4] Арсенія и Θемистія.—Coteler., Monum. eccl. graecae. t. II, p. 248 et 258.

этими послѣдними онъ усвоилъ непомѣрную гордость, глубокое коварство и хотя хорошо скрываемую, но тѣмъ не менѣе неутолимую ненависть къ префекту преторіи Руфину, котораго отецъ назначилъ его опекуномъ.

Моложе брата на семь лѣтъ, довольно красивый [1] и болѣе живой въ своихъ движеніяхъ, Гонорій, второй сынъ Θеодосія, былъ въ сущности не умнѣе и не болѣе похожъ на нормальнаго человѣка, чѣмъ первый; ко времени его возмужалости у него стало даже проявляться странное расположеніе духа, соединеніе холодности и страсти, выражавшееся въ рѣзкихъ переходахъ отъ продолжительной апатіи къ внезапнымъ и мимолетнымъ вспышкамъ, въ чемъ нѣкоторые находили знакъ похвальной воздержности [2], тогда какъ другіе склонны были видѣть не что иное, какъ природное безсиліе, подтверждавшееся безплодіемъ его обоихъ браковъ. По этому поводу ходили слухи, будто бы жена Стилихона, Серена, движимая желаніемъ возвести на императорскій престолъ своего собственнаго сына, угасила въ молодомъ Гоноріи, при помощи какого-то снадобья, всякую возможность имѣть потомство [3], что́ однако не помѣшало ей впослѣдствіи выдать за него двухъ своихъ дочерей. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ подчиненъ своему брату, старшему возрастомъ и саномъ, новый повелитель Запада претерпѣлъ отъ него или отъ его прислужниковъ униженія, за которыя горѣлъ желаніемъ отомстить, когда въ свою очередь вступитъ на престолъ. Таковы были оба государя, преемники Θеодосія.

За Гоноріемъ въ императорской семьѣ слѣдовала сестра, дочь отъ втораго брака ихъ отца съ прекрасною Галлой, дочерью императрицы Юстины и Валентиніана I, въ которую влюбился Θеодосій при первой же встрѣчѣ; такъ неотразимы были ея чары [4].

Галла Плацидія была еще совсѣмъ ребенкомъ, когда умеръ ея отецъ, но въ ребенкѣ этомъ, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ красоты, напоминавшей мать, уже проявляется живой возвышенный умъ, непоколебимая воля и душа болѣе гордая, чѣмъ нѣжная, болѣе

---

[1] Claud. *In Nupt. Honorii et Mariae fescenn.*, passim.

[2] ...Admiranda in rege continentia... Oros., VII, 37.

[3] Zosim. v. 28, ed. Bekker, ap. *Scriptor. hist. byz.* Bonn.—См. ниже.

[4] По этому поводу см. мою «Исторію Галліи подъ римскимъ владычествомъ», кн. X, гл. 3.

склонная къ ненависти, нежели къ любви. Мать ея умерла почти въ минуту ея рожденія, и Ѳеодосій поручилъ ее попеченіямъ Серены [1], которая не очень заботилась о томъ, чтобы щадить этотъ раздражительный характеръ, или же не умѣла за это взяться. Сама Серена не была женщиной обыкновенною. Въ имперіи на нее смотрѣли, какъ на важный членъ императорскаго дома, и поэты не задумывались въ своихъ стихахъ давать ей титулы царицы или императрицы [2]; она съ самодовольствомъ принимала эти не принадлежавшія ей имена, гордая великимъ императоромъ, дядею своимъ, въ особенности гордая своимъ мужемъ, первымъ военачальникомъ римскаго міра, и это высокомѣріе поддерживалось въ ней твердымъ умомъ и великимъ сердцемъ. Эти четыре личности составляли семейство Ѳеодосія. Какъ видно, мужественность въ этой семьѣ покидала мужчинъ, отличая однѣхъ женщинъ.

Скрытая зависть, таившаяся въ сердцахъ обоихъ братьевъ, для того, чтобы вырваться наружу, должна была сильно возбудиться взаимною враждою ихъ министровъ и соперничествомъ ихъ подчиненныхъ. Оба Рима—новый и старый—съ тѣхъ поръ, какъ Ѳеодосій поставилъ ихъ лицомъ къ лицу, никогда не смотрѣли другъ на друга дружелюбно: метрополія Тибра не прощала метрополіи Босфора ея блеска, богатства и того предпочтенія, которое оказывали ей христіанскіе императоры; въ особенности она не прощала ей того, что та отняла у Италіи лучшую часть ея завоеваній.

Константинополь же, съ своей стороны, заимствовалъ отъ населявшихъ его Грековъ убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ надъ Римомъ, основаннымъ народностями латинскими.

Дѣйствительно, вокругъ города Константинова образовалась имперія, населеніе которой говорило по-гречески, склонная отдѣлиться отъ Запада и противопоставить себя Италіи, какъ лучшая часть римскаго міра, болѣе просвѣщенная и болѣе предпріимчивая: имперія тщеславная, хвастливая, задорная, какъ и составлявшія ее народности. Раздѣленная отъ стараго Рима языкомъ и нравами, она стремилась къ отдѣленію болѣе суще-

---

[1] Tillemont, Hist des Empereurs, t. V.

[2] ...Si floribus ornes (Calliope)
Reginae, regina, comam...
Claud., *Laus Serenae reginae*, v. 4—5 et passim

ственному—въ управленіи и политикѣ. Соперничество это, воодушевлявшее народности Востока и Запада, Константинополь и Римъ, въ рукахъ честолюбцевъ могло обратиться въ страшное орудіе народныхъ волненій и войнъ: опекуны обоихъ государей не замедлили этимъ воспользоваться, и въ то время, какъ Руфинъ сдѣлался представителемъ исключительно интересовъ Востока изъ ненависти къ Стилихону, послѣдній изъ ненависти къ Руфину взялъ на себя защиту исключительно интересовъ западныхъ.

Между Константинополемъ и Римомъ возникла новая причина соперничества, которая на этотъ разъ была не воображаемою, а дѣйствительно тяжело отражалась на равновѣсіи римскаго міра. Древняя Греція, лишенная своего наслѣдственнаго имени (ее называли тогда Восточною Иллиріей), зависѣла до царствованія Θеодосія отъ имперіи Западной, какъ придатокъ Италіи. [1] Въ этомъ административномъ раздѣленіи было нѣчто противоестественное, что̀ оскорбляло обычаи и историческія преданія, потому что Греція, чуждая народностямъ Запада, сообщила свой языкъ, литературу, искусства всѣмъ восточнымъ странамъ Рима; ея дыханіе оживляло эту половину римскаго міра, и Константинополь былъ не что иное, какъ городъ греческій.

Граціанъ, вручая Θеодосію Восточную Иллирію [2], занятую въ то время Готами, имѣлъ цѣлью лучше организовать защиту Константинополя: для него повидимому это было лишь мѣрой временною, но Θеодосій въ силу соображеній болѣе высокихъ, пожелалъ такое распредѣленіе утвердить окончательно. Когда на смертномъ одрѣ своемъ онъ назначалъ доли обоихъ своихъ сыновей въ римскихъ владѣніяхъ и опредѣлялъ области, которыя должны быть пріурочены къ каждой изъ метрополій, то онъ причислилъ Восточную Иллирію къ владѣніямъ Константинополя, то есть къ долѣ Аркадія [3]. Такимъ образомъ Македонія, оба Эпира, Θессалія и Ахаія примкнули въ военномъ отношеніи къ областямъ нижняго Дуная, котораго касались горною цѣпью Гемуса, и обѣ Греціи, будучи подвластными одному управленію, не имѣли между собою иной границы, кромѣ Эгейскаго моря.

---

[1] Zosim., IV, 3.

[2] Sozomen., VII, 4, ap. Valesii Scriptor. hist. eccl., t. II. Par., 1668.

[3] Theodosius, Italiae populis et Hispanis et Celtis et universa praeter haec Africa, Honorio traditis... Zosim., IV, 59.

Эти соображенія, несмотря на всю ихъ основательность, не были убѣдительны для жителей Запада. Въ этой разумной политической мѣрѣ Римъ усмотрѣлъ только мщеніе Ѳеодосія. Гонорій счелъ себя обдѣленнымъ въ пользу брата, и Стилихонъ, уступая голосу общественнаго мнѣнія, рѣшился высказать желаніе, чтобы раздѣлъ, предписанный покойнымъ императоромъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ никто не осмѣлился противиться открыто предъ лицемъ этого трупа, внушавшаго къ себѣ уваженіе. Ѳеодосій и въ саванѣ все еще царствовалъ, какъ будто мечъ его не былъ уже скованъ смертію.

Перемиріе продолжалось не долго, благодаря министрамъ, которые первые нарушили его. Ѳеодосій, столь великій сердцемъ, не обладалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ государя: умѣніемъ распознавать людей. Если бы онъ задался мыслію возбудить раздоръ между престолами своихъ сыновей, то ничто не могло бы осуществить эту мысль лучше назначенія опекунами Руфина и Стилихона. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было найти что-либо менѣе сходное, чѣмъ эти два лица, роковымъ образомъ столкнувшіяся въ преслѣдованіи одной и той же цѣли—пріобрѣтенія власти. Монархъ, превосходившій ихъ своимъ геніемъ и потому умѣвшій обратить ихъ въ свои полезныя орудія, недостаточно подумалъ о томъ, что послѣ его смерти самые ихъ таланты, взаимная ненависть, ихъ авторитетъ, ни въ комъ не встрѣчавшій противовѣса, — могутъ привести или къ порабощенію его сыновей, или же къ потрясенію его имперіи.

Правитель Востока Руфинъ былъ Галлъ, родившійся въ городѣ Элузѣ (нынѣ Эозъ [1], у подножія Пиренеевъ, подъ аквитанскимъ небомъ, одно дыханіе котораго, казалось, надѣляло сыновъ его склонностію къ приключеніямъ и честолюбіемъ. Возвысившійся изъ положенія самаго низкаго до самаго высокаго только силою своего ума, вмѣстѣ смѣлаго и прозорливаго, настойчиваго и гибкаго, притомъ совершенно лишенный совѣстливости, Руфинъ представляетъ законченный образецъ римскаго авантюриста конца IV вѣка. Если вѣрить одному преданію, въ которомъ нельзя не видѣть преувеличенія народной ненависти, то лавчонка ничтожнаго башмачника [2] пріютила колыбель того,

[1] Claud., In Ruf., 1., V, 137.

[2] Georgii Codini Origines seu antiquitates Constantinopolitanae, Lutet., 1655, p. 38, d.

кто въ послѣдствіи долженъ былъ превзойти великолѣпіемъ Лукулла, а безмѣрными хищеніями оставить далеко позади себя славу безчестнаго Верреса: какъ бы то ни было, Руфинъ родился бѣднякомъ, въ провинціальной семьѣ, также бѣдной и безъ имени.

Одинъ современный поэтъ изображаетъ, какъ фурія, враждебная Риму, устремляется изъ адскихъ нѣдръ, чтобы вырвать Галла изъ подъ отеческаго крова и повергнуть его на имперію [1]: эта фурія, какъ кажется, олицетворяетъ то лихорадочное честолюбіе, которымъ былъ одержимъ тогда каждый Римлянинъ, и ничтожный, и знатный, жажду наживы и надежду достигнуть легко всего въ этомъ обществѣ, непрестанно потрясаемомъ. Итакъ, стряхнувъ съ себя иго семейной бѣдности, Руфинъ покинулъ Галлію, чтобы подобно столькимъ другимъ пуститься на поиски счастія. Чувство, толкнувшее его на путь приключеній, не обмануло его. Образованіе, начатое, вѣроятно, въ аквитанскихъ школахъ Тулузы или Бордо, гдѣ преподавали хорошіе риторы и грамматики, проходило и было закончено на скорую руку. Высокая и благородная осанка, взоръ огненный, рѣчь обильная и свободная—все это сразу привлекало къ нему вниманіе [2]; но главнымъ орудіемъ его успѣха былъ его живой, самобытный, блестящій умъ [3], его смѣтливость, легко ко всему примѣнявшаяся, рѣдкое умѣніе распознавать людей, въ особенности которые казались ему пригодными для его цѣлей, и наконецъ изворотливость, граничащая съ геніальностью.

Сначала мы видимъ его въ Миланѣ и Римѣ—мѣстопребываніи св. Амвросія и Симмаха—присматривающимся ко всему скромнымъ наблюдателемъ, настолько осторожнымъ, чтобы не вмѣшиваться въ религіозныя распри, а можетъ быть, въ глубинѣ души къ нимъ совершенно равнодушнымъ. Онъ втирается въ милость двухъ знаменитыхъ вождей, въ то время оспаривавшихъ въ Италіи другъ у друга церковное управленіе, и пользуется равнымъ расположеніемъ обоихъ: св. Амвросій удостоиваетъ его имени друга [4], а Симмахъ, рѣшавшій литературныя репутаціи на Западѣ, объявляетъ его человѣкомъ краснорѣчивымъ, обла-

[1] Claud. In Ruf., 1, V, 25—175.

[2] Rufinus procero corpore, et virilis animi fuit, solertiam vero ejus, tum oculorum motus, tum linguae facundia declarabat. Philostorg, XI, 3.

[3] Symm., Ep. III, 82, 83 et 88.

[4] Ambros. Ep. II, Opp., t. II.

дающимъ тонкимъ вкусомъ и аттическою солью въ остротахъ и что́ еще удивительнѣе, превозноситъ искренность его слова и правдивость его сообщеній [1]. Правда, позже и онъ, и св. Амвросій измѣнили свои отзывы; но всѣ рано усмотрѣли въ Руфинѣ человѣка, съ которымъ слѣдовало обращаться осторожно. Таковы были его первые шаги на Западѣ. Въ Римѣ, гдѣ доступъ къ богатству и власти охранялся могущественною и ревнивою аристократіей, ему не давалось то, чего онъ искалъ, и вотъ онъ обратилъ свои взоры на Востокъ. И точно, Константинополь былъ поприщемъ болѣе соотвѣтствовавшимъ его достоинствамъ и порокамъ. Умственная борьба была тамъ умѣстнѣе, нежели въ Италіи, и аквитанская тонкость могла тамъ состязаться успѣшно съ вошедшимъ въ поговорку лукавствомъ Сирійца и Грека. Добившись должности дворцоваго чиновника [2], то есть положенія, въ которомъ при помощи нѣкоторой благосклонности и случая можно было достигнуть всего, Галлъ, можетъ быть, долго оставался бы тамъ, несмотря на все превосходство своихъ услугъ, если бы нѣкоторыя особенныя обстоятельства не привлекли къ нему взоровъ монарха.

Ѳеодосій только-что прибылъ на Востокъ, принявъ на себя добровольно изъ религіозной ревности миссію, которая поэтому казалась ему особенно священною: она состояла въ томъ, чтобы возвратить къ никейскому исповѣданію вѣры Восточную имперію, оскверненную со временъ Валента аріанскою ересью. Только подъ этимъ условіемъ принялъ онъ діадему, предложенную ему Граціаномъ [3]. Рожденный въ Испаніи и знакомый только съ Западомъ, новый августъ вначалѣ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ какъ въ своей имперіи и столицѣ, такъ и во дворцѣ своемъ, гдѣ онъ встрѣчалъ—или полагалъ, что встрѣчаетъ—только аріанъ, болѣе или менѣе скрывавшихъ свое аріанство, и гдѣ орудія, необходимыя для его дѣла, прежде другихъ являлись подозрительными въ его глазахъ. Для него было неожиданнымъ счастіемъ въ этой толпѣ людей Востока найти человѣка Запада, и почти соотечественника, потому что мѣста ихъ рожденія были раздѣлены между собою лишь Пиренеями. Ѳеодосій приблизилъ

---

[1] Symm., Ep. III, 81.

[2] ...Claram subrepsit in aulam. (Claud. *In Ruf.* I, V, 177.—Philostorg. XI, 3).

[3] Граціанъ—императоръ Запада съ 375 по 380 г., сынъ Валентиніана I.

его къ своей особѣ, совѣтуясь съ нимъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ; когда же въ этомъ опытномъ совѣтникѣ онъ открылъ человѣка болѣе православнаго, нежели онъ самъ, то его довѣрію не стало болѣе границъ.

Съ этихъ поръ счастіе Руфина двинулось съ быстротою, казавшеюся чудесною. Облеченный большимъ довѣріемъ въ 384 году [1], хотя еще внѣ высокихъ государственныхъ должностей, въ 386 году [2] онъ является преторіанскимъ префектомъ одного изъ большихъ округовъ Востока [3], въ 390 году главою всего гражданскаго управленія, то есть министромъ администраціи и полиціи [4], въ 392 году консуломъ вмѣстѣ со старшимъ сыномъ императора, а въ 394 году префектомъ преторіи in praesenti, то есть правительствующимъ министромъ и первымъ лицомъ въ имперіи послѣ императора [5]. Одна милость смѣнялась другою; вокругъ раздавался ропотъ; онъ достигъ даже слуха самого монарха. „Что же это такое?“ вскричалъ онъ однажды, выведенный изъ терпѣнія замѣчаніями придворныхъ: „кто помѣшалъ бы мнѣ сдѣлать его хотя бъ императоромъ?“ [6] Эти неосторожныя слова погубили Руфина; съ той поры временщикъ уже не зналъ ни предѣловъ своимъ желаніямъ, ни осторожности въ своихъ поступкахъ.

Такое пристрастіе властителя оправдывалось въ его глазахъ

---

[1] Symm., Ep. III, 82.

[2] Gothofr., *Chronol. Cod. Theodos.*, p. 116, ed. Lugd., 1661.

[3] Обязанность *префекта преторіи*, то есть начальника императорской стражи, при императорѣ Августѣ состояла въ охранѣ особы государя. Позже къ той власти, которую давало префекту это положеніе во главѣ императорской гвардіи, въ государствѣ, ставшемъ уже монархіею не наслѣдственною, присоединилось командованіе почти всѣми войсками Рима и Италіи, право налагать уголовныя наказанія въ Италіи (за исключеніемъ Рима и его окрестностей) и связанное съ этимъ полномочіе рѣшать и гражданскія дѣла, а также издавать приказы, которые получали силу закона, поскольку не отмѣняли существующаго права. При раздѣленіи властей гражданской и военной, которое было послѣдовательно проведено Константиномъ В., военная власть отошла къ magistris militum, то есть къ военачальникамъ; гражданскою же властію облекались префекты преторіи, изъ которыхъ каждый стоялъ во главѣ одного изъ четырехъ обширныхъ округовъ (префектуръ), на которые было раздѣлено государство. *Прим. ред.*

[4] *Cod. Theodos.*, t. V, p. 382, col. 2.—Zosim. IV, 51.

[5] Rufinum ibidem reliquit, qui simul et aulae praefectus esset, et ex animi sui arbitratu in quasvis res alias dominatum haberet. Zosim. IV, 57.

[6] Brevi principem videbunt. Zosim. IV, 51.

дѣйствительной полезностью слуги. Ѳеодосій принималъ Константинопольскую имперію въ состояніи совершеннаго разложенія; единство религіозное, единство политическое и даже опредѣленность самой территоріи—все было утрачено въ правленіе Валента. Несмотря на неоспоримую храбрость и еще болѣе несомнѣнную христіанскую ревность этотъ братъ великаго Валентиніана былъ для римскаго міра гибельнѣе самыхъ низкихъ изъ императоровъ и пагубнѣе для христіанства, нежели самъ Юліанъ. Допустивъ на правый берегъ Дуная Визиготовъ, бѣжавшихъ отъ Гунновъ, Валентъ не сумѣлъ ни обезпечить имъ приличнаго гостепріимства, ни удержать ихъ силою въ мѣстахъ, которыя самъ имъ назначилъ [1]. Рядъ его мѣръ нелѣпыхъ или несправедливыхъ возмутилъ этихъ варваровъ, и они изъ пришельцевъ, смиренно просившихъ крова, превратились въ гордыхъ и заносчивыхъ хозяевъ. Представилось зрѣлище странное и невиданное: цѣлый народъ, съ собственными королями, своими законами, своими священниками, говорящій на своемъ варварскомъ языкѣ, бродилъ по римскому государству, вымогая дань съ пріютившей его страны и угрожая ея столицѣ и императору. Таковы были плоды политики Валента.

Что же касается религіи, то его страстная приверженность къ аріанскому ученію поселила въ восточной Церкви смятеніе. Не оставалось болѣе никакого руководящаго начала, никакой узды въ измышленіи символовъ вѣры; императорскій дворъ обратился въ лабораторію формулъ, которыя солдаты навязывали епископамъ и монахамъ, и противъ которыхъ греческое лукавство дѣйствовало другими формулами не менѣе произвольными. Каждая церковь составляла для себя особыя правила и предавала анаѳемѣ прочія. Язычники, безнаказанно поднимая голову дерзко попирали запретительные законы противъ многобожія, и только одни православные подвергались ссылкамъ и предавались въ руки палачей. Такимъ образомъ, когда этотъ безумецъ испустилъ духъ подъ ударами Готовъ въ битвѣ при Адріанополѣ въ 378 году, и Граціанъ предложилъ Ѳеодосію Восточную имперію, которую предстояло возстановить и почти вновь покорить, то Ѳеодосій долго оставался въ нерѣшимости [2]. Уступилъ онъ только

[1] Смотри мою *Исторію Аттилы, его сыновей и преемниковъ*, т. I.

[2] Ambros, de Obit. Theodos., 53, Opp., t. II.

предъ сознаніемъ долга послужить дѣлу, которое было для него самою истиной.

Меча его было достаточно, чтобы возстановить политическое единство, чтобы смести толпы Готовъ, грабившихъ римскія провинціи по обѣ стороны Гемуса и заключить этотъ народъ въ границахъ, которыя онъ имъ опредѣлилъ; но возстановленіе единства религіознаго требовало иныхъ качествъ, нежели качествъ воина. Это стало преимущественно дѣломъ Руфина. Подъ его твердымъ и смѣлымъ руководствомъ оно двинулось шагами увѣренными и быстрыми: епископскія мѣста очищены, православное духовенство вновь возстановлено подъ руководствомъ знаменитыхъ вождей, аріанство стѣснено и обложено кругомъ въ немногихъ мѣстностяхъ, которыя уже оказывались неприступными, а ереси безнравственныя и противохристіанскія сражены безусловнымъ запрещеніемъ, языческій культъ ограниченъ лишь публичными церемоніями, мистеріи же воспрещены, наиболѣе славные храмы разрушены и уничтожены: вотъ что́ изъ году въ годъ, начиная съ 380 г., совершалось въ Восточной имперіи подъ непрестанно возрастающимъ вліяніемъ новаго министра.

Переворотъ, однако, совершался не безъ противодѣйствій и насилій. На мѣры, предпринимаемыя властію, населеніе часто отвѣчало возстаніями, и аріане въ 388 году, намѣреваясь сжечь домъ Нектарія, православнаго епископа въ Константинополѣ, подожгли городъ [1]. Несмотря на такіе безпорядки, единство установлялось и наконецъ восторжествовало. Ѳеодосій, увлеченный великою цѣлію, не желалъ видѣть въ дѣйствіяхъ своего министра ничего, кромѣ пользы, засвидѣтельствованной успѣхомъ, но невольно закрывалъ глаза на все остальное.

Руфинъ, сдѣлавшійся всемогущимъ и, такъ сказать, сопричастнымъ императорской неприкосновенности, попиралъ всякое уваженіе къ справедливости и чести. Не существовало болѣе безопасности для того, кто заявилъ себя его врагомъ или же владѣлъ какимъ-нибудь имуществомъ, способнымъ возбудить его алчность [2], потому что жажда золота развивалась въ сердцѣ выскочки [3] наравнѣ съ духомъ мстительности. А потому увидѣли,

---

[1] Bar., Ann. eccl., an. 388, § 70.

[2] ..... Si forte alicui praedium aliquod fuisset locuples et fertile. Eunap., *Fragm.*, ap. *Scriptor. hist. biz.*, Bonn., 1829.

[3] Crescebat scelerata sitis...

Claud., In. Ruf., 1, V. 220.

какъ подъ неожиданными ударами погибали одинъ за другимъ всѣ тѣ, кто оскорбилъ его или противился его возвышенію, несмотря на все ихъ вліяніе или санъ, и подъ ударами его гнѣва жертва никогда не погибала одна: отецъ увлекалъ съ собою своихъ сыновей, а мужъ свою жену.

Въ 391 году Руфинъ въ самомъ разгарѣ войны приказываетъ схватить [1] при помощи враждебной шайки начальника милиціи Промота, который однажды въ минуту гнѣва ударилъ его по лицу, и велитъ умертвить его [2]. Въ 392 году онъ начинаетъ преслѣдованіе префекта преторіи Таціана, возбудившаго его подозрительность, обвиняетъ его въ расхищеніи государственной казны, самолично судитъ его, ссылаетъ и велитъ у него на глазахъ обезглавить его сына [3]. Когда же Руфинъ производилъ судъ не самъ, то имѣлъ къ своимъ услугамъ судей. Судилища онъ составлялъ изъ людей развращенныхъ, дѣлившихъ съ нимъ имущество осужденныхъ [4]. Онъ избиралъ ихъ часто изъ самыхъ низшихъ классовъ народа. Исторія называетъ одного изъ его любимцевъ, бывшаго ранѣе слугою въ харчевнѣ, который мылъ тамъ лавки, мелъ полъ, а теперь гордо выступалъ въ претекстѣ, съ перстнемъ римскаго всадника на пальцѣ [5]. При помощи такихъ презрѣнныхъ лицъ Руфинъ добывалъ себѣ золото, конфискуя имущества и налагая запрещеніе на нихъ во всѣхъ частяхъ Востока. Собственность богачей и бѣдняковъ, городскія имущества и даже казну императорскую — все присвоивалъ онъ себѣ [6]: у однихъ

---

[1] Главный начальникъ пѣхоты Промотъ спасъ имперію отъ вторженія Остроготовъ; Руфинъ, не вынося соперника, выражалъ къ нему свое презрѣніе. Выведенный изъ терпѣнія, Промотъ нанесъ временщику ударъ въ засѣданіи совѣта, и былъ за то подвергнутъ опалѣ и ссылкѣ: онъ былъ отправленъ на службу на берега Дуная, гдѣ и погибъ въ стычкѣ съ врагами. Смерть его приписывалась коварству Руфина. *Примѣч. ред.*

[2] Zosim., v. 51.

[3] Zosim., v. 52.—Claud., *In Ruf.* I, v. 248.

[4] Omnes causae (apudem eum) judicabantur... Quotquot publica dicasteria judices omnes in gratiam Rufini judicabant. Eunap. *Fragm.*, 1.

[5] Adulatores vero heri quidem et nudius tertius cauponis inservi erant ut et subsellia purgarent et pavimenta verrerent; jam vero chlamides egregie praetextatas, gestabant, et sigillis auro inclusis digitos ornabant. Eunap. *Fragm.*

[6] Eo immensae et improbae avaritiae processit, ut ipse publica manceipia venderet. Eunap. *Fragm.*

.... Aut aufert vivis, aut occupat haeres.

Claud., In Ruf., I, v. 192.—Cf. Suid. voc. Rufin.

онъ отнималъ наслѣдства, заводя несправедливыя тяжбы, у другихъ исторгалъ ихъ угрозами. Дарственные акты и завѣщанія лились дождемъ въ его руки, оставляя дочерей и вдовъ богатыхъ семействъ добычей его клевретовъ.

Если случайно какое-нибудь разоблаченіе, неожиданно всплывшее наружу, угрожало подорвать къ нему довѣріе, то Руфинъ заливалъ его золотымъ дождемъ: тамъ одарялъ онъ церкви, или строилъ новыя изъ самаго лучшаго мрамора; здѣсь, чтобы купить молчаніе оскорбленнаго города, онъ на собственныя средства возводилъ портикъ, долго потомъ служившій предметомъ удивленія всей Азіи [1]. Злодѣй дѣлился награбленною добычею съ Богомъ и съ народомъ. Общественное негодованіе нѣмѣло въ изумленіи передъ такою дерзостію и смѣтливостію, но каждый разъ, какъ только совѣсть Θеодосія казалась обезпокоенною, словно нарочно, являлось какое-нибудь непредвидѣнное событіе, затрогивавшее интересы православной вѣры, чтобы разсѣять опасенія монарха и еще болѣе упрочить могущество его любимца.

Не на однѣ только лучшія стороны этой горячей и ревностной души умѣлъ дѣйствовать Руфинъ, съ цѣлію поработить своего властителя; онъ употреблялъ во зло и недостатки Θеодосія такъ же, какъ и его добродѣтели. Этотъ монархъ, полагавшій весь долгъ и славу своей жизни въ торжествѣ одной идеи, примѣшивалъ къ безкорыстнымъ стремленіямъ своей вѣры чувство, въ высшей степени личное. При малѣйшемъ сопротивленіи ему казалось, что дѣлу его угрожаетъ опасность, а съ нимъ онъ связывалъ самого себя, своего министра, свой престолъ и свою семью. Въ такія минуты сомнѣнія онъ легко давалъ волю своему гнѣву, который, лишь только вырывался наружу, превращался въ безграничную ярость. Извѣстно, какою ужасною казнію покаралъ онъ оскорбленіе, понесенное его статуѣ въ стѣнахъ Θессалоники [2]. Это присовѣтовалъ ему Руфинъ; онъ до-

---

[1] Regium porticum exstruxit (Antiochiae), qua nullum habet urbs aedificium splendidius. Zosim., v. 2.

[2] Авторъ смѣшиваетъ здѣсь два различныя событія: одно—происшедшее въ Антіохіи, другое—въ Θессалоникѣ.

Въ 387 г. Θеодосій, въ гнѣвѣ на то, что Антіохійцы, раздраженные новыми налогами, ниспровергли статуи его и другихъ лицъ императорскаго дома, намѣревался строго наказать возставшихъ, но, благодаря просьбамъ Флавіана, даровалъ Антіохійцамъ амнистію.

Въ 390 г. Θеодосій, поддавшись совѣту Руфина, жестоко наказалъ жите-

велъ его до такого жестокаго раздраженія, и когда св. Амвросій, движимый справедливою строгостію воспретилъ входъ въ свою церковь этому монарху, котораго однако любилъ и уважалъ, то Руфинъ осмѣлился стать между виновнымъ и наложенною на него эпитиміею и требовать, чтобы грѣхъ пролитія крови былъ обращенъ на него [1]. Такъ безпримѣрнымъ растлѣніемъ успокоивалъ онъ совѣсть своего властителя, у котораго раскаяніе сейчасъ же слѣдовало за виною. Руфинъ привязывалъ его къ себѣ узами добровольно принятаго за него безславія, и чрезъ это обезпечивалъ во мнѣніи императора свою неприкосновенность, какъ его сообщникъ.

Когда Θеодосій отправлялся на Итальянскую войну, откуда ему уже не было суждено возвратиться, онъ вручилъ своему всесильному министру управленіе Востокомъ и охрану юнаго Аркадія. Уже подорванное здоровье Θеодосія и война въ предѣлахъ столь отдаленныхъ открывали возможность многимъ случайностямъ, и Руфинъ со смѣлою предусмотрительностію началъ соображать новыя вѣроятности успѣха, посылаемыя ему судьбою. Онъ получилъ отъ Θеодосія уже все, за исключеніемъ престола: на престолъ устремилъ онъ теперь свои взоры [2] и началъ издалека приготовлять себѣ къ нему доступъ, удвоивъ свою щедрость къ православному духовенству и привлекая народное вниманіе благочестіемъ, которое проявлялъ съ благолѣпіемъ, по истинѣ императорскимъ.

Мѣсто для своей лѣтней резиденціи министръ выбралъ на другомъ берегу Босфора, въ предмѣстіи Халкидона, носившемъ

лей Θессалоники за то, что они убили начальника городскаго гарнизона, Гота Ботерика, и съ нимъ нѣсколькихъ офицеровъ, когда онъ заключилъ въ тюрьму одного любимаго наѣздника цирка и отказался освободить его къ предстоявшимъ въ циркѣ зрѣлищамъ. Θеодосій велѣлъ окружить циркъ войсками и перебить собравшійся въ немъ народъ. Св. Амвросій за это наложилъ на императора отлученіе, и вновь допустилъ его въ церковь, не прежде, какъ тотъ принесъ публичное покаяніе въ покаянной одеждѣ. „Великою доблестію", пишетъ по этому поводу историкъ Θеодоритъ, „сіяли и архіерей, и царь. Удивляюсь обоимъ—и дерзновенію одного и благопокорности другаго; удивляюсь и горячей ревности перваго и чистотѣ вѣры въ послѣднемъ". *Примѣч. ред.*

[1] Divinus Ambrosius simul atque Rufinum vidit: «Canum, inquit, impudentiam imitaris, Rufine; nam quum tantae caedis suasor extiteris, pudorem e fronte excussisti...» Theodorit. *Hist. eccl.*, V, 18, ed. H. Vales.

[2] Rufinus imperatorium etiam nomen ad se ipsum trahere omni arte studebat. Philostorg., XI, 3.

названіе Дуба [1]; это предмѣстіе стало въ такую тѣсную зависимость отъ его виллы, что получило отъ него свое имя и называлось съ тѣхъ поръ Руфинополисъ [2]. Воздвигнутая на склонѣ горы, красуясь надъ проливомъ своими порфировыми колоннадами и крышей, сверкавшею золотомъ, вилла Руфина слыла чудомъ своего вѣка [3]. Въ жилищѣ такого ревнителя православія не забыли, конечно, и о церкви; дѣйствительно, тамъ былъ сооруженъ во имя Апостоловъ Петра и Павла Apostolaeum [4], храмъ, столь же обширный, какъ и великолѣпный, къ которому были приписаны монахи, обязанные совершать въ немъ церковную службу [5]. Построеніе этой церкви заканчивалось во время отъѣзда Өеодосія, и Руфинъ торопился освятить ее во время отсутствія императора, чтобы въ этомъ торжествѣ никто не могъ оспаривать у него перваго мѣста.

Несмотря на проявленія своей ревности къ православію, Руфинъ еще не былъ крещенъ; онъ рѣшился окреститься и желалъ, чтобъ его крещеніе совпало съ освященіемъ новаго храма, дабы въ памяти народа слились оба эти воспоминанія. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы придать своему празднику великолѣпіе необычайное. Были вызваны епископы изъ разныхъ округовъ Азіи, и въ назначенный день, 24 сентября 394 года 19 архіереевъ, почти всѣ въ санѣ архіепископовъ, собрались въ Константинополь, гдѣ обсудили и нѣсколько не особенно важныхъ вопросовъ церковнаго благочинія [6], и затѣмъ переѣхали въ виллу Руфина, чтобы совершить двойное священнодѣйствіе: освященіе храма и крещеніе. Епископы застали уже тамъ другихъ гостей, вызванныхъ Руфиномъ изъ дальнихъ краевъ: изъ Өиваиды въ Египтѣ и изъ монашескихъ обителей Понта. То были

---

[1] Δρῦς, дубъ.

[2] Ad. Quercum; id. suburbanum est Calchedonis, quod nunc, ex Rufini nomine appelatur. Sozom., VIII, 17.

[3] Purpureis effulta columnis Atria, prolatae... ad sidera moles. Claud. *In Ruf.* II., v. 135—136. 448. et pass.

[4] О великолѣпіи виллы Руфина и о событіяхъ, которыхъ она служила мѣстомъ см. въ двухъ томахъ моихъ «Разсказовъ изъ римской исторіи», озаглавленныхъ: *Святой Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія*, гл. IV. и — *Несторій и Евтихій*, гл. III.

[5] In quo palatium est ecclesia maxima quam Rufunus ipse in honorem apostolorum Petri et Pauli construxerat. Monachus quoque juxta eum collocavit, qui clericorum in ea ecclesia munus explerent. Sozom. VIII, 17.

[6] Labb. *Concil.,* II, p. 1151.

толпы отшельниковъ, не привыкшихъ участвовать въ мірскихъ зрѣлищахъ, но не считавшихъ себя въ правѣ отказать столь могущественному человѣку. Они прибыли сюда въ довольно значительномъ числѣ [1], предводимые по большей части своими настоятелями, каждый въ одеждѣ своей общины, порою довольно странной: одни прикрытые козьими шкурами, другіе почти нагіе, всѣ съ растрепанными волосами и бородами, которыя придавали имъ видъ дикій, чтó въ тѣ времена почиталось признакомъ святости.

Посреди этого суроваго собранія, насмѣхаясь надъ нимъ въ глубинѣ души своей, сынъ ничтожнаго Аквитанца, грабитель Востока, облаченный въ одежду невинности, сошелъ въ купель крещенія, отъ которой былъ воспринятъ крестнымъ отцемъ Аммономъ, знаменитымъ отшельникомъ Понта [2]. Одинъ изъ великихъ епископовъ того времени, Григорій Нисскій, братъ святаго Василія, также знаменитый своимъ краснорѣчіемъ, не счелъ для себя унизительнымъ въ угоду этому недостойному виновнику торжества произнести назидательное слово, которое дошло и до насъ [3]. Таково было тщеславное крещеніе, которымъ Руфинъ какъ бы открывалъ себѣ всенародно доступъ къ кандидатурѣ на императорскій престолъ.

За этимъ дѣломъ послѣдовали новыя, и Руфинъ постепенно проявлялъ все бóльшую смѣлость. По мѣрѣ того, какъ онъ покидалъ всякое стѣсненіе, онъ находилъ поощреніе въ тѣхъ людяхъ изъ всѣхъ слоевъ общества, которые нуждались въ перемѣнѣ царствованія. Вскорѣ онъ могъ уже разсчитывать на партію, грозную настолько же своей многочисленностію, насколько испорченностію. Аркадій ничего не замѣчалъ, или не смѣлъ замѣтить, довольствуясь лишь тайной ненавистью къ своему министру, но трепеща передъ нимъ и не имѣя силы единолично принять какое-либо рѣшеніе [4]. Въ это время было получено извѣстіе о болѣзни стараго императора, вызвавшее внезапный отъѣздъ Гонорія въ Италію, а затѣмъ и о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни, не оставившей вскорѣ уже ни-

[1] Plurimis eremitis qui ad dedicationem Basilicae convenerant. Pallad., *Hist. Lausiac.*, 12.

[2] Rufinum propriis manibus suscepit sacro fonte mandatum Pallad., *Hist. Lausiac*, 12.

[3] Greg. Nyssen., In suam ordinat., Opp. T. II, p. 65.

[4] Claud, In Ruf. II, v. 14—15.

какой надежды. Въ эту пору неизвѣстности Аркадій и Руфинъ наблюдали другъ за другомъ, повидимому выжидая кончины монарха, но когда одновременно съ вѣстью о смерти Ѳеодосія, стала извѣстна послѣдняя его воля и то главенство, которое умирающій отецъ предоставилъ Стилихону надъ обѣими имперіями, провозглашеніе Гонорія императоромъ Запада, присоединеніе Греціи къ области Востока и опасное противопоставленіе ему Италіи,—то юный монархъ и министръ, встревоженные замыслами Стилихона, инстинктивно сблизились, чтобы встрѣтить грозу вмѣстѣ, и замыслы Руфина были отложены.

Таковъ былъ человѣкъ, въ рукахъ котораго находились на Востокѣ императоръ и имперія. Опекунъ Гонорія, правитель Западной имперіи, казалось, былъ выбранъ нарочно для того, въ противовѣсъ этому мрачному злодѣю. Въ его лицѣ пылкій и гордый солдатъ былъ противопоставленъ хитрому интригану-министру, человѣкъ меча—гражданскому чиновнику, христіанинъ сомнительный—христіанину недостойному, но признанному вождемъ чистаго православія, древній выродившійся Римлянинъ. Типъ испорченности своего вѣка увидѣлъ себя лицемъ къ лицу съ Вандаломъ, Римляниномъ лишь со вчерашняго дня, однимъ изъ тѣхъ мощныхъ отпрысковъ, которые Вѣчный Городъ вызывалъ къ жизни изъ нѣдръ варварскихъ народностей.

Флавій Стилихонъ происходилъ изъ небольшаго племени Силингенскихъ Вандаловъ, которыхъ императоръ Константинъ пустилъ въ Паннонію на правахъ союзниковъ [1]. Родъ Стилихона въ продолженіе шестидесяти лѣтъ несъ службу имперіи, и отецъ его отмѣнный воинъ, при Валентѣ командовалъ варварскою кавалеріей или, какъ выражались тогда поэты, „рыжевласыми отрядами.“ [2] Среди римской молодежи въ школѣ и въ лагерѣ, Стилихонъ получилъ полное воспитаніе римскаго юноши, и въ немъ рано уже можно было замѣтить живую понятливость, острый умъ, даръ слова и вкусъ къ наукамъ, соединенный со страстью къ оружію. Такое воспитаніе, развивъ его дарованія, воспламенило душу; онъ восхищался Римомъ, любилъ его и отождествлялъ себя съ нимъ даже въ его прошломъ. Чувствовать себя Римляниномъ, ставить себя на мѣсто тѣхъ героевъ, которыхъ ему представляла исторія и мѣсто которыхъ онъ занималъ те-

[1] Oros. VII., 38.

[2] ... Rutilantas crinibus alas. Claud., *de Laud. Stilic.*, I., v. 38.

перь въ Римѣ, еще могущественномъ, было очаровательнымъ предметомъ его мечты. Для того, чтобы угодить этому Вандалу, достаточно было сравнить его съ Фабриціемъ, Курціемъ [1] или Камилломъ [2]: какою гордостью должно было переполниться его сердце, когда одинъ поэтъ, котораго современники считали равнымъ Виргилію, выступилъ, при рукоплесканіяхъ сената и народа, провозглашая себя Энніемъ новаго Сципіона [3]. Словомъ, разстояніе между этими новыми и энергичными племенами, изъ среды которыхъ Римъ въ то время вербовалъ своихъ защитниковъ, и Римлянами первыхъ вѣковъ было менѣе, нежели между Цинциннатомъ или древнимъ Катономъ и выродившимся ихъ потомствомъ.

Стилихонъ, соединившій судьбу свою съ нарождавшимся величіемъ Ѳеодосія, возвышался вмѣстѣ съ нимъ; онъ сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. „Ѳеодосій никогда не сражался безъ тебя,“ говорилъ ему Клавдіанъ, „ты же сражался и безъ него“. Сдѣлавшись послѣдовательно начальникомъ милиціи, главнокомандующимъ, патриціемъ и родственникомъ монарха, Стилихонъ не имѣлъ равнаго себѣ въ имперіи въ то время, когда Ѳеодосій долженъ былъ позаботиться о выборѣ двухъ правителей, и онъ поручилъ Стилихону Западъ вмѣстѣ съ опекунствомъ надъ Гоноріемъ. Онъ сдѣлалъ болѣе: чтобы еще прочнѣе скрѣпить узы, онъ обручилъ юнаго императора со старшею дочерью будущаго правителя, по имени Маріей [4]. Вторая дочь, Ѳерманція, и девяти или десятилѣтній сынъ Евхарій вмѣстѣ съ Маріей составляли семейство Стилихона и Серены [5].

Въ продолженіе десяти лѣтъ, когда зять Ѳеодосія держалъ въ своихъ рукахъ управленіе войсками, онъ составилъ себѣ громкую славу человѣка справедливаго и безкорыстнаго, хотя послѣднее

---

[1] Nunc libet, ut tanti Curiis miracula voti.
Fabriciisque feram...
Claud. *de Laud. Stilic.*, II, v. 379.

[2] Splendida suscipiant alium te rostra Camillum.
Claud., de Laud. Stilic., v. 390.

[3] Noster Scipiades Stilico..
Claud., de Consulat. Stilic., praefat., v. 21.

[4] Sed quae sponsa mihi pridem, patriisque relicta
Mandatis...
Claud., de Nupt. Honorii et Mariae, v. 29—30.

[5] См. мою „Исторію Галліи подъ римскимъ владычествомъ“, т. II, стр. 24.

151-00

качество впослѣдствіи было у него оспариваемо. Въ особенности признавали въ немъ умѣніе управлять войсками союзниковъ и поддерживать равновѣсіе между ними и воинами римскими, умѣніе въ ту эпоху весьма важное, которое онъ могъ почерпнуть въ школѣ Ѳеодосія, но которое было предназначено уже самымъ его происхожденіемъ и превосходнымъ знаніемъ характера варваровъ. [1]

Было достаточно поводовъ сомнѣваться въ его религіозныхъ чувствахъ, и въ сущности Стилихонъ походилъ на большинство солдатъ его времени, для которыхъ правила вѣры были не болѣе, какъ правилами дисциплины, и которые охотно читали ея символъ на знамени каждаго вождя, платившаго имъ жалованье. Тѣмъ не менѣе во время безпорядковъ послѣдней борьбы Стилихонъ заявилъ себя поступками, которые могли бы быть объяснены развѣ только чрезмѣрнымъ фанатизмомъ христіанина. Такъ, напримѣръ, онъ приказалъ снять съ дверей Капитолія доски изъ чистаго золота, которыми онѣ были обложены и до которыхъ даже въ самомъ разгарѣ междоусобныхъ войнъ никто еще не осмѣливался коснуться [2]. Серена, по его примѣру, сорвала съ шеи статуи Весты жемчужное ожерелье и надѣла на себя, а когда одна старая весталка упрекнула ее за это святотатство, Серена приказала постыдно оскорбить ее: прибавляли, что жрица, среди проклятій, обращенныхъ ею къ Серенѣ, предсказала, что это ожерелье нѣкогда задушитъ ее. [3] Въ довершеніе всего Стилихонъ приказалъ сжечь остатки Сивиллиныхъ книгъ, эти столь чтимыя пророчества, въ которыхъ языческій Римъ читалъ судьбы свои [4].

На основаніи всего этого можно было бы счесть новаго правителя неумолимымъ врагомъ язычества: но онъ вовсе не былъ таковъ, и мы видимъ, что онъ искренно и рѣшительно заявилъ себя сторонникомъ политики, которая открыла свои дѣйствія обнародованіемъ амнистіи.

Какъ хранитель послѣднихъ предначертаній Ѳеодосія, онъ

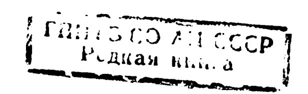
---

[1] Nunquam animadversum est eum militibus, interveniente pecunia, magistratus praefecisse, vel annonam militarem in lucrum suum vertisse.
Zosim., V, 34.

[2] Fores Capitolii romani... laminis aureis mandavit ut spoliarentur.
Zosim., V, 38.

[3] Quidquid illa dignum impietate foret... imprecatur. Zosim, V, 38.

[4] Ante Sibyllinae fata cremavit opis. Rutilii Itinerar., II, v. 52.

AP 50
.R95
v.4
Jan
1893

Russkoe obozrĭ-
ènie.

U of Chicago
23651878